

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ОСНОВЫ
ФИННО-УГОРСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Марийский, пермские
и угорские языки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1976

Книга является продолжением выпусков коллективного труда «Основы финно-угорского языкознания», вышедших в 1974—1975 гг. В отличие от первого выпуска, посвященного общим вопросам финно-угорского языкознания, настоящий выпуск (как и предыдущий), содержит очерки по отдельным языковым ветвям: по марийскому, пермским и угорским языкам. К книге приложен указатель слов, относящийся ко всем трем выпускам и составленный в основном по материалу разделов, посвященных исследованию лексики языковых ветвей или финно-угорского (уральского) языка-основы.

Редакционная коллегия:

доктора филологических наук В. И. ЛЫТКИН,
К. Е. МАЙТИНСКАЯ, КАРОЙ РЕДЕИ
(ответственные редакторы);

кандидаты филологических наук
ЯНОШ ГУЯ, А. П. ФЕОКТИСТОВ,
Г. П. ЕРМУШКИН (секретарь)

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК¹

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Расселение и численность мариЙцев. МариЙцы являются одним из древнейших народов Среднего Поволжья. Вплоть до самой Октябрьской революции их официально называли «черемисы», самоназванием же мариЙцев всегда было «мариЙ», «мари» (в диалектах «мары»), что означало также 'муж', 'человек', 'мужчина'. В настоящее время в значении 'человек', 'мужчина' слово *мари* уже не употребляется. Оно обозначает только понятия 'принадлежащий к национальности мари', 'муж'. С установлением Советской власти официальным названием стало «мари», «мариЙцы».

После Октябрьской социалистической революции мариЙцы получили автономию — декретом Советского правительства от 4 декабря 1920 г. была образована МариЙская автономная область, которая в 1936 г. была преобразована в МариЙскую автономную Советскую Социалистическую республику. Столицей республики является город Йошкар-Ола, в переводе означающий 'Красный город' (*йошкар* 'красный', *ола* 'город'). Он был основан под названием Царевококшайск в 1584 г. как крепость на левом притоке Волги — реке Малая Кокшага. МариЙцы его называли Чарла 'Царский город'. В 1918 г. город был переименован в Краснококшайск, а в 1927 г. — в Йошкар-Ола.

Численность мариЙцев по данным переписей населения в 1897 г. составляла 365 900 чел., в 1926 г. — 426 000 чел., в 1939 г. — 481 000 чел., в 1959 г. — 504 200 чел., в 1970 г. — 599 000 чел.

Около половины мариЙцев проживает за пределами МариЙской республики, а именно: в районах областей, смежных с МариЙской АССР, — в Кировской (51 682 чел.) и Горьковской (8793 чел.) обл., Татарской АССР (15 643 чел.), а также на территории Башкирской АССР (109 638 чел.), Удмуртской АССР (7842 чел.), в Пермской обл. (6247 чел.). В незначительном количестве мари проживают в Челябинской, Саратовской, Куйбышевской, Новосибирской и др. областях Российской Федерации, кроме того — в Казахской, Украинской и Узбекской ССР.

¹ Правоммерно и выражение «мариЙские языки», когда речь идет о литературных языках, поскольку имеются отдельные горномариЙский и луговосточный мариЙский литературные языки.

Однако на территории Чувашской АССР, с которой граничит Марийская республика, нет марийских селений, хотя по данным последней переписи и проживает здесь 2079 марийцев.

В Кировской обл. марийцы проживают в Лебяжском, Малмыжском, Нолинском, Пижанском, Санчурском, Уржумском, Шурминском, Яранском, Кикнурском, Тужинском р-нах. В Горьковской обл. — Тоншаевском, Шарангском и Тонкинском р-нах, в Татарской АССР — Елабужском, Актанышском и Муслимовском р-нах. В Башкирской АССР марийцы селились главным образом по рекам Белая и Уфимка с их притоками, проживают в Мишкинском, Калтасинском, Бирском, Балтачевском, Дюртюлинском, Краснокамском, Шаранском, Янаульском и в небольшом количестве в некоторых других районах республики.

В Удмуртской АССР марийские населенные пункты имеются в Алнашском, Граховском, Каракулинском р-нах; в Свердловской обл. — в Артинском, Ачитском, Бисертском, Красноуфимском, Манчажском и Сажинском р-нах; в Пермской обл. — в Осинском, Кисертском, Суксунском, Щучьеозерском р-нах.

§ 2. Из истории марийского народа. Этноним мари заимствован из древнеиранского языка. В языках индоевропейской семьи ему в значении 'человек', 'муж', 'мужчина' соответствуют санскр. *manu*, др.-перс. *mērak*, *martiya*, перс. *mar*, скиф. *mārd*, курд. *mar* 'человек', фр. *mar* 'муж', 'супруг' (ср. также англ. *man* 'жениться')².

Первые марийцы упоминаются в сочинении историка готов Иордана в VI в. н. э. под названием «цармис», «сремисканс»³, что фонетически близко к названию «черемис». Происхождение термина «черемис» до сих пор не получило удовлетворительного объяснения.

Древние марийцы, по-видимому, имели культурные и экономические связи в числе других народов, населявших Среднее Поволжье, с завоевавшими Нижнее Поволжье иранскими, а затем и тюркскими племенами (хазарами). Имеются сведения о сборе дани среди народов Среднего Поволжья, подвластных хазарам. В письме хазарского царя Иосифа к министру финансов при испанском халифе Хасан Ибн-Шапруту (около 960 г. н. э.) говорится: «Ты меня спрашиваешь о моей земле и о протяжении моего государства — уведомляю тебя, что я живу при реке Итиль. При конце этой реки находится море Джордан. При этой реке живут многие народы в городах и селах, в открытых и укрепленных местах, вот названия их: Бургас, Булгар, Сувар, Ариец, Цармис, Север и Славиун. . . Каждый из этих народов многочислен, и все они платят мне дань»⁴. Не менее интересны в этом отношении факты,

² Л. Н. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1899.

³ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 99.

⁴ А. Я. Гаркави. Некоторые данные по исторической географии и этнографии России из рукописей, недавно приобретенных Императорской

приводимые в памятнике древнерусской письменности XII в. «Повесть временных лет». В нем пишется: «На Беле озере сидят весь, а Ростове-озере меря, а на Клещине-озере меря же; а по Опе, по реце, где потече в Волгу, сядят мурома язык свой, а черемиса язык свой»⁵.

§ 3. В настоящее время марийцы занимают те же земли, на которых они жили издревле. Однако археологические и топонимические данные говорят о том, что марийцы и родственные им финно-угорские племена (мурома и меря) в прошлом занимали более обширную территорию, доходящую с запада до поймы реки Оки, а с северо-запада — до реки Костромы⁶.

Процесс формирования марийской народности (вероятно, с выделением ее из марийско-мордовской общности) археологи относят к середине I тыс. н. э. Он происходил на основе взаимоассимиляции культур Прикамско-Уральского (азелинские племена) и Волго-Окского (позднегородецкие племена) бассейнов. На Вятке ассимилирующими явились первые, а на Ветлуге — вторые, они и дали основу для формирования луговых (азелинские племена) и горных (позднегородецкие племена) марийцев⁷. Процесс разделения единой древнемарийской народности на диалектные группы был длительным, и вопрос о возникновении довольно сильно различающихся групп мари — луговых и горных — нельзя считать окончательно решенным. Несомненно одно: в XV—XVI вв. деление на горных и луговых мари уже существовало, об этом свидетельствуют письменные источники того времени: «Две бо черемисы бе в Казанской области. . . ; едина убо черемиса об сю сторону Волги сидят, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; луговая же черемиса об ону сторону Волги живет, и та ся наричет луговая»⁸.

Существование марийско-мордовской общности некоторыми учеными берется под сомнение, так как в настоящее время эти языки очень сильно разошлись, история этих языков дает мало материала, который мог бы служить доказательством волжской общности языков⁹.

Однако в истории волжских языков имеются отдельные моменты, свидетельствующие о существовании (по-видимому, непродолжительное время) марийско-мордовской языковой общности. Общими для этих языков (эрзя-мордовского, мокша-мордовского и марийского) являются некоторые грамматические особенности:

публичной библиотекой. «Труды Археолог. съезда в России», т. I, отд. 2. Казань, 1884, стр. 254.

⁵ ПСРЛ I 10—11.

⁶ См.: К. А. Четков — Тр. Мар. VI; статьи Г. А. Архипова, И. С. Галкина, Е. И. Горюновой, Л. Л. Трубе — Происх. мар. 36—52, 203—210, 70—78, 210—214.

⁷ Г. А. Архипов — Происх. мар. 41—42, 46.

⁸ «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 86.

⁹ См. Ф. § 33.

древняя система падежей (наличие форм s-овых направительных падежей, аблатива, генитива с одними и теми же показателями); особые формы местоимений (ср. мр. *тумбалне*, э. *томбалне* 'на той стороне'); ряд фонетических процессов — сужение гласных, отпадение конечных гласных или даже слогов, ассимиляция согласных и др.; наличие ряда словообразовательных суффиксов, форм глагола и др., а также слов, общих для волжской группы финно-угорских языков, т. е. слов, встречающихся только в мордовском и марийском языках (мр. *йошкарге*, э. *якстере* 'красный'; мр. *киш*, м. *кяше*, *кеше* 'смола', 'живица'; мр. *мураш*, э. *морамс* 'петь'; мр. *муш*, э. *мушко* 'кудель'; мр. *тошто*, э. *ташто* 'старый' и др.).

§ 4. Древние марийцы после распада волжской общности довольно долгое время контактировали с пермскими племенами, их близкими соседями на северо-востоке. На это указывают данные археологии, топонимии и языка. Удмурты и в настоящее время являются соседями мари, и нередко удмуртские деревни перемежаются с марийскими. Не случайным поэтому следует считать наличие марийских деревень, носящих название *Одосола*, что значит 'Удмуртская деревня' (*одо* — наименование удмуртов в марийском языке), или включающих компонент *одо* в свое название: *Одобеляк* (Куженерский р-н МАССР), *Одо* (Яранский р-н Кировской обл.), городище *Одо илем* (около Санчурска), *Одо илем* (Оршанский р-н МАССР)¹⁰. На длительный контакт с пермскими племенами указывает большое число марийских слов, общих с пермскими, т. е. встречающихся только в марийском и пермских языках. Из 700 (приблизительно) слов общепермско-угорского происхождения, имеющих в марийском языке, большинство является общими с пермскими языками. Сюда входят названия явлений природы, частей тела, животных и т. д.¹¹

Марийские деревни в Прикамье, Приуралье и на Урале возникли в результате переселения мари с Поволжья, что, вероятно, началось еще до XVI в. как результат протеста марийского населения против притеснений, чинимых мурзками Казанского ханства¹². Марийцы, спасаясь от угнетения, уходили в необжитые глухие места нынешней Башкирии и Урала.

Следующий поток переселенцев приходится на конец XVI в., когда марийцы, спасаясь от репрессий, проводимых ставленниками Ивана IV после взятия Казани (часть луговых мари выступала в составе ханского воеводства), бежали с обжитых мест в чужие края. В этот период происходят массовые восстания марийцев против притеснений, чинимых царскими чиновниками.

Массовое переселение на Восток наблюдается в конце XVII — начале XVIII в. Объясняется оно экономическими (подушная

¹⁰ И. С. Галкин — Прогр. мар. 27; Гр. Удм. XVIII 141—144.

¹¹ Г. Берекчи — Congr. I 202—203.

¹² А. Саввич — «Исторический журнал», 1938, № 5; Г. Н. Айилатов — Прогр. мар. 140—146.

подать, рекрутские наборы) и религиозными притеснениями (насильственная христианизация), проводимыми царским правительством, церковью.

Переселение мари на Восток происходило и позднее — в XIX в. В поисках лучших земель мари́йцы добровольно переселялись целыми деревнями не только на Урал, но и в Сибирь. На новых местах мари́йцы вступали в определенные взаимоотношения с местным населением, каковыми в этом районе были башкиры и татары. Язык пришлого мари́йского населения в этих районах со временем претерпел значительные изменения (особенно в лексике) под влиянием тюркских языков и в настоящее время считается особым, восточным, наречием мари́йского языка.

§ 5. В мари́йском языке нашли отражение те экономические и культурные связи, какие имел народ в своем историческом развитии. Иноязычное влияние отразилось во всех уровнях мари́йского языка — фонетике, лексике, морфологии и синтаксисе. В большей степени оно наблюдается в фонетике и лексике.

Наиболее мощный древний пласт иноязычных слов в мари́йском представляют тюркские заимствования, проникавшие в язык в течение многих веков. Период влияния тюркских языков на мари́йский начинается с VII в. н. э., когда в район Волго-Камья стали приходить (со стороны Северного Кавказа и Приазовья) болгарские племена, основавшие затем на Волге г. Булгар, столицу могущественного Булгарского государства. Булгары имели интенсивные торговые связи с купцами Средней Азии, арабских стран, древней Руси. Булгарские купцы торговали медом, пушницей, воском и другим сырьем, значительную часть которого скупали у окружающего населения (в том числе и у мари́йцев).

В начале XIII в. на Булгарское государство обрушились татаро-монгольские орды, и с начала XIV в. г. Булгар как административный и культурно-экономический центр перестал существовать. Часть волжских булгар, а именно сува, или сувар, ассимилировала местное финно-угорское население (вероятнее всего мари́йское), вследствие чего сформировалась чувашская народность. Чувашский язык сложился под сильным воздействием мари́йского и, возможно, некоторых других финно-угорских языков, ныне исчезнувших¹³.

После гибели Булгарского государства Мари́йский край находится под гнетом татаро-монгольского владычества, а затем входит в состав Казанского ханства до тех пор, пока оно не было завоевано и присоединено к Русскому государству в середине XVI в.

Тюркское (особенно чувашское) влияние на все стороны жизни мари́йцев оказалось весьма сильным. Оно получило отражение в мари́йском языке, а на диалектном уровне продолжается и в настоящее время. В мари́йский язык вошло большое число тюрк-

¹³ Б. А. Серебряников — Уч. зап. Чув. XIV, 1956.

ских лексических заимствований, включая и личные имена. Тюркские языки оказали сильное влияние и на фонетику марийского языка¹⁴. Анализ тюркских заимствований показывает, что большинство из них чувашского происхождения, татарских же значительно меньше¹⁵. Особенно это заметно на горномарийском и северо-западных диалектах, в которых чувашских заимствований значительно больше, чем в луговом наречии.

В восточном наречии марийского языка имеется большое число поздних заимствований (начало XVI в.) из татарского и башкирского языков, кроме того, наблюдается вытеснение некоторых общемарийских слов (часть их финно-угорского происхождения) башкирскими и татарскими, например: мр.-луг. *ужга*, мр.-в. *küräk* < башк. *kjrek* 'шуба', мр.-луг. *лудаш*, мр.-в. *окаш* < тат. *уку* 'читать'.

Под влиянием тюркских языков в марийском изменилась система ударения (сходство в постановке словесного ударения в чувашском и луговом марийском)¹⁶, возникла гармония по огубленности и др. Тюркским влиянием объясняется также возникновение в марийском языке ряда словообразовательных и словоизменительных суффиксов, развитие в марийском системы сложных форм прошедших времен, кратких и полных форм прилагательных и т. д. (см. § 41, 44, 45, 47, 67, 78).

§ 6. Наиболее поздними по происхождению в языке марийцев являются русские заимствования. В марийском нет заимствований, относящихся к периоду общеславянской общности. Имеются слова из древнерусского языка, но они, по всей вероятности, проникли в марийский из языка болгар, которые, как известно, имели с древней Русью торговые связи. К таковым относятся некоторые слова, связанные с домашним обиходом и хозяйством, например: *тренча* // *транза* < чув. *тёрнече* 'дранка', 'драница'; *кјнчыла* // *кызала* < чув. *кенчеле* 'кудель'; устарелое *кыремга* // *кёрвенга* < чув. *кёревенке*, *кёренке* 'фунт' < русск. *гривна*, *гривенка*¹⁷.

Непосредственное заимствование из русского языка в марийский началось с приходом русских в Поветлужье (XIII—XIV вв.). «В XIV в. создается Суздальско-Нижегородское княжество, включающее в сферу своего влияния горномарийское население. Марийское население среднего и верхнего течений Ветлуги и верховья Унжи в XIII—XIV вв. испытывало русское влияние в основном со стороны Галичского княжества»¹⁸. В середине XVI в.

¹⁴ См. главу «Фонетика» настоящей работы, стр. 32—42.

¹⁵ Räs. Tschuw. Lehnw.; Räs. Tat. Lehnw.

¹⁶ Б. А. Серебряников. — Уч. зап. Чув. XIV.

¹⁷ Здесь и далее знаком // отделены варианты слов, фонем, аффиксов и т. д. двух литературных языков; на первом месте находится вариант из лугово-восточного, на втором (после //) из горномарийского литературного языка.

¹⁸ «Очерки истории Марийской АССР». Йошкар-Ола, 1965, стр. 60—61.

(после взятия в 1552 г. войсками Ивана IV Казани, причем в союзе с русскими выступали и марийцы, главным образом горные) Марийский край вошел в состав Русского государства, и вскоре на марийских землях был построен ряд городов-крепостей: в 1574 г. — Кокшайск (на левом берегу Волги, близ устьев Большой и Малой Кокшаги), в 1583 г. — Козьмодемьянск (на правом высоком берегу Волги), в 1584 г. — Царевококшайск (в дремучих лесах на берегу Малой Кокшаги), Санчурск и Уржум, в 1591 г. — Яранск. Выстроенные города населялись русскими (стрельцами, служилыми людьми, приказными, духовенством, торговыми людьми и пр.), приток русских слов в марийский с этого времени непрерывно растет и в настоящее время составляет значительную часть лексики марийского языка.

Особенно увеличилось число русских заимствований в советское время в связи с интенсивным участием марийцев в общественно-политической и экономической жизни страны, а также ликвидацией неграмотности среди населения. Марийцы в настоящее время в подавляющем большинстве владеют русским языком, хотя бытовая разговорная речь в домашнем обиходе обычно ведется на марийском языке.

§ 7. Д и а л е к т ы. На диалектные расхождения, существующие в марийском языке, исследователями было обращено внимание давно¹⁹.

Долгое время считалось, что марийский язык распадается на три основных наречия: луговое, горное, восточное. В последнее время предлагается иная классификация наречий марийского языка: диалекты, бытующие на территории к северо-западу от Марийской республики (в пограничных районах с Кировской и Горьковской обл.), рядом языковедов республики выделяются в четвертое, так называемое северо-западное наречие, т. е. в особое наречие объединены диалекты, часть которых по давно установившемуся делению на три наречия принадлежала к говорам горного наречия (яранский говор), а другие считались переходными, включающими в себя черты как лугового, так и горного наречий²⁰.

В зарубежной литературе традиционным является деление на два наречия: луговое (или восточное) и горное (или западное).

До сего времени все еще нет обобщающего исследования о диалектах марийского языка, хотя по инициативе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории совместно с кафедрой марийского языка Марийского пединститута проделана большая работа по изучению диалектов, бытующих как на территории Марийской республики, так и за ее пределами²¹.

¹⁹ См.: В u d e n z J. Erdei- és hegyi-cseremisiz szótár. — NyK IV; ВеккеИссл.

²⁰ См.: Л. П. Г р у з о в. Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960, стр. 14—31 (раздел «Введение» написан Н. Т. Пенгитовым).

²¹ См.: статьи И. С. Галкина, Л. П. Грузова — Тр. Мар. XIII; И. С. Галкин — Тр. Мар. XV; Груз. Диал.

По ряду диалектов имеются монографические исследования, а также статьи, описывающие фонетические, морфологические и синтаксические особенности отдельных диалектов²².

К настоящему времени наиболее полно изучено луговое наречие. В последние годы интенсивно велось изучение северо-западных диалектов, результатом чего и явилось выделение их в особое наречие²³.

Менее всего изучено восточное наречие: все еще не определены составляющие его говоры, их территориальное расположение. Трудности в изучении говоров восточного наречия объясняются прежде всего их разбросанностью по весьма обширной территории.

§ 8. В состав лугового наречия входят говоры: волжский (Звениговский, Волжский р-ны), моркинско-сернурский (Моркинский и Сернурский р-ны), йошкар-олинский (Медведевский, Оршанский, Советский, Йошкар-Олинский р-ны), пижанский (Пижанский р-н Кировской обл.), пектубаевский (Пектубаевский р-н), сардаляско-арборский (Мари-Турекский р-н Мар. АССР).

Моркинско-сернурский говор лугового наречия лег в основу лугово-восточного марийского литературного языка.

В говоре восемь гласных фонем: *a, o, u, â, i, e, ö, ü* и 19 согласных: *β, γ, δ, ž, z, j, k, l, l', m, n, ñ, η, p, r, s, t, č', š*. В советское время в фонетику говора вместе с заимствованными словами вошли *f, x, c, b, t', š'*.

Лексика говора близка к лексике литературного языка, однако беднее по лексическому запасу, кроме того, включает в себя некоторое количество узко местных слов, как например, *расэrik* (лит. *шагал*) 'немножко', 'мало', *âžəra* (лит. *неш*) 'очень' и др.

В говоре три формы мн. числа: а) множественность однородных предметов выражается при помощи суфф. *-ša'mâč': ü·där-šamâč'* 'девушки', *pört-šamâč'* 'дома', *šo·râk-šamâč'* 'овцы'; б) групповая множественность лиц, состоящих в родственных, дружественных и т. д. отношениях, выражается при помощи суфф. *-mât: ač'a·mât* 'мой отец вместе с близкими, кто с ним', *iza·mât* 'мой дядя (или старший брат) с близкими, кто с ним'; в) обстоятельственная множественность (обычно со словами, имеющими пространственное, иногда временное значение) выражается при помощи суфф. *-la: jalla·šte* 'в деревнях', *o·lâkla* 'луга', *keč'âla·šte* 'на днях'.

Деепричастия предшествовавшего действия образуются при помощи суфф. *-töŋgö* (лит. *-мек, -меке*): *kajmö·ŋgö* 'после ухода', 'уйдя' (лит. *каймеке*).

В волжском говоре в отличие от литературного языка имеется краткая (редуцированная) огубленная гласная фонема заднего ряда среднего подъема *n*, встречающаяся на месте литературной *y*

²² См., например, статьи: Н. И. И с а н б а е в — Тр. Мар. XVIII, а также Вопр. мар. 1; З. В. У ч а е в — Тр. Мар. XVIII и др.

²³ ИвановТужаров Сев.-зап.; И. Г. И в а н о в, Г. М. Т у ж а р о в. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.

как в ударных, так и в предударных слогах, а в некоторых населенных пунктах и переднего ряда *ʔ* на месте литературной *ȳ*: *lndo* (лит. *лудо*) 'утка', *mnr̥ktaš* (лит. *мурыкташ*) 'заставить петь'; *ʔdʔg* (лит. *ȳдыр*) 'девушка', *kʔr̥t̥n̥o* (лит. *кȳртньо*) 'железо' и др.

Специфическими для волжского говора согласными являются *ž*, *š*, *t'*, *ř*, *č*, употребление которых не обусловлено их фонетическим положением: *šužo* 'глухарь', *iže* 'маленький', *maška* 'медведь', *řiřō* 'брага', *šurē* 'борона', *at'a* 'отец', *kuťka* 'пиджук', *čüčkəđō* 'частый', *řičaš* 'ждать' и др.²⁴

В лексике говора наблюдаются узко диалектные слова: *sarsī* (лит. *пёрткайык*) 'воробей', *patrak* (лит. *ваикȳзō*) 'ножницы', *suto* (лит. *волгыдо*) 'светло' и др.

В говоре употребляется словообразовательный суфф. -*č'o*, -*č'ō*, -*č'e* (лит. -*зо*, -*зō*, -*зе*); *üč'əč'ō* (лит. *ȳчызō*) 'мститель'; инфинитив долженствования образуется при помощи суфф. -*māla* (лит. -*ман*): *ludmāla* (лит. *лудман*) 'надо читать'; форма 3-го лица ед. числа глаголов прош. I образуется с помощью окончания -*eše* (лит. -*ыч*): *pppo ludeše* (лит. *лудыч*) 'они читали', а отрицательная форма этого глагола — с помощью суфф. -*er*: *pppo əš ludep* (лит. *нуно ышт луд*) 'они не читали'.

Пошкар-Олинский говор характеризуется наличием специфических кратких гласных *n* (заднего ряда, среднего подъема, огубленный) и *ʔ* (переднего ряда, среднего подъема, огубленный): *pn̥ga:k* (лит. *пурак*) 'пыль', *pn̥p̥l* (лит. *ȳмыл*) 'тьма', употреблением *s* или *t'* на месте аффрикаты *č'* в литературном: *sücü* (лит. *чүчү*) 'дядя', *pa't'a* (лит. *пача*) 'ягненок', заменой гласных: *sir* (лит. *сер*) 'берег', *řəč'kəž* (лит. *вичкыж*) 'тонкий'.

В говоре имеются суффиксы, отсутствующие или же выступающие в несколько ином оформлении в литературном языке. К ним относятся суфф. -*št̥šəš* (лит. -*се*, -*со*, -*сō*), образующий относительные прилагательные: *ola:št̥šəš* (лит. *оласе* 'городской'); -*da*, -*ta* (лит. -*са*, -*за*), образующий форму 2-го лица мн. числа глаголов повелительного наклонения: *lutta* (лит. *лудса*) 'читайте'; суфф. -*eše* (лит. -*ч*, -*ыч*), образующий форму 3-го лица мн. числа прошедшего I: *pppn lude:še* (лит. *нуно лудыч*) 'они читали'. Весьма своеобразно оформляется в говоре отрицательная форма прошедшего II: *ludəna:m o:γəl* (лит. *лудын омыл*) 'я не читал', *ludəpna o:γəl* (лит. *лудын онал*) 'мы не читали'.

Множественное число существительных образуется при помощи суфф. -*ša:məš* (для выражения множественности однородных предметов), -*mət* (показатель групповой множественности): *jeŋ-šaməš* 'люди', *ač'a:mət* 'мой отец и те, кто с ним'.

Диалектные слова в говоре: *šoŋšo* (лит. *полан*) 'калина', *i:γo-dəm* (лит. *эрдене*) 'утром', *ogaži* (лит. *пёрткайык*) 'воробей' и др.;

²⁴ Г. И. Лаврентьев — Вопр. мар. II 89—101.

большое число русских заимствований: *tokgor'ka* 'морковь', *oγ'γeo* 'огурец', *šti* 'суп' и др.

§ 9. Горное наречие в территориальном отношении и по числу говорящих на нем не имеет большого распространения (на нем говорят мари, проживающие на территории Горномарийского р-на Мар. АССР и Воскресенского р-на Горьковской обл.). Горное наречие является довольно цельным, различия в языке марийцев, проживающих в этих двух районах, незначительны. На основе козьмодемьянского (Козьмодемьянск — районный центр Горномарийского р-на Мар. АССР) говора в первые годы Советской власти был создан горномарийский литературный язык, поскольку чтение и понимание литературы горными мари на луговом наречии затруднялось из-за значительных фонетических и лексических расхождений, существующих между горным и луговым наречиями.

Фонетические особенности горного наречия проявляются в системе фонем и ударения. Вокализм его представлен 10 фонемами: *a, y, o, ы, и, e, ä, ŷ, ö, ь[э]*. Специфическими гласными горного наречия являются переднеязычные *ä* и *ь[э]*, например: *ŷd̄ir // ьd̄ir* 'девушка', *ava // äva* 'мать'.

Существуют довольно последовательные звуковые корреспонденции (особенно в первом слог) между луговым и горным наречиями. На это в свое время обратил внимание еще М. Веске и выявил следующие звуковые соответствия между гласными лугового и горного наречий: *a // a* *vahtar // vahtar* 'клен'; *a // ä* — *vaki // väki* 'мельница', *päsa // päšä* 'работа'; *a // э* (орф. *e*) — *жап // жеп* 'время', *каласаш // келесаш* 'сказать'; *o // o* — *понго // понгы* 'гриб', *чонешташ // чонгешташ* 'летать'; *o // a* — *вож // важ* 'корень', *когыльо // кагыль* 'пирог'; *o // ы* — *мошташ // мышташ* 'уметь'; *y // y* — *курныж // курныж* 'коршун'; *y // ы* — *мужыр // мыжыр* 'пара', *ужга // ыжга* 'шуба'; *y // o* — *кугу // кого* 'большой', *руаш // роаш* 'рубить', *ŷ // ŷ* — *ŷdash // ŷd̄ash* 'сеять', *шŷлаш // шŷläш* 'дышать'; *ŷ // и* — *вŷма // вимä* 'помочь', 'общественная помощь', *ŷмаште // имешты* 'в прошлом году'; *ŷ // ь[э]* — *ŷd̄ // ьd̄* 'ночь', *шŷжар // шŷжär* 'младшая сестра'; *ы // ы* — *ныжылге // ныжылгы* 'нежный', 'мягкий'; *тыгыде // тыгыды* 'мелкий'; *ы // ь[э]* — *вынер // ьнёр* 'холст'; *ы // и* — *кыша // киша* 'след'; *э // э* (орф. *e*) или *ä* — *кем // кем* 'сапоги'; *вер // вär* 'место', *e(э) // и* — *меж // миж* 'шерсть', *неш // ниш* 'очень'; *ö // ö, ŷ, э(e), a* — *кöргö // кöргөй* 'внутренность', *шöртньö // шöртньöй* 'золото', *кö // кŷ* 'кто', *нöшмö // нŷшмй* 'семя', *шöрмыч // сермыц* 'узда', *йöраташ // яраташ* 'любить'.

Консонантизм горного наречия в отличие от лугового включает в себя не только аффрикату *ч [č]*, но и *ц [s]*, которая встречается во многих словах: *чома // цама* 'жеребенок', *кычкаш // кŷцкаш* 'запрягать' и др.; в ряде слов употребляется фонема *х*: *ола // хала* 'город', *могай-тугай // махань-техень* 'какой-такой' и др., наблюдается также весьма ограниченное употребление *ф*: *офи гäнь* 'строительная'.

В лексике горного наречия имеется около 1200 слов²⁵, непонятных для представителей лугового и восточного наречий, например: *санга* || *лепка* 'лоб', *сай* || *яжо* 'хорошо', 'хороший', *шыл* || *пай* 'мясо', *шагал* || *чйды* 'мало', *ойлаш* || *попаш* 'говорить', *шыгыр* || *төр* 'тесно', *шинчпун* || *хал* 'бровь' и др. Кроме того, понимание речи горных мари представителями других наречий затрудняется также из-за фонетических различий в общемарийских словах, например: *оржа* || *аржа* 'грива', *маска* || *моска* 'медведь' и др.

Основные различия в грамматическом строе горного и лугового наречий сводятся к формообразующим, словоизменительным и словообразующим суффиксам:

-*влä* (мр.-луг. вост. -*влак*) — для образования мн. числа: *тänг* — *тänгвлä* 'друзья' и групповой множественности: *äтä* 'отец' — *äтäвлä* 'мой отец и те, кто с ним';

-*ыштышы*, *йштышй* (мр.-луг. -*се*, -*со*, -*сö*) — для образования относительных прилагательных от существительных: *оласе* || *халаштышы* 'городской';

-*еп* — для образования формы 3-го лица мн. числа наст. и прош. времени глаголов изъявительного наклонения: *огыт луд* || *ак лыдеп* 'не читают', *огыт мале* || *ак амалеп* 'не спят'.

-*да*, -*дä* (мр.-луг. -*са*) — для образования формы 2-го лица мн. числа глаголов повелительного наклонения: *ужса* || *ужда* 'зовите', *мурыза* || *мырыда* 'пойте';

-*ышты*, *йшты* (мр. луг. -*ышт*) — для образования формы 3-го лица мн. числа глаголов повелительного наклонения: *лудышт* || *лыдышты* 'пусть читают';

-*ма* — для образования формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения при вежливой просьбе: *пырема* 'зайди-ка'.

Отрицательная форма глаголов прошедшего II образуется путем прибавления к основе отрицательного деепричастия личных форм наст. времени вспомогательного глагола *ылаш* 'быть', 'являться': *лудын омыл* || *лыдделам* 'я не читал' (отрицательное деепричастие *лыдде* + вспомогательный глагол (*ы*)*лам*).

§ 10. Восточное наречие распадается на ряд все еще слабо изученных говоров: калтасинский, мишкинский, бирский, шаранский (Башкирская АССР), красноуфимский (Свердловская обл.), кунгурский (Пермская обл.), мензелинский и елабужский (Татарская АССР), малмыжский и кильмезский (Кировская обл.).

Восточные говоры имеют следующие отличительные особенности: 1) наличие в ряде говоров (мензелинском, калтасинском, бирском и красноуфимском) *ä*: *ака:j* 'тетя', 'старшая сестра', *äkä:j* 'головной убор замужней женщины'; 2) употребление в первом слоге *i* (в мр.-луг. *ы* и *е*): *пиñ* (мр.-луг. *мый*) 'я', *тиñ* (мр.-луг. *тый*) 'ты', *šime* (мр.-луг. *шеме*) 'черный' и др.; 3) наличие *š* и *z'* (в мр.-луг. *с* и *э*): *iža* (мр.-луг. *иза*) 'старший брат', *maška* (мр.-луг. *маска*) 'медведь' и т. д.; 4) наличие твердого

²⁵ Н. Т. Пенгитов — Происх. мар. 295.

(какуминального *č* наряду с мягким *č'*: роѝ (мр.-луг. *поч*) 'хвост', *киѝо* (мр.-луг. *кучо*) 'держи'; 5) показателем мн. числа во всех восточных говорах является суфф. -*βlak*. Для обозначения коллективной множественности в некоторых говорах (например, в кунгурском) употребляется и суфф. -*māt*; 6) вместо послелога *деч* в ряде говоров употребляется падежное окончание -*леѝ* (в кунгурском говоре, кроме того, вместо послелога *дене* для выражения дистрибутивного значения употребляется суфф. -*len*): *аβалеѝ* 'от матери', *кокѝtle'n* 'по два'; 7) долженствование выражается с помощью слова *tijās*: *izam tolaš tijās* 'мой дядя должен прийти'; 9) имеется деепричастие на -*šān*: (соответствует деепричастиям на -*ын* и -*мек(е)* в литературном лугово-восточном): *āgze-ze ruḡāššān-k kēš/kēga'l'e* (мр.-луг. *ырвезе пурьмекыжак кычкырале*) 'мальчик, войдя закричал'.

Лексика восточного наречия включает в себя большое число слов, особенно тюркского происхождения, которых нет в литературном языке, например: *ока's* (лит. *лудаш*) 'читать', *рага'n* (лит. *пача*) 'ягненок', *terke* (лит. *мōнгō*) 'домой', *jalu'k* (лит. *шовычю*) 'платок' и др.

§ 11. В северо-западном наречии различаются говоры: тоншаевский, шарангский (Горьковская обл.) и яранский (Кировская обл.).

Особенности наречия наиболее ярко прослеживаются в тоншаевском и яранском говорах, шарангский говор, являясь переходным, имеет ряд черт, общих с горным наречием²⁶.

Вокализм северо-западного наречия представлен гласными переднего ряда: *i, e, ö, ä, ѝ, џ, э*, заднего ряда: *a, o, u, n, ä*; консонантизм — согласными — билабиальными: *p, β, m*, переднеязычными: *l, r, δ, z, t, c, n, s, š, ž*, среднеязычными: *n', l', j, t'*, заднеязычными: *k, ŋ, γ*. В русских заимствованиях позднего времени встречаются *f, x, b, č'*.

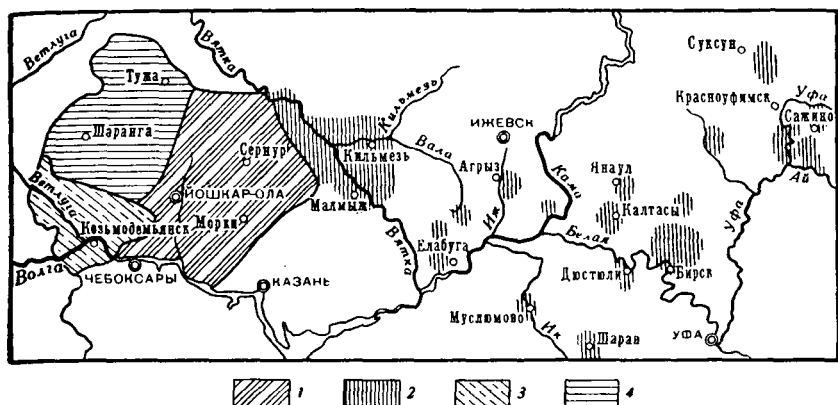
По составу согласных фонем тоншаевский говор ближе всего стоит к горному наречию, но отличается от него наличием *с* и отсутствием *č'* (однако и в йошкар-олинском говоре лугового наречия встречаются фонемы *n, џ, с, t'*).

В говорах северо-западного наречия наблюдается как палатально-велярная, так и лабиальная гармония гласных. Словесное ударение приходится в основном на предпоследний слог, как и в горном наречии.

Лексика северо-западного наречия включает в себя ряд слов, отсутствующих в других наречиях марийского языка. По подсчету, произведенному И. Егоровым, в тоншаевском говоре этого наречия имеется 29,2% слов, общих с горным наречием, 21,3% — с луговым и 27,7% слов, употребляемых только в этом говоре²⁷, например, *sici* (мр.-в. *jög*, мр.-г. *пай*) 'мясо', *pörgä* (мр.-в. *ümbäl*,

²⁶ ИвановТужаров Сев.-зап. 11—12.

²⁷ Тр. Мар. V 164.



Схематическая карта диалектов марийского языка:

1 — луговое наречие; 2 — восточное наречие; 3 — Горномарийское наречие; 4 — северо-западное наречие

мр. г. *патыл*) 'сливки', *кагак* (мр.-в. *zängär*, мр.-г. *кловой*) 'голубой' и др.

Имеются в северо-западном и свои морфологические особенности, отличающие его от лугового и восточного наречий и во многом совпадающие с морфологией горного наречия ²⁸.

§ 12. И с т о р и я п и с ь м е н н о с т и. Первая попытка создать письменность на марийском языке относится к XVI в. В 1555 г. казанский архиепископ Гурий (Григорий Рукотин) «для перевода религиозных текстов на марийский язык создал особый алфавит, который так и не вышел за пределы монастырей и вскоре был забыт даже самими миссионерами» ²⁹.

Первые печатные издания на марийском языке относятся к XVIII в. Они связаны с христианизацией народов Поволжья и прежде всего с деятельностью так называемых новокрещенских школ. Первым таким памятником считается стихотворное приветствие, адресованное Екатерине II по случаю посещения ею Казанской новокрещенской школы в 1767 г., которое вошло в книгу «Духовная церемония, производившаяся во время . . . присутствия ее императорского величества государыни премудрейшия монархини и попечительнейшия матери Екатерины вторая. . .», изданной Императорской АН в 1769 г. Стихи на марийском были набраны буквами русского алфавита и с такими искажениями передавали марийскую речь, что понять их содержание было чрезвычайно трудно из-за неточной передачи марийских звуков.

Следующий памятник письменности, страдающий теми же недостатками, что и первый, «Сочинения в прозе и стихах на случай открытия Казанского наместничества» (М., 1782), где имеются

²⁸ Иванов-Тужаров Сев. зап. 13.

²⁹ «Очерки истории марийской литературы», стр. 12.

стихи на горном наречии марийского языка, изобилующие неправильными написаниями слов (*хумь*, что означало *уым* 'нового', *ямумь* вм. *юмым* 'бога' и т. д.), случаями необычного для марийского языка порядка слов.

Были и другие стихи панегирического характера, сочиненные на марийском языке, например, по случаю посещения в 1797 г. Казани Павлом I.

§ 13. С начала XIX в. появляются переводы церковных книг на национальные языки как результат деятельности религиозно-церковного «братства во имя святителя Гурия» при Казанском кафедральном соборе совместно с Московским миссионерским обществом. Братство св. Гурия издало ряд учебников и рассказов из священной истории. Была создана переводческая комиссия во главе с Н. И. Ильминским.

В 1808 г. архимандрит Вениамин перевел на луговое наречие марийского языка «Катехизис», в 1821 г. было издано «Евангелие» («Мя Осподьян Иисус Христосан святой Евангелия») на горном наречии. К концу XIX в. было издано на русском алфавите около 50 книг церковно-религиозного содержания. Книги издавались отдельно на луговом, горном и восточном наречиях.

Первым учебником, составленным братством св. Гурия, был «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей горного населения» (Казань, 1871). В 1873 г. в Казани выходит «Букварь для луговых черемис».

Качество этих учебников было весьма невысокое, в текстах для чтения не соблюдался даже присущий марийскому языку порядок слов, допускались ошибки в употреблении грамматических форм, не был установлен фонемный состав языка. Пример из «Букваря луговых черемис» 1873 г.:

«Мый шоляй Эльмекей агулошко ялышке кая, сай мутон тунемаш, мыйн шоляйлан тау, осалом ок иште, сайн тунемеш» (стр. 6), вместо: «Мыйын Эльмекей шольым сай мутым тунемаш ялышке кая; шольымлан тау: осалым ок ыште, сайлан тунемеш» 'Мой младший брат Эльмекей, чтобы научиться доброму слову, идет в деревню, спасибо ему'.

В 1874 г. выходит «Священная история Нового завета», переведенная на луговое наречие Н. Удюрминским, для которого марийский был родным. Язык этих переводов несравненно лучше языка панегирических стихов XVIII в. — он близок к нормам марийского языка, графически звуковые особенности языка переданы довольно точно (введены буквы *ÿ*, *ö*, *н*), хотя и наблюдается непоследовательность в передаче фонем (например, фонема *ÿ* передается то буквой *ÿ*, то *ю*). Переводы для восточных мари были изданы П. П. Еруслановым, например, «Букварь» (Казань, 1892), где использовались буквы: *а, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, ь, ы, ь, ь, е, э, ю, о, у, й, н*³⁰.

³⁰ Тр. Мар. II 133.

Во второй половине XIX в. появляется марийская интеллигенция (главным образом учителя народных школ), в формировании мировоззрения которой большую роль сыграли русская литература и устное творчество марийского народа.

Светская печатная литература на марийском языке в дореволюционный период была представлена весьма скудно. Зарождение ее связано с революцией 1905 г. и с выходом «Марийских календарей» («Марла календарь»), издававшихся с 1907 по 1913 г. в Казани по инициативе прогрессивно настроенной марийской интеллигенции (всего вышло семь номеров). На страницах «Календаря» печатались статьи публицистического, хозяйственного, научно-популярного характера, помещались произведения марийского фольклора, оригинальные произведения первых марийских поэтов и писателей (С. Г. Чавайна, Н. С. Мухина, В. М. Васильева и др.). Тексты в «Календарях» и других изданиях были набраны русской графикой с добавлением отдельных знаков для передачи специфических для марийского языка звуков: *ä* [ä], *ö* [ö], *ÿ* [ÿ], *ы* [ɨ], *н* [ŋ]. При написании заимствованных слов применялись буквы *я, е, ю, щ, ь, ф, х, ц*. Безударные гласные абсолютного исхода [ə], [ɐ] изображались знаком *ë* (в современной орфографии *о, е*).

Таким образом, еще до Октябрьской революции была создана письменность на марийском языке. В основу ее была положена русская графика, позднее дополненная диакритическими знаками для обозначения специфических звуков марийского языка. Уже на страницах «Марийских календарей» можно было встретить буквы *я, е, ё, щ, ь, ф, х, ц* (в написаниях заимствованных слов).

§ 14. Из истории литературных языков. До революции марийский язык существовал для широких масс как разговорный бытовой язык и как язык народного творчества. Он был очень беден терминами науки, техники и общественно-политической жизни. Создавая переводную церковную литературу, миссионеры не ставили задачей выработку литературных норм. Впервые вопрос о нормах единого литературного языка был поставлен издателями «Марийских календарей» («Марла календарь») (см. § 13). Составители выпусков календаря в основном правильно определили диалектную базу литературного языка (как единого для всего народа) — луговое наречие со включением некоторых элементов восточного наречия, однако установить единые литературные нормы для всех марийцев составителям календарей не удалось.

§ 15. В первые годы Советской власти уездные и губернские комитеты, находящиеся в центрах различных диалектов (в Казани, Вятке, Бирске, Елабуге, Козьмодемьянске, Малмыже), стали издавать на местных диалектах газеты, журналы, литературно-художественные сборники. В художественных произведениях того времени очень сильно выступают диалектные различия.

Так, в произведениях одного из зачинателей марийской художественной литературы Г. Микая (1885—1944), сельского учителя из Татарии, в то время преобладали элементы восточного наречия, в произведениях А. Конакова (1887—1922), С. Чавайна (1888—1942), О. Шабдара (1898—1943) — элементы лугового наречия.

С образованием Марийской автономной области (1922 г.) выпуск разрозненных и разнодиалектных изданий прекратился, книги стали печататься в Москве Центриздатом и стали издаваться только на двух наречиях марийского языка: луговом и горном. Уже в 1926 г. был поднят вопрос о создании единого общенационального литературного языка, но решено было временно издавать литературу на обоих наречиях, т. е. луговом и горном. В 1926 г. организуется Марийское областное издательство, в 1927 г. — его горномарийский филиал в г. Козьмодемьянске.

Таким образом, марийский язык в настоящее время имеет две исторически сложившиеся литературные нормы: лугово-восточный и горномарийский литературные языки.

В основу лугово-восточного литературного языка лег моркинско-сернурский говор, так как на нем говорит большинство представителей лугового наречия и он наиболее близок к говорам восточного наречия. Кроме того, первые марийские писатели в большинстве своем были представителями этого говора: С. Г. Чавайн, Н. С. Мухин, В. Мухин (В. Сави) и др. В дальнейшем словарь и фразеология литературного языка пополнились за счет других говоров, в первую очередь восточного наречия. Большое количество слов вошло в литературный язык из русского, в том числе и интернациональная лексика (главным образом общественно-политические и научные термины).

В основе горномарийского литературного языка лежит козьмодемьянский говор, на котором говорит большинство представителей горного наречия.

§ 16. Графика и орфография как лугово-восточного, так и горномарийского литературного языков в послеоктябрьский период несколько раз пересматривались, но изменения вносились незначительные, основой ее всегда оставалась русская графика. В 1925 г. на 2-м съезде марийских учителей были впервые сформулированы правила марийской орфографии. Реформой марийской орфографии 1938—1939 гг. было узаконено употребление *ф*, *х*, *ц*, *щ*, (*е*, *ё*, *ю*, *я* не только в заимствованиях).

Орфография как лугово-восточного, так и горномарийского литературного языков основывается на фонетическом и морфологическом принципах с преобладанием фонетического.

Морфологический принцип действует при написании корней слов, например: мр.-луг.: *кид* [kit] 'рука', *кидым* [ki'däm] 'руку'; *куржсталаш* [kurštalaš] 'бегать' (с многократным значением), ср. *куржаш* [kuržaš] 'бежать'. По этому же принципу пишутся согласные в некоторых суффиксах: *-де*, *-дымо*, *-дыме*, *-дымō* || *-дымы*, *-дымы*, например: мр.-луг.: *кидде* [kitte:] 'без рук', *йолде* || *ялде*

[jɔldɛ // jalde] 'без ног'; *почдымо // пачдымы* [pɔ.č'təmo // pa.č'təmə] 'бесхвостый'. Подавляющее большинство сложных слов подчинительного типа (в них фиксируются фонетические изменения, происходящие при сложении основ) и аффиксов пишется по фонетическому принципу: *вуйвундаш // вуйвындаш* [βuɟʒunda.š // βuɟʒənda.š] 'темя' (компоненты этого слова: *вуй* 'голова' + *пундаш* // *пъндаш* 'дно', 'основание'); *йолгорны // ялгорны* [jɔɟɔrno // jalɟɔrɲə] 'тропинка' (состоит из компонентов: *йол* // *ял* 'нога' + *корно* // *корны* 'дорога'); *кидше // кидшы* [ki.tʂe // ki.tʂə] 'его рука', но *шинчаже // сьинчаже* 'его глаза'.

Мягкость согласных *l'*, *ń* // *l'*, *ń*, *t'* перед гласными *e*, *a*, *u* обозначается при помощи *e*, *я*, *ю*: мр.-луг.: *вынер* [βəne.r] 'холст', *мурня* [muɲa] 'печная труба', *нюго* [ɲu.ɟɔ], 'мелочь', 'мелкая рыбешка', *ловык* [l'u.βək] 'неряха', *коля* [kol'a] 'мышь'; мр.-г.: *оняка* [oɲa'ka] 'золовка', *лязра* [l'a.ʒra] 'грязь', *тянгыра* [t'aɲɟra] 'звонкий', *кыне* [kəne] 'конопля'.

Мягкость этих же согласных перед *o*, *ö*, *ы* // *o*, *ö*, *ы*, *й* обозначается при помощи мягкого знака *ь*: мр.-луг.: *шольо* [šo.l'o] 'младший брат', *шўльö* [šü.l'ö] 'овес', *выньык* [βə.n'ək] 'веник'; мр.-г.: *оньы* [oɲ'j] 'тесть', *тыры* [t'ə.rj] 'жаворонок', *вьтельы* [βte.l'ə] 'кулик'.

Парные *n—ń*, *l—l'* // *n—ń*, *l—l'*, *t—t'* перед *e* на письме не различаются: мр.-луг.: *пане* [pa.ne] 'ложка', *манеш* [mane.š] 'говорит', *нале* [na.l'e] 'взял', *неле* [ne.le] 'тяжелый'; мр.-г.: *тетя* [t'e.t'a] 'ребенок', *тел* [tel] 'зима', *кыне* [kəne] 'конопля', *нергы* [ne.rɟə] 'барсук'. Мягкость согласных на конце слов, а также перед твердым согласным на письме обозначается при помощи *ь*: *кыльгака // кыльгата* 'приторный'; мр.-луг.: *пильшол* 'вязель' (бот.), *тупынь* 'наоборот'; мр.-г.: *мыгыль* 'шишка', *мынь* 'я'. Знак *ъ* употребляется как разделительный перед *j* после твердых согласных: мр.-луг.: *пöръен* [pɔr.jeɲ] 'мужчина', *Нужъял* [ɲu.ʒja.l] название населенного пункта, досл. 'крапивная деревня'; мр.-г. *пильяла* [pəlja.la] 'на четвереньках'. Написание поздних заимствований из русского основывается на русском правописании: *шофер*, *секретарь*, *колхоз*, *сельсовет*, *зоотехник* и др. Ряд русских заимствований, вошедших в язык в советское время, оформляется в соответствии с марийским произношением: *партий* 'партия', *Южный Корей* 'Южная Корея', *поселко* 'поселок', *задатке* 'задаток', *сутка* 'сутки', *шахмат* 'шахматы', *котлет* 'котлета', *секунд* 'секунда' и др.³¹ Написание старых заимствований (тюркских, русских) полностью соответствует их произношению: *пезмен* 'безмен', *агытан // аьтан* 'петух', *пача // пачя* 'ягненок', *вочко // вачкы* 'кадка', *калач // калац* 'калач', *ласка // ласко* 'ласковый', 'нежный', *уржа // ыржа* 'рожь' и др.

³¹ См.: «Марий орфографий мутер». Сост. И. С. Галкин, З. В. Учаев. Йошкар-Ола, 1972, стр. 17—18.

В горномарийском, в котором ярко выражена палатально-велярная гармония, диакритические знаки в виде двух точек ставятся над гласными *ä, ё* только в первом слове слова: *väškyk-taš* [šäškəkätšä] 'торопить', *нёлымшы* [nələmšə] 'четвертый'.

§ 17. Язык первых марийских художественных произведений был близок к разговорной речи и отражал ее диалектные особенности; употреблялись преимущественно простые предложения, сложносочиненные предложения с соединительными союзами или без союзов, из сложноподчиненных — предложения с придаточными уступительными и условными с союзами *гыл, гынат*.

В связи с активным участием марийского народа в общественно-политической жизни и с расширением функций марийского языка в него входит много новых слов из русского: *революций, советский, продналог, продразверстка, кулак, нэл, жатка, кооператив, председатель, трактор* и др. Появились кальки с русского: *кредит ушем* 'кредитное товарищество', *лудмо пöрт* 'изба-читальня', *ялкор* 'селькор', *ял озанлык* 'сельское хозяйство'. Стали образовываться слова способом аффиксации типа: *мастарлык* 'мастерство', *гулялыш* 'гулять', *наспортдымо* 'беспаспортный' и др. На исконном марийском языковом материале возникли неологизмы: *почеламут* 'стихотворение', *мут вож* 'корень слова' и др. Вышли из употребления устаревшие слова: *тияк* 'писец', *карман* || *kärman* 'крепость', *катар* 'беда', *патман* 'мера в 4 пуда' и др.

Большое количество лексических заимствований из русского языка привело к изменениям в системе фонем: в марийский язык вошли фонемы *ф, х, ц, б*; гласные звуки в лексических заимствованиях перестали подчиняться закону гармонии гласных: *кино, магазин, сепаратор, трактор* и др.

Постепенно стираются диалектные различия, особенно в речи представителей младшего поколения, что является результатом деятельности школы, театра, печати и телевидения на марийском языке.

В настоящее время на марийском издаются республиканская газета «Марий коммуна», сатирический журнал «Пачемыш» (дублировался на русском языке под названием «Оса»), литературно-художественный общественно-политический журнал «Ончыко» («Вперед») (тиражом в 1974 г. 14 000 экз.) и целый ряд районных газет.

За годы Советской власти в Марийской республике выросли промышленность, механизированное колхозное сельское хозяйство, осуществлено культурное строительство. Выросли кадры национальной инженерно-технической и научной интеллигенции, работников просвещения, медицины, литературы и искусства. В республике организован научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, имеются университет, педагогический институт с кафедрой марийского языка и литературы, политехнический институт, музыкальное училище, националь-

ный театр, республиканская библиотека, краеведческий музей, филармония, книжное издательство, выпускающее книги на русском и марийском языках.

§ 18. Большую роль в развитии языка и культуры сыграла школа. В 1918—1919 гг. открываются курсы по подготовке учителей-мари, на базе которых впоследствии были организованы педагогические техникумы, что позволило начать повсеместно обучение детей на родном языке. С введением всеобщего обязательного начального, позднее — семилетнего, а в настоящее время и среднего образования расширялась сеть школ с обучением на родном языке. Марийский язык и литература стали предметом преподавания в школах.

Современный марийский язык по сравнению с дореволюционным неизмеримо богаче по словарю, фразеологии и синтаксису. В нем чаще стали употребляться сложноподчиненные предложения, особенно с придаточными причины, цели, времени и др. На марийском языке в настоящее время можно писать научные труды, выражать сложнейшие мысли и тончайшие переживания человека.

Возникли и развиваются различные стили литературного языка: публицистический, научный, художественный и др.

§ 19. Краткая история художественной литературы. Начало возникновения художественной литературы на марийском языке связано с революцией 1905—1907 гг. В это время начали писать первые марийские писатели: В. М. Васильев (1883—1961), С. Г. Чавайн (1888—1942), Г. Михай (М. Герасимов) (1885—1944), Н. С. Мухин (1890—1943), Г. Эвайн (Г. Г. Кармазин) (1882—1943). Произведения этих лет создавались под большим влиянием устного народного творчества, и язык писателей был близок к разговорному. Так, показывая тяжелое прошлое марийского народа, писатели широко пользовались старинными народными песнями, вкладывая их в уста героев своих произведений (например, в исторической повести С. Г. Чавайна «Йыланда»). Первые стихотворения В. М. Васильева («Упымарий»), С. Г. Чавайна, Г. Эвайна были напечатаны в выпусках «Марийского календаря», «Марийские календари» сыграли существенную роль в развитии марийской литературы и литературного языка. На его страницах впервые был поставлен вопрос о том, каким должен быть марийский литературный язык в условиях диалектной раздробленности языка. Печатались первые переводы из русской литературы, например, Г. Кармазина (Эвайна) «Шёртнё кол ден колызо» (вольный перевод «Сказки о рыбаке и золотой рыбке» А. С. Пушкина). С самого зарождения марийской художественной литературы на нее сильное влияние оказывало творчество русских писателей-классиков.

В начале XX в. вышли из печати первые сборники рассказов и книги для чтения на марийском языке В. М. Васильева: «Марла ойлымаш-влак» («Марийские рассказы»), Казань, 1909, «Кокымшо

марла лудшаш книга» («Вторая книга для чтения на марийском языке»), Казань, 1907.

§ 20. Большой подъем в развитии марийской художественной литературы наблюдается в первые годы Советской власти, когда начинает издаваться ряд газет и журналов на марийском языке (на основных его наречиях). Многие марийские писатели именно в это время начали свой творческий путь, выступая в качестве корреспондентов газет и журналов (О. Шабдар, М. Шкетан, О. Тыныш П. Игнатъев, В. Мухин, А. Конаков и др.). Особенно интенсивно развивается поэзия, оставаясь еще по-прежнему по художественной форме и приемам изображения очень близкой к устно-поэтическому творчеству. Марийские поэты испытывают на себе сильное влияние русской поэзии (А. С. Пушкина, Д. Бедного, В. Маяковского и др.).

В годы гражданской войны возникает драматургия (драмы А. Конакова «Поран» («Буран»), «Тулык ұдыр» («Сиротка»), О. Тыныш (И. А. Борисова) «Закон шумлык» («Из-за закона»), П. Игнатъева «Шык» («Жадная») и др.).

В конце 20-х годов в литературу входит ряд талантливых поэтов (Олык Ипай, Й. Кырля, М. Иванов и др.; на горном наречии пишет П. Першут), прозаиков (Я. Ялкайн, Н. Лекайн, В. Мухин и др.). Продолжают писать С. Чавайн, М. Шкетан, О. Шабдар.

В произведениях писателей 20-х годов все еще очень сильны диалектные различия. Так, в произведениях Г. Микая (1885—1944), учителя из Татарии, преобладают элементы восточного наречия, О. Шабдара (1898-1943) — элементы лугового наречия.

С начала 30-х годов из печати выходит ряд крупных произведений марийских прозаиков: драмы С. Г. Чавайна «Мўкш отар» («Пасека»), «Акпатыр», «Илыш вўд» («Живая вода»), роман «Элнет», романы М. Шкетана «Эрегер», О. Шабдара «Ўдрамаш корно» («Женская доля»), Я. Ялкайна «Оигго» («Круг»), А. Эрыкана «Кучедалме тулеш» («В огне борьбы»), П. Игнатова «Савик», повесть Д. Орая «Оляна» и др. На горномарийском выходят поэмы Н. Ильякова «Опак Микита», П. Першута «Кыткы суан» («Муравьиная свадьба»), сборник стихов Ш. Булата; на лугово-восточном — сборники стихов Олык Ипая, Й. Кырля, М. Иванова, Н. Тишина, М. Казакова, И. Осмина, А. Бика, В. Чалая, М. Майна и др.

§ 21. В 30-е годы на марийский язык переводятся произведения русских и советских писателей. Так, к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина вышли из печати на марийском «Сказки», «Дубровский», «Драма», «Стихи». Были переведены «Поднятая целина» М. Шолохова, «Мать» М. Горького, «Хаджи Мурат» Л. Н. Толстого, ряд произведений М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Переводятся также художественные произведения с языков других народов СССР, например, с чувашского (К. Иванов «Нарспи», Йошкар-Ола, 1958; сб. рассказов «Акай ден пырля» («Вместе с сестрой»), Йошкар-Ола, 1961), с татарского (К. На-

джми «Шошо мардеж» («Весенний ветер»), Йошкар-Ола, 1954, сб. «Татар ойлымаш-влак» («Татарские рассказы»), Йошкар-Ола, 1961), с мордовского (произведения Н. Эркай, А. Малькина, А. Мартынова, С. Платонова, И. Девина и др.).

Появились и переводы с марийского на русский: М. Шкетана «Эренгер», «Рассказы», А. Волкова «Ксения» (пьеса была поставлена театром им. Ермоловой в Москве), «Избранные стихи» М. Казакова, «Гусли поют о счастье» М. Майна, «Пьесы» С. Николаева, антология «Марийская поэзия», пьеса Н. Арбана «Черный волк» и др.

Язык художественной литературы в этот период становится богаче (в литературный язык вошло большое число заимствованных слов, обогащение его шло и за счет включения диалектной лексики), более сложным по синтаксису (писатели все чаще пользуются сложными предложениями подчинительного типа, изменяют обычный порядок слов и т. п.). Новатором в поэзии явился О. Ипай (1912—1943), разработавший метрическую систему в марийском стихосложении. Впервые в марийской поэзии он ввел различные классические формы и размеры, новые художественно-изобразительные средства.

В послевоенное время публикуются крупные произведения — романы и повести Н. Лекайна «Кугу сарын тулыштыжо» («В огне великой войны»), «Кугезе мланде» («Земля предков»), Д. Орая «Тўтыра вошт» («Сквозь туманы»), «Чолга шўдыр» («Немеркнущая звезда»), К. Васина «Ушнымаш» («Воссоединение»), пьесы С. Николаева «Волгыдо корно» («Светлый путь»), «Мланде пеледеш» («Земля цветет»), поэмы С. Вишневого «Пиал» («Счастье»), Г. Матюковского «Кугу тўня йыр савырнен» («Обойдя весь мир») и др. В литературу пришли молодые писатели: В. Иванов (1923—1971), М. Евсеева, А. Канюшков, В. Бояринова и др.

Лучшие произведения марийской литературы привлекают внимание в социалистических странах. Пьеса А. Волкова «Ксения» переведена на болгарский язык, ряд стихотворений М. Казакова и М. Майна переведен на венгерский язык, стихи М. Казакова также переведены на немецкий, французский и итальянский языки.

§ 22. Исследования по марийскому языку условно можно разбить на три разряда: 1) труды по грамматическому строю в широком смысле слова, куда нами отнесены и разыскания по фонетике, а также общие труды по диалектологии; 2) специальные труды по лексике; 3) тексты.

§ 23. Из истории исследования марийского языка. В 1775 г. в Санкт-Петербурге Российской Академией наук была издана первая описательная грамматика марийского языка под названием «Сочинения, принадлежащие к черемисской грамматике»³², написанная по схеме существовав-

³² До недавнего времени считалось, что автор этой книги неизвестен. Однако в результате изучения архивных материалов В. Т. Терентьев установил, что автором ее, так же как и изданных в конце XVIII в. грамматик «Сочи-

ших в то время грамматик русского языка, но автору все же удалось выявить некоторые существенные особенности марийского языка: отсутствие категории рода, наличие двух спряжений глагола, несклоняемость прилагательных, стоящих перед именами существительными, постановку «предлогов» (т. е. послелогов) после имен существительных. В грамматике приводится лексика (имена существительные, глаголы, наречия) — всего около 1000 слов, некоторые из них уже стали архаизмами, как например, *нюгар* 'слуга', *кере* 'правда', *таньк* 'свидетель', *цапкын* 'почтарь', *туяк* 'чтец' и др. Грамматика, судя по фонетическому оформлению приводимых в ней слов, написана на основе цокающего говора марийского языка, вероятнее всего — йокшар-олинского. В списках слов встречаются написания: *кюдюрцо* 'гром', *волгондцо* 'молния', *тугуларце* 'сваха', *тылмац* 'толмач', *кицке* 'ягода', *ширчык* 'сверчок', *моцца* 'баня' и др. Автору грамматике не удалось установить фонемный состав марийского языка. Так, фонема *ö* передается графически знаками *e* (шермыч вм. шöрмыч 'узда'), *io* (*шюртиö* вм. *шйртö* 'нитка'), фонема *ы* передается знаками *o* (*подолам* вм. *подылам* 'хлебау'), и (пижиктем вм. пшжыктем 'прицепляю').

В XIX в. вышло довольно много работ по марийскому языку. В 1821 г. было переведено на горное наречие «Евангелие», на основе которого затем была написана «Черемисская грамматика» (Казань, 1837).

Заслуживают внимания «Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии» (Казань, 1887) Федора Васильева и «Исследование о наречиях черемисского языка» (Казань, 1889) Михкеля Веске.

Протоиерей Ф. Васильев, хорошо владевший марийским языком, выявил ряд особенностей фонетики: специфические звуки *ä*, *ö*, *ÿ*, *н*, закон созвучия (гармония гласных), грамматизация ударения, наличие в сложных словах главного и второстепенного ударений, наличие кратких (редуцированных) гласных и др.

«Исследование о наречиях черемисского языка» М. Веске, напечатанное в «Известиях общества археологии, истории и этнографии» (т. VI, Казань, 1887), — первое исследование по фонетике диалектов марийского языка. Работа явилась результатом экспедиции к марш (Козьмодемьянский, Ветлужский, Яранский, Уржумский, Малмыжский уезды). М. Веске впервые дал систему звуковых соответствий между горным и луговым наречиями (например, *o* || *a*, *a* || *ä*, *y* || *ы*, *ÿ* || *ö*, *e* || *и*, *e* || *ü*), впервые установил природу редуцированных гласных и сопоставил их с соответствующими гласными удмуртского, эстонского и чувашского языков, указал

нения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (1769 г.) и «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотяцкого языка» (1775 г.), является Вениамин Пуцек-Григорович (см. ВЯ, 1959, № 3).

на наличие в марийском гармонии гласных, показав неоднородность этого явления по диалектам.

В XX в. в изучение марийского языка включаются ученые из среды носителей языка. Первым марийским ученым языковедом является В. М. Васильев (1883—1961). В его работе «Записки по грамматике языка народа мари. Материалы для этимологии и синтаксиса» (Казань, 1918) по-новому освещается грамматический строй марийского языка, обращается внимание на его специфику в падежной системе, категории времени, наклонения и др.; им собран богатый лексический материал по диалектам (см. § 24). Вопросы марийского языкознания разрабатывались им и в послевоенные годы (см.: В. М. Васильев. Некоторые вопросы марийского языкознания. Козьмодемьянск, 1948).

К старшему поколению ученых из мари относятся также Г. Г. Карамзин и А. А. Атин (см. их статьи о происхождении суффиксов мн. числа в марийском языке — ДСИЯз, 1928; Г. Г. Карамзин. Сборник статей по марийскому языку. Йошкар-Ола, 1936).

В настоящее время по изучению грамматического строя марийского языка и его истории плодотворно работает большая группа языковедов в Марийской республике: см. Н. Т. Пенгитов. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, Йошкар-Ола, 1958); И. С. Галкин (Галк. I, Галк. II), Л. П. Грузов (Груз. Диал., Груз. Ист. фон.) и др.

Работы монографического характера ряда ученых мари посвящены изучению диалектов (Д. Г. Казанцев. Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. Тарту, 1965; И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970; Г. И. Лаврентьев. Волжский говор марийского языка. Авт. д. к., Тарту, 1967; З. В. Учаев. Малмыжский диалект марийского языка. Тарту, 1969).

Описание отдельных грамматических категорий марийского языка находим в работах Л. П. Васиковой («Прошедшие времена глагола в марийском языке». Тарту, 1955), Н. И. Исанбаева («Деепричастия в марийском языке». Йошкар-Ола, 1961), Ф. И. Гордеева («Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке». Йошкар-Ола, 1961).

В 1960—1961 гг. в Йошкар-Оле вышла трехтомная научная грамматика марийского языка, созданная коллективом авторов: И. С. Галкиным, Л. П. Грузовым, Ф. И. Гордеевым, Л. П. Васиковой, Н. И. Исанбаевым, Н. Т. Пенгитовым и др. (Совр. марФон., Совр. марМорф., В. Т. Тимоф. Совр. марСинт.).

Вопросы грамматики марийского языка освещаются в работах и других советских ученых: В. И. Лыткина, К. Е. Майтиской, Б. А. Серебренникова, П. Коклы, М. П. Чхайдзе и др.

Вопросы грамматики и диалектологии марийского языка разрабатывались и зарубежными учеными. К наиболее ранним рабо-

там относятся «Сопоставление обоих черемисских диалектов». Х. Габеленца (H. C. G a b e l e n t z. Vergleichung der beiden tscheremissischen Dialekte. «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». Bonn, 1841, T. IV, Hf. 1), «Элементарная черемисская грамматика М. А. Кастрена (M. A. C a s t r é n. Elementar grammaticae tscheremissae. Kuopio, 1845), «Опыт черемисской грамматики» Ф. Видемана (F. W i e d e m a n n. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. Revel, 1857).

Из перечисленных работ наиболее ценной является грамматика М. А. Кастрена (автор изучал язык по переводу «Евангелия», а также непосредственно от марийцев, с которыми встречался во время поездки в Сибирь). В «Грамматике» М. Кастрена сделана попытка выявить специфические особенности марийского языка (например, в области фонетики отсутствие стечения согласных в начале слова, система ударения и др.).

С 60-х годов XIX в. за рубежом ведется сравнительно-историческое изучение марийского языка. Одной из первых таких работ является «Черемисские исследования» Й. Буденца (J. B u d e n z. Cseremisiz tanulmányok, T. I — NyK III, Pest; T. II — NyK IV), использовавшего записи А. Регули.

В XX в. крупнейшим зарубежным исследователем марийского языка является Э. Беке. Его основная работа «Черемисская грамматика» (Beke CsNy) не утратила своего значения и сейчас. Материалы по марийскому языку Э. Беке собрал от 29 военнопленных марийцев, представителей различных диалектов, оказавшихся в 1914—1918 гг. в Венгрии. Это позволило ему впоследствии написать ряд ценных статей: «К истории звуков чувашских заимствований в марийском языке» (FUF XXIII), «Об истории финно-угорского *-с в марийском языке» (FUF—XXII) и др. Грамматический строй марийского языка описал Э. Леви (E. L e w y. Tscheremissische Grammatik. Leipzig, 1922). Материалы марийской фонетики занимают значительное место в исследованиях В. Штейница об истории финно-угорского вокализма (Stein. FgrVok. 2) и консонантизма (Stein. FgrKons.), Э. Итконена «К истории вокализма первого слога в марийском и пермском языках» (Itk. Zur Gesch.), П. Равилы «О происхождении системы черемисского спряжения» (P. R a v i l a. Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugations-system. — FUF XXV).

В Венгрии марийский язык изучает Г. Берецки³³, в Финляндии — А. Алхониemi («О функциях направительного падежа в марийском языке»: A. A l h o n i e m i. Über die Funktionen der Wohinkasus im Tscheremissischen. Helsinki, 1967), Э. Кангасмаа-Минн («Синтаксические сочетания родительного падежа в марий-

³³ См.: G. B e r e c z k i. Cseremisiz (mari) Nyelvkönyv. Budapest, 1971, а также его статьи в Congr. I, NyK LXIV, NyK LXV, NyK LXVIII.

ском языке»: E. K a n g a s m a a-M i n n. The syntactical distribution of the Cheremiss genitive — MSFOu. 144).

В США за последнее время в серии «Studies in Cheremis» вышел ряд работ по марийскому языку под редакцией профессора Индианского университета Т. Шебека (Т. Себеока): т. I — «Фольклор» («Folklore», Blumington, 1952); т. II — «Мифология» («The supernatural», Viking fund, Publications in Anthropologi, t. 22. N.-Y., 1955), т. III — «Первая черемисская грамматика» («The first Cheremis grammar» (1775), Chicago, 1956), представляющая собой переиздание книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка» (СПб., 1775) с вводной статьей Т. Шебека и комментариями Ало Рауна; т. IV — «Словообразование» (E. K u n g a s m a a-M i n n. Derivation. Michigan, 1955).

§ 24. Впервые лексика марийского языка зафиксирована отечественными и зарубежными путешественниками, побывавшими в конце XVII — начале XVIII в. в Марийском крае. Запись велась средствами русской или латинской графики авторами, не знавшими языка мари, в результате чего допускавшими множество неточностей и искажений при написании слов. До нас дошли рукописи с записями марийских слов, например: лингвистическая коллекция Аделунга (Фонд Собр. Аделунга. Рукописный отдел Гос. Публ. Библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, шифр АД II, № 10), «Словарь языка черемисского», 1783 г., около 3 тыс. слов (хранится в рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр 216), «Словарь черемисского языка», 1784 г., около 6 тыс. слов (там же, шифр 218), «Словарь языков народов Нижегородной епархии, именно Россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. . .», 1785, сост. епископом Дамаскиным (там же, шифр 223), «Список русских слов с переводом на черемисский, вотский (Красноуфимский округ) и пермяцкий (Чердынский округ) языки» (Архив АН в Ленинграде, фонд 21, опись 5) и др.

В ряде работ, в основном этнографического характера, также зафиксированы марийские слова, например в трудах Ф. И. Страленберга (1747—1876) «Северная и восточная часть Европы и Азии» (P. J. S t r a h l e n b e r g. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730), И. Е. Фишера (1697—1771) «История Сибири» (J. E. F i s c h e r. Sibirische Geschichte, ч. I—II. СПб., 1768), Н. К. Витсена (1644—1717) «Северная и восточная Татария» (Nord en Ost Tatoryen, Amsterdam, 1785), в книге имеется перевод на марийский язык небольшой молитвы «Отче наш», П. С. Палласа (1741—1811) «Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранных десницею Всевышней особы» (т. I. СПб., 1787; т. II, 1789); словарь И. П. Фалька (1727—1774), помещенный в «Полном собрании ученых путешествий по России» (т. I, СПб., 1824). Эти письменные памятники ценны тем, что дают некоторое представление о лексике марийских диалектов того времени. Наибольший интерес представляет книга Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов,

яко то черемис, чуваш и вотяков. . .» (СПб., 1791). Книга напечатана русской графикой, и в нее вошло около 300 марийских слов и перевод молитвы «Отче наш» на луговой диалект.

Список горномарийских слов с переводом на латинский язык содержится в «Элементарной черемисской грамматике» финского ученого М. Кастрена (M. A. C a s t r é n. *Elementa grammaticae tscheremissae*. Kuorio, 1845), всего 712 словарных статей, часть слов впервые этимологизируется.

Однако в XIX и XX вв. стали выходить словари отдельным изданием, сперва в Европе, потом в России.

Так, венгерский ученый Й. Буденц составил «Словарь лесных и горных черемис» (J. B u d e n z. *Erdei- és hegyicseremisz szótár* — NyK, III, 1865) на основе рукописных материалов, собранных А. Регули, М. Кастреном, Ф. Видеманом. В словаре около 3700 марийских слов из лугового и горного наречий с переводом их на венгерский и немецкий языки.³⁴ Слова даются в транскрипции на основе латинского алфавита и расположены по гнездовому принципу, что дает возможность объединить в группы однокоренные слова. Заслуга Й. Буденца в том, что он впервые выявил финно-угорский пласт в словарном составе марийского языка. К числу недостатков словаря следует отнести неточность транскрипции марийских фонем (например, čodera вместо čobəga 'лес').

Спустя 33 года другой венгерский ученый М. Силаши издал «Черемисский словарь» (M. S z i l a s i. *Cseremisz szótár* — NyK XXVIII, XXIX, XXX), содержащий около 6800 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке, с переводом на венгерский язык, немецкий, иногда и на русский языки. Словарь включает богатый лексический материал (в нем представлены и диалектные формы слов), собранный автором из диалектологических текстов А. Генетца, В. Поркка и вышедших ранее словарей Й. Буденца, В. П. Троицкого. Неточности и ошибки в передаче и переводе слов, имеющиеся в словаре М. Силаши, объясняются некритическим использованием источников, на основе которых он написан, поскольку автор не знал марийского языка.

Собрал материал для «Восточномарийского словаря» Х. Пасонен (P a a s. *Ost-tscher.*), который был подготовлен к печати и издан П. Сиро в 1948 г. в Хельсинки. В словаре около 2200 статей, расположенных по алфавитно-гнездовой системе, слова даны в точной фонетической транскрипции (автор записывал слова непосредственно от носителей языка во время поездки в деревню Чураево в Башкирии в 1900 г.), марийские слова переведены на финский и немецкий, в некоторых случаях и на русский языки; словарь содержит сведения этимологического характера.

Г. И. Рамстедт составил «Горномарийский словарь» (в кн.: G. J. R a m s t e d t. *Bergtscheremissische Sprachstudien* — JSFOu

³⁴ По подсчету Г. С. Патрушева (см. его статью «Марийские словари XIX в.» — Вопр. мар. I).

XVII, 1902) на основе материалов, полученных непосредственно от носителей языка, жителей деревни Тушнал (около г. Козьмодемьянска), поэтому этот словарь является одним из лучших словарей марийского языка того времени. В словаре около 4700 слов, записанных в фонетической транскрипции и переведенных на немецкий язык.

Несколько позднее, чем в Финляндии и Венгрии, стали издаваться словари и в России, но в отличие от зарубежных в них марийские слова давались не в транскрипции, а в записи средствами русского алфавита. В дореволюционное время вышли в свет следующие марийско-русские словари: Ф. Васильев. Черемисско-русский словарь. Приложение к книге «Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии». Казань, 1887. Составлен по гнездовому принципу, содержит около 1400 словарных статей; В. П. Троицкий. Черемисско-русский словарь, Казань, 1894. Составлен на материале лугового наречия (приводятся также горномарийские данные с расположением слов в алфавитном порядке, около 2200 слов); В. М. Васильев. Черемисско-русский словарь. Казань, 1911. Содержит более 2000 общеупотребительных, необходимых при изучении марийского языка слов, написан как учебное пособие.

В советское время были изданы марийско-русские словари: В. С. Шорин. Маро-русский словарь горного наречия. Под ред. С. Г. Эпина. Казань, 1920. Построен по алфавитному принципу, содержит более 3500 слов, в том числе топонимы и древние личные имена; В. М. Васильев. Марий мутэр. Краснококшайск, 1924 — второе, дополненное общеупотребительными словами с исключением устаревших, издание словаря В. М. Васильева 1911 г.; Ўпымарий (В. М. Васильев). Марий мутэр. Моско, 1926 (1928), сравнительный словарь диалектов марийского языка, содержит более 12 000 словарных статей, в том числе большое число выходящих из употребления слов (названия трав, птиц, рыб, видов вышивок и т. д.), благодаря чему словарь сохраняет научную ценность и в настоящее время, несмотря на имеющиеся в нем недостатки в подаче лексического материала; С. Г. Эпин. Горномарийско-русский словарь (Кырыкмарла да рушпа сиремы шамак книга). Козьмодемьянск, 1935. Составлен в алфавитном порядке и состоит из двух частей: 1) общенародная лексика горномарийского языка (около 5500 слов) и 2) общественно-политические, научно-технические и др. термины (около 1600 слов); П. Г. Рыбакова, З. В. Учаев. Горномарийско-лугомарийский сравнительный словарь (Курык марий ден олык марий мут-влакым тагастарыме словарь). Йошкар-Ола, 1955. Состоит из двух частей: в первой части словарные статьи начинаются слова лугового наречия, во второй — горного (в словарь вошли только слова, различающиеся в горном и луговом наречиях своими корнями или словообразовательными суффиксами и фонетическим оформлением).

Наиболее полным является «Марийско-русский словарь» (М., 1956), содержащий около 21 000 слов, включая и некоторые диалектные слова. В случаях лексических расхождений между лугово-восточным и горномарийским литературными языками даются обе формы, например, мр.-луг. *ойлаш* и мр.-г. *попаш* 'говорить'.

Первые русско-марийские словари были составлены еще в XVIII в. Однако все они были рукописные, за исключением анонимного «Славяно-черемисского словаря» (Казань, 1913), задуманного, по-видимому, как пособие при чтении церковных книг. Словарь содержит около 2000 слов, в случаях лексических расхождений в переводе даются слова из восточного и соответствующее ему из лугового наречий: *гнати*—*пастыраш* (мр.-в.), *покташ* (мр.-луг.).

Печатание русско-марийских словарей стало возможным только после Октябрьской социалистической революции. В 1928 г. в Краснококшайске был издан «Русско-марийский словарь» под ред. В. М. Васильева, В. А. Мухина и И. Т. Митюка. Словарь состоит из лугово-восточной и горномарийской частей, не лишен пуристических тенденций, однако большинство лексических новообразований в нем четко обоснованы как фонетически, так и синтаксически.

В 1943 г. в Йошкар-Оле был издан «Русско-марийский словарь» школьного типа, составленный по гнездовому принципу И. Ф. Андреевым, Д. И. Ивановым, К. Ф. Смирновым. Подобный же словарь был составлен и для горномарийской школы (К. И. Беляев, П. П. Ромашкин. Русско-марийский словарь. Козьмодемьянск, 1944). В «Ученых записках Марийского пед. ин-та» (т. XXIII, 1959) был опубликован «Русско-марийский терминологический словарь по математике для восьмилетней школы», составленный А. Ш. Шепеевым.

Наиболее полным является «Русско-марийский словарь», изданный в 1966 г. в Москве. В нем 35 000 слов. Словарь подготовлен к изданию Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и составлен на основе лугово-восточного марийского литературного языка, горно-марийские формы даны в нем только в случаях лексических расхождений. В словарь включены общественно-политические, исторические и научно-технические термины, приводятся устойчивые словосочетания, идиоматические выражения на русском языке и перевод их на марийский язык.

До Октябрьской революции орфографических словарей марийского языка не было. Первый словарь такого типа был издан после развернувшейся в 1937—1938 гг. дискуссии о марийском правописании («Марий йылме орфографический словарь». Сост. К. Ф. Смирнов и И. Ф. Андреев. Йошкар-Ола, 1939). В словаре узаконено употребление букв: *е, ё, я, ю, ф, х, ц, ч*. Второе издание словаря (Йошкар-Ола, 1948) вносит в правописание ряд дополне-

ний и изменений частного характера (так, слова *кылташ*, *полтыш*, *йэвра* должны писаться *кылдаш*, *полдыш*, *йэра*). Последнее издание орфографического словаря (И. С. Галкин, З. В. Учайев. Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 1972) предусматривает включение в литературную норму ряда слов (главным образом названия растений, рыб, птиц, зверей), ранее считавшихся диалектными, упорядочивает написание сложных слов и др.

Исследованию исторической лексики посвящены работы: У. Вихмана «Тюркские заимствования в черемисском» (У. W i s h m a n n. Die türkischen Lehnwörter im Tscheremissischen — FUF XVI), М. Рясина «Чувашские заимствования в черемисском» (Räs. Tschuw. Lehnw) и «Татарские заимствования в черемисском» (Räs. Tat. Lehnw.), А. А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке» (Йошкар-Ола, 1969), Г. С. Патрушева «Пути обогащения словарного состава марийского языка». Авт. д. к. (Л., 1955), Д. Е. Казанцева и Г. С. Патрушева «Современный марийский язык. Лексикология» (Йошкар-Ола, 1972).

§ 25. Собираанию текстового материала, составлению словарей большое внимание в конце XIX — начале XX в. уделялось Финно-угорским обществом в г. Хельсинки, которое организовывало длительные поездки ученых в Россию для записи диалектологических текстов непосредственно от носителей языка. Так, у мари побывали А. Генец (на Урале) в 1887 г., Х. Паасонен (в Башкирии) в 1900 г., У. Вихман (у горных и луговых мари) в 1905 г., В. Поркка у луговых мари, в 1885—1886 гг. Записи этих ученых отличаются точностью и послужили основанием для написания ряда работ по марийскому языку — сборников текстов, словарей, грамматик (см. § 24).

Большой текстовой материал представлен в трудах: А. Генеца «Восточно-черемисские исследования» (A. Genetz. Ost-tscheremissische Sprachstudien — JSFOu. VII), В. Поркки «Черемисские тексты с переводом» (V. Porkka. Tscheremissische Texte mit Übersetzung. — JSFOu. XII), У. Вихмана «Черемисские тексты с словарным указателем и грамматическим очерком» (У. W i s h m a n n. Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss. Helsingfors, 1923), а также его статьи по истории марийского языка (см. FUF IX, JSFOu. XXX); Г. И. Рамстедта «Исследование горномарийского языка» (G. J. Ramstedt. Bergtscheremissische Sprachstudien. — JSFOu. XVII).

Особую ценность представляют материалы, собранные Э. Беке: марийские тексты в транскрипции с переводом на немецкий и венгерский языки: Ö. B e k e. Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. — JSFOu. LXXYI; Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde. — «Oslo Etnografische Museum Bulletin», 1931, 4; Mari szóvegek, I. Budapest, 1957; II — 1960, III — 1961; IV — 1961, и др.

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 26. Вокализм марийского языка характеризуется наличием ненапряженных (кратких, редуцированных) гласных фонем \hat{a} , \hat{e} , n , η , незначительной огубленностью лабиальных гласных u , \hat{u} , o , \hat{o} , слабой выделяемостью гласных ударных слогов по сравнению с безударными, отсутствием редукции в предударных слогах, палатально-велярной гармонией гласных (почти во всех диалектах) и лабиальной гармонией гласных (в луговом и восточном наречиях), отсутствием фонематического противопоставления по долготе и краткости.

Консонантизм характеризуется наличием только двух пар мягких (палатальных) и твердых согласных $n-\hat{n}$, $l-l'$ (в диалектах могут быть $\check{c}-\check{c}'$, $s-\hat{s}$, $z-z'$, $t-t'$), перед гласными переднего ряда согласные не палатализируются (pele 'тяжелый'), в исконно марийских словах сочетания шумных смычных не могут выступать в абсолютном начале слова и в пределах одного слога в середине слова, в положении после смычных сонантов вместо щелевых γ , δ , β выступают их фонетические варианты g , d , b .

Число фонем в диалектах различно в силу их исторического развития; именно на фонетических различиях и основывается прежде всего деление марийского языка на диалекты (в настоящее время эти различия в речи молодого поколения не всегда прослеживаются).

ГЛАСНЫЕ

§ 27. Лугово-восточный литературный марийский язык имеет 8 гласных фонем: $a[a]$, $o[o]$, $y[u]$, $\hat{y}[\hat{u}]$, $i[i]$, $e[e]$, $\hat{y}[\hat{u}]$, $\hat{o}[\hat{o}]$. В горномарийском литературном языке — 10 гласных фонем: кроме перечисленных в нем функционируют еще $\hat{u}[\hat{u}]$, $\hat{a}[\hat{a}]$. В диалектах, кроме того, имеются фонемы n , η .

В системе гласных фонем \hat{a} , \hat{e} , n , η получили название редуцированных или кратких (экспериментально доказано, что эти гласные во всех позициях имеют меньшую долготу)³⁵, ненапряженных, так как при произношении их органы речи не напряжены в отличие от остальных (напряженных) гласных a , o , u , i , e , \hat{o} , \hat{u} , обычно называемых гласными полного образования.

Фонематичность \hat{a} , \hat{e} , n , η бесспорна: мр.-луг. $\hat{s}\hat{h}\hat{z}\hat{e}$ 'осень' $\hat{s}\hat{i}\hat{z}\hat{e}$ 'почуял'; мр.-г. $\hat{l}\hat{o}\hat{m}$ 'снег', $\hat{l}\hat{o}\hat{m}$ 'имя'; мр.-сев.-зап. $\hat{s}\hat{u}\hat{r}$ 'рог', $\hat{s}\hat{n}\hat{r}$ 'кал', $\hat{s}\hat{o}\hat{r}$ 'грязь', $\hat{t}\hat{u}\hat{k}\hat{o}$ 'цвет', $\hat{t}\hat{n}\hat{k}\hat{o}$ 'толкни'. Гласные n , η встречаются в говорах северо-западного наречия, волжском и йошкар-олинском говорах лугового наречия, гласный \hat{a} — в горном и северо-западном наречиях, а также в некоторых говорах во-

³⁵ Груз. Диал. 58—62.

Классификация гласных фонем *

	Передний ряд		Средний ряд	Задний ряд	
	огубленные	неогубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные
Верхний подъем	ý [ü] (ɥ)	и [i]		у [u] (ɯ)	
Средний подъем	ö [ö]	е [e] ÿ [ə]	ы [ə]	о [o]	ы [ə] **
Нижний подъем		ä [ä]	а [a]		а [a]

Примечания. * В круглых скобках даны гласные фонемы, наблюдающиеся только в диалектах.

** Гласные а [a], ы [ə] в горномарийском имеют более заднюю по [сравнению с лугово-восточным артикуляцию].

сточного наречия: мр.-сев.-зап. βä·täks, мр.-г. βäräs 'ястреб', уф. šärtle 'верба'.

Фонетической закономерностью лугово-восточного марийского литературного языка является употребление гласных полного образования в основном в ударных и предударных слогах: таҥа-стараš 'сравнивать', огол 'сторож', еҥеҥ 'река', изи 'маленький', күтү 'стадо', расу 'поле', šökte 'сито', түкө 'рог' и др. Употребление же гласных в заударных слогах ограничено. В луговом наречии в этом положении могут выступать только а, о, е, ö (последние три в абсолютном безударном исходе при быстром темпе речи редуцируются: таче [ta·č'ə] 'сегодня'). В горном наречии в безударном абсолютном исходе почти не встречаются гласные о, е, вместо них выступают ä или ə (в соответствии с палатально-велярной гармонией): jo·γä 'течение', рёҥгə 'мужчина'; кроме того, особенностью вокализма горного наречия является и то, что в нем в заударных слогах могут выступать все гласные полного образования (кроме о, е): а·гза 'грива', äгä·lläs 'заслоняться', рi·ri 'цветок вербы', а·глу 'косяк'.

§ 28. Гласный е[e] имелся в прамарийском и восходит к ф.-у. *ä перед л, р, ж, а также в соответствиях е || ä : келаш 'идти вброд', вер || вёр 'место', лекташ || лăкташ 'выйти', мекш || мăкш 'гнилушка', эрде || әрды 'бедро'. Переход ä > е объясняется действием закона сужения гласных (§ 29). Гласный а[a], имеющий широкое употребление во всех диалектах, восходит в большинстве случаев к прамарийскому *a, где он был, по-видимому, несколько огубленным — a°, что дало ему возможность в ряде случаев перейти в гласный о: ошкыл || ашкыл 'шаг', водар || вадар 'вымя', возж || важ 'корень'. Современный и[i] в ряде случаев восходит к *e[e]: пече || ничы

'изгородь', *вене* // *вингы* 'зять', *вем* // *вим* 'мозг'³⁶; в других случаях является отражением прамр. *i: ий 'год', *пижаш* 'цепляться', *ний* 'лыко'.

Гласный o[o] имеет неоднородное происхождение. В большинстве случаев он восходит к прамр. o или волжск.-ф. *u: *ломбо* // *ломбы* 'черемуха' (э. *льом*, к. *лӧм*), *кож* // *кож* 'ель' (э. *куз*, ф. *kuusi*), в других — к гласному a: мр.-луг. *кожыт* 'два' (мд. *кафта*, ф. *kahte*), *кол* // *кол* 'рыба' (мд. *кал*, ф. *kala*).

Гласный o[ö] в прамарийском употреблялся в первом слове некоторых слов (в случаях диалектных соответствий ö ~ ÿ: *pöhtaš ~ lültaš* 'поднимать', *šön ~ sün* 'сухожилие' и др.³⁷ В диалектах гласный ö[ö] может восходить к другим гласным, подвергшимся огублению: мр.-волжск. *lögödaš* 'жать' (мр.-луг. *тjуредаш*), *sörläk* 'узда' (мр.-луг. *сорльж*), мр.-луг. *сöсна*, мр.-г. *сасна* < чув. *сисна* 'свишня', мр.-луг. *кӧргӧ* (э. *kirga* 'нутро').

Гласный ä[ä] (в горном, северо-западном и некоторых говорах восточного наречия) имеет не вполне ясную историю. Предполагается, что ä был в древнемарийском, затем был утрачен, позднее восстановился в горномарийском и в некоторых других диалектах, но уже под тюркским влиянием. Однако можно допустить, что в звуковых соответствиях a // ä (*ан* // *ӧн* 'отверстие', *пардаш* // *пӧрдаш* 'язь', *налаш* // *нӧлаш* 'взять'), а также e // ä (*те* // *тӧ* 'вы', *вер* // *вӧр* 'место', *ленеж* // *лӧнжӧж* 'кадка') в горномарийских словах сохранился прамр. ä (изменения гласных в диалектах марийского языка происходили неравномерно)³⁸.

Сложен вопрос об истории кратких гласных ä, э, п, ʔ. В марийском они возникли, вероятно, из гласных верхнего подъема еще в прамарийский период: *пыл* // *пыл* (ф. *pilvi*, к. *piv*, у. *pil'em*) 'облако'; *шыл* // *шӧл* 'мясо' (ф. *silava*, *sileva* 'шник', 'сало'), в других случаях являются результатом тюркского влияния, в первую очередь чувашского, в котором имеются редуцированные гласные, весьма схожие в количественном и качественном отношении с марийскими: *умла* // *ымьла* < чув. *хӧмла* 'хмель', *чыве* // *чӧвӧвӧ* < чув. *чӧвӧ* 'курица'³⁹.

Вокализм прамарийского языка можно представить в виде: а, ä, о, ö, и, й, i, е, ä, э, п, ʔ⁴⁰.

§ 29. Гласные (первого слога) прамарийского языка в своем историческом развитии претерпели различные фонетические изменения, которые происходили как в силу внутренних закономерностей, так и под влиянием соседних языков. Наиболее существен-

³⁶ В горном наречии лучше, чем в луговом, сохранилась древняя система гласных.

³⁷ Груз. Диал. 99.

³⁸ Груз. Диал. 114.

³⁹ Itk. Zur Gesch.; Груз. Диал. 62—82.

⁴⁰ Груз. Ист. фон. 85. В состав гласных прамарийского языка некоторые ученые не включают редуцированные (краткие) гласные. См.: Д. Г. К а в а н ц е в — ВФЯ II 34—43.

ными из них являются: 1) лабиализация (огубление) при сочетании гласных с губными согласными *м, б, п*; в языках родственных марийскому в таких случаях соответствуют нелабиализованные гласные: *лүмо* 'болячка' (мд. *лем* 'болячка на голове'), *мўки* (мд. *мекш, меш*) 'пчела', *вўр* (мд. *верь*) 'кровь', *пўй* (мд. *пей, пев*) 'зуб' и др. 2) сужение — гласный более низкого подъема переходит в гласный более высокого подъема — *а > о*: *понго* (мд. *панго*) 'гриб', *кол* (мд. *кал*) 'рыба', *шордо* (мд. *сярда*) 'лось' и др.; *о > у*: *кудыт* (мд. *кото*) 'шесть', *нур* (мд. *нор*) 'поле' и др.; *ä > е*: *шеренге* (ф. *särgki*, мд. *сарьга*) 'сорожка', 'плотва'; *шелаш* 'колоть' (ф. *säle* 'бранка'), *вер* (мр.-г. *вәр*) 'место' и др.; *е > и*: *шинча* (мд. *сельме* 'глаз', *кид* (мд. *кедь*) 'рука' и др.; 3) расширение — переход гласного более высокого подъема в гласный более низкого подъема — *у > о*: *шож* (мд. *шуж*) 'ячень', *кож* (мд. *куз*) 'ель', *койа* (мд. *куя*) 'жир' и др.; *и > е*: *нелаш* (мд. *нилемс*) 'глотать', *кердаш* 'нализывать' (мд. *кирдемс* 'держать'), *пече* || *пичы* (ф. *piha*) 'прясло', 'изгородь' и др.; 4) отпадение конечных гласных *а, е, и*: *под* (ф. *pata*) 'котел', *лум* (ф. *lumi*) 'снег', *тул* (ф. *tuli*) 'огонь', *кид* (ф. *käsi*) 'рука' и др.; 5) редукция гласных [u], [ü], [i] в безударных слогах.

Изменения гласных в диалектах прамарийского языка происходили неравномерно. Так, прамр. *а* в горном наречии оказался более устойчивым, в то время как в луговом процесс сужения *а > о* происходил интенсивно: *шордо* || *шарды* 'лосось', *шопо* || *шапы* 'кислый'.

Прамр. *ä*, сохранившись в горном наречии, в других диалектах перешел в *е* (исключение составляют северо-западные говоры), благодаря чему образовались звуковые соответствия: *е* || *ä* (*легенж-ләнгыж* 'кадушка', *вер* || *вәр* 'место', *те* || *тә* 'вы' и др.). Неравномерностью процесса сужения гласных объясняются и другие звуковые соответствия: *е* || *и* (*венте* || *вингы* 'зять', *меж* || *миж* 'шерсть' и др.); *о* || *у* (*нблпö* || *лўлпы* 'ольха').

Процесс сужения гласных в марийском языке — явление довольно позднего времени, действие его началось после XIV в. и наблюдается лишь в финно-угорских и тюркских языках Волго-Камья.

§ 30. В лугово-восточном и горномарийском литературных языках гармония представлена по-разному. В лугово-восточном литературном языке и его говорах наблюдается гармония по огубленности (лабиальный сингармонизм) и по рядности гласных (палатально-велярный сингармонизм). В горном и северо-западном наречиях лабиальный сингармонизм отсутствует, но в них с большей последовательностью выдерживается палатально-велярный сингармонизм, поэтому в этих наречиях за переднерядными *ö, ä, й, э* первого слога могут выступать в последующих слогах слова только переднерядные же (а также нейтральные *е, и*) и соответственно за гласными заднего ряда *о, а, и, ө* — только гласные того же ряда (или те же нейтральные *е, и*), например, в горно-

марийском имеем: *ангырымаш* [ängəgə·mäš] 'уженные рыбы', *ёштылкалаш* [əštəlkä·läš] 'места многократно', *йрчынызаш* [j̄rčə·n̄žäš] 'нюхать', *өркалаш* [örkäläs] 'обижаться', *аймытталташ* [ajm̄t·tlaš] 'заблудиться', *имниэшкы* [imn̄'ie·škə] 'верховой'. Палатальная гармония в луговом и в большинстве говоров восточного наречия последовательно соблюдается только по линии огубленных гласных *o, ö, u, ü* и тесно связана с гармонией по огубленности, все остальные гласные являются нейтральными. Палатально-велярный сингармонизм в луговом и восточном наречиях проявляется в следующем: если в первом слоге слова выступает переднерядный гласный ((*ä, ü, ö*) или нейтральный (*e, i, ä, a*), то в последующих слогах тоже должны быть гласные переднего ряда (или нейтральные *e, i, a, ä*), если же в первом слоге гласный заднего ряда (или нейтральные переднерядные *e, i*), то в последующих слогах также должны быть гласные заднего ряда, например: мр.-луг. *апшатлаш* [aršatlaš] 'заниматься кузнечным делом', *каруламыше* [karula·n̄šə] 'упорствующий', *күчыкемдыме* [küč'ə·kə·mdəme] 'укороченный'.

Лабияльная гармония состоит в уподоблении гласного абсолютного конца ударному гласному корня слова, т. е. если ударение падает на губной гласный корня (*o, u, ö, ü*), то гласный абсолютного конца слова тоже должен быть губным, притом того же ряда, что и ударный корня; если ударение падает на негубной гласный (*a, e, i, ä*), то на конце слова выступает гласный *e*, например, в лугово-восточном мы имеем: *волгыдо* [ʒo·l̄γädo] 'светлый', *күдырчө* [kü·d̄ərgč'ö] 'гром', *уремышке* [ure·m̄äške] 'на улицу', *кычкырыше* [kəč'kə·gəše] 'кричащий' и т. д.

Лабияльная гармония возникла в луговом и восточном наречиях под влиянием тюркских языков (чувацкого и татарского) ⁴¹.

Палатально-велярная гармония тесно связана с древним состоянием вокализма в финно-угорском языке-основе. Так, способность гласных *a, ы* выступать в качестве как переднерядных, так и заднерядных гласных указывает на то, что в прамарийском были *a* и *ä, ä* и *ə*. В горном и северо-западном наречиях обе пары продолжают существовать, в луговом же они совпали соответственно в одном *a* и в одном *ы[ä]* ⁴².

СОГЛАСНЫЕ

§ 31. Консонантизм лугово-восточного литературного марийского языка представлен фонемами: *б[b], в[β], з[ɣ], д[δ], ж[ž], з[z], й[j], к[k], л[l], ль[l'], м[m], н[n], нь[n'], р[ɣ], п[p], р[r], с[s], т[t], ф[f], х[x], ц[c], ч[č'], ш[š], ы[š'];* горномар. литературного языка: *б[b], в[β], з[ɣ], д[δ], ж[ž], з[z], й[j], к[k], л[l], ль[l'], м[m], н[n], нь[n'], р[ɣ], н[p], р[r], с[s], м[t], ты[t'], ф[f], х[x], ц[c],*

⁴¹ J. S z i n n y e i — НуК XXIV.

⁴² Груз. Диал. 142.

ч[č'], ш[s̄], ц[š']. В малмыжском, кильмезском, уфимском, пермском и некоторых других говорах восточного и лугового наречий встречаются фонемы сь[s'] и зь[z'], в волжском говоре лугового наречия, в пермском, свердловском и некоторых других говорах восточного наречия — какуминальная аффриката ч[č].

Наиболее употребительными согласными марийского языка являются ш, с, в, п, к, т, сонорные л, м, н, р. Они встречаются во всех фонетических позициях: *оланге* || *алангы* 'окунь', *воштыр* || *ваштыр* 'прут', 'лоза', *когыльо* || *кагыль* 'пирог', *мокташ* || *макташ* 'хвалить', *тока* || *токо* 'в прошлый раз', *нуно* || *нныны* 'они', *пачемыш* || *потемыш* 'оса', *шогертен* || *шагёртем* 'сорока', *моклака* || *маклака* 'полено'.

Согласный в[β] не встречается в позиции конечного согласного слова. Употребление звонких г, д, ж, з ограничено: они не могут выступать в абсолютном начале слова, исключение составляют некоторые служебные слова (*дене* || *доно* 'с', 'около', *гына* || *гына* 'только', *деч* || *дорц* 'от', *гыч* || *гйц* 'из', *гынат* || *гйнат* 'хотя' и др.), поздние заимствования из тюркских (*жап* || *жеп* 'время', *зангар* 'синий' и др.) и русского языков (*герой*, *зал*, *депо* и др.). Весьма ограниченно употребление б[b] — встречается в исконно марийских словах только в положении после смычного сонанта м: *комбо* || *комбы* 'гусь', *ломбо* || *ломбы* 'черемуха' и др., что дает право считать согласный б смычным вариантом билабиального в[β]. Однако б включается в состав фонем марийского языка, так как он получил широкое распространение благодаря многочисленным заимствованиям из русского языка: *кубометр*, *колбаса*, *кабинет*, *батарей* 'батарей', *бригадир* и т. д. В ранних русских заимствованиях согласный б[b] в абсолютном начале слов замещался фонемой родного языка п[р] (*печке* || *пецке* 'бочка', *пырня* || *преня* 'бревно') или же в[β]: *вочко* || *вачкы* 'бочка', 'кадка'. То же самое наблюдается в тюркских заимствованиях: *патыр* 'богатырь', *паренге* 'картофель'.

Согласные ф[f], х[x], ц[c], ть[t'], ры[r'] в лугово-восточном встречаются только в поздних русских заимствованиях: *механик*, *халва*, *ферма*, *цемент*, *отряд*, *секретарь*, *тягач* и др. В речи некоторых представителей старшего поколения может наблюдаться замена этих согласных фонемами родного языка: [meka'n'ik'], [kaɫʒa], [re:ŋma], [seme:nt]; х[x], ц[c] в горномарийском наблюдаются в чувашских и русских заимствованиях: *хала* 'город', *цама* 'жеребенок', *цанга* 'галка', *озырец* 'огурец' и др. Наиболее часто по сравнению с другими диалектами аффриката ц[c] встречается в северо-западном наречии: [šəc] 'сажа', [kasə] 'жених', 'парень', [cɲŋaš] 'клевать' и др.; ф[f] в горном наречии употребляется главным образом в русских заимствованиях, а также в редких словах междометного происхождения: *ёфылаш* 'дуть', *офигань* 'стройный'; ть[t'], встречающийся в горном, северо-западном и некоторых говорах лугового наречия, по-видимому, развился под чувашским и русским влиянием, поскольку встречается

Классификация согласных фонем *

			Переднеязычные			Передне- средне- язычные (палата- льные)	Задне- язычные	
			Губно- губные	зубно- дор- сальные	меж- зубные			олярно- какуми- нальные
Шумные	взрывные	глухие звонкие	п [p] б [b]	т [t]		ть [t']	к [k]	
	фрикатив- ные	глухие звонкие	ф [f] в [β]	с [s] з [z]	д [δ]	ш [š] ж [ž]	(сь [s']) (зь [z'])	х [x] г [ɣ]
Сопорные	аффрикаты	глухие		ц [c]		(ч [č])	ч [č']	
	смычно- проходные	носовые боковые середин- ные	м [m]	н [n] л [l]			нь [ɲ] ль [l'] й [j]	н [ŋ]
	вibrанты					р [r]		

Примечание. * В круглых скобках приводятся фонемы, встречающиеся только в диалектах.

большей частью в словах, заимствованных из этих языков: мр.-г. *тетя* [t'e't'a] 'дитя', *коти* [ko't'i] 'кошка', *амытина* [amət'i:na] 'хомут'; мр.-сев.-зап. [t'itak] 'ошибка'.

Согласные перед гласными переднего ряда [e, i, ö, ü, ä] ни в одном из диалектов марийского языка не палатализуются: *верге* // *вӱргы* [βeɣe // βäɣɣə] 'почка', *кӱлеш* // *келеш* [küleš // keleš] 'нужно', *леве* // *ливы* [leβe // liβə] 'теплый', *меж* // *миж* [mež // miž] 'шерсть', *пеи* // *пиш* [peš // piš] 'очень'.

§ 32. Исходя из данных различных диалектов, представляется возможным реконструировать систему согласных прамарийского языка: *p, t, k, č, č', m, n, ŋ, η, β, γ, δ, š, ž, j, l, l', r, s, ś, z, ź*⁴³. Согласные β, γ, δ наблюдались в интервокальном положении.

В современном горномарийском с его диалектами и в диалектах лугового-восточного сохранилась система прамарийских согласных (но в различных диалектах по-разному).

Прамарийский какуминальный *č в паре с палатальным *č' сохранился в пермском, елабужском, калтасинском говорах восточного наречия, в волжском говоре лугового наречия. В большинстве других говоров лугового и восточного наречий прамр. *č и *č' совпали в одном č'; в горном наречии из какуминального č

⁴³ Груз. Ист. фон. 144.

развился апикальный \check{c}' , а из палатального \check{c}' — согласный c ; в северо-западном наречии и йошкар-олинском говоре прамр. $*\check{c}$ и $*\check{c}'$ совпали в одном c . Это можно объяснить меньшей частотностью употребления \check{c} , вследствие чего он постепенно стал выступать как частный оттенок фонемы c [\check{c}'], а затем совпал с ней полностью и, кроме того, нельзя не учитывать и влияния чувашского, в котором в тот период была одна африката c [\check{c}']. Цоканье в марийских диалектах могло возникнуть из мягкого чоканья. Мог быть и второй путь — языковой контакт с племенем меря⁴⁴.

Согласные [ń] и [l'] являются палатальными в отличие от русских палатализованных *ль* и *нь* и представляют собой в марийском языке финно-угорское наследие, диалектные же [ž], [š], [ž] по своему происхождению являются вторичными. В исконно марийских словах [z], [ž], [ž] встречаются только в интервокальном положении и в сочетании с сонантами, возникли в результате озвончения соответствующих им глухих [s], [š], [š] уже после того, как процесс перехода $s > š > š$ закончился. Как известно, этот процесс действовал в марийском до XIII—XIV вв. (в этом убеждают чувашские заимствования из марийского). В ранний период чувашско-марийских контактов марийские слова заимствуются в чувашский с согласным [s]: мр.-луг.: *ший* < *сий* > чув. *сой*, *сий* 'пласт', 'слой дерева'; *шагал* || *шăгал* > чув. *сагал*, *сахал* 'мало'. Заимствования более позднего времени из марийского в чувашский передаются уже в измененном виде — с согласным [š]: мр.-луг.: *шаике* > чув. *шашкă* 'бобр'; *кышыл* > чув. *кăшăл* 'ворох' и др. Однако процесс перехода [s], [š] в [š] в диалектах происходил неравномерно. В малмыжском, кильмезском и некоторых других диалектах качество прамр. [s] не изменилось в подавляющем большинстве случаев: малм. *suzar* (мр.-луг. шўжар, ф. *sisar*) 'младшая сестра', кильм. *sül'ö* (ф. *syli*) 'сажень' и др.

§ 33. Марийское слово не могло начинаться со звонкого шумного согласного, а также со стечения шумных согласных. Эта особенность фонетики марийского языка является финно-угорским наследием и ярко проявляется при заимствовании слов из других языков: тат. *буран* > мр.-луг. *поран*, русск. *дыяк* > мр.-луг. *тиак*, русск. *забор* > мр.-луг. *савар*, русск. *горница* > мр.-луг. *корница* и др. Однако в современном марийском языке эти закономерности нередко нарушаются под влиянием тюркских и русского языков (особенно в советский период в связи со всеобщем, влиянием печати, радио и т. д.). Мари в заимствованных русских словах сохраняют звонкое произношение согласных, стечение шумных согласных: *гараж*, *багаж*, *доклад*, *герой*, *студент*, *справка*, *склад* и др. Однако в речи мари старшего поколения и в настоящее время иноязычные слова, подчиняясь фонетическим законам родного языка, не могут начинаться со звонкого взрывного согласного (*krusč'ik* 'грузчик', *реда* 'беда', *tarja* 'Дарья'); мягкий

⁴⁴ Груз. Диал. 185—189.

[d'] в этом положении замещается согласным [j]: *jelo* 'дело', *jesatnik* 'десятник' и др.; при стечении шумных согласных в начале слова происходит выпадение одного из них: мр.-луг. *трук* 'вдруг', мр.-г. *крипица* 'скрипка' (русск. диал. *скрипица*), *куаšна* 'квашня' или же вставляется дополнительный гласный — протеза: мр.-луг. *јстел* 'стол', мр.-г. *кырис* 'крыса'.

§ 34. В марийском наблюдается прогрессивная ассимиляция по звонкости—глухости и способу образования. Ассимиляция по звонкости происходит после сонантов и шипящего *жс*, ярко проявляясь при словосложении и заимствовании из других языков: *шемгишке* || *шимгишкы* 'гадюка' (*шем* || *шим* 'черный' + *кишке* || *кишкы* 'змея'), *йолвундаш* || *ялвындаш* 'ступня' (*йол* || *ял* 'нога' + *пундаш* || *пындаш* 'основание', 'дно'), *межгем* || *мижгем* 'валенки' (*меж* || *миж* 'шерсть' + *кем* 'сапоги'), *онго* < чув. *унка* 'кольцо', 'петля'. *ынде* < чув. *ёнте* 'теперь', *ламбе* < русск. *лампа* и др. Ассимиляция по звонкости—глухости наблюдается и при суффиксации: *налза* || *нәлда* 'возьмите', но: *кочса* || *качда* 'ешьте', *йолжо* || *ялжы* 'его нога', но: *почшо* || *пачшы* 'его хвост'; на стыке слов: *куп дене* [kup tene] 'болотом' || *кырык доно* [kârâk tono] 'горой', но: *меж дене* || *миж доно* [mež dene || miž dono] 'шерстью'.

К явлениям ассимиляции относится и наблюдавшееся в прошлом озвончение глухих согласных в интервокальном положении: *кйвар* || *кйвер* < чув. *кепер* 'мост', *реве* < русск. *репа*, *рожомак* < русск. *россомаха*, *авагашта* || *äвагäшта* 'матица' (*ава* || *äва* 'мать' + *кашта* || *кәшта* 'перекладина'), *кид* [kit] 'рука', но: *кидым* [ki ðäm] 'руку'. В настоящее время эта закономерность уже не действует, имеется множество случаев, когда глухие в интервокальном положении не озвончаются: *кутыраш* || *попаш* 'говорить', *сакаш* 'вешать', 'повесить' и др.

Второй вид ассимиляции — уподобление по способу образования — существует в виде перехода щелевых *в*[ʒ], *г*[ɣ], *д*[ð] в их смычные варианты (в позиции после смычных сонантов *н*[n], *п*[p], *м*[m]): *кондаш* || *кандаш* [kondaš] [kandaš] 'принести', но: *кодаш* [kodaš] 'оставлять': *шонго* || *шонгы* [šonŋo] || [šonŋə] 'старый', но: *шога* || *шагы* [šoŋo] || [šaŋə] 'стой'.

Ассимиляция согласных в истории фонетической системы марийского языка сыграла большую роль — звонкие согласные в нем развились в силу действия этой закономерности.

Метатеза наблюдается в междиалектных соответствиях: *рывыж* || *ёрвыж* 'лиса', *рјдө* || *ёрды* 'сердцевина', *ушша* || *ышша* 'рот' и др., в иноязычных словах: мр.-г. *селтека* < русск. *седелка*, мр.-луг. *чылвыр* < чув. *валчара* 'цеш', 'ценочка'.

УДАРЕНИЕ

§ 35. Ударение в марийском в основном долготное, хотя в какой-то мере является и силовым (при этом следует заметить, что в марийском ударный гласный выделяется несколько иначе, чем в русском: в отличие от русского языка в марийском не наблюдается редукции гласных в предупредных слогах).

Марийское ударение фиксированное, поскольку нельзя произвольно менять его место в слове, в лугово-восточном же оно к тому же разноместное, т. е. в одних словах оно падает на первый слог, в других — на второй и т. д. Например, слово *күсьменьлыше* [küsme·nlâše] 'рулевой' в лугово-восточном марийском должно быть произнесено в данной грамматической форме с ударением на втором слоге, перенос на любой другой слог слова ведет к нарушению фонетического облика слова. При словообразовании и словоизменении ударение нередко перемещается с одного слога на другой: *ойлэм* 'я говорю', *ойлыш* 'он говорил', *ойлымаш* 'рассказ'. Обусловлено такое перемещение ударения изменениями в фонетическом оформлении слова и особенно — последнего слога слова. Следовательно, ударение в марийском лугово-восточном подвижное. Почти всегда ударным является конечный закрытый слог с гласным *a* или *e*: *ужам* 'я вижу', *ужеш* 'он видит'. Если в конечном закрытом слоге выступает гласный *ы*[ä], то он всегда безударный, ударение в таком случае падает на первый от конца слова гласный полного образования: *ужаташ* 'проводить', *ужатышым* 'я проводил (проводил)', *кентежым* 'летом', *ужым* 'я видел' и т. д. Если в слове во всех слогах имеется только гласный *ы*[ä], то ударение падает на первый, иногда второй слог слова: *ыштышым* 'я делал', *ыстылжым* 'его перо' и т. д. Те же фонетические закономерности в постановке ударения в слове наблюдаются и в чувашском языке.

Гласные абсолютного конца слова, обозначаемые в орфографии *o*, *e*, в литературном лугово-восточном всегда безударны и подвергаются редукции, за исключением случаев, когда они выступают в словообразовательных суффиксах: *-e*; *-ge*; *-de*, *-te*: *йыгырэ* 'рядом', *кокыте* 'надвое', *вуйгэ—почгэ* 'с головой и хвостом', т. е. 'полностью'. Таким образом, место ударения в современном лугово-восточном литературном марийском языке зависит от фонетических условий, хотя и наблюдаются случаи морфологизации ударения.

В сложных словах, образованных способом подчинения компонентов, наблюдается главное и второстепенное ударения: *рокнӧлтыш* [ro : knö·ltâš] 'груздь' (*рок* 'земля' + *нӧлтыш* 'поднимающий'). Если сложное слово образовано из семантически равноправных компонентов, связанных способом сочинения, оба компонента такого слова получают равноправное ударение: *кӱмыж-совла* [kü·măž-so·ʎa·] 'посуда' (*кӱмыж* 'блюдо' + *совла* 'ложка').

В горномарийском литературном языке ударение в слове обычно падает на пениультиму, т. е. на предпоследний слог слова:

кáчкаш [kač'kaš] 'есть' (в мр.-луг. *кочкаш* [koč'kaš]), *качкылдáлаш* [kač'kəlda'laš] 'немного поесть', *кымда* [kə'mda] 'широкий'. Если вокализм слова во всех слогах представлен гласным э или ө, то ударение падает на первый или второй от начала слова слог.

В прамарийском ударение падало на первый слог слова, затем в процессе исторического развития языка ударение переместилось на непервые слоги при наличии в них гласных полного образования, прежде всего на *a* и *e*. Таким образом, из фиксированного на первом слоге неподвижного ударения в прошлом развилось качественно-вокальное подвижное ударение с элементами морфологизации ⁴⁵.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 36. Морфологический строй марийского языка характеризуется отсутствием грамматического рода, наличием особого склонения — притяжательного. Марийские падежные окончания выражают только падежные значения.

Имена в марийском языке могут иметь лично-притяжательное оформление, т. е. иметь при себе суффикс, указывающий на лицо, кому принадлежит предмет, выражаемый именем: *тувыр* || *тыгыр* 'платье' — *тувырем* || *тыгырем* 'мое платье', *тувырет* || *тыгырет* 'твое платье'; *ава* || *äва* 'мать', *авам* || *äвам* 'моя мать', *ават* || *äват* 'твоя мать' (термины родства, как правило, не употребляются без притяжательных суффиксов). Имена прилагательные, получая притяжательное оформление, субстантивизируются: *чеверем* || *цеверем* 'мой красивый' (мыслится не как признак предмета, а предмет, обладающий данным признаком).

Глагол в марийском языке имеет характерную для финно-угорских языков видо-временную систему: в нем действия, совершающиеся в настоящее время, а также те, которые совершатся в будущем, выражаются одной формой настоящего-будущего времени. В марийском глагол не имеет грамматической категории совершенного и несовершенного вида (совершенство и несовершенство действия выражается сочетанием деепричастия со вспомогательным глаголом: *мурен колташ* 'спеть' в отличие от *мураш* 'петь'). Неспрягаемые формы марийского глагола могут иметь лично-притяжательное оформление. Прилагательное в марийском языке грамматически слабо оформлено (нередко трудно установить, к какой грамматической категории следует отнести слово — к имени прилагательному или наречию, прилагательному или существительному).

⁴⁵ Груз. Диал. 122—125.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 37. Имя существительное в марийских языках характеризуется грамматическими категориями числа, падежа и лично-притяжательности. Имеется два числа: единственное и множественное. Ед. число специального суффикса не имеет. Мн. число в лугово-восточном марийском литературном языке оформляется при помощи суфф. *-влак*, а в горномарийском — при помощи суфф. *-влă*: *ÿдыр-влак* || *ÿдыр-влă* 'девушки' (ед. ч. *ÿдыр* || *ÿдыр* 'девушка'); в говорах лугового наречия мн. число образуется при помощи суфф. *-šaməč'*: *ÿ'dəg-šaməč'* 'девушки; в говорах восточного наречия может встречаться суфф. *-lak*.

Марийские суффиксы мн. числа являются чувашскими заимствованиями: *-влак* || *-влă* < чув. *olak*, монг. *bölag*, *bölög* 'группа'⁴⁶; мр.-луг. *šaməč'* < чув. *-sam* (суфф. мн. ч.).

Прафинно-угорский показатель мн. числа **-t* (см. М. § 12, 13, 14) в марийском языке сохранился в настоящее время в сложном суфф. *-мыт*, употребляемом для выражения групповой множественности лиц, объединенных какими-либо отношениями (родственными, дружественными и др.): *авамыт* 'мой отец с близкими, кто с ним', *ÿванмыт* 'Иван с близкими, кто с ним'. Обычно суфф. *-мыт* употребляется с терминами родства или же с собственными именами. Его компоненты: притяжательный суфф. **-m* (1л. ед. ч.) + соединительный гласный *-ə* + показатель мн. числа *-t*.

Кроме указанных, в марийском языке имеется суфф. *-ла*, выражающий собирательную множественность, в словах с собирательным значением: *куэрла* || *кугила* 'березняк' (*куэ* || *куги* 'береза'). Суфф. *-ла* нередко выражает обстоятельственную множественность в словах, имеющих формы пространственных падежей: мр.-луг.: *яллаште* 'в селлах', *кечылаште* 'на днях'.

Имена существительные, обозначающие отвлеченные понятия, а также вещества, не имеют формы мн. числа: *ревзылык* || *ÿрвезылык* 'молодость', *вÿд* || *вÿд* 'вода'.

§ 38. Как в лугово-восточном, так и в горномарийском литературном языке насчитывается семь падежей: именительный (Nominativ), родительный (Genitiv), дательный (Dativ), винительный (Akkusativ), местный (Inessiv), направительный (Illativ), обстоятельственный, отвечающий на вопрос «где?».

Имена существительные имеют основное и лично-притяжательное склонение (см. § 40).

⁴⁶ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 61. — Кроме Рамстедта, о марийских суффиксах мн. числа писали и другие ученые финно-угроведы: У. Вихман считал, что суфф. *-влак*, *-вла* происходит от слова *püla* 'довольно много' (MSFOu. XXIX 27—30). Утигла суфф. *-lak* сопоставляет с мордовским словом *vel* 'деревня' и выводит этимологию этого слова от марийского *püla* 'довольно много' (MSFOu. XXIX 27—31); П. Равила суфф. *-влак* тоже возводит к самостоятельному слову (MSFOu. XXVII 94—95).

ОСНОВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

	Для гласных основ	Для согласных основ
Им.	—	—
Род.	-н // -н	-ын // -ын, -ён
Дат.	-лан // -лан, -лән	-лан // -лан, -лән
Вин.	-м // -м	-ым // -ым, -ём
Местн.	-ште, -што, -штö // -шты, -штй	-ыште, -ышто, -ыштö // -ышты, -ыштй
Напр.	-шке, -шко, -шкö // -шкы, -шкй	-ышке, -ышко, -ышкö // -ышкы, -ышкй
Обст.	-эш, -еш // -эш, -еш -ш // -ш	-эш, -еш // -еш

Фонетические варианты падежных окончаний в лугово-восточном обусловлены законом лабиальной гармонии, в горномарийском — палатально-велярной гармонии.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА ГЛАСНЫЙ ЗВУК

	(на ударяемый) ⁴⁷	(на неударяемый)
Им.	<i>ачá, 'отец', пасú 'поле'</i>	<i>кíнде // кíнды, 'хлеб', áта 'отец'</i>
Род.	<i>ачáн, пасúн</i>	<i>кíндын // кíндын, áтан</i>
Дат.	<i>ачáлан, пасúлан</i>	<i>кíндылан // кинды́лан, áтáлан</i>
Вин.	<i>ачáм, пасúм</i>	<i>кíндым // кíндым, áтам</i>
Местн.	— <i>пасúшто</i>	<i>кíндыште // кинды́шты</i>
Напр.	— <i>пасúшко</i>	<i>кíндышке // кинды́шкы</i>
Обст.	— <i>пасу́ш</i>	<i>кинды́ш // кинды́ш</i>

Слова, обозначающие живые существа, могут употребляться только в форме первых четырех падежей.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА СОГЛАСНЫЙ ЗВУК

Им.	<i>кайык // кек 'птица'</i>	<i>вож // важ корень</i>
Род.	<i>кайыкын // кékын</i>	<i>вóжын // вáжын</i>
Дат.	<i>кайыклан // кéклан</i>	<i>вóжлан // вáжлан</i>
Вин.	<i>кайыкым // кékым</i>	<i>вóжым // вáжым</i>
Местн.	—	<i>вóжышто // вáжышты</i>
Напр.	—	<i>вóжышко // вáжышкы</i>
Обст.	—	<i>вожéш // важéш</i>

⁴⁷ В горномарийском нет существительных с основой на ударяемый гласный в абсолютном конце слова.

При склонении существительных во мн. числе падежные суффиксы присоединяются к суффиксам мн. числа: им. *имне-влак* || *имны-влä* 'лошади', род. *имне-влакым* || *имны-влän*, дат. *имне-влаклан* || *имны-влäлан*, вин. *имне-влакым* || *имны-влäm*.

При обращении к родственникам старше себя употребляется звательная форма с суфф. *-й* || *-и*: *ачай* || *äти* (*ача* || *äта* 'отец'), *авай* || *äви* (*ава* || *äва* 'мать').

В форме им. падежа существительные могут выступать в роли определения, находясь перед определяемым, например: им. п. *ломбо уки* || *ломбы уки* 'ветвь черемухи', род. п. *ломбо укшын* || *ломбы укшын* 'ветви черемухи', дат. п. *ломбо укшлан* || *ломбы укшлан* 'ветви черемухи' и т. д.

§ 39. Окончание род. падежа *-н*, *-ын* восходит к ур. **-n* (см. М. § 44).

Окончание дат. падежа *-лан* состоит из финно-угорского словообразовательного суфф. **-l* (см. М. § 79) и уральского лат. суфф. **-ñ-* (см. М. § 75); древний лат. **n-* сохраняется в наречиях: *ончылан* || *анзылан* 'вперед', *ймбалан* || *вйлан* 'наверху' и др.

Окончание вин. падежа *-м(-ым)* в современном марийском употребляется при указании на определенный предмет (*пöртым шындем* 'ставлю дом') и восходит к ур. **-m* (см. М. § 48).

Прямое дополнение, управляемое инфинитивной формой, остается немаркированным (*кол кучаш каена* || *кол кычаш кена* 'идем ловить рыбу').

Окончание местн. падежа *-ште*, *-што*, *-штö* || *-шты*, *-штй* состоит из финно-волжского лат. **-s* > *-š* (сохранился в наречиях: *тореш* 'поперек', *ваштареш* || *воштареш* 'напротив') и финно-угорского лок. **-t* (см. М. § 88, 89, 63).

Окончание напр. падежа *-шке* состоит из упомянутого лат. **-s* и финно-угорского лат. **-k* (сохранился в наречиях: *велке* || *вйлки* 'в сторону', *ончыко* || *анзыкы* 'вперед', см. М. § 88, 71).

Окончание обст. падежа *-ш*, *-еш* восходит к лат. **-s*: *пöртеш кодын* 'остался дома' (см. М. § 88).

В прамарийском языке было гораздо больше падежей, чем в современном марийском, о чем свидетельствуют остатки древних падежных формантов в составе современных наречий и послелогов.

Для прамарийского периода восстанавливаются следующие падежи и падежные окончания: именительный — окончание нулевое, родительный — *-n*, винительный определенный — *-m*, винительный неопределенный — нулевое, направительный — *-la*, направительный — *-ke*, направительный — *-ñ*, направительный — *-s* > *-š*, местный — *-ne*, исходный — *-t'* > *-č'*, продолжный (или пролатив) — *-te*, *-t*, совместный — *-γe*, *-ke*, инструктив — *-iñ* > *-әп* ⁴⁸.

⁴⁸ Список составлен по данным Б. А. Серебренникова (см.: Вопр. мар. I 106) и Н. С. Галкина (см.: Галк. I 56).

§ 40. Притяжательные суффиксы присоединяются к основе слова, обозначающего предмет обладания, и указывают на лицо обладателя: *куэм || кугиэм* 'моя береза'.

ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

Для гласных основ

(на ударяемый гласный)		(на неударяемый гласный)	
Ед. ч.	1л. -м, -эм	-м, -ем -м, -ем	
	2л. -т, -эт	-ет, -ч -эт, -т	
	3л. -же, -жо, -жө	-ыже, -ыжо, -жы, -ыжы -ыжо -жы, -ыжы	
Мн. ч.	1л. -на	-ына -на, -нә	
	2л. -да	-ыда -да, -дә	
	3л. -шт	-ышт -шты, -шты	

Для согласных основ

Ед. число	Мн. число
1л. -ем -ем	-на -на, -нә
2л. -ет -ет	-да -да, -дә
3л. -ше, -же -шы, -жы	-ышт -шты, -ышты
-шо, -жо -шы, -жы	
-шо, -жо	

Лично-притяжательные суффиксы 2-го и 3-го лица ед. числа могут употребляться в непритяжательном значении, соответствующем значению русской частицы *-то*: *Шыже йүдшө пеш пычкемыш || Шыжы ййдиш пиш пычкемыш* 'Осенняя ночь-то очень темная'.

Суффикс мн. числа обычно следует за притяжательным суффиксом, но может и предшествовать ему (в горномарийском чаще предшествует суффиксу притяжательности) *түрвыжвлакым || тырвывләжым* 'губы свои' (вин. п.), *тан-влакым || тәнгвләэм* 'мои друзья'.

В притяжательном склонении лично-притяжательный суффикс в первых четырех падежах стоит перед падежным окончанием или перед суффиксом мн. числа, а в трех последних падежах — после падежных суффиксов.

ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Ед. число	Мн. число
Им. <i>куэм кугиэм</i> 'моя береза'	<i>куэм-вләк кугивләэм</i>
<i>тувырэм тыгырэм</i> 'моя рубашка'	<i>тувырэм-вләк тыгырвләэм</i>

Род.	<i>куэмын кугиэмын</i>	<i>куэм-влáкын кугивлáэмын</i>
	<i>тувырэмын тыгырэмын</i>	<i>тувырем-влáкын тыгырвлáэмын</i>
Дат.	<i>куэмлán кугиэмлан</i>	<i>куэм-влáклán кугивлáэмлан</i>
	<i>тувырэмлán тыгырэмлан</i>	<i>тувырем-влáклán тыгырвлáэмлан</i>
Вин.	<i>куэмым кугиэмым</i>	<i>куэм-влáкым кугивлáэмым</i>
	<i>тувырэмым тыгырэмым</i>	<i>тувырем-влáкым тыгырвлáэмым</i>
Местн.	<i>куэштэм кугиэштем</i>	<i>куэ-влáкыштэм кугивлáштем</i>
	<i>тувырыштэм тыгырыштем</i>	<i>тувыр-влáкыштэм тыгырвлáштем</i>
Напр.	<i>куэшкэм кугиэшкешем</i>	<i>куэ-влáкышкэм кугивлáшкешем</i>
	<i>тувырышкэм тыгырышкешем</i>	<i>тувыр-влáкышкэм тыгырвлáшкешем</i>
Обст.	<i>куэшэм кугиэшешем</i>	<i>куэ-влáкешэм кугивлáшешем</i>
	<i>тувырешэм тыгырешешем</i>	<i>тувыр-влáкешэм тыгырвлáшешем</i>

Лично-притяжательные суффиксы употребляются со всеми категориями слов, выступающими в функции существительных, а также с причастиями, деепричастиями и инфинитивом, исторически выявляются и в притяжательных местоимениях 1-го и 2-го лица мн. числа: *илышыже || илышыжы* 'жизнь его', *йошкар-гет || якшаргет* 'твой красный', *кумытем || кымытем* 'мои три', *возымыжо || сиремыжы* 'написанное им', *кочкашет || качкашет* 'твоя еда' (букв. 'твое есть') и т. д.

Категорию лично-притяжательного склонения марийский язык унаследовал от финно-угорской языковой общности (см. М. § 99).

§ 41. С л о в о о б р а з о в а н и е имен существительных. Как правило, многочисленные слова в марийском являются словами с производной основой. Двусложные, как правило, имеют непроизводную основу: *юмо || юмы* 'бог', *теле || телы* 'зима'. Однако и среди двусложных немало слов с производной основой: *луман || лыман* 'снежный', *пүнчер || яктер* 'сосняк'.

Современные марийские словообразовательные (и словоизменительные) суффиксы финно-угорского происхождения, как правило, могут начинаться только с гласных *a, ä; e, ы, ё*, что связано с фонетической закономерностью, действовавшей в прафинно-угорском языке, где в качестве гласных непервых слогов могли выступать только *-a, -ä, -e*, или же с согласных, чаще всего с *so-*

нантов (см. Ф. § 95, 96, 103). Суффиксы же тюркского происхождения, начинаются с согласных: *-лык*; *-зе*, *-се*; *-сыр*; *-ле* и др.

Имена существительные в марийском образуются способом суффиксации и путем сложения основ.

§ 42. В марийском языке имеется более 40 словообразовательных суффиксов имен существительных. Эти суффиксы образуют имена существительные 1) от имен, 2) от глаголов, 3) как от имен, так и от глаголов.

К первой группе относятся: а) продуктивные суффиксы: *-лык*: *поро* // *пурь* 'добрый', 'хороший' — *порьлык* // *пурьлык* 'доброта'; *-аш* (диал. *-аши*): *тувыр* // *тыгыр* 'рубаша', 'платье' — *тувыраш* // *тыгыраш* 'материал для рубашки', 'платья'; *-зе*, *-зо*, *-зё* // *-зы*, *-зё*: *кол* 'рыба' — *колызо* 'рыбак', мр.-г. *кыты* 'стадо' — *кытёзы* 'пастух' (в восточном наречии — *-че*, *-чё*, *-чо*: мр.-в. *кытёчё* 'пастух'); б) малопродуктивные суффиксы: *-эр*, *-ер* — имеют собирательное значение: *кож* // *кожер* 'ель' — *кожер* // *кожер* 'ельник', мр.-г. *кй* 'камень' — *кйэр* 'камни'; *-ешке* // *ешкы*: *имне* // *имни* 'лошадь' — *имнешке* // *имнешкы* 'верховой'; *-та* // *-ита*, *-итя*: мр.-луг. *чонга* 'холм' — *чонгата* 'холмик', мр.-г. *лап* 'низкий' — *лапита* 'низина'; суффиксы, встречающиеся в единичных случаях: *-т* // *-ц*: *келге* // *келгы* 'глубокий' — *келгыт* // *келгыц* 'глубина'; *-ньё* // *ньё*: *чйчй* // *чйцы* 'младший брат матери' — *чйчйньё* // *чйцыньё* 'жена младшего брата матери' (ф.-у. **йе* 'женщина', Л. § 4); *-ле*, *-ло*, *-лё* // *-лы*, *-лё*: *вйд* // *вйёд* 'вода', *вйтеле* // *вйтелы* 'кулик'; суффиксы, встречающиеся в одном из литературных языков или только в диалектах: мр.-г. *-ес*: *лоптырес* (мр.-луг. *лоптыра* 'неаккуратный', 'нескладный' (о человеке), *-ишка* — русское заимствование: мр.-г. *ороды* 'глухой' — *ородишка* 'глушышка'. Только в говорах восточного наречия встречается суфф. *-пе*: *лэрепе* (мр.-луг. *лыве*) 'бабочка'; суффиксы, вносящие в личные имена уменьшительно-ласкательное значение: *-ук*, *-уш*: *Верук* 'Верочка', *Веруш* 'Верушка', *Анук* 'Анечка', *Петюш* 'Петенька', *Санук* 'Санечка'.

Ко второй группе относятся: а) продуктивные суффиксы: *-маш* // *-маш*, *-май*: *кутыраш* // *кытыраш* 'беседовать', 'говорить' — *кутырымаш* // *кытырымаш* 'беседа'; *-чык* // *-зык*, *-цык*: мр.-луг. *моктанаш* 'хвалиться' — *моктанчык* 'хвостун', мр.-г. *кукташ* 'путать' — *куктынзык* 'путаница'; *-ем* // *-ем*: *руаш* // *роаш* 'рубить' — *руэм* // *роэм* 'вырубка', *илаш* // *йлаш* 'жить' — *илем* // *йлем* 'жилье'; б) малопродуктивные суффиксы: *-ыш* // *-ыш*, *-йш*: *кочкаш* // *качкаш* 'есть' — *кочкыш* // *качкыш* 'еда'; *-е* // *-е*: *шокташ* // *шакташ* 'просеивать' — *шокте* // *шакте* 'решето'; *-ыл* // *-ыл*, *-йл*: *ошкедаш* // *ашкедаш* 'шагать' — *ошкыл* // *ашкыл* 'шаг'; *-еж*: *пунчаш* // *пынзаш* 'крутить', 'вертеть', 'выжимать' — мр.-луг. *пунчеж* 'дерево со свилеватыми волокнами', мр.-г. *пынзеж* 'прядь'.

К третьей группе относятся малопродуктивные суффиксы: *-ык* // *ык*, *-йк*: *пырче* // *пырцы* 'зерно', 'крупница' — *пырчык* 'крупинка' // *пырцык* 'малышка', мр.-г. *мерцаш* 'хиреть' — *мерцык*

‘хронически больной’; *-ка* // *-ка*, *-кă*: *вўдылаш* // *вїдылаш* ‘завертывать’ — *вўдылка* // *вїдылка* ‘сверток’, *ўмыл* // *їмыл* ‘силуэт’, ‘тень’ — *ўмылка* // *їмылка* ‘тень’; *-ак* // *-ак*, *-ăк*: *иза* // *їза* ‘старший брат’, ‘дядя’, *шольо* // *шолыы* ‘младший брат’ — *изак-шольак* // *їзак-шольак* ‘братья’, *кочо* // *качы*, ‘горький’, *шопо* // *шаны* ‘кислый’ — *кочак-шопак* // *качак-шанак* ‘горько-кислый’; *-зе*, *-зо*, *-зö* // *-зы*, *-зй*: *ургаш* // *ыргаш* ‘пить’ — *ургызо* // *ыргызы* ‘портной’.

§ 43. Часть словообразовательных суффиксов имен существительных имеет уральское происхождение⁴⁹, например, суфф. *-ер* < ур. **-r* (суффикс отыменных существительных): *нõлпер* // *лїлпер* ‘ольшняк’, ‘заросли ольхи’; *-це*, *-цы* < ур. **-č*: *регенге* // *режень* ‘мох’; *-та* // *-та*, *-тă* > ур. **-tt*: мр.-луг. *чонгата* ‘холмик’; *-ле*, *-л*, *-лõ* // *лй*: ур. **-l*: *вўтеле* // *вїтелыы* ‘кулик’; *-ме*, *-мõ* // *-мы*, *-мй* < ур. **-m*: мр.-луг. *пўгылмõ* ‘шишка’, мр.-г. *пўзылмы* ‘рябина’; *-ыш*, *-ш*, *-ыки* < ур. **-ks*, **-s*: *пылыш* (диал. *põlõks*) ‘ухо’.

Финно-угорское происхождение имеют суфф. *-не*: мр.-в. *Iãpeñe* ‘бабочка’ (ф.-у. **-ń + *-je*, либо ур. **-n*, либо **-ń*), *-т* // *-ц*: *келгыт* // *келгыц* ‘глубина’ (ф.-у. **-t* для отыменных имен); *-аш* // *-аш*, *-ăш* (диал. *-aks*) (ф.-у. **-k + *-s*).

Ряд сложных суффиксов образовался в марийском в период его самостоятельного развития путем сложения различных суффиксов, существовавших еще в общефинно-угорский период: суфф. *-енче* сложился из финно-угорских суфф. **-ne* и **-č’e* (мр. диал. *-əncə*, *-əncə*): мр.-луг. *волгенче* ‘молния’, сев.-зап. *tokšãncš* ‘налим’ (от *мокиш* ‘печень’). В образовании мр.-г. *валгынзыш* ‘молния’ приняли участие суфф. **-ne*; **-ce*; **-s*. Суфф. *-ешке* // *-ешы* восходит к **-sk* отыменных глаголов: *имне* // *имни* ‘лошадь’ — *имнешке* // *имнйшыкы* ‘верховой’.

Ряд словообразовательных суффиксов имен существительных имеет тюркское происхождение: *-лык*: *таза* // *шу* ‘здоровый’ — *тазалык* // *шулык* ‘здоровье’; *-чык* // *-зык*: *пудранаиш* // *пудранаиш* ‘мешаться’, ‘смешиваться’ — *пудранчык* // *пудранзык* ‘мешанина’; *-зе*, *-зо*, *-зö* // *-зы*, *-зй* являются фонетическим вариантом чувашского *-св*: *кутыраиш* // *кытыраиш* ‘говорить’ — *кутырызо* // *кытырызы* ‘говорун’.

§ 44. Весьма продуктивным способом образования имен существительных является словосложение. В зависимости от способа связи компонентов, входящих в состав сложного слова, они могут быть подчинительного типа (когда первый компонент поясняет второй): *шинчавўд* // *сїнзавїд* ‘слезы’ (*шинча* // *сїнза* ‘глаза’ + *вўд* // *вїд* ‘вода’), *йолгорно* // *ялгорны* ‘тропинка’ (*йол* // *ял* ‘нога’ + *корно* // *корны* ‘дорога’), *йошкарон* // *яшаронг* ‘снегирь’ (*йошкар* // *яшкар* ‘красный’ + *онг* // *онг* ‘грудь’) и сочинительного типа (когда оба компонента равноправны): *кид-йол* // *кид-ял* ‘ко-

⁴⁹ См. Галк. II 13.

нечности' (*кид* 'рука' + *йол* || *ял* 'нога'), *тувыр-йолаш* || *тыгыр-ялаш* 'белье' (*тувыр* || *тыгыр* 'рубашка' + *йолаш* || *ялаш* 'штаны'), *ййд-кече* 'сутки' (*ййд* || *ййд* 'ночь' + *кече* || *кечы* 'день').

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 45. По значению и грамматическим признакам имена прилагательные делятся на качественные и относительные.

Качественные имена прилагательные имеют три формы степеней сравнения: положительную, сравнительную и превосходную: *кйжгё* || *кйжгы* 'толстый', *кйжгырак* || *кйжгырак* 'толще', *эн кйжгё* || *сек кыжгы* 'самый толстый'. Качественные прилагательные, обозначающие цвет предмета, имеют краткую и полную формы: *ошо* || *сшы* 'белый' — *ош* || *ош* 'бел'.

В марийском значении сравнительной степени выражается двумя способами: 1) аналитическим и 2) с помощью формообразующего суфф. *-рак* || *-рак*, *-рăк*.

При аналитическом способе выражения значения сравнительной степени констатируется факт абсолютного преобладания какого-то качества в одном предмете по сравнению с другим (при этом оба сравниваемые по качеству предмета должны быть названы): *Лум кагаз деч ошо* 'Снег белее бумаги'. Слово, обозначающее признак, не получает морфологического показателя сравнительной степени, а слово, обозначающее то, с чем производится сравнение, выступает в форме отложительного (отделительного) падежа с суфф. *-леç'* (в диалектах), либо сопровождается послелогами *деч* (в лугово-восточном литературном языке и в большинстве его диалектов), *гёц* (в горномарийском литературном языке и в говорах северо-западного наречия). В образовании падежного суфф. *леç'* и послелогов *деч* || *гыц* прослеживается древний морфологический показатель абл. *-t. Послелоги *деч* || *гёц* и суфф. *-леç'* употребляются и при суффиксальном способе образования сравнительной степени, например: *Мый тудо деч виянрак улам* || *Мыйнь тйды гёц силанрак ылам* 'Я сильнее его (ее)'.
Весьма продуктивным является другой способ образования формы сравнительной степени — с помощью суфф. *-рак*, заимствованного из чувашского языка: *кугу* || *кого* 'большой' — *кугырак* || *когорак* 'больше'. При наличии в слове суфф. *-рак* порядок расположения аффиксов следующий: корень слова + словообразовательный суффикс + суфф. *-рак* + притяжательный суффикс + падежное окончание + усилительная или соединительная частица (*-ак*; *-ыс*; *-ат*): *кугыракшыланат* 'и более старшему', *ошалгыракетымат* 'и несколько беловатый тоже'.

Значения превосходной степени, а также высокой степени качества выражаются при помощи слов *эн* || *сек* 'самый', *неш* || *пиш* 'очень', *путырак* || *патар* 'чрезвычайно', *моткоч* 'чересчур': *неш шеме* || *пиш шимы* 'очень черный', *эн кугу* || *сек кого* 'самый большой', *путырак чевер* || *патар цевер* 'очень красивый'.

Относительные прилагательные обозначают признаки предметов по их отношению к месту (*оласе* || *халаштышы* 'городской' от *ола* || *хала* 'город'), времени (*кызытсе* || *кызытшы* 'теперешний' от *кызыт* 'сейчас'), веществу, входящему в состав предмета (*вјдан* || *вјдан* 'водянистый' от *вјд* || *вјд* 'вода').

§ 46. В роли существительных прилагательные могут изменяться по числам, падежам и формам лично-притяжательности, получая те же падежные окончания, что и имена существительные:

Ед. число

Им.	<i>йошкарге</i> <i>якшаргы</i> 'красный'	Местн.	<i>йошкаргыште</i> <i>якшаргышты</i>
Род.	<i>йошкаргын</i> <i>якшаргын</i>	Напр.	<i>йошкаргышке</i> <i>якшаргышке</i>
Дат.	<i>йошкаргылан</i> <i>якшаргылан</i>	Обст.	<i>йошкаргеи</i> <i>якшаргеи</i>
Вин.	<i>йошкаргым</i> <i>якшаргым</i>		

Имена прилагательные в притяжательном оформлении субстантивируются:

Ед. число

1 л.	<i>чеверем</i> <i>цеверем</i> 'мой красивый'	<i>чеверна</i> <i>цеверна</i> 'наш красивый'
2 л.	<i>чеверет</i> <i>цеверет</i> 'твой красивый'	<i>чеверда</i> <i>цеверда</i> 'ваш красивый'
3 л.	<i>чеверже</i> <i>цевержы</i> 'его красивый'	<i>чеверышт</i> <i>цеверышт</i> 'их красивый'

Мн. число

В первых четырех падежах притяжательные суффиксы предшествуют падежным: им. п. *чеверем* || *цеверем*, род. п. *чевернымн* || *цеверемын*, дат. п. *чеверемлан* || *цеверемлан*, вин. п. *чеверемым* || *цеверемым*; в местном, направительном и обстоятельственном падежах притяжательные формы могут употребляться как перед падежными окончаниями, так и после них: местн. п. *чеверемыште* || *цеверемышты* или же *чеверыштем* || *цеверыштем* 'в моем красивом', напр. п. *чеверемышке* || *цеверемышкы* или же *чеверышкем* || *цеверышкем* 'в мой красивый'; обст. п. *чеверемеш* || *цеверемеш* или же *чеверешем* || *цеверешем* 'в моем красивом'.

§ 47. Имена прилагательные образуются двумя способами: при помощи суффиксов и путем сложения основ.

При помощи суффиксов имена прилагательные образуются чаще всего от имен существительных, а также от прилагательных, наречий, глаголов, некоторых указательных местоимений и избразительных слов. Наиболее употребительными являются суффиксы:

-се, -со, -сө || -шы, -шы — продуктивный, присоединяется к ос-

новам имен существительных (в горно-марийском суфф. *-шы*, *-шй* присоединяется к суффиксу местн. падежа имени *-шты*, *-штй*: *ола* || *хала* 'город' — *оласе* || *халаштышы* 'городской'); к основам наречий места и времени: *мјндыр* || *мјндыр* 'далеко' — *мјндурсө* || *мјндырнышы* 'далекий'; некоторых указательных местоимений: *ты* 'этот' — *тысе* || *тыштышы* 'здешний'. Э. Беке полагает, что суфф. *-се*, *-со*, *-сө* (в диалектах *-še*, *-šo*, *šö*) восходит к *ts*-овому суффиксу или заимствован⁵⁰. В ряде финно-угорских языков выявляются суффиксы, аналогичные марийскому суфф. *-се*, *-со*, *-сө*, например: э. *икельсе* 'передний', к. *январся* 'январский';

-ан || *-ан*, *-ән* — продуктивный, образует имена прилагательные от существительных: *вјд* || *вјд* 'вода' — *вјдан* || *вјдан* 'водянистый', *йылме* || *йылмы* 'язык' — *йылман* || *йылман* 'языкастый', 'острый на язык'; исторически восходит к ф.-у. *-*n* отыменных прилагательных⁵¹;

-дыме, *-дымо*, *-дымө* || *-дымы*, *-дымы* образует прилагательные, обозначающие признак по отсутствию того предмета или действия, от названия которого произведено имя прилагательное: *кид-йол* || *кид-ял* 'конечности' (*кид* 'рука' + *йол* 'нога') — *кид-дыме-йолдымо* || *киддымы-ялдымы* 'безрукий—безногий', т. е. 'без конечностей', *йөраш* || *яраш* 'годиться' — *йөрдымо* || *ярдымы* 'негодный'. Имеет соответствия и в других финно-угорских языках: ф. *-ttoma* (*-ttöma*), мд. *-втому*, к.-э. *-том*, у. *-тем*;

-алге || *-алгы*, *-та* || *-ита*, *-итя*, *-ка* || *-ика* указывают на неполноту качества: *шеме* || *шимы* 'черный' — *шемалге* || *шималгы* 'черноватый', *лапка* || *лап* 'низкий' — *лапка* || *лапита* 'низковатый', *кужуа* 'длинный' — *кужика* || *кужика* 'длинноватый'. В настоящее время эти суффиксы непродуктивны. К непродуктивным же относится ряд древних по происхождению суффиксов;

-аш || *-аш*, *-аш*: *кыдал* || *кыдал* 'поясница' — *кыдалаш* || *кыдалаш* 'средний', *йжыж* 'бык' — *йжыжаш* *презе* 'бычок' (досл. 'теленек, который станет быком'); восходит к ф.-у. *-*kse* и *-*se* (ср. диал. *d'egakš* 'озерко' от *d'eg* 'озеро')⁵²;

-ра || *-ра*, *-рә*; мр.-луг. *йытыр* 'скалка' — *йытыра* 'стройный', мр.-г. *ләнзы* 'слой' — *ләнзыра* 'лохматый', восходит к древнеуральскому *-*г*-овому суффиксу имен прилагательных⁵³;

-ле, *-ло*, *-лө* || *-лы*, *-лй*: мр.-луг. *куат* 'мощь', 'сила' — *куатле* 'мощный'; мр.-г. *лём* 'имя' — *лёмлы* 'авторитетный'; имеют тюркское происхождение (ср. чув. *чап* 'слава' — *чаплә* 'славный') > мр.-луг. *чапле* 'хороший', 'славный').

§ 48. Способом сложения основ образуется относительно небольшое число имен прилагательных. Для обозначения оттенков

⁵⁰ Beke CsNy. 131.

⁵¹ Leht. Abl. 138.

⁵² Галк. II 20, 54.

⁵³ Галк. II 56.

цветов используются сложные имена прилагательные, состоящие а) из основ двух качественных имен прилагательных: *ошалгенарынче* || *соталгы-саре* 'светло-желтый', *кочак-шопак* 'горько-кислый'; б) из основ двух относительных имен прилагательных: *ушан-акылан* || *ышан-акылан* 'обладающий умом-рассудком', *киддыме-йолдымо* || *киддымы-ялдымы* 'без рук, без ног'; в) имени числительного и относительного имени прилагательного с суфф. -аш, -яш: *кумияш* || *кымияш* 'трехгодовалый'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 49. По своему значению и грамматическим формам имена числительные делятся на количественные, порядковые, дробные и совместные. Количественные числительные квалифицируются как определенно-количественные и неопределенно-количественные.

§ 50. Определенно-количественные числительные от одного до девяти имеют две формы: неопределительную (полная) и определительную (краткая):

Полная форма		Краткая форма	
<i>икте, иктыт</i> <i>икты, иктыт</i>	<i>ик</i> <i>ик</i>		'один'
<i>коктыт</i> <i>кокты</i>	<i>кок</i> <i>кок</i>		'два'
<i>кумыт</i> <i>кымыт</i>	<i>кум</i> <i>кым</i>		'три'
<i>нылыт</i> <i>нбылыт</i>	<i>ныл</i> <i>нбыл</i>		'четыре'
<i>визыт</i> <i>вбызыт</i>	<i>вич</i> <i>вбыч</i>		'пять'
<i>кудыт</i> <i>кудыт</i>	<i>куд</i> <i>куд</i>		'шесть'
<i>шымыт</i> <i>шымыт</i>	<i>шым</i> <i>шым</i>		'семь'
<i>кандаше</i> <i>кандакшы</i>	<i>кандаш</i> <i>кандакш</i>		'восемь'
<i>индеше</i> <i>ындекшы</i>	<i>индеш</i> <i>ындекш</i>		'девять'

Полная форма числительных употребляется для обозначения отвлеченного числа, а также при счете, а краткая как определеннее при определяемом, а также с послелогом *гана* || *гана* 'раз': *кок мераг* || *кок морен* 'два зайца', *ныл омаш* || *нбыл амаш* 'четыре шалаша', мр.-луг. *кок гана лудын лектынам* 'два раза прочитал'.

По своему составу определенно-количественные числительные делятся на простые (состоят из одного корня; к ним относятся числительные, обозначающие числа от 1 до 10, а также *шүдө* || *шүды* 'сто', *түжем* || *тыжем* 'тысяча'), сложные (от одиннадцати до девятнадцати состоят из двух корней — числительного *лу* || *лу*, -лы 'десять' и числительного, обозначающего единицу, связанных при помощи союзной частицы -ат, а при обозначении десятков и сотен — без нее: *латикте* || *луатикты* 'одиннадцать' (*лу* + *-ат* + *икте* || *икты*, досл. 'один и десять'), *жоло* || *коклы* 'двадцать' (*кок* + *лу* || *лы*), *кошүдө* || *кошүды* 'двести' (*кок* + *шүдө* || *шүды*), составные (состоят из нескольких числитель-

ных как простых, так и сложных: *түҗсем индешиҗүдө кудло кумыт* || *төйҗем біндекишиҗүды кудлу кымыт* 'тысяча девятьсот шестьдесят три'.

Неопределенно-количественные числительные (*шуко* || *шуку* 'много', *шагал* || *чөйды* 'мало', *икмыняр* || *икманяр* 'несколько' и др. могут сочетаться как с существительными, означающими исчисляемые предметы, так и с существительными неисчисляемыми: *шуко жап* || *шуку жеп* 'много времени', *шуко кол* || *шуку кол* 'много рыбы'.

§ 51. Дробные числительные имеют в числителе краткую форму количественного числительного, в знаменателе — порядковое числительное в форме им. падежа: *кум нылымше* || *кым нөлымшы* 'три четверти'; «половина» обозначается словом *пеле* || *пелы*, «четверть» — *черык* || *цербет* (мр.-в. č'erək), «восьмушка» — *осмушка*. Для обозначения целого при дробных употребляются слова: мр.-луг. *тичмаши*, мр.-г. *целый*, *цицок*, *төйрыс*. Смешанные дроби, имеющие в своем составе числительное *пеле* || *пелы* 'половина', образуются без слов, обозначающих целое, союзная частица *-ат* в таких случаях прибавляется к числительному, выражающему целое число: *кумытат пеле* || *кымытат пелы* 'три с половиной'.

§ 52. Особую группу составляют совместные числительные, выражающие совокупность лиц в количестве от двух до четырех, выступающие как одно целое. Такие числительные всегда выступают в лично-притяжательной форме мн. числа: мр.-луг. *когылянна* 'нам двоим', *когылянышт* 'им двоим'. Исторически совместные числительные образовались при помощи суффикса комитатива-инструктива *-й*, что хорошо прослеживается на диалектных формах, например, перм. *kumäñlanäst* 'им троим' (мр.-луг. *кумылянышт*).

Совместные числительные выступают только в форме трех падежей: мр.-луг.: родительного (*нылыннан* 'нас четверых'), дательного (*нылыннан* 'нам четверым'), винительного (*нылыннан* 'нас четверых').

§ 53. Порядковые числительные образуются, как правило, от краткой формы количественных числительных с помощью суфф. *-ымше*, *-ымшо*, *-ымшө* || *-ымшы*, *-ымши*, а также суфф. *-ше*, *-шо* || *-шы*, *-ши*, например: *ик* || *ик* — *икымше* || *икшы* 'первый', *кок* || *кок* — *кокумшо* || *кокушы* 'второй', *кум* || *кым* — *кумшо* || *кумыш* 'третий', *ныл* || *нөйл* — *нылымше* || *нөлымшы* 'четвертый', *вич* || *вөц* — *визымше* || *вөзымышы* 'пятый', *куд* || *көд* — *кудымшо* || *кудымышы* 'шестой', *шым* || *шөйм* — *шымше* || *шөймышы* 'седьмой', *кандаш* || *кандакш* — *кандашымше* || *кандакшымшы* 'восьмой', *индеш* || *біндекиш* — *индешымше* || *біндекишымшы* 'девятый', *лу* || *лу* — *луымшо* || *луымшы* 'десятый', *латик* || *луатик* — *латикымше* || *луатикшы* 'одиннадцатый', *латкок* || *луаткок* — *латкокумшо* || *луаткокушы* 'двенадцатый', *латкум* || *луаткым* — *латкумшо* || *луаткымшы* 'тринадцатый', *латныл* || *луатнөйл* —

латнылымше || луатнѳылымшы 'четырнадцатый', латвич || луат-
вѳц — латвизымше || луатвѳцѳымышы 'пятнадцатый', латкуд || луат-
куд — латкудымшо || луаткудымышы 'шестнадцатый', латышм ||
луатышѳм — латышымше || луатышѳымышы 'семнадцатый', латкан-
даш || луаткандаки — латкандашымыше || луаткандакшымышы 'во-
семнадцатый', латиндеш || луатѳндеки — латиндешымыше || луат-
ѳндекшымышы 'девятнадцатый', коло || коклы — колымышо || кок-
лышы 'двадцатый', кумло || кымлы — кумлымышо || кымлышы 'три-
дцатый', нылле || нѳллы — ныллымыше || нѳллышы 'сороковой',
витле || вѳцлы — витлымыше || вѳцлышы 'пятидесятый', кудло ||
кудлу — кудлымышо || кудлушы 'шестидесятый', шымле || шѳмлу —
шымлуымышо || шѳмлушы 'семидесятый', индешлу || ѳндекишлу —
индешлуымышо || ѳндекишлушы 'девяностый', шѳдѳ || шѳды — шѳ-
дымышѳ || шѳдымышы 'сотый'.

§ 54. Склоняются только полные (неопределительные) формы количественных числительных (как известно, такую форму они имеют только при изолированном употреблении), получая при этом те же падежные окончания, что и имена существительные.

Им.	визыт вѳзыт 'пять'	витле вѳцлы 'пятьдесят'
Род.	визытын вѳзытын	витлын вѳцлын
Дат.	визытлан вѳзытлан	витлылан вѳцлылан
Вин.	визытым вѳзытым	витлым вѳцлым
Местн.	визытыште вѳзытышты	витлыште вѳцлышты
Направ.	визытышке вѳзытышкы	витлышке вѳцлышкы
Обст.	визытеш вѳзытеш	витлеш вѳцлеш

Порядковые имена числительные также склоняются в случаях замещения ими имен существительных. При склонении составных числительных падежное окончание получает только последний компонент.

Им.	шѳдѳ коло шымше шѳды коклы шѳмышы 'сто двадцати- седьмой'
Род.	шѳдѳ коло шымшын шѳды коклы шѳмышын
Дат.	шѳдѳ коло шымшылан шѳды коклы шѳмышлан
Вин.	шѳдѳ коло шымшым шѳдо коклы шѳшым
Местн.	шѳдѳ коло шымшыште шѳды коклы шѳмышышты
Направ.	шѳдѳ коло шымшышке шѳды коклы шѳмышышкы
Обст.	шѳдѳ коло шымшыеш шѳды коклы шѳмышыеш

§ 55. Числительные от одного до шести имеют общефинно-угорское происхождение (М. § 112). Числительные *кандаше* || *кандакшы* 'восемь' и *индеше* || *ѳндекшы* 'девять' по происхождению сложные: они образовались из кратких форм числительных *ик* 'один', *кок* 'два' и числительного 'десять' (общендоевропейская форма *deka* 'десять'), заимствованного из древнеиранских языков: *икым* + *декса* > *икымдекше* > *имдекше* > *индекше* > *индеше* 'девять (один (отнятый) от десяти)', *какым* + *декса* > *ка-*

кымдекие > *камдакие* > *кандаше* 'восемь (два (отнятые) от десяти)'. Числительное *лу* (луо) 'десять' имеет собственно марийское происхождение, первоначально оно означало счет (диал. *luḁaš* 'считать').

Образование полной формы количественных числительных шло при помощи суффикса с *t*-овым элементом, который первоначально был суффиксом порядковых числительных, что подтверждается данными других финно-угорских языков: мс. *сат* 'семь' — *сатит* 'седьмой', у. *ньыль* 'четыре' — *ньылетй* 'четвертый', мд. (дракинский диалект) *ниле* 'четыре' — *нилите* 'четвертый'. В марийском языке *t*-овый суффикс потерял свое порядковое значение и стал употребляться в системе количественных числительных ⁵⁴.

Исходя из данных финно-угорских языков, можно реконструировать следующие древне-марийские формы числительных ⁵⁵.

ф.-у. форма	Прамр. форма
*ekte	<i>иктет</i> > <i>иктыт</i>
*kakte	<i>какте</i> > <i>кокте</i> > <i>кокты</i> > <i>коктыт</i>
*kšimš	<i>кулме</i> > <i>кулмете</i> > <i>кумете</i> > <i>кумыт</i>
*nele	<i>ниле</i> > <i>нилете</i> > <i>нилите</i> > <i>нылыт</i>
*vete	<i>вите</i> > <i>виде</i> > <i>визе</i> > <i>визыте</i> > <i>визыт</i>
*kute	<i>кутете</i> > <i>кутыт</i> > <i>кудыт</i>

Суфф. *-ымше*, *-ымшо*, *-ымшö* // *-ымшы*, *-ымшы̆*, образующий порядковые числительные, имеется и в чувашском в форме *-маш*, *-меш*: *перемше* 'первый', *иккеш* (*е*) 'второй', однако в других тюркских языках он не встречается, следовательно, его нельзя считать тюркским по происхождению. Суфф. *-ымше* // *-ымшы*, образующий порядковые числительные, сложный и, по-видимому, возник на марийской почве, как суффикс имен прилагательных: древний уральский суффикс отыменных прилагательных **-m* + суффикс относительных имен прилагательных *-се*; *-со*, *-сö* затем перешедший в *-ше*; *-шо*, *-шö* // *-шы*, *-шы̆*. Развитие суффикса, образующего порядковые имена числительные, можно представить в следующем виде: **-meše* > **mäše* > **mše* > **mše* ⁵⁶.

МЕСТОИМЕННЯ

§ 56. Местоимения делятся на личные, указательные, вопросительно-относительные, определительные, неопределенные, отрицательные.

§ 57. Личные местоимения. Различаются собственно-личные местоимения: *мый* // *мйнь* 'я', *тый* // *тйнь* 'ты', *ме* // *мä* 'мы', *те* // *тä* 'вы'; лично-указательные: *тудо* // *тйды* 'он', 'то', *нуно* //

⁵⁴ Галк. I 100—101, 108—109.

⁵⁵ Галк. I 99—104.

⁵⁶ Галк. I 109.

нѣны 'они', 'те'. Корни личных местоимений 1-го и 2-го лица восходят к общешифино-угорским архетипам⁵⁷. Личные и лично-указательные местоимения могут получать формы только субъектно-объектных падежей:

Им.	<i>ме</i> // <i>мă</i> 'мы'	<i>те</i> // <i>тă</i> 'вы'
Род.	<i>мемнан</i> // <i>мăмнан</i> 'наш'	<i>тендан</i> // <i>тăмдан</i> 'ваш'
Дат.	<i>мыланна</i> // <i>мăланна</i> 'нам'	<i>тыланда</i> // <i>тăланда</i> 'вам'
Вин.	<i>мемнам</i> // <i>мăмнам</i> 'нас'	<i>тендам</i> // <i>тăмдам</i> 'вас'

Им.	<i>нуно</i> // <i>нѣны</i> 'они'
Род.	<i>нунын</i> // <i>нѣнын</i> 'их'
Дат.	<i>нунылан</i> // <i>нѣнылан</i> 'им'
Вин.	<i>нуным</i> // <i>нѣным</i> 'их'

Формы косвенных падежей личных местоимений *ме* // *мă* 'мы' и *те* // *тă* 'вы' образованы при участии лично-притяжательных суффиксов, причем в дат. падеже лично-притяжательный суффикс находится после падежного суффикса, а в родительном и винительном — перед падежным суффиксом. Лично-притяжательный суффикс входит также в форму дат. падежа местоимения *мый* // *мѣнь* 'я' и *тый* // *тѣнь* 'ты', в остальных же формах падежные окончания присоединяются непосредственно к местоимению: дат. п. *мыланем* // *мѣланем* 'мне', *тыланет* // *тѣланет* 'тебе'; род. п. *мыйын* // *мѣнын* 'мой', *тыйын* // *тѣнын* 'твой'; вин. п. *мыйым* // *мѣным* 'меня'; *тыйым* // *тѣным* 'тебя'.

Позднепрамарийскими формами 1-го и 2-го лица ед. числа являются: *mine* 'я', *tine* 'ты', из раннепрамарийских *menä* 'я', *tenä* 'ты', *māk* 'мы', *tāk* 'вы', где -к показатель мн. числа⁵⁸, а -ä- восходит к ф.-у. местоименному суфф. -e-.

В формах род. и вин. падежей мн. числа личных местоимений 1-го и 2-го лица наблюдается местоименный суфф.* *n'(m)* *мемнан* // *мăмнан* 'наш', *мемнам* // *мăмнам* 'нас', *тендан* // *тăмдан* 'ваш', *тендам* // *тăмдам* 'вас'⁵⁹.

Путем повторения краткой формы местоимения 3-го лица *ту* > *ты* // *тѣ* образовались *тудо* // *тѣды* 'он' (оно же и указательное местоимение)⁶⁰. Прамарийской формой местоимения *нуно* // *нѣны* 'они' было *n ɣ n ɣ*, состоящая из повторения местоименного корня *ни*⁶¹.

§ 58. Указательные местоимения по указанию на близкий или отдаленный предмет образуют пары: *тиде* // *тиде* (краткая форма *ты* // *ти*) 'этот' — *тудо* // *тѣды* 'тот', *седе* // *седы* 'этот' — *саде* // *сады* 'тот', *теве* // *тевы* 'вот этот' — *тѣвѣ* // *тѣве* 'вот тот' (мр.-в. *tüβö* 'вот тот'), *тыгай* // *техень* 'такой' — *ту-*

⁵⁷ Майт. Мест. § 81.

⁵⁸ Галк. I. 86.

⁵⁹ Майт. Мест. § 168.

⁶⁰ Майт. Мест. § 117.

⁶¹ Майт. Мест. § 48.

зай // *тйхень* 'тот такой', *тинаре* // *тйнары* 'столько' — *тунаре* 'столько (с указанием на дальний предмет)'

Указательные местоимения, замещая существительные, склоняются как имена существительные: им. п. *тыгай* // *техень* 'такой', род. п. *тыгайын* // *техеньын* 'такого', дат. п. *тыгайлан* // *техеньлан* 'такому', вин. п. *тыгайым* // *техеньым* 'такого'. В формах пространственных падежей указательные местоимения употребляются, когда они указывают на неодушевленные предметы.

Указательное местоимение *ты* // *ти* 'этот' в современном марийском по падежам не изменяется, однако наречия, образованные от местоимения *ты* // *ти* свидетельствуют о том, что некогда это местоимение склонялось: *тыште* // *тишты* 'здесь', *тышке* // *тишкы* 'сюда', *тышан* // *тишак* 'здесь'.

§ 59. В о п р о с и т е л ь н о - о т н о с и т е л ь н ы е местоимения: *кõ* // *кй* 'кто' (по отношению к человеку), *мо* // *ма* 'что' (по отношению к остальным живым существам и всем предметам), *могай* // *махань* 'какой', *кудо* // *кыды* 'который', *мыняр* // *маляр* 'сколько', *кунар* // *кунар* 'сколько'; употребляются в качестве: а) вопросительных слов в вопросительных предложениях (*Мо лийын вара?* // *Ма лин вара?* 'Что же случилось?'), б) союзных слов — в этом случае они выступают в значении относительных местоимений в сложноподчиненных предложениях (*Мом кйшет, чыла ыштем* // *Мам шйдет, цила бйштем* 'Что велишь, все сделаю').

Вопросительно-относительные местоимения склоняются так же, как и существительные, и могут иметь притяжательное оформление. Местоимение *кõ* // *кй* имеет формы только субъектно-объектных падежей:

Им.	<i>кõ</i> // <i>кй</i> 'кто'	<i>мо</i> // <i>ма</i> 'что'	<i>могай</i> // <i>махань</i> 'какой'
Род.	<i>кõн</i> // <i>кйн</i> 'чей'	<i>мон</i> // <i>ман</i> 'чей'	<i>могайын</i> // <i>маханьын</i> 'какого'
Дат.	<i>колан</i> // <i>кйлан</i> 'кому'	<i>молан</i> // <i>малан</i> 'чему'	<i>могайлан</i> // <i>маханьлан</i> 'какому'
Вин.	<i>ком</i> // <i>кйм</i> 'кого'	<i>мом</i> // <i>мам</i> 'что'	<i>могайым</i> // <i>маханьым</i> 'какой'
Местн.	—	<i>мошто</i> // <i>машты</i> 'в чем'	<i>могайыште</i> // <i>маханьышты</i> 'в каком'
Напр.	—	<i>мошко</i> // <i>машкы</i> 'во что'	<i>могайышке</i> // <i>маханьышкы</i> 'в какой'
Обст.	—	<i>моши</i> // <i>маши</i> 'в чем'	<i>могаеш</i> // <i>маханьэи</i> 'в каком'

В образовании местоимений *мыняр* // *маняр* 'сколько', *кунар* // *кунар* 'сколько' участвует послелог *наре*: *мо + наре* // *ма + няре*, а в образовании *могай* // *махань* 'какой' (как и в местоимениях *тыгай* // *техень* 'такой', *тугай* // *тыхень* 'такой') — послелог *гай* // *гань* > *хань* - > *хень*; *кудо* // *кыды* состоит из двух местоименных корней — вопросительного *ку* // *кѣ*- и указательного *ту* // *тѣ*⁶².

§ 60. Определительные местоимения: *шке* // *ѣшке* 'сам', 'свой', *весе* // *весе* 'другой' *моло* // *молы* 'другие', *южо* // *южы* 'иной', *кажне* // *кажны* 'каждый'. Местоимение *шке* // *шке* состоит из финно-угорского местоименного корня *ѣš* < *eš* (эс. *ise* 'сам', мд. *эсь* 'меня', к.-з. *ась* 'свой') и усилительной частицы *-ке*, которая имеется в ряде других финно-угорских языков (ф. *minäkin* 'я же', эс. *minägi* 'тж'). Местоимение *шке* // *шке*, первоначально означавшее 'сам же'⁶³, в настоящее время служит для передачи значений: 1) свой (выступая в роли притяжательного местоимения): мр.-луг. *Пий шке сусыржым шке нулен тѳрлата* 'Собака свою рану сама, вылизывая, залечивает'; 2) 'сам' — в роли возвратного местоимения: *Мый шке налам* // *мѣнь ѣшке нѣлам* 'я сам возьму'; 3) притяжательных местоимений (выступая в форме родительного падежа): *шкемын ѳдырем* // *ѣшкемын ѳдырем* 'моя дочь'.

В притяжательном значении местоимение *шке* // *шке* по падежам не изменяется, так как в этом значении оно всегда выступает в роли определения. В других значениях оно имеет формы только субъектно-объектных падежей:

Им.	<i>шке</i> // <i>шке</i> 'сам'; <i>шке</i> // <i>шке</i> 'свой'
Род.	<i>шкемын</i> // <i>шкѣмын</i> 'мой', 'свой'
Дат.	<i>шкаланем</i> // <i>шкѣланем</i> 'мне самому'
Вин.	<i>шкемым</i> // <i>шкѣмым</i> 'меня самого себя'

В формах косвенных падежей к местоимению *шке* // *ѣшке* 'сам', всегда присоединяется притяжательный суффикс того лица, к которому относится данное местоимение: вин. п. *шкемым* // *ѣшкемым* 'меня самого себя', *шкендым* // *шкендым* 'тебя самого себя', *шкенжым* // *шкенжым* 'его самого себя'.

Таким образом, почти каждая падежная форма местоимения *шке* // *шке* 'сам' имеет новое значение: именительный — определительное и притяжательное; родительный — притяжательное; дательный — возвратное, винительный — возвратное.

Местоимение *южо* // *южы* 'некоторый', 'иной' употребляется только по отношению к человеку и форм пространственных падежей не имеет.

Некоторые определительные местоимения могут иметь форму мн. числа: *весе-влак* // *весевлѣ* 'другие', *моло-влак* // *молывлѣ*.

⁶² Майт. Мест. § 150.

⁶³ Галк. I. 94.

§ 61. Неопределенные местоимения образуются путем сочетания вопросительно-относительных местоимений с препозитивными частицами *ала-* // *та-*, *иктаж-* // *икта-*, *кеч-* // *хоть-*, *керек* // *хоть-* и постпозитивной *-гьнат* // *-гьнят*: *ала-кө* // *тагү* 'кто-то', *ала-мо* // *тама* 'что-то', *ала-кудо* // *тагуды* 'который-то', *ала-могай* // *тамахань* 'какой-то', *ала-мыняр* // *тамыняр* 'сколько-то', *иктаж-мо* // *икта-ма* 'что-нибудь', *иктаж-кө* // *икта-кү* 'кто-нибудь', *иктаж-могай* // *икта-махань* 'какой-нибудь', *иктаж-мыняр* // *икта-маняр* 'сколько-нибудь', *кө-гьнат* // *кү-гьнят* 'кто-нибудь'. *мо-гьнат* // *ма-гьнят* 'что-нибудь', *кунар-гьнат* // *кынар-гьнят* 'сколько-нибудь', *монар-гьнат* // *мыняр-гьнят* 'сколько-нибудь', *ик-мо* // *ик-ма* 'что-то', *икмыняр* // *икманяр* 'несколько', мр.-в. *iknästä* 'что-то', 'ничто'; *кеч-кө* // *хоть-кү* 'хоть кто', *кеч-мо* // *хоть-ма* 'хоть-что', *кеч-кудо* // *хоть-кыды* 'хоть-который', *кеч-могай* // *хоть-махань* 'хоть-какой', *кеч-мыняр* // *хоть-мыняр* 'хоть-сколько', *кеч-кунар* // *хоть-кунар* 'хоть-сколько', *керек-кө* // *хоть-кү* 'хоть-кто', *керек-мо* // *хоть-ма* 'хоть-что' *керек-кудо* // *хоть-кыды* 'хоть-который', *керек-могай* // *хоть-махань* 'хоть-какой', *керек-мыняр* // *хоть-мыняры* 'хоть-сколько'.

Некоторые неопределенные местоимения могут иметь форму мн. числа: *кеч-могай-влак* // *хоть-маханьвлӓ* 'хоть-какие', *кеч-кө-влак* // *хоть-күвлӓ* 'хоть-кто', *керек-могай-влак* // *хоть-маханьвлӓ* 'хоть-какие'. Местоимения *кеч-кө* // *хоть-кү* 'хоть-кто', *керек-кө* // *хоть-кү* употребляются только по отношению к человеку и форм пространственных падежей не имеют.

При склонении неопределенных местоимений изменяется часть, выраженная вопросительно-относительными местоимениями, частицы же остаются без изменений: им. п. *ала-мо* // *тама* 'что-то', род. п. *ала-мон* // *таман* 'чей-то', дат. п. *ала-молан* // *тамалан* 'чему-то' и т. д. Частица *кеч* // *хоть* заимствована из русского языка (ср. русск. *хоть*): *хоть* > *коть* > *коч* > *кеч*. Частица *керек* чувашского происхождения (ср. чув. *кирек* 'хоть').

§ 62. Отрицательные местоимения, за исключением мр.-луг. *иктат* 'никто' (букв. 'ни один'), образуются от вопросительно-относительных местоимений при помощи препозитивной частицы *ни-*: *ниго* // *нигү* 'никто', *нимо* // *нима* 'ничто', *нимыняр* // *ниманяр* 'несколько', *нигудо* // *нигуды* 'никто', *нимат* (*ни+мо+ат*) 'ничто', 'ничего', *нимогай* // *нимахань* 'никакой'.

Склонение отрицательных местоимений происходит по той же схеме, что и склонение вопросительно-относительных местоимений: им. п. *нимо* // *нима* 'ничто', род. п. *нимон* // *ниман* 'ничей', дат. п. *нимолан* // *нималан* 'ничему' и т. д.

В образовании *нимат* 'ничто', *иктат* 'ни один' прослеживается усиленная частица *-ат*. Местоимение *иктат* склоняется так же, как и числительное *икте* 'один' (частица *-ат* при этом ставится после падежного окончания: им. п. *иктат* 'никто', род. п. *итынат* 'ни у одного', дат. п. *иктыланат* 'ни одному', вин. п. *иктымат* 'ни одного').

ГЛАГОЛ

§ 63. Глагол в марийском языке характеризуется категориями склонения, времени, числа и лица. Вопрос о наличии в марийском категории залога является спорным.

Глагольные формы управляют надежными формами имен и местоимений: *Мом шонет, тидым ышетет* || *Мам шанет, тидым ышетет* 'Что задумаешь, то и сделаешь'; *Шўжаретлан ончыкто* || *Шўжаретлан анжыкты* 'Покажи сестре'.

Существуют две группы глагольных форм: спрягаемые и неспрягаемые. К спрягаемым относятся формы лица, числа, времени, склонения, к неспрягаемым — инфинитив, причастие, деепричастие.

Форманты глагола, как и во всех агглютинативных языках, в марийском нанизываются один за другим к корню слова: *возыктышым* || *сырыктышым* 'заставил писать' (*воз-* || *сир-* — корень слова + *-ыкт-* — суффикс повелительного залога + *-(ы)ш-* — суффикс I прош. времени + *-(ы)м* — окончание 1-го лица ед. числа).

В марийском языке различаются три грамматически оформленных склонения: изъявительное, желательное и повелительное, а в горномарийском еще и условное.

Весьма сложным в марийском является вопрос о залоге. Морфологическими показателями в марийском, вносящими в слово залоговые (и видовые) значения, являются суффиксы (префиксов в марийском нет). Однако не всякий суффикс, выражающий то или иное залоговое значение, является показателем грамматической категории залога. Большинство суффиксов глагола является словообразовательными, поскольку они образуют новую лексико-семантическую единицу: *пурáш* || *пўраш* 'грызть', *пурлáш* || *пўрлáш* 'кусать', 'укусить', *пурéдылаш* || *пўредáлаш* 'грызться', 'кусаться' (с многократным значением). Суфф. *-ыкт-*, образующий повелительный залог, в отличие от словообразовательных суффиксов (в наших примерах: *-л-*, *-ед+ыл-*) лишь изменяет глагол по залогам и имеет противоположную пару с другим залоговым значением: он выражает определенные отношения действия к субъекту и объекту: *пурáш* 'грызть' — *пурлыкташ* 'дать возможность (кому-то другому) или понудить (его) кусать', 'куснуть', 'прикусить что-л.'; *ончáш* || *ánжаш* 'смотреть' — *ончыкташ* || *анжыкташ* 'показывать' (досл. 'заставлять смотреть'), *нумалáш* || *нўмáлаш* 'носить' — *нумалыкташ* || *нўмалыкташ* 'заставлять носить'.

В марийском имеются временные формы: настояще-будущее и несколько форм прош. времени. Все временные формы выражаются только в изъявительном и желательном склонениях, повелительное склонение временных форм не имеет.

Все глагольные формы, за исключением повелительного и желательного склонения, образуются от основы инфинитива (*мур-аш* || *мыр-аш* 'петь', *чўнг-аш* || *чўнг-аш* 'клевать', *шү-аш* || *шо-аш*

‘достигать чего-л.’), а отрицательная форма глаголов и желательное наклонение — от основ повелительного наклонения (*луд* || *льд* ‘читай’, *ит луд* || *ит льд* ‘не читай’, *луднеже* || *льднежы* ‘намерен читать’).

§ 64. Спряжение глаголов в марийском языке имеет два типа: I и II. Различаются они по личным окончаниям 3-го лица ед. и мн. числа, а также огласовкой окончания в 1-м и 2-м лицах настоящего-будущего времени:

	I спряжение		II спряжение	
Ед. ч.	1 л.	-ам		-ем
	2 л.	-ат		-ет
	3 л.	-еш		-а
Мн. ч.	1 л.	-ына		-ена
	2 л.	-ыда		-еда
	3 л.	-ыт		-ат

Происхождение двух типов спряжения в марийском языке связано с двумя разными домарийскими основами глаголов: одни глаголы имели основу на *-а* (*-ä*): *конда* || *канда* ‘несет’ (ф. *kantaa*), другие — на *-е*: *ошкылеш* || *ашкылеш* ‘шагает’ (ф. *askelee*). Основы с гласным *-а* дали глаголы II спряжения, а основы с гласным *-е* — глаголы I спряжения⁶⁴. Исключение составляют глаголы, имевшие в прошлом основу на *-а*, но в современном марийском относящиеся к I спряжению, например, глагол I спряжения *кодаш* ‘оставаться’ (*кодеш* ‘он остается’) в отличие от глагола II спряжения *кодаш* ‘оставлять’ (*кода* ‘он оставляет’). Глаголов типа *кодаш* в марийском около десяти: *урем* ‘обваливаю’, *урам* ‘обваливаюсь’; *велем* ‘любю’, ‘проливаю’, *велам* ‘любюсь’, *пöрдем* ‘верчу’, *пöрдам* ‘верчусь’ и др.⁶⁵ Гласные *а*, *е* в личных окончаниях этой группы глаголов (*кодам* ‘я остаюсь’ — *кодем* ‘я оставляю’) играют смысловозначительную роль (см. Ф. § 97).

§ 65. Специального морфологического показателя для настоящего-будущего времени изъявительного наклонения нет.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (*лудаш* || *льдаш* ‘читать’)

Ед. ч.	1 л.	<i>лудам</i> <i>льдам</i>	<i>ом луд</i> <i>ам льд</i>
	2 л.	<i>лудат</i> <i>льдат</i>	<i>от луд</i> <i>ат льд</i>
	3 л.	<i>лудеш</i> <i>льдеш</i>	<i>ок (огеш) луд</i> <i>ак (агеш) льд</i>

⁶⁴ Р. Ravila — MSFOu. XXV 1—23.

⁶⁵ Галк. I 112

Мн. ч.	1 л.	<i>лудына // лыдына</i>	<i>она (огына) луд // ана лыд</i>
	2 л.	<i>лудыда // лыдыда</i>	<i>ода (огыда) луд // ада лыд</i>
	3 л.	<i>лудыт // лыдыт</i>	<i>огыт луд // ак (агыт) лыден</i>

II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л.	<i>пурем // пырем</i>	<i>ом пуро // ам пыры</i>
	2 л.	<i>пурет // пырет</i>	<i>от пуро // ат пыры</i>
	3 л.	<i>пура // пыра</i>	<i>ок (огеш) пуро // ак пыры</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>пурена // пырена</i>	<i>она пуро // ана пыры</i>
	2 л.	<i>пуреда // пыреда</i>	<i>ода пуро // ада пыры</i>
	3 л.	<i>пурат // пырат</i>	<i>огыт пуро // ак (агыт) пырет</i>

В отрицательной форме спряжения личные окончания получает отрицательное глагольное слово, а основной глагол выступает в форме неизменяемой основы повелительного наклонения. Отрицательное глагольное слово может употребляться изолированно (обычно при отрицательных ответах в обыденной речи), получая окончания I спряжения:

Ед. число		Мн. число	
1 л.	<i>огым // агым</i> 'я не'	<i>огына // агына</i> 'мы не'	
2 л.	<i>огыт // агыт</i> 'ты не'	<i>огыда // агыда</i> 'вы не'	
3 л.	<i>огеш // агеш</i> 'он не'	<i>огыт // агеш</i> 'они не'	

Лично-числовые формы первых двух лиц марийского глагола восходят к финно-угорским личным местоимениям, (ср. *мый // мьинь* и ф.-у. *-me, *мый // мьинь* и ф.-у. *-te (см. М. § 169).

Формы 3-го лица ед. числа происходят от причастий. Окончание 3-го лица ед. числа глаголов I спряжения *-еш* в луговом наречии восходит к причастному суф. -se, -so, -sö: *толеш* < *tolese*, в горном — к *-ve*, сохранившемуся до настоящего времени в окончании 3-го лица мн. числа глаголов прошедшего I (*нйны лыд-евы* 'они читали'), а также настояще-будущего времени (*нйны лыдыт* 'они читают', *нйны ак лыден* 'они не читают')⁶⁶. Окончание глаголов 3-го лица ед. числа I спряжения *-а* (*конда // канда* 'он несет') в прошлом выступало как гласный основы, окончанием же был причастный суф. *-ва*: *конда* < *кондав* < *кондава*, который в некоторых финно-угорских языках и в настоящее время выступает как причастный суффикс (ф. *kantava* 'несущий', *tuleva* 'приходящий').

В окончании 3-го лица мн. числа *-ат* (для глаголов II спряжения) и *-ыт* (для глаголов I спряжения) сохранился древний финно-угорский показатель мн. числа *-t (ф. *tulevat* 'они придут', *puhuvat* 'они говорят'), а причастный суф. *-va марийским утерян: *толыт* '(они) идут', 'придут' (шрам. **tolevat*)⁶⁷.

⁶⁶ Галк. I 123.

⁶⁷ Галк. I 124.

В отрицательной форме спряжения в настояще-будущем времени выступает отрицательный глагол с древним к-овым показателем презенса (см. М. § 137), в марийском в интервокальном положении перешедший в *γ*: *огым* || *агым* 'я не', *огыт* || *агыт* 'ты не', *огеиш* || *агеиш* 'он не', *огына* || *агына* 'мы не', *огыда* || *агыда* 'вы не', *огыт* || *аген* 'они не'.

§ 66. Марийский глагол имеет шесть форм прошедшего времени: прошедшее I, прошедшее II, прошедшее длительное I, прошедшее длительное II, предпрошедшее I, предпрошедшее II.

Прошедшее I от глаголов I спряжения образуется путем присоединения к основе глагола суфф. *-ы*, за которым следуют личные окончания (в 1-м и 2-м лицах мн. числа личные окончания присоединяются непосредственно к основе глагола). От глаголов II спряжения прошедшее I образуется при помощи суфф. *-иш* (с присоединением суфф. *-ы* в 1-м и 2-м лицах ед. числа). Отрицательная форма глаголов прошедшего I состоит из неизменяемой основы смыслового глагола и личных форм вспомогательного глагола.

ПРОШЕДШЕЕ I

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (*лудаш* || *лыдаш* 'читать')

Ед. ч.	1 л.	<i>луд-ы-м</i> <i>лыд-ы-м</i>	<i>шым луд</i> <i>шы́м лыд</i>
	2 л.	<i>луд-ы-ч</i> <i>лыд-ы-ц</i>	<i>шыч луд</i> <i>шы́ц лыд</i>
	3 л.	<i>луд-о</i> <i>лыд-ы</i>	<i>ыш луд</i> <i>ы́ш лыд</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>луд-на</i> <i>лыд-на</i>	<i>ышна луд</i> <i>ы́шна лыд</i>
	2 л.	<i>луд-да</i> <i>лыд-да</i>	<i>ышда луд</i> <i>ы́шда лыд</i>
	3 л.	<i>луд-ыч</i> <i>лыд-евы</i>	<i>ышит луд</i> <i>ы́ш лыдеп</i>

II спряжение (*пураш* || *пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л.	<i>пур-ыш-ым</i> <i>пыр-ыш-ым</i>	<i>шым пуро</i> <i>шы́м пыры</i>
	2 л.	<i>пур-ыш-ыч</i> <i>пыр-ыш-ыц</i>	<i>шыч пуро</i> <i>шы́ц пыры</i>
	3 л.	<i>пур-ыш</i> <i>пыр-ыш</i>	<i>ыш пуро</i> <i>ы́ш пыры</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>пур-ыш-на</i> <i>пыр-ыш-на</i>	<i>ышна пуро</i> <i>ы́шна пыры</i>
	2 л.	<i>пур-ыш-да</i> <i>пыр-ыш-да</i>	<i>ышда пуро</i> <i>ы́шда пыры</i>
	3 л.	<i>пур-ыш-т</i> <i>пыр-ев-ы</i>	<i>ышит пуро</i> <i>ы́ш пыреп</i>

Основное назначение прошедшего I — обозначение действия, происходившего недавно и живо представляемого говорящим, нередко являющимся очевидцем действия: *мр.-луг. Унала миен тольым. . . Сита, илышым* 'В гости съездила. . . Хватит, пожила'; *мр.-г. Нёны мённьым ужын, тупынь сарнал шагалеви* 'Они, увидев меня, повернувшись спиной, стали'.

Глаголы II спряжения в форме прошедшего I имеют показатель прош. времени *-š, восходящий к общеф.-у. *-š (см. М. § 142, 143).

Развитие форм прош. времени глаголов II спряжения можно представить следующим образом (на примере глагола *кондаш* || *кандаш* 'принести').

1л. *kandašime > kandešâmê > kandəšâmê > kandâšêm 'я принес'

2л. *kandašite > kandešâčê > kandâšâč > kandâšâč ~ kondâšâč'

3л. kandaši > kandešô > kandâšê > kandâš ~ kondâš⁶⁸

Ф.-у. s' > š-овый показатель прош. времени прослеживается в парадигме отрицательной формы спряжения прошедшего I в марийском: *шым* 'я не', *шыч* 'ты не', *ыш* 'он не' и т. д.

В личных формах прошедшего I глаголов I спряжения выявляются следы i-ового прош. времени финно-угорского периода (см. М. § 140, 141), проявляющегося в современном марийском в смягчении согласных основы l' и i' во всех трех формах ед. числа и в форме 3-го лица мн. числа: *толым* 'я пришел', *толыч* 'ты пришел', *тольо* 'он пришел', *нуно толыч* 'они пришли'. В образовании мр.-г. *толеве* 'они пришли' находим причастный суфф. *-ve.

§ 67. Форма прошедшего II (Perfekt) образуется при помощи суфф. -ын (у глаголов I спряжения) и -эн (орф. -ен) — у глаголов II спряжения, в которых выявляется п-овый показатель (<ф.-у. *-п отглагольного имени (М. § 148), превратившийся в марийском в показатель II прошедшего времени).

В горномарийском отрицательная форма прошедшего II сложилась из отрицательного деепричастия на -де и личных форм вспомогательного глагола *ылаш* 'быть', в котором гласный -ы выпал: *лыдде+(ы)лам* > *лыдделам* 'я не читал' (досл. 'я не читал есмь'), *пырыде+(ы)лам* > *пырыделам* 'я не входил'.

ПРОШЕДШЕЕ II

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (*лудаш* || *лыдаш* 'читать')

Ед. ч.	1 л.	<i>лудынам</i> <i>лыдынам</i>	<i>лудын омыл</i> <i>лыдделам</i>
	2 л.	<i>лудынат</i> <i>лыдынат</i>	<i>лудын отыл</i> <i>лыдделат</i>
	3 л.	<i>лудын</i> <i>лыдын</i>	<i>лудын огыл</i> <i>лыдде</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>лудынна</i> <i>лыдынна</i>	<i>лудын онал</i> <i>лыдделна</i>
	2 л.	<i>лудында</i> <i>лыдында</i>	<i>лудын одал</i> <i>лыдделда</i>
	3 л.	<i>лудыныт</i> <i>лыдыныт</i>	<i>лудын огытым</i> <i>лыдделыт</i>

II спряжение (*пураш* || *пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л.	<i>пуренам</i> <i>пыренам</i>	<i>пурен омыл</i> <i>пырыделам</i>
	2 л.	<i>пуренат</i> <i>пыренат</i>	<i>пурен отыл</i> <i>пырыделат</i>
	3 л.	<i>пурен</i> <i>пырен</i>	<i>пурен огыл</i> <i>пырыде</i>

⁶⁸ Галк. I 131.

Мн. ч.	1 л.	<i>пуренна // пыренна</i>	<i>пурен онал // пырыделна</i>
	2 л.	<i>пуренда // пыренда</i>	<i>пурен одал // пырыделда</i>
	3 л.	<i>пуреныт // пыреныт</i>	<i>пурен огытыл // пырыделыт</i>

Основное значение прошедшего II — выражение результата совершившегося в прошлом действия: мр.-луг: *Ачам теве тиде ер воктен пырням руэн* 'Отец (мой) вот возле этого озера заготовливал (досл. 'рубил') бревна'; *Молан пеледыш пайрем годым толын отыл?* 'Почему в праздник цветов не пришел?'; мр.-г.: *Кож ёдрамаш вёд-сёнза гёц вёдым лыктыныт* 'Две женщины зачерпнули (досл. 'вынули') воду из родника'; *Мёнь нигынымат чоңгейтылделам, машинам виден моштылделам* 'Я никогда не летал, не умел водить машину'.

Прошедшее II может обозначать и «неочевидное» действие, т. е. действие, очевидцем которого говорящий не был.

Форма прошедшего II в марийском не является финно-угорским наследием; ее происхождение, по-видимому, относится к периоду волжской общности⁶⁹.

Кроме марийского, Perfect наблюдается в коми-зырянском, удмуртском, татарском, башкирском, чувашском языках. Общие черты в глагольных системах финно-угорских и тюркских языков Волго-Камья, по-видимому, развились в силу постоянного взаимодействия финно-угорских и тюркских языков этого ареала⁷⁰.

Форма прошедшего II в марийском сложная, состоит из деепричастия на -н и спрягаемой формы настоящего-будущего времени глагола *улаш // ылаш* 'быть', в котором первый слог выпал: *лудын + улам // лыдын + ылам > лудынам // лыдынам* 'я читал'.

§ 68. Четыре прошедших времени являются сложными аналитическими формами: прошедшее длительное I, прошедшее длительное II, предпрошедшее I, предпрошедшее II.

Прошедшее длительное I выражает продолжительное незаконченное в прошлом действие, не ограниченное каким-либо промежутком времени и обычно хорошо известное (иногда очевидное) для говорящего: мр.-луг. *Ожно тыге кырат ыле: кум кече ни шинчен, ни возын от керт* 'Раньше так били: три дня ни сидеть, ни лежать не можешь'; мр.-г. *Мёнь тынам луаткок иаш ылам ылы*. 'Тогда мне было двенадцать лет'.

Прошедшее длительное I образуется из личных форм настоящего-будущего времени смыслового глагола и неспрягаемой формы вспомогательного глагола *ыле // ылы* 'был'.

В отрицательной форме спряжения по лицам изменяется только вспомогательный отрицательный глагол, который находится перед неизменяемой формой смыслового глагола.

⁶⁹ Галк. I 155.

⁷⁰ Сереб. Кат. 288—289.

ПРОШЕДШЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ I

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (*лудаш // лыдаш* 'читать')

Ед. ч.	1 л.	<i>лудам ыле // лыдам ыльы</i>	<i>ом луд ыле // ам лыдыльы</i>
	2 л.	<i>лудат ыле // лыдат ыльы</i>	<i>от луд ыле // ат лыд ыльы</i>
	3 л.	<i>лудеш ыле // лыдеш ыльы</i>	<i>ок (огеш) луд ыле // ак (агеш) лыд ыльы</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>лудына ыле // лыдына ыльы</i>	<i>она луд ыле // ана лыд ыльы</i>
	2 л.	<i>лудыда ыле // лыдыда ыльы</i>	<i>ода луд ыле // ада лыд ыльы</i>
	3 л.	<i>лудыт ыле // лыдыт ыльы</i>	<i>огыт луд ыле // ак лыдеп ыльы</i>

II спряжение (*пураш // пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л.	<i>пурем ыле // пурем ыльы</i>	<i>ом пуро ыле // ам пыры ыльы</i>
	2 л.	<i>пурет ыле // пырет ыльы</i>	<i>от пуро ыле // ат пыры ыльы</i>
	3 л.	<i>пура ыле // пыра ыльы</i>	<i>ок (огеш) пуро ыле // ак (агеш) пыры ыльы</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>пурена ыле // пырена ыльы</i>	<i>она пуро ыле // она пыры ыльы</i>
	2 л.	<i>пуреда ыле // пыреда ыльы</i>	<i>ода пуро ыле // ада пыры ыльы</i>
	3 л.	<i>пурат ыле // пырат ыльы</i>	<i>огыт пуро ыле // ак пыреп ыльы</i>

§ 69. Прошедшее длительное II в основном выражает действие длительно происходившее в прошлом, неочевидное для говорящего; употребляется обычно в тех случаях, когда повествуется о событиях, давно происходивших (в историческом прошлом): мр.-луг. *Нуным «князь» маныт улмаш* 'Их «князь» называли было'.

Утвердительная форма прошедшего длительного II образуется путем сочетания личных форм настоящего-будущего времени смыслового глагола с неизменяемой формой глагола *улмаш // ылын*.

В отрицательной форме в прошедшем длительном II по лицам изменяется только отрицательный вспомогательный глагол, который находится перед неизменяемой формой смыслового глагола.

ПРОШЕДШЕЕ ДЛИТЕЛЬНОЕ II

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (*лудаш // лыдаш* 'читать')

Ед. ч.	1 л.	<i>лудам улмаш // лыдам ылын</i>	<i>ом луд улмаш // ам лыд ылын</i>
	2 л.	<i>лудат улмаш // лыдат ылын</i>	<i>от луд улмаш // ат лыд ылын</i>

	3 л. <i>лудеш улмаш</i> // <i>лыдеш ылын</i>	<i>ок(огеи) луд улмаш</i> // <i>ак(агеи) лыд ылын</i>
Мн. ч.	1 л. <i>лудына улмаш</i> // <i>лыдына ылын</i>	<i>она луд улмаш</i> // <i>ана лыд ылын</i>
	2 л. <i>лудыда улмаш</i> // <i>лыдыда ылын</i>	<i>ода луд улмаш</i> // <i>ада лыд ылын</i>
	3 л. <i>лыдыт улмаш</i> // <i>лыдыт ылын</i>	<i>ок(огыт) луд улмаш</i> // <i>ак(агыт) лыдепылын</i>

II спряжение (*пураш* // *пыраш* 'войти')

Ед. ч.	1 л. <i>пурем улмаш</i> // <i>пырем ылын</i>	<i>ом пуро улмаш</i> // <i>ам пыры ылын</i>
	2 л. <i>пурет улмаш</i> // <i>пырет ылын</i>	<i>от пуро улмаш</i> // <i>ат пыры ылын</i>
	3 л. <i>пура улмаш</i> // <i>пыра ылын</i>	<i>ок(огеи) пуро улмаш</i> // <i>ак (агеи) пыры ылын</i>
Мн. ч.	1 л. <i>пурена улмаш</i> // <i>пырена ылын</i>	<i>она пуро улмаш</i> // <i>ана пыры ылын</i>
	2 л. <i>пуреда улмаш</i> // <i>пырыда ылын</i>	<i>ода пуро улмаш</i> // <i>ада пыры ылын</i>
	3 л. <i>пурат улмаш</i> // <i>пырат ылын</i>	<i>ок (огыт) пуро улмаш</i> // <i>ак (агыт) пыреп ылын</i>

§ 70. Предпрошедшее I обозначает прошедшее (обычно очевидное) действие, совершившееся до другого действия: мр.-луг. *Зина Туранова шолем деч вара кастене пасуи каяш лектын ыле* 'Вечером после града Зина Туршанова вышла (чтобы) идти в поле'; мр.-г. *Карем вес велны перви шапкила роша лудем шалга ылы* 'По другую сторону оврага, серея, раньше стояла осиновая роща'.

Утвердительная форма предпрошедшего I образуется путем сочетания форм прошедшего II времени смыслового глагола с неизменяемой формой вспомогательного глагола *ыле* // *ылы* 'был', 'было'.

Отрицательная форма предпрошедшего I в лугово-восточном состоит из деепричастной формы на *-н* смыслового глагола + личные сложные формы вспомогательного отрицательного глагола *ыле*; в горномарийском деепричастии имеет форму на *-де*, а вспомогательный глагол — *ылы*.

ПРЕДПРОШЕДШЕЕ I

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение

Ед. ч.	1 л. <i>лудынам ыле</i> // <i>лыдынам ылы</i>	<i>лудын омыл ыле</i> // <i>лыдделап ылы</i>
	2 л. <i>лудынат ыле</i> // <i>лыдынат ылы</i>	<i>лудын отыл ыле</i> //

	3 л. <i>лудын ыле</i> // <i>лыдын ылыы</i>	<i>лыдделат ылыы</i> <i>лудын огыл ыле</i> // <i>лыдде ылыы</i>
Мн. ч. 1 л.	<i>лудынна ыле</i> // <i>лыдынна ылыы</i>	<i>лудын онал</i> (<i>огынал</i>) <i>ыле</i> // <i>лыдделна ылыы</i>
	2 л. <i>лудында ыле</i> // <i>лыдында ылыы</i>	<i>лудын одал</i> (<i>огыдал</i>) <i>ыле</i> // <i>лыдделда ылыы</i>
	3 л. <i>лудыныт ыле</i> // <i>лыдыныт ылыы</i>	<i>лудын огытыл ыле</i> // <i>лыдделыт ылыы</i>

II спряжение

Ед. ч. 1 л.	<i>пуренам ыле</i> // <i>пыренам ылыы</i>	<i>пурен омыл ыле</i> // <i>пырыделаам ылыы</i>
	2 л. <i>пуренат ыле</i> // <i>пыренат ылыы</i>	<i>пурен отыл ыле</i> // <i>пырыделат ылыы</i>
	3 л. <i>пурен ыле</i> // <i>пырен ылыы</i>	<i>пурен огыл ыле</i> // <i>пырыде ылыы</i>
Мн. ч. 1 л.	<i>пуренна ыле</i> // <i>пыренна ылыы</i>	<i>пурен онал</i> (<i>огынал</i>) <i>ыле</i> // <i>пырыделна ылыы</i>
	2 л. <i>пуренда ыле</i> // <i>пыренда ылыы</i>	<i>пурен одал</i> (<i>огыдал</i>) <i>ыле</i> // <i>пырыделда ылыы</i>
	3 л. <i>пуреныт ыле</i> // <i>пыреныт ылыы</i>	<i>пурен огытыл ыле</i> // <i>пырыделыт ылыы</i>

§ 71. Утвердительная форма предпрошедшего II образуется из личных форм прошедшего II времени смыслового глагола и неизменяемой формы вспомогательного глагола *улмаш* // *ылын* 'был'. Предпрошедшее II обозначает давнопрошедшее действие, неочевидное (обычно в историческом прошлом), которое произошло раньше другого: *мр.-луг. Ожно марий калык татар хан кид йымалме илен улмаш* 'Раньше марийский народ жил под властью татарского хана'.

Отрицательная форма предпрошедшего II в лугово-восточном состоит из деепричастной формы на *-н* смыслового глагола + личные сложные отрицательные формы вспомогательного глагола *улмаш* 'был', в горномарийском — из личных форм деепричастия на *-де* + неизменяемый вспомогательный глагол *ылын* 'был'. (Об истории аналитических форм прош. времен см. М. § 150, 151).

ПРЕДПРОШЕДШЕЕ II

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (*лудаш* // *лыдаш* 'читать')

Ед. ч. 1 л.	<i>лудынам улмаш</i> // <i>лыдынам ылын</i>	<i>лудын омыл</i> <i>улмаш</i> // <i>лыдделаам</i> <i>ылын</i>
	2 л. <i>лудынат улмаш</i> // <i>лыдынат ылын</i>	<i>лудын отыл</i>

		улмаш // лыдделат ылын
3 л.	лудын улмаш // лыдын ылын	лудын огыл улмаш // лыдде ылын
Мн. ч. 1 л.	лудынна улмаш // лыдынна ылын	лудын онал улмаш // лыдделна ылын
2 л.	лудында улмаш // лыдында ылын	лудын одал улмаш // лыдделда ылын
3 л.	лудыныт улмаш // лыдыныт ылын	лудын огытыл улмаш // лыдделыт ылын

II спряжение (пураш // пыраш 'войти')

Ед. ч. 1 л.	пуренам улмаш // пыренам ылын	пурен омыл улмаш // пырыделам ылын
2 л.	пуренат улмаш // пыренат ылын	пурен отыл улмаш // пырыделат ылын
3 л.	пурен улмаш // пырен ылын	пурен огыл улмаш // пырыде- ылын
Мн. ч. 1 л.	пуренна улмаш // пыренна ылын	пурен онал улмаш // пырыделда ылын
2 л.	пуренда улмаш // пыренда ылын	пурен одал улмаш // пырыделна ылын
3 л.	пуреныт улмаш // пыреныт ылын	пурен огытыл улмыш // пырыделыт ылын

§ 72. Повелительное наклонение как в лугово-восточном, так и в горномарийском имеет утвердительные и отрицательные формы для 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (лудаш // лыдаш 'читать')

Ед. ч. 2 л.	луд // лыд	ит луд // ит лыд
3 л.	лудшо // лыдшы	ынже луд // ёнжы лыд
Мн. ч. 2 л.	лудса // лыдда	ида луд // ида лыд
3 л.	лудышит // лыдышты	ынышит луд // ёнжышты лыд

II спряжение (пураш // пыраш 'войти')

Ед. ч.	2 л. <i>пуро // пыры</i>	<i>ит пуρο // ит пыры</i>
	3 л. <i>пурыжо // пырыжы</i>	<i>ынже пуро // ёнжы пыры</i>
Мн. ч.	2 л. <i>пурыза // пырыда</i>	<i>ида пуро // ида пыры</i>
	3 л. <i>пурышит // пырышты</i>	<i>ынышит пуро // ёнжышты пыры</i>

Суффиксы, образующие формы 2-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа повелительного наклонения, имеют фонетические варианты, зависящие от лабиальной гармонии (в лугово-восточном) и от характера конечного согласного основы: *толжо // толжы* 'пусть он придет', *налже // нължы* 'пусть он возьмет', *кошшо // качшы* 'пусть он ест' и т. д. В горномарийском 2-е лицо ед. числа образуется при помощи суфф. *-да, -дă* (фонетический вариант его *-та, -тă* на письме не получает отражения): *нълда* 'возьмите', *качда* [каçта] 'ешьте'.

Просяба или пожелание в марийском выражается при помощи частицы *ыле // ылнежы*, которая чаще всего употребляется в сочетании с формами повелительного наклонения: мр.-луг. *Вот рушарняштат тыгай мотор кече лийже ыле* 'Вот бы и в воскресенье был такой же хороший день': мр.-г. *Хоть ик гăна чонгештын анжышаиш ылнежы* 'Хоть бы раз, полетав, посмотреть' (на самолете).

В горномарийском понудительное значение глагола повелительного наклонения может быть усилено при помощи усилительных частиц *-ма, -ай, -ок, -йă* и слова *ăлдок* 'давай': *Пурыма, пурыма!* 'Зайди-ка, зайди-ка!'; *Кидедем пуай!* 'Дай-ка (свою) руку'; *Ну, ăлдок, кена!* 'Ну, давай, пошли!'; *Келесыдай, мыняр час кызыт* 'Скажите, сколько времени сейчас'.

В марийском языке финно-угорский показатель императива (см. М. § 155) не сохранился, хотя в ранний период прамарийского языка к-овый суффикс, вероятно, был. Развитие формы 2-го лица ед. числа повелительного наклонения можно представить следующим образом: **tolek > *tole > *tolə > *tol*⁷¹ 'приди'.

Форма 3-го лица ед. числа повелительного наклонения, по-видимому, образована при помощи лично-притяжательного суффикса 3-го лица *-же, -жо, -жө // -жы, -жй*: *кондыжо // кандыжы* 'пусть принесет', *малыже // амалыжы* 'пусть спит' (мд. *кундазо* 'пусть поймает', *удозо* 'пусть спит').

Образование современной формы 3-го лица ед. числа повелительного наклонения можно представить следующим образом: **tolekše > *tolžžž > *tolžž > *tolžo*⁷² 'пусть он придет'.

2-е лицо мн. числа глаголов повелительного наклонения образовано при помощи личного окончания глаголов настоящего времени, что хорошо выявляется на материале горного и северо-западного наречий: мр.-г. *толда* 'придите', *пырыда* 'войдите'.

⁷¹ Галк. I 140.

⁷² Галк. I 140.

В луговом наречии д[δ] перешел в з[z]: *толза* 'придите', *пурыза* 'войдите'. Переход δ в z наблюдается в именах существительных (в говорах восточного наречия): мр.-луг. *нудо*, перм. *пузо* 'младшая золовка'; мр.-луг. *тыгыде*, перм. *tuγuzo* 'мелкий'.

Развитие 2-го лица мн. числа повелительного наклонения в луговом марийском можно представить следующим образом: **tolekda* > **tolekta* > **tolēda* > *tolda* > *tolza* ⁷³ 'придите'.

В образовании форм 3-го лица мн. числа повелительного наклонения принял участие финно-угорский показатель мн. числа *-t, который присоединяется к форме 3-го лица ед. числа *tolekset* > *tolāst* > *tolēst* 'пусть они придут', где *-k — показатель настоящего-будущего времени (он затем выпал), *-se — личное местоимение, *-t — показатель мн. числа.

В форме повелительного наклонения глаголов II спряжения находим причастный суфф. -va, -vā, о чем свидетельствуют диалектные формы глаголов 3-го лица мн. числа повелительного наклонения: *kandēṣṣšt* 'пусть они принесут'.

§ 73. Форма желательного наклонения образуется путем присоединения к основе повелительного наклонения суфф. -не: *нал* || *нāl* 'возьми' — *налем* || *нāлем* 'намерен, хочу взять', *пуро* || *пыры* 'войди' — *пурнем* || *пырнем* 'намерен войти'.

Желательное наклонение выступает в двух временных формах: настояще-будущем и прошедшем утвердительного и отрицательного рядов и имеет те же личные окончания, что и изъявительное наклонение (кроме окончания 3-го лица).

НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (*лудаш* || *лыдаш* 'читать')

Ед.	ч.	1 л.	<i>луднем</i> <i>лыднем</i> 'я намерен читать'	<i>ынем луд</i> <i>йнем лыд</i> 'я не намерен читать'
		2 л.	<i>луднет</i> <i>лыднет</i>	<i>ынет луд</i> <i>йнет лыд</i>
		3 л.	<i>луднеже</i> <i>лыднежы</i>	<i>ынеж луд</i> <i>йнежы лыд</i>
Мн.	ч.	1 л.	<i>луднена</i> <i>лыднена</i> 'мы намерены читать'	<i>ынена луд</i> <i>йнена лыд</i> 'мы не намерены читать'
		2 л.	<i>луднеда</i> <i>лыднеда</i>	<i>ынеда луд</i> <i>йнеда лыд</i>
		3 л.	<i>луднешт</i> <i>лыднешты</i>	<i>ынешт луд</i> <i>йнешты лыдеп</i>

II спряжение (*пураш* || *пыраш* 'войти')

Ед.	ч.	1 л.	<i>пурнем</i> <i>пырнем</i>	<i>ынем пуро</i> <i>йнем пыры</i>
		2 л.	<i>пурнет</i> <i>пырнет</i>	<i>ынет пуро</i> <i>йнет пыры</i>
		3 л.	<i>пурнеже</i> <i>пырнежы</i>	<i>ынеж пуро</i> <i>йнежы пыры</i>
Мн.	ч.	1 л.	<i>пурнена</i> <i>пырнена</i>	<i>ынена пуро</i> <i>йнена пыры</i>
		2 л.	<i>пурнеда</i> <i>пырнеда</i>	<i>ынеда пуро</i> <i>йнеда пыры</i>
		3 л.	<i>пурнешт</i> <i>пырнешты</i>	<i>ынешт пуро</i> <i>йнешты пыреп</i>

⁷³ Галк. I 141.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение

Ед. ч.	1 л. луднем ыле // лыднем ыльы	ынем луд ыле// Ынем лыд ыльы
	2 л. луднет ыле // лыднет ыльы	ынет луд ыле// Ынет лыд ыльы
	3 л. луднеже ыле // лыднежы ыльы	ынеж луд ыле// Ынежы лыд ыльы
Мн. ч.	1 л. луднена ыле // лыднена ыльы	ынена луд ыле// Ынена лыд ыльы
	2 л. луднеда ыле // лыднеда ыльы	ынеда луд ыле// Ынеда лыд ыльы
	3 л. луднешт ыле // луднешты ыльы	ынешт луд ыле// Ынешты лыдеп ыльы

II спряжение

Ед. ч.	1 л. пурынем ыле // пырынем ыльы	ынем пуро ыле// Ынем пыры ыльы
	2 л. пурынет ыле // пырынет ыльы	ынет пуро ыле// Ынет пыры ыльы
	3 л. пурынеже ыле // пырынежы ыльы	ынеж пуро ыле // Ынежы пыры ыльы
Мн. ч.	1 л. пурынена ыле // пырынена ыльы	ынена пуро ыле // Ынена пыры ыльы
	2 л. пурyneда ыле // пырынеда ыльы	ынеда пуро ыле // Ынеда пыры ыльы
	3 л. пурынешт ыле // пырынешты ыльы	ынешт пуро ыле // Ынешты пыреп ыльы

В отрицательной парадигме в настояще-будущем времени желательного наклонения по лицам изменяется отрицательный глагол (в котором суфф. *-не* предшествует личным окончаниям), затем идет неизменяемая форма (основа глагола повелительного наклонения) смыслового глагола. Утвердительная форма прош. времени желательного наклонения образуется сочетанием неизменяемой формы вспомогательного глагола *ыле* (или *улмаш*) // *ыльы* с личными формами смыслового глагола настоящего-будущего времени желательного наклонения.

Отрицательная форма прош. времени желательного наклонения образуется сочетанием личных форм спрягаемого отрицательного глагола (в котором суфф. *-не* предшествует личным окончаниям)

с неизменяемой основой смыслового глагола, за которым следует вспомогательный глагол *ыле* // *ылы*.

§ 74. Условно-сослагательное наклонение как особая грамматическая форма в лугово-восточном марийском литературном языке отсутствует, значения его передаются сложными (описательными) формами прош. времени изъявительного наклонения, обычно выступающими в составе сложных предложений, в которых придаточные условные связываются с главными с помощью союза *гын* 'если': *Тунам мыйым ваки пѣаш чыкат ыле гын, тыйат от лий ыле, мый ижежат Совет властьюм ом уж ыле* 'Если бы тогда меня утопили (досл. сунули) в мельничной запруде, и тебя не было бы, и сам я не увидел бы Советской власти'.

В горномарийском в отличие от лугово-восточного условно-сослагательное наклонение передается еще при помощи суфф. *-гецы*, присоединяемого к основе глагола *ылаш* 'быть' (в придаточном предложении *ыл + гецы*): *Изиш первирак толын шонда ылгецы, анят кычен кердам ылы ош шѣргашем* 'Если бы немного раньше успели прийти (вы), то, наверно, удержала бы белый перстень (мой)'.

Показатель желательного наклонения суфф. *-не имеет финно-угорское происхождение (см. М. § 157, 158). Материалы горного наречия, а также некоторых других финно-угорских языков дают основание считать, что в прамарийском суфф. *-не выражал условно-сослагательное значение, например: мр.-г. *Ма, мѣньат тыменяш кемаш гѣньы? Вот линежы ълымашты цѣш* 'А что, если я тоже поеду учиться? Вот в жизни было бы счастье'.

В лугово-восточном марийском литературном языке суфф. *-не полностью утратил условно-сослагательное значение.

Личные формы желательного наклонения в марийском, вероятно, претерпели следующие изменения ⁷⁴:

Ед. ч. 1 л. *toleneme > *tolōnem > *tolnemā > tolnem	'я намерен прийти'
2 л. *tolenete > tolānetā > toluetā > tolnet	
3 л. *tolenese > tolōneze > tolōnežā > tolnežā	
Мн. ч. 1 л. *tolenemak > tolōnema > tolnena	'мы намерены прийти'
2 л. *tolenetak > tolōneta > tolneda	
3 л. *toleneset > tolōnežāt tolnešt	

Кроме суфф. *-не в прамарийском был другой суффикс с условно-сослагательным значением — суфф. — *-гече*, *-гецы*, который в недавнем прошлом встречался и в некоторых говорах восточного наречия, в настоящее время сохранился в горном и северо-восточном наречиях, где он употребляется в прош. и буд.

⁷⁴ Галк. I 146.

временах обычно в сочетании с вспомогательным глаголом *ылаш* 'быть', *ляш* 'быть', 'становиться': *ыл+гецы*.

Происхождение суфф. *-гече*, *-гецы* неясно: одни исследователи марийского языка возводят его к финно-угорскому условному суфф. **-ks*⁷⁵, другие связывают его с деепричастным суфф. *-дегече*, *-дегызе* < *kese*⁷⁶, встречающимся в некоторых диалектах, например в северо-западном наречии. Возможно, что суфф. *-гецы*, *-гече* имеет общее происхождение с мд. *-ксо*, *-ксе*, образующими желательное наклонение: мд. *молян* 'иду' — *моликсэлинъ* 'я хотел идти'⁷⁷.

Таким образом, система наклонений в прамарийском была представлена изъявительным наклонением без специального оформления, повелительным в форме основы изъявительного наклонения, условно-сослагательным с суфф. **-не*, условно-сослагательным с суфф. *-гецы*, *-гече*.

§ 75. О б р а з о в а н и е г л а г о л о в о т г л а г о л о в . Выражение залоговых, видовых и других значений.

Действительное залоговое значение не маркируется.

Возвратное значение обозначается суфф. *-алт*, присоединяемым к глаголам действительного залогового значения; суфф. *-алт* вносит в глаголы значения: собственно-возвратное (*й̆йлаш* || *й̆йлаш* 'гореть' — *й̆йлалташ* || *й̆йлалташ* 'сжечь себя', *ямдылаш* || *й̆ямдылаш* 'готовить' — *ямдылалташ* || *й̆ямдылалташ* 'готовиться'), средневозвратное (*чытыраш* 'дрожать' — *чытыралташ* 'содрогнуться'), страдательно-возвратное значение (такие глаголы выступают в сочетании с существительным — дополнением, имеющим при себе послелог *дене* || *доно*: мр.-луг. *Вес коремже тыгыде кожер дене ле-ведалтын* 'Другой овраг покрылся мелким ельником'; мр.-г. *Цила ышталташ кид доно* 'Все делается руками'), взаимно-возвратное (*шупшалаш* || *шыпшалаш* 'целовать' — *шупшалташ* || *шыпшалташ* 'целоваться').

Чисто страдательное значение в марийском выражают только кальки с русского: мр.-луг. *Ший лупс дене мушкылтишо шып эр* 'Серебряной росой умытое тихое утро'; мр.-г. *Сравоч доно питырмы пӧрт* 'Запертый на замок дом'.

Понудительное залоговое значение выражается суфф. *-ыкт*, присоединяемым к переходным глаголам: *ончаш* || *анжаш* 'смотреть' — *ончыкташ* || *анжыкташ* 'показывать' (досл. 'понуждать смотреть').

При глаголах с залоговым суфф. *-ыкт* косвенный объект (понуждаемый совершать действие) выступает в дат. падеже: *Аваже ӱдыржылан вӱдым нумалыкта* 'Мать заставляет (понуждает) дочь носить воду'.

⁷⁵ П. А. А р и с т э — Хак. I 225 (примечания); Ф. Г о р д е е в — Вопр. мар. I 119—120.

⁷⁶ Веке. CsNy 377.

⁷⁷ Г о р д е е в — Вопр. мар. I 120,

Залоговый суфф. *-ыкт* может присоединяться и к непереходным глаголам, в таких случаях глаголы получают значение переходных и не имеют косвенного объекта в форме дат. падежа: *Макси тудым пёртылыкта* 'Макси возвращает (досл. 'заставляет вернуться') его'.

Суфф. *-ан, -н || -ан, -ән, -н* придают глаголу залоговые значения: *мокташ || макташ* 'хвалить' — *моктанаш || мактанаш* 'хвалиться' (возвратное значение).

Суфф. *-ал* (часто в сочетании с суфф. *-да*) придает глаголу уменьшительно-ласкательное значение: мр.-луг. *Таче тыште улдалеи, эрла уке лиялеи* (глаголы *улаш* 'быть', *лияш* 'быть', 'становиться') 'Сегодня он здесь, а завтра нет его'; мр.-г. *Микита мәнгы дәрән шўлышым изишеи нәлаи шагалалеи* 'Никита возле столба останавливается немного перевести дух'.

Вид как грамматическая категория, выражающая совершенность или несовершенство действия, в марийском отсутствует. Совершенство действия, в отличие от несовершенности, в марийском выражается сочетанием деепричастия на *-н* смыслового глагола со спрягаемыми формами вспомогательных глаголов, образуя так называемые составные или же спаренные глаголы⁷⁸. В качестве вспомогательных глаголов, используемых для выражения видовых значений, выступают *шындаш || шўндаш* 'посадить', *лекташ || ләкташ* 'выйти', *налаш || нәлаш* 'взять', *пурташ || пырташ* 'вести', *колташ || колташ* 'пустить' и др.: *солаш || салаш* 'косить' — *солен налаш || сален нәлаш* 'скосить', *кыраш || кыраш* 'бить' — *кырен пурташ || кырен пырташ* 'вбить', 'забить (гвоздь)', *малаш || амалаш* 'спать' — *мален колташ || амален колташ* 'заснуть' и др.

К суффиксам, выражающим однократность действия, относятся *-ал, -л*: *ончаш || анжаш* 'смотреть' — *ончалаш || анжалаш* 'взглянуть', *шогаш || шагаш* 'стоять' — *шогалаш || шагалаш* 'стать', 'встать'.

Множественность действия выражают суфф. *-кал, -гал*: *шонаш || шанаш* 'думать' — *шонкалаш || шаныкалаш* 'раздумывать', *параш || пераш* 'ударить' — *паркалаш || перкалаш* 'ударять', 'бросаться чем-л.'; *-ыл*: *шындаш || шўндаш* 'посадить', 'садить' — *шындылаш || шўндылаш* 'сажать'; *-ед*: *пўчкаш || пўцкаш* 'резать' — *пўчкедаш || пўцкедаш* 'нарезать', *-н, -ан*: *мокташ || макташ* 'хвалить' — *моктанаш || мактанаш* 'хвалиться', *-ылт*: *йодаш || ядаш* 'спрашивать', 'спросить' — *йодышташ || ядышташ* 'расспрашивать' и др.

Рассмотренные суффиксы образуют глаголы от глаголов же и обычно вносят в глагол видовые и залоговые значения.

§ 76. Суффиксы, образующие глаголы от других частей речи: *-л; -ал; -ышт; -ешт; -ешн, -ышн; -ешк, -ышк; -ем; -н; -лан; -тат; -лт*.

⁷⁸ М. П. Ч х а н д з е. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1967.

Наиболее продуктивным из них является суффт. -л, образующий глаголы от имен существительных: *кышыл* || *кйшыл* 'куча зерна' — *кышыллаш* || *кйшыллаш* 'сгребать' (зерно), от некоторых имен прилагательных: *окиак* || *акшак* 'хромой' — *окиаклаш* || *акшаклаш* 'хромать'. При помощи суфт. -л в лугово-восточном марийском оформляются глаголы, заимствованные из русского языка: *сдавать* → мр.-луг. *сдаватлаш*, *гладить* → мр.-луг. *гладитлаш* (в произношении большинства марийцев русский мягкий *ть* при заимствовании сохраняется); в горномарийском заимствованные из русского языка глаголы оформляются при помощи суфт. -й: *ревизовать* → *ревизуяш*, *думать* → *тумаяш*.

Менее продуктивными являются суфт. -лан (*чер* || *цер* 'болезнь' — *черланаш* || *церланаш* 'заболеть') и суфт. -ем, образующий глаголы от прилагательных: *кйжгё* || *кйжгы* 'толстый' — *кйжгемаш* || *кйжгемаш* 'толстеть'.

Непродуктивными являются суффиксы: -н (образует глаголы от некоторых существительных и прилагательных): мр.-луг. *пйгыр* 'горб' — *пйгырнаш* 'нагнуться', мр.-г. *йахы* 'грязь' — *йахнаш* 'загрязниться'; -шит: *вер* || *вёр* 'место' — *верешташ* || *вёрешташ* 'попасться'; -ышт: *йол* || *ял* 'нога' — *йольшиташ* || *яльшиташ* 'надеть пуги', 'стреножить'.

Ряд непродуктивных суффиксов образует глаголы как от имен, так и от глаголов: -т, -д: *лйм* || *лйм* 'имя' — *лймдаш* || *лймдаш* 'назвать', 'называть', *волаш* || *валаш* 'спуститься', 'спускаться' — *волташ* || *валташ* 'спускаться', 'спустить'; -г, -к (в отглагольных глаголах употребляется лишь в сочетании с суфт. -ед) образует глаголы от имен существительных, прилагательных и изобразительных слов: *лавра* || *лявра* 'грязь' — *лаврыгаш* || *лявырыгаш* 'загрязниться', 'испачкаться', *лырыгаш* 'смеяться', 'хихикать' (от звукоподражательного слова *лыр-р*), *шураш* || *шыраш* 'тыкать' — *шуркедаш* || *шыркедаш* 'потыкивать' (многократное действие).

§ 77. Суффиксы, образующие глаголы как от глаголов, так и от других частей речи: -алт; -ыкт; -анг || -анг; -тар, -дар; -ар; -ас, -аш; -ынч || -ынз; -т, -д; -ас, -аш. В случаях, когда суффикс образует глагол от глагола же, он вносит в слово залоговое или же видовое значение. Продуктивные суффиксы: -алт; -ялт (*канаш* || *кйнаш* 'отдыхать' — *каналташ* || *кйналташ* 'отдохнуть', *пычкмыш* || *пычкемыш* 'темнота' — *пычкемышалташ* || *пычкемышалташ* 'темнеть'); -ыкт (*ончаш* || *анжаш* 'смотреть' — *ончыкташ* || *анжыкташ* 'показывать', *эре* 'чистый' — *эрыкташ* 'чистить'); -анг || -анг (*лум* || *лым* 'снег' — *лумагнаш* || *лымангаш* 'покрываться снегом'). Непродуктивными являются: -т (*волаш* || *валаш* 'спускаться' — *волташ* || *валташ* 'спустить', *лйм* || *лйм* 'имя' — *лймдаш* || *лймдаш* 'называть'). Непродуктивными являются: -ынч || -ынз (*йпши* 'запах' — *йпшынычаш* || *йпшынызаш* 'нюхать'); -дар, -тар (*йшан* || *йшнян* 'надежный' — *йшандараш* || *йшняндараш* 'уверять' и др.

§ 78. Многие глагольные суффиксы восходят к финно-угорскому (уральскому) периоду, например, суфт. -анг || -анг (в. *zajong*

'шумит'); -ынч || -ына (мд. *кевонзамс* 'окаменеть'); -ал (мд. *кантлемс* 'приносить', с. *kérte* 'взлететь'); -алт (ф. *puhaltaa* 'дунуть', 'дуть') и др. (см. М. § 255—298). Суффиксы, заимствованные марийским языком из тюркских (главным образом чувашского) языков: -ас, -аш: *тума* 'шум' — *тумасаш* 'шуметь', -ар: *ком* 'кора' — *комараш* 'сдирать кору'; -тар: *вожылаш* || *важылаш* 'стесняться' — *вожылташ* || *важылтараш* 'пристыдить'.

§ 79. К инфинитивным (неспрягаемым) формам относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

И н ф и н и т и в представлен двумя формами: инфинитивом на -аш || -аш, -аш и инфинитивом долженствования на -ман || -мыла, например, *каш* || *кеаш*, 'идти', *кайман* || *кемыла* 'должно идти' (мр.-луг. *Экзаменлан сайын йамдылалтман* 'К экзаменам следует хорошо готовиться'; мр.-г. *Пў доно пырмыла ты вёрйўшывлэм* 'Зубами следует загрызть этих кровососцев').

Инфинитив может иметь лично-притяжательные и падежные форманты, например: мр.-луг. *Кочкашет уло мо?* 'Еда у тебя имеется?' (двел. 'Есть у тебя имеется?'); *Шуашыже шуам — мўндырак огыл* 'Дойти-то дойду — недалеко'; *Каяшлан ямдылалтам* 'Готовлюсь к отъезду'. Такая особенность марийского инфинитива объясняется его именным происхождением. Инфинитивный суфф. -аш восходит к финно-волжскому лат. *-s (см. М. § 88), сложный суфф. -мыла образовался из финно-угорских суффиксов глагольного имени *-m и суфф. лат. *-l⁷⁹, сложный суфф. -ман инфинитива долженствования состоит из суффикса глагольного имени *-m и финно-угорского лат. *-n.

§ 80. П р и ч а с т и я, сохраняя лексические значения глаголов, от которых они образовались, имеют ряд общих с ними грамматических признаков: 1) залоговое значение (*книгам лудишо* || *книгам лыдшы* 'читающий книгу', где причастие *лудишо* || *лыдшы* имеет значение действительного залога; *книгам лудыктышо* || *книгам лыдыктышы* 'заставляющий читать книгу', где причастие *лудыктышо* || *лыдыктышы* имеет значение понудительного залога); 2) видовое значение (*чонгештыше* || *чонгештышы* 'летающий' — *чонгештыше* || *чонгештышы* 'летающий' — значение многократности действия); 3) временные значения (*лудишо* || *лыдшы* 'читающий', *лудшаш книга* || *лыдшаш книга*, 'книга, которую предстоит читать'); 4) глагольное управление (*олмам кочкам* || *алмам качкам* 'ем яблоко').

Причастия, заменяя существительные, имеют формы числа, притяжательности и падежа, могут сочетаться с послелогоми (*мый тудым нурышко лекмыже ончы ужым* || *мўнь тўдым нырышкы лэкмыже анзыц ужым* 'я его до его выхода в поле видел').

В марийском языке различаются причастия активные, пассивные, отрицательные и причастия буд. времени, которые образуются от основ глаголов повелительного наклонения.

⁷⁹ Галк. I 161—162.

Активные причастия образуются при помощи суфф. *-ше, -шо, -шö* || *-шы, -шы́*: *луд* || *лыд* 'читай' — *лудшо* || *лыдыш* 'читающий', *нал* || *нäl* 'возьми — *наше* || *нälшы* 'взвзвший'.

Пассивные причастия образуются при помощи суфф. *-ме, -мо, -мö* || *-мы -мы́*: *лудмо* || *лыдмы* 'читаемый', *наме* || *нälмы* 'взятый'. Причастия этой группы обычно соответствуют страдательным причастиям русского языка.

Отрицательные причастия образуются при помощи суфф. *-дыме, -дымо, -дымö* || *-дымы, -ды́мы*: *йöратыдыме* || *яратыдымы* 'нелюбимый' (от глагола *йöрате* || *яраты* 'люби').

Причастия буд. времени обозначают признак предмета по действию, которое предстоит совершить в будущем, и образуются от основ повелительного наклонения при помощи суфф. *-шаш* || *-шаш, -шäш*, нередко осложненного присоединением суффикса тюркского происхождения *-лык*: мр.-луг. *Кайшашыже кайже* 'Тот, кому предстоит идти, пусть идет'; мр.-г. *Вадеш mä пöтарышашлык ылына* 'К вечеру мы должны закончить'.

В образовании пассивных (страдательных) причастий прослеживается финно-угорский суффикс отглагольного имени **-m* (см. М. § 213), ср. *илем* || *йлем* 'жилье', *ййлем* 'гарь'. Суффикс активных причастий *-ше, -шо, -шö* || *-шы, -шы́* генетически связан с ф.-у. суфф. **-s* (см. М. § 235, 236).

Суффикс причастий будущего времени *-шаш, -шашлык* по происхождению сложный. Он образован при помощи суффикса активного причастия *-ше* (<**-s*) и суффикса прилагательного *-аш* с *s*-овым элементом, встречающимся в прилагательных *икияш* 'годовалый', *кумыташ* 'трехрублевый'. Суфф. *-шаш* осложнился элементом *-лык* тюркского происхождения (тат. *батырлык*, чув. *паттйрлак* 'храбрость'). Причастия буд. времени с суфф. *-шаш* в марийском возникли самостоятельно на прамарийской почве⁸⁰. Суфф. *-дыме, -дымо, -дымö* || *-дымы, -ды́мы* отрицательных причастий в марийском возникли в период финско-пермской общности (ср. ф. *jalattoman* 'безногий', мд. *кудовтмо* 'бездомный', к.-п. *лыддытöм* 'непрочитанный') и по происхождению являются сложными. Его компоненты: финно-угорский формант *-tt* (см. М. § 246) и финно-угорский суффикс отглагольного имени **-ma*⁸¹.

§ 81. Д е е п р и ч а с т и я образуются от основы повелительного наклонения, имеют суффиксы видового и залогового значения, управляют надежными и послеложными формами существительных и местоимений: *ончен* || *анжен* 'смотря', *ончалын* || *анжалын* 'посмотрев', 'взглянув', *ончыктен* || *анжыктен* 'показав'; *Акам тувырым урген шинча* || *Акам тыгырым ырген шйнза* 'Моя старшая сестра сидит за шитьем рубашки (платья)'.

Деепричастия в марийском языке квалифицируются как деепричастия на *-н*, деепричастия на *-де*, деепричастия на *-мешке* ||

⁸⁰ Галк. I 166—167.

⁸¹ Галк. II 168.

-мешкы, деепричастия на -меке // *мэжкы*, -мйкы, деепричастия на -шыла // *-шыла*, -шйла.

Деепричастия первых двух групп, примыкая к глаголам, характеризуют способ действия, остальные — время действия.

Деепричастия на -н; -де; -меке могут иметь показатель сравнительной степени -рак, который в таких случаях выражает неполноту действия, обозначаемого деепричастием, например: мр.-луг. *Шинчажым иземденрак ончале* 'Сузив глаза (досл. 'немного уменьшив'), посмотрел'; могут присоединять усилительные частицы -ак // -ок; -ат: мр.-луг. *Рвезе ой дене тўнгалат гын, кудалыштынак эртарет, парым куралдеат шинчен кодат* 'Если послушаешься парня, то и время проведешь, разъезжая, и останешься, не вспав пар'.

Деепричастия на -н являются наиболее употребительными. У глаголов с основой на -ыл, -ал, -аг // -анг, -ем, -эм, -ед, -эд, -ешт, -зшт в деепричастиях обычно выпадает суффт. -ын, образуя усеченную форму деепричастий этой группы: *шупшыл налаш* // *шыншыл нйлаш* 'отнять' досл. 'потянув отнять' (вм. *шупшылын налаш* // *шыншылын нйлаш*); *кушкед шолаш* // *кышкед шалаш* (вм. *кушкедын шолаш* // *кышкедын шалаш*) 'изорвав бросить'.

Действие, выраженное деепричастием на -н, происходит одновременно с действием спрягаемого глагола или до него: мр.-луг. *Изи эрге, воштылын, оралтыште куржсталеш* 'Маленький мальчик, смеясь, бегаёт по двору'; *Марий имньым шогалтен, тарантасше гыч вола* 'Мужчина, остановив лошадь, сходит с тарантаса'. Деепричастия на -н нередко выступают в двоянной форме: мр.-луг. *Лудо-влак эркын-эркын сер век карен-карен лишемьт* 'Утки, не спеша (досл. 'спокойно—спокойно') перекликаясь (досл. 'крича-крпча'), приближаются к берегу'. Эта группа деепричастий принимает лично-притяжательные суффиксы 2-го и 3-го лица ед. числа, выступающих в роли определительно-выделительных частей: мр.-луг. *Мўнгў толынжо мом ыштем ыле?* — *Изиш каналтет иле* 'Домой придя (досл. 'придя-то'), что бы я стал делать? — Немного отдохнул бы (ты)'.

Деепричастия на -де (отрицательные деепричастия) образуются от основы повелительного наклонения при помощи липительного суффт. -де (ср. *луд* // *лыд* 'читай' — *лудде* // *лыдде* 'не читая') и выражают второстепенное действие, при отсутствии которого совершается главное действие, выраженное спрягаемой формой глагола; при этом оба действия, одно из которых отрицается, а другое утверждается, обычно происходят одновременно, но иногда первое, выраженное деепричастием на -де, может предшествовать другому: мр.-луг. *кочде ит кае* 'не поев, не уходи'; мр.-г. *Ыргыде, ыргызылаш ак ли* 'Если не шить, нельзя быть портным'.

Деепричастия на -де могут употребляться в двоянной форме: *Ойльде-ойльде* 'Не говоря-не говоря', т. е. 'молча'. Наблюдается также спаренное употребление деепричастия на -н с отрицатель-

ным деепричастием на *-де*: *кочкын—кочде* || *качкын—качде* 'поев-пе поев', т. е. 'недостаточно поев'.

Отрицательные деепричастия на *-де* могут выступать с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа в указательном значении: *Ты ен ден келшыдежат ок лий* 'С этим человеком и нельзя не согласиться-то'.

Деепричастия на *-шыла* || *-шыла*, *-шыла* (в диалектах *-мыла*) обозначают действие, происходящее одновременно с основным и имеют значение 'во время такого-то действия': *толышыла* || *толышыла* 'в тот момент, когда шел', *куржышыла* || *кыргызшыла* 'в тот момент, когда бежал'. В лугово-восточном деепричастия на *-шыла* могут выступать в лично-притяжательном оформлении во всех трех лицах ед. числа и 3-м лице мн. числа, причем лично-притяжательный суффикс как бы разрывает суффикс. *-шыла* на *-шы*, *-ш* и *-ла*, например: *тол-ше-м-ла* 'во время моего прихода'; *тол-ше-т-ла* 'во время твоего прихода'; *тол-шы-ж-ла* 'во время его прихода'; *тол-шы-шт-ла* 'во время их прихода'.

В горномарийском деепричастия на *-шыла* могут выступать во всех трех лицах ед. и мн. числа лично-притяжательного оформления, при этом лично-притяжательный суффикс ставится после суффикс. *-шыла*.

Ед. ч.	1 л.	<i>толышыла-эм</i>	'во время моего прихода'
	2 л.	<i>толышыла-эт</i>	
	3 л.	<i>толышыла-жы</i>	
Мн. ч.	1 л.	<i>толышыла-на</i>	'во время нашего прихода'
	2 л.	<i>толышыла-да</i>	
	3 л.	<i>толышыла-шты</i>	

Деепричастия на *-меке* || *-мыкы* (мр.-в. *möŋgö*) обозначают действие, предшествовавшее главному действию, выраженному спрягаемой формой глагола, и могут употребляться с усилительными частицами *-ак* || *-ок*; *-ат* и показателем сравнительной степени *-рак*: мр.-луг. *Волгенче волгалт эртымеке, тунамак пеш пычкемыш лийын* 'После того как сверкнула молния, сразу же стало очень темно'; мр.-г. *Поран цярнымыкы, Ваня анзыкы ашкедын* 'После того как буран утих, Ваня пошел дальше' (досл. 'вперед').

Деепричастия на *-мешке* || *-мешкы* выражают второстепенное действие, совершающееся после или в пределах времени действия спрягаемого глагола, а также может обозначать действие, которому предпочитается действие спрягаемого глагола, например: мр.-луг. *Калык ончылно возжылмешкем луче идым шенгеч ошкыл колтем* 'Чем стыдиться перед народом, лучше пройду за гумном'; мр.-г. *Школым тымень пытарымешкем ёлынем* 'Я намерен жить до окончания школы'.

Временные деепричастия на *-меке* || *-мекы* и *-мешке* || *-мешкы* могут принимать лично-притяжательные суффиксы всех трех лиц ед. и мн. числа.

Ед. ч. 1 л.	<i>толмешкем // толмешкем</i>	<i>толмекем // толмыкем</i>
	‘до моего прихода’	‘после моего прихода’
2 л.	<i>толмешкет // толмешкет</i>	<i>толмекет // толмыкет</i>
3 л.	<i>толмешкыже // толмешкыжы</i>	<i>толмекыже // толмыкыжы</i>
Мн. ч. 1 л.	<i>толмешкына // толмешкына</i>	<i>толмекына // толмыкына</i>
2 л.	<i>толмешкыда // толмешкыда</i>	<i>толмекыда // толмыкыда</i>
3 л.	<i>толмешкышт // толмешкышты</i>	<i>толмекышт // толмыкышты</i>

Деепричастия на -н в марийском развились частично из причастия, о чем говорят реликтовые формы: *шужен ий* ‘голодный год’, *пӧрдын мардеж* ‘вихрь’ (досл. ‘крутящийся ветер’) и др.⁸², а также формы прошедшего II: *толынам < толын улам* ‘я пришел’ из ‘я емь пришедший’; по мнению Э. Беке, мр. -н, -ын тождествен мд. -н, образующему имена от глаголов, например, мд. *kadoms* ‘покинуть’ — *kadoŋ* ‘покинутый’⁸³.

От причастия происходит и деепричастие с суффт. -де, что подтверждается формой прошедшего II в горномарийском: *толдела́м* из *толде ылам* ‘я емь не пришедший’. Суффт. -де восходит к ф.-у. суффт. *-tt (см. М. §§ 246, 247).

Деепричастия прошедшего действия с суффт. -меке // мыкы, -мӱкы и одновременного действия с суффт. -шыла формировались на марийской почве, однако в их образовании прослеживаются и финно-угорские суффиксы. В суффт. -меке // (-мыкы выявляются ф.-у. *-m имен действия и ф.-у. лат. *-k (см. М. § 213, § 71), в суффт. -шыла — финно-угорский суффикс отглагольных имен *-s > s и суффикс напр. падежа -la, в суффт. -мешке — ф.-у. лат. *-k и ф.-вол. лат. *-s (см. М. § 88)⁸⁴.

НАРЕЧИЯ

§ 82. Наречия делятся на: 1) качественные (*йӱжито // йӱжиты* ‘холодно’, *пыкше // токо-токо* ‘чуть-чуть’, ‘едва’); 2) количественные (*пеш // пиш* ‘очень’, *изин-олян // изин-олен* ‘немного’, *кумытын // кымытын* ‘втроем’, *пӱтынъ // пӱтынъ* ‘всё’, ‘без исключения’, *вуйге-почге // вуйге-пачге* ‘полностью’, ‘целиком’); 3) образа действия (*кумык // кумок* ‘вниз лицом’, *шып // шӱп* ‘тихо’, *йолын // ялын* ‘нешком’, *вашке // вӱшке* ‘скоро’, *вуйын-пачын // вуйын-пачын* ‘сломя голову’, ‘кувырком’); 4) времени (*таче // тагачы* ‘сегодня’,

⁸² П. И. Исабаев — НуК LX.

⁸³ Беке CsNy 163.

⁸⁴ Сереб. Осн. 169.

тегече || *тегечы* 'вчера', *ожно* || *ожны* 'раньше', 'в старину', *шукерте* || *пўлагерды* 'давно', *шагге* || *лешангы* 'недавно'; 5) места (*мўндўрнў* || *мўндырны* 'далеко', *тыште* || *тышты* 'здесь', *мўнгышко* || *токы* 'домой'); 6) причины и цели (*мўмын* || *йори* 'специально', 'преднамеренно').

Некоторые качественные наречия могут иметь форму сравнительной степени, выражаемую при помощи суфф. *-рак*: *сайын* || *яжон* 'хорошо' — *сайынрак* || *яжонрак* 'лучше' (см. § 45); превосходная степень выражается сочетанием наречия в форме сравнительной степени с частицей *эше* || *эче* 'еще' (*эше сайынрак* || *эче яжонрак* 'еще лучше'), *пеш* || *пиш* 'очень', *путырак* || *патыр* 'очень', 'чрезвычайно'.

Наиболее продуктивными суффиксами, образующими наречия от других частей речи, являются суфф. *-ен*, *-н* < ф.-у. лок. **-па*, **пā* (см. М § 60): *поро* || *пуры* 'добрый' — *порын* || *пурын* 'по-доброму'; *коктыт* 'два' — *коктын* 'вдвоем'; суфф. *-ла* < прамр. падежного *-l* (*уна* || *хына* 'гость', *унала* || *хынала* 'в гости' (см. М. § 79—83).

Большинство суффиксов наречий малопродуктивны и большей частью представляют собой застывшие надежные окончания; *-не*, *-но*, *-нў* || *-ны*, *-нўй*: *йымалне* || *лўвалны* внизу < ф.-у. лок. **-па*, **пā* (см. М. § 57, 58); *-ка*, *-ко* || *-кы*, *-кўй*: *ончыко* || *анзыкы* 'вперед' < ф.-у. лат. **-k* (см. М. § 71); *-ч* || *-чы*: *умбач* || *ымбац* 'издалека' < ф.-у. абл. **-la*, **-lā* (см. М. § 67); *-де*: *кидде* || *кыдде* 'без рук' < ф.-у. **-tt* (см. М. § 246, 247); *-ге*: *вожге* || *важге* 'с корнем' < волжско-финский суффикс ком. **-ke*, **-k*⁸⁵.

Ряд наречий образовался от местоимений с помощью прибалтийско-волжского надежного суфф. **-s* < § + ф.-у. лок. **-t*: *тыште* || *тышты* 'здесь', того же **-s* + ф.-у. лат. **-k*: *тышке* || *тышкы* 'сюда'; из того же **-s* + ф.-у. абл. **-la*, **-lā* (*-c* ~ *č*, *-č* ~ *čč*: *тышеч* || *тышец* 'отсюда', *мўндырч* || *мўндырч* 'издалека') и других древних надежных окончаний (суффиксов).

Некоторые наречия образовались путем сложения основ различных частей речи: *йырваш* || *йўрваш* 'кругом', 'со всех сторон' (*йыр* || *йўр* 'кругом', 'вокруг' + *ваш* || *вāш* 'друг друга'), *йўд-вошт* || *йўд-вашт* 'всю ночь' (*йўд* || *йўд* 'ночь' + *вошт* || *вашт* 'сквозь'), *шукертсек* || *шукершен* 'издавна' (*шучо* || *шучы* 'много' + *эртшысе* 'прошедший', 'миновавший').

Ряд наречий является словами-повторами: *ваш-ваш* || *вāш-вāш* 'взапно' (*ваш* || *вāш* 'друг с другом'), *йырлм-йыр* || *йўрлм-йўр* 'кругом', 'по всей окружности' (*йыр* || *йўр* 'вокруг') и др. Такие повторы нередко вносят в слово усилительное значение.

§ 83. **И з о б р а з и т е л ь н ы е с л о в а** не имеют грамматических форм и служат для образной передачи различных явлений внешнего мира, воспринимаемых зрительно и на слух, внутреннего состояния и действий человека. В предложении такие слова чаще всего выступают в роли обстоятельства образа дей-

⁸⁵ Галк. I 22—23.

ствия, но могут быть определениями и сказуемыми. Как изобразительное средство, они широко используются в фольклоре и художественной литературе, например: мр.-луг.-вост.

*Йырвик-йорвик пыл кокла гыч
Тылзе кая шкетак,
Лыкым-лакым олык гочыл
Ўмыл покта почешак.
Теле шулык корныштыжо
Кычыр-кочыр тер мура ⁸⁶
(С. Чавайн... Теле корнышто).*

В этом отрывке использованы изобразительные слова: *йырвик-йорвик* 'клочьями' (о движении облаков), *лыкым-лакым* 'волнистый', 'неровный' (о поверхности поля), *кычыр-кочыр* (звук, издаваемый полозьями саней); мр.-г.: *Гуж-гуж-гуж кож вуй шакта, лыж-лыж-лыж тум ылышташ манеш* 'Гуж-гуж-гуж шумит верхушка ели, лыж-лыж-лыж отвечает листва дуба'.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 84. П о с л е л о г и. Ни в лугово-восточном, ни в горномарийском литературных языках, как и в диалектах, нет предлогов, их функции выполняют послелогии. По своему значению послелогии делятся на:

1) пространственные; *деке* // *докы* 'к' (*мый декем* // *мбнь докем* 'ко мне'); *дене* // *доно* 'возле', 'около', 'по' (*чодрa тйр дене* // *шыргы тйр доно* 'возле леса', 'по краю леса'; *гыч* // *гйц* 'с', 'из' *паша гыч толын* // *паша гйц толеве* (он) 'пришел с работы'; *деч* // *дорц* (мр.-в. -леё) 'от' (мр.-луг. *ола деч мйндйрнё огыл* 'от города недалеко'; мр.-г. *бакен дорц тыл каеш* 'от бакена виден огонь'); *велне* // *вйльны* 'в стороне чего-л.' (*чодрa велне* // *шыргы вйльны* 'в стороне леса'); *велке* // *векы* 'в сторону чего-л.' (*пёрт велке* // *тома векы* 'в сторону дома'); *гоч* // *гач* 'через' (*корем гоч* // *карем гач* 'через овраг, канаву'), *мучко* // *мычкы* 'по', 'вдоль чего-л.' (*корно мучко* // *корны мычкы* 'вдоль по дороге'), *йымач* // *мывец* 'снизу', 'из-под' (*кйвар йымач* // *кйвер лйвец* 'из-под моста'); *ймбалне* // *вйльны* 'на поверхности чего-л.' (*йстел умбалне* // *стёл вйльны* 'на столе'), *ймбач* // *вйлец* 'с поверхности чего-л.', *йстел ймбач налаш* // *стёл вйлец налаш* 'взять со стола', *воктен* // *сага* 'возле' (*йстел воктен* // *стёл сага* 'возле стола') и др.;

⁸⁶ Сквозь волнистые туманы

Пробирается луна,

На печальные поляпы

Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной

Тройка борзая бежит

(Вольный перевод стихотворения А. С. Пушкина
«Зимняя дорога»)

2) временные: *наре* || *на́ры* 'около', 'приблизительно'; *деке* || *до́кы* 'к'; *деч* || *дорц* 'от'; *гыч* || *гýц* 'из'; *марте* || *якте* 'вылоть до' (мр.-г. *школьышко кемы якте* 'до поступления в школу'); *дене* || *доно* 'в течение', мр.-г. *йотке* 'до чего-л.', *годсек* || *годшен* 'с какого-л. времени', мр.-луг. *годым* 'во время чего-л.'; мр.-г. *вёлвал* 'за какое-л. время' (*май тёлзы вёлвал* 'за май месяц'); *йыде* || *йыде* 'по', 'каждый' (мр.-луг. *кече йыде* 'каждый день'; мр.-г. *вадывлй йыде* 'каждую ночь'); *велеш* 'к' (*кас велеш* 'к вечеру');

3) причинные: *дене* || *доно* 'по причине чего-л.', мр.-луг. *кõра* 'благодаря чему-л.', *верч* || *верц* 'из-за чего-л.', мр.-г. *мычец* 'из-за', 'по причине';

4) цели: *верч(ын)* || *верц(ын)* 'для, ради чего-л. или кого-л.'

5) количественные: *чоло* 'около', 'приблизительно', *гана* || *га́на* 'раз' (*кум гана* || *кым га́на* 'три раза'), *наре* || *на́ры* 'до', 'около' (*лу наре* 'около десяти'); *дене* || *доно* 'по такому-то количеству';

6) сравнительные: *гане*, *гае* || *га́ны*, *га́нь* 'как' (*мый гане* || *мýнь га́ны* 'как я'), *дене* || *доно* 'подобно', *деч* || *дорц* 'от' (при сравнительной степени, например, *комбо лудо деч кугырак* || *комбы лыды дорц когырак* 'гусь крупнее утки'); *семын* || *семýнь* 'по подобию' (*товар семын вурдыжо* || *тавар семýнь вурдыжы* 'по топору и топорище'), *кõра* 'по' (мр.-луг. *марийжылан кõра ватыже* 'по мужу и жена');

7) орудийно-совместное отношение: *дене* || *доно* 'при помощи' (*машина дене тўредына* || *машина доно тўредына* 'жпем машиной'; *аваже ўдыржõ дене мутлана* || *аважы ўдыржы доно кытыра* 'мать разговаривает с дочерью'). Предмет, о котором идет речь, передается с помощью послелога *нерген* || *гишан* 'о' (*Родина нерген муру* || *Родина гишан мыры* 'несня о Родине').

Многие наречия употребляются в роли послелогов: мр.-луг. *пелен* 'возле', *ваштареш* || *воштареш* 'напротив', *тореш* || *тареш* 'поперек' (*она тореш* || *ганга тареш* 'поперек доски', *тореш ойла* || *тареш попа* 'перечит', 'говорит против'), *вошт* || *вашт* 'сквозь', *воктене* 'возле', 'рядом', *шенгелан* || *шайылан* 'позади', 'сзади' (*омса шенгелан* || *омаса шайылан* 'за дверью' и *шенгелан ит код* || *шайылан ит код* 'позади не оставайся'); *кõргышто* || *кõргышты* 'внутри' (*ўстел кõргыштõ* || *стõл кõргышты* 'внутри стола').

Послелоги могут принимать лично-притяжательные суффиксы, а также постпозитивные частицы *-ат*; *-ак* || *-ок*, а некоторые послелоги, выступая в роли наречий, могут употребляться и с суффиксом сравнительной степени *-рак* || *-рак*, *-рәк*: мр.-луг. *Толза*, *шичса лишкырак* 'Подойдите, садитесь поближе'; мр.-г. *Окнявлә анзылнок кок писты шалгат* 'Перед самым же окном стоят две липы'; мр.-луг. *Чылаже тый гает огыт ул* 'Не все такие, как ты'; *Руси мый дечымат кугу* 'Руси крупнее даже и меня'.

В образовании послелогов, как и наречий, прослеживаются древнейшие надежные суффиксы⁸⁷. Так, ф.-у. лат. *-ñ выявляется

⁸⁷ Б. А. Серебряников — Вопр. мар. I 104—110.

в послелогох *ймбалан* // *вйлан* 'на', ф.-у. лат. *-k — в послелогох *ончыко* // *анзыкы* 'к', 'в направлении к предмету' (мр.-луг. *йстел ончыко толын шогале* 'Подойдя к столу, стал'), ф.-у. лок. *-на, *-нй — в послелогох *ончылно* // *анзылны* 'впереди', *йымалне* // *лбйвалны* 'под', финско-вожжский лат. *-s⁸⁸ — в послелогое *кйргеш* 'внутри', он же в ф.-у. лок. *-t — послелогое *кйргыштй* // *кйргышты* 'внутри', послелог *дене* // *доно* представляет собой древнюю локативную форму какого-то имени⁸⁹.

§ 85. С о ю з ы делятся на сочинительные и подчинительные.

Группу сочинительных союзов составляют соединительные: *ден* // *дон* 'с' (ср. послелог *дене* // *доно* 'с') и заимствованные из русского языка *да* // *дй*, *ни* . . *ни* // *ни* . . *ни* 'ни . . ни'; противительные: сложный союз *туге гынат* // *туге гйнят* 'несмотря на это' (местоименное наречие *туге* 'так' + *гынат* // *гйнят* 'хотя'), заимствованные из русского языка *да* // *дй*, *да* в значении 'но', *а* // *й*, *но* // *но*; разделительные: в лугово-восточном заимствованные из тюркских языков: *ала* . . *ала* (ср. чув. *елле*, тат. *эллй*) // *тй* . . *тй* (ср. русск. *то* . . *то*) 'не то . . не то', *я* . . *я* (ср. чув. *е* . . *е*, узб. *й* . . *й*) 'то . . то'; заимствованные из русского языка *ала* // *йль* 'или', *але* . . *але* // *йль* . . *йль* 'или . . или', *то* . . *то* 'то . . то'. Примеры: мр.-луг. *Кок мужыр носки ден пижергым пидын улына ыле* 'Двое носков и варежки связали'; мр.-г. *Тйльзы йль кокты уке лиям* 'Месяц или два буду отсутствовать': мр.-луг., *Лумат ошо, да кочкаш ок ййро* 'И снег был, да есть не годится'; мр.-г. *Май тйльзы шокшы да аяран ылын* 'Месяц май был жарким и ясным'; *По ни мйлам, ни Суриновлан тиды гишан нимат келесыды* 'Но ни мне, ни Суринову об этом ничего не сказал'; *По кечывал шон, а машина со уке* 'По наступил полдень, а машины все нет'.

К подчинительным союзам относятся: условные: *гын* // *гйнь* 'если'; уступительные: *гынат* // *гйнят* 'хотя', *кеч* // *хоть* 'хоть', 'хотя'; сравнительные: *пуйто* // *вуйты* 'будто', *гане* // *ганьы* 'как кто-то, что-то'; причинные: *потому что* // *потому шты* 'потому что', мр.-луг. *манын* 'так как'; целевые: *манын* 'чтобы', *штовы* // *ыштовы* 'чтобы'; изъяснительные: *манын* 'что', *вуйто* // *вуйто* 'будто', *что* // *што* 'что'.

Подчинительные союзы, за исключением *гын* // *гйнь*, *гынат* // *гйнят*, *манын*, *гане* // *ганьы*, заимствованы из русского языка. Примеры: мр.-луг. *Тунемаш тений ямде отыл гын, вес ий пурен кертат* 'Если в этом году не подготовился к учебе, в следующем году можешь поступить'; мр.-г. *Ужмемжы когон шоши гйнь, сирьмашым сиралтем* 'Если мне очень захочется (тебя) увидеть (с тобой увидеться), напишу письмо'.

В качестве союзных слов для связи придаточных предложений с главными употребляются местоимения и местоименные наречия:

⁸⁸ В. И. Лыткин — БубрихМорф. фин. 175 (примечания).

⁸⁹ Галк. I 179.

садлан || *седындон* 'поэтому', *сандене* || *седындон* 'поэтому', *тидлан* *лийын* 'поэтому', *могане*. . . *тугане* || *махань*. . . *техень* 'какой. . . такой', *кө*. . . *тудо* || *кү*. . . *тйды* 'кто. . . тот', *кушто*. . . *тушто* || *кышты*. . . *тышты* 'где. . . там' и др. Примеры: мр.-луг.: *Могане олмапужо, тугане олмаже* 'Какова яблоня, таковы и яблоки'; *Көн тереш шинчат, тудын сапшым кучет* 'В чьи сани сядешь, за вожжи того держишься'; мр.-г.: *Кышты перви цара кырык нерка ылын. кызыт тышты колхозын олма садшы шыпшыл вазын* 'Где раньше была голая верхушка горы, сейчас тут колхозный яблоневый сад раскинулся'; *Хоть ялде кодым ылы, только сйнзаде агыл* 'Хотя бы без ног остался, только бы не без глаз'.

§ 86. Частицы разделяются на частицы-суффиксы (при их помощи образуются, например, неопределенные местоимения) и частицы-слова.

Частицы могут быть постпозитивные: *-ак* || *-ок*, *-ат* || *-ат*, *-йт*, *-я* || *-йа*, *-с*, *-ыс* || *-ш*, *-ыш*, *гынат* || *гёйнат* (мр.-луг. *Александровын суртшо тиде лиеш-ыс* 'Дом-то Александра ведь будет этот'; мр.-г. *Мнгылдарем-ыш* 'Объясняю ведь'); препозитивные: *ни* || *ни*, *керек-* || *хоть-*, *кеч-* || *хоть-* 'хоть', *ала-* || *та-*, *тй-*, *иктаж-* || *икта-* 'нибудь' (мр.-луг. *Кеч-могай пашам йёраташ кйлеш*) *Тамахань пашам яраташ кйлеш* 'Любую (досл. 'хоть какую') работу надо любить'.

Большинство частиц-слов могут свободно перемещаться в предложении: *вет* || *вет* 'ведь', *вот* || *вот* 'вот', *лач* 'лишь', *вара* || *вара* 'же', *иже* || *ижы* 'даже', *веле* || *вель* 'только', *еше* || *ече* 'еще' мр.-г. *ач* 'же', 'ведь', *ай* 'неужели' (мр.-луг. *Чыным ойлет вет*, или *Вет чыным ойлет*, или *Чыным вет ойлет* 'Ведь правду говоришь'; мр.-г. *Бнде теве ати толын* или *Теве бнде ати толын* 'Теперь отец вот пришел').

По значению частицы делятся на:

Усилительно-выделительные: *-ак* || *-ок* 'же', *-ат* || *-ат*, *-йт* 'и', *-вет* || *-вет* 'ведь', *-ыс*, *-с* || *-ыш*, *-ш* 'ведь', мр.-г. *вйк* 'даже'; мр.-луг.: *Манам-ыс* 'Ведь говорю'; *Кынервуй тыштак, да пурлаш огеи лий* 'Близок локоть, да не укусишь'; *Чыным ойлет вет* 'Ведь правду говоришь'; мр.-г. *Пйледа-ш* 'Ведь знаете'; *Миок токыжы, кизаетым нуок* 'Подойди-ка ближе, дай-ка ручонку'; *Ну, кыце-йй трудоденьвайжы?* 'Ну, как же с трудоднями?'

Тюркескими по происхождению являются: *-ак* || *-ок* < чув. *-ах*: *чынахах* 'правда же', мр.-луг. *чынакак* 'тж'; финно-угорскими — *-ыс*, *-с* || *-ыш*, *-ш* (ср. у. *угось* (*уг+ось*) 'нет же'), прабф. *_{-S}⁹⁰.

Выделительно-ограничительные: *веле* || *веле* 'только', *гына* || *гёйна* 'только', *гын* || *гёйнь* 'же', *кеч* || *хоть* 'хоть', *иже* || *ижы* 'только'. Происхождение частиц *веле* и *иже* неясно, частица *гына* || *гёйна* имеет общее происхождение с союзом *гын* || *гёйнь* (чув. *кйна*, тат. *гына*), частица *кеч* — с союзом *кеч*: мр.-луг. *Чыт шйшпыкла веле*

⁹⁰ Галк. I 184, 185.

муралтет-ыс 'Совсем как соловей только поешь ведь'; мр.-г. *Кеквлӓ веле лӓддеок чонгештылыт* 'Только птицы, не боясь, летают'.

Определительные: *чылт* // *йылт* (мр.-в. *jalt*) 'совершенно', *лач* // *лач* 'точь-в-точь' заимствованы из чувашского (ср. чув. *чылт* 'совершенно', 'совсем')⁹¹.

Указательные: *теве* // *теве* 'вот (при указании на близкий предмет)', мр.-в. *тӓвӓ*, мр.-г. *тӓвӓ* 'вот' (при указании на дальний предмет), *уна* 'вот', *вот* 'вот'.

Частицы *теве*, *тӓвӓ*, *тӓвӓ* восходят к указательным местоимениям *te* и *tu* (ср. *тиде* 'этот', *тудо* 'тот', *ты* 'этот', *ту* 'тот') + усилительный суфф. -*ve*; -*va* (ср. мр.-г. *тӓшкеве* 'до тех пор')⁹², частица *уна* заимствована из татарского языка (ср. тат. *менӓ* > мр. *муна* > *уна*)⁹³. Примеры: мр.-луг. *Теве вашке эргына отпусклан толын шуэш* 'Вот скоро сын (наш) в отпуск придет'; мр.-г. *Тевешти звеном вуйлата* 'Вот ведь это звено возглавляет'; в последнем примере сложная частица *теве-ш* (соответствует мр.-луг. *теве-с*) состоит из указательной частицы *теве* и усилительно-выделительной -*ыс* // -*ыш*.

Присоединительные частицы: заимствованные из русского языка: *эше* // *эче* 'еще', из татарского: *але* // *ӓль* (тат. *бир-але* 'дай-ка'); мр.-луг. *адак* 'опять', 'еще' (в горном ему соответствует *эче*) имеет неясное происхождение; примеры: мр.-луг. *Йӓра эше йолжо кӓрлын огыл* 'Ладно еще ноги не оторвало'; *Тений адак мемнан деке толеш* 'Нынче опять к нам придет'; мр.-г. *Аль эчат ат палы?* 'Или все еще не узнаешь?'

Утвердительные частицы: заимствованные из русского языка: *да* // *дӓ* 'да'; *ну-да* 'ну да'; собственно марийские *йе* 'да' (при общем утверждении), *ане* // *мане* 'да'; примеры: мр.-луг. *Тый малет?* — *Ане* 'Ты спишь? — Да'; мр.-г. *Мане, цила вашталтеш* 'Да, все меняется'.

Вопросительные частицы, заимствованные из тюркского: *мо* // *ма* 'что'; собственно марийские *вара* // *вара* 'а что', *гала* (в мр.-г. отсутствует); примеры: *Ну, мо вара?* // *Ну, ма вара?* 'Ну, и что же?'

Вопросительная частица *мо* // *ма* происходит от чувашского -*ма* > мр. *мо* // *ма* 'что', частица *вара* восходит к наречию *вара* 'потом'⁹⁴; частица *гала*, возможно, сложная: *га* + *ла*, где первый компонент одного происхождения с послеложным словом *гай*, *гане* 'подобно', а второй является утвердительной частицей -*ла* (ср. *тугела* 'так', конечно), заимствованной из тюркского (ср. *ол барди ла* 'он действительно ушел')⁹⁵; частицы *а*, *ну*, *разве*, *неужели* заимствованы из русского; мр.-г. *Яжо агыл вет, Комиссаров тӓнг, а-а?* 'А ведь нехорошо, товарищ Комиссаров, а-а?'

⁹¹ Галк. I 186.

⁹² Майг. Мест. 63.

⁹³ Галк. I 187.

⁹⁴ Галк. I 188.

⁹⁵ Галк. I 189.

Неопределенная частица *ала* || *а́нят* 'может быть' вносит в высказываемую мысль оттенок неуверенности, предположения, неизвестности: мр.-луг. *Ала куйто йомдаренам* 'Неизвестно где потерял'; мр.-г. *А́нят, ак кел?* 'Может быть, не нужно?' Частица *ала* употребляется только в лугово-восточном, участвует в образовании неопределенных местоимений: *ала-мо* 'что-то', *ала-могай* 'какой-то' и др., имеет тюркское происхождение.

Частицы, выражающие значения превосходной и высшей степени: *эн* || *сек* 'самый', *неш* || *ниш* 'очень', *эше* || *эче* 'еще': *эн сай* || *сек яжо* 'самый хороший', *неш кижгö* || *ниш кёжгы* 'очень толстый'. Частицы *эн*, *неш* || *ниш* вошли в марийский из тюркских языков: тат. *ин*, башк. *ин*, узб. *энг* 'самый' (в чувашском отсутствует); *неш* || *ниш*, по-видимому, восходит к тат. *бик*, башк. *бик*, чув. *пек* 'очень'⁹⁶.

Модально-волевые частицы: *-ян*, *-ан*, *-я* || *-йя́*, *тек*, *керек-*, *ну-ка*, *айда*, *айста* || *а́л* 'давайте'; примеры: мр.-луг.: *Налза-ян* 'Возьмите-ка'; *Айста, каена!* 'Давайте, пойдём!'; *Ну-ка, ончалам!* 'Ну-ка, посмотрю!'; мр.-г.: *А ну-ка, шершотдам öрдыжыш шуда!* 'А ну-ка, отложите счета в сторону'; *Нимат ат поны-йя́* 'Ничего же не говоришь'. Частицы *-я*, *-ян* || *-йя́* наблюдаются и в других финно-угорских языках: ф. *вартаанкаан* 'наверное же' (-ка, (-kä) + -ан), мс. *Хумус-я*, *Трофим Сергеевич?* 'Как же, Трофим Сергеевич?' Частицы *айда*; *айста*; *керек-* вошли в марийский из тюркских языков, ср. чув. *айта*, тат. *айда*⁹⁷.

Модальные частицы, выражающие отношение к достоверности высказывания: мр.-луг.: *шол* 'ведь', *чай* 'кажется', *дыр* 'вероятно', *пуйто* 'будто', *докан* 'вероятно', *аман* 'все-таки'; мр.-г.: *сйй* 'вероятно', *вуйта* 'будто', *анят*, *а́нят* 'может быть', *тама* 'вероятно', *векат* 'вероятно', 'пожалуй'. Примеры: мр.-луг.: *Нальнат дыр* 'Кажется (ты) взял'; *Туге шол* 'Ведь так'; *Аман огеш мале* 'Все еще не спит, однако же'; мр.-г.: *Шукыжок ада шыши, сйй?* 'Много-то курить, вероятно, не будете?'; *Вуйта амалымыжы шоэи* 'Будто (ему) хочется спать'.

Часть указанных частиц имеет тюркское происхождение: *шол* (ср. тат. *шулай шул*, башк. *шулай шул* 'так именно', 'да', мр.-луг. *туге шол* 'так ведь'), *дыр* (ср. чув. *тар* 'должно быть', тат. *килгэндыр* 'он, вероятно, пришел'), *аман* < тат. *хаман*, башк. *хаман* 'все еще'⁹⁸. Русское происхождение имеют *чай* || *сйй* (ср. русск. диал. *чай* 'вероятно').

Общее отрицание выражается отрицательной частицей *уке* 'нет'. Происхождение его не вполне ясно. Возможно, это татарское заимствование (ср. тат. *юк* 'нет', чув. *сук* 'тж')⁹⁹.

⁹⁶ Галк. I 190.

⁹⁷ Галк. I 190.

⁹⁸ Галк. I 191.

⁹⁹ F. W i e d e m a n n. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache. Revae, 1847, § 234.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 87. Междометия не имеют специальных грамматических показателей. По значению они делятся на 1) эмоциональные, выражающие: восхищение (*О-о-о!*; *А!*; *Ай-ай-ай!*; *Ого!*; *// Охо!*); удивление (*Уй-уй!* *Э-э-э!* *Ой!* *О-о-о!*); досаду (*Тьфу!* *Ых!* *О-о-о*); догадку (*Ага!* *А-а!*); недоверие (*Хм-м*, *М-м*); благодарность (*Тау* 'спасибо') (диал. *pasi βo*) и др.; 2) побудительные: обращенные к людям: *айста!*, *айда* 'давайте', *чу* 'стой', *ну* 'ну', *эй* 'эй' и др.; обращенные к животным: *чи-чи-чи* (при скликивании кур), *до-до-до* (лошадей), *кача-кача-кача* (коз), *чыда-чыда-чыда* (овец), *кси-кси-кси* (кошки), *дига-дига-дига* (гусей), *вучи-вучи-вучи* (уток) и др. Примеры: мр.-луг.: *Уй-уй, пеш шукос!* 'Ой-ой, очень много ведь'; *О-о-о, могай агыра улам!* 'О, какой я глупый!'; *Хм-м, кузе умылаш?* 'Хм-м, как же понять?'; *Тьфу! Нигöлан ишанаи ок ли!* 'Тьфу! Никому нельзя верить!'; *Чу, мый тиде пашам тыге ыштем* 'Стоп, я эту работу так сделаю'; мр.-г.: *Ой, кыце вара?* 'Ой, как же?'; *Э-э, чорт, самыным ыштышна* 'Э, черт, ошибку допустили'; *Ах, вот кыце!* 'Ах, вот как!'; *Охо! Тā уже?* 'Ого! Вы уже!'.!

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

§ 88. В марийском языке между словами существует сочинительная и подчинительная связь.

Сочинительная связь наблюдается при однородных членах предложения: мр.-луг. *Пöръенже, идрамашыже, шонгыже, рвезыже — чылажат чодра могырыш вашкат* 'Мужчины, женщины, старые, молодые — все спешат в сторону леса'; мр.-г. *Амалымыжы, каналтымыжы вуйто шоэи* 'Как будто (ему) хочется поспать, отдохнуть'.

Подчинительная связь существует в виде согласования — подлежащее и сказуемое-глагол согласуются в лице и числе: *Те лудыда // Тā лыдыда* 'Вы читаете'; *Тудо лудеш // Тыды лыдеш* 'Он читает'. Другой вид подчинительной связи — управление (обычно глагольное): мр.-луг. *Чемоданым налын, вагон гыч содор лектым* 'Взяв чемодан, быстро вышел из вагона'; мр.-г. *Пионервлā пум шелышташ палшат* 'Пионеры помогают колоть дрова'. Третий вид подчинительной связи — примыкание, как средство связи между зависимыми членами словосочетания, получило широкое распространение в определительных словосочетаниях (определение + определяемое): мр.-луг. *Шошым, пушенгылаште ужар лышташ шарлымек, куп ылыжеш* 'Весной, когда распустятся зеленые листья, болото оживает'; мр.-г. *Ир векыла лыпката мардеж выжге ласкан йфыла* 'К утру слегка дует ласковый прохладный ветер'. Кроме того, наблюдается синтаксическая связь, при которой определение стоит в род. падеже, а определяемое слово принимает лично-притяжательное окончание: *Ачамын книгаже // Атямын книгажы* 'Книга (моего) отца'.

В простом предложении типичен следующий порядок слов: сказуемое ставится после подлежащего: мр.-луг. *Умбалнырак мйкш омарта коеш* 'Несколько дальше виднеется улей'.; мр.-г. *Мйкшвлй веселан чонгештылыт* 'Пчелы весело летают'. В составном сказуемом связка (в 3-м лице ед. числа наст. времени она опускается) стоит после именной части сказуемого: мр.-луг. *Мый ынде шонго ен улам* 'Теперь я старый человек'; мр.-г. *Тйды фермыште равотая, доярка ылеш* 'Она на ферме работает, дояркой является'. Определение, примыкая к определяемому слову, стоит перед ним: мр.-луг. *Чоя рывыж ний оптыш верештеш* 'И хитрая лиса в лыковые силки попадается'; мр.-г. *Михайлов ужын: сагажы соталгы йпан, шыма лицаан цеввер ёдыр шалген* 'Михайлов видел: возле него светловолосая, с нежным лицом, красивая девушка стоит'. Обстоятельства образа действия также стоят перед поясняемыми словами, обстоятельства места и времени, как правило, ставятся перед подлежащим с определяющими его словами: мр.-луг. *Фронт гыч пёртылмыжё гобым Йогор иктаж куш пашам ышташ каяш шонен* 'Егор, когда вернулся с фронта, думал куда-нибудь поехать на работу'; мр.-г. *Шудым салаш кеши ямдылымы гобым Семоньм да ече кок ырезашым вёид ваки докы лашаш янгышташ колтеныт* 'Во время подготовки к сенокосу Семена и еще двух мальчиков послали на мельницу молотить зерно'. Управляемое слово ставится перед управляющим: *Кудалше рывыжым ний ок йёрате || Кудалшы ёрвыжым ни ак яраты* 'Бегущую лису собака не терпит'.

Простое предложение может быть односоставным и двухсоставным. К односоставным предложениям относятся безличные (мр.-луг. *Румбалге* 'Стемнело'; мр.-г. *Юалтара* 'Становится холодно') и назывные (мр.-луг. *Леве кенгеж ййд* 'Теплая летняя ночь'; мр.-г. *Шачмы вёр! Яратем мёнъ тёнъным* 'Родная сторона! Люблю я тебя').

Двухсоставные предложения могут быть полными и неполными (мр.-луг. *Остап тушто дыр? — Тушто* 'Остап там, вероятно? — Там'; мр.-г. *Вёидым кандышыц ма? — Кандышым* 'Воды ты принес? — Принес'), распространенными и нераспространенными (мр.-луг.: *Ава—кава* 'Мать—небо'; *Ава кумыл кече дечат шокшо* 'Душа матери жарче солнца'; мр.-г. *Алло! Ваштаров колыштеш!. . . Ваштаров трубкажым рычаг вёйкы пишта дй мёнгешок бухгалтерын кёдежышкы ашкед толеш* 'Алло! Слушает Ваштаров!. . . Ваштаров трубку кладет на рычаг да обратно в комнату бухгалтера идет').

Предложения, выражающие желания, являются двухсоставными: *Ужмем шуэи. Ойлымем шуэи || Ужмем шоэи. Попытем шоэи* 'Хочется видеть. Хочется говорить' (досл. 'Мое видение идет. Мое говорение идет').

Широкое распространение имеет этимологическая фигура — модели типа: *Лум лумеш || Лым лымеш* 'Снег идет' (досл. 'Снег снежит'); *Упшым упшалаш* 'Надеть шапку' (досл. 'Шапку шап-

шить'), при которой и подлежащее и сказуемое выражены словами одного корня.

Благодаря глагольным личным и лично-притяжательным окончаниям подлежащее-местоимение и определение-местоимение обычно опускаются: *Возенам || Сиренам* '(Я) писал'; *Авам толеш || Авам толеш* '(Моя) мать идет'.

§ 89. Сложное предложение в современных марийских литературных языках (под влиянием русского языка) получило большое распространение. В прошлом для марийского языка была характерна передача причастными и деепричастными конструкциями, а также инфинитивными конструкциями различных отношений, выражаемых в русском языке при помощи придаточных предложений: мр.-луг. *Вараш эртен каймеке, пӧрткайыкшат кутыра* 'После того как улетит ястреб, и воробьи хорохорятся'; мр.-г. *Тынам киношты ик лентам сӓртен пытарымыкы, вес лентам шындымышкы, перерыввлӓм ыштеныт* 'В то время в кино после того как провернут одну ленту, до того как поставят другую ленту, делали перерывы'.

В современных марийских литературных языках различаются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения могут быть бессоюзными и союзными: мр.-луг. *Кугу ўстел йыр ала-могай еҥ-влак шинчат, нуно чарныде возат* 'Вокруг большого стола какие-то люди сидят, они беспрерывно пишут'; *Эрла-кастене тый декет туларташ мият, а юбилей пайремлан сјан лиеш* 'Завтра к тебе придут свататься, а к юбилейному празднику будет свадьба'; мр.-г. *Мӓндьрнат агыл алыкшты ынгыр юквлӓ шактат, тиды колхоз имнивлӓм йӓйд ваетеш кыташ канденыт* 'Не так далеко на лугах слышны звуки колокольчиков, это колхозники привели лошадей на ночное'.

Простые предложения связываются в сложносочиненные при помощи союзов: соединительных — *да || да, дӓ* 'да', *ни. . . ни || ни. . . ни* 'ни. . . ни', а также при помощи соединительно-усилительной частицы *-ат || -ат, -ӓт* 'и', например: мр.-луг. *Йырым-йыр моткоч шып лие, лай мардежат йымен шинче* 'Кругом стало необыкновенно тихо, и ласковый ветер тоже как бы притаился'; мр.-г. *Ти кечывлӓ лошты качкынат кертде, лицажат пыть лин колтен, да сӓнзавлӓжат шыжгаланен кеныт* 'В эти дни и есть не может (он), и лицо (его) осунулось, да и глаза потускнели'; противительных *а || а* 'а', *но || но* 'но', *туге гынат || тынге гынат* 'но', *да || да* в значении 'но', например: мр.-луг. *Мутетлан шӓмем ўшана, но вуй ок ўшане* 'Словам (твоим) сердце верит, а разум не верит'; мр.-г. *Но кечывал шоэш, а машина со уке* 'Но наступает полдень, а машины все нет'; разделительных — *то. . . то || тӓ. . . тӓ* 'то. . . то', *я. . . || йӓ. . . йӓ* 'то. . . то', 'либо. . . либо', *але. . . але || ӓль. . . ӓль* 'или. . . или', например: мр.-луг. *Але ме нунылан полишена, але нуно мыланна полишат* 'Или мы им поможем, или они нам помогут'.

ЛЕКСИКА

§ 90. Лексика марийского языка, если ее рассматривать исторически, состоит из нескольких пластов. Наиболее древним пластом являются слова, имеющие финно-угорское происхождение, причем часть этих слов имеет еще более древнее происхождение, относясь к периоду уральской общности языков. Из почти 1000 слов в марийском языке, имеющих финно-угорское происхождение, около 200 относится еще к периоду уральской общности¹⁰⁰. Уральское происхождение имеют местоимения: *мый* || *мйнь* 'я', *тый* || *тйнь* 'ты', названия природных явлений: *тул* || *тыл* 'огонь', орудий труда: *йонгеж* 'лук', *пйло* 'наконечник для стрел' и др. (см. Л. § 2—11).

Финно-угорское происхождение имеют: 1) названия частей тела и внутренних органов: *нер* 'нос', *кид* 'рука', *ийм* 'сердце', *моки* 'печень' и др.; 2) названия предметов и явлений природы: *вер* || *вйр* 'место' *волгенче* || *валгынзыш* 'мошния', *кегеж* || *кйнгыж* 'лето', *лум* || *лым* 'снег', *нур* || *ныр* 'поле', *тылзе* || *тйлызы* 'луна' и др.; 3) названия растений: *регенче* || *режень* 'мох', *куэ* || *куги* 'береза', *тумо* || *тумь* 'дуб', *ломбо* || *ломбы* 'черемуха' и др.; 4) названия животных: *пйчо* || *пйчы* 'олень', *кишке* || *кйшкы* 'змея', *лудо* || *мыды* 'утка', *кол* 'яйба' и др.; 5) названия утвари, домашнего хозяйствования, одежды: *выргем* || *выргем* 'одежда', *пече* || *пичы* 'изгородь', *ленгеж* || *лйнгыж* 'кадка', *тувыр* || *тыгыр* 'рубашка' и др.; 6) названия пищи: *йй* 'масло', *кинде* || *кинды* 'хлеб', *муно* || *мыны* 'яйцо' и др.; 7) названия болезней: *лймо* 'болячка', *мужо* 'лихорадка'; 8) названия качеств, свойств: *вычкыж* || *вйчкыж* 'тонкий', *ййитй* || *ййкы* 'холод' 'холодный', *кумда* || *кымда* 'широкий', *шеме* || *шимы* 'черный', *у* 'новый' и др.; 9) названия действий и состояния: *волаш* || *валаш* 'снукаться', *илаш* || *йлаш* 'жить', *кочкаш* || *качкаш* 'есть', *налаш* || *нйлаш* 'брать', *онкаш* || *анкаш* 'смотреть' и др. Финно-угорским наследием в марийском языке является ряд слов, имеющих древнеиранское происхождение: *мйки* 'нчала', *водар* || *вадар* 'вымя', *мйй* || *мй* 'мед', *шур* 'рог', *шйдо* || *шйды* 'сто', *ййкыж* 'бык', *воштыр* || *вайштыр* 'прут' и др.

§ 91. Предки марийцев, по-видимому, имели связь с некоторыми иранскими племенами (скифами и сарматами) и заимствовали от них слова: *ваче* 'плечо', *полто* 'солод', *товар* 'топор', *шйр* 'молоко', *паша* 'работа', *шйдыр* || *шйдыр* 'звезда' и др.¹⁰¹

Начиная с VII в. н. э. марийский язык испытывает очень сильное влияние тюркских языков, сначала болгарского (особенно болгарско-сувазского, или чувашского). Чувашский язык, как полагают, сформировался на основе одного из диалектов болгарского языка под сильным влиянием финно-угорских языков Поволжья.

¹⁰⁰ Груз. Ист. фоп. 25.

¹⁰¹ Д. И. Казанцев, Г. С. Патрушев. Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола, 1972, стр. 79.

Позднее, с образованием Казанского ханства, диалекты марийского языка находятся под мощным влиянием татарского языка. Тюркизмы в марийском языке составляют значительный процент. Из тюркских языков вошли слова, обозначающие предметы хозяйствования: *орва* 'телега' (чув. *урана*), *пасу* || *паса* 'поле' (ср. тат. *басу*, чув. *пуса*), *йыраг* || *йыранг* 'грядка' (чув. *йэран*), *анга* || *анга* 'участок', 'полоса земли' (чув. *ана*), *кылта* || *кылте* 'сноп' (чув. *кёлте*), *олма* || *алма* 'яблоко' (тат. *алма*), и др.; названия животных: *алаша* 'мерин' (тат. *алаша*), *тага* 'баран' (чув. *така*), *шорык* || *шарык* 'овца' (тат. *сарык*), *күйтү* || *кыты* 'стадо' (чув. *кётү*), *туна* 'телка' (чув. *тына*), *вольык* 'скот' (чув. *вольык*) и др.; термины общественно-политической жизни: *окса* 'деньги' (ср. тат. *акча*), *вүма* || *вима* 'помочь', 'общественная помощь', *тарзе* || *тарзы* 'наемный работник' (чув. *тарса*), *эрык* || *ирык* 'свобода' (ср. чув. *ирёк*), *патыр* 'богатырь' (ср. чув. *паттёр*) и др.

В марийский язык проникло много иранских слов, заимствованных из тюркских языков: *рвезе* || *йрвезе* 'ребенок', 'мальчик' (диг. *arwaade*), *тушман* 'враг' (чув. *ташман*, тат. *дошман* < перс. *дошман* 'враг'), *начар* 'слабый' (кирг., тат. *начар* 'слабый' < перс. *начар* 'беспомощный'), *сар* 'война' (чув. *сар* 'войско', монг. *цэрэг* 'войско' < перс. *чарик* 'ополчение', 'партизан') и др.

Через тюркские языки в марийские диалекты проникли и арабские слова: *салам* 'привет' < чув. *салам*, тат. *салам*, башк. *салам* 'привет'; *күсен* 'карман' < чув. *кесе*, тат. *кес*, узб. *киси* 'карман'; *мөжмыр* 'похмелье' < чув. *мукмар*, тат. *мажмыр* 'похмелье'; *пöсыр* 'грыжа' < чув. *пусёр*, тат. *бусер* 'грыжа'; *шовын* 'мыло' < чув. *супан*, тат. *сабын* 'мыло'; *пагыт* 'время' < чув. *вэйт*, тат., башк. *вакыт* и др.¹⁰²

Позднее в марийский начинают проникать русские слова.

Впервые марийцы встретились с русскими после основания Нижнего Новгорода и возникновения русских поселений по реке Суре. Интенсивная связь марийцев с русскими начинается с середины XVI в. Наиболее древними русскими заимствованиями в марийском считаются слова, в которых отразилась закономерность перехода *с* > *ш* (наблюдалось до XIV—XV вв.): *руш* 'русский', *кышал* 'кисель', *шога* 'соха', *вешла* 'весло', *пашма* 'пасмо', мр.-в. *kärñndaš* 'тарангас' и др. Все последующие века характеризуются все нарастающим влиянием русского языка, хотя влияние чувашского и татарского (на территории Башкирии — башкирского) продолжается. Поскольку население было почти поголовно неграмотно, заимствование шло устным путем, с характерной заменой звуков: *шога* < 'соха', *моко* < 'мох', *Вөдыр* < 'Федор', *цеп* < 'цепь', *черке* < 'церковь', *костенеч* < 'гостинец', *тиак* < 'дьяк', *писец*, *печке* < 'бочка', *пырня* || *преня* < 'бревно'

¹⁰² Тюркские заимствования в марийском даются по кн.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

и др.¹⁰³ Дореволюционные русские заимствования в основном относятся к предметам быта, хозяйствования, торговли, административного назначения. Русские заимствования советского времени входят как устным путем, так и через печать и относятся главным образом к терминам производства (*завод, фабрика, инженер, бригадир, техник, совхоз, колхоз, трактор* и др.), общественно-политической жизни (*коммунизм, капитализм, райисполком, сельсовет, депутат, председатель* и др.), культуры и просвещения (*артист, писатель, поэт, спектакль, кино, театр, экзамен, тетрадь, пионер, вожатый* и др.). Заимствуются и бытовые слова: *галстук, столовый* 'столовая', *жаркой* 'жаркое', *пирожный* 'пирожное', *батон, будильник, купе* 'купе вагона' и др., наречия *зря* || *ызря* 'зря', *чечас* || *цецаш* 'сейчас' и др.

§ 92. За период самостоятельного развития марийского языка образовался пласт собственно марийской лексики. В ее формировании большую роль сыграли: а) словосложение: *йолгорно* || *йалгорны* 'тропника' (*йол* || *йал* 'нога' + *корно* || *корны* 'дорога'), *вјдшинча* || *вбдсбнза* 'родник', 'источник' (*вјд* || *вбд* 'вода' + *шинча* || *сбнза* 'глаз'), *изак-шоляк* || *бзак-шоляк* 'братья' (*иза* || *бза* 'старший брат' + *шолю* || *шолюы* 'младший брат' + *-ак* усилительная частица); б) суффиксация: *петыраш* || *птыраш* 'запереть' — *птыртыш* || *птыртыш* 'запор', 'покрышка', *келге* || *келгы* 'глубокий' — *келгыт* || *келгыц* 'глубина', *вјд* || *вбд* 'вода' — *вјдан* || *вбдан* 'водянистый' и т. д.; в) калькирование: *вичияш* || *вбцияш* 'пятилетка', *вуймут* 'заголовок', *чот мут* 'имя числительное' (*чот* 'счет' + *мут* 'слово'), *почет она* 'доска почета', *ончылаша ен* 'передовой производственник' (*ончыл* 'передний' + *паша* 'работа' + *ен* 'человек') и др.

Постепенно отмирают слова, выразившие явления старого быта, отошедшего в прошлое: *кремга* 'фунт' (мера веса), *патман* 'мера в 4 пуда', *карман* 'крепость', *армай* 'палач', *тиак* 'писец-дьяк', *пурлак* 'бурлак' и др.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I. Йошкар-Ола, 1964; ч. II, 1966.

Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.

Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.

Иванов И. Г. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.

Исанбаев Н. И. Деспричастия в марийском языке. Йошкар-Ола, 1961.

Кокла П. Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореф. канд. дисс. Таллин, 1963.

¹⁰³ О фонетике иноязычных слов в марийском см. § 16, 17, 31, 33, 34.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956.

Лыткин В. П. Этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Майтиская К. Е. Местоположения в мордовских и марийских языках. М., 1964.

Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965.

Очерки истории Марийской АССР (1917—1960). Йошкар-Ола, 1960.

Очерки истории марийской литературы, ч. I. Йошкар-Ола, 1963; ч. II. 1960.

Марийско-русский словарь. М., 1956.

Пенгитов Н. Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, ч. I. Введение, фонетика, морфология. Йошкар-Ола, 1958.

Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

Русско-марийский словарь. М., 1966.

Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.

Серебренников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

Серебренников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960.

Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.

Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола, 1972.

Тимофеева В. Т. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола, 1961.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, ч. II. Чебоксары, 1968.

Чхандзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1960.

Beke, Ö. Cseremisiz nyelvtan. — NyK XXXIX. Budapest, 1911.

Beke, Ö. Mari szövegek, I. Budapest, 1957; II, 1960; III, 1961; IV, 1961.

Genetz, A. Ost-tscheremissische Sprachstudien. — JSFOu., VII. Helsinki, 1889.

Itkonen, E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permisschen Sprachen. — FUF XXXI. Helsinki, 1954.

Ramstedt G. J. Bergtscheremissische Sprachstudien. — JSFOu., XVII. Helsingfors, 1902.

Ravila, P. Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugations-systems. — FUF XXV. Helsinki, 1938.

Räsänen, M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen — MSFOu., LXVII. Helsinki, 1920.

Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. — MSFOu., L. Helsinki, 1923.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Местожительство и численность. Пермские языки составляют особую ветвь финно-угорской семьи языков. К ним относятся удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки¹. Основная масса населения, говорящего на пермских языках, живет на северо-востоке Европейской части Союза ССР — в Удмуртской АССР, Коми АССР, Коми-Пермяцком национальном округе Пермской обл. Небольшими группами удмурты расселены в Янаульском, Татышлинском, Калтасинском, Бураевском, Балтачевском, Илишевском, Ермакеевском, Кушнаренковском р-нах Башкирской АССР (27 900 чел.), в Цыпшинском, Балтасинском, Кукморском, Арском, Бавлинском р-нах Татарской АССР (24 600 чел.), Мари-Турекском р-не Марийской АССР (около 2 900 чел.). Удмуртские поселения встречаются в Нижнем течении р. Чепца, главным образом в Слободском, Зуевском, Унинском, Богородском, Фаленковском, а также в Вятско-Полянском и Афанасьевском р-нах Кировской обл. (свыше 22 700 чел.). Приблизительно 19 тыс. удмуртов населяет Красноуфимский, Красноуральский и некоторые другие районы Свердловской обл. и около 30 тыс. — Куединский и Верещагинский и некоторые другие районы Пермской обл. Переселенцы-удмурты значатся в Красноярском крае, Кемеровской, Читинской, Новосибирской обл. и в других районах Сибири².

Среди удмуртов живет особая этническая группа — бесермяне. Она населяет в основном среднее и нижнее течение р. Чепца, бассейны ее притоков: Пызеп I, Варыж, Пулыбка, Юнда, Сепыч, Убыть, Лекма, Лема в пределах современного Юкаменского, Ярского, Балезинского и Глазовского р-нов в количестве более 10 000 чел. Бесермяне говорят на специфическом диалекте удмурт-

* Разделы «Введение», «Фонетика», «Морфология» и «Синтаксис» написаны Т. И. Тепляшиной, «Лексика» — В. И. Лыткиным.

¹ В зарубежной научной литературе язык коми-зырян и коми-пермяков принято считать диалектами одного языка, в отечественной — отдельными языками, так как после Октябрьской революции они получили самостоятельное литературное оформление.

² Подробнее см.: И. В. Г а р а к а н о в. Удмурт лексика очеркъёс. Ижевск, 1971, стр. 13.

ского языка. До революции своей письменности они не имели, после революции стали пользоваться письменностью на удмуртском языке.

За пределами Коми области по переписи 1926 г. коми население значится в количестве около 9000 чел. в низовьях Оби и по реке Тоболу в пределах Тюменского округа Уральского р-на и Омского округа. В округах Сибирского края в количестве 2328 чел. коми отмечены в Кузнецком (1269 чел.), Барнаульском (850 чел.), Новосибирском (1269 чел.), Бирском (477 чел.). Коми известны также на Кольском полуострове.

За пределами Коми-Пермяцкого национального округа в количестве 5000 чел. в самых верховьях Камы живут зюздинские коми-пермяки, получившие свое название по месту расселения — в бывшем Зюздинском крае, ныне в Афанасьевском р-не Кировской обл. Коми-пермяцкие селения встречаются и в Новосибирской области. В основном это переселенцы XIX—XX вв.

В Красновишерском р-не Пермской области по среднему и верхнему течению р. Язьвы — левом притоке Вишеры, впадающей в Каму, живут коми-язвинцы (около 4000 чел.). Они составляют особую ветвь коми населения.

В статистических документах по демографии России и СССР, опубликованных в различные годы, численность пермских народов определяется в следующих цифрах:

	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.		1970 г.	
				всего	в том числе в нац. пределах адм. ед.	всего	в том числе в нац. пределах адм. ед.
Удмурты	421 000	514 200	605 600	624 700	476 000	704 000	484 200
Коми-зыряне	154 000	232 800	227 000	287 000	245 100	322 000	276 200
Коми-пермяки	100 200	142 900	137 200	143 900	126 000	153 000	130 000

В пределах национальных административных единиц в 1959 г. удмурты составляли 35,6% от всего населения, коми-зыряне 30,4%, коми-пермяки — 58%.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г. 89,1% удмуртского сельского населения назвало родным языком язык своей национальности, коми — 87,7%, коми-пермяки — 88,1%.

По переписи 1970 г. удмуртское население назвало своим родным языком язык своей национальности 82,6%, коми — 82,7%, коми-пермяки — 85,8%.

§ 2. Из истории пермских народов. Предки пермских народов первоначально обитали в бассейнах р. Вятки и среднего и нижнего течения Камы. Обширную область Волго-

Камья в Восточной Европе занимала Анацынская культурная общность (VII—III вв. до н. э.), носителями которой были в основном предки финно-угров, в том числе и прапермяне. У прапермян не позднее начала первого тысячелетия имелись связи с прапоязычными племенами Скифии, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования, попавшие в прапермский язык из разных иранских языков.

Прапермский народ, находясь в соседстве с иранскими народами, в частности со скифо-сарматами, в течение ряда столетий, также оказывал влияние на своих южных соседей. Характерно, что в осетинском языке — языке потомков скифо-сарматов имеются лексические заимствования из пермских языков (см. § 114). Прапермяне имели контакты с предками венгров, живших в р-не Волго-Камья. Свидетельством тому являются также общие слова в венгерском и пермских языках (см.: *R é d e i* — *Нук LXVI* 261). Под напором различных кочевых народов основная масса венгров в V в. н. э. переместилась к югу, и связи венгров с прапермянами прекратились. Из южнорусских же степей в Поволжье и в бассейн Нижнего Прикамья с VII в. хлынули тюркоязычные племена булгар, оттеснившие аборигенов края. На территории волжских и пермских финно-угорских народов возникло Булгарское государство, в состав которого вошла часть аборигенов. Булгары, находясь территориально между финно-угорскими народами Поволжья и культурным Востоком, не могли не влиять на соседей, т. е. прапермян, марийцев и мордву. Влияние на культуру прапермян со стороны булгар было большое, что отразилось и в языке (см. § 115). Древние пермяне оказали влияние и на булгар. Ряд слов современного чувашского языка считают заимствованными из древнепермского языка (см. § 116).

После разгрома булгарского государства монголо-татарами в 1236 г. все население камского правобережья вошло в состав Казанского ханства, а часть удмуртов оказалась в составе вятских земель. К этому времени коми-зыряне и коми-пермяки жили уже значительно севернее.

Вятская земля, на которой жила северная (причепецкая) группа удмуртов, в 1489 г. была присоединена к великому Московскому княжеству; в 1552 г. Иваном IV было завоевано Казанское ханство, в которое входила южная (прикамская) группа удмуртов. Таким образом все удмуртское население в середине XVI в. оказалось в составе русского государства.

§ 3. Распадение прапермской общности произошло около VIII в. н. э. С этого времени предки коми-зырян и коми-пермяков, составляя известное единство, жили в верхней части бассейна Камы. Переселение коми на территорию современной Коми АССР происходило около X—XI вв.

Коми языки окончательно складываются в более позднее время — в XIV—XV вв., в период существования княжества Пермь Великой (на Каме), покоренного Москвой в 1472 г., и княжества Ма-

лой Перми (на Вычегде) с центром Усть-Вымь. Формирование фонетических, грамматических и лексических черт коми-зырянского языка, с одной стороны, и коми-пермяцкого — с другой, могло произойти только благодаря «экономической и политической концентрации» носителей соответствующих ранее разрозненных диалектов³.

В русских источниках первое упоминание о Перми восходит к XI в. Словом «пермь» первоначально обозначали земли, лежащие в северо-двинском бассейне; позднее оно было перенесено на территорию верхнего Прикамья⁴. О народности «пермь» восточные славяне (новгородцы) узнали от вепсов, бывших западных непосредственных соседей коми, которые термином «пермь» называли Заволочье, т. е. Северодвинский край, являвшийся для Новгорода «задней» землей (вп. *perä maа* 'задняя земля' > русск. *перемь* > *пермь*⁵). Этот топоним впоследствии перешел в этноним, которым сначала называли все нерусское население Заволочья, а затем, после исчезновения вепсов бассейна Северной Двины, слово «пермь» закрепилось за предками коми.

В. И. Лыткин допускает, что этноним «пермь» (вп. *perä maа*) русские могли относить не только к народам Заволочья (в том числе к предкам коми), но и к народам более южных территорий — к удмуртам⁶, так как печальная древнерусская летопись

³ По истории пермских народов подробнее см. работы: «Очерки истории Удмуртской АССР», т. I. Ижевск, 1953; Г. Н. Т р е ф л о в. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 1956; В. Е. В л а д ы к и н. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.), Авт. д. к. М., 1968; W. E. W l a d i k i n. Die frühen Perioden der Ethnogenese der Udmurten (Wotjaken). «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», Т. 21 (3—4). Budapest, 1972, стр. 235—261; «Очерки по истории Коми АССР», т. I. Сыктывкар, 1955; Л. П. Л а щ у к. Формирование народности коми. М., 1972; Л. Н. Ж е р е б ц о в. Расселение коми в XV—XVII вв. Сыктывкар, 1972; В. А. О б о р и н. Коми-пермяки в IX—XV вв. (Родаювская культура). Авт. д. к. М., 1957; О н ж е. Когда в северном Прикамье впервые появился человек. «Из прошлого Чердынского края». Пермь, 1974; А. Ф. Т е п л о у х о в. Материалы для истории пермского края. Пермь, 1856; Л. С. Г р и б о в а. Из древней истории коми-пермяков. «По ленинскому пути». Кудымкар, 1964; А. П. С м и р н о в. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 28; А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 30 и др.

⁴ «Народы Европейской части СССР», II. М., 1964, стр. 445—446.

⁵ См.: Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифаннем Премудрым. СПб., 1897, стр. 9; А. С. С и д о р о в. Памятники древности на реке Вымь. «Коми му», Усть-Сысольск, 1924, № 7—10; Д. В. Б у б р и х. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; О н ж е: Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1948, вып. 2; А. Т у р к и н. Пермь ним йлысь. «Войвыв кодзув». Сыктывкар, 1974, № 5, стр. 61—62.

⁶ В. И. Л ы т к и н. Исторические контакты коми народа с соседними народами по данным языка. «Ленинская национальная политика в действии

XI—XII вв., не говоря уже о более ранних источниках, нигде не упоминает предков удмуртов, т. е. не дает особого термина для удмуртов. С XIII в. Пермская земля постоянно упоминается в числе новгородских волостей.

Территория коми-пермяков, известная под именем Перми Великой, с XV в. (1472 г.) вошла в состав Русского государства. С XVIII в. (в 1708 г.) эта территория вошла в состав Казанской, а затем и Сибирской губерний. В 1781 г. было учреждено Пермское наместничество, а в 1796 г. образована Пермская губерния, куда вошли коми-пермяки.

Таким образом, коми-зырян и коми-пермяков в XI—XV вв. соседи именовали «пермь»; с XVI—XVII вв. русские начинают называть коми-зырян «сирене», «сиряне», «зыряне» и т. п., заимствованным от манси словом «саран», которым и теперь они называют коми. Старое название «пермь» русские сохраняют за коми-пермяками, которых и до революции называли пермяками. Слово «коми» является самоназванием для всего коми населения, т. е. коми-зырян (*комийас* 'коми') и для коми-пермяков (*коми морт* досл. 'коми человек' и *коми отир* досл. 'коми народ') и означает 'человек', 'мужчина', ср. у. *кум: выжы кум* 'родственник', 'член одного рода (корня)', *выжы* 'корень', мс. *хум* 'человек', 'мужчина'. Прежнее название удмуртов — «вотяки» (в XIV—XV вв. «отяки»), язык же назывался «отятским», «вотским» или «вотятским»⁷. Северные удмурты именуют себя «удморт», «укморт» или «урдморт». Южные удмурты, составляющие преобладающее большинство удмуртского населения, называют себя «удмуртами». Последний вариант самоназвания удмуртов и был закреплен в качестве официального наименования всего удмуртского народа. Считается, что этноним «удморт» произошел от племенного наименования «уд» (в X—XII вв., племя «уд» жило на камском правобережье ниже р. Вятки) + «мурт» 'человек', досл. 'человек племени уд'. Слово «уд» означало 'луг', 'дёрн'; некоторые удмуртские племена назывались «луговыми»⁸.

Этноним «отин», «отяк», «вотяк» (корень *от*), впервые встречающийся в XIV в., восходит к самоназванию удмуртов (*уд* < **од** < **от*), которое русскими усвоено через марийцев: мр. *одогаг* 'удморт' < из древнеудмуртского **одо-гаг* (**от-гак* > **от'ак*, ср. русск. *вотяк*, а также: *тул-гак* > *тул'ак* (туляк) 'житель Тулы' и т. п.

В устах русских удмурты приобретают свое наименование уже после отделения их от коми. До этого, видимо, носили название «пермь», являвшееся общим для всех пермских народов. Тюркское название удмуртов «ары» впервые встречается в арабских источниках XII в.;

(тезисы докладов и сообщений на зональной научной конференции, посвященной 50-летию Коми АССР). Сыктывкар, 1971, стр. 13—15.

⁷ М. В. С о с о в а. Первые письменные сведения об удмуртах. — ВФЯ, т. IV. Ижевск, 1967, стр. 294—306.

⁸ К. R é d e i — Congr. I 102.

в русских источниках этот этноним употребляется в виде «ары», «арская земля» с XV по XVIII в. Соседние тюркоязычные народы — татары, башкиры, чуваша до сих пор именуют удмуртов «арами».

Коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский языки, находящиеся в генетическом родстве, позднее получили общее наименование пермских. Слова «удмурт», «коми-зыряне» и «коми-пермяки» в русском языке появились после Великой Октябрьской социалистической революции.

§ 4. До Великого Октября пермские народы не имели своей государственности. 4 ноября 1920 г. был принят декрет об образовании Вотской автономной области, которая в 1932 г. была переименована в Удмуртскую автономную область, а 28 декабря 1934 г. преобразована из автономной области в Удмуртскую автономную Советскую Социалистическую республику. Столица Удмуртской АССР г. Ижевск свое название получила от р. Иж, на которой расположен город.

Декретом ВЦИК от 22 августа 1921 г. была образована Автономная область Коми с административным центром в г. Усть-Сысольске, переименованном впоследствии (1930 г.) в Сыктывкар. В 1929 г. Коми область вошла в состав Северного края, 5 декабря 1936 г. она была преобразована в АССР. (*Сыктыве* — коми наименование реки Сысола и *кар* 'город', досл. 'город на р. Сыsole').

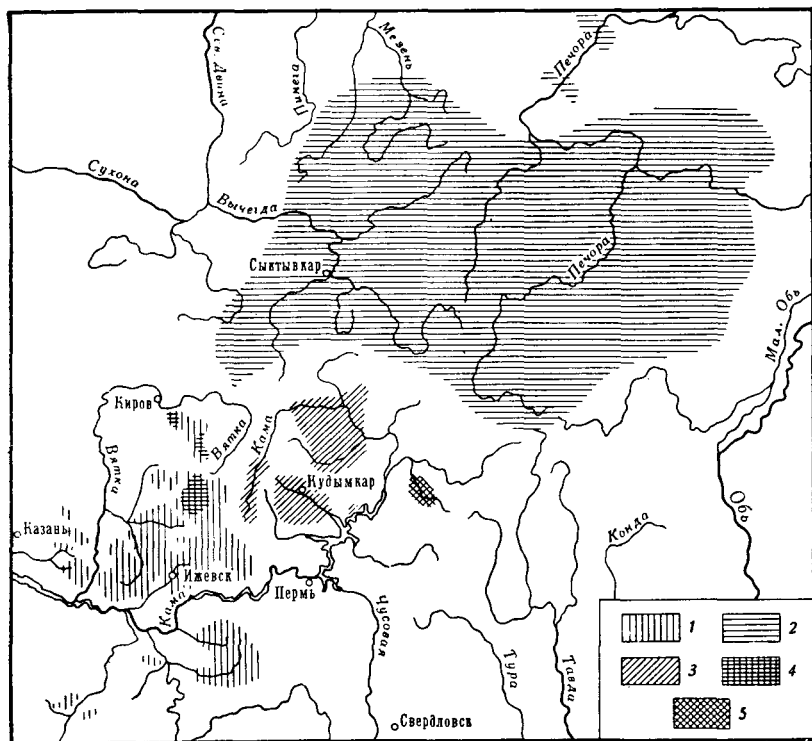
Постановлением Президиума ВЦИК от 26 февраля 1925 г. Пермский край был выделен в особый национальный округ в составе Пермской обл. 3 апреля 1925 г. окружной Съезд Советов провозгласил создание Коми-Пермяцкого национального округа с центром в с. Кудымкар, переименованном в 1931 г. в рабочий поселок, а в 1938 г. — в город.

Возникновение названия административного центра коми-пермяков Кудымкар объясняется как место около р. Ку, т. е. устье реки Ку (*Ку+дин* 'около'+*кар* 'город') — *Кудинкар* > Кудымкар (досл. 'город на р. Ку' или 'город в устье р. Ку').

§ 5. Пермские языки и диалекты. В связи с исторически сложившимися условиями расселения пермских народов, контактированием их с другими народами, их языки получили несколько различное развитие. Самостоятельно развивающиеся удмуртский, коми-зырянский и коми-пермяцкий языки в свою очередь также продолжали развиваться неединообразно: в результате освоения новых земель все больше и больше отдалялись различные группы населения и вместе с тем их диалекты.

§ 6. Удмуртские диалекты. Современные данные о диалектах удмуртского языка позволяют выделить два основных наречия: северное и южное.

§ 7. В понятие севернoudмуртское наречие ныне включается совокупность говоров по р. Чепца (у. *Чупчи*), верховьев Камы (по современному административному делению входящих в Афанасьевский р-н Кировской обл. — в бывший Зюз-



Схематическая карта пермских языков:

1 — удмуртский язык; 2 — коми язык; 3 — коми-пермяцкий язык; 4 — бесермянские говоры; 5 — коми-зыбвинское наречие

динский край), а также небольшие группы говоров на территории Омутнинского р-на той же области и некоторых северо-западных районов Пермской обл. Равным образом это наречие можно именовать чепецким. На нем говорит около 200 тыс. удмуртов. Южная граница северного наречия проходит по лесным массивам Валамазского, Лозинско-Чутырского лесничеств, к которым примыкают кильмезские говоры; с востока граница его проходит севернее бассейна р. Иты, притока Лозы, впадающего в р. Чепца (см. схематическую карту распространения удмуртских говоров). До революции севернoudмуртское наречие имело названия: глазовский, слободской, бесермянский диалекты. В нем выделяются верхнечепецкие, среднечепецкие, глазовские, святыцко-лекминские, нижнечепецкие говоры и говоры бассейна р. Лозы. Сюда же примыкают говоры бесермян (свыше 10 тыс. чел.), расселенных среди удмуртов. Каждый из указанных диалектов имеет свои специфические особенности.

§ 8. В дореволюционной лингвистической литературе южноудмуртское наречие носило ряд наименований: елабужский, казанский, мамадышский, уржумский, уфимский, бирский, пермский диалекты. Оно охватывает говоры, распространенные 1) в пределах Удмуртской АССР: в Киясовском, Алнашском, Граховском, Можгинском, Кизнерском р-нах (бассейны р. Кырыкмас, Тойма, Умяк, Люга и Пыжманка); 2) за пределами Удмуртии: а) в правобережье р. Вятки, северо-восточной и южной части Татарской АССР, в Кукморском, Балтасинском, Цыпчинском, Бавлинском р-нах, а также Мари-Турекском р-не Марийской АССР и Малмыжском р-не Кировской обл.; б) в левобережье р. Камы, северной части Башкирской АССР, Янаульском, Татышлинском, Балтачевском, Калтасинском, Бураевском, Илишевском, Кушнарепковском р-нах, а также Куединском р-не Пермской обл. На южном наречии общается около 320 тыс. чел. удмуртского населения.

Южноудмуртское наречие включает в себя несколько групп говоров: камско-вятских, завятских, закамских, приикских. Каждая из этих групп говоров объединяет ряд мелких диалектных разновидностей. Камско-вятская группа состоит из говоров: кырыкмасских, среднеижских, нижеижских (варзинских), тойминских, умякских, верхневалинских, люгинско-пыжманских; завятская — кукморских, шопминских; закамская — верхнетаныпских (татышлинских), среднетаныпских (или буйско-таныпских), ташкичинских и кандинского говора.

§ 9. Основные различия между северноудмуртскими и южноудмуртскими говорами. Северноудмуртские говоры характеризует:

В системе ф о н е т и к и:

1) употребление билабиального (губно-губного) *w* перед *a* начального слога определенной группы слов: *wał'es* лит. *валес* 'постель', 'перина', *wañ* лит. *вань* 'есть', 'имеется' и др.;

2) озвончение глухих согласных перед губно-зубным *v*: *daz vit'* лит. *дас вить* 'пятнадцать', *bridva* лит. *бривва* 'бритва' и т. п.

В системе м о р ф о л о г и и:

1) употребление суффикса вин. падежа мн. числа существительных *-tj* на месте юж.-у. *-iz*: *val* 'лошадь' — *valjostj* лит. *валтjэсыз* 'лошадей', *gurež* 'гора' — *gurežžostj* лит. *гурезьjэсыз* 'горы', *kišno* 'женщина' — *kišnoostj* лит. *кышноосыз* 'женщин';

2) наличие специфического приближительного падежа на *-ñe*, образовавшегося из послеложной конструкции: *adamiñe* < *ad'ami diñe* 'к человеку', *školañe* < *škola diñe* 'к школе';

3) наличие особой формы словообразования с суфф. *-ñi*: *uloññi* лит. *улон инты* 'жилище', *djšeskoññi* лит. *дышетскон инты* досл. 'место учебы', 'школа', *araññi* лит. *аран инты* 'место жатвы', *turpaññi* лит. *турпан инты* 'покос' и т. д.;

4) употребление форм местоимений: а) им. падежа — *ač'imes* лит. *асьмес* 'мы сами', *ač'ides* лит. *асьтэс* 'вы сами', *ač'izes* лит. *асьсэс* 'они сами'; б) вин. падежа мн. числа — *mil'emes* лит.

милемыз, милемды 'нас', *til'edes* лит. *tūledыз, tūledды* 'вас'; в) притяжательных местоимений ряда *aslam* 'мой', 'свой', 'у меня (свой)', *aslad* 'твой', 'свой', 'у тебя (свой)', *aslaz* 'его', 'свой', 'у него (свой)', на месте литературных *асьмелэн* 'нап', 'свой', 'у нас свой', *асьтэлэн* 'ваш', 'свой', 'у вас свой', *асьсэлэн* 'их', 'свой', 'у них свой', например: *aslam ai* 'мой отец', 'наш отец', лит. *асьмелэн айымы* 'наш отец', *aslad kolhoz* 'твой колхоз', 'ваш колхоз', лит. *асьтэлэн колхозды* 'ваш колхоз', *аслаз гуртаз* 'в его деревне', 'в их деревне', лит. *асьсэлэн гуртазы* 'в их деревне';

5) употребление суфф. -sk вместо юж.-у. -išk (-ицьк):

а) в формах глаголов I спряжения 1-го и 2-го лица наст. времени изъявительного наклонения после твердых зубных согласных основы (*jaratsko* лит. *яратйсько* 'люблю'), *mįnsko* лит. *мынйсько* 'иду'; б) в глаголах с возвратным значением: *watskįni* лит. *ватйськыны* 'спрятаться', 'скрыться', *adskįni* лит. *адзйськыны* 'виднеться';

б) окончание повелительного наклонения -te, усвоенное из русского языка -те, в 1-м лице мн. числа буд. времени глаголов: *mįnomte*, лит. *мыном(е)* 'пойдем(те)!', *veralomt'e* лит. *вералом(е)!* 'скажем(те)!', *kįrzialomte* лит. *кырзаломе* 'споем(те)!';

7) более широкое, чем в литературном языке, участие вспомогательного глагола *karįni* 'делать' в образовании сложных форм глаголов типа *vak'e i karįni* 'укоротить'; *glad'it karįni* 'гладить';

8) образование причастий от глаголов I спряжения с помощью суфф. -iš вм. -иць: *mįniš* лит. *мынйсь* 'идущий', *gožtiš* лит. *гожтйсь* 'пишущий', 'записывающий'; *berdiš* лит. *бёрдйсь* 'плачущий';

9) форма дееспричастия-č'oč вм. -тоз'ь: *užac'očaz* лит. *ужатозяз* 'пока он работал', 'во время работы'; *rukic'očaz* лит. *пукытозяз* 'пока он сидел', 'в процессе сиденья';

10) употребление утвердительных частиц *o-o* вм. юж.-у. *i-i* 'да', *ben* вм. юж.-у. *bon* 'да'; сев.-у. *ton kinoe vetlid-wa?* *o-o* вм. юж.-у. *ton kinoje vetlid-a?* *i-i* 'ты в кино ходил? Да'; *otpusked gužem-wa luoz?* *Ben, gužem* вм. юж. у. *otpusked gužem-a luoz?* *Ben, gužem.* 'Твой отпуск будет летом? Да, летом', и др.

Южное наречие характеризует:

В системе фонетики:

1) наличие особого носового согласного [ŋ] (н): *čaŋa* лит. *čана* 'газка', *baŋ* лит. *бам* 'лицо', 'щеки';

2) наличие в некоторых словах, в основном перед мягким согласным, переднерядного лабиализованного гласного [ú] (ў) вм. лит. *u*: *kūž* лит. *кузь* 'длинный', *úšįni* лит. *усыны* 'унасть', 'свалиться (с чего-л.)';

3) переход конечного гласного основы *i* в узкий гласный *i* под влиянием палатальных согласных: а) в корнях слов: *bižni* лит. *бызьыны* 'выйти замуж', *vil'* лит. *вьль* 'новый', б) перед начальным *j* суффикса мн. числа: *purti* 'котел' — *purtijos* < *purtijos* лит. *пуртыос* 'котлы', *geri* 'соха' — *gerijos* < *gerijos* лит. *герыос* 'сохи'; в) в падежных суффиксах: *gurtiš* лит. *гуртысь* 'из деревни'

ñuleskišen лит. *нюлэскысен* 'из леса', muržoliš лит. *мурžo-лысь* 'из-под подполья', г) в наречных образованиях: otiš лит. *отысь* 'оттуда', tatiš лит. *татысь* 'отсюда' kitiš лит. *кытысь* 'откуда' и др.;

В системе морфологии:

1) суффикс вин. падежа мн. числа -jz (-əz) вместо северн-удмуртского и литературного -ты [-tj]: valjosiz в.м. *валъёсты* 'лошадей', gurežjosiz в.м. *гурезьёсты* 'горы', kalikjosiz в.м. *калыкъёсты* 'людей';

2) форма вин. падежа личных местоимений мн. числа -jz в.м. -dj: mil'emiz в.м. *mil'emdj* 'нас', til'ediz в.м. *til'eddj* 'вас';

3) форма твор. падежа 1-го и 2-го лица личных местоимений мн.ч. в.м. *монэм* 'мною' 'со мной', tonen в.м. *тонэмид* 'тобою', 'с тобой';

4) употребление суфф. -išk в формах возвратных глаголов I спряжения: žutiškinj лит. *жутскыны* 'подняться', vatiškinj лит. *ватскыны* 'спрятаться';

5) синтетическая форма отрицательных глаголов -mte вместо сочетания слов (отрицательного слова evel и основного глагола): šettil'g'amte (jed) в.м. *evel šed'til'g'am* 'не нашли они', vunetj'mte (jed) в.м. *evel vunetem(ed)* 'не забыл ты', malpamte (jed) в.м. *evel malpam(ed)* 'не продумал он'.

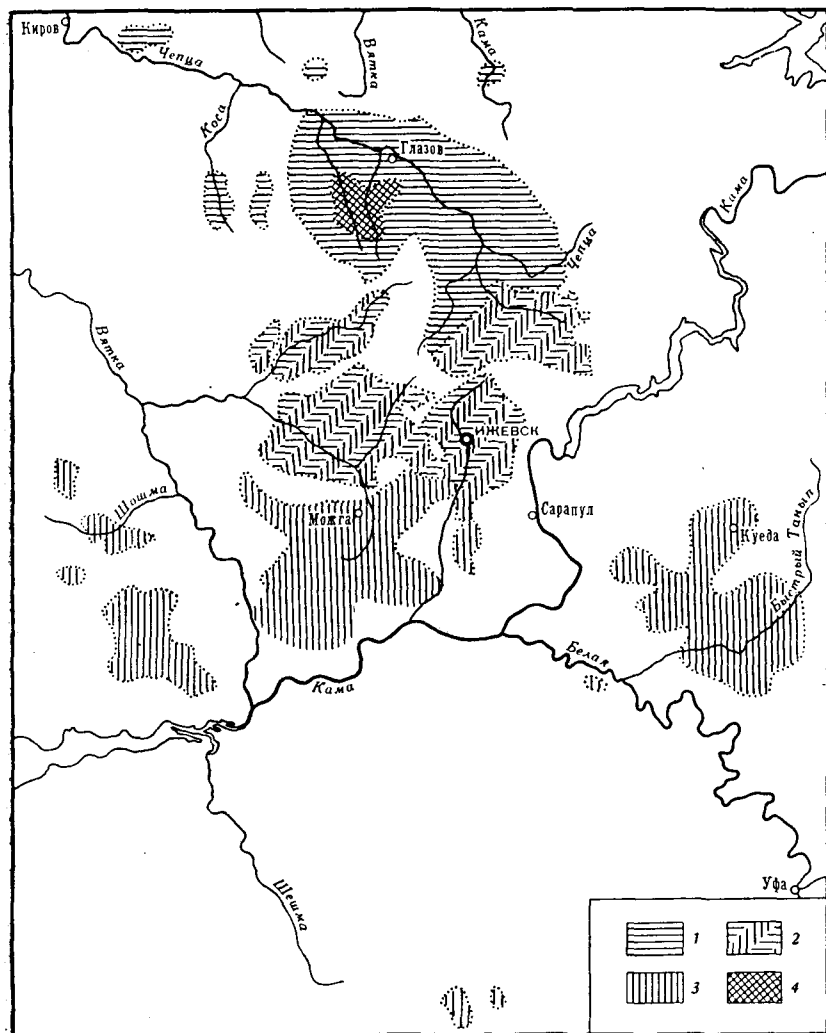
Лексика отличается своеобразием: kešjг в.м. *čужкушман* 'морковь', č'ukinder в.м. *гордкушман* 'свекла', kijag в.м. *огреч* 'огурец', anaj-ataj в.м. *айы-мумы* 'родители', araj в.м. *ака, акы* 'старшая сестра', ugam в.м. *ульча* 'улица', bajmurt в.м. *узыр мурт* 'богач', 'богатый человек', kurdanj в.м. *кышканы* 'бояться', 'страшиться', kukej в.м. *курегпуз* 'яйцо (куриное)' и др.

§ 10. Между северн-удмуртским и южноудмуртским наречиями расположены п е р е х о д н ы е («срединные») говоры, занимающие средние районы Удмуртской АССР. Они образовались в результате контаминации отдельных черт северных и южных диалектных групп.

В дореволюционной лингвистической литературе переходные говоры удмуртского языка назывались сарапульским диалектом, частично малмыжским — по признаку административного деления территорий.

На говорах средней части Удмуртии говорит около 60 тыс. чел. Говоры промежуточной между северным и южным наречиями полосы имеют некоторые общие, присущие только им особенности.

§ 11. К о м и д и а л е к т ы. Многочисленные говоры населения, именующего свой язык коми, объединяются по целому комплексу особенностей в три наречия: коми-зырянские, коми-пермяцкие и коми-язьвинские. На базе первых двух наречий после Октябрьской революции развились самостоятельные литературные языки: коми-зырянский и коми-пермяцкий. Коми-язьвинцы в количестве около 5000 чел. в переписи 1959 и 1970 гг. значатся



Схематическая карта удмуртских диалектов:

1 — северное наречие; 2 — переходные говоры; 3 — южное наречие; 4 — бесермянские говоры

русскими. Их наречие распространено на небольшом пространстве, относительно однородно.

Между отмеченными тремя (коми-зырянским, коми-пермяцким и коми-язьвинским) наречиями выявляется ряд различий:

В системе фонетики:

1) В коми-язьвинском наречии имеется особая фонема *й*, которой в других наречиях обычно соответствует *е*: к.-я. *tül*, к. *töв*

[tey] 'ветер', к.-я. lüz, к. лöz 'синий', к.-я. viž, к. бöж 'хвост'; к.-я. üšon, к.-з. öšiniš, к.-п. öšын 'окно'. Этот гласный восходит к прап. *ǫ*;

2) ударяемым к.-я. *i* и *u* в коми-зырянском и коми-пермяцком соотносится *e* и *o* (вс. *ǫ*): к.-я. iža, к. эжа 'дёрн', к.-я. kiž-pө, к. кезны 'сворачивать', к.-я. lüm, к. том (вс. tǫm) 'молодой', к.-я. рип, к. пон (вс. рǫп) 'собака'. Эти гласные восходят к прап. **e* и **ǫ*;

3) коми-зырянский и коми-пермяцкий *ö* [e] в коми-язьвинском (как и в вишерском и восточновычегодском) произносится лабиализованно [ö]: к.-я. tǫl, к. тöв 'зима', к.-я. gǫg, к. гöр 'соха'. Этот гласный восходит к прап. **ö*;

4) коми-зырянскому и коми-пермяцкому *ы* [i] в коми-язьвинском соответствует *ө* (в виш. и вост. в. *ü*): к.-я. гөр, к.-з., к.-п. гыр (виш., воств. gür) 'ступа', к.-я. lөm, к.-з., к.-п. лым (виш., вост.-вып. lüm) 'снег'. Этот гласный восходит к прап. **ü*;

5) в абсолютном начале многих слов на месте прапермских закрытых гласных **o* и **ǫ* мы имеем в к.-з. во- (уд. ve-, вс. o-), к.-п. о или ö [e], к.-я. и- или ü: к.-з. вой (вс. oј), к.-п. ой, к.-я. üj 'ночь'; к.-з. ворсны, вс. ǫrsnj, к.-п. орсны, к.-я. игсны 'играть', к.-з. вор, вс. ǫr, к.-п. öр, к.-я. иг 'корыто';

6) ударение в коми языке преимущественно падает на первый слог, в коми-пермяцком (за исключением некоторых говоров) ударение основоразностное, а в коми-язьвинском — качественно-вокальное (см. Ф. § 116—122);

7) коми-пермяцкое и коми-язьвинское наречия относятся к t-диалекту, а коми — к d-диалекту, т. е. в конце суффикса после гласного звука в коми-зырянском имеем d, а в других двух наречиях — t: к.-з. пемыд, к.-я. пемьт, к.-я. pi'met 'темно', к.-з. тэнад, к.-п. тэнат, к.-я. tenat 'твой'.

В системе морфологии:

1) суффиксом мн. числа существительных в коми-зырянском языке является -яс (уд. -jes), в коми-язьвинском — -joz, в коми-пермяцком — -jez, при этом в большинстве коми-пермяцких говоров начальний *j*-суффикса уподобляется конечному гласному основы, а после гласного звука основы он выпадает: к.-з. пыжъяс, к.-п. пыжжез (pižžez < *pižjez), к.-я. рөžjoz 'лодки'; к.-з. чарлаяс, к.-п. чарлаз, (< *č'arłajez), к.-я. č'arłajez 'серпы'.

2) существует различие в образовании форм мн. числа глаголов, например: к.-з. мунасны, к.-п. мунасö, к.-я. munanis 'пойдут';

3) деепричастным суффиксом в большинстве говоров коми-зырянского наречия является -иг [-ig], в северных говорах [-ig], в к.-п. -ик(ö), к.-я. -ki: к.-з. кериг, к.-п. керикö, к.-я. kerki 'делая, когда делал';

4) из суффиксов с уменьшительным значением в говорах коми-зырянского наречия широко употребителен -тор, коми-пермяцкого — -өк, коми-язьвинского — -rjan; к.-з. бөдьтор, к.-п. бөдөк, к.-я. bed'rjan 'палочка' (от bed' 'палка').

Различие существует также в лексике, например: к.-з. *göğörvony*, к.-п. *vejö rny*, к.-я. *völälnö* 'понимать', к.-з. *быдтор*, к.-п. *быдöс*, к.-я. *bödmaj* 'всё'.

Перечисленные особенности являются характерными для основной массы населения говорящих на коми-зырянском, коми-пермяцком и коми-язвинском наречиях. Имеется ряд переходных и смешанных говоров. Имеется, например, верхнекамский (зюздинский) говор, содержащий в себе коми-пермяцкие и коми-зырянские элементы.

§ 12. Коми-зыряне и коми-пермяки занимают значительную территорию, и их язык состоит из ряда говоров. Остановимся на рассмотрении одного звукового явления, касающегося всех диалектов коми народов, а именно на употреблении этимологического *l*.

Все говоры коми (коми-зырян, коми-пермяков и коми-язвинцев) по судьбе древнего *l* делятся на четыре типа: 1) эловые, 2) нуль-эловые, 3) вэ-эловые и 4) безэловые.

Первый тип (эловые говоры) характерен тем, что в середине и конце слов звук *l* всегда сохраняется, например: *vel* 'лошадь', *velteg* 'без лошади', *velen* 'лошадью', *kjlnj* 'слышать', *kjle* 'слышит', *oz kjl* 'не слышит'. К этим диалектам относятся следующие территории с населением, называющим свой язык коми: бассейн р. Сысолы (приток Вычегды), начиная с верховьев до с. Лозым включительно; с. Кобра, находящееся в верховьях речки того же названия, притока Вятки; бассейн р. Лузы — притока р. Юга (исключая Объячевский и Читаевский сельсоветы); верховье р. Летки, притока Вятки; некоторые верхневычегодские сельсоветы (Керчемский, Дзельский, Вочевский, Пожегодский); Печора, начиная с верховьев до д. Медвежской включительно; территория коми-язвинцев, живущих по верхнему и среднему течению р. Язвы, южного притока р. Вишеры (следующие пять сельсоветов Верхнеязвинского куста Красновишерского р-на Пермской обл.: Бычинский, Верхнеязвинский, Тимино—Бельковский, Талавольский, Антипинский и Ваньковский); верховье Камы (Афанасьевский р-н Кировской обл.) северная часть Коми-Пермяцкого национального округа (Косинский, Кочёвский и Ганинский р-ны), Ленинский сельсовет (в южной части Коми-Пермяцкого округа), Оньковский сельсовет (самые восточные коми-пермяцкие населенные пункты по р. Иньве).

Второй тип (нуль-эловые) говоры — древнее *l* в конце слова и в середине перед согласным заменяется удлинением предыдущего гласного или же совсем выпадает, а если предыдущий гласный *e* или *i*, то *l* заменяется на *j*, например: *njles* 'девушку', *nij* или *nj* 'девушка', *velen* 'лошадью', 'на лошади', *veenjim* или *venjim* 'наша лошадь', *zej* < *zel* 'очень', *rej* < *rel* 'большой палец'.

Нуль-эловые диалекты распространены на следующие территории с коми-зырянским населением: среднее течение р. Печоры

с устья Ижмы до д. Бызовой включительно; коми на Кольском п-ове (Ловозерская и др. сельсоветы Мурманской обл.); коми население по низовью Оби (Березовские, Обдорские коми Тюменской обл.; бассейн р. Вымь — приток Вычегды), за исключением населенных пунктов, находящихся недалеко от устья этой реки, некоторые сельсоветы Верхней Вычегды (Усть-Куломский, Мыелдинский, Усть-Немский), бассейн р. Вишеры (приток Вычегды) с притоком Нившера; бассейн р. Ижмы, притока Печоры, за исключением Извапльского сельсовета, находящегося в верховьях этой реки; бассейн р. Усы, притока Печоры.

Нуль-эловые диалекты занимают в общем северные районы. Наиболее густо населенным местом этих диалектов является бассейн р. Ижмы, где проживает около половины населения, говорящего на нуль-эловом диалекте, поэтому можно назвать этот диалект ижемским. К нуль-эловым говорам с выпадением *l* (*ve* 'лошадь', *veŋim* 'наша лошадь') относится также говор с. Дон и Усть-Нем (Верхняя Вычегда).

Третий тип (вэ-эловые говоры) — в середине слова перед согласным и в конце слова звук *l* переходит в *v*: *veŋen* 'лошадью', но: *vev* 'лошадь', *vevte* 'лошадь твою'; *kije* 'слышит', но: *kivni* 'слышать', *oz kiv* 'не слышит' и т. д. К этим говорам относятся следующие территории с коми населением: Вычегда с притоками Локчим и Пожег (палевицкий говор), исключая некоторые верхневычегодские сельсоветы (см. эловые и нуль-эловые говоры); Нижнесыольские сельсоветы (ниже с. Иб): Вильгортский и Шощинский, г. Сыктывкар с прилегающими к нему населенными пунктами; Удора, расположенная по верхнему течению р. Мезени и ее притока Вашки; Объячевский и Читаевский сельсоветы на р. Лузе; Извапльский сельсовет, находящийся в верховьях р. Ижмы.

Четвертый тип (безэловые говоры) — этимологический *l* утратился в любой позиции и перешел в звук *v* (лит. *ø*): *vev* вм. *veŋ* 'лошадь', *veven* вм. *veŋen* 'лошадью', *vevis* вм. *veŋis* 'его лошадь', *vevenen* вм. *veŋlen* 'у лошади'; к безэловым относятся говоры бассейна р. Иньвы, левого притока Камы, за исключением оньковского.

Судьба этимологического *l* при классификации диалектов не является ведущей, а лишь одной из характерных черт диалекта. Диалекты коми-зырянского, коми-пермяцкого наречий классифицируются по целому комплексу особенностей.

По количеству говорящих (без учета людей, усвоивших литературное произношение) эти четыре типа говоров распределяются приблизительно следующим образом: эловые говоры — 33%, нуль-эловые — 18%, вэ-эловые — 25%, безэловые — 24%.

§ 13. Коми (коми-зырянское) наречие различает следующие десять говоров: нижневычегодский, верхневычегодский, средне-сыольский, присыктывкарский, верхнесыольский, удорский (вашко-мезенский), ижемский, вымский, печорский и лузско-лет-

ский. Свои названия перечисленные говоры получили от наименования рек, в бассейне которых они расположены.

§ 14. Коми-пермяцкие диалекты. Территориальные разновидности речи живущих в пределах Коми-Пермяцкого округа Пермской области коми-пермяков можно объединить в две группы говоров: северную (или косинско-камскую) и южную (иньвенскую).

§ 15. Северное, или косинско-камское, наречие (северная группа говоров) распространено в северной части округа, главным образом в бассейне р. Косы, правого притока р. Камы, отчасти в бассейне р. Камы и некоторых ее притоков (на территориях Гайнского, Косинского и Кочевского р-нов).

Северное наречие от южного отличается:

1) принадлежностью его к эловым говорам (древний *l* в нем сохранился в начале, середине и конце слова, который исчез в южных говорах, за исключением оньковского и нердвинского), например; *lok* 'иди', *l̥im* 'снег', *velteg* 'без лошади';

2) колебанием постановки ударения в глаголах с суффикс. *-al, -et, -is, -er, -as*: *puka:l̥ni ~ pu:kalni* 'сидеть', *vugra:šni ~ vu:grašni* 'удить' и т. д.;

3) различием в лексике: *ešmes* в.м., юж.-п. *kolódeč'* 'колодец', *mač'ka* в.м. юж.-п. *aň* 'свекровь', *tójni* в.м. юж.-п. *mašt̥ini* 'толочь', *ko:šašni* в.м. юж.-п. *t̥iška:šni* 'драться', *l̥i* в.м. юж.-п. *ko:ska* 'кость' и др.

Северная диалектная группа разбивается на ряд говоров: кочевский, косинский, гайнский, верхнекамский (зюздинский) и верхлуньинский. По наличию специфических особенностей из перечисленных особо выделяется верхлуньинский говор, распространенный в бассейне р. Лупья, притока Камы, который занимает один Мысовский сельсовет. Этот говор приближается к коми-зырянским, например: а) ударение в значительной степени свободное, однако с некоторой тенденцией ставить его на первый слог; б) суффикс мн. числа *-jez*, например: *mortjez* лит. *morttaz* 'люди', *l̥zjez* лит. *lyzaz* 'лыжи'; в) формант дееспричастия *-ig*, например: *muniġas*, в.м. к.-п. *munikas* 'когда он шел'; 2) в порядковых числительных употребляется суффикс. *-ež*: *hol'ež* в.м. к.-п. *nělobt* 'четвертый', *kvat'ež* в.м. к.-п. *kvat'ebt* 'шестой'; д) особые слова: *gač* 'штаны', *aski* 'завтра'; *sket* 'скот', *l̥el'am̥in* 'сорок' в.м. к.-п. *vešjan*, *ašjn*, *roda*.

§ 16. Южное, или иньвенское, наречие (южная группа говоров) простирается в южной части округа, в бассейне р. Иньвы и Нердвы (в пределах Юсьвинского и Кудымкарского р-нов). Между северным и южным коми-пермяцкими наречиями проходят русские говоры, распространенные в пределах Юрлинского р-на.

Южная диалектная группа (или иначе, южное наречие) коми-пермяцкого языка является безэловым и от северного наречия отличается: 1) заменой этимологического *l* звуком *v* (за исключением оньковского и нердвинского говоров): *vok* в.м. *lok* 'иди',

vjm вм. *лым* 'снег', vev вм. *вёл* 'лошадь', vevteg вм. *вёлтөг* 'без лошади'; 2) четким отличием ударяемого гласного от безударного как в отношении силы, так и в отношении долготы; *ми-пені* 'идут' *vunda-vnі* 'резать', *piž'i-rtnі* 'выжать'; 3) наличием суффикса перех. падежа *-et'*: *tujet'* лит. *tuyōt* 'по дороге', *iβeset'*, лит. *ыбōсōt* 'через дверь'.

В составе южной диалектной группы можно выделить кудымкарско-иньвенский, оньковский, нердвинский и нижнеиньвенский говоры.

§ 17. Кудымкарско-иньвенский говор, представляющий собой по количеству носителей его самую крупную единицу среди коми-пермяцких говоров, в целом не является абсолютно однородным; в его составе имеются разновидности переходного и смешанного характера. Легший в основу литературного языка (кроме употребления *l*) кудымкарско-иньвенский говор является в территориальном отношении центральным по отношению к другим южным говорам; нердвинский, оньковский, нижнеиньвенский — окраинными.

Особенности кудымкарско-иньвенского говора:

1) отсутствие твердого *l* и замена его звуком *v* (см. § 12); 2) более резкое выделение ударяемого гласного; 3) особая система осново-разноместного ударения (см. § 44).

В других коми-пермяцких диалектах наблюдается отступление от этой системы ударения (например, северном наречии, нижнеиньвенском, оньковском говорах). Окраинные говоры значительно отличаются от кудымкарско-иньвенского. Остановимся на их характеристике.

§ 18. Нердвинский говор распространен в самой южной части Коми-Пермяцкого округа, в бассейне р. Нердвы, притока р. Обвы, являющейся в свою очередь притоком р. Камы (Ленинский сельсовет). Основное отличие этого говора от кудымкарско-иньвенского выражается в наличии звука *l*: *lok* 'иди', 'подойди', *njl* 'девушка', 'дочь', *vetlis hānlę* 'он сходил за хлебом'. В отношении других фонетических явлений (в частности, ударения), а также лексики и грамматики этот говор мало отличается от кудымкарско-иньвенского.

Говоры типа нердвинского, ныне сохранившиеся в верховьях р. Нердвы, раньше занимали более широкую территорию, заселяли, видимо, не только весь бассейн Нердвы, но и территорию по течению р. Обвы. Южная часть этого говора обрусела, а представители северной части утратили звук *l*, заменив его согласным *v*. Сходство нердвинского говора с кудымкарско-иньвенским говорит о том, что в основе последнего (ныне беззлого) лежал зловый говор нердвинского типа.

Говор нердвинского типа представлен в словаре Н. Рогова с пометой ю.⁹, а также в рукописном словаре XVIII в.

⁹ Рог.; см. также: Р. М. Б а т а л о в а — «Наш край», 1970, № 4.

Ф. А. Волегова, материалы которого обработаны и опубликованы К. Реден¹⁰.

§ 19. Оньковский говор распространен на территории Оньковского сельсовета Юсьвинского р-на (с. Малые и Большие Они с прилегающими к ним деревнями), являющегося самым восточным коми-пермяцким сельсоветом по р. Иньве. В отличие от соседнего, нижнеиньвенского, говора оньковский относится к эловому говору, *l* употребляется так же, как в нердвинском и косинско-камском говорах, например: *lokta* 'приду', *pińala* 'бороню'. Самой характерной чертой этого говора является наличие качественно-вокального ударения, представляющего собой своеобразную систему акцентуации, близкую к ударению коми-язьвинского диалекта.

В отрицательном глаголе прошедшего времени и корнях некоторых других слов (как и в нижнеиньвенском говоре) вместо *e* других коми-пермяцких говоров имеется гласный *i*: *ig giž* вм. *eg giž*, *in giž* вм. *en giž*, *iz giž* вм. *ez giž* 'я, ты, он не писал'; *jim* вм. *jem* 'иголка', *vim* вм. *vem* 'мозг' (*i* восходит к общепермскому **ę*).

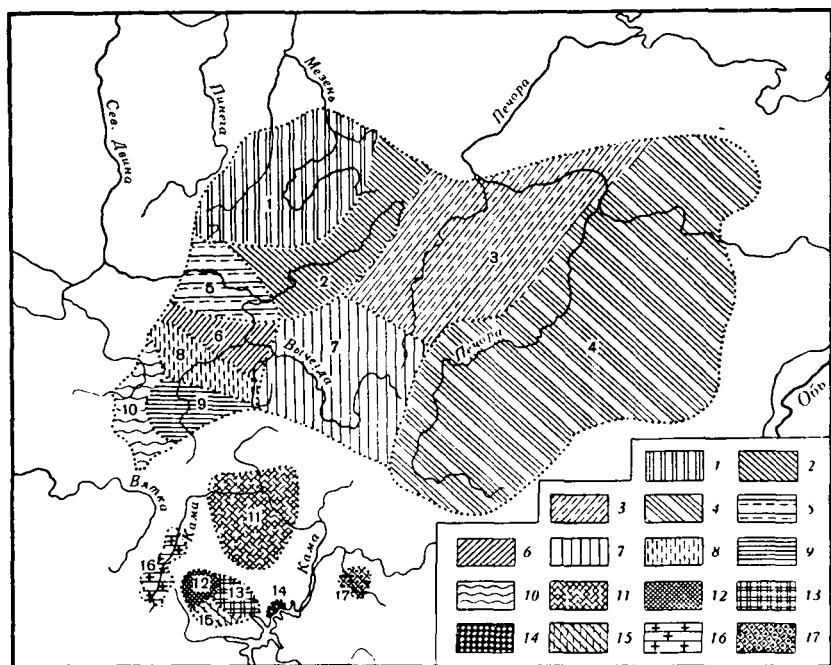
Имеет диалектную лексику: *koba* 'прялка', *žiga'lni* 'унасть', *parota'n* 'грабли' и т. д.¹¹

Некоторые черты оньковского говора (ударение, *i* вм. *e*, лексический состав — *už'es* 'дверь', *koba* 'прялка', *parota'n* 'грабли' и т. д.) сближают его с коми-язьвинскими говорами, хотя и коми-язьвинцы отделены от оньковцев широкой (больше 150 км) полосой территории с русским населением. Коми население Перми Великой, жившее в основном на территории между оньковцами и коми-язьвинцами, по-видимому, говорило на диалектах оньковско-язьвинского типа.

§ 20. Нижнеиньвенский говор, непосредственно примыкающий с запада к оньковскому говору, распространен на территории следующих пяти сельсоветов Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого округа: Тиминского, Куросского, Крохалёвского, Аксёновского и Доеговского; в общем этот говор занимает бассейн северных притоков р. Иньвы — Доега, Поя и Исыла с прилегающими к ним территориями по р. Иньве. Особенности этого говора следующие: 1) нижнеиньвенский относится к безэловым, 2) звук *-v-* между гласными часто выпадает; *po'eni* < **po'veni* (~ **roweni*) 'боятся', *uža'eni* < **uža'veni* (~ **uža'weni*) 'работают', *ni'en* < **ni'ven* (~ **ni'wen*) 'у них', но: *šiva* 'пою'; 3) в ряде слов вместо гласного *e* встречается *i*; 4) по типу ударения говор занимает про-

¹⁰ См.: К. R é d e i. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest, 1968; см. рецензию на этот труд К. Реден: Т. И. Т е п л я ш и н а и В. И. Л ы т к и н а — СФУ VI 153—157.

¹¹ Подробнее см.: Р. М. Б а т а л о в а. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Авт. д. к. М., 1962. — Следует заметить, что наша классификация коми-пермяцких диалектов несколько отличается от классификации Р. М. Баталовой, см.: Р. М. Б а т а л о в а. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.



Схематическая карта диалектов коми языков:

Коми-зырянские диалекты: 1 — удорский (вашко-мезенский); 2 — вымский; 3 — ижемский; 4 — печорский; 5 — нижневыхгодский; 6 — присыткытварский; 7 — верхневыхгодский; 8 — среднесольский; 9 — верхнесольский; 10 — лузско-летский.

Коми-пермяцкие диалекты: 11 — северная группа диалектов (кочевский, косинский, гаинский и верхнелупынский диалекты); 12—15 — южная группа диалектов (12 — кудымкарско-иньвенский; 13 — нижнеиньвенский; 14 — оньковский; 15 — нердвинский); 16 — верхнекамский, или зюдинский (переходный от коми-пермяцкого к коми-зырянскому); 17 — коми-язьвинское наречие

межзубочное положение между оньковским и кудымкарско-иньвенским: в глаголах, не имеющих словообразовательных суффиксов с огласовкой, наблюдается качественно-вокальное ударение — как и в оньковском (pe·tnj 'выйти', pi·tnj 'зайти'), а в остальных глаголах и в других частях речи появляется осново-разноместное ударение, как и в кудымкарско-иньвенском говоре (vele·tnj 'учить', ru·č'es 'лису', ju·g'is 'его голова'); 5) имеются специфические слова: jžma·vni 'шалить', paŋma·n 'грабли', višni 'болеть', už'es 'дверь', spor 'спон'.

§ 21. Основные сходства и различия пермских языков можно свести к следующему:

Литературные формы всех трех пермских языков имеют один и тот же фонемный состав. В отличие от других финно-угорских языков общим своеобразием фонетики являются: наличие гласных *ö* [e] и *ы* [i]; отсутствие переднерядных гласных *o*, *ü*, *ä*, наличие

четырёх аффрикат (č, č̣, ǰ, ǰ'), восьми парных (по мягкости и твердости) согласных (*d—d'*, *z—ž*, *l—l'*, *n—ń*, *s—ś*, *t—t'*, *č—č̣*, *ǰ—ǰ'*), противопоставление глухих согласных звонким (*p—b*, *t—d*, *s—z*, *ś—ž*, *č—ǰ*, *t'—d'*, *ś—ž*, *č'—ǰ'*, *k—g*), употребление в начале слова звонких согласных наряду с глухими.

Однако все три языка отличаются друг от друга по ударению: в удмуртском языке ударение падает на последний слог, в коми-зырянском имеется тенденция ставить акцент на первый слог, а в коми-пермяцком ударение осново-разноместное.

Из морфологических характеристик общими являются: более или менее единая падежная система, наличие четырех времен глагола (настоящее, будущее, прошедшее очевидное и прошедшее неочевидное), инфинитив на *-ны*, повелительный залог, видовая категория однократности и многократности и т. д. Все эти морфологические категории оформляются одними и теми же (или очень близкими по звучанию) формантами.

Удмуртский язык отличается от коми языков наличием двух спряжений (в коми языках одно спряжение), вполне оформленной категорией наст. времени (в коми языках 1-е и 2-е лицо наст. времени совпадают с соответствующими лицами буд. времени), употреблением оборотов, состоящих из глагола и деепричастия на *-са* [-sa] и нек. др.

§ 22. История литературных языков. Пермские языки относятся к старописьменным. Существует, правда, небольшая, до-революционная литература (на удмуртском языке более значительная, на коми-зырянском менее и на коми-пермяцком еще менее, см. § 25) ¹².

§ 23. Современная письменность имеет свою историю, о которой можем судить в основном по печатным произведениям, хотя известны и отдельные рукописи, по счастливой случайности сохранившиеся в архивах, рукописных фондах музеев и библиотек.

У разных пермских народов письменность появилась в разное время. На коми языке она возникла во второй половине XIV в. Напечатаны в «Дневных записках» акад. И. И. Лепехина «Заупокойная обедня» и «Разговорник», отражающие язык XIV—XV вв. На удмуртском языке в 1769 и 1781 гг. впервые опубликованы стихи. Имеются переводы текстов религиозного содержания. Значительный интерес представляет лексический материал, помещенный в словарях П. С. Палласа и Г. Ф. Миллера (П. С. П а л л а с. Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790—1791; G. F. M ü l l e r. Sammlung russischer Geschichte, t. III. St.-Pb., 1758). В последнем приведено свыше 300 слов на удмуртском, коми-зырянском

¹² См.: В. И. Лыткин. Пермские языки. «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., 1959; О н ж е. Коми-зырянский язык. «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». М., 1969; Яз. нар. III, стр. 255—315.

и коми-пермяцком языках. На коми-зырянском языке напечатаны: «Наставление о прививании предохранительной оспы». СПб, 1815, «Евангелие от Матфея». СПб., 1823 (перевод на вычегодский говор А. Шергина). В 1860-е годы сделан перевод «Священного писания», «Евангелия от Матфея» на коми-пермяцкий язык¹³.

Еще в XVIII в. появились рукописные разговорники и словарики. Так, известна, например, рукописная удмуртская грамматика Михаила Могилина 1780 г. с приложением большого лексического материала (свыше 2100 слов)¹⁴, «Удмуртско-русский словарь Захария Кротова» 1785 г., содержащий свыше 7.000 лексем¹⁵ и др.; сохранился рукописный разговорник коми-зырянского языка XVIII в. в двух списках, в котором представлено около 100 выражений и 200 слов с переводом на русский язык¹⁶ (возможно, что данный разговорник восходит к более раннему периоду времени). Есть рукописный коми-пермяцко-русский словарь Антония Попова («Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым», 1785 г.), который насчитывает до 2500 слов и хранится в Ленинградской Публичной библиотеке, и ряд других.

§ 24. В становлении литературных языков пермских народов большую роль сыграли созданные в конце XVIII—начале XIX в. грамматики по разным пермским языкам. Существенное значение принадлежит грамматике, составленной во второй половине XVIII в. под руководством В. Пуцек-Григоровича («Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка». СПб., 1775). В этом труде впервые определены многие моменты графики и орфографии, представлена система склонения и спряжения; графические приемы этой работы сыграли известную роль при дальнейшей разработке основ удмуртского литературного языка.

С начала XIX в. идет усиленная христианизация нерусских народностей, в связи с чем на их языки, в том числе удмуртский и коми, переводятся молитвенники, евангелие, духовно-правственные поучения. Эти переводные произведения были ориентированы на читателей соответствующей национальности.

В тот же период создаются словари и грамматики, преследующие нормативные цели. В первой половине XIX в. вышли: П. А н и с и м о в. Азбука, составленная из российских церковной и гражданской печати букв для обучения вотских детей чтению на их наречии (по Сарапульскому уезду). Казань, 1847; Гр. Р е ш е т н и к о в. Азбука, составленная из российских церковной и гражданской печати букв для обучения вотских детей на глазовском наречии. Казань, 1847; Свящ. Ник Б л и н о в.

¹³ В. С в е т л а к о в. Коми-пермяцкой письменностью зоралом. Лит.-худ. сб. «Иньва». Кудымкар, 1964, стр. 77—83; 1967, стр. 86—94.

¹⁴ См. Тепл. Нам. 234—288.

¹⁵ Т. И. Т е п л я ш и н а — СФУ VII 129.

¹⁶ Ист. фил. сб. IV 233—238.

Лыдѣон. Азбука для вотских детей. Казань, 1882 г. п мн. др. По коми языку: Ф. Ф л е р о в. Зырянская грамматика, СПб., 1813 (представлен удорский диалект), и др.

§ 25. Значительное развитие письменности и формирование литературных языков нужно отнести ко второй половине XIX — началу XX в. В этот период выпускается значительное число печатных произведений (главным образом переводных) религиозного содержания.

С середины XIX в. в семинариях ввели преподавание родного языка, например, в Вологодской духовной семинарии П. И. Савваитов преподавал коми язык; удмуртский язык преподавался в семинариях Казани, в которых обучались представители этого языка. Преподавание языков не могло происходить без литературы на этих языках, без грамматик и словарей. Стали выходить в свет буквари, удмуртско-русские и русско-удмуртские словари, учебные пособия по истории, арифметике, природоведению, историческая, сельскохозяйственная и медицинская литература. В это время возникает оригинальная художественная литература (см. § 31—33).

Начинают печататься специальные труды: по коми-зырянскому языку: И. А. К у р а т о в. Зырянский язык. «Вологодск. губ. вед.», 1865—1866, № 23, 27, 31, 37 и 18; Г. С. Л ы т к и н. Зырянско-вотско-русский словарь. Приложение к книге «Зырянский край и зырянский язык». СПб., 1889; по коми-пермяцкому языку: Н. Р о г о в. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860; О н ж е. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869; по удмуртскому языку: Б. Г а в р и л о в. Произведения народной словесности, обряды и поверия вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880, и нек. др.

К концу XIX—началу XX в. создаются различные культурно-миссионерские общества, переводческие комиссии, комитеты грамотности. На территории расселения удмуртов, например, были созданы три переводческие комиссии. Переводческой комиссией православного миссионерского общества за период 1874—1912 гг., например, на удмуртском языке выпущено 94 издания, Переводческой комиссией при Управлении Казанского учебного округа — пять книг и Переводческой комиссией 4-го благочиннического округа Глазовского уезда Вятской епархии на глазовском наречии — пять книг¹⁷. Удмуртское книгопечатание особенно усиливается в 1904—1905 гг.¹⁸ В 1904—1910 гг. выходит календарь на удмуртском языке (Удмурт календарь. Казань,

¹⁷ Н. В. Н и к о л ь с к и й. Статистические сведения о вотяках за 1911 год с указанием литературы о них и изданий на вотском языке. Казань, 1912, стр. 77—80.

¹⁸ К. Д з ю и н а. Удмуртская книга (1917—1941 гг.). Каталог удмуртских изданий. Ижевск, 1971, стр. 4—5; П. М. Я ш и н. Удмурт книгалэн вამыштӥсьыз («Путь удмуртской книги»). «Молот», Ижевск, 1970, № 3, стр. 52—57.

I, 1904; II, 1906; III, 1909), в котором печатаются оригинальные художественные, фольклорные, переводные произведения, обсуждаются вопросы диалектной основы литературного языка. Авторы «Календаря» были первыми представителями удмуртской интеллигенции, хорошо знавшими родной язык.

Издаются оригинальные и переводные произведения также на коми языках. Так, на коми-пермяцком была дважды издана «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина (Казань, 1900 и 1906), А. А. Цембер составил «Коми сказки» (Усть-Сысольск, 1912) и «Коми сказки и песни» (Усть-Сысольск, 1914) и др.

Начиная с периода первой мировой войны и до установления Советской власти на удмуртском языке выходит несколько газет: «Войнаысь ивор» («Вести с войны»), «Виль синь» («Новое око»), «Горд солдат» («Красный солдат»), «Горд гырлы» («Красный колокол»), «Гудыри» («Гром»).

В результате возникшей насущной необходимости постепенно происходит дальнейшая разработка нормативных грамматик и словарей: выходят труды, посвященные разработке отдельных пермских языков. Особого внимания заслуживают «Книги для чтения» И. Михеева, в которых представлен большой материал по удмуртскому языку в сопоставлении с русским и «Грамматические упражнения» П. Яковлева, выдержавшее 11 изданий (с 1906 по 1917 г.). Его методикой по изучению русского языка в национальной школе пользовались многие народы Поволжья¹⁹.

Издаются также книги по коми-пермяцкому языку: Е. П о в. Азбука и первая книга для чтения в пермяцких школах. Казань, 1904 (на иньвенском говоре); К. М. Мо ш е г о в и П. В. Щ а п о в. Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии). Казань, 1908; П. В. Щ а п о в. Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцком языке. Казань, 1909 (на косинско-камском диалекте), и др. Об объеме выпускаемой в то время литературы можно судить по следующим данным: по удмуртскому языку до революции было издано около 180 книг и брошюр, по коми языку — свыше 50 названий, по коми-пермяцкому — около 15.

§ 26. Существовавшая у удмуртов и коми до Октябрьской революции письменность имела слабое распространение среди основной массы населения. Царское правительство проводило намеренную русификацию, что не могло способствовать развитию национальных языков. Необходимые условия для развития литературного языка были созданы в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

К концу XIX и началу XX в. появляются словари и грамматики, разрабатываются отдельные теоретические вопросы (F. I. W i e d e m a n n. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst

¹⁹ Не имея возможности провести их анализ, ограничиваемся перечнем лишь части таких работ; см. литературу в конце раздела.

z	т	л	ш	ф	н	ω	т	с	л	л
а			б		в		г		д	
р	р	ш	ω	п	о	т	ж	д	б	
е		ф		з		и		к		
у	у	н	а	и	р	г	к	к	ч	с
я		и		н		о		н		
у	у	с	с	т	г	н	к	л	р	д
р		с		т		у	ч	т	и	
z	z	ш	т	л	ш	б	б			
ю		я		б						

Древнепермская азбука (см. «ALH IV 240)

einem Wotjakische-deutschen im Anhangе und einem deutschen Register. St.-Pb. 1880; B. Munkácsi. A wotják nyelv szótára. Budapest, 1896; A. Genetz. Ostpernische Sprachstudien. Helsingfors, 1897; Y. Wichmann. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Ausg. I, Helsinki, 1901; Ausg. 2. Helsinki, 1915).

§ 27. Графика и орфография. Удмурты с самого начала появления письменности на их языке пользуются алфавитом на русской основе. У коми народов (у коми-зырян и коми-пермяков) алфавит несколько раз менялся. В XIV—XVII вв. существовала древнепермская (древнекоми) азбука, созданная миссионером Стефаном Храпом по образцу греческих и славяно-русских букв. Эта графика имела хождение как на территории коми-зырян (Малая или Вычегодская Пермь), так и коми-пермяков (Великая Пермь, находившаяся в бассейне р. Камы). В XVII в. она была заменена русским письмом, которое существовало в разных вариантах вплоть до 30-х годов XX в. В 1932—1938 гг. был

введен латинизированный алфавит, составленный на основе нового унифицированного алфавита (НА), находившегося в то время в употреблении у многих народов СССР. В 1939 г. был принят алфавит на основе русской графики с дополнениями, необходимыми для обозначения специфических звуков и звукосочетаний.

В пермских языках употребляются следующие дополнительные буквы: *ö* — для обозначения неогубленного гласного среднего ряда среднего подъема [e], *ž*, к. *дж* — для обозначения переднеязычного, альвеолярного смычно-щелевого твердого звонкого согласного звука; *ž*, к. *дз* — для обозначения переднеязычного альвеолярного смычно-щелевого дорсального палатального звонкого звука; *č*, к. *ти* (русс.) — для обозначения альвеолярного смычно-щелевого непалатализованного глухого согласного звука; *й*, к. *і* — для обозначения твердости предшествующего согласного перед гласным *и*.

До революции литература издавалась на разных диалектах: у удмуртов — на глазовском, саранульском и казанском; коми — на вычегодском, сысольском, удорском и ижемском; у коми-пермяков — на северном и южном, вследствие чего в вопросах графики и орфографии не было четких правил, отсутствовало единообразие в письме; лексика письменного языка и терминология не были упорядочены.

В дореволюционной литературе в основном применялся фонологический и фонетический принципы в орфографии; к началу 20-х годов авторы различных изданий стали применять фонологический, а иногда и фонологический-морфологический принципы, сходные с современными.

В первые же годы после установления Советской власти начинается издание литературы на удмуртском и коми языках, вводится родной язык в школах. Издательства и местные отделы народного образования стремятся окончательно унифицировать орфографию. После организации автономных областей (Удмуртской в 1920 г., Коми в 1921 г.) установление единых орфографических норм в каждом языке происходит быстрыми темпами, и вскоре у всех пермских народов появляются узаконенные нормы правописания, фиксированные в грамматиках. Позже эти нормы были лишь незначительно уточнены²⁰, была определена соответствующая терминология, упорядочены грамматические нормы.

²⁰ Об истории формирования удмуртского литературного языка, письменности см.: Гр. В е р е щ а г и н. О книгах на вотском языке. Вятка, 1895; П. Н. Л у п и о в. О первых вотских переводах источников христианского вероучения. «Православный собеседник». Казань, 1905, VI (июнь), стр. 386—391; VII (июль), стр. 603—620; М. И. В о л к о в. Удмурт печать. Ижевск, 1932; В. А. А л а т ы р е в. Когда возникла письменность? «Молот», 1956, № 6; Л. П. Е м е л ь я н о в. Печать Удмуртии. Ижевск, 1964; см. также: В. М. В а х р у ш е в а. — Вопросы удмуртского языкознания, 3. Ижевск, 1975. — Об истории формирования коми-зырянского литературного языка подробнее см.: В. И. Л ы т к и н. К истории коми письменности. «Культура и письменность востока», 1931, кн. 7—8,

§ 28. Вне зависимости от системы графики и диалектной основы оказались спорными вопросы слитного и раздельного написания слов и морфем, орфография заимствованных слов. Разрешение этих двух проблем орфографии встретило большие трудности. Первая проблема в известной мере была решена еще до революции: например, во всех рассматриваемых нами языках словоизменятельные и словообразовательные суффиксы, как правило, писались слитно с основой (или корнем) слова, а послелогои отдельно и т. д. После революции изменения и уточнения коснулись лишь отдельных моментов в написании словосочетаний и морфем. Проблема написания новых заимствований возникла в советский период, когда в пермские языки стала проникать масса русских слов в звуковом оформлении, не свойственном этим языкам (со звуками *х, ц, нь, мь* и т. д., с сочетаниями согласных в начале слова: *власть, внимание, встреча* и т. п.). В первое время после революции эти заимствования писались согласно фонетическим законам родного языка (например, в 20-х годах писали: *пронт* 'фронт', *колхоз* 'колхоз', *ласът* 'власть', *нига* 'книга' и т. д.). В 30-х годах в этих языках новые заимствования стали писать, как в русском языке, *фронт, колхоз, власть, книга* и т. д. Отсутствовавшие в пермских языках буквы (*ф, х, ц, ы*) были введены в алфавиты. Старые заимствования продолжали писать так, как они произносились в народе (у. *кспта* 'кофта', *калат* 'халат', к. *больнича* 'больница', *щотка* 'щетка'). Поскольку трудно было провести резкую грань между старыми и новыми заимствованиями, которые в свою очередь уже стали приспособленными широкими кругами населения к особенностям родного языка, приходилось в каждом отдельном случае держать ориентацию на орфографические словари, составленные с учетом распространенности произношения слов. В этот период происходит окончательное формирование графических и грамматических норм, в частности слитного и раздельного написания слов и морфем, а также заимствованных слов.

§ 29. С вопросом орфографии непосредственно связана проблема диалектной основы литературных языков.

Как до революции, так и позднее одним из основных вопросов языкового строительства стал вопрос о диалекте, который должен лечь в основу литературного языка. В основе коми-зырянского языка лежит присыктывкарский говор, принятый в качестве основы литературного языка в 1918 г. на Усть-Вымском съезде учителей Усть-Сысольского и Яренского уездов, в пределах которых жило 90% коми-зырянского населения. Присыктывкарский

стр. 173—188; Г. Г. Бараксанов. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964. — О коми-пермяцкой графике и орфографии см.: П и т ю-Ö н ь ö (А. Н. Зубов). Коми грамматика, ч. I (для начальной школы на коми-пермяцком языке). М., 1928.

говор — это говор культурного и административного центра Коми АССР; являясь промежуточным между нижневьчегодским, верхневьчегодским и среднесысольским диалектами, он понятен абсолютному большинству коми народа²¹. По употреблению этимологического *л* он представляет вз-эловый тип говоров.

Коми-пермяцкий литературный язык, обслуживающий национальное население округа, в своей основе имеет кудымкарско-иньвенский говор, но характеризующийся тем, что в нем звук *l* имеет тот же вид, что и в коми-зырянском литературном языке, где он чередуется со звуком *v* не начала слова (*вдв* 'лошадь' — *вдӧлӧн* 'лошадью').

До революции книги печатались на обоих (северном и южном) наречиях (1921—1927 гг.); литература, издававшаяся на иньвенском (безэловом) диалекте, была непонятна для представителей северного элового диалекта, кроме того, тормозило изучение русского языка, где есть звук *л*. В связи с этим встал вопрос о пересмотре диалектной основы. Параллельное издание литературы на двух диалектах было сочтено нецелесообразным из-за малочисленности коми-пермяцкого народа. В 1927 г. введено в литературный язык умеренное лэканье в целях сближения двух основных коми-пермяцких наречий. С этого времени литература издается с умеренно эловой орфографией. Таким образом, в литературный язык искусственно было введено фонетическое явление, выражающееся в чередовании *л—в* (*ныв* 'девушка' — *нылӧс* 'девушку').

Удмуртский литературный язык представляет собой своеобразный синтез южной и северной групп говоров.

Диалектная основа его в настоящее время не совсем ясна. Удмуртский литературный язык развивался в течение ряда десятилетий в различной диалектной среде. Все же по своей грамматической структуре и фонетике он стоит ближе к говорам средней полосы Удмуртии, т. е. к говорам, промежуточным между южными и северными наречиями, хотя содержит и элементы тех и других говоров как в лексике, так и в грамматике; например, допустимы формы *валъёсты* (черта северного наречия) и *валъёсыз* (черта южного наречия) 'лошадей' — вин. п. мн. ч., *гуртъёсты* и *гуртъёсыз* 'деревни' — вин. п. мн. ч., формы личных местоимений дат. падежа мн. числа (*милем* и *милемлы* 'нам', *тӧлед* и *тӧледлы* 'вам'); формы глаголов неочевидного прош. времени с лично-притяжательными суффиксами и без них (*тон верам* и *тон верамед* 'ты сказал, оказывается', *соос вераллям* и *соос вераллямзы* 'они ска-

²¹ См.: Т. И. Ж и л и н а, Г. Г. Б а р а к с а н о в. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971 (см. рецензию на эту работу: Т. И. Т е п л я ш и н а — Труды Ин-та ИЯЛИ КФ АН СССР, т. 14. Сыктывкар, 1972, стр. 129—136); Г. Г. Б а р а к с а н о в. Коми литературный язык, история его формирования и диалектная основа. Авт. д. к. Сыктывкар, 1964; О н ж е. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964.

зали, оказывается' и т. п.), возвратные глаголы с суффикс. *-ск* и *-ськ* (*ватскыны* и *ватйськыны* 'спрятаться') и ряд других. В целях дифференциации разных грамматических категорий суффикс исх. падежа взят из северного наречия (*-ысь*), а суффикс причастия — из южного (*-ись*), поскольку на севере оба эти суффикса звучат одинаково *-ысь*, на юге — одинаково *-ись*.

В годы Советской власти неизмеримо расширились социальные функции литературного языка. Издания большого количества учебной литературы, нормативных грамматик и словарей, преподавание в школах на родном языке, выпуск республиканских и районных газет массовым тиражом, публикация оригинальных произведений писателей, классических произведений русской художественной литературы в переводе на удмуртский и коми языки, радио и телепередачи, речь на сцене театров на родном языке — все это содействовало и развитию литературных языков. Издававшаяся с соблюдением определенных правил правописания и произношения учебная литература внедрялась в широкие массы населения, способствовала упорядочению и упрочению норм письма и орфоэпии. В течение 50 лет существования Советской власти опубликовано, например, удмуртским издательством, около 6000 книг, брошюр и т. п. общим тиражом 39 млн. экземпляров.

§ 30. Развитие словарного состава литературных языков. В пермских литературных языках дореволюционного периода не было слов для множества новых понятий, которые раньше не бытовали среди широких масс народа, и в особенности для таких понятий, которые развились только после революции. Диалектная речь, легшая в основу литературных языков, пополняется массой новых слов, словарный состав ее из года в год расширяется, обогащаясь неологизмами.

Русских заимствований в литературных языках пермских народов довольно много: на одну букву *г*, например, охватывающую около 700 слов в каждом из этих языков, набирается свыше 100 слов, взятых из русского языка (*газет* (к. *газета*), *гайка*, *галифе*, *галстук*, *гараж*, *глагол*, к. *гладитны* (у. *гладить карыны*) 'гладить', 'погладить', *государство*, *грамота*, у. *гуйча* (к. *гуца*) 'гуца' и мн. др.).

В советские годы появилось множество новых слов с использованием средств родного языка. Они образованы: а) сложением слов: у. *уждун* 'заработная плата' (досл. 'работы плата'), *ужрад* 'мероприятие' (досл. 'дела порядок'), *кылпум* 'окончание', 'флексия' (досл. 'слова конец'); к. *лыдпас* 'цифра' (досл. 'числа знак'), *кывсикас* 'часть речи' (досл. 'сорт слов'); б) суффиксацией: у. *вер-ос* 'рассказ' < *вераны* 'сказать', 'сообщить', 'рассказать', *пöртэм-лык* 'разнообразие' < *пöртэм* 'различный', 'разнообразный'; к. *быдм-öг* 'растение' < *быдмыны* 'расти'; в) введением в литературный язык диалектизмов, благодаря чему значительно обогатилась синонимика: у. итин. *мумы-бубы*, нч. *айы-мумы*, юж.-у. *анай-атай* 'родители', сев.-у. *огреч*, юж.-у. *кыяр* 'огурец',

сев.-у. *урод*, юж.-у. *алама* 'плохо', 'плохой', сев.-у. *зеп*, юж.-у. *кисы* 'карман', сев.-у. *трос*, юж.-у. *ятыр* 'порядочно', 'много'; скр. *пӧсь*, нв. *пым* 'горячий', нв. *агас*, скр. *пиня* 'борона', нв. *сӧмын*, скр. только 'только', к.-п.: сев.-п. *лы*, юж.-п. *коска* 'кость', сев.-п. *паськыт*, юж.-п. *ота* 'широкий' и др.; г) образованием терминов путем расширения значения слов: у. *йошатскон* 'перегонки', 'соревнование' — 'социалистическое соревнование'; у. *дыр*, к. *кад* 'время', — 'время' (грамм. термин), 'срок', 'пора'; у. *трос*, уно, к.-з. *уна* 'много', *лыд* 'счет', 'количество' — у. *трос лыд*, к.-з. *уна лыд* 'мн. число' (грамм. термин).

Благодаря изменениям в лексике, происшедшим в советскую эпоху и выражающимся в значительном пополнении словарного состава неологизмами и в массовом расширении семантического объема слов, литературные языки пермских народов встали в один ряд с культурными языками.

§ 31. Сведения из истории художественной литературы. Первая публикация (четверостишие) на удмуртском языке появилась в 1769 г., вторая — в 1782 г. По мотивам народных песен Гр. Вережагиным в 1889 г. было составлено первое оригинальное стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке! («Сизый, сизый голубочек!»). Удмуртская художественная литература возникла и развивалась на основе устного народного творчества и на традициях классической русской литературы. Большое значение для становления и развития удмуртской художественной литературы и литературного языка имели «Календари», издаваемые с 1904 г. в Казани, и послереволюционные публикации оригинальных произведений писателей. С конца октября 1918 г. начала выходить большевистская газета «Гудыри» («Гром»), ставшая ареной и трибуной для многих начинающих писателей и поэтов. На страницах этой газеты поднимались вопросы создания единого литературного удмуртского языка. В 20-е и 30-е годы значительное место в художественной литературе занимают рассказы Кузёбая Герда («Мотя», Сарапул, 1920), И. Дядюкова «Пашка Педор» («Федор Павлович», Ижевск, 1925), повесть Кедры Митрея «Вужгурт» («Старая деревня», Ижевск, 1926), роман «Секыт зйбет» («Тяжкое иго», Ижевск, 1929), отражающий картины эксплуатации трудового крестьянства, первый роман о рабочем классе М. А. Коновалова (1905—1939 гг.) «Вурьысо бам» («Лицо со шрамом», Ижевск, 1933), его же исторический роман «Гаян» (Ижевск, 1936), повесть Ф. Кедрова (1909—1911) «Катя» (Ижевск, 1940), в которой созданы выразительные бытовые картины жизни удмуртской деревни накануне революции, социально-психологическая трилогия Гр. Медведева (1904—1938) «Лӧзя бесмен» («Лозинское поле», Ижевск, 1932—1959) и ряд других произведений, появившихся в довоенные годы. В послевоенный период удмуртская литература пополнилась повестью Т. А. Архипова «Лудӟи шур дурын» («У реки Лудзинки», Ижевск, ч. I — 1949, ч. II — 1957), рассказывающей о крутом

подъеме сельского хозяйства республики, историческим романом М. Петрова (1905—1955) «Вуж Мултан» («Старый Мултан», Ижевск, 1954), переведенным на ряд языков, повестью М. А. Лямпина «Шудбур понна» («Во имя счастья», Ижевск, 1950) и др.

Удмуртская литература 60-х годов приобретает большую известность. Произведения удмуртских писателей переведены на 15 языков народов СССР, а также на венгерский и чешский языки. В поэзии громче звучат голоса С. Широбокова (1912), М. Петрова (Покчи Петрова, 1930—1959), Н. Байтерякова (1923); в драматургии видное место занимают пьесы В. Садовникова (1915—1975), И. Гаврилова (1912—1975); в прозе выделился: Г. Красильников (1928—1975) — автор повестей «Вуж юрт» («Старый дом», Ижевск, 1956), «Тонэн кылысько» («Остаюсь с тобой», Ижевск, 1959), романов «Тӧлъяська» («Пустоцвет», Ижевск, 1962), «Арлэн кутсконэз» («Начало года», Ижевск, 1965), в которых автор изображает становление культуры удмуртов и место человека в жизни современного общества, и ряд других произведений²².

Удмуртская литература в настоящее время имеет 16 романов, 38 повестей и около 100 очерков и рассказов.

Писатели Т. А. Архипов и М. Лямпин удостоены звания Народного писателя Удмуртской АССР, Степан Широбоков — Народного поэта Удмуртии.

С 1926 г. издается литературно-художественный и общественно-политический журнал «Кенеш», позже переименованный в «Молот». В настоящее время он выходит тиражом в 15 600 экземпляров.

§ 32. Зарождение литературы на языке коми-зырян связано с именем И. А. Куратова (1839—1875). Как поэт-разночинец, мыслитель, И. А. Куратов развивал свое творчество под влиянием идей русских революционных демократов. Его лучшие произведения — «Моя муза» (1867), «Сны» (1857—1860), «Сибирская дорога». Он перевел на коми язык произведения русских, европейских и среднеазиатских поэтов. После Октябрьской революции зачинателями коми советской литературы явились М. П. Лебедев (1877—1951), В. А. Савин (1888—1943), В. И. Лыткин (Илля Вась, 1895), В. Т. Чисталев (1890—1939), Жугыль (Н. П. Попов, 1901—1974).

В середине 20-х годов появляются первые прозаические произведения писателей старшего поколения (Г. А. Федоров, И. В. Изъюров и др.). В 30-х годах также зазвучали голоса молодых поэтов: В. И. Елькина (1912—1942), А. П. Размыслова (1915—1943), Н. А. Фролова (1909), В. П. Латкина (1907—1942). В 40-х годах выступают на арену поэты С. А. Попов (1912) и И. М. Вавилин (1914), драматурги Н. М. Дьяконов (1914) и С. И. Ермолин (1914—1961).

²² Художественная литература Удмуртской АССР (1957—1965). Библиографический указатель. Ижевск, 1967.

В послевоенные годы печатаются первые романы В. В. Юхнина (1907—1960), Г. А. Федорова (1909), Я. М. Рочева (1909). С 1926 г. издается литературно-художественный и общественно-политический журнал «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). В настоящее время его тираж достигает 7 тыс. экз.²³

§ 33. Формирование коми-пермяцкой советской литературы связано с именами М. П. Лихачева (1901—1945), А. И. Зубова (1889—1945), В. И. Дерябина (1892—1967), Ф. Г. Тараканова (1900). Особенно активно печатал свои произведения М. П. Лихачев, который является автором целого ряда повестей, рассказов, стихов, написанных на прекрасном народном языке, а также большого количества учебников для школ. В формировании норм коми-пермяцкого литературного языка в 20- и 30-е годы значительную роль сыграли А. И. Зубов и Г. А. Нечаев — авторы школьных грамматик.

Формированию коми-пермяцкой литературы способствовали также окружная еженедельная газета «Гöрись» («Пахарь»), переименованная впоследствии в «Ленин туй вылёт» («По ленинскому пути») и организация коми-пермяцкой секции в 1927 г. при Центральном издательстве народов СССР. В результате работы последней появились первые книги и журналы на комп-пермяцком языке. В настоящее время коми-пермяцкая литература получила широкое развитие. Старейшими литераторами являются С. И. Караваев и Н. В. Попов. К более молодым относятся: М. Вавилин, В. Климов, И. Минин, В. Баталов, С. Можаяев и другие авторы стихов, поэм, пьес, повестей и рассказов. Издается альманах «Иньва». В округе ныне работает 5 профессиональных литераторов, членов Союза писателей СССР.

§ 34. И з и с т о р и я и с с л е д о в а н и я п е р м с к и х я з ы к о в. Начало изучения пермских языков связано с деятельностью А. М. Шёгрена (1794—1855), первого русского академика финно-угроведа, и его современника, знаменитого исследователя северных и восточных языков, М. А. Кастрена, а также Ф. И. Видемана, преемника акад. Шёгрена по Академии наук.

В истории изучения пермских языков особое место принадлежит Г. С. Лыткину (1835—1906), создавшему большой труд (Г. С. Л ы т к и н. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889, около 50 п. л.), в котором содержится ряд исторических и лингвистических сведений, не потерявших своей значимости до сего времени. Г. С. Лыткин является автором первого сравнительного словаря пермских языков. Большую историческую ценность имеет его полный русско-зырянский словарь, изданный после смерти автора (Г. С. Л ы т

²³ Для написания коми материала мы использовали труды: «Очерки истории коми литературы». Сыктывкар, 1958; «Писатели Коми АССР». Сыктывкар, 1961; А. А. В е ж е в и А. К. М и к у ш е в. Коми литература. — КЛЭ, т. 3, стр. 686—687; В. В. П а х о р у к о в а. Зарождение и развитие коми-пермяцкой прозы. Авт. д. к. М., 1974.

к и н. Русско-зырянский словарь. Составлен по рукописному словарю Н. П. Попова. Л., 1907—1931, 300 стр.).

С 1890 г. по 1896 г. в Будапеште отдельными частями стал публиковать свой удмуртско-венгерско-немецкий словарь Б. Мункачи (B. M u n k á c s i. A votjak nyelv szótára. Budapest, 1896), охватывающий около 90 тыс. слов. Собранные им материалы по устному народному творчеству удмуртов от военнопленных периода первой мировой войны, находящихся в Венгрии, после его смерти были обработаны, отредактированы и изданы под названием «Удмуртские народные обычаи и народная поэзия» Д. Р. Фуксом (B. M u n k á c s i, Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952), в котором даён богатый материал по различным удмуртским диалектам.

Издательством Казанского университета в 1897 г. был опубликован также «Краткий славяно-вотский словарь», содержащий свыше 800 слов. В дореволюционный период небольшие удмуртско-русские и русско-удмуртские словари издавались также в качестве приложения к учебным пособиям.

Систематическое исследование всех пермских языков началось после Октябрьской революции, в особенности после образования национальных административных единиц.

В связи с обучением в школах на родном языке возникла необходимость в создании учебников, разработке терминологии, унификации норм литературного языка. Встали вопросы языкового строительства. Организуются совещания и конференции в целях упорядочения графических и орфографических норм литературных языков (у удмуртов в 1920, 1937, 1947 гг.; у коми — в 1929, 1934, 1952, 1960 гг.).

В 1934 г. удмуртские языковеды составили усовершенствованный проект правил правописания, а через два года С. П. Жуikovым издается первый орфографический словарь удмуртского языка. В 1954 г. вышел новый проект правил удмуртского правописания с комментированием спорных разделов и тем. В дополнение к этим правилам в 1959 г. издается новый удмуртский орфографический словарь (И. В. Тараканов, А. С. Белов).

Об исследовании словарного состава пермских языков см. § 105.

По удмуртской лексике защищены две кандидатские диссертации (В. М. В а х р у ш е в. Общественно-политическая лексика в удмуртском языке. Авт. д. к. М., 1955; С. В. С о к о л о в. Названия птиц в удмуртском языке. Авт. д. к. Тарту, 1973).

Анализ фонетической и грамматической структуры удмуртского языка дан в книге П. Глезденева «Краткая грамматика языка народа удмурт» (Вятка, 1921). Спустя три года Г. Верещагин выпускает «Руководство к изучению вотского языка» (Вятка, 1924). Историческому изучению подвергается удмуртский язык в «Грамматике вотяцкого языка» (Л., 1927) А. И. Емельянова.

Через два года вышло в свет исследование К. М. Баушева «Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка» (М.—Л., 1929). Был подготовлен и опубликован сборник с материалами лингвистической конференции 1937 г. (Ижевск, 1937, 1938); в 1939 г. была издана работа П. П. Перевощикова «Сложно-подчиненные предложения в удмуртском языке» (Ижевск, 1939). В 1959 г. печатаются в Ижевске сборник «Вопросы удмуртского языкознания» В. И. Алатырева, «Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке» П. П. Перевощикова; в 1962 г. выходит из печати «Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология» (под ред. П. П. Перевощикова и др. Ижевск); в 1970 г. — «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения» (под ред. В. И. Алатырева. Ижевск); в 1973 г. — «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения» (под ред. В. М. Вахрушева и Л. И. Калининной. Ижевск).

Отдельные вопросы удмуртского языкознания освещаются на страницах «Записок УдНИИ».

§ 35. Первой теоретической работой по удмуртским диалектам является статья Ф. П. Видемана (F. I. W i e d e m a n n. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache. «Mélanges russes tires du Bulletin Historico-philologique de l'Academie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg», t. III, 1858). Свой труд он написал на основе анализа переводов религиозных текстов: рукописных переводов евангелий и словарей, составленных на материале различных удмуртских диалектов. Предпринимались и специальные поездки ученых в районы расселения пермских народов, например, к удмуртам приезжали Т. Аминофф (1878), Б. Мункачи (1885) и Ю. Вихман (1891), к коми-зырянам — А. Кастрен (в середине XIX в.), Ю. Вихман (1901) и Д. Фукс (1911). Однако планомерное исследование началось после Октябрьской революции. В 1919 г. появляется удмуртско-русский словарь глазовского наречия (В. Д. К р ы л о в. Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков. Вятка, 1919). Через год П. В. Яковлев выпускает сравнительный словарь удмуртских диалектов (П. В. Я к о в л е в. Удмуртсьёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон сямзэс валэктійсь книга. Казань, 1920).

Первая диалектологическая экспедиция, организованная Удмуртским ОблОНО, была проведена в 1929 г. под руководством Д. В. Бубриха (материалы этой экспедиции не обработаны, хранятся в рукописном фонде Библиотеки УдНИИ). В 1930 г. проводилась вторая комплексная экспедиция по изучению диалектов, фольклора, топонимии и этнографии удмуртов под руководством П. Я. Марра. Большая часть материалов этой поездки также содержится в Рукописном отделе Библиотеки УдНИИ.

Используя словари, изданные до этого, и имеющиеся некоторые другие материалы, известный деятель удмуртского народа Т. К. Борисов составил словарь, назвав его толковым (Т. К. Б о

р и с о в. Удмурт кыллюкам (Толковый удмуртско-русский словарь). Ижевск, 1932. Этот труд фактически является сравнительным словарем удмуртских диалектов: почти при каждом слове указывается принадлежность его к тому или иному говору. С. П. Жуйковым составлена первая диалектологическая карта (С. П. Ж у й к о в. Диалектологическая карта удмуртского языка. Свердловск, 1935).

С 1959 г. сбор диалектологических материалов стали проводить по программе, составленной В. И. Лыткиным и Т. И. Тепляшиной. Эта же программа в дополненном и переработанном виде издана в 1966 г. (Т. И. Т е п л я ш и н а. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах. М., 1966). В настоящее время по удмуртской диалектологии работают И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, С. К. Бушмакин, Р. Ш. Насбуллин и нек. др.

По удмуртским диалектам написано пять кандидатских диссертаций: по итинскому (тыловайскому) говору — Т. И. Тепляшиной (Т. И. Т е п л я ш и н а. Тыловайский диалект удмуртского языка. М., 1955); по припикскому (бавлинскому) — И. В. Таракановым (И. В. Т а р а к а н о в. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Тарту, 1959), по одному из завятских диалектов — кукморскому — В. К. Кельмаковым (В. К. К е л ь м а к о в. Кукморский диалект удмуртского языка. М., 1969), по средневосточным — С. К. Бушмакиным (С. К. Б у ш м а к и н. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. М. — Ижевск, 1971), по закамским — Р. Ш. Насибуллиным (Р. Ш. Н а с и б у л л и н. Закамские говоры удмуртского языка. М., 1973).

Имеются также обстоятельные работы по коми-зырянской диалектологии — «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (ССКЗД), «Syrijänisches Wörterbuch Д. Фокоша (D. Fokos), словарь Вихмана-Уотилы (Wichmann-Uotila). Не потерял значения «Коми-русский словарь» Н. А. Шахова (Сыктывкар, 1924).

В 1928 г. при Обществе изучения Коми края была организована комиссия по собиранию словаря и изучению коми диалектов, которая в течение 1928—1932 гг. предприняла несколько поездок в районы расселения коми диалектов, в результате чего исследован ряд говоров. Предварительно был составлен «Вопросник для собирания сведений о коми говорах». Дальнейшее изучение коми диалектов было продолжено после Великой Отечественной войны под руководством Коми филиала Академии наук СССР.

Продолжается плодотворное исследование диалектов коми зырянского наречия и литературного языка (В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова и Е. С. Гуляев. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1969; Т. И. Ж и л и н а, Г. Г. Б а р а к с а н о в. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971; «Образцы коми-зырянской речи». Под ред. Д. А. Тимушева. Сыктывкар, 1971, и др.).

Изучение коми-пермяцких диалектов в послевоенный период (1948—1953 гг.) продолжает В. И. Лыткин. Так, им были изучены нижнеиньвенский и косинский говоры²⁴. Описанию одного из иньвенских говоров коми-пермяцкого языка посвящена кандидатская диссертация А. С. Гантман-Кривошековой (А. С. Г а н т м а н - К р и в о ш е к о в а. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. Авт. д. к. Л., 1951). Оньковский диалект монографически исследован Р. М. Баталовой (Р. М. Б а т а л о в а. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Авт. д. к. М., 1962). Ею же составлена и программа по собиранию сведений о коми-пермяцких диалектах (Р. М. Б а т а л о в а. Краткая программа по собиранию сведений о коми-пермяцких диалектах. М., 1966). Для сравнительного изучения диалектов пермских языков ценным пособием являются работы Т. Уотилы (SyrjChr) и В. И. Лыткина. («Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам», ч. I. М., 1955).

§ 36. Прделана большая работа по исследованию памятников письменности и сравнительно-историческому изучению пермских языков (Лытк. Ист. грамм.; Сереб. Ист. перм.; Лытк. ДЯ; Тепл. Бес., Wichm. WotjChr).

Разработку отдельных проблем пермских языков посвящен ряд трудов зарубежных лингвистов, например, финских ученых Ю. Вихмана (Y. W i c h m a n n. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf Syrjänischen. Helsinki, 1897), Яло Калимы (J. K a l i m a. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1914), Ю. Тойвонена (Y. H. T o i v o n e n. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjakischen. Helsinki, 1956), Ю. Вихмана (Wichm. Tschuw.), Г. Уотилы (Uot. Kons.), Эрки Итконена (Itk. ZurGesch.), венгерских исследователей К. Редеи (RédeiPost; K. R é d e i. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1969), Д. Р. Фокоша-Фукса (D. R. F o k o s - F u c h s. Aus dem Gebiete der Lehnbeziehungen — ALH, 211—289). О других трудах по пермским языкам Ю. Вихмана, Я. Калимы, Д. Фокоша-Фукса, К. Редеи, а также о работах М. Кёвеши, Г. Стишы и В. Шлахтера см. «Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, § 59, 64, 79, 81, 84.

§ 37. В настоящее время исследование пермских языков сосредоточено в Институте языкознания АН СССР (Б. А. Серебренников, В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина, Р. М. Баталова), Удмуртском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Удмуртской АССР, основанном в 1931 г. в г. Ижевске (П. Н. Перевощиков, В. И. Алатырев, В. М. Вахрушев и др.), Удмуртском государственном университете, образованном в 1972 г. на базе бывшего

²⁴ В. И. Лыткин — ВЯ, 1957, № 5.

Педагогического института, основанного в 1931 г. (А. А. Поздеева, И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков), Коми филиале АН СССР, в котором основное внимание обращено на изучение коми диалектов (Г. Г. Бараксанов, Е. С. Гуляев, Н. П. Сельков, М. А. Сахарова, Н. А. Колегова, В. А. Сорвачева, Т. И. Жилина (Фролова)²⁵.

Научно-исследовательская работа ведется в Пермском государственном пединституте (А. С. Гантман-Кривошекова), в Коми пединституте, Сыктывкарском университете (Е. А. Игушев), Институте языка и литературы Эстонской АН СССР (А. И. Туркин, А.-Р. Хаузенберг).

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 38. Фонемный состав всех трех пермских литературных языков един — 7 гласных и 26 согласных фонем. По своим артикуляционно-акустическим признакам они почти тождественны.

ГЛАСНЫЕ

§ 39. К л а с с и ф и к а ц и я г л а с н ы х ф о н е м.

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	и [i]	ы [ɨ]	у [u]
Средний подъем	э [e]	ö [ɛ]	о [o]
Нижний подъем		а [a]	

ö [ɛ] — гласный среднего ряда среднего подъема полного образования, близкий по звучанию английскому э в слове *girl* [gɜ:l] и русскому редуцированному в слове *город* [górət]; ы [ɨ] — более заднего образования, чем русское ы; кроме отмеченных в таблице гласных фонем литературных языков, в завятских и верхнетанышских говорах удмуртского языка и коми-язьвинском, встречается лабиализованный гласный среднего ряда верхнего подъема ъ, в верхнесольском коми-зырянском диалекте имеется закрытый звук ɔ; в языке бесермян отсутствует гласный среднего ряда среднего подъема е (лит. ö); в ряде диалектов пермских языков отдельные фонемы произносятся иначе, чем в литературном языке: в завятских, приискском, верхнетанышском говорах удмуртского языка, коми-язьвинском, восточно-вычегодском коми-зырянского языка гласный ö произносится лабиализованно [ó], литературный ы [ɨ]

²⁵ О работе пермистов последнего времени см.: В. И. Лыткин. Финно-угроведение в Институте языкознания Академии наук СССР. М., 1970; «На земле удмуртской». Ижевск, 1970; «Коми филиал Академии наук СССР». Сыктывкар, 1969.

в завятских, припкском, бесермянском и нижеижевском диалектах удмуртского языка звучит как заднерядный гласный среднего подъема [ə], а в вишерском и восточно-вычегодском говорах коми-зырянского языка — как слегка огубленный гласный [ū].

§ 40. Вокализм первого слога. В прапермском языке предполагается 12 фонем: *i, u, ï, õ, ę, ǫ, ǫ̇, e, o, ó, ε(?ε°), а(?а°)*.

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	i	ï	u
Верхне-средний подъем	õ, ę	ǫ̇	ǫ
Средний подъем	e	ó	o
Нижний подъем	ε (?ε°)		а (?а°)

Уменьшение количества гласных фонем в современных литературных языках и большинства диалектов произошло за счет исчезновения гласных верхне-среднего подъема (*õ, ę, ǫ̇, ǫ*)²⁶ и слияния *ε* с *e*²⁷. В языке древнекоми письмена были еще *ǫ* и *ę*, которые обозначались особыми буквами; реликты фонемы *ǫ* сохранились в верхнесыольском говоре; *ǫ̇* — в коми-изъявском диалекте и в верхнетаныпском, завятских и припкском говорах удмуртского языка; в современных говорах *ε* и *e* выступают как варианты одной фонемы; возможно, звук *ε* имелся в древнекоми языке, но обозначался той же буквой, что и гласный *а*²⁸. Не исключено, что в древнекоми языке существовали также фонемы *ó* и *ǫ̇*, но не имели специального буквенного обозначения (они отмечались буквой *ǫ*)²⁹. Таким образом, в древнекоми языке (XIV—XV вв.) могли сохраниться все гласные прапермского языка, но особые буквы имелись только для следующих гласных: *а, e, ę, i, o, ǫ, ï (< *ï), u*; гласный *ó* систематически обозначался той же буквой, что и *o*; остальные гласные (*õ, ǫ̇, ε*), не получившие особого буквенного обозначения и встречающиеся в единичных примерах древнекоми текста, воспроизводятся для языка стефановских писем косвенным путем.

§ 41. Различия между прапермским вокализмом и прафинно-угорской системой гласных весьма существенны. В финно-угорском языке существовало противопоставление гласных фонем: а) по длительности (долгие и краткие — у Э. Итконена, краткие и редуцированные — у В. Штейница); б) по переднерядности и заднерядности (*ä—а, ï—и* и т. д.), в нем не было гласных среднего ряда *ï, õ, ó*; в) по подъему: нижнего подъема (*а, ä*), среднего (*о, õ, e, ę*) и верхнего (*и, ï, ï, i, î*, см. Ф. § 58). Существуют и другие мнения о прафинно-угорском вокализме (см. Ф. § 55).

²⁶ Эти звуки в разных пермских языках перешли в различные гласные. См.: Лытк. Ист. вок. 231—233.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же 154, 157.

²⁹ Там же, 151.

Из этой системы гласных закономерно развился прапермский вокализм, при этом — по мнению Э. Итконена — произошли следующие изменения: а) утратились долгие гласные, б) появились гласные верхнесреднего подъема (\ddot{o} , \ddot{e} , \ddot{q} , \ddot{r}), т. е. вместо трех ступеней подъема финно-угорского праязыка в прапермском языке образовались четыре ступени; в) возникли гласные среднего ряда (\ddot{i} , \ddot{q} , \ddot{o})³⁰.

Эти изменения в вокализме привели к тому, что в прапермском языке выработалась особая система гласных фонем, отличающаяся от вокализма предшествующего периода. В некоторых случаях можно установить преемственность прапермских гласных с прафинно-угорскими, например, прафинно-угорские гласные нижнего подъема в прапермском языке сохранились в тех случаях, когда они не подвергались процессу сужения гласных первого слога; гласные верхнего подъема, как правило, существенно не изменились (не переходили в другую категорию гласных по подъему); больших изменений не произошло также в составе веларных (заднерядных) и палатальных (переднерядных) гласных и т. д. Однако в проблеме формирования прапермского вокализма на базе прафинно-угорского много еще неясного. Не случайно существуют различные теории для объяснения того или иного прапермского гласного (см., например, о сужении гласных, Ф. § 76).

§ 42. Некоторые гласные прапермского языка в современных литературных языках и во многих диалектах утратились, слившись с другими звуками (ϵ , ϵ ; \ddot{q} , \ddot{q} , \ddot{q}), некоторые изменили свое качество, например прапермские лабиальные $*\ddot{o}$ и $*\ddot{i}$.

Делабиализация прапермского $*\ddot{o} > \epsilon$ произошла как в литературных языках, так и в большинстве диалектов пермских языков. Однако, в окраинных диалектах лабиализованный гласный \ddot{o} сохранился (в вишерском и восточно-вычегодском говорах коми языка, коми-язвинском; в верхнетаныпском, прикском и завятских говорах удмуртского языка. В других финно-угорских языках гласному \ddot{o} [e] пермских языков часто соответствует лабиализованный гласный, например: $*\ddot{k}\ddot{o}l > \text{у. кал, к. кӧл-}$ 'веревка', ср. ф. $k\ddot{o}yte-$; $*\ddot{v}\ddot{o}l > \text{у. вал, к. вӧл-}$ 'лошадь', ср. мр. $v\ddot{u}'l\ddot{o}$ и др. Лабиализованный гласный $*\ddot{i}$ прапермского языка сохранился в южно-удмуртских (завятских, прикских и частично, закамских) говорах, а также в вишерском и восточно-вычегодском говорах коми-зырянского языка. В других финно-угорских языках этому гласному соответствуют $и$ и \ddot{i} , т. е. также огубленный гласный, например: $*\ddot{b}\ddot{u}\ddot{s}k- > \text{у. бышк-, к. бытшк-, виш. b\ddot{u}\ddot{s}k-}$ 'колоть', ср. ф. $puhjeta$; $*\ddot{v}\ddot{u}l- > \text{у. вьл, виш. v\ddot{u}l}$ 'верх', ср. ф. yli ; $*g\ddot{u}\ddot{z}- > \text{у. гижь, к. гьж, виш. g\ddot{u}\ddot{z}$ 'коготь', 'ноготь', ср. ф. $kynsi$ и др.

На месте прапермского гласного $*\ddot{i}$ в литературных языках и в большинстве диалектов современных пермских языков произно-

³⁰ Впрочем, Э. Итконен для раннего прапермского периода предполагает наличие долгих гласных (\ddot{q} , \ddot{q} , \ddot{i}), см. — ВЯ, 1967, № 1, стр. 143.

сится *ы* [i]. В завятских, припских, нижнеижских и глазовском говорах удмуртского языка и в коми-изьявинском диалекте вместо **й* под влиянием тюркских языков появился гласный среднезаднего ряда среднего подъема *ө*: *кытын*, диал. *keŋ* 'где' и т. п.

§ 43. Вокализм непервого слога. В непервом слоге финно-угорского праязыка мог стоять только краткий нелабиализованный гласный: в одних определенных морфемах (корневых или суффиксальных) был широкий гласный *a* [ä], а в других — узкий *e* (см. Ф. § 95). Примерно такое же состояние вокализма было в прапермском языке: нелабиализованные широкие гласные **a*, **ε* и узкий **ĭ*. Вокализм непервого слога праязыка хорошо сохранился в верхневычегодском диалекте коми языка, где употребляются только следующие три гласные: *ε*, *a*, *ĭ*. Праязыковый гласный *ε* (орф. э) сохранился также в удмуртском языке и ижемском диалекте коми языка, в остальных диалектах пермских языков он перешел в *e* или *e*, например, у. *miŋe* 'идет', вв., иж. *miŋε*, к.-я. *miŋe*; остальные коми диалекты *miŋe*. После исчезновения *ε* как фонемы он стал мыслиться как вариант фонемы *e*.

Гласный *a* сохранился во всех коми диалектах, в удмуртском языке он перешел в *o*, например: у. *miŋo* < **miŋa* 'пойду'. Из **ĭ* развились *ĭ* и *i* (по диалектам, или в одном диалекте при различном фонетическом положении), например: прап. **kaŋin* 'в городе' > у. диал. *kaŋin*, вв. *kaŋin*, сус., нв. скр. *kaŋin*; прап. **ŋaŋis* 'его хлеб' > сус. скр. *ŋaŋis*, нв. *ŋaŋis*.

Гласные *ĭ* и *e* (на месте прапермских **ĭ* и **ε*) могли появиться в определенных пермских диалектах только тогда, когда *ĭ* и *o* делабиализовались (*ĭ* > *i*, *o* > *e*)

Лабиализованные гласные встречались только в первом слоге слова, в непервом слоге они не употреблялись. В архаических верхневычегодских говорах (например, в вишерском и восточно-вычегодском) и теперь нет делабиализованных *ĭ* и *e*, в них имеются праязыковые лабиализованные *ĭ* и *o*, употребляющиеся только в первом слоге (*šur* 'мышь', *mōs* 'корова'). В непервом слоге современных диалектов пермских языков иногда встречаются лабиализованные гласные, но они позднего происхождения (к. *burŋun* 'доброта', суфф. *-ŋun* образовался от самостоятельного слова *ŋun* 'день' и др.³¹

Что касается двух типов древних основ, то они, как правило, в прапермском языке уже слились в одно целое в процессе формирования единой парадигмы словоизменения и словообразования: например, слова *viŋ* 'кровь', относящееся к финно-угорской основе с узким гласным (ф. *vsge-*), и *kič* 'петля', относящееся к основе с широким гласным, имеют надежные суффиксы с единой огласовкой (у., вв. *viŋen* 'кровью' и у., вв. *kičen* 'петлей' — в этих словах *ε* некогда был конечным звуком основы)³². В пермских язы-

³¹ См. подробно об этом: В. И. Лыткин — MSFOu. № 150, стр. 205.

³² См. подробнее: В. И. Лыткин — СФУ VI 221—237.

жах сохранились лишь отдельные рефлексy от этих финно-угорских двух основ (см. Ф. § 98—106)³³.

§ 44. Ударение в пермском языке-основе, как и в прафинно-угорском, было, по-видимому, свободным. В пермских языках различия между ударным и безударным гласными выражены значительно меньше, чем, например, в русском языке.

Удмуртское ударение основано на длительности ударного гласного: гласный под ударением намного длиннее безударного гласного того же качества³⁴. Как правило, ударение падает на последний слог слова: *корка* 'дом', 'изба', *кышно* 'жена', *вакчи* 'короткий'.

Исключения:

1) ударение падает на первый слог слова а) в форме повелительного наклонения (*пукты* 'поставь', *дышетскы* 'учись', *кошке* 'уходите', 'уйдите'); б) в сложных прилагательных и наречиях, состоящих из парных слов (*юг-юг* 'светлым светло', *горд-горд* 'красным-красно'); в) отрицательных формах изъявительного наклонения (*уг мыны* 'не идет', *уд ва-ла* 'не поймешь', 'не разберешь', *уз учке* 'не посмотрят');

2) двоякое ударение на себе имеют: а) местоимения с основой *вань* (*ваньмыз* ~ *ваньмыз* 'все', *ваньмы* ~ *ваньмы* 'мы все', *ваньды* ~ *ваньды* 'все вы', *ваньзы* ~ *ваньзы* 'все они'); б) двусложные наречия времени с суфф. -*быт* (*лумбыт* ~ *лумбыт* 'в течение дня', 'целый день', *толбыт* ~ *толбыт* 'в течение всей зимы', 'всю зиму');

3) ударение падает на предпоследний слог слова в порядковых числительных: *кыкетй* 'второй', *витетй* 'пятый', *дасэтй* 'десятый' и т. п.

В коми-зырянском языке ударение не строго фиксированное, оно не имеет смыслоразличительной функции, ср.: *мунасны* ~ *мунасны* ~ *мунасны* 'пойдут', *көкйамыс* ~ *көкйамыс* ~ *көкйамыс* 'восемь'; однако имеется определенная тенденция ставить ударение на первый слог.

В коми-пермяцком ударение осново-разноместное, т. е. место ударения зависит от типа морфемы основы: одни морфемы всегда безударны, другие ударны, третьи перетягивают ударение или на себя, или на предшествующий слог; ударение занимает вполне определенное место, т. е. оно морфологизировано³⁵. Словоизменительные суффиксы обычно безударны.

В прилагательных ударение, как правило, падает на первый слог, в глаголах на первый слог, если нет словообразовательного суффикса, имеющего свою огласовку — в противном случае с первого слога оно переносится на суффикс (однако есть суффиксы,

³³ Раздел «Фонетика» изложен в крайне сжатом виде, так как многие вопросы звуковой системы пермских языков нашли отражение в главе «Фонетика» в первой книге (М., 1974).

³⁴ Гр. удм. 49.

³⁵ В. И. Лыткин — Stein. Fest. 257.

на которые не переносится ударение, например *-ысьт* с уменьшительным значением). В диалектах наблюдается совершенно особая система ударения; как и в коми-язьвинском диалекте, в нижнеиньвенском ударение качественно-вокальное, т. е. место ударения в нем зависит от качества гласного первого слога: ударение падает на первый слог, если в его составе имеются гласные *о, е, а, ё*, ударение падает не на первый слог, если в нем стоят гласные *и, у, ы*, ср.: *шо'нди* 'солнце' — *тури* 'журавль', *че'ри* 'рыба' — *кизь'ор* 'жидкий', *п'о'им* 'зола' — *гыр'дза* 'локоть' и т. п.

Итак, по месту ударения современные пермские языки отличаются друг от друга: в удмуртском языке ударение обычно падает на последний слог, в коми-зырянском оно имеет тенденцию падать на первый слог, в коми-пермяцком — квалифицируется как осново-разноместное, а в коми-язьвинском диалекте — качественно-вокальное. Формирование разных типов ударения в пермских языках — сравнительно позднее явление.

СОГЛАСНЫЕ

§ 45. Классификация согласных фонем.

		Губные		Переднеязычные		Переднеязычные (палатальные)	Среднеязычные	Заднеязычные
		губно-губные	губно-зубные	зубно-дorzаль-ные	альвео-лярно-капачи-нальные			
Шумные	взрывные	глухие звонкие	п [p] б [b]	т [t] д [d]		ть [t'] дь [d']		к [k] г [g]
	фрикативные	глухие звонкие		с [s] з [z]	ш [š] ж [ž]	сь [š'] зь [ž']	й [j]	
	аффрикаты	глухие звонкие			у. ч к. тш [č] у. ж к. дж [č']	ч [č'] у. ж к. дж [č']		
Сонорные	смычно-проходные	носовые боковые	м [m]	н [n] л [l]		нь [ń] ль [l']		
	вibrанты				р [r]			

Примечания к таблице: 1) кроме перечисленных, в новых русских заимствованиях встречаются согласные *ϕ* [f], *x* [x], *ç* [ç] и др.; 2) при произношении палатальных согласных препятствие образуется спинной языком и твердым небом — этим и отличаются они, например, от русских палатализованных согласных; 3) мягкие шипящие аффрикаты литературного языка *ç* [ç'], *ž* [ž'] в нижнечепецких удмуртских говорах и коми-ижемском диалекте звучат как свистящие *ç* [ç'], *ž* [ž'] (дз [d'z']); 4) фонема *л* [l] отсутствует в иньвенском диалекте (кроме оньковского) коми-пермяцкого языка; не встречаются аффрикаты *жс*, *чс*, *жш* и частично мягкая *ч* [ç'] в бесермянском и завятских говорах удмуртского языка (см. § 9, 10); 5) в южноудмуртских диалектах имеется носовая фонема *ŋ*: баг, лит. бам 'лицо', аҗ, лит. ам 'челюсть', žiŋi (~žoŋo), лит. *жыны* 'половина', баҗа, лит. *җана* 'галка' (птица). Своей шепелявостью артикуляционно несколько отличаются от удмуртских коми мягкие свистящие *сь* [s̥] и *зь* [z̥] большей примесью шепелявости, чем удмуртские соответственные звуки.

§ 46. Почти во всех диалектах пермских языков встречаются согласные, восходящие к финно-угорскому языку-основе: аффрикаты *č*, *č'*, мягкие согласные *š*, *t'*, *ń*, *l'*, взрывные *p*, *t*, *k*, фрикативные *s*, *š*, *j*, *v* < **w* и сонорные *m*, *n*, *l*, *r*³⁶. В прапермский период протекал процесс озвончения всех финно-угорских глухих согласных, в результате чего появилось девять ранее не существовавших фонем: *b*, *d*, *d'*, *g*, *z*, *ž*, *ž'*, *ž*, *ž'*; соответствующие пары по глухости в определенных позициях сохранились (см. Ф. § 22—24). Одной из причин озвончения явилась деназализация финно-угорских сочетаний *-mp*, *-mnt*, *-ŋk*, *-nt*, *-nč*, *-nć*, сопровождавшаяся озвончением второго компонента этих сочетаний (см. Ф. § 34, 35, 44).

Отпадение *-m* и *-k* в абсолютном конце слова связано с утратой конечных гласных (см. Ф. § 109, 110). Еще в прапермскую эпоху конечное *-m* отпало, передав свою грамматическую функцию предшествующему гласному звуку, входившему раньше в состав предыдущей морфемы. Этот процесс отразился на суффиксах: а) вин. падежа: у. *монэ*, к. *менö* (< **mɛnɛm*) 'меня'; у. *тонэ*, к. *тэнö* (< **tɛnɛm*) 'тебя'; у. *пидэ*, к. *питö* (< **pitɛm*) 'твоего сына'; б) 1-го лица ед. числа глаголов наст., буд. и прош. очевидного времени: у. *мыно* 'пойду', к. *муна* 'иду' (< **mɛnam*); у. *мынй*, к. *мунй* (< **mɛnim*) 'я шел'; в языке памятников древнекоми письменности суфф. *-m* еще сохранился: *kjlam* 'слышу', *eskam* 'верую', *adž'im* 'я увидел'.

Сохранение исконного *-m* в древнекоми языке, по-видимому, нужно объяснить морфологическими причинами; он был необходим для разграничения формы а) 1-го лица от формы 3-го лица глагола ед. числа (в 3-м лице глагол часто употреблялся без *-s*): *пыйши* 'я убежал' и *пыйши* 'он убежал', ср. др.-п. *pišji* 'он убежал'; б) 1-го лица ед. числа притяжательного склонения в им. падеже: у. *коркае*, к.-з. диал. *kerkae*, к.-п. *керкуö* (< **kerka(ɛ)m*) 'мой дом'; суфф. *-m* в им. падеже сохраняется лишь

³⁶ Не сохранились финно-угорские *δ*, *δ'* и геминаты *tt*, *pp*, *kk*.

в летском диалекте коми языка, например: *peč'ijm* 'моя бабушка', *tužikijm* 'мой муж'.

Отпадение конечного -к наблюдается в суффиксах а) вступ. (входного) падежа: у. *каре*, к.-з. *карё* (<*karək) 'в город'; у. *четверге*, к. *четьверкё* (<*č'et'vergek) 'в четверг'; суфф. -к, вероятно, сохранился в наречных образованиях: у. *соку*, к.-з. *сэки*, *сэк* 'тогда'; у. *аскы*, к. *аски* 'завтра' (корнем первого слова является -сэ-, со-, ср. также: к. *сэн* 'там', *сэсь* 'оттуда'), а корнем второго слова — *ас-* (ср. к. *асыв* 'утро', 'восточный', *асъя* 'утренний'); суфф. -к хорошо сохранился в других финно-угорских языках (см. М. §71—74), б) дат. падежа: у. *валлы*, к. *вöвлы* (<*vollək 'лошади'). Суфф. -к сохранился также в некоторых послелогох и наречиях марийского языка; в) 1- 2- и 3-го лица мн. числа глагола наст. и прош. времени: у. *мыномы*, к.-з. диал. *типате*, к.-п. *мунамö* (<*miznamək) 'пойдем', у. *мыниймы*, к.-з. диал. *тините*, к.-п. *мунимö* (<*munimək) 'мы шли'; суфф. -к, являющийся показателем мн. числа, сохранился в других финно-угорских языках (см. М. § 25).

Озвончение глухих согласных в начале слова. В финно-угорском языке-основе в начале слова встречались только глухие шумные: *k, t, p, s, š, š', č, č'* (см. Ф. § 22—24). Озвончение глухих началось, вероятно, еще в прапермский период и продолжалось длительное время. Однако имеются факты, свидетельствующие, что процесс озвончения прекратился до отделения коми языка от удмуртского. Озвончение, видимо, происходило под влиянием сонорных следующего слога, но протекало непоследовательно. Так, в иранских заимствованиях прапермского периода (или более раннего времени самостоятельной жизни пермских языков) начальные согласные в отношении глухости и звонкости не претерпели изменения, ср. у. *парсь*, к. *порсь* 'свинья', у. *корт*, к. *кóрт* 'железо' и др., в оригинале которых стоит глухой согласный; у. *дуры*, к. *дар* 'уполовник', *дас* 'десять' и некоторые другие, в иранском оригинале находим звонкий согласный (см. Ф. § 22). Возможно, воздействие иранских языков на пермские также явилось одним из факторов появления звонких согласных в прапермском, а также в отдельных впоследствии языках.

§ 47. В сочетаниях -mp-, -nt-, -nč-, -nč'-, -nk- на пермской почве носовой согласный (*n, m* или *ŋ*) исчез, а второй компонент сочетания озвончился (см. Ф. § 34, 44). Этот процесс деназализации протекал в течение прапермского периода, что подтверждается разными факторами. В результате действия закона деназализации изменению подверглись: а) все финно-угорские слова, восходящие к допермскому периоду (у. *зйбыны* 'давить, прижать', к. *зйб* 'шест', ср. ф. *sonpa*; *гид* 'хлев', ср. ф. *kenttä*; у. *выжыны* к. *вуджны* 'перейти', ср. мр. *vončaš* и т. д.; б) иранские заимствования, попавшие в пермские языки не позднее прапермского периода (рад-: у. *падвож*, к.-з. *падвезж* 'перекресток' < иран.

ср. новоперс. *rand*; у. *вугы*, к. *вуг* 'дужка (ведра)', 'скоба (двери)' < иран., ср. санскр. *vaṛka-*; в) древнечувашские заимствования прапермского периода (у. *куды*, к. *куд* 'лукошко' < **kundī*; у. *губи* к. *гоб* 'гриб' < **k̄iṃpa*).

Процесс деназализации прекратился вскоре после отделения коми от удмуртов, поэтому заимствования, попавшие в удмуртский и коми языки в период обособленной их жизни, не пережили этого процесса (у. диал. *kandel'em* 'свидетель' < чув. *kündelän*; уд. *karandj̄s* 'ушат', 'кадка' < вен. *karandez*. Поздним иранским заимствованием следует считать у. *андан* 'сталь' (ср. осет. *andan*), хотя и ему имеется соответствие в коми языке — *емдон*, изменившееся под влиянием народной этимологии (к. *ем* 'иголка', *дон* 'раскаленный'); однако возможно, что оно первоначально заимствовано удмуртами и передано носителям коми языка.

§ 48. В отдельных языках и диалектах пермских языков произошли изменения в консонантизме:

1) фино-угорский губно-губной **w* перешел в губно-зубной звук *v*. Процесс, по всей вероятности, начался еще в прапермскую эпоху, но не охватил все диалекты; в древнекоми памятниках письменности (XIV—XV вв.) наблюдается передача этого звука через *и*, что показывает на неслоговое *и* или *w*, например: др.-к. **uļin* — *вылын* 'вверху', др.-к. **uaj-* — *вай-* 'принести'. Согласный *w* сохранился как вариант фонемы *v* в определенных словах некоторых удмуртских диалектов, например, *waž* 'рано', *waruṣ* 'век', 'столетие', *wa'es* 'постель';

2) твердое *l* исчезло в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка и заменилось звуком *v* [v]; процесс [l] > [v] имел место, надо полагать, сравнительно недавно, так как на территории распространения этого беззлогоговора старая географическая номенклатура в официальных документах на русском языке фигурирует со звуком *л* [l], ср. гидронимы *Исыл*, *Велва*, *Косыл* — левые притоки Иньвы и др. Местное коми-пермяцкое население в приведенных словах ныне произносит звук *v* [v];

3) переход начального *p* [p] в *ж* [ʒ] и *э* [ʒ'] в удмуртском языке имел место в праудмуртский период: **riṭ* > *жит*, ср. к. *рыт* 'вечер'; **remiṭ* > *жомыт*, ср. к. *рөмыт* 'сумерки'; **rok* > *жук*, ср. к. *рок* 'каша'; **riž* > *жыж*, ср. к. *рыж* 'хрункий' 'ломкий', 'пестлевший'; **roj* > *жуй*, ср. к. *рой* 'мох'. В других позициях (в середине и конце слова) звук *p* регулярно встречается: *курыт*, ср. к.-з. *курыд* 'горький', *тыр* 'полный', *вурныны*, ср. к. *вурны* 'шить' и др.;

4) наблюдается частичная деаффрикатизация *ж* [ʒ] и *э* [ʒ'] в середине и конце слов удмуртского литературного языка, например: у. *жужыт*, итин., ср.-в. *žižit*, ср. к. *джджыд* 'высокий', у. *кезьыт*, итин. ср.-в. *kež'it*, ср. к. *көдзыд* 'холодный'; *зарезь*, итин. *zagež'*, ср. к. *саридз* 'море' и др.;

5) носовой заднеязычный согласный *ŋ* исчез в пермских языках, но есть следы его существования в прапермском языке; он

сохранился в современных южноудмуртских говорах и, как показывают коми заимствования хантыйского языка, согласный η был и в древнекоми языке (см. Ф. § 45). Звук η заменялся мягким n [n̄], если в соседстве с ним были гласные переднего ряда: у. *сӱньыс*, к. *сунис*, юж.-у. *siŋes* 'нитка'; у. *чиньы*, к. *чунь*, юж.-у. *č'iŋə* 'палец'; б) если η предшествовал лабиализованный гласный, то он часто переходил в m [m]: у. *тунгон*, к. *томан*, юж.-у. *tuŋgon* 'замок'; у. *пум*, к. *пом*, *пон*, юж.-у. *puŋ* 'конец'; в) в прочих случаях (т. е. когда соседние звуки не оказывали на него влияния) прап. η обычно переходил в n [n]: у. *жыны*, к. *джын*, юж.-у. *žəŋə* 'половина'; у. *чын*, к. *тыын*, юж.-у. *čəŋ* 'дым'; у. *ан* 'челюсть', к. *ан* 'небо', юж.-у. *aŋ* 'челюсть' и т. п.;

б) возникли вэ-эловые и нуль-эловые диалекты в коми языке. Этимологическое l [l] в конце слога в отдельных коми говорах перешло в v [v] или повлияло на количественную характеристику предшествующего гласного (см. выше, § 12). Появление v или удлинение предшествующего гласного на месте первоначального l — явление вторичное, более позднее. Об этом свидетельствуют: а) стефановские письмена (XIV—XV вв.), в основном распространенные на территории современных вэ-эловых диалектов, составленные на эловом диалекте: *užal* 'делаю', *vilti* 'по', *kəldem* 'колобок', *kilzjś* 'слушающий'; б) древнехантыйские и мансийские заимствования из коми языка, имеющие звук l [l]: мс. *kaltəm* < к. **kəldem* 'колобок', ср. у. *колды* 'каравай хлеба из яровой муки', *колзо* 'тесто'; х. *sajkalta* < к. **sajkalni* 'отрезвиться', ср. у. *сайканы* 'проснуться', 'пробудиться', 'очнуться' (переход l в v произошел примерно в XVII в.³⁷); в) удмуртские диалекты, например средне-восточные и завятские говоры, в которых l [l] конца слова и слога переходит в неслоговое y [w], хотя удмуртский литературный язык и большинство диалектов удмуртского языка относятся к эловым диалектам: *vow* 'лошадь', но *valen* 'лошадью', *tuw* 'огонь', *towtek* 'без огня', но *təlen* '(с) огнем'³⁸. Вероятно, такого типа явления в удмуртском языке возникли независимо от закономерности перехода $l > v$ коми языка (распространение данного явления изучено пока недостаточно).

7) в литературных в большинстве диалектов коми языков, а также в некоторых южноудмуртских говорах, аффриката *č* (у. *č*, к. *чи*) начала слова смягчалась, если в следующем слоге стоял шипящий согласный, например: у. *čуж* — *čужмурт*, лет., ижем, уд. *čəž*, остальные коми диалекты *č'ož*, к. *чоже*, юж.-у. *č'užmurt* 'дядя' (с материнской стороны); у. *чуж*: *чужзем*, лет., уд. *чиž*, остальные коми диалекты *č'už*, к. *чуже*, юж.-у. *č'užjem* 'солод' и т. д.; в бесермянском и припекском диалектах удмуртского

³⁷ См. подробно: Лытк. Ист. грамм. § 85—86; D. F o k o s — АЛН III.

³⁸ См.: С. К. Бушмакин — СФУ VI 109; Т. П. Тепляшина — Тр. Мар. XV, 136.

языка³⁹ древний *č* (совр. *č*) перешел в мягкий звук *ть* [*t'*], например: *čõж* > бес. *t'ež*, прик. *t'õž* 'утка', *čужъем* > *t'užjem* 'солод', *čыжы-выжы* > *t'ežə-vəžə* 'родня', 'родственники', '*čошкыт*' > *t'oškət* 'ровный', 'плоский', *čушкон* > *t'uškon* 'полотенце', *йыр-чаша* > *jərt'aša* 'череп' и др.; итак, твердая аффриката *č* начала слова сохранилась в удмуртском литературном языке и в некоторых коми диалектах (удорском, летском, ижемском).

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 49. Морфологический строй пермских языков так же близок друг к другу, как и фонетический. В морфологии удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков существуют одни и те же грамматические категории (в именах — категория числа, падежа и притяжательности; в глаголах — наклонения, вида, залога). Оформлены они обычно одними и теми же (или восходящими к одним и тем же) суффиксами.

На близость языков пермской группы указывает и то, что на литературных языках удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков можно составить текст, являющийся абсолютно общим в отношении графического оформления, например: *Ваня, дугды, эн бõрд. Сьõрам вайи кык кило сьõд нянь. Пуксы, ю пõсь чай!* 'Ваня, перестань, не плачь! С собой я принес два килограмма черного хлеба. Садись, пей горячего чаю!'

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 50. Категория числа. В пермских языках различают два числа: единственное и множественное. Ед. число существительных не оформлено особым суффиксом. Практически почти все имена существительные, в том числе русские заимствования мн. числа и существительные, обозначающие парные предметы, выступают в форме ед. числа. Формально от любого существительного ед. числа возможно образование формы множественного числа.

В удмуртском языке мн. число образуется посредством присоединения к основе слова суфф. *-ёс* (*-йос*) после согласных и *-ос* после гласных, в коми-зырянском — *-яс* (*-йас*), в коми-пермяцком *-ез* (*-йэз*), где *й* уподобляется любому предшествующему согласному основы, например: *мурт* || *морт* 'человек' — *муртёс*

³⁹ Т. Н. Тепляшина — СФУ VI 63—64; П. В. Тараканов — ВФЯ II 75—82.

(муртйос) || мортъяс (мортйас) || морттэз (< мортйээ) 'люди', пельёс (< пэл'йос) || пельяс || пеллез (< пел'йээ) 'уши' ⁴⁰.

У заимствованных из русского языка существительных, обозначающих множество предметов, поддающихся счету, конечный гласный в удмуртском выпадает: час < часы, вес < весы, чот < счёты, ср. часі, вескі.

С существительными, обозначающими членов семьи и близких родственников, употребляется так называемое выделительное мн. число: Ивановъёс мыно каре || Ивановъяс мунёны карё || Ивановез мунёны карё 'Ивановы (Иванов и все те, кто с ним) отправляются в город'.

Форма мн. числа в удмуртском языке употребляется также для обозначения жителей того или иного населенного пункта, например: Можга — название села и города — можгаос 'жители Можги', 'жители можгинской стороны', 'можгинские', Алнаш 'Алнаши' — название районного центра Удмуртии — алнашъёс 'жители Алнашей', 'жители алнашской стороны (Алнашского р-на)', 'алнашские'.

В коми языке sporadически встречается форма мн. числа на -ян (-йан): ни 'сын' — пиян 'сыновья', нв. ё'oje 'моя сестра' — ё'ojejan 'моя сестра и члены её семьи', таје 'это' — тајан 'эти'.

Относительно происхождения суффикса мн. числа в пермских языках высказывались различные точки зрения ⁴¹. Наиболее вероятным является предположение возникновения -йос, -йас, -йээ от самостоятельного слова йёз 'народ', 'люди', которое имеется и в современном коми языке. Оно есть в удмуртских сочетаниях: йёскадь 'как следует', 'прилично', досл. 'как люди', 'подобно людям'; одйгъёз (одйгйоз) 'ровесники', досл. 'одинаковые по возрасту люди'.

Сомнения, высказываемые отдельными исследователями относительно отсутствия й в удмуртской форме мн. числа после гласной основы, встречающейся лишь в некоторых говорах и литературном языке, можно объяснить выпадением в них начального й суффикса. В большинстве же диалектов (северных и южных) в этом положении он сохраняется, ср.: šaška 'цветок' — šaškajos 'цветы', kuno 'гость' — kunojos 'гости', ёјі-віјі 'родственник' ёјі-віјіјос 'родственники'. Следовательно, отсутствие й в форме мн. числа после гласных основы в удмуртском литературном языке — новое явление.

Разнообразие огласовок суффиксов мн. числа пермских языков о ~ а ~ э, к. диал. о̇ из *ô(józ) вполне объяснимо законом во-

⁴⁰ Здесь и далее знаком // отделены варианты слов, фонем, аффиксов и т. д. удмуртского и коми литературных языков; на первом месте всегда находится вариант из удмуртского языка, на втором (после //) — из коми-зырянского, на третьем — из коми-пермяцкого языков; общая для коми языков форма дается без помет к.-з., к.-п., к.-2.

⁴¹ См.: Сереб. Ист. перм. 85—92, 106.

кализма непервого слога, где не мог стоять лабиализованный гласный; у. *о* в формативах часто восходит к**a*, например: *дуно* || *дона* 'дорогой', *мусо* || *муса* 'милый'; чередование *з* ~ *с* в конце формантов в пермских языках — почти регулярное явление, ср. *мыноз* || *мунас* 'пойдет'. Происхождение коми суффикса *-йан*, выражающего коллектив родственников, возможно, связано со словообразовательным суффиксом собирательного значения *-я*, *-йа* типа к.—п. *козья* 'ельник' < *кӧз* 'ель', *вӧрья* 'лесистое место' < *вӧр* 'лес', к которому присоединен показатель множественности *н* (нв. *ӧ'ојејан* 'сестра и ее семья'). В прошлом этот суффикс мог занимать более обширную территорию⁴².

В тех случаях, когда необходимо назвать один из парных предметов, употребляется характерное словосочетание с *пала* || *пӧла* 'половина (чего-л.)': *палки*, *палсуй* || *ки пӧла*, *сой пӧла* 'однорукый'; *палкук* || *кок пӧла* 'одноногий'; *палсин* || *син пӧла* 'одноглазый'.

§ 51. Категория падежа. В литературных языках число падежей не совпадает. Общими являются 14 падежных форм, они совпадают по своим формантам (исключая фонетические варианты) и основным функциям: именительный (номинатив), родительный (адессив), разделительный (аблатив), дательный (аллатив), винительный (аккузатив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), исходный (элатив), вступительный (иллатив), приблизительный (аппроксиматив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив).

Несовпадение выражается в следующем: в удмуртском языке имеется соответственный (адвербиаль), или иначе, наречный падеж, которого нет в коми языках; в последних наличествуют достигательный (конзекутив) и соединительный (комитатив) падежи, которые отсутствуют в удмуртском; в коми-пермяцком есть сравнительный (преклюзатив) падеж, отсутствующий в других пермских литературных языках.

Таким образом, в удмуртском литературном языке различается 15 падежей, в коми-зырянском — 16, в коми-пермяцком — 17.

В парадигмах склонений приняты названия падежей в такой последовательности (сначала общие для всех трех пермских языков, затем отсутствующие в каком-либо из приводимых языков): именительный, родительный, разделительный, дательный, винительный, творительный, лишительный, местный, исходный, вступительный, направительный, отдалительный, переходный, предельный, соединительный, достигательный, соответственный, сравнительный. Имена существительные пермских языков имеют простое склонение и склонение с лично-притяжательными суффиксами (для краткости — притяжательное склонение).

⁴² Сереб. Ист. перм. 89.

ПАРАДИГМА ПРОСТОГО СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

(*ву* // *ва* 'вода', *шыр* 'мышь')

Им.	<i>ву</i> // <i>ва</i> // <i>ва</i>	<i>шыр</i> // <i>шыр</i> // <i>шыр</i>
Род.	<i>вулэн</i> // <i>валён</i> // <i>валён</i>	<i>шырлэн</i> // <i>шырлён</i> // <i>шырлён</i>
Разд.	<i>вулэсь</i> // <i>валысь</i> // <i>валісь</i>	<i>шырлэсь</i> // <i>шырлысь</i> // <i>шырлісь</i>
Дат.	<i>вулы</i> // <i>валы</i> // <i>валё</i>	<i>шырлы</i> // <i>шырлы</i> // <i>шырлө</i>
Вин.	<i>вуэз</i> // <i>ва</i> , <i>ваёс</i> // <i>ва</i> , <i>ваёс</i>	<i>шырез</i> // <i>шыр</i> , <i>шырёс</i> // <i>шыр</i> , <i>шырёс</i>
Твор.	<i>вуэн</i> // <i>ваён</i> // <i>ваён</i>	<i>шырен</i> // <i>шырён</i> // <i>шырён</i>
Липш.	<i>вутэк</i> // <i>ватог</i> // <i>ватог</i>	<i>шыртэк</i> // <i>шыртөг</i> // <i>шыртөг</i>
Местн.	<i>вуын</i> // <i>ваын</i> // <i>ваын</i>	—
Исх.	<i>вуысь</i> // <i>ваысь</i> // <i>ваись</i>	—
Вступ.	<i>вуэ</i> // <i>ваё</i> // <i>ваё</i>	—
Направ.	<i>вулань</i> // <i>валань</i> // <i>валань</i>	<i>шырлань</i> // — // —
Отд.	<i>вуысен</i> // <i>васянь</i> // <i>васянь</i>	—
Перех.	<i>вуэти</i> // <i>ваёд</i> , <i>вати</i> // <i>ваёт</i>	—
Пред.	<i>вуозь</i> // <i>ваёдз</i> // <i>ваёдз</i> , <i>вави</i>	—
Соед.	— // <i>вакөд</i> // <i>вакөт</i>	— // <i>шыркөд</i> // <i>шыркөт</i>
Достиг.	— // <i>вала</i> // <i>вала</i>	— // <i>шырла</i> // <i>шырла</i>
Соотв.	<i>вужя</i> // — // —	<i>шыръя</i> // — // —
Сравн.	— // — // <i>вася</i>	— // — // <i>шырся</i>

Существительные во мн. числе имеют те же самые падежные суффиксы, что и в ед. числе; происходит лишь вставка суффикса мн. числа *-ос*, *-ёс* // *-яс* // *-эз*, *-йэз* между основой и падежным суффиксом, например: им. п. *вуос* // *ваяс* // *ваэз* 'воды', *шыртьёс* // *шыртьяс* // *шыррез* (< *шырйэз*) 'мышь'; род. п. — *вуослэн* // *ваяслён* // *ваэзлөн* 'у вод (имеется)', *шыртьёслэн* // *шыртьяслөн* // *шыррезлөн* 'у мышей (имеется)'; разд. п. — *вуослэсь* // *ваяслэсь* // *ваэслэсь* 'у вод (взять)', *шыртьёслэсь* // *шыртьяслэсь* // *шыртьяслэсь* 'у мышей (взять)'; дат. п. — *вуослы* // *ваяслы* // *ваэзлө* 'водам', *шыртьёслы* // *шыртьяслы* // *шыррезлө* 'мышам' и т. д.

Существительные, обозначающие одушевленные предметы, в переходном падеже не употребляются, а в местном, исходном, вступительном, отделительном и предельном падежах ограничены в употреблении (встречаются лишь при обозначении профессии, должности, например: *дышетске инженере* // *велөдчө инженерө* 'учится в инженеры', *вуиз министрözь* // *воис министрөдз* 'дошел до министра', т. е. сделался министром и т. п.).

В удмуртских грамматиках аблатив называется разделительным падежом, в коми — притяжательным, в удмуртском аллатив именуется входным падежом, в коми — вступительным, аппроксиматив — в удмуртском именуется направительным падежом, в коми — прилизительным. Значение той или иной падежной формы может быть шире или уже в одном языке по сравнению с другими, например, форма творительного падежа удмуртского

языка выполняет также функцию коми соединительного, а форма дательного падежа — функцию коми достигательного падежа⁴³. Имена существительные, обозначающие одушевленные предметы, в местных падежах не склоняются; при необходимости вместо падежных форм используются послеложные конструкции, например: у. *шыр дйнёзь*, к. *шыр динёдз* вместо ожидаемого *шырозь*, *шырödз* 'до мыши'. По данному типу изменяются по падежам все одушевленные существительные.

Падежные суффиксы современных пермских языков восходят к прапермским формам: род. п. *-lɛn, разд. п. *-lɛ́s, дат. п. *-lɛk, вин. п. *-ɛs, твор. п. *-ɛn, лишит. п. *-tɛk, соотв. п. *-ja, соед. л. *-kɛt, достиг. п. *-lak, сравн. п. *-śa, местн. п. *-jɛn, исх. п. *-jɛ́s, вступ. п. *-ɛk, направ. п. *-laɲ, отд. п. *-iśen, *-śaɲ, перех. п. *-ɛti, *-ɛd, пред. п. *-zɔ́'.

§ 52. Система падежей пермских языков значительно отличается от других финно-угорских языков. Одна группа падежей восходит к финско-пермскому времени, другая сложилась в прапермскую эпоху (см. М. § 36), а третья образовалась в период самостоятельного развития отдельных пермских языков. Одни падежные суффиксы отпали, например финно-угорский k-овый латив; другие сохранились лишь в формах послелогов и наречий, как, например, ф.-у. лат. *ń*. (ср. у. диал. *kjitiń* 'навзничь'), лат. -a (ср. *кузя* 'по' у. *пала*: *сик пала* 'в сторону леса', к. *бара* 'опять', 'снова' образован из *бөр* 'зад'); третьи появились путем перехода самостоятельных слов в суффиксы, (ср. к.-п. -*ви* [-vi] пред. падеж от слова *ви* 'конец', 'предел', КЭСР, 72) или посредством комбинации падежных суффиксов, например отд. п. -*сянь* (< исх. -ś + лат. -ń), или же словообразовательных суффиксов (может быть, и послеложного корня) и падежного суффикса, например -*лань* (-l + лат. -ń), *лэн* // -*лөн* (< -l + лок. -n)⁴⁴; соединением окончаний л-ового суперессива и латива на -a образовался особый коми достиг. падеж (на -ла; *вала* 'за водой [идти]').

В системе падежных суффиксов следует различать первичные и вторичные. К первичным относятся простые суффиксы, дошедшие до нас из эпохи финно-угорского языка-основы с некоторыми фонетическими изменениями: -n; -t; -k; -ś; -ɔ́ (< *-č'). Вторичные падежные суффиксы — это относительно поздние образования, возникшие, например, в результате соединения суффиксов или послелогов. Некоторые из древних суффиксов оказались весьма жизненными; они активно участвовали в формировании вторичных падежей, например, при помощи ф.-у. суфф. *-n образованы три падежных суфф. (-ɛn, -jɛn, -lɛn), при помощи прап. суфф. -ś — четыре (-jɛ́s, -lɛ́s, -śaɲ, -śa), при помощи ф.-у. лат. -k — четыре (*-tɛk, *-ɛk, *-lak, *-lɛk).

⁴³ Подробнее об основных функциях падежей см.: Гр. удм. 91—111, Совр. к. яз. I 139—147; Коми-перм. 184—193.

⁴⁴ См.: Бубрих-Морф. фин. 175 (примечания В. И. Лыткина)

§ 53. Известно, что основа слова финно-угорских языков была двусложной и оканчивалась на краткий гласный *a*, *ä* или *e*, который в пермских языках отпал (см. § 109), но сохранился перед некоторыми падежными суффиксами (ср. *шыр-ен* 'мышью', *кар-ын* 'в городе') — в одних словах в виде широкого гласного (*ε*), в других в виде узкого гласного *i* (< *i*). Такое различие в огласовках между словами разных групп в отношении гласного конца основы в прапермском уже не наблюдается: произошло выравнивание, т. е. сформировалась единая система склонения для всех существительных независимо от того, к каким основам они относились. Однако в современных пермских языках наблюдаются двойные огласовки основ, в одних падежах огласовки являются узкими гласными (*kar̄in*, *kar̄is̄*), а в других — широкими (*šj̄ges*, *kar̄e*, *kar̄eti*, *kar̄ε̄š̄'*). В данном случае мы имеем дело с пережитками двух финно-угорских основ, но приуроченных не к определенным группам слов, а к определенным падежам. В некоторых случаях эти огласовки впоследствии выступили дифференциаторами падежных значений, например, суффикс твор. падежа (*-en*) и местного (*-in*) еще в языке древнекоми письменах не были дифференцированы. То же самое можно сказать об огласовке сложных падежных суффиксов, в которых гласный звук является остатком не прежнего корня, а первого компонента сложного падежного формата (*-l̄zn*, *-l̄zś'*, *-l̄zk*, *-tek*, *-lañ*, *-śañ*, *-lak*, *-ket*). Гласный конца слова, как правило, не сохранился; он выпал, видимо, еще в прапермский период (**š̄urelzn* > **š̄irlzn*). Разные рефлексy одного и того же прафинно-угорского гласного встречаются в отдельных пермских языках (*шырлэсь*, *шырлы* || *шырлысь*, *шырлӧ* || *шырлӧсь*, *шырлӧ*), что следует объяснить влиянием одних падежных форм на другие, а в некоторых случаях — омонимическим отталкиванием, например к. *шырлы* 'мышке' и *шырла* 'за мышкой'.

§ 54. Именительный падеж в пермских, как и в других финно-угорских языках, не имел падежного суффикса. Вин. падеж в допермское время имел суфф. *-m*, который отпал еще в прапермский период (доп. *m̄zn̄-m̄z* > прап. **m̄zn̄m* > *m̄zn̄e* > *монэ* || *менӧ* 'меня')⁴⁵ (см. М. § 48). В современных пермских языках (как и в финно-угорском праязыке) прямой объект может выражаться без суффикса — основой слова: *соос жег арало* || к.-з. *найӧ руджӧг вундӧны* 'они жнут рожь' — здесь слова *жег*, *руджӧг* не маркированы. На месте отпавшего суфф. *-m* в общепермский период появился суфф. *-es*, который сложился на базе притяжательного суффикса 3-го лица и первоначально имел определенительно-выделительное значение. Такое значение его в некоторой степени сохранилось и в настоящее время, ср. к. *кӧч кыйны ветлӧ* 'я ходил на зайца, ловить зайцев', *со понйӧй кӧчӧс кутис* 'вон моя собака поймала зайца' (определенного).

⁴⁵ Y. Wichmann — FUF XVI 159—160; Uot. Kons. 220—221; K. Radanovics, NyK LXI 80.

Суффиксы местн. и твор. падежей *-ын* и *-өн* (*-ен*) современный фонетический вид приобрели в прапермское время, элемент *-н* в этих суффиксах восходит к ф.-у. **-на*, **-пә* (см. М. § 58). В прапермском языке значение местн. и твор. падежей 'где' и 'чем' первоначально выражались обоими суфф. *-in*, *-en* недифференцированно: суфф. *-in* мог употребляться в значении твор. падежа, а *-en* в значении местного. Следы такой недифференцированности сохранились еще в языке стефановских писем, а также в современных пермских языках: у. *вазен* 'раньше', 'прежде', к.-з. *важён*, к.-п. *важын* 'давно'; *пыдын* || *подён* 'пешком'. Определенный круг слов удмуртского языка в твор. падеже имеет огласовку *-э* (*-е*), что является рефлексом финно-угорской основы на широкий гласный (см. Ф. § 99, 101), ср. *лудэн* '(с) полем' от *луд* 'поле', *адямиен* '(с) человеком' от *адями* 'человек'.

Вступительный (входный) падеж восходит к ф.-у. лат. **-k*. В пермских языках вследствие отпадения конечного *-k* функцию падежного форманта принял на себя конечный гласный основы: ф.-п. **kaε-k* > прап. **kaε-k* > *kaε-ε*, *каре* || *карö* 'в город'. Следы от **-k* сохранились в словах: *аскы* || к.-з. *аски* 'завтра', *соку* || *сэки* 'тогда' (см. М. § 72).

Исходный падеж на *-ысь*, *-ись*, в удмуртском языке также на *-ысьт*, образовался в прапермское время из форматива неясного происхождения *-ś*, присущего только пермским языкам. Огласовка этого суффикса восходит к конечному звуку основы: прап. **kaε-ś* > **kaε-iś*, *карысь* || к.-п. *карысь* 'из города'. Возможно, суфф. *-ś* имеет связь с словообразовательным суфф. *-ś*, ср. к.-п. *вöрись* 'леший', 'лесной (обитатель)' от *вöр* 'лес', к.-з. *тöвся* 'зимний' от *тöв* 'зима'.

В составе суфф. *-št- y.-t* восходит к ф.-у. лок. **-tt* (> прап.-*t*). В прапермском, видимо, употреблялись оба суффикса: *-ś-* и *-št-*. Их функции, возможно, были в какой-то мере дифференцированы, например, элатив на *-št-* выражал комплекс общеотделительных значений, элатив на *-ś-* — конкретное местно-исходное значение⁴⁶. В коми-зырянском языке разновидность на *-št-* сохранилась в застывшем виде в словах *вöлишти* (диал. *vel'išti*, *vel'ist* 'только что', 'по прошествии определенного промежутка времени'; корень слова **-vel-* обозначал 'промежуток (времени)'; *мышти* (диал. *mišti*) временной послелог 'через', 'по', 'по истечении (времени)', корень **-inü-* обозначал 'после', 'через'. В коми-зырянском литературном языке *t* смягчился под влиянием соседних звуков.

Современное значение и звуковой вид перех. падежа сформировались в прапермскую эпоху. Однако истоки суфф. *-d*, *-t* восходят к допермскому времени, при этом предполагается в прапермском языке два падежа: просектив (к.-з. *-d*) и транзитив (*-t*). Первый из них обозначал движение через что-либо, вдоль чего-либо, а второй отвечал на вопросы «где?», «по какому пути?»

⁴⁶ Серб. Ист. перм. 16.

Суффикс прос. -d восходит к ф.-у. абл. *-ta, а суффикс перех. падежа (трансл.) -ti, состоящий из двух элементов t+i (< *j), происходит от ф.-у. лок. *-ttž⁴⁷.

В коми-зырянском языке, в котором сохранились обе разновидности суффикса, находим следы дифференцированного употребления d-овых и ti-овых падежей, например: *киöд нуöдны* 'вести за руку', но не: *кити*; *туй вывти мунны* 'идти по дороге', но не: *туй выlöд*; в современном коми-зырянском языке функции этих двух падежей слились в одно целое, а в коми-пермяцком и удмуртском такое формальное различие между ними не сохранилось.

Существуют различные мнения о происхождении предельного падежа. Суффикс этого падежа, например, Д. В. Бубрих производил от самостоятельного слова — у. *азь* (диал. *аž'*) // *водз* // *одз* (< пран. **qž'*) 'перед', 'передний', 'место перед кем- (или чем-) либо'⁴⁸. Такое объяснение вполне приемлемо, если допустить, что в коми языках пран. **q* перешел в *ö* [*e*] под влиянием закона непервого слога, не допускающего употребления лабнализированных гласных, а в удмуртском языке пранермский гласный сохранился. Формант *ž* [*ž'*] // *дз* [*ž'*] в составе суфф. -*ož*//-*öž* возводится также к суфф. латива на *š* (< **č'*), встречающемуся в хантыйских говорах⁴⁹.

Коми-пермяцкий падежный суфф. *ви* [-vi] в терминативе происходит от самостоятельного слова, корень которого встречается в наречиях: к.-з. *вийöдз* 'даже', 'до', *вийöн*, *выя* 'по какое-л. место' (КЭСК, 72). Суффикс удмуртского соотв. падежа -*я* [-ja], встречающийся в северных говорах и литературном языке, возводится к ф.-у. лат. **j*. Этот падежный формант встречается в некоторых послелогох, ср. *дыръя* // к.-з. *дыръи* 'во время', диал. *pid'd'a* (< **pidja*) 'вместо', 'за', 'в качестве кого-л.'

Происхождение показателя сравн. падежа -*ся* [-ša], встречающегося в коми-пермяцком языке и в южных диалектах коми-зырянского языка, можно объяснить двояко: а) он состоит из двух элементов *сь+a*; первый происходит от пермского суффикса исх. падежа, а второй имел значение латива, как и в к.-з. диал. *kijña*, к.-п. *киня*, др.-п. *kijja* 'чем' (при сравнении); б) -*ся* [-ša] есть реликт какого-то послеложного корня с отделительно-сравнительным значением.

§ 55. Многие падежные суффиксы образовались из двух элементов: пран. *-lep, *-lš, *-lzk, *-lañ, *-lak, *-šañ, *-ket. В первых пяти падежных суффиксах элемент -l восходит к словообразовательному суффиксу, ср. к.-з. *мöдлаö* 'в другое место' (*мöд* 'второй', 'другой'),

⁴⁷ См. об этом подробно: D. L a k ö — MSFOu. XCVIII 219—243; ALH I 75—118.

⁴⁸ Д. В. Б у б р и х. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. «Уч. зап. ЛГУ», 1948, вып. 2.

⁴⁹ Y. W i c h m a n n — FUF XII 162; Y. T o i v o n e n — FUF XIX 164, 226, 229.

быдлаын 'езде' (*быд* 'всякий'). Этот -l в сочетании с первичными суффиксами дает разные «составные» падежные суффиксы, а именно: суффикс род. п. *-lɛn представляет соединение элемента -l и финно-угорского суффикса локатива *-na, *-nä; так, форма *mortlɛn dɛrɛm* 'рубашка человека' вначале могла иметь значение 'рубашка, находящаяся около (поблизости от) человека'; суффикс притяжательного (разд.) падежа состоит из -l и прап. суффикса исх. п. -ś; дат. падеж образован от -l и ф.-у. лат. *-k, отнавшего в пермских языках (*-lɜk > lɜ); суффикс приблизительного (направ.) падежа -laɪ состоит из -l и ф.-у. лат. -i, сохранившегося в наречиях типа к.-з. *кымынь*, у. диал. *kiini* 'вниз лицом' и сложных суфф. -śaɪ, -laɪ; происхождение достиг. падежа на -la, имеющего место только в коми языках, вероятно, тождественно происхождению дат. падежа. Функцию достиг. падежа выполняет дат. падеж (*-lak > *-la). После отпадения конечного -k два падежа (дат. и достиг.) были дифференцированы огласовками: -лы (-lɔ) и -ла. Нет оснований считать, что гласный *a* был суффиксом латива.

Суффикс отдалительного падежа -śaɪ представляет собой соединение суффиксов исх. падежа -ś и финно-угорского направ. падежа -i, впоследствии исчезнувшего в пермских языках; суффикс лишит. п. -tɛk состоит из финно-угорского каритивного суфф. *-tta и лативного суфф. -k, посредством которого образуются отглагольные имена (депричастия) на -k-// -g- (*мыныку* // к.-з. *muɲiŋõn* 'когда шел', досл. 'плучи'); суффикс соед. п. *-ket рассматривается как исчезнувший древний послелог, который имел значение собирательности коллектива, группы, совокупности), ср. ф. *kunta* 'общество'. Ю. Вихман придерживается иной точки зрения. В окончании *-ket он выделяет элемент -kɛ, который считает возможным сопоставить с окончанием марийского компатива на -ke, -ɣe, а вторую часть суффикса (-t) — с -t- перех. падежа⁵⁰. Эта падежная форма встречается только в коми языках, в удмуртском языке в функции соед. падежа употребляется твор. падеж.

§ 56. Лично-притяжательные суффиксы пермских языков почти тождественны, и все они восходят к финно-угорскому языку-основе.

Ед. ч. 1 л.	-e (-ɛ) // -ej // ɛ	'мой' < прап. *-mɜ
2 л.	-ed (-ɛd) // -id // -it	'твой' < прап. *-tɜ
3 л.	-ez (-ɛz) // -is // -is	'его' < прап. *-sɜ
Мн. ч. 1 л.	-mi // -nim // -nim	'наш' < прау. *-mɪk (прап. *-nim)
2 л.	-di // -ti // -niɖ // -nit	'вап' > прау. *-tik (прап. *-nit)
3 л.	-zi, -si // -nis // -nis	'их' < прау. *-sik (прап. *-nis)

Ф.-у. *-m 1-го лица ед. числа в абсолютном конце слова отпал (см. § 45), а его функция перешла на конечный гласный основы -ə (прап. *-ɛm). Исконный -m [m] в 1-м лице ед. числа сохранился в некоторых падежах, например, у. *ыжме* 'мою овцу', к. *ыжнам*.

⁵⁰ Y. W i c h m a n n — FUF XVI 152—153.

‘моей овцой’; в летском диалекте коми языка он сохранился также в им. падеже, например, *ре́с’ім* ‘моя бабушка’. Коми суфф. *-ой* [-ej] является уменьшительно-ласкательным суффиксом или же суффиксом звательной формы, на месте прежнего лично-притяжательного суффикса. Форма 2-го и 3-го лица ед. числа употребляется также в указательном значении в коми языках: *мортыд быдтор тодö* ‘человек-то всё знает’; *луныс гажа* ‘день-то веселый’; в удмуртском языке форма 3-го лица ед. числа всегда употребляется в выделительно-указательном значении: *вылез книга* ‘именно новая книга’ (не какая-нибудь другая), ср. *выль книга* ‘новая книга’.

В удмуртском языке во 2-м и 3-м лице мн. числа *-д* и *-з* появляются после гласных, сонорных и звонких согласных, а после глухих мы имеем *-т* и *-с*: *тйрды* ‘ваш топор’, *тйрзы* ‘их топор’, но *кечты* ‘ваша коза’, *кечсы* ‘их коза’. В коми-пермяцком языке в конце продуктивных суффиксов после гласного звука вместо *-д* употребляется *-т*: *вöлыт*, ср. к.-з. *вöлыд* ‘твоя лошадь’, *вöлынт*, ср. к.-з. *вöлныд* ‘ваша лошадь’. Определенный круг существительных удмуртского языка в ед. числе имеет огласовку *-ы* (см. Ф. § 99). См. табл. стр. 151—152.

§ 57. Из истории притяжательных суффиксов. В ед. числе еще в прапермский период конечный гласный финно-угорских суффиксов отпал: **-mз > -m*, **-tз > -t*, **-sз > -s*. Мн. число в прапермском языке образовалось двояким способом: а) посредством суфф. *-к*, обозначающего множественность обладаемых, который еще в прапермское время отпал, и в результате этого образовались современные удмуртские формы *-мы* (< **mĭk*), *-ды*, *-ты* (< **-tĭk*) *-зы*, *-сы* (< **-sĭk*); б) посредством суфф. *-п*, обозначающего множественность обладателей, который предшествовал притяжательному суффиксу; этот способ хорошо сохранился в коми языках (см. М. § 22, 100).

§ 58. Различают субстантивирующие суффиксы и суффиксы, не имеющие отношения к категориальному переходу. Самыми продуктивными суффиксами первой группы являются:

1) *-ись*, *-сь* || *-ысь* || *-ись* образуют отглагольные существительные: *гырьсь* || *гöрьсь* || *гöрьсь* ‘пахарь’ от глагола *гырыны* || *гöрны* ‘пахать’. Эти имена действителя по происхождению являются субстантивированными причастиями. Второй составной элемент обычно связывается с такими образованиями, как э. *puož* ‘положенный’, мр.-в *luđžo* ‘читающий’⁵¹;

2) *-он*, *-н* || *-ан* образуют отвлеченные наименования действия или состояния, а также орудие и объект действия: *гырон* || *гöран* ‘пахота’, к. *сёян* ‘еда’, ‘пища’ (от *сёйны* ‘есть’), к. *вартан* ‘цеп’ (от *вартны* ‘молотить’). Эти имена по своему происхождению являются субстантивированными причастиями. Т. Лехтисало

⁵¹ Сереб. Ист. перм. 294.

ТАБЛИЦА СОЧЕТАНИЙ ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ
С ПАДЕЖНЫМИ ОКОНЧАНИЯМИ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ

	‘мой’	‘твой’	‘его’
Им.	-э -öй -ö	-ад -ыд -ыт	-эз -ыс -ыс
Род.	-элэн -öйлөн -öлөн	-эдлэн -ыдлөн -ытлөн	-эзлэн -ыслөн -ыслөн
Равд.	-элэсь -öйлысь -öлісь	-эдлэсь -ыдлысь -ытлісь	-эзлэсь -ыслысь -ыслісь
Дат.	-элы -öйлы -öлө	-эдлы -ыдлы -ытлө	-эзлы -ыслы -ыслө
Вип.	-ме -өс -өс	-дэ, -тэ -тө -тө	-зэ, -сэ -сө -сө
Твор.	-өным -нам -нам	-эныд -над -нат	-эныз -нас -нас
Лиш.	-этэк -öйтөг -өтөг	-эдтэк -төгөд -ыттөг	-эзтэк -төгөс -ыстөг
Местн.	-ам, -ям -ам -ам	-ад, -яд -ад -ат	-аз, -яз -ас -ас
Исх.	-ысытым -сыым -сим	-ысытыд -сыыд -сит	-ысытыз -сыыс -сис
Вступ.	-ам, -ям -ам -ам	-ад, -яд -ад -ат	-аз, -яз -ас -ас
Направ.	-элань -öйлань -öлань	-эдлань -ыдлань -ытлань	-эзлань -ыслань -ыслань
Отд.	-ысеным -öйсянь -öсянь	-ысеныд -ыдсянь -ытсянь	-ысеныз -ысянь -нысянь
Перех.	-этйм -өдым -өттям	-этйд -өдыд, -тиыд -өттят	-этйз -өдыс, -тиыс -өттят
Пред.	-озям -өдзым -өдззам, -өви	-озяд -өдзыд -өдззат, -ытви	-озяз -өдзыс -өдззас, -ысви
Соед.	— -öйкөд -өкөт	— -ыдкөд -ыткөт	— -ыскөд -ыскөт
Достиг.	— -öйла -өла	— -ыдла -ытла	— -ысла -ысла
Соотв.	-эя — —	-эдъя — —	-эзъя — —
Сравн.	— — -ся	— — -ытсыя	— — -ыссыя

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ

	'наш'	'ваш'	'их'
Им.	-мы -ным -ным	-ды, -ты -ныд -ныт	-зы, -сы -ныс -ныс
Род.	-мылэн -нымлэн -нымлэн	-дылэн, -тылэн -ныдлэн -нытлэн	-зылэн, -сылэн -ныслэн -ныслэн
Разд.	-мылэсь -нымлысь -нымлісь	-дылэсь, -тылэсь -ныдлысь ныт- лісь	-зылэсь, -сылэсь -ныслысь -ныслись
Дат.	-мылы -нымлы -нымлө	-дылы, -тылы -ныды -нытлө	-зылы, -сылы -ныслы -ныслө
Вин.	-мес -нымөс -нымбөс	-дэс, -тэс -нытө -нытб	-зэс, -сэс -нысө -нысб
Твор.	-энымы -напым -наным	-эныды -напыд -наныт	-энызы -напыс -наныс
Лиш.	-мытэк -төгным -нымтөг	-дытэк, -тытэк -төгныд -ныттөг	-зытэк, -сытэк -төгныс -ныстөг
Местн.	-амы -аным -аным	-ады -аныд -аныт	-азы -аныс -аныс
Псх.	-ысьтымы -сьыным -синым	-ысьтыды -сьыныд -синыт	-ысьтызы -сьыныс -синыс
Вступ.	-амы -аным -аным	-ады -аныд -аныт	-азы -аныс -аныс
Паурав.	-мылань -нымлань -нымлань	-дылань, -тылань -ныдлань -ныт- лань	-зылань, -сылань -ныслань -ныс- лань
Отд.	-ысенымы -нымсянь -нымсянь	-ысеныды -ныдсянь -нытсянь	-ысенызы -ныссянь -ныссянь
Перех.	-этймы -өдным -өттяным	-этйды -өдныд -өттяныт	-этйзы -өдныс -өттяныс
Пред.	-озямы -өдэным -өдзэным, -нымви	-озяды -өдэныд -өдзэныт, -нытви	-озязы -өдэныс -өдзэныс, -нысви
Соед.	— -нымкөд -нымкөт	— -ныдкөд -ныткөт	— -ныскөд -ныскөт
Достиг.	— -нымла -нымла	— -ныдла -нытла	— -нысла -нысла
Соотв.	-мыя — —	-дыя — —	-зыя, -сыя —
Сравн.	— — -нымся	— — -нытся	— — -нысся

этот суффикс сравнивает с марийским деепричастным суффиксом *-en, -ən* // *-эн*. Имеются и другие этимологии⁵²;

3) *-эм, -м* // *-ём*, посредством которых от любого глагола образуется существительное, обозначающее отвлеченное действие или состояние: у. *дасям* 'заготовка' от *дасыны* 'готовить', к. *олём* 'жизнь' от *овны* 'жить'. Эти существительные являются субстантивированными причастиями. Суффикс *-m* имеет широкое распространение в финно-угорских языках (см. М. § 213);

4) *-лык* // *-лун* образуют от прилагательных существительные со значением отвлеченного признака: к. *лёк* 'злой' — *лёклун* 'злость', у. *зеч* 'добрый', 'хороший' — *зечлык* 'доброта'. Суффикс *-лун* происходит от слова *лун* 'день', суффикс *-лык* заимствован из тюркских языков.

Из суффиксов субъективной оценки наиболее продуктивными являются:

к.-п. *-бк* (*-ёк*) — уменьшительный суффикс с оттенком ласкательности: *нянь* 'хлеб' — *нянёк* 'хлебец'; *кёч* 'заяц' — *кёчок* 'зайчик'; к-овый уменьшительный суффикс встречается и в удмуртском языке: у. *ныл* 'дочь' — *нылок* 'доченька', *пи* 'сын' — *пиоке* 'сынчик', а также в других финно-угорских языках (ф. *penikka* 'щенок', *peni* 'собака').

Уменьшительный суффикс, содержащий элемент *k* восходит к прауральскому суффиксу *-кк*⁵³ (см. М. § 205). Возмозное окончательное оформление коми-пермяцкого суффикса *-ок* произошло под влиянием русского языка (ср. русск. *сынчик, пяточок, пенёк*);

к.-з. *-тор* со значением уменьшительности и ласкательности: от *мёс* 'корова' — *мёстор* 'коровушка'; *пи* 'сын' — *питор* 'сынчик'. Суффикс *-тор* происходит от самостоятельного слова *тор* 'кусочек', 'кусочек';

к.-з. *-шой*, к.-п. *-жуг* со значением пренебрежительности: к.-з. *пасьшой*, к.-п. *пасьжуг* 'шубенка'. Оба суффикса происходят от самостоятельных слов: *шой* 'труп', 'падала', *жуг* 'мякина', 'обломок', ср. *жугёдны* 'сломать', 'разбить'.

у. *-и* (*~и*) образует существительные с уменьшительно-ласкательным значением: *мени* 'мамочка', *нэи* 'матушка', 'маменька' (*нэна* 'мать'), *Иви* (< Иван) 'Иванушка', *Пети* (< Петя) 'Петенька'; свое начало этот суффикс ведет от финно-угорского языка-основы (см. М. § 197);

у. *-у* (*~ю*), *-ук* (*~юк*), *-уш* (*~юш*), *-аш* (*~яш*) также с ласкательным значением: *аку* 'сестрица' (*ака* 'старшая сестра'), *дядю* (< дядя) 'дяденька' — обращение к старшему брату (*дядя* 'старший брат'), *Машук* (< Маша) 'Машенька', *Васюк* (< Вася) 'Васенька', *Варуш* (< Варя) 'Варенька', *Катюш* (< Катя) 'Катенька'; *нылаш* 'девочка, девонька' (*ныл* 'девочка'), *пияш* 'сынчик' (*пи* 'сын'). Первые два суффикса весьма распространены

⁵² Lehtisalo — MSFOu. 72, 126—128.

⁵³ Сереб. Ист. перм. 145.

и преимущественно употребительны с личными именами; *-уш* (*-юш*), по всей вероятности, являются русскими заимствованиями (ср. Варюша, Катюша); последний усвоен из татарского языка.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 59. Основное лексическое ядро прилагательных пермских языков не имеет специальных суффиксов, например: *сьод* 'черный', *горд* || *гöрд* 'красный', *лыз* || *лöз* 'синий', *кузь* 'длинный'. Прилагательные, выступающие в качестве определения, могут не иметь согласования в числе, но если они употреблены в функции сказуемого при подлежащем, выраженном именем существительным во мн. числе, то непременно оформляются суфф. *-эсь* (*-есь*) || *-öсь*: *коркаос бадзьмесь* || *керкаяс ыджыдöсь* || *керкуэз ыджытöсь* 'дома большие', *кышетэс вылесь* || *чышъянъяс выльöсь* || *чышъяннэз вильöсь* 'платки новые' и т. п. Данный суффикс имеет параллели в других финно-угорских языках (см. М. § 234).

Прилагательные пермских языков, как и других финно-угорских, в сочетании с именами существительными не изменяются, т. е. не согласуются с ними в падеже, ср. им. п. *сьод нянь* 'черный хлеб' — вин. п. *сьод нянез* || *сьод няньöс* 'черный хлеб', дат. п. *сьод няньлы* 'черному хлебу', разд. п. *сьод няньлэсь* || *сьод няньлысь* || *сьод няньлсь* '(от) черного хлеба', твор. п. *сьод нянен* || *сьод няньөн* '(с) черным хлебом' и т. д.

В удмуртском языке прилагательные, имеющие выделительно-указательные суффиксы, при склонении согласуются с именем существительным⁵⁴.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ВЫДЕЛИТЕЛЬНО-УКАЗАТЕЛЬНЫМ СУФФ. *-ЭЗ* (*-ЕЗ*)

	Е д. число	Мн. число
Им.	<i>выл-ез</i> 'новый'	<i>выль-ёс-ыз</i> 'новые'
Род.	<i>выл-ез-лэн</i> '(у) нового'	<i>выль-ёс-ыз-лэн</i> '(у) новых'
Разд.	<i>выл-ез-лэсь</i> '(от) нового'	<i>выль-ёс-ыз-лэсь</i> '(от) новых'
Дат.	<i>выл-ез-лы</i> 'новому'	<i>выль-ёс-ыз-лы</i> 'новым'
Вин.	<i>выль-зэ</i> 'новый'	<i>выль-ёс-сэ</i> 'новые'
Твор.	<i>выл-ен-ыз</i> '(с) новыми'	<i>выл-ёс-ын-ыз</i> '(с) новыми'
Лиш.	<i>выл-ез-тэк</i> 'без нового'	<i>выль-ёс-ыз-тэк</i> 'без новых'
Местн.	<i>выл-яз</i> 'в новом'	<i>выл-ёс-аз</i> 'в новых'
Псх.	<i>выль-ысьт-ыз</i> '(с) из нового'	<i>выль-ёс-ысьт-ыз</i> '(с) из новых'
Вступ.	<i>выл-яз</i> '(на) в новый'	<i>выль-ёс-аз</i> '(на) в новые'
Направ.	<i>выл-ез-лань</i> 'к новому'	<i>выль-ёс-ыз-лань</i> 'к новым'

⁵⁴ В. И. А л а т ы р е в. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине). Ижевск, 1970.

	‘в сторону нового’	‘в сторону новых’
Отд.	<i>выль-ысен-ыз</i> ‘от нового’	<i>выль-ёс-ысен-ыз</i> ‘от новых’
Перех.	<i>выл-етй-з</i> ‘по новому’	<i>выль-ёс-тй-з</i> ‘по новым’
Пред.	<i>выл-ёз-яз</i> ‘до нового’	<i>выль-ёс-оз-яз</i> ‘до новых’
Соотв.	<i>выл-езъ-я</i> ‘по новому’, ‘в соответствии с новым’	<i>выль-ёс-ызъ-я</i> ‘по новым’, ‘в соответствии с новыми’

Имена прилагательные в пермских языках имеют сравнительную и превосходную степень. Сравнительная степень образуется с помощью суфф. *-гес* (*-гем*) || *-джык* || *-жык*: *кузь* ‘длинный’ — *кузьгес* (*кузьгем*) || *кузьджык* || *кузьжык* ‘длиннее’, *выль* ‘новый’ — *выльгес* (*выльгем*) || *выльджык* || *выльжык* ‘новее’. Суфф. *-джык* || *-жык*, имеющийся также в нижнечепецком и средневосточном⁵⁵ говорах удмуртского языка, произошел от самостоятельного слова: *жыг* (*джык*) ‘аккуратно’, ‘опрятно’, ‘точно’ (Бор.).

Происхождение удмуртского *-гем* (*-гес*) неясно, но этот суффикс имеется также в лузско-летском говоре коми языка, употребляющийся в несколько ином значении, ср. *ĩĩĩdǵem* ‘довольно-большой’. В коми языках превосходная степень оформлена префиксом *мед-*: *бур* ‘хороший’ — *медбур* ‘самый хороший’, ‘наилучший’. Д. Фокош это слово возводит к *мед* ‘пусть’, употребляемое как усилительное (выделительное) наречие, и сопоставляет его с мс. *mont* ‘если бы’, х. *mu'nt* ‘только что’, ‘недавно’⁵⁶.

Высшая степень качества прилагательных в удмуртском литературном языке не имеет суффиксальных форм. Она образуется: 1) путем повторения основ — *сьöд-сьöд* ‘черный-пречерный’, *тöдь-тöдь* ‘белый-пребелый’; 2) сочетанием прилагательных с наречиями *туж*, *юн*, *уқыр*, *ортчыт* и т. п., объединяемых общим значением ‘очень’, ‘весьма’, ‘чрезвычайно’: *туж ческыт* ‘очень вкусный’, *уқыр вольыт* ‘весьма гладкий’, *ортчыт жöг* ‘чрезвычайно быстрый’, а также со словом *самой* ‘самый’: *самой чеберныл* ‘самая красивая девушка’; 3) сочетанием прилагательных с усилительными словами типа *юг-юг*, *тём-тём*, *чыж-чыж* с общей семантикой ‘очень’, ‘весьма’: *тём-тём пеймыт уй* ‘очень темная ночь’, *чыж-чыж горд кышет* ‘ярко-красный платок’, ‘очень красный платок’.

§ 60. Продуктивные суффиксы образования прилагательных: *-о(-ё)* || *-а* (*-я*) — суффикс обладания: *шундыё нунал* || *шондя лул* ‘солнечный день’, *коньдоно мурт* || *деньгаа морт* ‘денежный человек’, *кизилиё уй* || *кодзула вой* ‘звездная ночь’. Суфф. *-а* коми языков первичен и восходит к прап. *-ак. Удмуртский суфф. *-о* вторичного происхождения⁵⁷;

⁵⁵ Т. И. Тепляшина — ВФУ — 141—145. С. К. Бушмакин — СФУ V 64.

⁵⁶ D. Fuchs — FUF XXX 193.

⁵⁷ В. К. Кельмаков — СФУ V 134.

-тэм || тём — суффикс отсутствия: *сюра ыж* || *сюра ыж* 'рогатая овца' — *сюртэм ыж* || *сюртём ыж* 'безрогая, комолоя овца'. Каритивный суффикс. -тэм || тём пермских языков восходит к ф.-у. -toma (см. М. § 246);

-эсь (-есь) || -ёсь — суффикс частичного обладания: *виресь киос* || *вирёсь кияс* 'запачканные кровью руки'; данный суффикс восходит к ф.-у. -ś (см. М. § 234);

у. -алэс (-ялэс), -мыт образуют прилагательные от прилагательных же и обозначают неполноту качества или признака предмета: *сьöd* 'черный' — *сьöдалэс*, *сьöдмыт* 'темноватый', 'несколько темный', *чырс* 'кислый' — *чырсалэс* 'кисловатый'; в отличие от суффикс. -алэс (-ялэс) суффикс. -мыт не присоединяется к прилагательным, обозначающим вкусовые свойства предметов питания; в коми языках к этому суффиксу близок по значению суффикс. -ов, -ёв; -оват, -ёват || -öв: *гöрдöв* || *гöрдöв* 'красноватый', к.-з. *кузёв*, *кузёват* 'длинноватый';

у. -ем образует имена прилагательные от имен существительных, обозначающие признак по весу, возрасту, ёмкости, протяженности и т. д.: *грамъмем гиря* 'граммовая гиря', *метръм пул* 'метровая доска', *аръм ыжни* 'годовалый ягненок', *толзъм план* 'месячный план';

у. -эс (-ес) образует имена прилагательные от имен существительных, наречий и глаголов, которые обозначают а) признаки внешней характеристики предмета, его наружного вида, положения в пространстве, например: *сумбырес* 'неуклюжий', *быгылес* 'шарообразный', *котырес* 'круглый'; б) признак звуковой характеристики предмета, например: *жингырес* 'звонкий', *зызырес* 'скрипучий', *чайтырес* 'шелестящий'; в) признаки внутренней характеристики предмета: *чупырес* 'расторопный', *ваменэс* 'упрямый', *шимес* 'скучный' и т. п.; суффикс. -эс восходит к ф.-у. *-sk.

у. -ала, -ло образует имена прилагательные от наречий времени, которые обозначают темпоральные (временные) признаки предметов: *туэ* 'нынче' — *туала* 'нынешний', *мим* 'прошлый год' — *мимала* 'прошлогодний', *туннэ* 'сегодня' — *туннала* 'сегодняшний', *толон* 'вчера' — *толло* 'вчерашний'. Происхождение суффикс. -ала, -ло, видимо, связано с ф.-у. -l.

В коми языках также имеется ряд специфических суффиксов образования имен прилагательных:

к.-з. -са — местно-принадлежностный суффикс, образующий имена прилагательные, обозначающие: а) относимость к какому-нибудь месту — *сыктывкарса ныв* 'сыктывкарская девушка', *сиктса асыв* 'деревенское утро'; б) местонахождение предмета — *посёлокса клуб* 'поселковый клуб', *уличаса столбъяс* 'уличные столбы'; в) относимость или принадлежность к чему-либо — *колхозса бригадир* 'колхозный бригадир', *сиктса артистъяс* 'сельские артисты'; г) при указании месяцев «относящиеся к такому времени» — *январса* 'январский', *февральса* 'февральский',

ноябрса 'ноябрьский' и др.; коми суфф. *-са* связан с у. *-эс* и восходит к ф.-у. **-sk*;

-ся, -я || *-ся*, образующие имена прилагательные со значением относимости к какому-либо промежутку времени: к.-з. *арся лун* 'осенний день', *тöвса рыт* 'зимний вечер', к.-п. *ойся* 'ночной', к.-з. *тулься* 'весенний', к.-п. *тоньяся* 'относимое к вчерашнему'; суфф. *-ся* состоит из *-сь*+*а*; первый представляет собой эл. *-ś* с присоединением к нему *-а* — пермского суффикса обладания;

к.-з. *-і; -ыс, -öс*, образующие имена прилагательные с пространственным значением: *ув* 'низ' — *улі* 'нижний', *выв* 'верх' — *вылысь* 'верхний', *пытш* 'внутренность' — *пытшкöс* 'внутренний';

к.-п. *-овöй* (< русск *-овый*), образующий имена прилагательные от некоторых имен существительных со значением вещества или материала: *пу* 'дерево' — *пуовöй* 'деревянный', *кöрт* 'железо' — *кöртөвöй* 'железный';

к.-п. *-ись* (*-ісь*), образующий имена прилагательные с разным значением от слов, обозначающих пространство: *выв* 'верх' — *зылысь* 'верхний', *ва* 'вода' — *ваись* 'водяной', *му* 'земля' — *муись* 'земляной'; значения коми-пермяцких суфф. *-овöй* и *-ись* (*-ісь*) могут совпадать, ср. *ватаовöй* и *ватаись* 'ватный', *муовöй* и *муись* 'земляной'; суфф. *-ись* имеет одинаковое происхождение с окончанием исх. падежа;

к.-п. *-сора*, образующий имена прилагательные, указывающие на признак по примеси, смеси или состава: *ёг* 'сор' — *ёгсора* 'с сором', 'сорный', *ва* 'вода' — *васора* 'смешанный с водой', *вит* 'пять' — к.-п. *витсора* 'пятисоставной'; сложный суфф. *-сора* образован из самостоятельного слова *сор* 'состав', 'смесь' и суфф. *-а* (< прап. **-ак*);

к.-п. *-пöвса*, образующий от количественных числительных имена прилагательные, которые указывают на признак по содержанию слогов: *öтик* 'один' — *öтпöвса* 'однослойный', *кык* 'два' — *кыкпöвса* 'двухслойный', *вит* 'пять' — *витпöвса* 'пятислойный' и т. д.⁵⁸; суфф. *-пöвса* 'сложный': он образован от самостоятельного слова *пöлöс* 'сорг' и суфф. *-а*⁵⁹.

В пермских языках имеется еще ряд суффиксов малопродуктивных и непродуктивных, которые занимают большое место в словообразовании имен прилагательных.

В словарном составе всех пермских языков имеется значительное количество заимствованных прилагательных из русского языка, а в удмуртском еще из тюркских языков. Усвоенные русские прилагательные с исходом на *-ой, -ий, -ый* в удмуртском языке имеют окончания *-ой, -ей* или *-ий* (после мягких согласных основы), в коми — *-öй*, например: *советской* || *сöветскöй* 'советский', *колхозной* || *колхознöй* 'колхозный', *внешней* (*политика*) || *внешнöй*

⁵⁸ Коми-перм. 222.

⁵⁹ Сереб. Ист. перм. 218.

(политика) 'внешняя (политика)', *средней школа* || *среднѳой школа*, *общей собрание* || *общѳой собрание* 'общее собрание', у. *рабочий класс* || *рабочѳий класс* 'рабочий класс'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 61. Количественные числительные служат основой для образования всех остальных разрядов числительных.

По составу количественные числительные делятся на:

простые, состоящие из одного корня: *одѳг* || *ѳтик* || *ѳтик* 'один' (конечное *-ѳг*, *-ѳк* представляет собой уменьшительный суффикс; прапермская основа **st* возводится к более древней основе **skt* в результате метатезы преобразованной впоследствии в **stk*⁶⁰; начальный *og* в удмуртском языке встречается в словах *огнам* 'я один', *огнад* 'ты один' и т. д., *огнол* 'однажды', 'один раз', *огдырын* 'в одно время', 'одновременно', *оген* 'в одиночку', *огазе* 'вместе', досл. 'в одно место' и другие, в числительном *ук-мыс*, досл. 'один до десяти' первый компонент отражает более древнее финно-угорское состояние, ср. ф. *uksä*, мр. *ук*, *икте*, мс. *аква* 'один' и другие; *кык* 'два' (< доп. **käktz*, КЭСК, 151), *куинь* || *куим* 'три' (< доп. **kolme*, КЭСК, 128), *ныль* || *нѳль* 'четыре' (< доп. **neljä*, КЭСК, 189), *вить* || *вит* 'пять' (< доп. **witte*-или **wite*-, КЭСК, 58; в удмуртском согласный *t* смягчился под влиянием переднерядного *и*), *куать* || *квѳйт* || *квѳть* 'шесть' (< доп. **küte*-, КЭСК, 119), *сизьым* || *сизим* 'семь' (< доп. **se tš'emä*, КЭСК, 255), *дас* 'десять' (< иран., ср. осет. *däs*, КЭСК, 87), *кызь* 'двадцать' (< общеп. **kūz*, КЭСК, 150), *сю* || *сѳ* 'сто' (< доп. **sāta* < иран. ср. др.-инд. *śatām*, КЭСК, 252), *сюрс* 'тысяча' (< прап. **šurs* < иран., ср. др.-инд. *sahasra*, КЭСК, 275);

сложные, состоящие из двух или более корней: *куамын* || *комын* 'тридцать' (< прап. **kwq-min*, *kq-min* 'три десятка', КЭСК, 132), *ныльдон* || *нѳлямн* 'сорок' (дон 'цена (в прошлом) равная десяти беличьим шкуркам', *мын* 'десяток' КЭСК, 187, 189), *сутьтон* || *ветымын* 'пятьдесят' (КЭСК, 54, 58), *куатьтон* (< *куать* 'он 'шесть цен') || *квѳитымын* (< *квѳйт-ы-мын* 'шесть десятков', 'шестьдесят', КЭСК, 119), *сизьымдон* (< *сизьым дон* 'семь цен') || *сизимдас* (< *сизим дас* 'семь десятков', 'семьдесят'), *тямыс* (< *кѳа-мыс* < *кыкѳамыс* 'два десятка') || *кѳкъямыс* || *кыкъямыс* (*кык* 'пара', 'два', *мыс* 'десять', т. е. 'два до десяти') 'восемь', КЭСК, 140), *укмыс* || *ѳкмыс* 'девять' (*ук*, *ѳк* 'один', *мыс* 'десять', т. е. 'один до десяти'); в числительных *тямыс-тон* || *кѳкъямысдас* || *кыкъямысдас* 'восемьдесят', *укмыстон* || *ѳкмысдас* 'девяносто' обозначение десятков выражено два раза: суфф. *-мыс* и *-тон* или *-дас*; принято считать, что элемент *-мыс* в прошлом употреблялся для обозначения первого десятка, а *-мын* (в словах *комын*, *нѳлямн*, *ветымын*, *квѳитымын*) для обозначения остальных десятков;

⁶⁰ Сереб. Ист. перм. 218.

составные, состоящие из двух или более слов: *дас одйг* || *дас отик* 'одиннадцать', *сю кызь вить* || *сё кызь вит* 'сто двадцать пять' и т.д. В коми-пермяцком языке после десяти практически счет идет с помощью русских числительных.

Как и в других финно-угорских языках, имена существительные пермских языков после числительных употребляются в ед. числе: *ми куинь пи вордйм* || *ми быдтйм куим пи* 'мы воспитали троих сыновей', *кык вал вайизы* || *кык вёв вайисны* 'пригнали двух лошадей'; но удмуртский язык в последнее время все чаще стремится употреблять существительные при числительном в форме мн. числа, например: *дас тракторъёс вайизы* вм. *дас трактор вайизы* 'привезли десять тракторов'⁶¹.

§ 62. Порядковые числительные образуются с помощью суфф. -*етй* (-*етй*) || -*өд* || -*өт*, присоединяемого к количественному числительному.

Исключением для всех пермских языков является образование числительного «первый»; у *нырысетй* 'первый' образовано от *нырысь* (< *ныр* 'нос') 'ближайший от носа', 'первый'; к. *медводдза* досл. 'самый передний', 'первый'. В коми языках «второй» передается словом *мөд* || *мөдик*. Остальные порядковые числительные образуются единообразно: *куин-етй* || *койм-өд* || *куим-өт* 'третий', *нълм-етй* || *нэль-өд* || *нэль-өт* 'четвертый' и т. д.

Суффикс порядкового числительного восходит к уральскому словообразовательному суффиксу *-*mt* < *-*mS*+*-*t*, ср. ф. *kolmante* 'третий'.

Коми-пермяцкие порядковые числительные свыше десяти заимствованы из русского языка, причем окончания -*ий*, -*ый*, -*ой* усвоены в форме -*өй*: *одиннадцатөй* 'одиннадцатый', *двадцатөй* 'двадцатый', *сороковөй* 'сороковой' и т. д.

Порядковые числительные в роли определения по падежам не изменяются. Однако в удмуртском, если они имеют выделительно-указательный суффикс, склоняются. Парадигма склонения порядковых числительных с -*ез* (-*ез*) сходна с парадигмой склонения имен прилагательных с выделительно-указательным суффиксом (см. § 59).

В отличие от коми языка в удмуртском при обозначении дат употребляется конструкция, аналогичная русской, например: *23-тй феврале Советской Армиялэн празникез луэ*, ср. к-з.: *февраль 23-өд лун — Советской Армиялэн празник* '23-е февраля — праздник Советской Армии'; *Туннэ, вторник, 17-тй октябрь, 1975-тй ар*, ср. к-з. *талун вторник, октябрь 17 лун, 1975 во* 'сегодня вторник, 17-е октября 1973 года'.

§ 63. Совместные (или совместно-собираемые) числительные образуются при помощи суфф. -*на* || -*нан*. Удмуртские совместные числительные в словосочетаниях употребляются лишь с притяжательными суффиксами -*мы*, -*ды*, -*зы*, например:

⁶¹ См.: Гр. удм. 150.

кыкна·мы братъёс || к.-з. *кыкнан вокным* 'мы два брата'
кыкна·ды братъёс || к.-з. *кыкнан вокныд* 'вы два брата'
кыкна·зы братъёс || к.-з. *кыкнан вокныс* 'они два брата'
висьна·мы братъёс || к.-з. *витнан вокным* 'мы все пять братьев'
висьна·ды братъёс || к.-з. *витнан вокныд* 'вы все пять братьев'
висьна·зы братъёс || к.-з. *витнан вокныс* 'они все пять братьев'.

Лично-притяжательные суффиксы в коми языках присоединяются к существительному, употребляемому в ед. числе. Как и в удмуртском языке, коми количественные числительные, обозначающие единицы и десятки, употребляясь с суфф. *-нан* (ср. у.-на) и притяжательными суффиксами, одновременно выражают количество и лицо, т. е. прономинализуются: *кыкнанным*, ср. у. *кыкнамы* 'мы оба', 'мы двое', 'мы вдвоем', *нэьльнанныд*, ср. у. *нэьльнады* 'вы четверо', 'вы вчетвером', *витнанныс*, ср. у. *висьназы* 'они пятеро', 'они впятером' и т. д.

Слова типа *кыкна*, *куиньна*, *висьна* и т. п. без притяжательных суффиксов первоначально имели только собирательное значение 'двое', 'с двумя', 'трое', 'с тремя', 'пятеро', 'с пятерыми' и т. д., затем в удмуртском языке в сочетании с притяжательными суффиксами приобрели дополнительное, совместное определенноличное значение: *кыкнамы* 'мы двое', 'мы вдвоем', *куиньнады* 'вы трое', 'вы втроём', *висьназы* 'они пятеро', 'они впятером' и т. д.

Совместные (или совместно-собирательные) числительные удмуртского языка в качестве определения перед существительным могут стоять в сочетании с выделительно-указательным суффиксом, выступающим в этом случае в виде *-из* (вместо обычного *-эз*): *кыкнаиз кий висе*, ср. к.-з. *кыкнан кийё висьё* 'обе руки болят', *куиньнаиз нэьльёсыз городьсь вуизы*, ср. к.-з. *куимнан нэьлыс карысь воисны* 'все три дочери ее прибыли из города'. В коми суфф. *-нан* второе *н* есть наращение для усиления.

Суффикс совместного числительного *-на*, вероятно, находится в генетическом родстве с элементом совместных числительных многих финно-угорских языков, ср. в. *пéгуен*, мс. *piłen* 'вчетвером', ф. *kolmen* 'втроём' и т. д. и восходит к финно-угорскому лок. **-на*, **-nä* (см. М. § 60).

Удмуртские собирательные числительные образуются также сочетанием числительных с послелогом *кузя* 'в. . .' или *чошен* 'вместе': *кык кузя* или *кык чошен* 'вдвоем', *вись кузя* или *вись чошен* 'впятером', 'пять человек вместе'. Данным сочетаниям в коми языках соответствуют формы числительных в твор. падеже, ср. *кыкён* 'вдвоём', *нэьлён* 'вчетвером', *висьён* 'впятером' и т. д. Понятие «дважды» в удмуртском языке передается словосочетанием *кыкпол* досл. 'два раза', понятие «трижды» — *куинь пол* досл. 'три раза' и т. п. В коми языках в подобных случаях употребляется числительное в форме исх. падежа: *кыкысь* 'дважды', *куимысь* 'трижды' и т. д.

§ 64. Д р о б н ы е ч и с л и т е л ь н ы е. Понятие 'половина, пол . . .' в пермских языках выражается словом *жыны* || *джын*. При сочетании с существительным это слово в удмуртском языке стоит впереди: *жыны ведра*, ср. к. *ведра джын* 'полведра', *жыны дун*, ср. к. *джын дон* 'полцены', *жыны нунал*, ср. к. *лун джын* 'полдня' и т. д. Если нужно выразить понятие 'целое+половина', т. е. 'полтора', употребляются две формы сочетания:

1) существительное в основной форме, за ним следует союз *но* || *да* 'и'+слово *жыны* || *джын*: *дас но жыны* || *дас да джын* 'десять с половиной', *ведра но жыны* || *ведра да джын* 'полтора ведра';

2) существительное в твор. падеже ед. числа+слово *жыны* || *джын* в основной форме или в твор. падеже ед. числа, например: *ведраен жыны* или *ведраен жынын* || *ведраён-джынойён* 'полтора ведра', досл. 'ведром половиной'. Целые числа+дробные в удмуртском обозначаются так: в начале ставится слово, обозначающее целое число, затем следует слово *быдэс* 'целый', 'целое'+союз *но* 'и'+слова, обозначающие дробные числа, например: *кык быдэс, но ныль дасмос* 'два целых и четыре десятых' и т. д.

В отличие от коми числительных удмуртские числительные, показывающие часть целого предмета или числа, образуются при помощи суфф. *-мос*, который присоединяется к основе слова, выражающего знаменатель дроби: *куинь витьмос* 'три пятых', *куать дасмос* 'шесть десятых'. Они могут иметь при себе притяжательные суффиксы: *вить дасмосмы* 'наши пять десятых', *вить дасмоссы* 'их пять десятых' и т. п., а также могут изменяться по падежам.

§ 65. Ч и с л и т е л ь н ы е, обозначающие п р и м е р н о е к о л и ч е с т в о конкретных предметов, образуются путем:

1) сочетания смежных количественных числительных одного и того же разряда: *кык-куинь* 'два-три', 'около двух-трех', *ныль-вить* 'четыре-пять', 'около четырех-пяти', *сизым-тямыс* 'семь-восемь', 'около семи-восьми' и т. д.; числительные меньшей величины всегда предшествуют числительным большей величины;

2) сочетания слова *ог* 'примерно', 'около', 'приблизительно' с соответствующим числительным: *ог дас мурт* 'примерно десять человек', *ог кызь машина* 'около двадцати машин'; после аналогичных сочетаний могут следовать послелог *мында* 'около', *ёрос* 'около', 'примерно': *ог дас мурт ёрос* 'примерно десять человек'. ср.: *ог кызь мында машина* 'около двадцати машин';

3) прибавления суфф. *-о* к числительному: *дасо минут ортчиз* 'прошло около десяти минут';

4) использования вопросительной частицы *-а*: *кызь кык-а кызь куинь-а ар быземез* 'но прошло уже около двадцати двух-двадцати трех лет с тех пор, как она замужем' (ср. коми образования с частицей *-ö*: *нэль-ö-вит морт* 'четыре или пять человек', 'около четырех-пяти человек', 'примерно четыре-пять человек');

5) использования показателя мн. числа *-ос* (*-ёс*), присоединяемого к имени существительному: *дас аръёс со Казаньын уйіз* 'около десяти лет он прожил в Казани'.

Основной способ образования коми числительных приближительного счета — постановка количественного или порядкового числительного после существительного: *мурт сизим*, ср. у. *ог сизыым мурт* 'человек семь', *ведра дас* 'ведер десять' и т. д.

МЕСТОИМЕННЯ

§ 66. По своему значению местоимения в пермских языках составляют следующие разряды: личные (собственно-личные), взаимно-личные, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные. В коми языках еще различают усилительно-личные и обобщительно-определительные, а в удмуртских грамматиках они объединяются в один разряд определительных местоимений. В коми-пермяцкой грамматике в особый разряд выделяются так называемые противопоставительные местоимения, к которым относятся: *мбд* (*мбртыс*) 'другой (человек)', *мукбд* 'иной', 'другой' и т. п. Так называемые счетно-личные и послеложно-личные местоимения, выделяемые в особый разряд в пермских языках, отнесены в соответствующие разделы имен числительных и послелогов.

§ 67. Л и ч н ы е м е с т о и м е н и я: *мон* || *ме* 'я', *ми* || *ми* || *мийб* 'мы'; *тон* || *тэ* 'ты', *тй* || *ти* || *тийб* 'вы'; *со* || *сийб* || *сия* 'он' *соос* || *найб* || *ния* 'они'. Мн. число 3-го лица в удмуртском языке *соос* образовано с помощью суфф. мн. числа *-ос*, присоединенного к основе местоимения 3-го лица ед. числа *-со-* (*со+ос*). В коми языках мн. число 3-го лица имеет своеобразные формы: *найб* || *ния*.

Личным местоимениям пермских языков свойственно особое склонение. В удмуртском языке своеобразны изменения их по падежам в 1-м и во 2-м лицах, в коми — во всех лицах.

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ (СОБСТВЕННО-ЛИЧНЫХ) МЕСТОИМЕННИЙ

	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>мон</i> <i>ме</i> <i>ме</i> 'я'	<i>ми</i> <i>ми</i> <i>ми</i> , <i>мийб</i> 'мы'
Род.	<i>мынам</i> <i>мена</i> <i>мена</i>	<i>миям</i> <i>миан</i> <i>миан</i>
Разд.	<i>мынэсьтым</i> <i>менсьым</i> <i>менчим</i>	<i>милесьтым</i> <i>мианльсь</i> <i>мианльсь</i>
Дат.	<i>мыным</i> <i>меным</i> , <i>мен</i> <i>меным</i>	<i>милем(ль)</i> <i>мианль</i> <i>мианль</i>
Вип.	<i>монэ</i> <i>менб</i> <i>менб</i>	<i>милемды</i> (<i>милемыз</i>) <i>мианбс</i> <i>мианбс</i>
Твор.	<i>монэн(ым)</i> <i>менбн</i> <i>менбн</i>	<i>милемын</i> (<i>миленымы</i>) <i>мианбн</i> <i>мианбн</i>
Лиш.	<i>монтэк</i> <i>метбг</i> <i>метбг</i>	<i>митэк</i> <i>миантбг</i> <i>миантбг</i>
Направ.	<i>монлань</i> <i>мелань</i> <i>мелань</i>	<i>милань</i> <i>мианлань</i> <i>мианлань</i>

	Ед. число	Мн. число
Соед.	— мекöд мекöт	— мянкöд мянкöт
Достиг.	— мела мела	— мянла мянла
Соотв.	монъя — —	мя — —
Сравн.	— — месся	— — мянся
Им.	тон тэ тэ 'ты'	тй тй тй, тйö 'вы'
Род.	тынад тэнад тэнат	тйляд тйян тйян
Разд.	тынэсьтыд тэнсьыд тэнчит	тйлесьтыд тйяныльсь тйяныльсь
Дат.	тыныд тэныд, тэд тэныт	тйлед(лы) тйянылы тйянылö
Вин.	тонэ тэнö тэнö	тйледды, тйледыз тйяныс тйяныс
Твор.	тонэн(ыд) тэөн тэөн	тйледын, тйленыды тйянын тйянын
Лич.	тонтэк тэтöг тэтöг	тйтэк тйянтöг тйянтöг
Направ.	тонлань тэлань тэлань	тйлань тйянлань тйянлань
Соед.	— тэкöд тэкöт	— тйянкöд тйянкöт
Достиг.	— тэла тэла	— тйянла тйянла
Соотв.	тонъя — —	тйя — —
Сравн.	— — тэся	— — тйянся
Им.	со сйö сйя 'он'	соос найö нйя 'они'
Род.	солэн сылөн сылөн	соослэн налөн нылөн
Разд.	солэсь сылысь сьмысь	соослэсь налысь нылысь
Дат.	солы сылы сьмö	соослы налы нылö
Вин.	сое сйöс сйö	соосты, соосыз найöс нйö
Твор.	соин сйөн сйөн	соосын наён нылөн
Лич.	сотэк сьтöг сьтöг	соостэк натöг ньтöг
Направ.	солань сылань сылань	соослань налань нылань
Соед.	— ськöд ськöт	— накöд нькöт
Достиг.	— сыла сыла	— нала ныла
Соотв.	соя — —	соосъя — —
Сравн.	— — сысса	— — нысса

Необходимость обозначения пространственных отношений у местоимений практически ограничена. Они обычно изменяются по субъектно-объектным падежам, но в коми языках допустимы.

История происхождения форм первого и второго лица отлична от форм третьего лица, которые, за исключением им. падежа, совпадают с формами обычных имен существительных.

Удмуртские формы 1-го и 2-го лица ед. числа личных местоимений с конечным *н* считаются более древними. Они обнаруживаются и в других финно-угорских языках. В коми языках соглас-

ный *н* в им. падеже выпал, ср. *мон* || *ме* || *ме* 'я', *тон* || *тэ* || *тэ* 'ты'. Изменение конца слова пермских языков вызвало изменение корневого гласного в удмуртском. Род. падеж *мын-а-м* || *мен-а-м* || *мен-а-м* 'у меня (имеется)', *тын-а-д* || *тэн-а-д* || *тэн-а-т* 'у тебя (имеется)' представляет собой трансформацию формы местного падежа притяжательного склонения имен существительных. Коми-пермяцкая форма *тэнат* является более древней⁶². Разд. падеж (*мын-э-сьт-ым* || *менсьым* || *менчим* 'у меня (взять)', *тынэсьтыд* || *тэнсьыд* || *тэнчит* 'у тебя (взять)' образован на базе исх. падежа. Форма коми языка *менсьым*, *тэнсьыд* отражает более древнюю форму окончания исходного падежа, удмуртский сложный суфф. *-сьт* (*сь* + *т*) возник позднее⁶³. Формы дат. падежа *мын-ы-м*, || *мен-ы-м* 'мне', *тын-ы-д* || *тэн-ы-д* || *тэн-ы-т* 'тебе' состоят из древнего лативного суфф. *-ы* и усеченного варианта лично-притяжательного суфф. *-м* 1-го лица ед. числа. Вин. падеж ед. числа пермских языков (*монэ* || *менö* 'меня', *тонэ* || *тэнö* 'тебя') представляет собой основу слова. История происхождения *сое* || *сийс* || *сийö* такова: к чистой местоименной основе *со* || *сы*, выступающей в косвенных падежах, присоединилась выделительно-усилительная частица *-э* || *-ö*; затем между этой конечной гласной *-э* || *-ö* и конечной гласной основы для устранения зияния появился вставочный элемент *й*, под влиянием которого в коми языках *ы* перешел в *и* (*сьö* > *сийö* > *сийö* || *сия*), в коми-пермяцком (с конечным гласным *-а*) образована из *сийö*⁶⁴. В остальных падежах личные местоимения имеют сходную форму с именами существительными⁶⁵.

Формы мн. числа им. падежа у личных местоимений 1-го и 2-го лица в пермских языках совпадают: *ми* || *ми* || *ми*, *мийö* 'мы', *ти* || *ти* || *ти*, *тийö* 'вы'. Варианты *мийö*, *тийö* — вторичного происхождения: их возникновение аналогично возникновению *сийö*.

Такое же образование коми-зырянского личного местоимения 3-го лица *найö* (< *на* — чистая основа — *наö* > *найö*) 'они'. В коми-пермяцком языке форма *ниэ* 'они' (с конечным *-а*) образовалась из *нийö* (< *ны* — чистая основа, причем гласный *ы* пере-

⁶² Сереб. Ист. перм. 190.

⁶³ См.: Сереб. Ист. перм. 185—186.

⁶⁴ Сереб. Ист. перм. 45.

⁶⁵ В отдельных местах нашей работы может встречаться некоторая терминологическая неувязка, что большей частью является следствием неупорядоченности названий отдельных грамматических категорий в существующих ныне источниках по пермским языкам. Так, наряду с разными названиями падежей в удмуртском, коми и коми-пермяцком дается разное наименование склонению существительных с лично-притяжательными суффиксами: одни называют его определительно-притяжательным склонением, другие — притяжательно-указательным, третьи — притяжательным, четвертые — определительно-личным. См. работы: П. И. Майшев. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.—Л., 1940, стр. 27; Совр. к. яз., I 149; Коми-перм. 198; Гр. удм. I 85; Сереб. Ист. перм. 99, 7.— Такое несоответствие наблюдается также в классификации местоимений, числительных, в названиях прошедших времен и нек. др.

шел в *i* под влиянием последующего *й*); все косвенные падежи в настоящее время образуются от основы *ны-*.

Удмуртская форма 3-го лица мн. числа *соос* 'они' образована путем присоединения суффикса мн. числа имен *-ос* к форме ед. ч. *со* 'он'. При склонении удмуртские личные местоимения 3-го лица как единственного, так и множественного числа не изменяют свои основы.

Формы род. падежа удмуртских личных местоимений: *милям* 'у нас (имеется)', *тйляд* 'у вас (имеется)', по мнению Б. А. Серебренникова, восходят к более древним формам *mil'a*, *til'a*, образованным из соответствующих форм местоимений *mi* и *ti*, осложненных суфф. *-ла*; *mila* имело значение 'относящийся к нам', 'наш', *tila* — 'относящийся к вам', 'ваш'⁶⁶. Смягчение интервокального *l* в этом случае, по-видимому, следует объяснить влиянием предшествующего переднерядного *i*⁶⁷. В основе современных форм *миян*, *тиян* лежат более древние образования *mia*, *tia*. Под влиянием формы род. падежа типа *воклён* 'у брата', *батылён* 'у отца', формы *tia*, *mia* присоединили к себе в более поздний период согласный *n*. Как в удмуртском, так и в коми языках форма род. падежа послужила основой образования многих (а в коми языках всех) косвенных падежей.

§ 68. Взаимно-личные местоимения пермских языков характеризуются общим значением 'взаимно друг друга'. Они употребляются при именах существительных и местоимениях, с которыми связаны по смыслу и согласуются с ними в лице и числе. Образуются путем повтора числительных *ог*, *одйг* || *ота* 'один', *мёд* 'другой' с последующим наращением к ним соответствующих личных суффиксов: *ог-огмы*, *огмес(ты)-огмы*, *ог-огмес(ты)* || *ота-мёднымс*, *мёда-мёднымс* 'мы друг друга'; *ог-огды*, *ог-дэс(ты)-огды*, *ог-огдэс(ты)* || *мёда-мёднытё*, *мёда-мёднытё* 'вы друг друга'; *ог-огзы*, *огзэс(ты)-огзы*, *ог-огзэс(ты)* || *ота-мёдбс*, *мёда-мёднысё* 'друг друга', 'они друг друга', 'они один другого'. В коми-пермяцком языке имеется особое взаимное местоимение *отамёд*, — употребительное в косвенных падежах и в сочетании с послелогоми: *отамёдкёт* 'друг с другом', *отамёдлё* 'друг другу', *отамёд понда* 'друг за друга' и т. п. В основе их также лежат числительные *от* 'один' и *мёд* 'второй', 'другой'. Соединены эти слова, как и другие коми взаимно-личные местоимения, между собой элементом *-а*, восходящим к окончанию древнего локатива, который имел значение совместного падежа. С присоединением к слову *отамёд* суфф. *-ным*, *-ныт*, *-ныс* образуются коми-пермяцкие взаимно-личные местоимения: *отамёдным* 'мы друг друга', *отамёдныт* 'вы друг друга', *отамёдныс* 'они друг друга'. Взаимно-личные местоимения имеют возможность изменяться по субъектно-объектным падежам, факультативно также в направ. падеже.

⁶⁶ Сереб. Ист. перм. 198.

⁶⁷ Т. Uotila — NyK L 469.

При склонении удмуртских взаимно-личных местоимений изменяется только первый или второй компонент местоимений; причем, если изменяется первый компонент местоимения, то обе его составные части принимают притяжательные суффиксы мн. числа; при изменении же второго компонента первый не принимает лично-притяжательных суффиксов. В коми языках взаимно-личные местоимения склоняются как существительные, например: *найö мöда-мöднысö любитöны || няя öтамöднысö любитöны*, ср. у. *соос ог-огзэс(ты) ярато* или *соос огзэс(ты)-огзы ярато* 'они любят друг друга'. В послеложных сочетаниях коми местоимения занимают определенное предшествующее место, в удмуртском языке послелог может становиться между сочетанием, представляющим собой взаимно-личное местоимение: *öта-мöднытö бердö || öтамöдныт бердö*, ср. у. *огды борды огды* (наряду с *ог-огды борды*) 'друг к другу'; причем оба компонента имеют одинаковые притяжательные суффиксы.

§ 69. В качестве притяжательных местоимений в пермских языках используются:

1) адъективизированные формы личных местоимений, а именно родительного падежа:

мынам || менам 'мой (имеется)',
тынад || тэнад || тэнат 'твой (имеется)'
солэн || сылён 'его (имеется)';
миям || миян 'наш (имеется)',
тйляд || тиян 'ваш (имеется)',
соослэн || налён || нылён 'их (имеется)';

разделительного падежа:

мынэстым || менсым || менчим 'мой (взять)',
тынэстыд || тэнсыд || тэнчит 'твой (взять)',
солэсь || сылысь || сылысь 'его (взять)';
милэстым || миянлысь || миянлысь 'наш (взять)',
тйлэстыд || тиянлысь || тиянлысь 'ваш (взять)';
соослэсь || налысь || нылысь 'их (взять)'.

Из притяжательных местоимений своеобразие представляют образования ряда 'наш', 'ваш', 'их', ср.: род. п. *миям || миян, тйляд || тиян, соослэн || налён || нылён*; разд. п. *милэстым || миянлысь || миянлысь, тйлэстыд || тиянлысь || тиянлысь, соослэсь || налысь || нылысь*.

В формах удмуртских притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица элемент *л* возводится к древнему словообразовательному суффу. -*ла*⁶⁸;

2) адъективизированные формы лично-определятельных местоимений род. падежа: *аслам* 'мой', 'свой', *аслад* || к.-п. *аслат* 'твой', *аслаз || аслас* 'его', 'свой'; *асьмелэн || асланым* 'наш', *асьтэлэн || асланыд || асланыт* 'ваш', *асьсэлэн || асланыс* 'их'; разд. падежа:

⁶⁸ См.: Сереб. Ист. перм. 202.

аслэсьтым || *ассьым* || *ассим* 'мой', *аслэсьтыд* || *ассьыд* || *ассит* 'твой', *аслэсьтыз* || *ассьыз* || *ассис* 'его', *асьмелэсь* || *ассьыным* || *ассиным* 'наш', *асьтэлэсь* || *ассьыныд* || *ассинымт* 'ваш', *асьсэлэсь* || *ассьыныс* || *ассиныс* 'их';

3) чистые местоименные основы пермских языков: *мон* || *ме*, *тон* || *тэ*, *со* || *сы* (усеченная форма от *сийö*); *ми*, *тй* || *ти*, *соос* || *на* (краткая форма от *найö*) || *ны* (усеченная форма от *ниä*), например: *мон кийн* || *ме кийн* 'в моем ведении', 'под моим руководством' (досл. 'в моей руке'), *тон кийн* || *тэ кийн* 'в твоём ведении', *со кийн* || *сы кийн* 'в его ведении'.

В сочетании с именами существительными притяжательные местоимения при склонении не изменяются. Исключением является вин. падеж, в котором существительное согласуется с притяжательным местоимением, ср.:

Им.	<i>мынам эше</i> <i>менам ёртöй</i> 'мой друг,'
Род.	<i>мынам эшелэн</i> <i>менам ёртлөн</i>
Разд.	<i>мынам эшелэсь</i> <i>менам ёртлысь</i> <i>ёртлысь</i>
Дат.	<i>мынам эшелы</i> <i>менам ёртлы</i>
Вин.	<i>мынэсьтым эшме</i> <i>менэсьым</i> <i>менчим ёртöс</i>

Удмуртские притяжательные местоимения широко употребляются с выделительно-указательными суфф. *эз* (-*ез*), -*ыз*. Они склоняются по субъектно-объектным падежам и взаимно согласуются с определяемым существительным в лице, числе и падеже: им. п. *мынамез книгае* 'моя книга' (а не чужая), род. п. *мынамезелэн книгаелэн* 'у моей книги' (а не чьей-либо), дат. п. *мынамезелы книгаелы* 'моей книге' (а не чьей-либо) и т. д.

В коми языках аналогичных сочетаний нет, если не считать случаи субстантивации притяжательных местоимений, образованных от лично-определятельных местоимений, которые принимают все словоизменительные особенности имен существительных. В позиции сказуемого при подлежащем во мн. числе они обычно согласуются в числе с помощью суфф. -*öсь*: *чемоданас чачаясы асламöсь* || *чемоданас чачаз асламöсь* 'в чемодане игрушки мои собственные'.

§ 70. По своему значению у к а з а т е л ь н ы е местоимения пермских языков можно подразделить на ближне- и дальнеуказательные. К ближнеуказательным местоимениям относятся: *та*, *таиз* (-*из* — выделительно-указательный суффикс) || *тайö* || *эта* 'этот', 'эта', 'это'; *таче* || *татшöм* 'такой'. К дальнеуказательным местоимениям относятся: *со*, *соиз* (-*из* — выделительно-указательный суффикс) || *сийö* || *сия* 'тот', 'та', 'то'; *сыче* || *этишöм* 'такой'.

В коми языках как ближнеуказательные, так и дальнеуказательные местоимения имеют усилительно-указательную (т. е. выделительно-указательную) разновидность, содержащую приставку *э-*, например: *тайö* 'этот' — *этайö*, *этиö* 'вот этот'; *сийö* || *сия* 'тот' — *эсийö*, *эсийö* 'вот тот', *татшöм* 'такой' (в непосредственной

близости) — *этишӧм* 'вот такой', *сэтишӧм* 'такой (в отдалении)' — *эстишӧм*, *эсытишӧм* 'вот такой (там вдали)' и т. д.

В удмуртском языке для усиления указания на предмет употребляются частицы *тани* 'вот' и *тйни* 'вон': *тани та* 'вот этот', *тани со* 'вот тот (та, то)', *тйни та* 'вон этот (та, то)', *тйни со* 'вон тот (та, то)'.

Местоимения *таче* || *татишӧм*, *сыче* || *сэтишӧм* 'такой', 'подобный' выражают указание на признак предмета; *таче* || к.-з. *татишӧм* указывают на признак предмета, находящегося в непосредственной близости от говорящего. Местоимение *сыче* || *сэтишӧм* указывает на признак предмета, находящегося на известном расстоянии от говорящего или упоминавшегося в речи ранее. Удмуртские местоимения *сыче*, *таче* могут оформляться выделительно-указательным суффиксом: *сычез*, *тачез* 'именно такой' (т. е. 'такой, а не другой'). Они согласуются в этом случае с определяемыми словами в числе и падеже: *сычеосызлы адямиослы* '(именно) таким людям'.

Удмуртское местоимение *та* восходит к древнему общеуральскому местоименному корню *ta-*. От корня *ta-* в коми языках была образована форма *тайӧ* (*таӧ* > *тайӧ*). В коми слове *татишӧм* (ср. у. *таче*) наращение *м* возникло по аналогии с причастными формами типа *мунӧм* 'ушедший', *босьтӧм* 'взятый'⁶⁹. Коми местоимение *сийӧ* восходит к уральскому корню (см. М. § 11). *Сийӧ* первоначально, по всей вероятности, имело форму *сы*. В пермских указательных местоимениях сохраняются *т*-овые и *с*-овые древние элементы, причем, *т* служит для обозначения близости предмета, *с* — для указания местонахождения предмета на определенном расстоянии. Коми местоимение *сэтишӧм* образовано от основы *сэ*; конечное *м*, как и в *татишӧм*, имеет вторичное происхождение. Удмуртское *сыче*, как и *таче*, не имеет конечного *м*.

§ 71. Вопросительно-относительные местоимения: *кин* || *кодӧ* || *кин* 'кто', 'который'; *ма*, *мар* || *мый* 'что'; *кыче* || *кытшӧм*, *мыйсяма* || *кытшӧм* 'какой (-ая, -ое)', *кӧня* || *кымын* || *кыным* 'сколько'; *кудйз* || *код*, *кодӧ*, *кымынӧд* || *кӧда*, || *кынымӧт* 'кто', 'который (-ая, -ое)'; *кудмы* || *кодным* || *кӧдным* 'который из нас'; *кудды* || *кодныд* || *кӧдныт* 'который из вас' и т. д.

Многие из них содержат элемент *k*+гласный. Удмуртское и коми-пермяцкое *кин* состоит из *ki*-основы вопросительного местоимения, свойственного многим финно-угорским и самодийским языкам, и конечного *n*, восходящего к уральскому местоименному суффиксу⁷⁰. Коми *код*, *кодӧ* также состоит из основы вопросительного местоимения *kγ* и элемента-*d*, восходящего к уральскому местоименному суффиксу. -*t*. Конечное *i* в слове *кодӧ* относят к уральскому местоименному суффиксу. -*j*, который проявляется и в местоимении

⁶⁹ Сереб. Ист. перм. 207.

⁷⁰ См. параллели из других языков: Сереб. Ист. перм. 209.

мый и в удмуртском *ма* в косвенных падежах: *мае* (*майэ*) 'что' (вин. п.), *маин* (*майин*) 'с чем'.

§ 72. О т р и ц а т е л ь н ы е местоимения в пермских языках образуются от вопросительно-относительных местоимений при помощи отрицательной частицы-приставки *но-* — в удмуртском языке: *нокин* 'никто', *нокыче* 'никакой', *нокудйз* 'некоторый', *номыр*, *номыре* 'ничего'; *не-* и *ни-* — в коми-зырянском: *некод* 'никто', *некутиём* 'никакой', *нектор* 'ничего', *нинём* и *нинёмтор* 'ничего', *не-* — в коми-пермяцком: *некин* 'никто', *немый* 'ничто', *некытиём* 'никакой', *некытён* 'нигде', *некыдз* 'никак'. Удмуртская отрицательная приставка *но-*, вероятно, финно-угорского происхождения и никакой связи с русской частицей *не* имеет. Коми приставка *не-* усвоена из русского языка.

§ 73. К неопределённым (неопределенно-личные в коми грамматиках) местоимениям относятся:

кин ке; *олокин* || *кодкё* || *кинкё* 'кто-то';

маке, *марке*, *олома*, *оломар* || *мыйкё*, *мыйсюрё* || *мыйкё* 'что-то';

у. *кудйз ке*, *олокудйз* 'который-нибудь'; к.-з. *кодсюрё* 'кое-кто', 'кто попал';

к.-з. *кутиёмкё*, *кутиёмсюрё* || *кытиёмкё* 'какой-то';

к.-з. *кымыёдкё* || *кымыёткё* 'некоторый';

к.-п. *кёдакё* 'который-то';

у. *кёня ке* || *мымдакё* 'сколько-то' и др.

Они образуются:

1) посредством постпозитивной частицы *ке* || *кё*: *кин ке* || *кодкё* 'кто-то' и т. п.;

2) в удмуртском языке посредством препозитивной приставки *оло-*: *олокин* 'кто-то', *олома*, *оломар* 'что-то' и т. д.

В коми-пермяцком распространено употребление неопределённых местоимений, образованных с помощью русск. *-нибудь*.

§ 74. К разряду о п р е д е л и т е л ь н ы х местоимений относятся лично-определятельные (усилительно-личные) и обобщительно-определятельные.

Лично-определятельные местоимения в пермских языках: *ачим* || *ачым* 'я сам', *ачид* || *ачыд* || *ачыт* 'ты сам', *ачиз* || *ачыс* 'он сам', *асьмеос* || *асьным* 'мы сами', *асьтэос* || *асьныд* || *асьныт* 'вы сами', *асьсэос* || *асьсны* 'они сами'. Лично-определятельные местоимения пермских языков имеют особое склонение: в коми языках они изменяются по падежам аналогично именам существительным с притяжательными суффиксами; в удмуртском возникла смешанная парадигма, т. е. формы мн. числа в основном склоняются так же, как имена существительные без притяжательных суффиксов от вновь образованных специфических основ *асьме-*, *асьтэ-*, *асьсэ-*; формы ед. числа имеют разные основы — *ас-*, *ач-* с наращением к ним лично-притяжательного суффикса.

Предполагают, что основа *ась-*, *ач-* некогда являлась именем существительным, обозначавшим понятие «душа». Коми формы ед. числа им. падежа *ачым*, *ачыд(т)*, *ачыс* считают древнее удмурт-

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>ачим // ачым // ачым</i>	<i>ачид // ачыд // ачыт</i>	<i>ачиз // ачыс // ачыс</i>
Род.	<i>аслам // аслам // аслам</i>	<i>аслад // аслад // аслат</i>	<i>аслаз // аслас // аслас</i>
Разд.	<i>аслэстым // ассьым // ассим</i>	<i>аслэстыд // ассьыд // ассит</i>	<i>аслэстыыз // ассьыыз // ассис</i>
Дат.	<i>аслым // аслым // аслым</i>	<i>аслыд // аслыд // аслыт</i>	<i>аслыыз // аслыс // аслыс</i>
Вин.	<i>асме // ачымӧс // ачымӧс</i>	<i>астэ // астьӧ // астьӧ</i>	<i>ассэ // асьсӧ // асьсӧ</i>
Твор.	<i>асэным // ачымӧн // аснам</i>	<i>асэныд // аснад // аснат</i>	<i>асэныз // аснас // аснас</i>
Лиш.	<i>ачимтэк // астӧгым // астӧгьям</i>	<i>ачидтэк // астӧгыд // астӧгьят</i>	<i>ачизтэк // астӧгыз // астӧгьяс</i>
Местн.	— // <i>(ачымын) // (асам)</i>	— // <i>(асад) // (асат)</i>	— // <i>(асас) // (асас)</i>
Исх.	— // <i>ассьым (ачымысь) // ассим</i>	— // <i>ассьыд (ачыдысь) // ассит</i>	— // <i>ассьыс (ачысысь) // ассис</i>
Вступ.	— // <i>(ачымӧ) // (асам)</i>	— // <i>(асад) // (асат)</i>	— // <i>(асас) // (асас)</i>
Направ.	<i>ачимлань // асланыым // асланьям</i>	<i>ачидлань // асланыыд // асланьят</i>	<i>ачизлань // асланыыс // асланьяс</i>
Отд.	— // <i>асяныым // асяньям</i>	— // <i>асяныыд // асяньят</i>	— // <i>асяныыс // асяньяс</i>
Перех.	— // <i>(астыым) // (асӧттям)</i>	— // <i>(астыыд) // (асӧттят)</i>	— // <i>(астыыс) // (асӧттяс)</i>
Пред.	— // <i>(асӧдз) // (асӧдзам)</i>	— // <i>(асӧдзыд) // (асӧдзат)</i>	— // <i>(асӧдзыс) // (асӧдзас)</i>
Соед.	— // <i>аскӧдым // аскӧттям</i>	— // <i>аскӧдыд // аскӧттят</i>	— // <i>аскӧдыс // аскӧттяс</i>
Достиг.	— // <i>(асла, асымла) // —</i>	— // <i>(асыдла) // —</i>	— // <i>(асысла) // —</i>
Соотв.	<i>ачимъя // — // —</i>	<i>ачидъя // — // —</i>	<i>ачизъя // — // —</i>
Сравн.	— // <i>— // асям</i>	— // <i>— // асят</i>	— // <i>— // асяс</i>

Множественное число

Удмуртский язык

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>асьмелс</i>	<i>асьтэос</i>	<i>асьсэос</i>
Род.	<i>асьмелэн</i>	<i>асьтэлэн</i>	<i>асьсэлэн</i>
Разд.	<i>асьмелэсь</i>	<i>асьтэлэсь</i>	<i>асьсэлэсь</i>

(Окончание)

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Дат.	<i>асьмелы</i>	<i>асьтэлы</i>	<i>асьсэлы</i>
Вин.	<i>асьмеды, асьмемыз</i>	<i>асьтэды, асьтэдыз</i>	<i>асьсэды, асьсэдыз</i>
Твор.	<i>асьмемым, асьмеосым</i>	<i>асьтэдым, асьтэосым</i>	<i>асьсэдым, асьсэосым</i>
Лиш.	<i>асьметэк, асьмеостэк</i>	<i>асьтэтэк, асьтэостэк</i>	<i>асьсэтэк, асьсэостэк</i>
Направ.	<i>асьмелань, асьмеослань</i>	<i>асьтэлань, асьтэослань</i>	<i>асьсэлань, асьсэослань</i>

Примечание. По местным падежам удмуртские лично-определятельные (или усилительно-личные) местоимения не изменяются. Исключение составляет направительный падеж.

Коми языки

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	<i>асьным // асьным</i>	<i>асьныд // асьныт</i>	<i>асьныс // асьныс</i>
Род.	<i>асланым // асланым</i>	<i>асланыд // асланыт</i>	<i>асланыс // асланыс</i>
Разд.	<i>ассьыным // ассинным</i>	<i>ассьыныд // ассинныт</i>	<i>ассьыныс // ассинныс</i>
Дат.	<i>аслыным // аслыным</i>	<i>аслыныд // аслыныт</i>	<i>аслыныс // аслыныс</i>
Вин.	<i>асьнымӧс // асьнымӧс</i>	<i>асьнытӧ // асьнытӧ</i>	<i>асьнысӧ // асьнысӧ</i>
Твор.	<i>аснаным // аснаным</i>	<i>аснаныд // аснаныт</i>	<i>аснаныс // аснаныс</i>
Лиш.	<i>астӧгным // астӧгьяным</i>	<i>астӧгныд // астӧгьяныт</i>	<i>астӧгныс // астӧгьяныс</i>
Местн.	<i>(асаным) // (асаным)</i>	<i>(асаныд) // (асаныт)</i>	<i>(асаныс) // (асаныс)</i>
Исх.	<i>ассьыным // ассинным</i>	<i>ассьыныд // ассинныт</i>	<i>ассьыныс // ассинныс</i>
Вступ.	<i>(асаным) // (асаным)</i>	<i>(асаныд) // (асаныт)</i>	<i>(асаныс) // (асаныс)</i>
Направ.	<i>асланыным // асланыным</i>	<i>асланыныд // асланыныт</i>	<i>асланыныс // асланыныс</i>
Отд.	<i>асяныным // асяныным</i>	<i>асяныныд // асяныныт</i>	<i>асяныныс // асяныныс</i>
Перех.	<i>(астыным) // (асӧттыным)</i>	<i>(астыныд) // (асӧттыныт)</i>	<i>(астыныс) // (асӧттыныс)</i>
Пред.	<i>(асӧдзным) // (асӧдзаным)</i>	<i>(асӧдзныд) // (асӧдзаныт)</i>	<i>(асӧдзныс) // (асӧдзаныс)</i>
Соед.	<i>аскӧдным // аскӧттыным</i>	<i>аскӧдныд // аскӧттыныт</i>	<i>аскӧдныс // аскӧттыныс</i>
Достиг.	<i>(асьнымла) // —</i>	<i>(асьныдла) // —</i>	<i>(асьнысла) // —</i>
Сравн.	— // <i>асяным</i>	— // <i>асяныт</i>	— // <i>асяныс</i>

ских форм с огласовкой *и*, которые получились, вероятно, в содействии с мягкими согласными ⁷¹.

§ 75. О б о щ и т е л ь н о - о п р е д е л и т е л ь н ы м и местоимениями являются: у. *вань* 'весь', 'все' и производные от него неличные формы — *ваньмыз* 'все', 'всё' и личные — *ваньмы* 'мы все', *ваньды* 'вы все', *ваньзы* 'они все'; *котькин* 'каждый', 'всякий', у. *котькыче* 'всякий', у. *котькуд*, у. *котькудйз* 'каждый', 'всякий', *котьма*, *котьмар* 'все', 'всё', 'что угодно', у. *быдэс* 'весь', 'целый', *мукет* 'другой'; к.-з. *став* 'весь', 'всё' и производные от него неличные формы *ставыс* 'все', 'всё', *ставён* 'все', личные — *ставным* 'все мы', *ставныд* 'все вы', *ставныс* 'все они', *быд* 'всякий', 'каждый', производная форма от *быд*: *быдён* 'все', 'каждый', *мукёд* 'другие'; к.-п. *быд* 'всякий', 'любой', *быдэс* 'все', *быдён* 'каждый' и производные от него личные формы *быдённым* 'все мы' *быдённыт* 'все вы', *быдённыс* 'все они'.

Местоимение *быд*, имеющееся во всех пермских языках, по всей вероятности, усвоено из древнечувашского языка ⁷². Удмуртское *вань* 'весь', 'целый' этимологически связано с *вань* 'имеется', 'есть'. Приставка *коть-* в ряде удмуртских местоимений происходит от русского *хоть*: *котькудйз*, *котькычевз*, *котькин* первоначально означали 'хоть какой', 'хоть кто', а затем развились значения 'каждый', 'всякий' ⁷³.

ГЛАГОЛ

§ 76. Пермскому глаголу свойственны категории наклонения, времени, лица, числа, вида, залога. Различаются утвердительная и отрицательная формы спряжения.

В коми языках все глаголы изменяются по одному и тому же образцу. Основа слова во всех формах спряжения сохраняется без изменения, например: *мун-* 'идти', — *мун-а* 'иду', *мун-ис* 'ушел (он)', *мун-ас* 'пойдет' и т. д. В отличие от коми языка в удмуртском различают два вида спряжения. Глаголы, к основам которых в инфинитиве присоединяется окончание *-ы-ны*, *-йы-ны*, относятся к I спряжению (*пук-ы-ны* 'сидеть', *пус-йы-ны* 'отметить'), глаголы с основой на *-а-* (*-я-*), к которой присоединяется окончание *-ны*, относятся ко II спряжению (*ужа-ны* 'работать', *дася-ны* 'готовить').

В пермских языках различаются изъявительное и повелительное наклонения, в удмуртском, кроме того, имеется условное наклонение.

⁷¹ Подробнее см.: Сереб. Ист. перм. 202 и далее, ср. иное мнение: Бубрих Ист. эрз. 208.

⁷² Wichm. Tschuw. 45.

⁷³ См.: Сереб. Ист. перм. 212.

У д м у р т с к и й я з ы к

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение (мыныны 'идти')

Ед. ч.	1 л.	<i>мынйсько</i>	<i>уг мынйськы</i>
	2 л.	<i>мынйськод</i>	<i>уд мынйськы</i>
	3 л.	<i>мынэ</i>	<i>уг мыны</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>мынйськомы</i>	<i>ум мынйське</i>
	2 л.	<i>мынйськоды</i>	<i>уд мынйське</i>
	3 л.	<i>мыно</i>	<i>уг мыно</i>

II спряжение (ужаны 'работать')

Ед. ч.	1 л.	<i>ужасько</i>	<i>уг ужаськы</i>
	2 л.	<i>ужаськод</i>	<i>уд ужаськы</i>
	3 л.	<i>ужа</i>	<i>уг ужа</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>ужаськомы</i>	<i>ум ужаське</i>
	2 л.	<i>ужаськоды</i>	<i>уд ужаське</i>
	3 л.	<i>ужало</i>	<i>уг ужало</i>

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение

Ед. ч.	1 л.	<i>мыно</i>	<i>уг мыны</i>
	2 л.	<i>мынод</i>	<i>уд мыны</i>
	3 л.	<i>мыноз</i>	<i>уз мыны</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>мыном(ы)</i>	<i>ум мынэ</i>
	2 л.	<i>мыноды</i>	<i>уд мынэ</i>
	3 л.	<i>мынозы</i>	<i>уз мынэ</i>

II спряжение

Ед. ч.	1 л.	<i>ужало</i>	<i>уг ужа</i>
	2 л.	<i>ужалод</i>	<i>уд ужа</i>
	3 л.	<i>ужалоз</i>	<i>уз ужа</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>ужаломы</i>	<i>ум ужалэ</i>
	2 л.	<i>ужалоды</i>	<i>уд ужалэ</i>
	3 л.	<i>ужалозы</i>	<i>уз ужалэ</i>

Различие между I и II спряжением выражается в следующем:

1) во II спряжении гласный звук словообразовательного суффикса *-ал* сохраняется во всех формах спряжения, при этом в интервокальном положении *-л-* имеется налицо, а перед согласным и в конце слова он выпадает, например: *ужало* 'работают', *юалод* 'будень спрашивать', но *ужасько* 'работаю', *ужад* '(ты) работал',

ужа 'работает' и т. д. Гласный *-а* в формах I спряжения вовсе не встречается;

2) формой 3-го лица ед. числа наст. времени I спряжения является первичная основа (корень) глагола, оканчивающаяся на *-э* (*мынэ* 'идет'), а во II спряжении эта форма состоит из корня слова, оснащенного гласным звуком *-а* суффикс *-*ал* (*ужа* < *ужал* 'работает');

3) в качестве суффикса наст. времени в 1-м и 2-м лицах выступает *-ськ-* (*ужаськод-ы* 'работаете' *мынйсько-ы* 'иду') < ф.-у. **-šk*.

Формы очевидного прошедшего времени I спряжения хорошо сохранили финно-угорскую примету претеритивума *и*, которая стоит перед личным суффиксом (*мыни, мынид, мыниз* и т. д. 'я, ты, он пошел'), а во II спряжении этот гласный *и* исчез: *ужад* ('ты) работал', *ужаз* ('он) работал' и т. д., лишь в 1-м лице ед. числа сохранился в виде *й*: *ужай* 'работал (я)'. Согласный *-л-* перед суффиксом прош. времени *и* выпадает также в некоторых комидиалектах, например, *иžai* (< *иžali*) 'я) работал', *иžain* (< *иžalin*) 'ты) работал' и т. д. В удмуртском языке развитие этого явления пошло дальше в направлении полного исчезновения не только *-л-*, но и приметы прош. времени *-и*: **ужайд* > **ужайд* > *ужад* 'ты) работал'⁷⁴.

В остальных формах показатели времени, лица, числа между этими двумя удмуртскими спряжениями являются общими:

а) показатель наст. времени *-ськ-* (*-иськ-* — I спряжение и *-аськ-* — II спряжение), примета буд. времени *-о* (*мын-о, мын-од, мын-оз* 'буду, будешь, будет идти' — I спряжение; *ужа-ло, ужа-лод, ужа-лоз* 'буду, будешь, будет работать' — II спряжение;

б) показатели лица (*-д* 2-го лица, *-з* 3-го лица): *мын-од* 'пойдешь', *мын-оз* 'пойдет' — I спряжение, *ужа-лод* 'будешь работать', *ужа-лоз* 'будет работать' — II спряжение;

в) показатель мн. числа *-ы*: *мынйськод-ы* 'идете', *мынод-ы* 'пойдете', *мыноз-ы* 'пойдут' и т. д. — I спряжение, *ужалод-ы* 'будете работать', *ужалоз-ы* 'будут работать', *ужаськод-ы* 'работаете' и т. д. — II спряжение.

В праудмуртском языке было единое спряжение. II спряжение выделилось из единой системы спряжения благодаря особому поведению второго компонента (*-л*) отглагольного суффикс *-ал-*.

В абсолютном большинстве современных удмуртских диалектов этимологическое *л* сохраняется. Но имеются говоры, в которых в конце слога *л* переходит в билабиальное *w* (*тыл* > *tjw* 'огонь', *тол* > *tow* 'зима'). Не исключена возможность, что в прошлом в удмуртском языке были широко распространены диалекты, в которых *л* в определенных фонетических условиях выпадал: *ужасько* 'работаю', *ужаськод* 'работаешь', *ужа* 'работает' — вместо ожидаемого *ужаш* мы имеем форму *ужа*, появившуюся, по-видимому, под влиянием форм 1-го и 2-го лица, в которых основой является

⁷⁴ Лытк. Ист. грамм. 62.

ужа-. На базе таких диалектов произошло формирование II спряжения удмуртского языка ⁷⁵.

Коми языки (мунны 'идти')

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

<i>Утвердительная форма</i>		<i>Отрицательная форма</i>
Ед. ч.	1 л. <i>муна</i>	<i>ог мун</i>
	2 л. <i>мунан</i>	<i>он мун</i>
	3 л. <i>мунӧ</i>	<i>оз мун</i>
Мн. ч.	1 л. <i>мунам мунам(ӧ)</i>	<i>ог (огӧ, огӧй)</i> <i>мунӧй ог (огӧ) мунӧ</i>
	2 л. <i>мунанныд,</i> <i>мунад мунат(ӧ)</i>	<i>он (онӧ, онӧй)</i> <i>мунӧй од (одӧ) мунӧ</i>
	3 л. <i>мунӧны</i>	<i>оз мунны оз (озӧ)</i> <i>мунӧ</i>

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч.	1 л. <i>муна</i>	} Как в настоящем времени
	2 л. <i>мунан</i>	
	3 л. <i>мунас</i>	
Мн. ч.	1 л. <i>мунам мунам(ӧ)</i>	} Как в настоящем времени
	2 л. <i>муннаныд, мунад мунат(ӧ)</i>	
	3 л. <i>мунасны мунасӧ</i>	

Наряду с указанной формой буд. времени в коми языках употребляется еще аналитическая. Она образуется путем использования глагола *кутны* 'держат', 'хватат'. В соединении с инфинитивом этот глагол, выступающий в вспомогательной роли, приобретает значение 'начать', 'начинать'. Изменяется по лицам только вспомогательный глагол: *кута сёйны* 'буду есть', 'покушаю', *кутан сёйны* 'будешь есть', 'покушаешь', *кутас сёйны* 'будет есть', 'покушает' и т. д. Форма аналитического буд. времени, как правило, имеет значение русского буд. времени несовершенного вида.

§ 77. В финно-угорском языке-основе не было особых форм для выражения буд. времени, форма наст. времени выражала также будущее действие (см. М. § 136). Пережитки такого состояния мы видим в современных коми языках, где формы наст. и буд. времени совпадают и теперь: в отрицательном спряжении во всех лицах, в утвердительном спряжении в 1- и во 2-м лицах; в прошлом совпадение было и в 3-м лице, так, в языке стефановских письмен формы на *-ас* и *-ӧ* смешались, в удорском диалекте коми языка и в настоящее время с одними глаголами употребляется один фор-

⁷⁵ В. И. Лыткин. Происхождение 2-го спряжения удмуртского языка. «Mélanges offerts à Aurelien Sauvageot pour son soixante-quinzième anniversaire». Budapest, 1972, стр. 185—188.

мант, а с другими — другой (kile 'слышит', но adž'as 'видит' (см. Ф. § 97).

В отличие от коми языка в удмуртском формы 1-го и 2-го лица наст. времени содержат суфф. *-иськ*, *-ськ*, происходящий от словообразовательного суфф. *-сь* со значением повторно-длительного действия⁷⁶ с прибавлением согласного *-к*⁷⁷: *мын-йськ-о* 'иду', *быз-иськ-од* 'бежишь'; *ужа-ськ-ом(ы)* 'работаем', *гажа-ськ-од(ы)* 'уважаете' и т. д. Первый компонент данного суффикса в этом значении широко употребителен в удорском диалекте коми языка, например: *sija otč'ot gižše* 'он пишет отчет', т. е. 'находится он в длительном состоянии оформления отчета'; *мишše* 'идет', т. е. 'находится он в длительном состоянии движения', ср. *giže* 'пишет', *мише* 'идет', обозначающие действие без указания на его длительность. Удмуртские формы на *-ськ* послужили базой для создания особой формы наст. времени в целях отделения ее от прежней формы, имевшей одновременно значение и буд. времени.

Формы 1-го и 2-го лица наст. и буд. времени коми языков совпадают; 3-е лицо наст. времени представляет первичную основу слова, форма мн. числа у. *мын-о* 'идут' является основой формы настоящей-будущего времени, а в коми языках элемент *-ны* (*мунд-ны* 'идут') является древним показателем мн. числа (см. М. § 22).

В прапермском языке показателем настоящей-будущего времени был суфф. **-а*, перешедший в удмуртском в *-о*. Прапермский **-а* первоначально был причастным суффиксом, восходящим к финно-угорскому причастию на **-rγ* (мзпарγ > мзпар 'идуший'⁷⁸). Данный показатель времени (к. а, у. о (< **-а*) сохранился во всех формах современного буд. времени. Другой древний (прафинно-угорский) показатель настоящей-будущего времени пережиточно сохранился в отрицательной форме спряжения в виде *-г*, который восходит к ф.-у. **-к* (см. М. § 137).

§ 78. Личные суффиксы глагола, как и лично-притяжательные суффиксы, происходят от личных местоимений (см. М. § 100, 172). В пермских языках личные суффиксы глагола претерпели большие изменения еще в прапермскую эпоху.

Типичными суффиксами в прапермский период были для 1-го лица *-m*, 2-го — *-t* и *-n* и для 3-го лица — *-s*, которые (кроме 1-го лица) хорошо сохранились в современных пермских языках, в особенности в парадигме спряжения буд. времени. В них произошли следующие изменения: показатель 1-го лица ед. числа суфф. *-m* в абсолютном конце слова отпал, но он встречался еще в стефановских записях XIV в., т. е. в древнекоми языке. Суфф. *-m* (1 л.) просле-

⁷⁶ Szinyu. FgrSprw². 106; Сереб. Ист. перм. 238.

⁷⁷ Бубрих. Ист. фонетика удм. 90.

⁷⁸ E. Setälä — JSFOu. II 85; см. также примечание 21 В. И. Лыткина в кн.: Бубрих. Морф. фин. 179; М. K ó v e s i. A permi nyelvek ósi kerpzöi. Budapest, 1965, стр. 30—64. — О переходе прапермского суффиксального **-а* в удмуртском *-о* см.: В. И. Лыткин — MSFOu, 150, стр. 205.

живается и в других финно-угорских языках (см. М. § 170—172). Во мн. числе *-m* сохраняется последовательно, так как он был прикрыт гласным звуком, оставшимся после отпадения показателя мн. числа *-*k*: (**m3nam3k* > *m3nam3* > у. *мыньсько-мы*, к. *муна-м* 'идем').

Во 2-м лице было два суффикса: *-t* и *-n*; первый из них характерен для удмуртского языка, а второй — для коми языков. Суфф. **-t* (< ф.-у. **-tγ*) сохранился в удмуртском и в форме 2-го лица мн. числа коми-пермяцкого языка: *мунат(ö)*, в отрицательном глаголе *öd* (*-d* < *-t*) *мунö*, у. *уд мыньське* 'вы не идете'; во 2-м лице коми-пермяцкого повелительного наклонения мн. числа отрицательного глагола: *эдö*; во 2-м лице мн. числа настоящего времени др.-к. *-адныйd*; *n*-овый суффикс характерен для 2-го лица отрицательного глагола *эн* || *эн*, *энö* || *эн*. В прапермскую эпоху раннего периода, вероятно, употреблялись оба суффикса, впоследствии *-t* (> у. *-d*) закрепился в парадигме удмуртского и во мн. числе коми-пермяцкого спряжений, а *-n* — в парадигме коми-зырянского языка.

Суффиксом 3-го лица был *-s*, восходящий к указательному местоимению (см. М. § 172). Он хорошо сохранился в формах буд. времени.

Формы мн. числа образовались с помощью финно-угорского суфф. **-k*, который в абсолютном конце слова пермских языков впоследствии отпал: **m3nam3k* > **m3nam3* > *мыном(ы)* || *мунам*, диал. *muname* || *мунам(ö)*; **m3nat3k* > **m3nat3* > *мыноды* || диал. *munad* || *мунат(ö)*; **m3nas3k* > **m3nas3* > *мынозы* || к.-п. *мунасö*.

Во 2- и 3-м лице коми-зырянского языка мн. число образуется с помощью прафинно-угорского суфф. **-n*: *мунан-н-ыд* (*-d* — второй показатель 2-го лица), *мунас-н-ы*.

Древние показатели лица сохранились в некоторых формах вспомогательных отрицательных глаголов: у. *ум* (1 л. мн. ч.), *уд* (2 л. ед. и мн. ч.), *эн* — 2-го лица повелительного наклонения, *уз* || *оз* — 3-го лица повелительного наклонения, *уг* || *ог* — настоящего-будущего времени.

§ 79. Различают две основные формы прошедших времен в пермских языках: очевидное и неочевидное прошедшие времена.

ОЧЕВИДНОЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Удмуртский язык

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение

Ед. ч.	1 л.	<i>мынь</i>	<i>öй мыны</i>
	2 л.	<i>мыньд</i>	<i>öд мыны</i>
	3 л.	<i>мыньз</i>	<i>öз мыны</i>

Мн. ч.	1 л.	<i>мынйм(ы)</i>	<i>өм мынэ(лэ)</i>
	2 л.	<i>мынды</i>	<i>өд мынэ(лэ)</i>
	3 л.	<i>мынйзы</i>	<i>өз мынэ(лэ)</i>

II спряжение

Ед. ч.	1 л.	<i>ужай</i>	<i>өй ужа</i>
	2 л.	<i>ужад</i>	<i>өд ужа</i>
	3 л.	<i>ужаз</i>	<i>өз ужа</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>ужам(ы)</i>	<i>өм ужалэ</i>
	2 л.	<i>ужады</i>	<i>өд ужалэ</i>
	3 л.	<i>ужазы</i>	<i>өз ужалэ</i>

К о м и я з ы к и

Утвердительная форма

Отрицательная форма

Ед. ч.	1 л.	<i>муні</i>	<i>эг мун</i>
	2 л.	<i>мунін</i>	<i>эн мун</i>
	3 л.	<i>муніс</i>	<i>эз мун</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>мунім // мунім, мунімө</i>	<i>эг (эгө, эгөй) мунөй // эг (эгө) мунө</i>
	2 л.	<i>мунінныд // мунит, мунитө</i>	<i>эн (энө, энөй) мунөй // эд (эдө) мунө</i>
	3 л.	<i>мунісны // мунисө</i>	<i>эз мунны // эз (эзө) мунө</i>

Признаком очевидного прош. времени служит суфф. -и [i], который восходит к прафинно-угорскому -j (см. М. § 140, 141). Личные суффиксы и суффикс мн. числа тождественны с соответствующими суффиксами настоящее-будущего времени и имеют то же происхождение.

Показателем очевидного прош. времени отрицательного глагола в удмуртском языке выступает гласный *ö* (I спряжение), в коми языках — *э* (< др.-к. **ę*). Происхождение этих гласных с необычным соответствием между удмуртским и коми языками (*ö // э*) неясно. Возможно, в прапермском языке была форма с узким гласным в первом слоге и с широким — во втором; затем под влиянием гласного второго слога гласный первого слога в удмуртском языке расширился до *ö* (*ę < *ö*), а в коми языках — до *э* (*е < *ę*), ср.: мр. *ыш* (3 л. ед. ч.), м. *изь*; в повелительной форме результаты расширения в пермских языках совпали (*эн < *en*), ср. мр. *ида* (2 л. мн. ч), э. *иля* (КЭСР 331).

Б. А. Серебrenников дает другое объяснение: показатель прош. времени -і с конечным гласным основы образовал дифтонг (-oi), который мог стянуться в -е, в удмуртском это -е расширилось в -*ө*⁷⁹. Древний показатель прош. времени -і действительно сохранился в 1-м лице ед. числа удмуртского языка в виде -j (*өй мыны* 'я не

⁷⁹ Сереб. Ист. перм. 288.

шел', *ой ужа* 'я не работал'). Видимо, -і когда-то был и в других формах отрицательного глагола, но выпал, как и в формах прош. времени II спряжения утвердительной формы, ср. *малпай* 'я думал', но: *малпад* 'ты думал', *малпаз* 'он думал' и т. д.

НЕОЧЕВИДНОЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Удмуртский язык

		<i>Утвердительная форма</i>	<i>Отрицательная форма</i>
I спряжение			
Ед. ч.	1 л.	<i>мынйськем</i>	<i>өвёл мынйськем, мынымтэ(е)</i>
	2 л.	<i>мынэм(ед)</i>	<i>өвёл мынэм(ед), мынымтэ(ед)</i>
	3 л.	<i>мынэм(ез)</i>	<i>өвёл мынэм(ез), мынымтэ(ез)</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>мынйськеммы</i>	<i>өвёл мынйськеммы, мынымтэ(мы)</i>
	2 л.	<i>мынйллям(ды)</i>	<i>өвёл мынйллям(ды), мынымтэ(ды)</i>
	3 л.	<i>мынйллям(зы)</i>	<i>өвёл мынйллям(зы), мынымтэ(зы)</i>
II спряжение			
Ед. ч.	1 л.	<i>ужаськем</i>	<i>өвёл ужаськем, ужамтэ(е)</i>
	2 л.	<i>ужам(ед)</i>	<i>өвёл ужам(ед), ужамтэ(ед)</i>
	3 л.	<i>ужам(ез)</i>	<i>өвёл ужам(ез), ужамтэ(ез)</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>ужаськеммы</i>	<i>өвёл ужаськеммы, ужамтэ(мы)</i>
	2 л.	<i>ужаллям(ды)</i>	<i>өвёл ужаллям(ды), ужамтэды</i>
	3 л.	<i>ужаллям(зы)</i>	<i>өвёл ужаллям(зы), ужамтэзы</i>

К о м и языки

		<i>Утвердительная форма</i>	<i>Отрицательная форма</i>
Ед. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	<i>мунёмыд мунёмыт, мунёмат</i>	<i>абу мунёмыд абу мунёмыт, абу мунёмат</i>
	3 л.	<i>мунёма мунём, мунёма</i>	<i>абу мунёма абу мунём(а)</i>
Мн. ч.	1 л.	—	—
	2 л.	<i>мунёмныд мунёмайт</i>	<i>абу мунёмныд абу мунёмась, абу мунёмныт</i>
	3 л.	<i>мунёмаё ъ мунёмась</i>	<i>абу мунёмаёсь абу мунёмась</i>

В форме 1-го лица неочевидного прош. времени присутствует суфф. -ськ, свойственный только 1- и 2-му лицу удмуртского языка наст. времени. Конечное -м есть пережиток прап. *-т. Формы 2- и 3-го лица ед. числа совпадают с причастиями на -м. Во мн. числе 2- и 3-го лица используется суффикс многократного

значения (-л- < *lj). С суфф. -лй [-lj-] широко распространены глаголы многократного вида современных кильмезских говорах.

По мнению Б. А. Серебrenникова, неочевидного прош. времени (по его терминологии: перфекта) в прапермском языке не было. Оно образовалось в удмуртском и коми языках самостоятельно⁸⁰. Параллельно употребительные формы отрицательного спряжения удмуртским литературным языком усвоены синтетические (на -мтэ) из южных диалектов, аналитические (öвёл мынэм) — из северных. Отрицательные формы на -мтэ семантически и по форме связаны с отрицательными причастиями на -мтэ и осложнены соответствующими притяжательными суффиксами. Отрицательное слово öвёл этимологически связано с к. абу 'нет' и вёл 'было': абу вёл > авёл > öвёл > öбёл > öвёл. В завятских говорах и теперь произносят ebów < eboł, бес. evol, evөл 'нет'.

В противоположность очевидному прош. времени, выражающему протекание действия в прошлом, до момента речи, неочевидное прошедшее в пермских языках обозначает результат совершившегося действия. Очевидное прошедшее, как правило, обозначает такое действие, очевидцем которого был или как будто был сам говорящий. Неочевидное прошедшее употребляется для обозначения действий, очевидцем и участником которых говорящий не был. Об этих действиях он говорит по их результатам или со слов других⁸¹.

В коми спряжении неочевидного прош. времени формы 1-го лица нет; во 2- и 3-м лице, аналогично удмуртским, сходные образования с причастиями. Параллельные формы на -ём и -ёма⁸² широко распространены в коми диалектах. В сысольском диалекте коми-зырянского языка также известна форма на -ём во 2-м лице; мн. число образуется с помощью суфф. -ны (мунёмны 'они, оказываются, ушли'). В коми-пермяцкой парадигме 2-е лицо последовательно сохраняет древний т-овый личный суффикс; в коми-зырянском он озвончился.

§ 80. Повелительное наклонение 2-го лица ед. числа в пермских языках представляет собой основу глагола: мын || мун 'иди', сёт || сет 'отдай', 'дай', у. ве: ра 'скажи', го:жъя 'пиши', 'записывай'.

Показателем повелительного наклонения во мн. числе является суфф. -э (-е) || -ёй || -ё: мынэ || мунёй || мунё 'идите', пы:ре || пырёй || пырё 'войдите', 'входите'. К суфф. -э (-е) в удмуртском языке нередко прибавляется суфф. -лэ: мынэлэ, пы:релэ. Удмуртская форма повелительного наклонения от глаголов II спряжения образуется с обязательным присутствием окончания -лэ: ве:ралэ 'скажите', го:жъялэ 'пишите', 'записывайте', у:жалэ 'работайте'.

Отрицательная форма образуется при помощи частицы эн: эн ну 'не неси', 'не носи', эн пыр 'не входи', эн ветлы 'не ходи'.

⁸⁰ Сереб. Ист. перм. 259.

⁸¹ См.: Гр. удм. 205.

⁸² ССКЗД 477.

Мн. число повелительного наклонения от глаголов II спряжения в удмуртском языке также имеет элемент *-лэ*: *эн ве'ралэ* 'не говорите', *эн го'жъялэ* 'не пишите', *эн у'жалэ* 'не работайте'.

Повелительное наклонение 3-го лица образуется с помощью частицы *мед* 'пусть' в утвердительной форме: *мед ваёз* || *мед ваяс* 'пусть принесет', *мед мыноз* || *мед мунас* 'пусть идет', 'пусть пойдет', *мед сиоз* || *мед сёяс* 'пусть покушает'. В отрицательной форме 3-е лицо удмуртского языка имеет частицу *медаз* 'пусть не': *медаз мы нэ* 'пусть не ходят', *медаз си* 'пусть не ест'. В коми языке в этом случае приказание, просьба передается описательно: *мед оз лок* 'пусть не ходит', 'пусть не приходит'.

Согласный *-й* (*пырöй*, *мунöй*), встречающийся в коми языке и отсутствующий во многих диалектах, появился под влиянием звательной формы существительных типа *ёртöй* 'мой друг'. Формы 3-го лица повелительного наклонения являются формами буд. времени. Древний прауральский *k*-овый императивный суффикс в пермских языках утрачен, поэтому форма повелительного наклонения совпала с основой глагола⁸³. Следы прафинноугорского **-п* в пермских языках Т. Э. Уотила находит в формах 2-го лица ед. числа отрицательной частицы *эн*⁸⁴.

§ 81. В отличие от коми языков в удмуртском имеется у с л о в н о е наклонение, которое образуется присоединением суффикса *-сал* к основе глагола: *мын-ы-сал* 'я пошел бы', *пук-ысал* 'ты посидел бы', *вера-сал-мы* 'мы сообщили бы'.

Утвердительная форма

Отрицательная форма

I спряжение

Ед. ч.	1 л.	<i>мынысал</i>	<i>öй мынысал</i>
	2 л.	<i>мынысал(ыд)</i>	<i>öй мынысал(ыд)</i>
	3 л.	<i>мынысал(ыз)</i>	<i>öй мынысал(ыз)</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>мынысалмы</i>	<i>öй мынысалмы</i>
	2 л.	<i>мынысалды</i>	<i>öй мынысалды</i>
	3 л.	<i>мынысалзы</i>	<i>öй мынысалзы</i>

II спряжение

Ед. ч.	1 л.	<i>ужасал</i>	<i>öй ужасал</i>
	2 л.	<i>ужасал(ыд)</i>	<i>öй ужасал(ыд)</i>
	3 л.	<i>ужасал(ыз)</i>	<i>öй ужасал(ыз)</i>
Мн. ч.	1 л.	<i>ужасалмы</i>	<i>öй ужасалмы</i>
	2 л.	<i>ужасалды</i>	<i>öй ужасалды</i>
	3 л.	<i>ужасалзы</i>	<i>öй ужасалзы</i>

Прафинноугорский (и прауральский) признак условного наклонения **-не* в пермских языках не обнаруживается.

Происхождение суфф. *-сал* удмуртского языка связано с суффиксом деепричастия *-са + вал* 'был', 'было'; в результате утери

⁸³ Сереб. Осн. 142.

⁸⁴ Т. Uotila — FUF XXVI 121—124.

частицы *вал* остался элемент *л* ⁸⁵. Имеется предположение, что эта форма образована на основе древнего финно-угорского суффикса имен действия (?) *-*ś* с прибавлением к нему вспомогательного глагола *вал* 'было' ⁸⁶, с чем трудно согласиться.

§ 82. От глагольных основ с помощью суффиксов в пермских языках формируются глаголы с залоговыми и видовыми значениями ⁸⁷. Многие из этих суффиксов в удмуртском и коми языках по своим значениям не совпадают, и вместе с тем в одном и том же значении употребляются совершенно разные суффиксы.

Близкие или совпадающие в некоторых своих значениях такие: *-т*, *-д* || *-т*, *-д*, *-öd*, образующие глаголы понудительного залога, которые показывают, что действие совершается через чье-либо посредство путем просьбы, требования, принуждения: *пырыны* || *пырны* 'зайти', 'войти' — *пыртыны* || *пыртны* || *пыртны* 'занести', 'завести'; часть глаголов понудительного залога выражает переходное действие, совершаемое непосредственно самим деятелем (грамматическим лицом): *пуксьыны* 'сесть' — *пуксьытыны* || *пуксьöдны* || *пуксьöтны* 'посадить', *синтыны* || *чинны* 'убить', 'уменьшиться' — *синтыны* || *чинтыны* 'убавить', 'уменьшить'; другая часть глаголов понудительного залога выражает переходное действие, совершаемое через посредство другого лица, которое иногда упоминается в форме косвенного дополнения, а иногда и не упоминается: *вурныны* || *вурны* 'шить', 'сшить' — *вуртыныны* || *вурöдны* 'сшить путем отдачи на сторону', 'попросить сшить'; *ужаныны* || *уджавны* 'работать' — *ужатыныны* || *уджöдны* 'привлекать к работе', 'вовлекать в работу', 'заставлять, принуждать, побуждать работать'. Суффиксы понудительного залога превратились также в средство образования переходных глаголов от непереходных ⁸⁸, ср. *ышыныны* || *вошны* 'потеряться' — *ыштыныны* || *воштыныны* 'потерять', у. *вырыныны* 'шевелиться' — *вырытыныны* 'шевелить'. Суффикс *-т* || *-д*, *-öd* восходит к ф.-у. *-*tt* (см. М. § 251);

у. *-экт-*, *-ыкт-*, образующий глаголы понудительного залога: *валаны* 'понимать' — *валэктныны* 'поучать'; *берганы* 'вертеться' — *берыктныны* 'перевернуть'. Начальный гласный суфф. *э-*, *ы-* есть позднее приобретение, *-к* < ф.-у. *-*kk-*, *-t* < ф.-у. *-*tt*; *-ськ-* (*-аськ-*, *-иськ-*), *-ск-* || *-сь*, *-ась*, *-ч*, *-зь*, образующие глаголы возвратного залога, которые показывают на замкнутость действия в самом субъекте, обращенность действия на субъект или взаимное действие нескольких лиц: *дйсяныны* || *насьтавыны* 'одеть' — *дйсяськыныны* || *насьтасьныны* 'одеваться', *пумитаныны* || *паныдавыны* || *пантавыныны* 'встретить' — *пумитаськыныны* || *паныдасьныны* || *пантасьныны* 'встретиться', *сутыныны* || *сотныныны* 'жечь' — *сут-*

⁸⁵ Сереб. Ист. перм. 29.

⁸⁶ И. В. Тараканов — ВФЯ IV 208.

⁸⁷ В научной литературе о пермских языках существует мнение, согласно которому вид и залог являются вполне оформившимися грамматическими категориями, см.: Совр. к. яз. 221—239, Коми-перм. 256—273 и др.

⁸⁸ В. И. Лыткин — Зап. УдНИИ XVIII 95.

скыны || сотчыны 'сжечься', 'сжигаться', к. велбдны 'учить' — велбдчыны 'учиться'; люкыны || юкны 'делить' — люкиськыны || юксьыны 'делиться'. Удмуртский суфф. — *-ськ-* восходит к финно-угорскому *-šk*⁸⁹, коми суфф. *-сь-* — к ф.-у. **-š*⁹⁰. Коми *-ч-* позднего происхождения, цозник из звукосочетаний *tš, dš*;

-ыл- (I спряжение), *-ля-* (II спряжение) || *-л-, -ал-, -ав-, -ыл-, -ыв-, -ывл-, -лывл-, -лав-*, образующие глаголы: а) временного вида, означающего ограниченное во времени действие: *вуыны || воны* 'прийти' — *вуылыны || воылыны* 'прийти на время', *сётыны || сетны* 'дать', 'отдать' — *сётылыны || сетлыны* 'дать на время'; б) многократного вида, выражающего действие, состоящее из ряда временных или однократных действий, совершающихся с теми или иными перерывами: *вуыны || воны* 'прийти', 'прибыть' — *вуылыны || воылыны* 'приходить много раз', *вайыны || вайны* 'принести' — *вайылыны || вайылыны* 'приносить не раз', *сётыны || сетны* 'дать', 'отдать' — *сётылыны || сетлылыны* 'давать неоднократно (давать несколько раз и брать обратно)'; у. *кырзаны* — *кырзалланы* 'петь неоднократно', 'петь время от времени', 'иногда петь песню', *юаны* 'спросить' — *юалланы* 'спрашивать неоднократно, спрашивать не раз, спрашивать время от времени'; в) разбросанного вида, который выражает действие, производимое многими субъектами или касающееся многих объектов и происходящее во времени распродолженно: к. *локны* 'прийти' — *локтавны* 'приходить', 'собираться (о многих)', *кувны* 'умереть' — *кулавны* 'умирать', 'повымирать'; г) длительного вида, выражающего действие, протекающее в течение длительного времени: к. *ошавны* 'висеть', *пукавны* 'сидеть', *сулавны* 'стоять';

*л-*овый суффикс уральского происхождения⁹¹; у. *-ля-*, как и многие другие варианты *л-*ового суффикса, по своему составу сложный, возник из **-ля:*: *вералланы* < *вералланы* 'сообщать', 'говорить неоднократно' — результат прогрессивной ассимиляции с предшествующим смягчением перед *й*.

-ышт, образующий глаголы однократного (уменьшительного) вида: у. *копаны* 'копать' — *копыштыны* 'копнуть', *нюлыны* 'лизать' — *нюлыштыны* 'лизнуть'; к. *сетны* 'дать' — *сетыштыны* 'дать немножко', *шонтыны* 'греть' — *шонтыштыны* 'погреть', *юны* 'пить' — *юыштыны* 'попить'. В коми языках этот суффикс весьма продуктивен, употребляется почти со всеми глаголами, а в удмуртском употребляется лишь с небольшим кругом глаголов. В коми-зырянском суфф. *-ышт* квалифицируется как суффикс, образующий уменьшительный вид⁹², в коми-пермяцком он обозначает завершенность, законченность, а также мгновенность действия и действие в малой мере⁹³, причем, если *-ышт* употреб-

⁸⁹ D. Fokos-Fuchs — KSz, 14, стр. 120.

⁹⁰ Сереб. Ист. перм. 324—327.

⁹¹ T. Lehtisalo — MSFOu, LXXII, стр. 169.

⁹² См.: Совр. к. яз. I 222.

⁹³ Коми-перм. 257.

ляется для обозначения завершенности, законченности, то ударение падает на суффикс: *сэйышитны* 'все съесть' — *сэйышитны* 'закусить', 'немножко поесть', *сетышитны* 'додать' — *сэтышитны* 'дать немножко'. Суфф. *-ышит* восходит к допермскому времени; в финском языке ему соответствует *-ah-*, выражающий обычно мгновенное действие⁹⁴;

-э-, -ч-, -т-, -лт- || *-зв-, -дз-, -св-, -м-*, образующие глаголы неопределенного, однократного, законченного вида: *лобыны* || *лэбыны* 'лететь' — *лобзыны* || *лэбзыны* 'полететь', *вырыны* || *вёрыны* 'двигаться' — *вырзыны* || *вёрзыны* 'тронуться', 'двинуться', у. *шоканы* 'дышать' — *шокчыны* 'вздохнуть', у. *гожъяны* 'писать' — *гожтыны* 'написать', 'записать', у. *ишканы* 'рвать' — *ишкалтыны* 'вырвать', у. *сэзыны* 'встряхивать' — *сэзылтыны* 'встряхнуть'; к. *тишкыны* 'испортиться', 'портиться' — *тишкысыны* 'испортиться' (стать негодным), к. *ковны* 'быть нужным' — *ковмыны* 'понадобиться'⁹⁵. Коми суфф. *-зв-, -дз-, -св-, -м-* характеризуются как суффиксы начинательного вида⁹⁶.

В качестве суффиксов видового значения при сопоставлении с другими в какой-то мере могут восприниматься также некоторые другие суффиксы. Суфф. *-э-, -ч-* || *-зв-, -дз-, -св-* восходят к финно-угорскому **-s-*; суфф. *-т-*, свойственный удмуртскому языку (который употребляется для выражения однократного действия), возводится к прауральскому суфф. **-tt-*; *-лт-* — сложный по своему составу: *-л* имеет значение однократности, мгновенности действия, *-т-* — суффикс однократности действия и восходит к допермскому периоду, он встречается в марийском и в некоторых коми говорах⁹⁷.

Разграничение кратковременного и повторяющегося или длительного действия в коми языках более четкое, чем в удмуртском. Так, в удмуртском языке *потаны* имеет значение 'выходить неоднократно, каждый раз' и 'выходить один раз на время (и обратно зайти)', в коми языках — *петавны* означает только 'выйти один раз на время и обратно войти'.

В коми языках есть еще суфф. *-öдл-* (*-öд+л*) || *-ötл-* (*-öt+л*) длительного, интенсивно-длительного значения: к.-з. *ножй-öдлыны* 'протягивать', *берг-öдлыны* 'поворачивать'⁹⁸.

В языке коми-пермяков отмечен также суфф. *-ась-*: *шупк-ась-ны* 'бросаться' от *шупкыны* 'бросить', *тэчк-ась-ны* 'брыкаться' от *тэчкыны* 'лягнуть'. Активно употребляется суфф. *-öв* с последующим прибавлением глагола *жерны* 'делать' для обозначения

⁹⁴ Сереб. Ист. перм. 331.

⁹⁵ Совр. к. яз. I 226.

⁹⁶ См.: В. И. Лыткини и Д. А. Тимусев. Краткий очерк грамматики коми языка. «Коми-русский словарь». М., 1961, стр. 894.

⁹⁷ Сереб. Ист. перм. 328.

⁹⁸ Совр. к. яз. I 225.

длительного действия: *баитöв-керны* 'поговорить' от *баитны* 'говорить', *уджалöв-керны* 'поработать'⁹⁹.

Видовые значения в удмуртском языке передаются также при помощи глагольных сочетаний, состоящих из неизменяемого деепричастия на *-са*, смыслового глагола и спрягаемых форм определенных вспомогательных глаголов: *лэзыны* 'пустить', *кошкыны* 'уйти', *потыны* 'выйти' и многих других вспомогательных глаголов, например: *улыяса лэзыны* 'прогнать' (досл. 'прогоняя пустить'), *бызыса кошкыны* 'убежать' (досл. 'побежав уйти') и т. д. В некоторых удмуртских диалектах, в частности в южных, эти сочетания получили широкое распространение. Проникают они и в литературный язык. На материале говоров кукморских удмуртов, расселенных на территории Татарской АССР, В. К. Кельмаков выявил 37 специальных слов — модификаторов (по терминологии М. П. Чхаидзе — «спаренных глаголов»), которые составляют компонент отмеченных сочетаний. Основная функция спаренных глаголов — выражение и уточнение способа протекания действия в пространстве и времени и положение субъекта и объекта речи при этом действии¹⁰⁰.

В удмуртском языке, как и в марийском, спаренные глаголы, выступающие с видовым значением, развились под влиянием тюркских языков, и в основном они распространены в тех диалектах, которые непосредственно соседствуют с тюркскими языками.

В коми языках употребительны также суффиксы с видовым значением: к.-з. *-сь-*: *пу-сь-ыны* 'свариться', *воч-сь-ыны* 'закончиться' 'завершиться', *лыддыс-сь-ыны* 'завершиться', 'закончиться' (о чтении, например, книги), выражающий законченное действие. Данный суффикс не следует смешивать с суфф. *-сь-* залоговой направленности. Глагол законченного вида, как правило, сочетается со словом, обозначающим неодушевленный предмет и означает полную исчерпанность действия. Реальный субъект, выраженный одушевленным предметом при глаголе с законченным видом, обычно стоит в форме род. падежа и является именным дополнением при подлежащем, ср. *Мишалён урокыс вöчсие* 'Миша сделал уроки' (досл. 'у Миши урок сделался') (Совр. к. яз. 227). В качестве суффиксов мгновенного вида в коми-пермяцком языке отмечаются *-нит-*, *-öет-*, *-öст-*: *юг-нит-ны* 'блеснуть', *миг-нит-ны* 'мигнуть'; *гöр-öет-ны* 'заржать'; *руж-öст-ны* 'застонать'. В коми-зырянском языке к этим суффиксам примыкает еще *-öбт-*, *-öкт-*: *чер-öбт-ыны* 'вздрагнуть во сне', *виз-öбт-ыны* 'пробежать (дрожь)', *руж-öкт-ыны* 'застонать'. Глаголы с *-öкт-* обычно противопоставляются глаголам длительного вида с суфф. *-ал-*, *-л-*: *сер-öкт-ны* 'засмеяться' от *серавны* 'смеяться', *гöр-öкт-ыны* 'заржать', от *гöрдлыны* 'ржать'. Кроме вышеперечисленных суффиксов видового

⁹⁹ Коми-перм. 259—260.

¹⁰⁰ Кельм. Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс. М., 1969. 362; см. также: Т. И. Т е п л я ш и н а — СФУ VII 155.

значения имеются и другие, малопродуктивные, которые здесь не рассматриваются.

Удмуртские видовые суфф. *-л-*, *-ля-* имеют весьма широкое распространение; суфф. *-т-*, *-лт-*, *-шт-*, *-ышт-*, *-з-*, *-ч-* характеризуются ограниченной распространенностью: каждый из них употребляется лишь с определенной группой глаголов. Ряд суффиксов коми языков также имеет весьма ограниченное употребление, например *-варт-*, образующий глаголы однократного и многократного видов от изобразительных слов: *пасьвартны* 'разбить вдребезги'; *-жер-*, образующий изобразительные глаголы видов а) однократного и мгновенного: *-лон-легкерны* 'вильнуть', б) временного: *суеткаерны* 'приостановиться'; *-мун-*, образующий глаголы однократного и мгновенного видов от изобразительных слов со значением 'произвести', 'издать звук' (выражаемый основой слова): *зельмуны* 'звякнуть', 'брякнуть', *сыркмуны* 'вздогнуть', 'рухнуть', *пасьмуны* 'разлететься', 'разбиться' и ряд других суффиксов.

§ 83. Наиболее продуктивными суффиксами отыменного образования являются:

-а-, *-ал* || *-ав* (<**-ал*): *ужаны* || *уджавны* 'работать', (*уж* || *удж* 'работа'), *тöланы* || *тöлавны* 'высохнуть на ветру' (*тöл* || *тöв* 'ветер'); *-т-*, *-д-*, *-öd*: *ивортны* || *юörtны* 'сообщить', 'известить' (*ивор* || *юör* 'весть'), *коттыны* || *кötödны* 'мочить' (*кот* || *köt* 'сырой'), у. *вьельдыны* 'обновить' (*вьель* 'новый'); суфф. *-т-*, *-д-*, *-öd* родственны суффиксу каузативных глаголов *-т*¹⁰¹;

-м-: *измыны* 'окаменеть' (из 'камень'), *юманы* || *ёнмыны* 'крепнуть', 'сделаться сильным' (*юн* || *ён* 'сильный'), *жытмыны* || *рытмыны* 'задержаться до вечера' (*жыт* || *рыт* 'вечер');

-з || *-зь*: *бунзыны* || *бонзыны* 'измочалиться' (*бун* || *бон* 'мочало');

-й-: *пуйыны* || *пасйыны* 'сделать пометку' (*пуй* || *пас* 'метка'), у. *гыркйыны* 'долбить', 'продолбить' (*гырк* 'дупло', 'полый'), к. *сьёмйыны* 'очистить от чешуи' (*сьём* 'чешуя');

у. *-н-*: *пужныны* 'просеять' (*пуж* 'решето', 'сито'), *кортнаны* 'взнуздать' (*корт* 'железо'), *ённаны* 'расчлениить', 'разобрать на части' (*ёз* 'часть', 'колено', 'сочленение');

у. *-экт* (*-ект*): *вожектыны* 'зеленеть', 'стать зеленым' (*вож* 'зеленый'), *сьöдэктныны* 'почернеть', 'стать черным' (*сьöд* 'черный');

у. *-с-*: *нырсаны* 'пустить ростки', 'всходить' (*ныр* 'нос'), *куарсаны* 'завянуть (о листьях)' (*куар* 'лист'), *пульсаны* 'натереться (о мозоли)' (*пульы* 'пузырь на коже или на воде');

к. *-зь*: *вазыны* 'отсыреть' от *ва* 'вода', 'сырой', *турунзыны* 'области травой' от *турун* 'травя';

к. *-öd*, к.-п. *-öt*: *сьöдödны*, к.-п. *сьödötны* 'чернеть', 'почернеть', 'окрасить в черный цвет', от *сьöд* 'черный', к. *гöрдödны*, к.-п. *гöрдötны* 'окрасить в красный цвет' (*гöрд* 'красный');

¹⁰¹ Сереб. Ист. перм. 340.

к.-п. -сяв: *вынсявны* 'стать сильным' (*вын* 'сила'), *йысявны* 'леденеть' (*йы* 'лед') и др.

§ 84. Инфинитив оформляется *n*-овым суффиксом: *-ны*, *-ыны* (I спряжение), *-аны* (II спряжение) || *-ны*, *-ыны*: *пуктыны* 'положить', *ветлыны* 'сходить', *мыныны* || *мунны* 'идти', *бастыны* || *босыны* 'взять', *кутыны* || *кутны* 'поймать', 'ловить'. Суффикс *-н* восходит к ф.-у. **n*. По своему происхождению инфинитив — это застывшее отглагольное имя в форме латива на *-k*: *мыныны* || *мунны* < **mzɲɲɲik* (см. М. § 245), где конечное *-k* отпало еще в общепермскую эпоху.

В отличие от удмуртского языка инфинитив коми языков может иметь определенно-притяжательную форму. Показателями ее являются суффиксы *-ным-*, *-ныд* (к.-п. *-ныт*), *-ныс*, *-нытö*, *-нысö*: *мунным оз вермы* 'не могу идти', *мунныд он вермы* 'не можешь идти', *мунныс оз вермы* 'не может идти', *муннытö он вермы* 'идти-то не можешь', *муннысö оз вермы* 'идти-то не может'. Определенно-притяжательная форма инфинитива содержит указание на лицо, которому принадлежит действие, или выражает большую определенность действия, выделяя его, указывая на него. Указанные суффиксы по происхождению являются показателями принадлежности лицу. Суффиксы *-тö* и *-сö* — форманты вин. падежа притяжательного склонения.

В коми-пермяцком языке определенная форма образуется от неопределенной только посредством прибавления окончания *-тö* — являющегося остатком вин. падежа притяжательно-указательного склонения существительных¹⁰².

§ 85. В удмуртском языке имеются безличные глаголы долженствования с окончанием на *-но*, *-оно*, *-ёно*, выражающие непременную необходимость действия: *мыноно* 'надо идти', *ветлоно* 'надо сходить', *мертано* 'необходимо (надо) взвесить', *гажано* 'надо уважать', *пырано* 'необходимо зайти' и т. д., например: *самодейтельной артисткалэн дырыз лыдъямын—чотамын: ужано, техникумын дышетсконо, кухняын пöрано, пиналтьёсызлэсь тетрадьёсэс эскероно, репетицие бызёно* («Советской Удмуртия», 14 сентября 1973 г.) 'время у артистки — участницы самодеятельности подсчитано-рассчитано: надо работать, учиться в техникуме, готовить на кухне, проверить тетради своих детей, бежать на репетицию'.

Не следует смешивать глаголы долженствования с причастиями на *-но*, *-оно*, регулярно выступающими в функции определения: *вуроно дэрем* 'рубаху, которую надо дошить', *ушъяно адями* 'человек, достойный похвалы'. Безличные глаголы на *-но*, *-оно* употребляются лишь в функции сказуемого и всегда выражают необходимость действия. Суффикс *-но* образован на основе отглагольного суффикса *-н* *-он*, *-ан*, типа *сион* || *сёян* досл. 'едение', *мынон* || *мунан* досл. 'идение' от слова 'идти', с присоединением к нему суффикса *-о*, соответ-

¹⁰² См.: Коми-перм. 278.

ствующего к. -а. Первоначально *мынон сюрес* || *мынан туй* означало 'дорога, по которой обычно ходят'; впоследствии это понятие в удмуртском языке развилось в *мыноно сюрес* 'дорога, по которой следует (надо) идти'. Семантическое развитие значения привело к грамматической дифференциации его.

§ 86. Для удмуртского языка свойственны так называемые глаголы притворного действия. Такие формы образуются: а) от отглагольных имен на -м (-эм, -ем) с помощью суфф. -яськ: *ужамъяськыны* 'делать вид, что работаешь' (*ужам* 'работа', досл. 'работание'), *иземъяськыны* 'притвориться (притворяться) спящим', 'делать вид, что спишь' (*изем* 'сон', досл. 'спанье'); б) от прилагательных и причастий на -тэм и причастий на -мтэ: *катьтэмъяськыны* 'притвориться (притворяться) бессильным' (*катьтэм* 'бессильный'), *висисьтэмъяськыны* 'притворяться не болеющим, т. е. здоровым' (*висисьтэм* 'не болеющий', 'неподдающийся болезням'), *валамтэъяськыны* 'притворяться непонимающим' (*валамтэ* 'не понимающий', 'непонятый'), *адзьмтэяськыны* 'притвориться (притворяться) [невидящим (невидевшим)]¹⁰³ и т. д.

§ 87. Причастия в пермских языках весьма своеобразны. Они характеризуются рядом отличительных черт. В них нечетко выражена категория времени. Причастия в пермских языках — это особая глагольно-именная форма, которая обладает признаками как глагола, так и прилагательного, поэтому ее равным образом принято называть отглагольными прилагательными¹⁰⁴. По классификации Б. А. Серебренникова в пермских языках различаются причастия действительного (активного) залога и причастия, недифференцированные в залоговом отношении. Первые из них в основном являются причастиями наст. времени, вторые — причастиями прош. времени.

Причастия действительного (активного) залога образуются от основы наст. времени с помощью суфф. -сь, -ись || -ысь || -ись. Суфф. -сь, -ись || -ысь || -ись служат для выражения признака предмета по действию; они соответствуют русским причастиям действительного залога наст. (иногда, в зависимости от контекста, прош.) времени: *лобзыны* || *лэбзыны* 'лететь', 'полететь', 'улететь' — *лобзись* || *лэбзысь* || *лэбзись* 'летающий', 'летающий', 'полетевший', 'улетевший'; *гырыны* || *гöрны* 'пахать' — *гырись* || *гöрись* || *гöрись* 'пашущий', 'пахарь'; *басьтыны* || *босьтыны* 'взять' — *басьтись* || *босьтысь* || *босьтись* 'берущий'. II. Синнеи суфф. -сь возводит к ф.-у.*-j, соединенный с древним *-s¹⁰⁵. Однако залогово-временной признак этих причастий ярко не очерчен. Причину временной недифференцированности Б. А. Серебренников видит в семантике самого суфф. -сь, -ись || -ысь, в его ярко выраженном релятивном

¹⁰³ Гр. удм. 231—239.

¹⁰⁴ Д. В. Б у б р и х. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, стр. 129; Совр. к. яз. I 241; Коми-перм. 279—280; Гр. удм. 257—258.

¹⁰⁵ Sziny. FgrSprw². 95, 96.

значении: к. *мунысь* || *мунісь* скорее означает не 'идуший', а относящийся к процессу ходьбы; словосочетание *мунысь морт* || *мунісь морт* в коми языках может означать в зависимости от контекста 'идуший человек' и 'ушедший человек'¹⁰⁶. Данный суффикс восходит к прафинно-угорскому *-s¹⁰⁷.

К причастиям, недифференцированным в залоговом отношении, относятся причастия на -н, -он, -ён, -оно, -ёно, -но || -ан, -ян, -ана и на -эм, -ем; -мын, -мон, -мтэ || -ём, -тём.

-н, -он, -ён; -оно, -ёно, -но образуют причастия для выражения отношения к действию, происходящему в данное время, независимо от того, производится ли данное действие самим субъектом действия или оно осуществляется кем-то другим¹⁰⁸. Прямого соответствия им в русском языке нет; большей частью эти причастия передаются относительными прилагательными или описательно: *юны* || *юны* 'пить' — *юон* || *юан*: *юон ву* || *юан ва* 'вода для питья', 'питьевая вода'; *вуриськыны* || *вурсьыны* 'шить' — *вуриськон вень* || *вурсян ем* 'швейная игла', 'игла для шитья'. Суфф. -н (с отмеченными вариантами) восходит к ф.-у. словообразовательному суфф. *-n¹⁰⁹;

эм, -ем || -ём образует причастия от глаголов для выражения признака предметов по совершенному им или перешедшему на него действию; эти причастия соответствуют причастиям прош. времени действительного и страдательного залогов: *кулыны* || *кувны* 'умереть' — *кулэм морт* || *кулём морт* 'умерший человек', *кызьыны* || *көдзыны* 'сеять', 'засеять' — *кизем му* || *көдзём му* 'засеянное поле'. Суфф. -м, -эм, -ем || -ём восходят к прауральскому суффиксу отглагольных имен существительных на -т¹¹⁰;

-мын образует удмуртские причастия от глаголов для обозначения результата действия, совершенного над предметом как признака этого предмета, и выступает лишь в функции сказуемого: *лыдзыны* 'читать' — *лыдзэмын*: *книга лыдзэмын* 'книга прочитана'; *куасьтыны* 'сунить' — *куасьтэмын*: *дйсь куасьтэмын* 'белье высушено'; *араны* 'жать', 'сжать' — *арамын*: *зег арамын* 'рожь сжата'. По своему значению причастия на -мын соответствуют кратким формам русских причастий прош. времени страдательного залога. Удмуртские причастия на -мын образованы от отглагольных имен на -м, -эм, -ем; второй элемент (-ын) неясен. По мнению Б. А. Серебrenникова, он может быть связан с формой твор. падежа¹¹¹;

-мон образует удмуртские причастия от глаголов для выражения возможного или необходимого действия над предметом или лицом, воспринимаемого как проявление пассивного признака

¹⁰⁶ Сереб. Ист. перм. 295.

¹⁰⁷ Leht. Abl. 196.

¹⁰⁸ Сереб. Ист. перм. 297.

¹⁰⁹ Leht. Abl. 123.

¹¹⁰ Там же, 89.

¹¹¹ Сереб. Ист. перм. 300.

предмета или лица; прямого соответствия в русском языке также нет, например: *бызыны* 'выйти замуж' — *бызымон*: *бызымон ныл* 'девушка, которая может или должна (по возрасту) выйти замуж', т. е. 'девушка-невеста'; *лыдзыны* 'читать' — *лыдзымон*: *лыдзымон верос* 'рассказ, который можно (или необходимо) читать', т. е. 'рассказ, заслуживающий внимания'. Причастие на *-мон* имеет значение страдательного залога. Он содержит в себе суффикс отглагольного имени *-м* и причастный суффикс *-он*;

-тэм образует удмуртские причастия на *-тэм* и служит формой отрицания к причастиям на *-сь*, *-ись*, *-йсь* и *-мон*: *адзись* 'видящий' — *адзистэм* 'не видящий', *малпась* 'думающий' — *малпастэм* 'не думающий'; *юон ву* 'питьевая вода' — *юонтэм ву* 'не питьевая вода', 'вода, негодная для питья'; состоит из финно-угорского каритивного суффикса **-t* с прибавлением к нему соответствующего причастного суффикса с утвердительным значением (*-сь*, *-н* или *-мон*);

-мтэ образует удмуртские причастия от глаголов для обозначения признака по неосуществившемуся действию (или состоянию); причастия с суффикса *-мтэ* являются формой отрицания к причастиям на *-эм*, *-ем*, *-мын*: *кизем му* 'засеянное поле' — *кизымтэ му* 'не засеянное поле', *книга лыдзэмын* 'книга прочитанная' — *книга лыдзымтэ* 'не прочитанная книга', *зег арамьн* 'рожь сжатая' — *арамтэ зег* 'несжатая рожь'¹¹²; в коми языках удмуртскому суффиксу *-мтэ* соответствует суффикс *-тём*: *вундём рудзёг* 'сжатая рожь' — *вундытём рудзёг* 'несжатая рожь'.

§ 88. Деепричастия в пермских языках совмещают в себе признаки глагола и в большей степени наречия, отчего носят название также отглагольные наречия¹¹³. Они образуются с помощью суффиксов:

-ку || *-иг*, *-игён* || *-ик*, *-икö* обозначает действие, совершающееся одновременно с действием, выраженным глаголом-сказуемым, и по значению соответствует русским деепричастиям несовершенного вида: *вераськыку* || *сёрнитигён* || *баитикö* 'разговаривая', *лыдзыку* || *лыддигён* || *лыддикö* 'читая', 'во время чтения'. К деепричастиям на *-ку*, *-иг*, *-ик(ö)* присоединяются лично-притяжательные суффиксы; в удмуртском они непосредственно примыкают к суффиксу *-ку* (*ужакум* 'когда я работал', *ужакуд* 'когда ты работал' и т. д.), в коми — после падежных форм, например, местн. падежа *-а* (*лыддигам* 'во время моего чтения', *мунигам* || *муникам* 'во время моей ходьбы'). В отличие от удмуртских, коми деепричастия на *-иг* (*-иг*), *-игён* || *-ик*, *-икö* могут сочетаться с послелогом *-тыр*, *-тырйи*, *-моз* (*сылыгтырйи* 'распевая', *мунигмоз* 'идучи', досл. 'в процессе хождения, движения'). Удмуртские деепричастия на *-ку* могут сопровождаться союзами *кадь* и *сямен* 'подобно, как

¹¹² Гр. удм. 267.

¹¹³ См.: Гр. удм. 269, 285; Совр. к. яз. 243; Коми-перм. 281.

и. . .’ (*ужажуз сямен* ‘подобно тому, как работал он’, *куазь чилекъяжу кадь* ‘как при сверкании молнии’). Происхождение *-ку* || *-иг*, *-игөн* || *-ик(ö)* объясняется из первичных имен¹¹⁴. Параллели имеются также и в других финно-угорских языках¹¹⁵.

Коми-пермяцкая форма *-ikö* является более древней по сравнению с к.-з. *-иг*¹¹⁶. В ней, как и в удмуртском, сохраняется глухая разновидность согласного *к*; у. *-ку* в диалектах имеет соответствие *-кы*. Наличие гласного после *-к* в удмуртском и коми-пермяцком указывает на существование его в прапермский период.

-тозь || *-тöдз* показывает, что главное действие протекало до начала сопутствующего действия, выраженного данным деепричастием: *лыдзытозь* || *лыддытöдз* ‘до чтения’, в удмуртском также — одновременность действий: ‘в процессе чтения’, ‘во время чтения’. К деепричастиям на *-тозь* || *-тöдз* присоединяются личнопритажательные суффиксы: в коми языках — непосредственно к основе слова (*пыртöдзым* ‘до моего входа’), а в удмуртском — образуются формы местн. падежа притяжательного склонения (*лыдзытозям* ‘до моего чтения’, ‘в процессе моего чтения’, ‘пока я читаю’). По происхождению деепричастие на *-тозь* || *-тöдз* представляет собой форму пред. падежа отглагольного имени существительного на *-т*: *пыртöдз* < **-пыртозь*, *пыртöдз*¹¹⁷;

-тэк || *-төг* характеризует главное действие в отрицательном плане, например: *лыдзытэк* || *лыддытөг* ‘не читая’, *вераськытэк* || *сёрниттөг* ‘не разговаривая’. Суфф. *-тэк* || *-төг* в подобных деепричастиях представляет собой окончание лишит. падежа; *-мон* || *-мöн*, выражая возможное и необходимое действие как следствие другого действия, указывает на меру и степень действия: *кöт тырымон сиыны* || *пöтмöн сёйны* ‘наестся досыта’.

Деепричастия на *-мон* || *-мöн* представляют собой твор. падеж отглагольного имени существительного на *-м*, *-эм*, *-öm*, ср. к. *пöтомöн* < *пöтмöн* < *пöтм* + *öн* ‘досыта’¹¹⁸;

к.-öмöн выражает дополнительное действие, совершаемое одновременно с главным, например: *юрсö öшöдöмöн пукалис* || *юрсö öшöтöмöн пукалис* досл. ‘голову повесив сидел он’. Структура коми деепричастия на *-ömöн* представляет собой форму твор. падежа от причастия на *-öm*¹¹⁹, которое возникло, видимо, по аналогии с *-игөн*;

к.-п. *-тöн* (подобно деепричастиям на *-ик*, *-икö*) обозначает одновременность главного действия с другим, сопутствующим главному, действием: *миссьытöн* (< *миссьыны*) ‘умываясь’,

¹¹⁴ В. С. Суханова. Деепричастные наречия в коми языке. Авт. д. к. Петрозаводск, 1951 стр. 10.

¹¹⁵ M. K ó v e s i, A permí nyelvek ösi képzöi. Budapest, 1965, стр. 119.

¹¹⁶ Сереб. Ист. перм. 302.

¹¹⁷ Сереб. Ист. перм. 305.

¹¹⁸ Там же, стр. 304.

¹¹⁹ Там же.

‘во время умывания’. Коми-пермяцкие деепричастия на *-тӧн* представляют собой форму твор. падежа отглагольного имени существительного на *-т* [-t] ¹²⁰;

у. *-са* обозначает как действие, совершающееся одновременно с действием главного действия, так и действие, предшествующее ему: *лыдӧыса пукыны* ‘читаю сидеть’, *дыртыса ужа* досл. ‘спеша работает’. Существуют особые удмуртские словосочетания (см. § 82). Этимология деепричастий на *-са* не совсем ясна до сего времени. Исследователи допускают возможность связывать конечное *-а* данного суффикса с падежным окончанием *-а* местн. и вступ. падежей, появляющимся в притяжательном склонении, ср. *гуртамы* ‘в нашей деревне’, ‘в нашу деревню’, *гуртады* ‘в вашей деревне’, ‘в вашу деревню’, *гуртазы* ‘в их деревне’, ‘в их деревню’ и т. д. ¹²¹ А. И. Емельянов полагал, что первый элемент восходит к суффиксу отглагольных имен на *-с* [-s], второй — представляет собой архаический посессивный суффикс ¹²². Ряд ученых предполагает, что суфф. *-са* удмуртским языком заимствован из чувашского ¹²³. Мы склонны думать о чувашском его происхождении. Деепричастия на *-са* очень широко распространены как в устной, так и письменной речи, могут быть образованы абсолютно от всех глаголов, употребительны в качестве имен; в диалектах, в частности в некоторых северных говорах, они могут принимать падежные и лично-притяжательные суффиксы (ср. сев.-у. *реге́-тӧсајат* ‘в моей старости’, досл. ‘в моем старении’; *а* — показатель местн. и вступ. падежей *+-т* — лично-притяжательный суффикс; в завятских говорах — *рогорасали́с* ¹²⁴ ‘от падения’; *-ли́сь* — разд. падеж; возможны сочетания этих деепричастий с послелогами, например: *вылысь : гажаса вылысь* ‘с уважением’, ‘из-за уважения’. Деепричастия на *-са* часто употребляются в функции определения к имени: *шулдыръясыкыса улон* ‘веселая жизнь’ (*шулдыръясыкыны* ‘веселиться’), *тупаса улон* ‘дружная (мирная) жизнь’ (*тупаны* ‘соглашаться’, ‘мирииться’); широко употребительно в качестве послелога слово *шуыса* : *губилы шуыса потй* ‘вышел за грибами’ ¹²⁵. Форма на *-са* может быть заимствована пермскими народами из древнечувашского языка еще в пранермскую эпоху, о чем говорит наличие его в говоре кольских коми с аналогичным же значением ¹²⁶. Бытующая в современном чу-

¹²⁰ Сереб. Ист. перм., стр. 305.

¹²¹ П. Н. Перевощиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959, стр. 40.

¹²² А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927, стр. 102.

¹²³ Х. К. Рятсен. Инфинитные глагольные формы в финно-угорских языках. Авт. д. к. Тарту, 1954, стр. 17—18.

¹²⁴ В. К. Кельмаков. Кукморский диалект удмуртского языка. М., 1969, стр. 408.

¹²⁵ В. К. Кельмаков — ВУЯ II 127.

¹²⁶ М. А. Сахарова и Н. Н. Сельков. — Ист. фил. сб. 6, стр. 146.

вашком языке форма деепричастия на *-са* восходит в древнетюркской форме причастия на *-сар* (~ *-сар*)¹²⁷.

Деепричастия на *-са* и *-тэк* в удмуртском языке могут употребляться с суффиксами сравнительной степени *-гес* или *-гем*, который придает деепричастию оттенок неполноты проявления действия, некоторой ослабленности его: *малпасагес(-гем)* 'немного (несколько) обдумывая', *малпатэкгес(-гем)* 'немного необдумав', 'несколько необдумав (например, ты поступил)' и др.

В отличие от удмуртского, в коми языке допускается употребление деепричастий на *-ig* в форме мн. числа: *ветлігъясö, ветлігъясын* 'во время хождений'¹²⁸. В пермских языках наблюдается употребление деепричастий в формах отдельных косвенных падежей, например, к удмуртскому деепричастию на *-ку*, *-тозь* могут присоединяться окончания дат. падежа *-лы* и разд. падежа *-лэсь*, ср. *улытозям-лы* 'на всю мою жизнь', *ужан кутскыкызулэсь* 'до начала их работы'; коми деепричастия на *-ig* принимают окончания твор., местн. и вступ. падежей¹²⁹.

НАРЕЧИЯ

§ 89. Наречия пермских языков, следуя классификации Б. А. Серебrenникова, по структурным признакам можно разделить на семь групп:

1) наречия, не имеющие морфологических показателей: *вазь* // *всдз* 'рано' < иран. **oš*' 'передний' (КЭСР, 59); *весь* // *век* 'всегда', у. *весь* связывают с *веськыт* 'прямой', 'стройный', к. *век* — с русским диалектным словом *век* 'постоянно'¹³⁰; *ичи* // *этша* 'мало', 'немного': у. *ичи* < прап. **ič*' 'маленький', к. *этша* < прап. **eč* (КЭСР, 332); *кэма* // *дыр* 'долго': у. *кэма* < прап. **kem* 'время', 'пора' (КЭСР, 332), к. *дыр* < прап. **dür* 'время'; *ку* // *кор* // *көр* 'когда': у. *ку* иран. **kō* 'когда' (КЭСР, 127), к. *кор* // *көр* < 'кодыр' < прап. **kōr* 'когда' (КЭСР, 126); *пыр* 'всегда' < прап. **pür* 'всегда' (КЭСР, 236); *тскма*, *юри*, *юнме* // *весь* 'напрасно', 'зря', 'попусту', 'бесцельно': у. *юри*, *юнме* относятся к тюркским заимствованиям, к. *весь* < прап. **veš* < доп. **wšič*'/з (КЭСР, 53); *туж*, *уқыр* // *зэв* 'очень', 'слишком', 'чересчур': у. *туж* — неясного происхождения, *уқыр* — татарское заимствование; *зэв* 'очень', 'весьма', 'крайне' < прап. **zeč* 'крепкий' (КЭСР, 108); *чык* // *дзык* 'весьсем', 'совершенно': у. *чык*, к. *дзык* < прап. **čig* 'плотно', 'вылотную' (КЭСР, 91); у. *жог*, *чаль* 'быстро': *жог* < прап. **reč* (КЭСР, 240), *чаль* из тат. К этой группе можно отнести рус-

¹²⁷ И. П. Павлов. Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции. Авт. д. к. М., 1953, стр. 6.

¹²⁸ В. С. Суханова. Деепричастные наречия в коми языке. Авт. д. к. Петрозаводск, 1951, стр. 7.

¹²⁹ Г. И. Лаврентьев. Вопросы теории и методики русского и удмуртского языков. Ижевск, 1972, стр. 153.

¹³⁰ Сереб. Ист. перм., 348.

ские заимствования в удмуртском: *вокурат* 'как раз', 'ровно' 'тотчас', *воксё* 'вовсе', 'совсем', *интересно*, *сразу* 'сразу', 'тотчас', *прочь* 'совсем' и др.; много их и в коми языках;

2) наречия, представляющие застывшие надежные формы (в основном, твор. или местн. надежей): твор. п. *вазен* // *важён* 'раньше', 'прежде' (у. *вазь* 'ранний'), к. *важён* 'давний', 'старый', 'старинный' < прап. **važ* < доп. **vansa* (КЭСР, 46); *пыдын*, *пудэн* // *подён* 'пешком' (*пыд-*, *пуд-*, *под-* < прап. **pod* 'нога' КЭСР, 223); *жоген* 'вскоре' (*жог* 'быстрый', 'скорый' < прап. **reg* КЭСР, 240); *лушкемен* 'тайком' (*лушкем* 'тайный', 'секретный'); *кыкен* 'вдвоем' (*кык* 'два'); *каллен* 'медленно' (? **kal'* — неясного происхождения); у. *мырдэм*, *мырдэн* 'кое-как', 'едва', к. *мырдён* 'насилно' (*мырд* 'крепкий' < прап. **murd*, ср. у. *мыр-мыр* 'сильно' КЭСР, 183), к. *бдйён* 'быстро' (*бд* 'сила', 'быстрота'); *торйён* 'отдельно' (*тор* 'кусок'), *сёрён* 'поздно' (*сёр* 'поздний'), *рөдйён* 'бегом', 'рысью' (*рөд* — неизвестного значения), *котөрён* 'бегом' (*котөр* 'бег'); у. *шуген* 'с трудом', 'насилу', 'кое-как' (*шуг* 'трудный'), *капчиен* 'полегоньку' (*капчи* 'легкий'), *умоен* 'по-хорошему' (*умой* 'хороший'), *борзёмен* 'рысью', 'галопом' (*борзё-* неясно); *лекын* 'злобно' (*лек* 'злой', 'сердитый'), *зечкын* 'по-доброму', 'по-хорошему' (*зеч* 'добрый', 'хороший'); *берын* 'задом', 'спиной' (*бер* 'зад', 'задняя часть'), *азьын* 'передом' (*азь* 'перед', 'передняя часть'); местн. п. — *вылын* 'наверху' (*вэл* 'поверхность', 'верх'), *улын* 'внизу' (*ул* // *ув* 'низ'), у. *шорын* 'в середине' (*шэр* 'середина'), *матын* 'близко' (< *мат* 'близко' — слова ныне неупотребительного), *берын* // *бёрын* 'позади' (*бёр* 'зад'), *водзын* 'вперед' (*водз* 'перед'), к. *дорын* 'на краю' (*дор* 'край'), *рытын* 'вечером' (*рыт* 'вечер'), *лунын* 'днем' (*луи* 'день'), *асылын* 'утром' (*асыв* 'утро'); вступ. п. — *вэлэ* // *вэль* 'наверх' (*вэл* 'верх'), *улэ* // *улё* 'вниз' (*ул* 'низ'), у. *ваче* 'вдвоем наедине' (< *вач* — ныне неупотребительного), *валче* 'вместе' (< *валч* — ныне неупотребительного), *туинэ* 'сегодня' < **та лунэ* досл. 'в этот день', ср.: к. *талун* 'сегодня', у. *пуназе* 'днем' < **лун азе* досл. 'в перед день', *чюказе* 'завтра' < **чюк азе* досл. 'в перед утро', *жытазе* 'вечером' (*жыт азе* досл. 'в перед вечер'), *толон* 'вчера' < **та лун* < **та лунэ* досл. 'в этот день', *валлян*, диал. *vad'lan* 'позавчера' < **važ'lan* < **vož'lan* (< **vož'lume*) досл. 'передний (прежний) день'; коми наречие *талун* 'сегодня' < *та лунö* — первоначально 'в этот день' утратило окончание вступ. надежа, *тöрыт* 'вчера' < *тöрытö* — первоначально 'в тот вечер'; псих. п. — *улысь* 'внизу' (*ул* // *ув* 'низ'), *вымысь* // к.-п. *вэлысь* 'сверху' (*выл* 'верх'), у. *урдсысь* 'сбоку' (*урдэс* 'бок'), *артысь* 'рядом' (*арт* — ныне непонятно), *татысь* // *татысь* // *татысь* 'отсюда', *вылысь* // к.-п. *вилысь* 'снова', 'заново' (*вэль* // *вэль* 'новый'); направ. (прибл.) надеж — *азьлань* // *водзлань* 'вперед' (*азь* // *водзь* 'перед', 'передняя часть'), *берлань* // *бёрлань* 'назад' (*бер* 'зад', 'задняя часть'), *вылань* // *вывлань* 'вверх', 'кверху', *улань* // *увлань* 'вниз', 'книзу', *талань* // *талань* // *эталань* 'сюда' (*та*, *эта* 'это', 'то', 'тот'),

к. шорлань 'к середине', 'к центру'; отд. п. — улысен // улысянь 'снизу', вылысен // вылысянь 'сверху', у. шорысен 'с середины', 'с центра', 'с глубины', к. пыдісянь 'из глубины', татысен // татысянь, тасянь 'отсюда', 'с этого места'; к. татчань 'сюда', 'в эту сторону'; отысен // эсэсянь 'оттуда', 'с того места', у. кемаласен (< кемалаысен) 'издавна', 'с давних пор' (кемалась 'давню'); перех. п. — вылэти // вылөд, вывти 'по верху', улэти // улөд, увти 'по низу', тати // тати, тат 'здесь', 'по этому месту', оти // сати, сэт 'там', 'по тому месту', кыти // кыти 'где', 'по какому месту'; пред. п. — вылсы // вылөдз 'до верху', улйозь // улөдз 'до низу'; достиг. п. — мудзёмла 'из-за усталости', пемыдысла 'из-за темноты', нимкодъла 'с радости'; сравн. п. — сэсыя 'потом', помся 'беспрерывно'.

В удмуртском слове *чукна* 'утром', по-видимому, сохранился архаический суффикс финно-угорского инесс. *-на, -nä, ср. к. *войнас* 'ночью', *рытнас* 'вечером', а также коми-пермяцкие временные послелогии: *дырна* 'в течение': *час дырна видзчисис* 'он ждал в течение часа'; *сьорна* 'в течение', 'по мере того как': *куим месяц сьорна* 'в течение трех месяцев'; *Россияс пытикись областтезö пырсм сьорна Напслеслөи өддөи өдджыт армияыс сылс* (Коми-перм. 304). 'По мере продвижения во внутренние области России громадная армия Наполеона таяла'. Удмуртские наречия образуются также с помощью послелогов *кузя* и *сямен* 'по', которым в коми языке соответствует форма твор. падежа: *кык кузя // кыкөн* 'вдвоем', *куиь кузя // куимён* 'втроем', *ныль кузя // нёльён* 'вчетвером'; *удмурт сямен // удмуртён* 'по-удмуртски', *коми сямен // комиён* 'по-коми', *зуч сямен // рочён* 'по-русски';

3) наречия, образованные на основе словосочетаний, подразделяющиеся на: а) наречия, возникшие из послеложных словосочетаний и сложных слов: у. *нуаллы быдэ* 'ежедневно', *арнялы быдэ* 'еженедельно', *чуказе бере* 'послезавтра', *вительмтэ шорыс* 'неожиданно'; к. *мудзём ёсна*, *мудзём понда* 'из-за усталости', *удж ёсна*, *удж понда* 'из-за работы'; *азьвыл // водзвье* 'заранее', *уйбыт // войбыд* 'всю ночь', *толбыт // төвбыд* 'всю зиму'; к. *око-тапырьс* 'охотно' (*око* 'охота', 'желание', *пырьс* < *пыр* 'через' + *ыс* — окончание исх. п.), *дышпырьс* 'лениво' (*дыш* 'ленивый'), *мудзпырьс* 'устало'; *вельногён* 'по-новому' (*вель* 'новый'), *еажногён* 'по-старому' (*важ* 'старый'); *буркузя* 'по-доброму' (*бур* 'добрый'), *лёккузя* 'со зла' (*лёк* 'злой'); *өткодь* 'одинаково' (*өти* 'один'), *веськодь* 'безразлично' (*весь* 'зря'); *пол // пөв* 'раз'; *кыкпол // кыкпөв* 'вдвойне', 'дважды', 'два раза'; *куиьпол // куим-пөв* 'трижды', 'три раза', к. *мөдпөв*: *мөдпөв гырни* 'перепахать' (досл. 'другой раз вспахать'), *мөдпөв краситны* 'перекрасить' (досл. второй (другой) раз красить). В коми языках от числительного образуются наречия с суффиксом исх. падежа -ыс, соответствующие удмуртским наречиям с -пол, ср.: *кыкпол // кыкыс* 'дважды', *куиьпол // куимыс* 'трижды', *сю пол // сөбдыс* 'сотый раз'; б) наречные сращения и фразеологизмы: у. *арыс аре* 'из года в год', *дырыз дыръя* 'своевременно', *кызы ке озы // кызкө-*

мыйкӧ 'как-нибудь', к. мыйкӧдыра 'какое-то мгновение (некоторое время)', у. нуналысь-нуналэ 'изо дня в день', нунал лумбыт 'целый день', ас кожаз 'самостоятельно';

4) изобразительные слова-наречия, имеющие широкое распространение во всех пермских языках: шур-р лобзыны || жбыр лэбзыны 'вспорхнуть', 'улететь' (шур-р, жбыр — звукоподражательные слова, обозначающие шум крыльев при взлете), чульк тэтчыны || звирк чеччыштны 'прыгнуть', 'вскочить', 'вспрыгнуть', топ султыны || джом суетны 'стоп' 'остановиться', гаӷ усьыны || пласът усьыны 'пластом (плашмя) упасть', ӷыж-ӷаж кесяны || чужчаж косяны 'изорвать с треском', шултыр-шалтыр усьыны || грым-грам усьыны 'упасть с грохотом';

5) наречия, образованные путем повторов: у. мырдэм-мырдэм 'еле-еле', оген-оген 'по одному', 'по одиночке', кыкен-кыкен 'по двое', дырын-дырын 'время от времени', радэн-радэн 'рядами', интыен-интыен 'местами', сьӧд-сьӧд 'черным-черно', ӷыж-ӷыж 'красным-красно', чылк-чылк 'чисто-пречисто', 'очень чисто';

6) наречия — словесные пары: у. лулысь-сюлмысь 'усердно', 'от всего сердца', мылысь-кыдысь 'охотно', 'с желанием', нырысь-валысь 'первоначально', гижысь-пильысь 'энергично', 'настойчиво'; туннэ-ӷуказе 'на днях' (досл. 'сегодня-завтра'), азьтэм-бертэм 'бесследно', 'без вести' (азь 'перед', бер 'зад'), вистэм-вожтэм 'беспрерывно' (вис, вож 'промежуток', 'пересечение'), пумтэм-йылтэм 'бесконечно' (пум 'конец', йыл 'острие', 'верх'), солань-талань 'туда-сюда' и др.;

7) наречия, образованные при помощи особых наречных суффиксов:

у. -ак: жӧгак, чаляк 'быстро', 'моментально' (жӧг, чаль 'быстро'), шонерак 'прямо', 'напрямик' (шонер 'прямо'), шӧрияк 'пополам' (шори 'пополам', 'наполовину');

у. -ой, -ей: дасой 'около десяти дней' (дас 'десять') 'в десять дней', кыктой 'в два дня' (кык 'два'), ньылей 'в четыре дня', 'в течение четырех дней' (ньыль 'четыре');

у. -скын, -сын: арняскын 'в течение недели' (арня 'неделя'), нуналскын, нуналсын 'в течение дня', толэзъскын 'в течение месяца';

у. -ойскын, -ейскын: куиньмойскын 'в течение трех дней', 'за три дня', витейскын 'в течение пяти дней', 'в пять дней';

к. -а, образующий наречия от прилагательных: веськыда || веськыта 'прямо' (веськыд || веськыт 'прямой'), бура 'хорошо' (бур 'хороший'), омӧля || умӧля 'плохо' (омӧль || умӧль 'плохой'), югыда || югыта 'светло' (югыд, югыт 'светлый'). Имеется также ряд непродуктивных суффиксов, образующих наречия, например: -зь || -дз: кызы || кыздз, кызди 'как', тазы || тадз, тадзи 'так', озы || сідз, сідзи 'так', 'таким образом' и др.

§ 90. Определительные наречия могут иметь форму сравнительной, а в коми языках и превосходной степени. Сравнительная степень образуется путем присоединения суфф. -гес (-гем) || -джык/!

-жык: *матынгес* || *матынджык* || *матынжык* 'ближе' (*матын* 'близко'), *югытгес* (-гем) || *югыдджык* || *югытжык* 'светлее' (*югыт*, *югыд* 'светло'), *пеймытгес* (-гем) || *пемыдджык* || *пемытжык* 'темнее' (*пеймыт* || *пемьд* || *пемыт* 'темно'), *кӱсгес* (-гем) || *кӱсджык* || *кӱсжык* 'суше' (*кӱс* 'сухо').

Некоторые коми пространственные наречия факультативно могут оформляться с помощью суфф. -ӱсь, являющегося суффиксом мн. числа имен прилагательных, употребляемых в роли сказуемого: *сийӱ татӱн* || *сия татӱн* 'он здесь' — *найӱ татӱнӱсь* || *няя татӱнӱсь* 'они здесь'.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 91. Современные пермские языки весьма богаты п о с л е л о г а м и. Часть их возникла в прапермский период, значительная часть появилась в период самостоятельного развития отдельных пермских языков, поэтому послеложные системы удмуртского и коми языков в настоящее время расходятся как составом послеложных единиц, так и значением отдельных послелогов. Из 52 коми послеложных гнезд, рассмотренных К. Редей, лишь около 20 являются общими с удмуртскими, а 32 послелога коми языка появились после распада пермской общности¹³¹.

Ряд послелогов является общим для всех пермских языков: *кузя* 'по' (*сюрес кузя* || *туй кузя* 'по дороге'), *пыр* 'через', 'сквозь' (*стекло пыр* || *стеклӱ пыр* 'через стекло'), *вамен* || *вомӱн* 'через (что-л.)', 'поперек (чего-л.)' (*сюрес вамен* || *туй вомӱн* 'поперек дороги') и другие.

По значению послелоги в пермских языках подразделяются на а) пространственные: *азь* || *водз* || *одз* 'место перед (чем-л.)', *бер* || *бӱр* 'место сзади'; *борд-* || *берд* 'место около (чего-л.)', 'место при. . .'; *выл* || *выв* 'место сверху', 'верх (чего-л.)' (*сюрес вылын* || *туй вылын* 'на дороге', *сюрес вылэ* || *туй вылӱ* 'на дорогу'); *дйнь* || *дйн*, *дор* 'место около, возле' (чего-л.) (*пель дйньын* || *пель дорын*, *пель дйнын* 'около уха'); *йыл* || *йыв* 'место над (чем-л.)', *пушк-* || *пытш-* 'место внутри (чего-л.)', *сай* 'место за (чем-л.)'; *сьӱр* 'место за (чем-л.)', 'место сзади'; *ул* || *ув* 'место под (чем-л.)'; б) временные (*дыръя* || *дырий* || *дырни*, *дырна* 'в', 'во время', 'в период', 'при'; *чӱже* || *чӱж* || *дырни*, *дырна* 'в течение', 'в продолжение', 'во время' (к.-п. *сьӱрна* 'в течение', 'по мере того, как. . .'; *одзти* 'тому назад'); в) сравнительно-измерительные (или сопоставительные): *жужда* || к.-з. *джуджда* 'высотой с. . .'; *насьта* 'шириной с. . .'; *кузьда* || *кузьта* || *кузя* 'длиной с. . .'; *мурда* || к.-з. *джуджда* 'глубиной с. . .'; *быдза* || *гырся* || *гырися* 'величиной с. . .'; *секта* || *сьӱкта* 'тяжестью с. . . и др.); г) причинно-целевые: *понна*, *муген*, *сӱрен*, *йырин* || *понда*, к.-з. *могысь*, к.-п. *могысь* 'по причине', 'из-за', 'ради' (*вераськон муген* || *сӱрнитбм*

¹³¹ К. Rédei Post. 207—212.

могысь || *җаитѳм могысь* 'ради (для) разговора', *пумысь* || *помысь* // *понись* 'от', 'по причине', 'по' (*со висем пумысь кулйз* || *сийѳ висьѳм помысь кулис* || *сия кулис висян понись*) 'он умер по болезни (из-за болезни)'; в удмуртском, кроме того, имеет значение 'о', 'об' (*со пумысь кылэм вал* 'слышал я об этом'); в коми языках в значении 'из-за' употребляется также послелог *кузя* (*омѳль поводдя кузя ковмис пукавны гортын* || *умѳль погоддя кузя колис пукавны гортын* 'из-за плохой погоды надо было сидеть дома') и др.

По структурному типу в пермских языках различаются послелоги:

1) не имеющие падежных суффиксов: *пыр* 'через', 'сквозь' (*нюлэс пыр потыны* || *вѳр пыр петны* 'выйти (пройти) через лес'), происходящий от *пырыны* || *пырны* 'войти', 'входить' < прап. **prig* 'через (что-л.)' (КЭСК, 236); *кадь* || *кодъ* 'подобно', 'как' (*му из кадь* || *муыс из кодъ* 'почва твердая, как камень') < прап. **kodl* 'как', 'вроде', 'наподобие' (КЭСК, 127), к. *моз* 'подобно' (*мач моз чеччавны* 'подирыгивать, как мяч', *батыс моз* 'подобно отцу') < прап. **moz* 'как' (КЭСК, 172); по значению в отличие от послелогов-имен все они относятся к собственно послелогам;

2) содержащие архаические падежные суффиксы: а) *кузя* < *кузь* 'длинный' 'по'; кроме того, в коми языках 'в соответствии с. . .' 'ради', 'по поводу', 'по случаю' (*ульча кузя* || *улича кузя* 'по улице', к. *тэ кузя пыралі* '(ради) из-за тебя зашел', *праздник кузя* 'по случаю праздника'); у. *пала* (*пал* 'сторона') 'по направлению к. . .' 'в сторону (чего-л.)'; к. *дыра* (*дыр* 'долгий', 'продолжительный') 'с', 'около', 'в течение' (*тѳлысьѳн джынйѳн дыра* 'около полутора месяцев', *минут дыра* 'в продолжение минуты'); к. *кыза* (*кыз* 'толстый') 'толщиной с. . .' (*чунь кыза* 'толщиной с палец'); к.-п. *ылына* (*ылын* 'далеко') 'расстоянием с. . .' (*школа тасянь километр ылына* 'школа отсюда расстоянием с километр') и др.; -а представляет собой древний лативный суффикс¹³²; сюда же относятся все сравнительно-измерительные послелоги; б) *дырѳя* || *дырйи* 'во время', к. *пыдди* 'вместо', 'в качестве (кого-л.)', 'за (кого-л.)' (*вок пыдди уджавны* 'работать за брата'); к. *кындзи* 'кроме' (*йѳв кындзи нинѳм оз сѳй* 'кроме молока ничего не ест'); сохраняют прафинно-угорский суфф. *-i¹³³; в) у. *сяна* 'кроме', 'за исключением' (*уж сяна* 'кроме работы', *кышноос сяна* 'за исключением женщин') < *lis'ana* < *-lis* — показателя удмуртского аблатива + *ана* (< *яна*) 'раздельно', 'отдельно' (*lis + ana* > *li-sana*)¹³⁴;

3) имеющие окончания современных местных падежей, которые представляют самую большую группу; в их основе лежат слова с пространственным значением: *азь* || *водз* || *одз* 'место перед (чем-л.)', *бер* || *бѳр* 'место сзади', *выл* || *выв* 'место сверху', *дур* ||

¹³² Сереб. Ист. перм. 357—358.

¹³³ Там же, стр. 360.

¹³⁴ В. Кельмаков — СФУ III 277—279.

дор 'место возле, около (чего-л.)', *шор* || *шөр* 'место посреди (чего-л.)' и мн. др.

В удмуртском языке имеют широкое распространение послелогои, которых в коми языках существуют иные соответствия: *вадьсы-* || *весьт-* 'место прямо напротив (впереди, вверху, внизу)' (*самолёт лобзиз город вадьсытй* || *самолёт лэбзис кар весьтти* 'самолет пролетел над городом'), *валлин* || к.-п. *пöлön* 'вдоль чего-л.', 'возле чего-л.', 'по'; *виск-* || *кост-* 'промежуток', 'между'; *выллань* || *паныд* 'вверх', 'кверху', 'по направлению вверх'; *интые* || к.-п. *туйö* 'за кого (что принимать)', *шорын* || *йылын* 'на...?' (*тöл шорын* || *тöв йылын* 'на ветру'); *сярысь* || *йылысь* 'о', 'об' (*ас сярысь вераськыны* || к.-з. *ас йылысь сёрнитны* 'говорить о себе'; *котыр* || *гöгöр* 'вокруг', 'кругом', 'около'; *понна*, *сэрен* || *кузя* 'ради', 'из-за', 'по случаю', 'по поводу' (*тон понна пырай* || *пыралі тэ кузя* 'заходил я ради тебя', *праздник понна* || *праздник кузя* 'по случаю праздника'); *пöлын* || *пöвстын*, *костын*, *пытшкын*, *пыын*, *шöрын* 'среди кого-л., чего-л.' (*калык пöлын* || *йöз пöвстын*, *йöз шöрын* 'среди людей'); *пумит* || *паныд* 'против', 'напротив'; *сямен* || к.-з. *могысь* 'по...?' (*мон сямен* || *ме могысь* 'по-моему'); *сяна* || к.-з. *кындзи* 'кроме', 'кроме как' (*та сяна* || *та кындзи* 'кроме этого', 'кроме него'); *сярысь* || *серти* 'в соответствии с...?', 'по сравнению с...?', 'сравнительно с...' (*кылем арын сярысь* || *кольöм воын серти* 'по сравнению с прошлым годом'); *сöрын* || *сайын* 'за (кем-л., чем-л.)' (*шур сöрын улыны* || *ю сайын овны* 'жить за рекой'); *урдэск-*, *урдс-* || *бок* 'около чего-л.', 'возле чего-л.' (*сюрес урдсын* || *туй бокын* 'возле дороги', 'около дороги').

Перечисленные послелогои употребляются почти во всех формах местных падежей.

В удмуртском языке ряду коми послеложных конструкций соответствует падежная форма: разд. п. *кылем арлэсь... || кольöм вося серти...'* 'по сравнению с прошлым годом...'; дат. п. *толзлы лыктыны || локны тöлысь кежлö* 'прибыть на месяц'; *кык нуналлы лыктй || к.-п. локтй кык лун кежö* 'я приехал на два дня'; твор. п. *семьяен || став семья кодьöн* 'всей семьей'; местн. п. *ас кыбуръёссэ со кылйз коми кылын || ас кыбуръяссö сійö кыліс коми кыв вылын || ас кыбуррезсö сйя кыліс коми кыв вылын* 'свои стихи он услышал на коми языке'; пред. п.: *мырдэм вуи корказёз || öдва вои кильчö вылöдз* 'едва дошел до крыльца'; *пие (~ пилы) басьтыны || ни пыдди босьтны* 'взять в сыновья', 'усыновить'; исх. п.: *ведрайсь юны || ведра дорысь юны || ведра дорись юны* 'пить из ведра'; *ведрайсь локтаны || ведра помысь юктöдны* 'напоить из ведра'; пред. п.: *чукнаозь пуқыны || асья вылöдз пукавны* 'сидеть до утра'; соотв. п.: *советской правительстволэн öтемезя || к. з. советскöй правительстволөн корöм серти* 'по приглашению советского правительства'; *куараея (голосэя) монэ тодмаз || к.-п. гöлс сёртй менö тöдйс* 'по голосу он меня узнал'; *тонъя || тэ ногöн* 'по-твоему', *монъя || ме ногöн* 'по-моему'; коми сочетания слов с послелогом *сорöн* 'с', 'совместно с...' в удмуртском нередко по-

редаются деепричастием на -са: *дыртыса гуртысь потй* || к.-з. *гортысь петй тэрмасьём сорён* 'торопясь вышел я из дому'.

§ 92. Многие послелогои в пермских языках употребляются в сочетании с лично-притяжательными суффиксами, заменяя личные местоимения. Такие послелогои именуются *п о с л е л о ж н о л и ч н ы м и м е с т о и м е н и я м и*. Пронаминализация (оместоименывание) послелогов происходит в пределах локальных падежей, чаще всего в местном, исходном, вступительном падежах почти всех серийных послелогов, например:

сьёр-: *сьёрам* 'я с собой', *сьёрад* 'ты с собой', *сьёраз* || *сьёрас* 'он с собой', *сьёрамы* || *сьёраным* 'мы с собой', *сьёрады* || *сьёраныд* || *сьёраныт* 'вы с собой', *сьёразы* || *сьёраныс* 'они с собой';

-дор-, *дйнь-* || *дин* || *дын-*: *дорам*, *дйням* || *динам* || *дынам* 'около меня', 'рядом со мной', 'к себе', 'ко мне'; *дорад*, *дйняд* || *динад* || *дынат* 'около тебя', 'рядом с тобой', 'к себе', 'к тебе'; *дораз*, *дйняз* || *динас* || *дынас* 'около него', 'рядом с ним (с ней)', 'к себе', 'к нему (к ней)' и т. д.;

у. кож- (самостоятельно ныне не употребительно): *кожам* 'я сам собой', 'сам без посторонних', *кожад* 'ты сам собой', 'ты сам без посторонних', *кожаз* 'он сам собой', 'он сам без посторонних', *кожамы* 'мы сами собой', 'мы сами без посторонних', *кожады* 'вы сами собой', 'вы сами без посторонних', *кожазы* 'они сами собой', 'они сами без посторонних';

в бесермянском причинно-целевой послелог *риппа* 'за', 'ради', 'для', 'про': *риппат* 'про себя я сам', 'за (ради) меня', *риппад* 'про себя ты сам', 'за (ради) тебя', *риппаз* 'про себя он сам', 'за (ради) себя он', *риппатә* 'про себя мы сами', 'за (ради) себя мы', *риппадә* 'про себя вы сами', 'за (ради) себя вы', *риппазә* 'про себя они сами', 'за (ради) себя они', например: *моп шарәс малпаškod lo риппад* 'наверное, сама думаешь обо мне' (досл. 'сама про себя').

В послеложно-личном местоимении *риппад* выражено ед. число и принадлежность 2-го лица. Это слово в данном предложении выступает в роли подлежащего. Таким образом, послеложно-личные местоимения пермских языков нельзя причислять к собственно послелогам, т. е. к служебным словам, так как они выступают в качестве самостоятельных слов и являются членами предложения.

§ 93. Союзы пермских языков оформились сравнительно поздно, о чем говорит различный состав их в каждом из этих языков. По характеру выражаемых связей в предложении различают союзы сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы бывают а) соединительные: *но* || *и* 'и', *да* 'и', *но...но* || *и...и* 'и...и', *не...не* || *ни...ни* 'ни...ни', *гинэ...но*, *гинэ өвёл...но* || к. з. *оз сõмын...но* п 'не только...но и', *кызы ке...озы ик* || *кыдзи...сидзи* и 'как...так и' (*кызы ке малпа*, *озы ик вера* || *кыдзи мөвпалё*, *сидзи и висьталё* 'как думает, так и говорит'); б) противительные: *нош*, *но* || *но* 'но', 'однако' (*шунды гурезь сае лэзькиз*, *но куазь*

югыт на вал || шонди саяліс керёс сайё, но вёлі ещö югыд || шонди сайёвтичс керёс сайё, но вёлі эшö югыт 'солнце спряталось за гору, но было еще светло'), а то 'а то', яке || либö 'либо' (нокыче янгыш, яке алдаськем, конечно, öй вал || к.-з. некутишöм öшыбка либö пöръясöм, дерт, эз вöв 'никакой ошибки или никакого обмана, конечно, не было'); в) разделительные: оло. . . оло || нисёö, не то . . . не то 'не то. . . не то', я. . . я 'то. . . то', 'то ли. . . то ли', к. али 'или' (локтан али он лок? 'придешь или не придешь?'), яке. . . яке || либö. . . либö 'либо. . . либо', 'или . . . или', 'то. . . то' (яке туннэ жытазе пыра, яке чуказе чукна вуылы || либö талун рытнас пырав, либö аски асыв воы 'или сегодня вечером зайди, или постарайся забежать утром').

Подчинительные делятся на а) временные: ку, куке || кор || көр 'когда', гинэ, гинэ. . . но || öдва, к.-з. сöмын, муртса, мыйöн 'только', 'только что' (Шалаше югыт пиштыны гинэ кутскиз, чорыгасьёс пьд йылазы вал ни || öдва югытыс пондис сидзын шалашас, чериалиссез сувтисны уж кок йылын (Коми-перм. 311) 'Только что свет начал проникать в шалаш, рыбаки уже встали на ноги'); у. бере 'после того как' (Дыртыса кошкемды бере, дорамы одйг подмотэм мурт пыраз на (РУСл. 1354) 'После того, как вы поспешно ушли, к нам заходил еще один незнакомый человек'), дыртя || к.-з. пока 'пока', 'когда', б) условные: ке || кө, бере, дыртя || к.-п. коли (уд тодйськы бере, эн вера || к.-п. коли он төд, эн висьтав 'если не знаешь, то не говори'); к.-п. көбы (< русс. кабы) 'если бы', 'кабы' (Ох, көбы ме ыджытжык чуть, некөр бы тэ сёрись эг кольччы (Коми-перм. 312) 'Ох, если был побольше чуть, никогда бы от тебя не отстал'); в) причинные (причинно-целевые): но, но. . . соин || да 'так как' шуыса || медым 'чтобы', малы ке шуоно || к.-з. сы понда мый, сы вöсна мый лёка 'ввиду того, что', 'потому что', 'так как'; г) уступительные: озы ке но 'хотя и так', 'несмотря на то, что', 'несмотря на это'; ке но || көть и. . . 'хоть', 'хотя и. . .', 'хотя . . . но'; д) изъяснительные: шуыса || мый (мон верай, ваньмыз со зэм шуыса || ме шуи, мый ставыс тайö збылысь 'я сказал, что это всё равно'), будто || быттьö, 'будто', будто ке || быттьöкө, быттьökön, быттьökönöсь, 'как будто', 'будто бы' (кылле, будто висе || куйлё, быттьö висёö 'лежит, будто болеет').

Состав удмуртских союзов в основном исходит от исконных слов: сочинительные — но 'и', но . . . но 'и . . . и', кызы ке озы, кызы ке озы ик 'как, так и. . .' собере 'потом', 'затем'; подчинительные — ку, куке 'когда', бере 'после того, как', дыртя 'в то время, как', шуыса 'говоря', малы ке шуоно 'потому что' образован от свободного сочетания слов малы 'почему', ке 'если', шуоно 'надо (следует) сказать'¹³⁵; нош связан с коми частицей нöшта¹³⁶.

¹³⁵ П. Н. Перевощиков — ВФУ IV 3—19.

¹³⁶ Сереб. Ист. перм. 375. — Ст. также: В. Г. Калашникова. — Уч. зап. УГИИ, вып. 18. Ижевск, 1968, стр. 141—149; О н а ж е. Сложно-

В предложениях указанного типа в коми языках, как правило, используются союзы и союзные слова, происходящие от местоименных слов. Исключением в них можно считать союз *лэка* 'потому что', 'так как', происходящий от знаменательного слова *лэк* 'плохо', 'худо', 'скверно'; 'плохой', 'худой', 'скверный' (КРСл.).

В коми-пермяцком языке широко употребительны союзы *что*, *чтобы*, усвоенные из русского языка, и *медбы* 'чтобы' (*быдённыс долженёсь пессыны сы понда, медбы колхозын вёлі образцовый порядок да чорыт дисциплина* 'все должны бороться за то, чтобы в колхозе был образцовый порядок и твердая дисциплина').

Часть удмуртских союзов заимствована из татарского языка, например: *гинэ* 'только что', *я* 'или', *я. . . я, яке. . . яке* 'или. . . или', 'то. . . то'¹³⁷ и др. Ряд союзов усвоен из русского языка: *а* 'а', *не то. . . не то* 'не то. . . не то' и т. д.

Преобладающая часть употребительных союзов в коми языках является заимствованиями из русского языка: сочинительные — *а* 'а', *али* 'или', *да* 'да', 'и', 'но', *дай* 'да и', *и. . . и* 'и. . . и', *либё. . . либё* 'либо. . . либо', 'или. . . или', *нисёд, не то. . . не то* 'не то. . . не то', *ни. . . ни* 'ни. . . ни' и другие; подчинительные — *быттё* 'будто', *кётъ, кётъ и. . .* 'хоть', 'хотя и. . .', *ёдва*, 'едва', *пока* 'пока', к.-п. *кёбы* 'кабы', *да* 'да' и т. д. Из сочинительных союзов употребляются в коми языках *кыдзи. . . сідзи* 'как, так и. . .', *сійён* 'поэтому' и к.-з. *сёмын* 'столько-то' от указательного местоимения *со* (< *сійё*) + *мын* 'счет', 'десять' (и нек. др.); подчинительные почти все русского происхождения. Имеется также группа союзов в пермских языках, которая представляет собой кальки соответствующих по значению русских союзов.

§ 94. Частицы в пермских языках имеют широкую сферу использования в речи. Одни частицы имеют постоянное место в предложении, другие могут перемещаться. Частицы, занимающие постоянное место, бывают: препозитивные (*ёвёл* || *абу* 'не', *мед* 'пусть', *не* 'не'; *вай, давай* || к.-з. *медся, бёльё*, например: у. *вай мон верало* 'давай я скажу'; *мед юнмалоз но сяськаялоз асьмелэн быдём Родинамы* || к.-з. *мед ёнмас и дзоридзалас асланым ыджыд Чужан му* 'пусть крепнет и расцветает наша великая Родина') и постпозитивные (*а* || *ё*, *ке* || *кё*, *пе* || *пё*; *-о*, *гинэ*, *ик*, *на*, *ни*, *ук* || *нё*, *-ё* || *я*, *жё*, *нё* и др., например: *кыльд-а виль ивор?* || *кылин-ё виль юёр?* || *кылин-о виль юёр?* 'слыхал ли ты новости?').

По своим функциям частицы различаются как неопределенные (*пе* 'дескать', *пёй* || *пё*, *мися* || *пё*, *мыся* 'мол', 'де': *чүказе, пе, лынтон* || *аски пё локтам* 'завтра, де, приедем'; *уго, ведь* || *ёд* || *эд*

сочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении). Авт. д. к. Тарту, 1974.

¹³⁷ Сереб. Ист. перм. 376.

‘ведь’; к.-з. *нанерво* ‘по крайней мере’, ‘прежде всего’, *коть* ‘к примеру’, *тон* ‘конечно’, *да* ‘пожалуй’, ‘в самом деле’, *оло*, *лэя* || к.-п. *натътö* ‘наверно’, ‘по-видимому’, *некö* ‘видимо’ и др.); вопросительные (*а*, *тэ*, *меда* || *ли*, *ö* || *я*, *ли* ‘ли’; *шат*, *неужсто*, *неужели* || *нö*, *неужели* ‘неужели’, к.-з. *разъве*, *öмöй*, к.-п. *разъ* ‘разве’ (*шат мон бере кылы?* || *сёрми öмöй ме?* ‘разве я опоздал?’); выделительные (*уга*, *уго*, *угось*, *ведь* ‘же’, ‘ведь’, ‘именно’, к.-з. *нö*, *жö*, ‘же’, *да* ‘да’, *бара* ‘в самом деле’, ‘конечно’); ограничительные (*гинэ* ‘лишь’, к.-п. *токо*, *только* ‘только’, к.-з. *сöмын* ‘только’, *медтыкö* ‘лишь бы’, *куш* ‘только’ (*куш мян республикаын . . .* ‘только в нашей республике. . .’); отрицательные (*öвöл*, ‘не’, ‘нет’ || *абу* ‘не’, ‘нет’; этимологически эта частица восходит к глаголу *вылыны* || *вöвны* ‘быть’; у. *öвöл* < *эвöл* < *эвыл* < *эвылы*; к. *абу* < *абул* < *авöл*¹³⁸; соотносящие (*ини*, *ни*, *нй* || *нин* || *ни* ‘уже’: *шунды корка сая лэзъкыз ни* || *шондйыс дзэбсис нин керкаяс сайö* || *шондйыс дзэбсис ни керкуöс сайö* ‘солнце уже скрылось за домами’; *на*, *эшио* || *на*, *нöшта*, *нöшта на*, *ещö* || *на*, *лиö* ‘еще’: *мон татчыозь öй на вал Москваын* || к.-п. *ме öнöдз эг на вöв Москваас* ‘до сих пор я еще не был в Москве’); сравнительные (*самой* || к.-з. *медся*, *самöй* ‘самый’, к.-з. *бöльö* ‘более’: *водз кöдзöмьд бöльö бур* ‘ранний посев более лучший’); указательные (*та*, *вот* || *вот* ‘вот’, *танй* ‘вот (здесь)’ *то* ‘вот (здесь)’, ‘вот (это)’, *тйни* ‘вот (там)’ || к.-з. *со*, *то*, *вот*, к.-п. *во*, *вону* ‘вот (то)’); усилительные (*но* ‘и’, ‘же’, ‘тоже’, *ай*, *ик*, *али* ‘же’, *бен* ‘так’ *вийöдз*, *весиг* || *нельки*, *даже* ‘даже’; к.-з. *бара* ‘небось’); уступительные (*ке но* ‘хоть’, ‘хотя и’, *коть* || *коть* ‘хоть’, ‘по крайней мере’, *инö* (*нö*, *инöс*) ‘в таком случае’, *либö* ‘либо’, ‘в таком случае’; утвердительные (*бен*, *о—о*, *озы* || *да*, *сидз* ‘да’, ‘так’, *зэм* ‘действительно’, ‘да’: *зэм*, *озы вал* ‘действительно так было’); неопределенности (*меда* ‘же’, ‘что ли’, ‘ли’: у. *нылыд лыдзиз меда та книгаез?* ‘твоя дочь прочла ли эту книгу?’; *ке* || *кö* ‘хотя’, ‘-то’: *кинке* || *кодкö* ‘кто-то’, *маке*, *мар ке* || *мыйкö* ‘что-то’, *кыче ке* || *кутиöмкö* || *кытиöмкö* ‘какой-то’); совпадения (*чапак*) || *дзык* || *дзык*, *топ*, *жыс* ‘как раз’, ‘точь-в-точь’: *пиез чапак аиз (тус)* || *пчыс дзык айыс* ‘сын точь-в-точь в отца’; к.-з. *буретши* ‘как раз (в это время)’, *самöй* ‘именно’, ‘как раз’); приглагольные частицы (*мед* || *мед*, *эськö* || *мед*, *бы*, *ась* ‘пусть’, к. *нö давай* ‘давай’, *-ко* ‘-ка’: у. *умой мед луысал* ‘пусть бы было хорошо’; к.-з. *кöсйим эськö ми талун муны . . .* ‘хотели бы мы сегодня пойти. . .’ и др.

Многие частицы, употребляемые в пермских языках, заимствованы из русского языка: *а* ‘а’, *будто*, ‘будто’, *ведь*, у. *эшио* || *ещö* || *эшö* ‘еще’, к. *бы* ‘бы’, *да* ‘да’, *давай*, *же* ‘же’ и др. В удмуртском языке, кроме того, имеются татарские заимствования: *гинэ* ‘лишь’, *оло* ‘или’, *яке* ‘либо’ и др. Наряду с заимствованными из иных языков в пермских языках богато представлены частицы исконного происхождения. Так, общепермскую частицу *мед*,

¹³⁸ Сереб. Ист. перм. 380.

вслед за Фокошем-Фуксом, Б. А. Серебренников связывает с основой глагола *модны* 'отправляться' и с приглагольной частицей *мед* 'пусть'¹³⁹, употребительной в коми языках. Того же происхождения коми частица *медся* и удмуртская частица *меда*. Удмуртские частицы *уг, уга, уго(сь)* 'же', 'ведь' Б. А. Серебренников считает возможным связывать с усилительной частицей *ак* 'же' марийского языка; *али* '-ка' — с мр. *але*, хотя допускает происхождение последней из татарского языка¹⁴⁰. Удмуртские частицы *тани, тйни*, по предположению Б. А. Серебренникова, представляют собой сочетание окончаний местных падежей -п и -і¹⁴¹. Коми частица *бара* 'в самом деле', 'конечно' связывается с наречием *бара* 'опять', представляющим собой застывшую форму латива на -а от существительного *бѳр* 'зад'¹⁴². Коми-зырянская частица *буретш* составлена из двух наречий: *бур* 'хорошо' и *этша* 'мало'¹⁴³. Коми-зырянская частица *вийѳдз* 'даже' связана с наречием *вийѳдз* доп. *wѳѳѳ- 'конец', 'предел' (КЭСМ, 72); коми слово *весиг* является производным от *весь* 'зря', 'напрасно', 'даром' < доп. *wзйѳ'з- (КЭСК, 53); *сѳмын* 'только' состоит из двух частей: *сѳ* — местоименной основы и *мын* — числительного *мын* < прап. *mѳп 'количество' (КЭСК, 182—183); первоначально *сѳмын* означало 'то количество', затем возникло значение 'только'¹⁴⁴; частица *тай* связывается с мансийским словом *тай* 'то'¹⁴⁵; частица *тиѳти* совпадает по форме с послелогом *тиѳти* 'вместо'¹⁴⁶ и ряд других.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

§ 95. Пермские языки сохранили ряд общих черт синтаксического строя, восходящих к финно-угорскому языку-основе, например, определенный порядок слов в предложении, препозицию некоторых словосочетаний с обстоятельственными или определительными значениями, препозицию принадлежностных падежей, тенденцию к постановке наречий перед глаголом, тяготение форм вспомогательных глаголов в аналитических глагольных формах к конечной позиции, распространение бессоюзных сложных предложений и др.¹⁴⁷ Тем не менее, в отличие от фонетического и морфологического строя, синтаксис отдельных пермских

¹³⁹ Сереб. Ист. перм. 379.

¹⁴⁰ Там же, стр. 378.

¹⁴¹ Там же, стр. 379.

¹⁴² Там же, стр. 377.

¹⁴³ Там же, стр. 381.

¹⁴⁴ Сереб. Ист. перм., стр. 378.

¹⁴⁵ Там же, стр. 379.

¹⁴⁶ Там же, стр. 381.

¹⁴⁷ D. R. F o k o s - F u c h s. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandschaft. Wiesbaden, 1962; Б. А. С е р е б р е н н и к о в. Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы докладов и сообщений, июнь, 1965 г.). Сыктывкар, 1965.

языков в настоящее время во многом сходен¹⁴⁸. Своеобразия в каждом из них выработались в период самостоятельного развития.

§ 96. С л о в о с о ч е т а н и е. Связь между словами в сочинительных словосочетаниях пермских языков выражается с помощью союзов и без них: *уй но нунал || вой и лун* 'день и ночь', *мумы-бубы || мам-бать* 'родители' (досл. 'мать-отец'). Кроме отмеченных типов в удмуртском имеются синтаксически неразложимые сочетания слов. Это так называемые спаренные глаголы. Основная функция, объединяющая почти все эти глагольные сочетания, — выражение и уточнение способа протекания действия в пространстве и времени, а также положение субъекта и объекта речи при этом действии. Основное содержание действия в удмуртском языке выражается неизменяемым деепричастием на *-са*, а дополнительные оттенки — при помощи специальных изменяемых глаголов — модификаторов, занимающих, как правило, постпозиционное положение по отношению к конструкции, например: *улляса лэзиз* 'прогнал' (досл. 'прогоняя пустил'), *бызыса кошкиз* 'убежал' (досл. 'побежав ушел')¹⁴⁹. Спаренные глаголы в удмуртском языке, как и в других волжско-финских языках, возникли под влиянием соседних тюркских языков.

В подчинительных словосочетаниях синтаксическая связь выражается при помощи согласования, примыкания, управления¹⁵⁰, в удмуртском языке, кроме того, распространены изафетные конструкции.

§ 97. С о г л а с о в а н и е как особый тип синтаксической связи не характерен для пермских языков, как, скажем, для прибалтийско-финских языков, но оно свойственно для предикативных сочетаний, в которых подлежащее и сказуемое согласуются в числе и лице, например: *колхозникъёс ужало || колхозникъяс уджалёны || колхозникез уджалёны* 'колхозники трудятся'. Согласование в числе и падеже наблюдается между некоторыми местоимениями: *мыным аслым || меным аслым* 'мне самому'; *тйлестыд кыкнадылэсь || тйянсянь кыкнанндысянь* 'от вас обоих'. Согласование в числе и падеже встречается в удмуртских субстантивных словосочетаниях с зависимыми именами прилагательными, числительными, существительными в формах косвенных падежей, ме-

¹⁴⁸ F. I. W i e d e m a n n. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Pb., 1884, стр. 236—252; A. K l e m m. A mellérendelő és alárendelő viszony kifejezése az északi osztják és votják nyelvben. «A Pannonhalmi Főapátsági Főiskola Evkönyve». Budapest, 1911—1912; О н же. Magyar történeti mondattan, I—III. Budapest, 1928—1942.

¹⁴⁹ В. К. К е л ь м а к о в. Спаренные глаголы в удмуртском языке. «Вопросы удмуртского языкознания», 3. Глагольные сочетания подробно изучены в кукморских говорах, в которых выявлено 37 модификаторов. См.: Кельм. Кукм. 362 и далее.

¹⁵⁰ О порядке слов в коми языке подробнее см.: А. С и д о р о в. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.

стоимениями и причастиями при употреблении их с выделительно-указательными суфф. *-эз (-ез)*, *-ыз*: *вылез книга* 'новая книга', *выленыз книгаен* 'новой книгой'; *чебертьёсыз кызыпуос* 'красивые березы', *чебертьёсызлы кызыпуослы* 'красивым березам', *чебертьёсыныз кызыпуосын* 'красивыми березами'. Сogласуются в числе также удмуртские прилагательные-определения, снабженные суфф. *-эсь (-есь)*, например: *жуужытэсь коркаос адскизы* 'показались (стали видны) высокие дома'; *паськытэсь улычаос кыстйсько* 'тянутся широкие улицы'.

Коми прилагательные, снабженные тем же суфф. *-öсь*, согласуются в числе лишь в том случае, если они выступают в функции сказуемого при подлежащем, выраженном именем существительным или местоимением во мн. числе: *керкаяс джуужытöсь*, ср. у. *коркаос жуужытэсь* 'дома высокие', *уличаяс паськытöсь*, ср. у. *улычаос паськытэсь* 'улицы широкие', *нывбабаяс томöсь*, ср. у. *нылыкшиноос егитэсь* 'женщины молодые' и т. д.

§ 98. П р и м ы к а н и е свойственно для: а) наречий, инфинитива и деепричастий, например: *жог ужаны || öдийö уджавны || регыт уджавны* 'быстро работать'; *пыдын мыныны || мунны подöи* 'идти пешком'; *адзыны пыраны || пыравны видзöдыны* 'зайти посмотреть'; *машинаен лыктыны || машинаён локны* 'прибыть на машине'; *мыныны жадьытозь || мунны мудтöдз* 'идти (двигаться) до устали', *пуке вераськыса* 'сидит рассказывая' и т. д. б) определительных словосочетаний, в которых зависимое слово (определение) обязательно предшествует слову, от которого оно зависит (определяемому слову), например: *неймыт уй || пемыд вой || пемыт вой* 'темная ночь', *гырем му || гөрём му* 'вспаханная земля', *вить вал || вит вöв* 'пять лошадей' и т. д. От перестановки отдельных компонентов словосочетание теряет смысл и приобретает иное значение, ср.: *му гырем || му гөрём* 'пахота земли'. Это явление общепринадлежитно-угорского характера.

§ 99. У п р а в л е н и е может быть падежным и послеложным. В качестве управляющих слов выступают обычно личные формы глаголов, а также причастия и деепричастия, существительные, прилагательные, наречия. Зависимым словом может быть имя существительное, местоимение или любое субстантивированное слово: *гожъяй карандашен || гижси карандашён* 'написал карандашом', *шудэ мунёен || ворсё аканьён* 'играет куклой'; *вераськом уж сярсь || висьталам удж йылысь* 'рассказываем о работе', *пукисько жöк сёррын || пукала пызан сайын* 'сажу за столом'.

В отличие от коми языков в удмуртском смысловая связь определения с определяемым именем при выражении отношений принадлежности передается необычным путем — формами притяжательности. Это особый тип определительного словосочетания, состоящий из двух имен, первое из которых (определение) имеет форму род. или разд. надежа, второе (определяемое) — соответствующий притяжательный суфф. *-э, -е, -ы; -эд, -ед, -ыд; -эз, -ез, -ыз* преимущественно в ед. числе; *-мы, -ды, -ты, -зы, -сы* — пре-

имущественно во мн. числе ¹⁵¹, например: *мынам уже* || *менам удж* 'моя работа', *тынад ужед* || *тэнад удж* 'твоя работа', *солэн ужез* || *сылён удж* 'его работа'. В каждом из приведенных сочетаний связь определения и определяемого существительного в удмуртском языке выражается лично-притяжательным суффиксом существительного и соответствующей местоименной формой определения. Категория принадлежности здесь выражается дважды: в структуре определения суфф. -лэн и в структуре определяемого — лично-притяжательным суфф. -эз (или -эд). Как видно из примеров, в коми сочетаниях существительное может быть не снабжено лично-притяжательным суффиксом. Подобные изафетные сочетания выражают не обычные принадлежностные отношения, а определенные, конкретные, т. е. *колхозлэн бусез* надо понимать 'поле колхоза' (определенного, известного или конкретного); *ленинской партилэсь знамязэ* || *ленинскöй партиалысь знамя* 'знамя ленинской партии'; *кинопутешествиослэн клубзы* || *кинопутешествиеяслён клуб* 'клуб кинопутешествий'. В этих сочетаниях существительное, выражающее конкретного обладателя предмета, снабжено формой принадлежности -лэн || -лён — окончание род падежа или -лэсь || лысь || лись — окончание разд. падежа. В удмуртских определительных сочетаниях форма определения -лэн (или -лэсь) непременно требует оформления определяемого имени притяжательным суффиксом 3-го лица. Данный вид определительной связи удмуртского языка П. П. Перовщиков называл пр и т я ж а т е л ь н о й связью ¹⁵² (разрядка моя. — Г. Л.).

В коми языках основы личных местоимений *ме, ми; тэ, тi; сiйö* || *найö* || *сиа; нiя* могут выступать в качестве притяжательных местоимений в позиции определения, например: *ме виль керкаын* || *ме виль керкуын* 'в моем новом доме', ср. у. *мынам виль корнам*; *сiйö пельын* || *сиа пельын* 'в его ушах', ср. у. *солэн пеляз*. Имя (местоимение) — обладатель в удмуртском языке имеет форму род. падежа, в коми языках — именительного. В удмуртском языке такой способ передачи словосочетания единственный, тогда как в коми языках возможна притяжательная связь, также сходная с удмуртской.

§ 100. П о р я д о к с л о в. Структура простого предложения пермских языков мало отличается от других финно-угорских языков, но в ней есть своеобразия; порядок слов в предложении, как и в других языках, во многом зависит от смысловых моментов. В удмуртском языке глагольное сказуемое имеет тенденцию отодвигаться в конец предложения. Во всех пермских языках широко употребляются простые распространённые предложения, осложнённые различными отглагольными оборотами. В коми языках имеются особые типы простого предложения а) безличное предложение с пассивно-возвратным глаголом, субъект же действия вы-

¹⁵¹ Гр. удм. I, 77, II 9.

¹⁵² П. П. Перовщиков — ВЯ, 1952, № 6, стр. 110—111.

ражен словом в форме род. падежа, например: *менам узьсьома* 'я проспал' (досл. 'у меня проспалось'), ср. у. *мон изиськем* 'тж'. (досл. 'я, оказывается, проспал'); б) обобщенно-личное предложение без подлежащего, сказуемое же выражается формой глагола 2-го лица наст. и буд. времени, например: *уджавтöгыд кынöмыд оз пöт* // *уджавтöгыт кынöмыт оз пöт* 'не работая, сыт не будешь'¹⁵³, ср. у. *ужатэк кöтыд уз тыр* 'тж'.

Различие между удмуртскими и коми предложениями обнаруживается и в отрицательных предложениях. Не совпадает местоположение слова-отрицания в предложении разных пермских языков. В коми-языках отрицание довольно свободно может обособляться от глагола, например: к.-з. *сийö мыччис вöйысылы эз кисö, а бөдьтор*¹⁵⁴, ср. у. *вуэ выйысылы со дз сёты кизэ, боды мычиз* 'он подал утопающему не руку, а палку', в удмуртском слово-отрицание обязательно должно занимать место перед глаголом, например: к. *вöчис сийöс эз Марпа, а Степан*¹⁵⁵; у. *сое Марпа öз лэсты, а Степан* 'сделала это не Марфа, а Степан' и т. п. Отрицательное слово в удмуртском предложении более тесно связано со сказуемым, чем в коми. В последнем развита форма отрицания также с помощью заимствованного из русского языка отрицания *не*: *Онi сёрниыс мунö не сы йылысь, кодi мый вöчöма, а кыдзи бурмöдны уджсö* 'Теперь речь идет не о том, кто что сделал, а как улучшить работу'. Удмуртскому языку такие обороты не свойственны.

В отличие от коми удмуртские вопросительные предложения в своем составе могут иметь вопросительную частицу *-а* или *-о*, например: у. *Кин-о со?* наряду с *Кин со?*, к.-з. *Кодi сийо?* 'Кто это?'; у. *Кинэ ке адзид-а, öд-а?*, к.-з. *Кодöсö адзылин эн?* 'Кого-нибудь видел или нет?' Коми языки обходятся без особой вопросительной частицы при вопросительных предложениях или используют заимствованную из русского языка частицу *или* (<или): у. *вунэтiд-а, мар-а?* || *вунöдин али мый?* 'забыл ты что ли?'; *Зеч-а, урод-а-малпантёсын со лыктiз . . .*, ср. к. *бур али омöль думъясöн локтiс сийö . . .* 'с хорошими или плохими намерениями явился он. . .'

Однако в определенных случаях вопросительная частица *-ö* употребляется и в коми языках, например: *Ыджыд-ö уджыс?*, ср. у. *трос-а ужез?* 'велика ли работа?'; *Вöв-ö тайö?*, ср. у. *вал-а та?* 'это лошадь?'; *Шойччин-ö тэ таво?*, ср. у. *шутэ-тскид-а тон туэ?* 'отдыхал ли ты в этом году?'. Подобное употребление имеет ограниченный характер в коми языках, в то время как в удмуртском языке частица *-а*, соответствующая коми *-ö*, находит широкое использование.

¹⁵³ В. И. Лыткин — Яз. нар. III 295, 313.

¹⁵⁴ А. С. Сидоров — ДСИЯ, 1955, № 7, стр. 56.

¹⁵⁵ Там же, стр. 57.

§ 101. В предложении и группа сказуемого в удмуртском языке, как правило, следует за группой подлежащего, например: *пурьсь шинелен дйсьяскем адями садо сюрес кузя шаплы вамышья || руд шинельён пасьтасьём морт садъя туй кузя одйё восьмалё* 'В серую шинель одетый человек быстро шагает по дороге с садами'. Подлежащее *адями || морт* 'человек' замыкает свою группу, сказуемое *вамышья || восьмалё* 'шагает' — свою. Слова, зависимые от подлежащего, и слова, зависимые от сказуемого, объединяются в свою очередь синтаксически и по смыслу в поясняющие группы (в причастные обороты, деепричастные обороты, инфинитивные обороты, отглагольно-именные обороты). В причастном обороте конечное место занимает причастие, в деепричастном — деепричастие, в инфинитивном — инфинитив, в отглагольно-именном — отглагольное существительное¹⁵⁶.

Как и другие финно-угорские языки, пермские богаты причастными и деепричастными оборотами.

Деепричастные обороты с особым подлежащим приближаются к придаточным предложениям. С точки зрения типов придаточных предложений удмуртский язык значительно богаче других пермских языков, поскольку в дополнение к своим собственным он заимствовал и вполне усвоил тюркский тип придаточных предложений, вводимых различными союзами.

В современных пермских языках, как и в других финно-угорских, представлены оба типа сложных предложений: сложносочиненные и сложноподчиненные. В удмуртской оригинальной литературе, по наблюдениям П. Н. Перевощикова, наибольшее распространение имеют сложноподчиненные предложения, построенные посредством соотносительных парных местоименных слов, и относительно меньше распространены сложноподчиненные предложения, составные части которых связаны союзами различного происхождения¹⁵⁷. Сложноподчиненные предложения, построенные посредством соотносительных парных местоименных слов, по своей структуре близки к русским¹⁵⁸.

§ 102. Для удмуртского синтаксиса свойственно употребление сложноподчиненных предложений, построенных при помощи весьма распространенных союзов *бере, дыръя, шуьса*, которые располагаются в конце придаточного предложения: *Тракторез умой-умой тодйськод бере, ужаны секытэз уз луы* 'Раз (если) ты хорошо знаешь трактор, затруднений в работе не будет'; *Коркан будйсь садъёслы толалтэ югыт ёжыт шеде бере, ву киськано шер но 30 градус шуныт карыса* (Сов. удм. 8 дек. 1973) 'Поскольку домашним растениям зимой оказывается недостаточно света, то следует по-

¹⁵⁶ См. подробнее: П. Н. Перевощиков. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963, стр. 11—12.

¹⁵⁷ П. Н. Перевощиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.

¹⁵⁸ К. М. Баушев. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.—Л., 1929, стр. 36—40.

ливать водой, нагревая ее до 30 градусов'; *Иырид вице дыръя, больницае ветлы* 'раз (если) голова болит, сходи ты в больницу'; *Таиче станокен та дырозь ужамед ёвёл на дыръя, мастерлэсь юалляськы вал* 'Если на таком станке до сих пор ты еще не работал, то расспросил бы мастера'; *Зор медаз котты шуыса, жогак ми пыримы шур дурьсь шалаше* 'Чтобы дождь не промочил, мы быстро перебрались в прибрежный шалаш'; *Оскиськом ми, лингвистической кружок милемлы бадзым пайда сётоз шуыса* (Дась лу) 'Мы надеемся, что лингвистический кружок нам принесет большую пользу'.

Ряд удмуртских союзов *ке, нош, гинэ* и некоторые другие имеют возможность занимать разные позиции в предложении и в зависимости от своего занимаемого места влиять на содержание предложения.

§ 103. Одной из характерных особенностей оформления прямой речи в удмуртском языке при сочетании прямой речи с авторскими словами является употребление модального слова *шуыса* 'говоря', например: — *Кыиче умый кышно луоз та мыным, — шуыса, малпам Эштерек* (Удм. нар. сказки) 'Какой хорошей женой она мне будет, — подумал Эштерек' (досл. 'говоря, подумал Эштерек'). Такая форма передачи чужого высказывания является наиболее ранней. Она бытует и в современном удмуртском языке наряду с формами сочетания прямой речи с авторскими словами, которые одинаковы с русскими формами, т. е. сочетаниями без модального слова *шуыса* (*шуца*)¹⁵⁹. Это явление не находит аналогий в других пермских языках.

§ 104. В переводах и в оригинальных художественных произведениях после Великого Октября в связи с необходимостью выработки и установления норм литературных языков постепенно возникают конструкции (наряду со своими специфическими), заимствованные из русского языка (например, придаточные предложения разных типов), которые в общем не противоречили строю удмуртского и коми языков, хотя эти конструкции не были распространены в них. Наряду с этим в удмуртском языке, в отличие от коми, развились союзы и союзные слова, образованные на основе исконных слов, а также вошли тюркские заимствования.

В настоящее время сложное предложение в пермских языках является вполне сформировавшейся структурой; в ней выделяются все виды связи: сочинительная, подчинительная и бессоюзная.

Типы сложносочиненных предложений развиваются аналогично типам таких же предложений русского языка. Ряд союзов, усвоенных из русского языка, наряду с родными также служит для связи частей сложносочиненного и сложноподчиненного предложения удмуртского и коми языков¹⁶⁰.

¹⁵⁹ П. П. Перевощиков. Роль русского языка в развитии культуры речи, стр. 21—22.

¹⁶⁰ См.: Г. Г. Бараксаиов. Коми литературный язык. История его формирования и диалектная основа. М., 1965; В. Г. Калашников а.—

ЛЕКСИКА

§ 105. С л о в а р н ы й с о с т а в современных пермских языков еще не выявлен в полной мере. В существующих словарях зафиксирован довольно большой запас слов. Так, например, в «Русско-удмуртском словаре» под ред. В. М. Вахрушева (М., 1956) представлено около 40 тыс. слов, а в «Русско-коми словаре» под ред. Д. А. Тимушева (Сыктывкар, 1966) — около 50 тыс. слов; в «Коми-русском словаре» Д. А. Тимушева и Н. А. Колеговой (М., 1961) — около 25 тыс. слов; в коми-пермяцком орфографическом словаре (А. С. К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н, Р. М. Б а т а л о в а. Коми-пермяцкий орфографический словарь. Кудымкар, 1966) — около 17 тыс. слов. Во всех этих словарях представлены литературные языки; в них не включены многие диалектные слова. В «Русско-коми-пермяцком словаре» П. С. Кузнецова и А. М. Споровой (Кудымкар, 1946) включено около 30 тыс. русских слов, но из них 80% не переведено на коми-пермяцкий язык, поэтому трудно сказать, сколько в нем коми-пермяцких слов. Существуют более мелкие словари литературных языков, например: «Удмуртско-русский словарь» (М., 1948) — около 15 тыс. слов; «Коми-русский словарь» под ред. А. И. Подоровой (Сыктывкар, 1948) — около 11 тыс. слов и др.

Богатый материал мы имеем в сводных диалектологических словарях, которые содержат кроме лексики, употребляемой в литературных языках, также местные слова, не вошедшие в литературный язык. Наиболее полными диалектологическими словарями являются: «Зырянско-немецкий словарь» Ф. И. Видемана (Wied.) — около 20 тыс. коми-зырянских и коми-пермяцких слов, «Удмуртско-венгерско-немецкий словарь» Б. Мункачи (Munk.) — около 10 тыс. слов; «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» Т. И. Жилиной, М. А. Сахаровой и В. А. Сорвачевой (Сыктывкар, 1961) — около 25 тыс. слов; «Русско-зырянский словарь» Г. С. Лыткина (Л., 1931) — около 15 тыс. зырянских и пермяцких слов; «Коми-словарный запас» Ю. Вихмана (W.-U.) — около 12 тыс. коми-зырянских и коми-пермяцких слов; «Зырянский словарь» Д. Фокоша-Фукса (Fokos) — около 25 тыс. коми-зырянских слов. Из более мелких печатных диалектологических словарей отметим следующие: «Пермяцко-русский» и «Русско-пермяцкий словари» Н. Рогова (СПб., 1869) — около 10 тыс. слов; «Краткий коми-русский словарь» Н. А. Шахова (Усть-Сысольск, 1924) — около 7 тыс. коми-зырянских и коми-пермяцких слов; словарь коми-язьвинского диалекта примерно в 5 тыс. слов дан в книге В. И. Лыткина «Коми-язьвинский диалект» (М., 1961); в «Коми-пермяцком словаре» Ф. А. Волегова, представленном

— «Уч. зап. Удмуртского пед. ин-та», вып. 18. Ижевск, 1968, стр. 141—149; О н а ж е. Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении). Авт. д. к. Тарту, 1974, стр. 5.

в книге Кароя Редей (K. K. Rédei. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest, 1968), содержится около 4 тыс. слов одного южного коми-пермяцкого диалекта, близкого современному нердвинскому говору; в «Вотско-русском словаре» В. Д. Крылова (Вятка, 1919), содержащем более 3 тыс. слов, представлен глазовский диалект удмуртского языка; диалектная лексика в количестве около 2,5 тыс. слов представлена в книге В. А. Сорвачевой, М. А. Сахаровой и Е. С. Гуляева «Верхневычегодский диалект коми языка» (Сыктывкар, 1966) — в нем эти слова являются дополнением к ССКЗД. Богатый лексический материал в этимологическом плане представлен в работах: «Названия животных в коми языке» А.-Р. Хаузенберг (Таллин, 1972); «Названия птиц в удмуртском языке» С. В. Соколова (дисс. к. Ижевск, 1973).

§ 106. Словарный состав пермских языков пополняется новыми словами, которые возникают на базе собственного словарного фонда. Немало слов, образованных путем сложения корней, например (приводим слова из коми языка): *пельнянь* 'пельмени', досл. 'ухо-хлеб'; *синва* 'слезы', досл. 'глаза-вода'; *керка* 'изба' < 'бревенно-дом', 'бревенчатое жилище'.

Много новых слов образовано при помощи таких словообразовательных суффиксов, которые теперь не являются продуктивными, например: *пуртӧс* 'ножны' < *пурт* 'нож'; *дӧрӧм* 'рубашка' < *дӧра* 'холст'; *пыридз* 'лом, пешня', ср. *пыр-ньӧв* 'бурав' (*ньӧв* 'стрела'); *асыв* 'утро', ср. *асъя* 'утренний'; *ныкӧд* 'подпора' < *нык-* 'подпереть'.

Создавались неологизмы также путем пересмысления существующих слов; например, прап. *šik обозначало группу однородных предметов, откуда развилось у. 'лес' и к. 'ягодный куст', а также 'деревня'; из прап. *gort 'место жительства' развилось у. *гурт* 'деревня', а коми язык сохранил архаичное значение: *горт* 'дом', 'место жилья'; из прап. *šok 'обрубок дерева' (использованного в хозяйственных целях) развилось к. *джек* 'чурбан для сидения', диал. 'стул', у. *жӧк* 'стол'; из прап. *ũkĭ 'рвать (траву)' — в связи с появлением косы — развилось к. *ытшыкыны* 'косить', а прежнее значение сохранилось в у. *ытшыкыны* 'рвать (цветы)', 'теребить'.

Дифференциация значения слова происходила также путем изменения звуков внутри корня, например: прап. *gün > позднепрап. *gõn; у. *гын* 'войлок', а из позднепрап. *gõn образовалось у. *гон*, к. *гӧн* 'шерсть', 'пух', 'волосы (на теле)' (Лытк. Ист. вок. 124).

Раннее прап. *šür- > позднепрап. *šör-; из раннепрап. *šür- развилось у. *шыр-* 'пороть', 'резать', к. *шыр-* 'стричь', 'сечь', а из позднепрап. šög получились у. *шорыны* 'отрезать (кусок, ломоть хлеба)'; к. *шӧр-* 'кроить', 'резать' (ср. к.-з. *шӧравны* 'кроить', *шӧрасыны* 'заниматься кройкой', *шӧрыштыны* 'отрезать

ломоть хлеба' *шбрѳм* 'отрезанный кусок хлеба') (Лытк. Ист. вок., 129, 198).

Само изменение прап. **č* в *o*, по-видимому, было сопряжено с дифференциацией значения слова: одна фонетическая разновидность слова в прапермском языке стала употребляться в одном значении, а другая — в другом.

§ 107. Словарный фонд пермских языков складывался в течение тысячелетий. В нем сохранились слова, возникшие еще в прауральскую эпоху и даже в более раннюю, когда прауральский язык имел контакты с языками других семейств: алтайских, индоевропейских, юкагирского и т. д. Поэтому мы выделяем разные древние пласты словарного состава пермских языков: древнепрауральский¹⁶¹, уральский, финно-угорский, финно-пермский и прапермский.

§ 108. Лексика, восходящая к древнепрауральскому периоду. Личные, вопросительные и указательные местоимения (приводим примеры из коми-зырянского языка, соответствующие слова имеются и в других пермских языках, см. КЭСК): *ме* 'я', *тэ* 'ты'; *ко-*, *кы-*, *ку-*, *кѳ-*: *кодѳ* 'кто', *кысь* 'откуда', *кутшѳм* 'какой', *кѳн* 'где'; к.-п. *кин* 'кто'; *мый* 'что'; *та* 'этот', *э*: *этан* 'вот здесь', *этайѳ* 'вот это' и т. д. (см. Л. § 2).

Части тела: *сѳн* 'жила', *мус* 'печень', *тыв* 'перо (птичье)', *сьѳлѳм* 'сердце' и т. д. (см. Л. § 3).

Термины родства и т. п.: *кев* 'золовка', *ним* 'имя' (Л. § 4).

Природа, флора, фауна: *ва* 'вода', *тыв* 'огонь': *тыв кѳрт* 'огниво' (*кѳрт* 'железо'), *кыа* 'заря', *коз* 'ель', *пеж* 'олень': *пеж ку* 'кожа теленка оленя', *ков* 'глист' (Л. § 5).

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *повны* 'бояться', *вѳвны* 'быть', *нювны* 'лизать', *мыськыны* 'мыть', *уйны* 'плыть', *кывны* 'слышать', *лыдѳвыны* 'считать', 'читать', *кувны* 'умереть' (Л. § 6).

Ориентация в пространстве: *ув* 'низ', *пѳв* 'половина, сторона' (Л. § 7).

Орудия труда: *ем* 'иголка', *пыр-* 'сверло': *пырньѳв* 'тж' (*ньѳв* 'стрела') и др. (Л. § 9).

§ 109. Слова, унаследованные от уральского периода. Пермские языки, кроме перечисленных выше, унаследовали большое количество слов, образовавшихся в уральском языке. Приведем некоторые из этих слов.

Части тела и выделения организма: *син* 'глаз', *пом* 'конец' < 'голова', *лы* 'кость', *ты* 'легкие', *кудэ* 'моча', *ныр* 'нос', *сыв* 'сажень (длина распростертых рук)', *кыв* 'язык' и др. (Л. § 3).

Термины родства: *ныв* 'девушка', 'дочь', *чож* 'дядя (брат матери)', *монь* 'сноха' (Л. § 4).

¹⁶¹ К древнепрауральскому периоду мы относим слова, которым пмеются соответствия в других языковых семьях: в индоевропейской, тюркской и т. д.

Природа: *кодзув* 'звезда', *му* 'земля', *ты* 'озеро', *ю* 'река' (Л. § 5).

Флора: *ньор* 'прут', 'розга', *пу* 'дерево', *оз* 'земляника', *бадь* 'ива', *суспу* 'кедр', *кач* 'кора (осины)', *ньыв* 'пихта', *льом* 'черемуха', *пув* 'брусника' (Л. § 5).

Фауна: *поз* 'гнездо', к.-я. *нимол* 'заяц', *удж* 'нелма', *низь* 'соболь', у. *кый* 'змея', к. диал. *кїј* 'минога' (Л. § 5).

Название металлов: *-ысь*: *озысь* 'олово', *эзысь* 'серебро' (Л. § 5).

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *овны* 'жить', *куньны* 'закрывать глаза', *тбдны* 'знать', *тыдавы* 'виднеться', *мунны* 'идти', *усьны* 'падать', *кылавы* 'плыть по течению', *юкны* 'делить', *шырны* 'стричь', *сбвны* 'садиться (в лодку, сани и т. д.)' и т. д. (Л. § 6).

Прилагательные: *кузь* 'длинный', *пемьд* 'темный' (Л. § 8).

Занятия, орудия труда, питание, одежда и т. д.: *пуны* 'варить', *кусны* 'гаснуть', *сынны* 'грести', *вбнь* 'пояс', *сос* 'рукав', *кулбм* 'сеть', *сїсь* 'гнилой', и др. (Л. § 9).

§ 110. Лексический слой финно-угорского происхождения. Местоимение *сїйб* 'он' (Л. § 12).

Части тела: *тырп* 'губа', *ан* 'десна', *кынбм* 'живот', *сюв* 'кишка', *водзир* 'клык', *вир* 'кровь', *гырддза* 'локоть', *вем* 'мозг', *сюр* 'рог', *ки* 'рука', *мыгбр* 'туловище', *пель* 'ухо', *сбьлі* 'шея' (Л. § 13).

Термины родства: *пи* 'сын', у. *узьы* 'младшая сестра мужа'.

Природа: *сынбд* 'воздух', *во* 'год', *бзтыны* 'зажечь', *тбв* 'зима', *йи* 'лед', *вн* 'бог', 'небо', *вой* 'ночь', *лбп* 'древесный хлам', *лым* 'снег', *сыв* 'талый' (Л. § 15).

Флора: *дін* 'комель, основание дерева', *кор* 'луб', 'кора', *бмидз* 'малина', *понбль* 'хвойная поросль', *шобдї* 'пшеница', *моль* 'пуговица', 'перл', диал. 'ягода', ср. *тури* *моль* 'клюква', (*тури* 'журавль') (Л. § 15).

Фауна: *гыч* 'карась', *мык* 'елец', *сюв-*: *сювчбж* 'гоголь', *вбзь* 'свизь', *той* 'вошь', *байббг* 'куропатка', *чей*: *пучей* 'короед', *тури* 'журавль', *вбв* 'лошадь', диал. *pišt'i* 'ласточка', *юсь* 'лебедь', *руч* 'лиса', *кодзувкот* 'муравей', *лбдз* 'овод', *шыр* 'мышь', *ыж* 'овца', *муш*: *маляммуш* 'пчела', *пон* 'собака', *чбж* 'утка', *сббм* 'чешуя (рыбы)', *сын* 'язь' (Л. § 15).

Минералы и металлы: *кбрт* 'железо', *-ки* 'камень': *изки* 'жеров', досл. 'мелющий камень'.

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *лоны* 'быть', 'становиться', *видзны* 'беречь', 'пасти', *пыдзыртны* 'выжимать', *сюмавы* 'хотеть есть', *удны*: *вердны-удны* 'кормить-поить', *сбйны* 'есть', *пбдлавы* 'закрывать', 'затворить', *пурны* 'искусать'; *чегны* 'сломать', 'отломить', *ковны* 'быть нужным', *вайны* 'нести', 'принести', 'везти', 'привести', у. *кблыны* 'ночевать', 'спать', к. *кол-*: *вой-кол-бн* 'с ночевкой', *кевны* 'переходить вброд', *юны* 'пить', *корны* 'просить', *содны* 'прибавляться', *сулавы* 'стоять', *вины* 'убивать' и др. (Л. § 16).

Слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: *гырк* 'внутренность', *бёр* 'зад', 'задняя часть' и др. (Л. § 17).

Прилагательные: *вьль* 'новый', *векни* 'узкий', *вёсни* 'тонкий' и др. (Л. § 18).

Жилище, занятия, питание и т. д.: *луйны* 'стрелять', 'бросать (в кого-л.)', *-ёс*: *одзёс*, *ыбёс* 'дверь', *гыр* 'ступа', *вьй* 'масло', *ма* 'мед', *пызь* 'мука', *воль* 'шкура (оленя и лося)', *вундыны* 'резать', *-пысь*: *кепысь* 'рукавица', 'варежка', *лем* 'студенистый навар', *вурны* 'шить', *-ка*: *керка* 'дом', 'изба' (Л. § 19).

Числительные: *ёттик* 'один', *кык* 'два', *куим* 'три', *нёль* 'четыре', *вит* 'пять', *квэйт* 'шесть', *кызь* 'двадцать', *сё* 'сто' (Л. § 20).

Ворование: *лов* 'душа', 'дух', *куль* 'черт' (Л. § 21).

§ 111. Лексический слой пермско-прибалтийского происхождения.

Части тела, болезни: *тош* 'борода', *си* 'волос', *лём* 'струп', 'болячка', *пель-*: *пельном* 'плечо' (Л. § 23).

Слова, связанные с родством: *ай* 'отец', *созор* 'переслежина' (в холсте) < 'сестра' (Л. § 24).

Природа: *тёл* 'ветер', *коськ-* 'водопад', 'порог (речной)', *йир* 'омут', *тёльсь* 'луна'.

Растительный мир: *ув* 'сук', *зёр* 'овес', *жов* 'калина', *нин* 'лыко', *рой* 'древесный мох', *сю* 'рожь', 'хлеб в зерне', *вож* 'ветка', 'ответвление', *рудзёг* 'рожь', *сётёр* 'смородина', *пожём* 'сосна', *турун* 'трава', *лыс* 'хвоя', *нур* 'мякоть зерна', 'мучная приправа', *чуж* 'солод' (Л. § 25).

Животный мир: *ур* 'белка', *мой* 'бобер', *ош* 'бык', *кёин* 'волк', *сизь* 'дятел', *уж* 'жеребец', *-кот*: *кодзувкот* 'муравей', *кути* 'орел', *порсь* 'свинья', *зу* 'чесалка' < 'щетина'.

Продукты питания: *сов* 'соль' (Л. § 25).

Прочие: *морт* 'человек' (Л. § 24), *туй* 'дорога', *пыдын* 'глубоко', *гид* 'хлев', 'хлев на пастбище'.

Глаголы для обозначения элементарных явлений жизни: *пёрны* 'валиться', 'превращаться', *аддзыны* 'видеть', 'увидеть', *гётшкыны* 'грызть', 'жевать', *лёсьёдны* 'готовить', 'наладить', *судзыны* 'доставать', *сотны* 'жечь', 'палить', *сины* 'желать', *кызыны* 'кашлять', *кыпёдны* 'поднять', *кёсьыны* 'хотеть', 'желать', *суны* 'заставать', 'настигать', к.-п. *юскыны* 'распрягать', *сёрнитны* 'разговаривать', *казыны* 'заметить', *зытныны* 'окончиться'; 'иметь время' (Л. § 26).

Слова, служащие для ориентации в пространстве: *вев-*: *вевдор* 'верх', *лун* 'день', *лунвьыв* 'юг' (Л. § 27).

Прилагательные: *перыд* 'быстрый', *пёсь* 'горячий', *кисьмём* 'спелый', *пёрысь* 'старый', *кёдзыд* 'холодный', *кын* 'мерзлый', *бур* 'добрый', 'хороший' (Л. § 28); *сим* 'ржавый', 'смуглый' (Л. § 25).

Жилище, занятия, питание, одежда, коммуникация: диал. *mal* 'весло', *кышавны* 'надеть', *сись* 'свеча', *лысьтыны* 'донить', диал. *гí* 'кормысло (в ловушке)', *дёмны* 'чинить', *туе* 'гвоздь', 'клин', *пыж* 'лодка', *лойны* 'месить', 'размесить', *кокны* 'мотыжить',

сунис 'нитка', *шёрт* 'пряжа', *пёрт* 'котел', диал. *l'anç* 'подойник', *пож* 'решето', *рыныш* 'овин', *керавны* 'рубить', *норт* 'нарты', *пеша* 'светец', *кыны* 'плести', 'ткать', 'вязать', *ныж* 'тупой', *потш* 'жердь', *шы* 'копье', 'штык' (Л. § 29).

Числительное: *сизим* 'семь' (Л. § 30).

§ 112. П р а п е р м с к а я л е к с и к а. Прапермский период длился более полутора тысяч лет.

На базе лексики, унаследованной от предыдущих периодов, образовался новый мощный пласт словарного состава. В связи с развитием хозяйства и культуры появились новые понятия, для обозначения которых нужны были слова, поэтому стал расширяться и совершенствоваться словарный фонд, общий для пермских языков. Новые слова образовывались в основном средствами словосложения и суффиксации, а также путем заимствования из соседних языков. Имела место также внутренняя флексия и изменение значения слов.

§ 113. Рассмотрим слова, появившиеся в прапермскую эпоху.

Земледелие: *удыс* || *адас* 'постать' < чув.; *амезь* || *амысь* 'лемех' < иран.; *бур*: *ана-бур* (*ана* 'участок земли') || *бор* 'межа (между полями)'; *юг* (Munk.) 'отбросы соломы' || *эг* 'сор': *шёр эг* 'отбросы соломы, образующиеся в середине посада снопов при ручной молотбе' (*шёр* 'середина'); *йдыд* || *ид* 'ячмень', *культо* || *кольта* 'сноп' < чув.; *кьед* || *куйод* 'навоз', *майыг* || *майог* 'кол' < иран.; *пот* 'лебеда' || *пёт* 'сорная трава', 'мокрица', *сурым* || *сором* 'звено изгороди', *турто* || к.-п. *торта* 'палка с плоской дужкой на конце' (приспособление для сучивания зерна на току) < чув.; *тысь* || *тусь* 'зерно' < чув.; *сюрло* || *чарла* 'серп' < чув.; *чумолё* 'копна' || *чумали* 'суслон' < тюрк.; *шабала* 'отвал сохи' < чув.

Домашние животные: *кеч* 'коза' || *коч* 'заяц' (< 'коза') < чув.; *курег* || *курög* 'курица' < иран.; *мес* 'самка (о теленке, ягненке)'; 'самка рогатого скота' || *мёс* 'корова' < иран.; *пудо* || диал. *рода* 'скот' < иран.; *чылы* 'цыпленок' || *чипан* 'курица', диал. 'цыплёнок' < чув.

Пища: *нёкы* || *нёк* 'сметана', *нянь* 'хлеб' < иран.; у., к.-п. *пельнянь* 'пельмени', *сур* 'пиво' < иран.; *ческыт* || *чөскыд* 'вкусный', *шыд* 'суп'.

Растения, употребляемые в пищу: *уззы гумы* || *азьгум* 'борщевик', *губи* || *гоб* 'гриб' < чув.; *кушман* 'редька' < чув.; *намер* || *намыр* 'костяника', *сартчы* || *сёркни* 'рена' < чув.; *сугон* || к.-п. *сугонь* 'лук' < чув.; *туг* || *таг* 'хмель' и др.

Одежда: *бычы* 'пряжка' || диал. *hje* 'язычок пряжки ремня'; *зеп* || *зеп* 'карман' < чув.; *бугортыны* || *быгёртыны* 'подрубить'; *дэра* || *дёра* 'холст'; *дэрэм* (< *дэра*) || *дёрём* 'рубашка'; *дукес* || *дукёс* 'армяк', *пертыны* 'отвязать', 'развязать' || *пёрчыны* 'снять (что-л. с себя)'; *пась* 'шуба'; *сукман* 'армяк' < чув.

Ткачество: *кись* 'бёрдо' < чув.; *жоктонлуд* || *ректан* 'мотовило'; *серы* || *сюри* 'цевка' < чув.

Семья и общество: *кун* 'государство' || *кан* 'царь', 'хан' < чув.; *кертум* 'оброк' (Кротов), 'соглашение (связывание)' || *кёртым* 'аренда', к. *кёртаены* 'связать'; *эксэй* 'царь', 'князь' || *о́ксы* (фольклорное) 'князь' < иран.; *зуч* || *роч* 'русский' < пр.-ф. (ср. эс. roots 'швед'); *сюр* || к.-п. *сёр* 'неродной' < чув.; *сен* || *сён* 'вдовец'.

Человек, части тела, отправления организма и др.: *бам* 'щека' || *бан* 'лицо' < чув.; *воньдыны* || *виньдыны* 'подавиться'; *висьыны* || *висьны* 'болеть'; *вёт* 'сновидение'; *вылтыр* || *вывтыр* 'тело'; *дыльды* || *дуль* 'слюна'; *дыж* 'перепонка' || *дыш* 'сухожилие', 'перепонка', *кымес* || *кымёс* 'лоб'; *мыкыд* 'настроение', 'желание', *мыкыд* 'ум', 'разум'; *сазь*, диал. *sad'* || *садь* 'сознание', 'чувство', 'память', 'трезвый'; *синву* || *синва* 'слезы'.

Орудия, употребляемые в хозяйстве: *гозы* || *гез* 'веревка', *варыл* (Wied.) || *вороп* 'рукоятка'; *зыр* || *зор* 'жердинка', 'рычаг'; *урис* || диал. *огс* 'плеть', 'кнут' < иран.; *пурт* 'нож' < иран.; *пуртэс* || *пуртёс* 'ножны', 'стручок'; *ныкет* || *ныкёд* 'подпора', к. *пыридз* 'лом', 'пешня'; *сюмыс* 'сыромятная кожа' || *сюмыс* 'полоска сыромятной кожи' < иран.

Средства передвижения: *додьды* || *додь* 'сани'; *энер* || диал. *епёр* 'седло' < чув.

Металлы и их обработка: *андан* || *емдон* 'сталь' < иран.; *дурны* || *дорны* 'ковать', *зарни* 'золото' < иран.; *азвесь* || *звись* 'серебро'.

Время: *аскы* || *аски* 'завтра', ср. к. *асыв* 'утро'; *дыр* 'время' || *дыр* 'долго', ср. *дырйи*: *праздник дырйи* 'во время праздника', *жыт* || *рыт* 'вечер'.

Жилище: *гур* 'печка' || *гор* 'каменка' || *гор* 'печь'; *гурт* 'деревня' || *горт* 'дом'; *кор* || *кер* 'бревно'; *корка* || *керка* 'изба'; *мудэт* 'насыпь' || *мудёд* 'завалинка'; *сик* 'лес' || *сикт* 'деревня'; *сэрег* || *сэрёг* 'угол (в избе)'.

Прилагательные: *веськыт* 'стройный' || *веськыд* || *веськыт* 'прямой', *визыл* || *визув* 'быстрый (о течении)', *горд* || *гёрд* 'красный', *дась* 'готовый', *дун* || *дон* 'чистый', 'прозрачный', *кельыт* || *кельыд* || *кельыт* 'бледный', 'светлый', *кызер* || *кызёр* 'жидкий', *куанер* || *коньёр* 'бедный', 'жалкий', *лэчты* || *лэчыд* || *лэчты* 'острый', 'наточенный', *небыт* || *небыд* || *небыт* 'мягкий', *наськыт* || *наськыд* || *наськыт* 'широкий', *сайкыт* || *сайкыд* 'свежий (о ветре)' || *сайкыт* 'прохладный', 'свежий' и т. д.

Числительные: *дас* 'десять' < иран.; *жыны* || *джын* 'половина', *куамын* || *комын* 'тридцать', *сюрс* 'тысяча' < ар.

Глаголы: *басьтыны* || *босьтны* 'взять', 'брать', *вуыны* || *воны* 'прибыть', *вырыны* || *вёрны* 'шевелиться', 'двигаться', *карыны* || *керны* 'делать' < иран.; *медыны* 'намереваться' || *мёдны* 'отправляться', 'собираться', *путыны* || *потны* 'расколоться' и другие.

§ 114. С л о в а р н ы е з а и м с т в о в а н и я п р а п е р м с к о г о я з ы к а. Лексика прапермского языка особенно бурно пополнялась заимствованиями из соседних языков, прежде всего

из иранских, по-видимому, через скифо-сарматов. Иранермским народом заимствованы из иранского мира следующие слова: *амезь* || *амьсь* 'сошник', *бун* || *бон* 'мочало', *дуры* || *дар* 'уполовник', *андан* || *емдон* 'сталь'; *зарни* 'золото'; *курег* || *курög* 'курица', *майыг* || *майög* 'кол', *мес* 'самка (о теленке, ягненке)', 'самка крупного рогатого скота' || *мös* 'корова', *урыс* || диал. *ogs* 'плеть', 'кнут', *эгыр* || *öгыр* 'уголь', *эксэй* 'царь' || *өксы* (фольклорное) 'князь', *пудо* || диал. *рода* 'скот', *пурт* 'нож', *зарезь* || *саридз* 'море', 'теплые края', *сюмыс* 'сыромятная кожа' || *сюмыс* 'полоса сыромятной кожи', *тусьты* || *тасьтi* 'миска', *корт* || *көрт* 'железо', *узыр* || *озыр* 'богатый' (слова *көрт* и *озыр* встречаются также в волжских языках: первое в марийском, второе — в мордовском).

Имеется ряд иранских заимствований, которые встречаются только в коми языке, что объясняется, по-видимому, тем, что они утрачены в удмуртском языке или же они попали только в коми языки в силу определенного географического положения носителей его. Таковыми являются следующие: *бурьсь* 'грива', диал. *варнес* 'овца', *вурун* 'шерсть (овечья)', *зон* 'сын', 'парень', *мегарин*, *мегö* 'барашек', *меж* 'баран', *небög* 'книга', 'письмо', *нямöд* 'портянки', *тасма* 'ремень' (Изв. АН СССР ОЛЯ 1951, № 4, стр. 382—392), *шайт* 'рубль'.

Трудно судить о влиянии прапермян на своих южных иранских соседей, поскольку язык скифо-сарматов не сохранился. Во всяком случае в осетинском языке, считающемся потомком иранских народов юга России, сохранилось несколько прапермских заимствований: осет. *авзист* 'серебро' (*авзесь* || *эзысь*), осет. *к'оза* 'молодой хвойный лес' (*кыз* || *коз* 'ель'), осет. *гуртам* 'взятка', 'подкуп' (*жертым* || *көртым* 'аренда', 'выкуп', 'оброк' (Кротов: Краткий вотский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный села Еловского Троицкого церкви священником Захарием Кротовым — 1785 г. Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание 197 П) и т. д.¹⁶²

§ 115. Древнечувашские заимствования. Предки чувашей, болгары, пришли на среднюю Волгу с юга не раньше VII в. нашей эры и вступили в тесное соприкосновение с финно-угорскими народами, жившими в бассейне Волги, в частности с прапермянами. Наиболее интенсивные соприкосновения прапермян с булгарами нужно отнести к VIII—IX вв. В результате из древнечувашского (булгарского) языка проникло в прапермский язык несколько десятков слов. Эти заимствования следующие: *удыс* || *адис* 'постать', *бам* || *бан* 'лицо', *бус* 'туман' || *бус* 'пыль', *быд-* || *быд* 'каждый', *усьтыны* || *вось-*: *восьтыны* 'открыть', *восьыны* 'открыться', *губи* || *гоб* 'гриб (губчатый)', *зеп* ||

¹⁶² А. J o k i — Suomen suku, XXIII; Абаев; В. И. Лыткин — ВЯ, 1975, № 3.

зеп 'карман', *каб* 'колодка', *кун* 'государство' // *кан* 'царь', к. *карта* (в удмуртском не сохранилось) 'хлев', *кен* 'сноха', *кенак* 'тетка' // к.-п. *кенак* 'тетка', *кись* 'бёрдо', *кубо* // к.-п. диал. *кова* 'прялка', *культо* // *кольта* 'сноп', *кеч* 'коза', 'заяц' // *кӧч* 'заяц', *куды* // *куд* 'лукошко', к. *кузь* 'леший' (хозяин леса), у. *кузё* 'хозяин', *кушман* 'редька', 'корнеплод', *энер* // диал. *епӱг* 'седло', *сюр* // к.-п. *сёр* 'неродной': *сёр ай* 'отчим' (*ай* 'отец'), *сёр зон* 'пасынок' (*зон* 'сын'), *сяртчы* // *сёркни* 'репа'; к. *сырьсь* (др.-к. — XVIII в.) 'свинец' — в удмуртском не сохранилось; *сугон* // к.-п. *сугонь* 'лук', *сукман* 'армяк', *сусо* // к.-п. *суса* 'челнок' (ткац.), *силь* // *сьыв*, вым. *šil* 'буря', *сюры* 'поперечная балка в ткацком станке' // *сюри* 'цевка' (ткац.), *турто* // к.-п. *торта* 'приспособление для скучивания зерна на току', *тысь* // *тусь* 'зерно', *тулмет* 'третья прядь в веревке' // *тулым* 'прядь пз пеньки', *ульмо* // *ульмӧ* (Wied.) 'яблоко', *сторло* // *чарла* 'серп', *чебер* 'красивый' // к.-п. нижпешнв. *ё'ебер* 'хвостун', 'красивый', 'гордый' (В. И. Лыткин — ВФЯ 132—137. К. Rédei — NYK LXVIV 281—298).

Часть чувашских заимствований наличествует в коми-пермяцком языке, а в коми-зырянском отсутствует (*коба*, *сёр*, *сугонь*, *суса*, *торта*, *чебёр*). Это, по-видимому, объясняется тем, что эти слова были заимствованы прапермским языком после того, как северная часть пермян ушла на север, на территорию бесейнов р. Мезени и Вычегды, образовав там впоследствии особую коми-зырянскую этническую группу.

Не исключена возможность, что эти чувашские слова попали в коми-пермяцкий язык через посредство удмуртов.

Камские болгары (древние чуваша были носителями одного из болгарских диалектов) оказали большое влияние на пермян в разных областях быта, хозяйства и культуры. Заимствованные слова свидетельствуют о влиянии в следующих областях: а) земледелие и животноводство, ср. слова со значениями: поstatt (полоса земли), серп, сноп, зерно, орудие (для скучивания зерна на току); редька, лук; коза, цыплёнок, седло, хлев; б) ткачество и другие ремесла. Ср. слова со значениями: прялка, бёрдо, цевка, челнок, прядь в веревке; колодка (например, сапожная), карман, лукошко, берестяная коробка, армяк (домотканное сукно); в) семья и общество: сноха (тетка), неродной (чужой) член семьи (отчим, пасынок, падчерица и т. п.), хозяин, царь (государство); г) прочие: буря, свинец, гриб, красивый.

§ 116. Древние пермяне тоже оказали известное влияние на волго-камских болгар. Например, следующие чувашские слова считают заимствованными из языка прапермян: чув. *ан* 'не' (форма повелит. наклонения отрицательного глагола), ср. *ан!*; чув. *пёрне* 'плетушка', 'кузов', ср. к. *бурня* 'плетушка из прутьев для ношения сена', вым. 'выдолбленный из дерева жбан', у. *бӧрнӧ* 'чан, ковш (ящик над мельничным жёрновом)'; чув. *пукан* 'стул', ср. у. *пукон* 'стул', 'сиденье', к. *пукавы* 'сидеть'; чув. *пачарта*

‘выжимать’, ‘жать’, ср. *пызыртыны* || *пыдыртны* ‘выжимать’; чув. *паши* ‘олень’, ‘лось’, ср. *пужей* ‘олень’ || *пеж* ‘олень-теленек’: *пежку* ‘пыжик’, ‘шкура новорожденного олененка’ (*ку* ‘шкура’) и др.¹⁶³

§ 117. Лексические сходства и различия пермских языков. Языки коми-зырян, коми-пермяков и коми-язьвинцев генетически восходят к единому коми языку, носители которого, отделившись от удмуртов, жили в течение нескольких столетий в северной части бассейна р. Камы и ее притоков. Там формировались специфические общекومی черты языка. Общие черты для всех современных наречий, отличающие от удмуртского языка, наблюдаются как в фонетике и грамматике, так и в лексике, например: *бөөл* || *абу*, к.-я. *обөл* ‘нет’, *вань* || *эм* || к.-я. *им* ‘есть’, ‘имеется’, *урод* || *лэк* ‘плохой’, *скал* || *мөс* ‘корова’, *писэй*, *кочыш* || *кань* ‘кошка’, *гондыр* || *ош* ‘медведь’, *мынё* || *акань* ‘кукла’, *сйзыл* || *ар* ‘осень’, *шонер* || *веськыд* || *веськыт* ‘прямой’, *адями* || *морт* ‘человек’, *бадзым* || *ыджыд* || *ыджыт* ‘большой’, *дйсь* || *паскөм* ‘одежда’, *егит* || *том* || к.-я. *тум* ‘молодой’, *кужым* || *вын* ‘сила’, *нуны* || *кага* ‘ребенок’, *сюрес* || *туй* ‘дорога’, *туннэ* || *талун* ‘сегодня’, *чүкна* || *асыв* ‘утро’, *мар* || *мый* ‘что’, *мон* || *ме* ‘я’ и мн. др. Можно подобрать несколько десятков широкоупотребительных слов, которые в коми языках (наречиях) являются общими, а в удмуртском языке им соответствуют другие лексемы.

§ 118. С территории верхнего и среднего течения Камы с притоками коми племена постепенно стали рассеиваться на широком пространстве северо-востока Европы. Отдельные племена с течением времени теряли связи между собой, обособились, выработали особые диалектные черты, в результате образовались наречия. В настоящее время различаются три наречия (возможно, раньше их было больше: часть из них обрусела или влилась в соседнее наречие): коми-зырянское, коми-пермяцкое и коми-язьвинское (см. выше § 11).

Основное различие между коми наречиями выражается в фонетике. Имеются также расхождения в обычной бытовой лексике, например: *мича* || *басөк* || *бөдьор* ‘красивый’, *вок* || *вон* || *вун* ‘брат’, *ыж* || *баля* || *өж* ‘овечка’, ‘овца’, *быдтор* || *быдөс* || *бөдмай* ‘всё’, *кучкавны* || *вартлыны* || *ваткално* ‘бить’, ‘колотить’, *көч* || *көч* || *нимөл* ‘заяц’, *шыран* || *ножнич* || *бөтрак* ‘ножницы’, *куйөд* || *назем* || *гөной* ‘навоз’, *өдйөн* || *перыта* || *удала* ‘быстро’, *челядь* || *челядь* || *нелайя* ‘дети’, *скөт* || *пода* || *скот* ‘скот’, *куран* || *куран* || *нарман* ‘грабли’, *өджыд* || *чөккөм* || *чөккөм* ‘белый’, *лэч* || *казы* || *пизин* ‘сплок’.

§ 119. Большую роль в формировании словарных различий между диалектами коми языка сыграли лексические заимствования из соседних языков. Разные части коми народа в процессе расселения стали соприкасаться с различными народами. Так, например, коми население, попавшее в бассейн р. Мезени и Вычегды,

¹⁶³ Wichm. Tschuw. 147—154.

стало общаться с летописной заволоцкой чудью, обитавшей в бассейне Северной Двины. Эта народность по языку стояла близко к современным вепсам. Северные коми племена имели связь также с ненцами и обскими уграми и заимствовали из их языков ряд слов. Коми-язвинцы и коми-пермяки продолжали контактировать с древними чувашами, а первые имели какую-то связь с другими тюркскими народами (вероятно, с башкирами). В результате этих связей с соседними народами словарный состав отдельных диалектов коми под влиянием языка последних изменялся. Соприкосновение с русским народом имело определенное значение в дифференциации словаря отдельных коми диалектов: носители одних диалектов заимствовали из русского языка одни слова, а носители других — другие. При этом соприкосновения отдельных частей коми народа с русскими происходили в разное время и с представителями различных русских диалектов.

Особенно сильное влияние на коми диалекты, распространенные в бассейне Вычегды и Мезени, оказала заволоцкая чудь, являвшаяся в основном носителем вепсского языка и лишь частично (на севере) карельского. Это влияние имело место примерно в XI—XVI вв. Контакты коми населения, заселившего территорию бассейна р. Мезени, Нижней Вычегды и Лузы, с вепсами и карелами бассейна Северной Двины начались около XI в. (а, может быть, раньше, если допустить более раннее появление коми населения на этой территории). В XVI—XVII вв. редкое население вепсов и карел в западной части бассейна Северной Двины обрусело, а в восточной — усвоило коми язык.

От вепсов и карел проникло в коми-зырянский язык несколько десятков слов, например: *агас* 'борона', *яга* (в'онь) 'подвязки к чулкам', *ёма* 'ведьма', *калля* 'квас', *карта* в значении 'дом (хозяйство)'; *кась* 'кошка', *кеб'од* 'грузило' (в неводе), *кега*, 'омет соломы', *кока*: *кока нянь* 'вид кренделя' (*нянь* 'хлеб'), *лудик* 'клоп', *пач* 'печка', *раб* 'барда' (пивная дробина), *сабри* 'стог' (сена), *выль*: *выль й'ов* 'простокваша' (*й'ов* 'молоко'), *разъя* 'корзинка', 'решетка из дранок', *паль*: *паль нянь* 'пирожок без начинки', *каль'ог*: *каль'ог нянь* 'хлеб с закалом' (*нянь* 'хлеб'), *рунь* 'жидкая каша', *кумыльга* 'водоворот', *гундыр* 'дракон' и др.

Особенно много заимствований в удорском (вашко-мезенском) диалекте, носители которого были в тесном соприкосновении с заволоцкой чудью, обитавшей на р. Пинеге¹⁶⁴, например: *bel'* 'косяк', *burkej* 'бубенчик', *virb* 'дратва', *gariž'* 'магница', *vaņe*: *vaņe ušet* 'хилый' (досл. 'впавший в хилость'), *ka/a*: *каля капуста*. 'мелкая капуста', *karandis* 'ушат', *kel'kan* 'ручная льномялка', *kožal'* 'прялка', *кока*: *ур кока* 'туша белки' (иг 'белка'),

¹⁶⁴ Как показывает топонимический материал, на р. Пинега (правый приток Северной Двины) жили вепсы; см.: А. К. М а т в е е в. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. Докт. дисс. М., 1970 (карты № 6, 9, 15 и 16).

keła 'цеп', 'молотило', i'orej 'бездельник', l'uška 'ложка', marja:marja tuš 'костяника' (tuš 'зернышко', 'ягодка'), nula nut 'невод с рыбой', pird 'бёрдо', Rebo 'кличка собаки', solandek 'солонка' и т. д.

Как показывают вышеприведенные заимствования, вепсы оказали заметное влияние на северо-западных коми. Оно сказалось в сельском хозяйстве (борона, стог, омет, льномялка, цеп, вид капусты), в ткачестве (прялка, бёрдо), в жилищном строительстве (косяк, матица, печь, дом), в кулинарии (вид кваса, простокваша, ложка, солонка, крендель, барда, пирожок без начинки, хлеб с закалом, вид каши) и в других разных видах материальной культуры (ушат, бубенчик, вид невода, грузило, подвязка для чулок, дратва).

Комп-зыряне в свою очередь также оказали некоторое влияние на вепсов, но, поскольку та часть заволоцкой чуды, которая жила в соседстве с коми, не сохранилась, трудно определить степень этого влияния. Можно сказать лишь, что в современном вепском языке наличествуют два слова коми-зырянского происхождения: vadžu 'рыболовная запруда' < к. *водж* и ruga 'смола' < к. *нога* (< *roga) 'смола-живица', 'наплав смолы на растущем дереве' (КЭСР 59, 341). Эти коми-зырянские заимствования в вепском языке, по-видимому, имели широкое распространение и доходили до их современной территории проживания, которая отделена от современного места расселения коми-зырян тысячекilометровым пространством.

§ 120. На коми-зырянские диалекты оказали известное влияние также северные (ненцы) и восточные соседи (ханты и манси). Широко распространенными в современных коми языках являются ненецкие заимствования: *лямпа* 'лыжи', *малича* 'малица', *ними* 'обувь из оленьей шкуры', *парка* 'вид шубы из оленьего меха' и т. д. Особенно много ненецких заимствований в ижемском диалекте, носители которого занимаются оленеводством, например: *айбарч* 'струганина', *няртала* 'аркан для ловли оленей', *карей* 'шест для управления упряженными оленями', *лата* 'доска настилаемая в чуме вместо пола' и десятки других слов¹⁶⁵.

На коми лексику оказали некоторое влияние также восточные соседи — обские угры (ханты и манси), которые раньше обитали по эту сторону Урала и имели контакт с коми народом, а зауральские коми и теперь живут вблизи от манси и ханты. Следующие слова коми языка считают обско-угорскими заимствованиями: *войт* 'место в пойме реки, поросшее кустарником и мелким лесом', *кынь* 'песец', *рып* 'береговая ласточка', *чумпель* 'черпачок из бересты', *яран* 'ненец' и др.

Большое количество слов заимствовано из коми языка обскими уграми. У. Тойвонен насчитывает 375 коми заимствований в хан-

¹⁶⁵ Нук XIV 71--95.

тыйском языке ¹⁶⁶. К. Реден находит в мансийском языке 338 слов, заимствованных из коми языка ¹⁶⁷.

Немало вошло в коми языки и из русского языка. Заимствование происходило в течение ряда столетий начиная с XI—XII вв. В заимствованиях отражаются древнерусские черты того периода, когда еще шипящие *ж* и *ш* были мягкими, между палатализованными согласными в северно-русском наречии *а* еще не перешло в *э*. Об этом достаточно ясно свидетельствуют примеры: *чась* 'миска' < русск. *чаш'а*; *лызь* < русск. *лыж'*, *лыж'а*, к.-п. *ась* < русск. *аж'*, *аж'е*, *аж'но*, *аж'* 'бы'. Но в поздних заимствованиях, имевших место после отвердения русских шипящих, русск. *ж*, *ш* передаются в коми языке твердыми шипящими, например: к. *шыш* 'бродяга', 'беглец' < русск. *шши* (произносится *шши*); к. *шыла* 'шило' < русск. *шило* (произносится *шыло*); к. *жбч* < русск. *жесть* (произносится *жэст*) и т. д.; к. *челядь* 'дети' < русск. **челад*, современное сев.-русск. *челедь*; к. *лядьвей* 'ляшка' < русск. *ладвей*, ср. др.-русск. *лядьвья* (Срезневский); к. *ошлядь* 'тонкое бревно' < русск. **ошлад*, ср. др.-русск. *осладь* (Срезневский) и т. д. В более новых севернорусских заимствованиях мы видим уже между мягкими согласными гласный *е* (из *а*), например. к. *преник* < сев.-русск. *преник* 'пряник', к. *памень* < сев.-русск. *памень* 'память', к. *опеть* < сев.-русск. *опеть* 'онять' и др.

Заимствованиями из древнерусского языка нужно считать также следующие слова: к. *ветек* 'тряпка' < сев.-русск. *ветех*, др.-русск. *ветехъ* 'тряпка', 'мочалка', 'пучок травы'; к. *висть* < сев.-русск. **висть*, др.-русск. *вѣсть*; к. *гырнич*, *гөрнич* < сев.-русск. **горнич*, ср. др.-русск. *гърниць* 'горшок'; к. *дерт* 'конечно' < сев.-русск. **дерт*, ср. др.-русск. *дѣрть* 'окончание', 'заклучение', 'конец' ¹⁶⁸.

Приток русских слов в коми-зырянский язык с XVIII в. усиливается. Так, например, в коми письменных памятниках первой половины XVIII в. мы находим следующие заимствования: *ббчка* 'бочка', *рад* 'ряд', *грек* 'грех', *сапбг* 'сапог', *шыяпа*, *пбра* 'пора', *пуд*, *бекар* 'ставец', 'деревянная миска', *звер* 'зверь', *пишалъ* 'ружье', *лабич* 'лавка' (в избе), *недель* 'неделя', *свинеч* 'свинец', *деньга* 'деньги', *бать* 'отец', *козяин* 'хозяин', *тиббка* 'щека', *гач* 'штаны', *кббыла* 'кобыла', *пбтка* 'птица', *петук* 'петух', *лук* 'овощ чеснок', *чеснок*, *вина* 'вино', *утка*, *вблбсьт* 'деревня'; *кбюч* (в замке) ¹⁶⁹.

В самом древнем памятнике коми-пермяцкого языка, в рукописном словаре Антония Попова (1785 г.), мы встречаем следующие русские заимствования: *анбаръ*, *ангелъ*, *аршинъ*, *базаръ*,

¹⁶⁶ FUF XXII 1—169.

¹⁶⁷ К. R é d e i. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

¹⁶⁸ Уч. зап. МГПИ, 1969, № 341, стр. 345—347.

¹⁶⁹ Там же, стр. 244—245.

башмакъ, башня, баяръ 'вельможа', берегъ, блинъ, бокъ, борозид, бочка, бэкеръ 'ставецъ', вал 'волна', ведро, верба 'верба', вилки 'вилка', вилы, вирецъ 'рассадник', виски, внука 'внук', воля, воронка, ворота, вторник, век 'всегда', вера, възжи 'вожжи', гедъ 'год', гелестъ (гёлбс) 'голос', гербъ (гёрб) 'горб', гестъ (гёсть) 'гость', гбгара 'гагара', головня, грекъ 'грех', деревня, диво 'удивительно', докодъ 'доход', дубъ, думайта 'думаю', деде (дэдö) 'дед' и многие десятки других слов.

В составе дореволюционных русских заимствований между коми языками при общности значительной их части существуют также и различия, например: *бать* || *ай* 'отец', *гач* || *вешьян* 'штаны', *заводитны* || *пондöтны* 'начать', *шыбитны* || *чапкыны* 'бросить', *кöса* || *чикись* 'коса' (волосы), *мича* || *басöк* 'красивый', *озыр* || *богатöй* 'богатый', *куйöд* || *назём* 'навоз', *мышку* || *спина* 'спина', *пывсян* || *баня* 'баня', *бор* || *межа* 'межа', *мужик* || *жöник* 'муж', 'супруг', *шог* || *горё* 'горе', *во* || *год* 'год', *зеп* || *карман* 'карман', *пельöс* || *угол* 'угол'.

Имеется также немало русских заимствований, являющихся общими для коми языков, например: *öдва* 'едва', *вина* 'вино', *крепид* 'крепкий', *думайтны* 'думать', к.-з. *гöсть* (произносится *гöсьт*) || к.-п. *гöсь* 'гость', *кулак*, *невеста*, *порог* (в двери), *куритны* 'курить', *любитны* 'любить', *места* 'место', *табак*, *деньга* 'деньги', *лабич* 'лавка' (для сидения), *столб*, *налим*, *берег* и др.

В литературных языках коми-зырян и коми-пермяков употребляются также разные слова с общим значением исконного происхождения: *видлыны* || *пешлыны* 'пробовать', *гöгöрвоны* || *вежöртны* 'понимать', *гöтыр* || *инь* 'жена', *дöрöм* || *йöрнöс* 'рубашка', *еджыд* || *чочкём* 'белый', *зев* || *öддöйн* 'очень', *йöй* || *бöб* 'глухой', *кодй* || *кин* 'кто', *нёжжйöн* || *жагöн* 'тихо', *öдйöн* || *чожа* 'быстро', *танй* || *эстöн* 'здесь', *улöс* || *джек* 'стул', *ывла* || *öтöр* 'улица', 'вне дома' и др.

§ 121. Племена, говорящие на коми диалектах, в прошлом занимали широкое пространство северо-востока Европы: бассейн северной половины Камы с притоками, бассейн Вычегды с притоками, верховье Мезени с притоком Вашка и Печору (кроме низовья) с притоком Ижма. Язык коми племен оказал значительное влияние на соседние русские диалекты: ср. сев.-русс. *кач* 'сосновая кора', *керч* 'болотный багульник', *кыса* 'камыс', *ляз* 'вид компота', *омежь* 'сошник', *чарым* 'наст' и т. д.¹⁷⁰

В русском литературном языке имеется лишь несколько слов коми происхождения, например: *пельмень* < *пельнянь* 'ух-хлеб', *нарты* < к. *норт* 'вид саней', *пыжик* 'шкура оленя-теленка' < к. *пезжу* 'тж', *коми* < к. *коми* (самоназвание коми народов). В русском литературном языке имеют широкое употребление географические названия, взятые из коми языков, например:

¹⁷⁰ См.: Калима — FUF XVIII 1—56; А. К. Матвеев — Уч. зап. Уральского ун-та, вып. 32, стр. 21—47.

Сыктывкар, Кудымкар, Чердынь 'устье р. Чер'), р. *Юсьва, Яйва* (ва 'река', *юсь* 'лебедь', *яй* 'мясо'), с. *Вильгорт* 'новая деревня', горный хребет северного Урала *Тельпосиз* (< *тёл-поз-из*) 'Камень гнезда ветров' и т. д. На территории Коми АССР, Пермской, Кировской и Архангельской областей насчитывается несколько сот коми топонимов, вошедших в русский литературный язык.

§ 122. Словарный состав современного удмуртского языка значительно отличается от коми языков, хотя тысяча лет тому назад лексика пермских языков была тождественна. За тысячу лет своего развития многие слова в удмуртском языке, с одной стороны, и в коми языках — с другой, разошлись в своем звуковом виде и значении: *öвёл* || *абу* < иран. *ob-ul 'нет', 'не имеется'; у. *мес* 'телка', 'ягненок', 'овца' и к. *мёс* 'корова' < иран. *mēs 'самка (рогатого скота)'; у. *жök* 'стол' и к. *джек* 'чурбан (для сидения)', диал. 'стул' < иран. *ǰδcк 'обрубок дерева (использованный в хозяйственных целях)' и т. д.

Удмурты после отделения коми долгое время оставались в сфере влияния болгарской культуры. К этому времени относятся многочисленные древнечувашские (древнеболгарские) заимствования удмуртского языка, которых нет в коми языках, например: *ака* 'старшая сестра', *ана* 'полоса земли', *аракы* 'самогон', *араны* 'жать' (например, рожь), *арня* 'неделя', *буко* 'дуга', *бултыр* 'свойченица', *буртчин* 'шелк', *бусы* 'поле', *бускель* 'сосед', *юбо* 'столб', *кырси* 'зять', *куно* 'гость', *куро* 'солома', *сöсыр* 'калека', *сяська* 'цветок', *сьöлык* 'грех', *сюло* 'кнут', *така* 'баран', *тумошо* 'смешной', *тушмон* 'враг', *чана* 'галка', *уксё* 'деньги', *улошо* 'мерин', *уробо* 'телега'¹⁷¹.

В удмуртском языке немало и татарских заимствований: *пайда* 'польза', *пияла* 'стекло', *пудо* 'пояс', 'кушак' и мн. др.

Особенно много их в южных и бесермянском диалектах: бес. *tereži* 'окно', *taraze* 'весы', *saur* 'бедро'¹⁷².

Старые русские заимствования удмуртского языка часто носят своеобразный характер, отличающийся от русских заимствований коми языков: у. *укно* 'окно', *дуско* 'сеятельница (вогнутая доска)', *кусо* || *коса* 'коса (орудие труда)', *кульчо* || *кольча* 'кольцо' и др. Возможно, в удмуртский язык попали эти русские слова через татарский язык, в котором русское *о* передается через *у*.

В удмуртском языке нет таких древних русских заимствований, какие есть в коми языках (см. § 120).

¹⁷¹ Wichm. Tschuw.

¹⁷² Тепл. Бес.

ЛИТЕРАТУРА

Алатырев В. И. Вопросы удмуртского языкознания (сборник статей), т. 1. Ижевск, 1959.

Алатырев В. И. Образоваше, значеше и история имен с формой -эс. Ижевск, 1962.

Алатырев В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине). Ижевск, 1970.

Бараксанов Г. Г. см. Жилина Т. И.

Бараксанов Г. Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар, 1964.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.

Борцов Т. К. Удмурт кыллюкам (Удмуртско-русский толковый словарь). Ижевск, 1932.

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка. (сравнительно с коми языком). Ижевск, 1948.

Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.

Бубрих Д. В. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. «Уч. зап. Ленинградского ун-та», 1848, вып. 2.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I. Йошкар-Ола, 1964; ч. II, 1966.

Геннинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

Геннинг В. В. Этногенез удмуртов по данным археологии. — ВФЯ IV. Ижевск, 1967.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962; Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970; Синтаксис сложноподчиненного предложения. Ижевск, 1974.

Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.

Гуляев Е. С. см. Лыткин В. И.

Гуляев Е. С. см. Сорвачева В. А.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927.

Жеребцов Л. П. Расселение коми в XV—XVII вв. Сыктывкар, 1972.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.

Житие святого Стефана епископа Перматика, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897.

Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 30.

Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар, 1962.

Коми-пермский словарь. М., 1961.

Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.

Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. М., 1952.

Лыткин В. И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем, ч. I. М., 1955.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка, ч. I. Введение и фонетика. Сыктывкар, 1957.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

Лыткин В. И. Коми-язвический диалект. М., 1961.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Майшев И. И. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.—Л., 1940.

Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск, 1970.

Оборип В. А. Коми-пермяки в IX—XV вв. (Родановская культура). Авт. д. к. М., 1957.

Очерки истории Удмуртской АССР, т. I. Ижевск, 1953.

Очерки истории Коми АССР, т. I. Сыктывкар, 1955.

Первая научная грамматика удмуртского языка. Введение и примечания В. И. Алатырева. Ижевск, 1975.

Перевощиков И. И. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке. Ижевск, 1939.

Перевощиков П. И. Краткий очерк грамматики удмуртского языка. — УРСЛ. М., 1948.

Перевощиков П. И. Дееспричастия и дееспричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.

Перевощиков П. И. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963.

Рогов Н. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869.

Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966.

Русско-удмуртский словарь. М., 1956.

Серебрянников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебрянников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Серебрянников Б. А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.

Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования компаративистики. М., 1974.

Серебрянников Б. А. О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса языка коми. — СФУ III 105.

Серебрянников Б. А. О действительном количестве глагольных времен в удмуртском языке. «Записки УдННП», вып. 19. Ижевск, 1959, стр. 93—101.

Сидоров А. С. Природа синтаксической связи между определяющими и определяемыми словами в коми языке. «Записки Общества изучения коми края», вып. 5. Сыктывкар, 1930.

Сидоров А. С. Отрицательные предложения и отрицательные обороты в коми языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР». М., 1955, № 7.

Сидоров А. С. Новые памятники древнекоми письменности (с комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В. И. Лыткина). — ВФЯ, I 178—211.

Сидоров А. С. Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. «Материалы и исследования по археологии СССР». М., 1952, № 28.

Современный коми язык, ч. I, Фонетика и морфология. Сыктывкар, 1955; ч. II. Синтаксис. Сыктывкар, 1967.

Соколов С. В. Некоторые принципы образования названий птиц в говорах удмуртского языка. — «Записки УдННП», вып. 24, Филология. Ижевск, 1970, стр. 153—155.

Соколов С. В. Этимология удмуртских названий животных. «Вопросы удмуртского языкознания», вып. 3. Ижевск, 1975, стр. 149—168.

Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Тараканов П. В. К вопросу истории и развития неслогового *у* в удмуртском языке. — ВФЯ II 75—82.

Тараканов И. В. Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка. — «Вопросы удмуртского языкознания», вып. 3. Ижевск, 1975, стр. 169—190.

Тараканов И. В. Удмурт лексикая очеркъёс. Ижевск, 1971.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века, вып. I. М., 1966.

Тепляшина Т. И. Язык берсермян. М., 1970.

Тепляшина Т. И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах. — ВФЯ II 136—145.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северо-удмуртского наречия. «Записки УдННП», вып. 21. Ижевск, 1970, стр. 156—196.

Тепляшина Т. И. Упогребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах. — СФУ XI 179—185.

Трефилов Г. И. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 1956.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чувашско-марийские языковые

связи. Чебоксары, 1965; Он же. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, ч. II. Чебоксары, 1968.

Яшина Р. П. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1963.

Aminoff T. G. Wotjakilaisia kielinäytteitä. — JSFOu. I. Helsinki, 1886.

Aminoff T. G. Votjakin äänne ja muoto-opin luonnos. — JSFOu. XIV₂ Helsinki, 1896.

Fokos-Fuchs D. Syrjänisches Wörterbuch, I—II. Budapest, 1959.

Fuchs D. R. Beiträge zur Grammatik der permischen Sprachen. — JSFOu. XXX₁₄.

Itkonen E. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI. Helsinki, 1954.

Klemm A. A mellérendelő és alárendelő viszony kifejezése az északi osztják és votják nyelvben. «A Pannonhalmi Főapátsági Főiskola Évkönyve». Budapest, 1911—1912.

Klemm A. Magyar történeti mondattan. Budapest, I 1928; II, 1940; III, 1942.

Kövesi M. A permi nyelvek ősi kepzői. Budapest, 1965.

Lakó Gy. A permi nyelvek szóvégi magánhangzói. Budapest, 1934.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896.

Munkácsi B. Votják nyelv-

tanulmányok. — NyK XVIII. Budapest, 1883.

Rédei (Radanovics) K. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest, 1962.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. — MSFOu. LXV. Helsinki, 1933.

Uotila T. E. Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Aufl. 2, Grammatikalischer Abriss von D.-R. Fuchs. Helsinki, 1954.

Wichmann Y. Die tschuwasischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. — MSFOu XXI. Helsinki, 1903.

Wichmann Y. Die tschuwasischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsingfors, 1920.

Wiedemann F. I. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Pb., 1824.

Wiedemann F. I. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und einem deutschen Register. St.-Pb., 1880.

Wladikin W. E. Die frühen Perioden der Ethnographie der Udmurten (Wotjaken). «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 21 (3—4). Budapest, 1972.

ОБСКО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

ВВЕДЕНИЕ

МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК

§ 1. Этнонимы, численность, места расселения. Этноним манси получил широкое распространение в советское время, до революции же манси в отечественной и зарубежной научной литературе (иногда и теперь) назывались вогулами, или (что нужно признать ошибочным) остяками, а в старинных памятниках — югра или логул¹. Слово *манси* (māńśi) является самоназванием народа. Ученые неоднократно обращались к этимологизации этого слова. По мнению Тойвонена, оно близко к фин. mies 'мужчина', 'человек'. А. Регули, а вслед за ним и Б. Мункачи, считает, что «самоназвание māńśi идентично самопозванию maɣuar 'венгр'»². Г. Н. Прокофьев тоже пытался этимологизировать слово māńśi и расшифровал его как 'земляные (люди)', т. е. как имя принадлежности, образованное от манс. mā 'земля'³ + ŋś — селькупский суффикс притяжательности. А. Н. Баладин возводит māńśi к словам *мань* + *сир*, что означает, по его мнению, 'маленький род'⁴. Два последние варианта этимологизации, с нашей точки зрения, являются явно вымышленными.

В. Н. Чернецов и Е. И. Ромбандеева склонны считать, что самоназвание māńśi восходит к названию рода mōńś (mōńśŧ, māńśŧ, mōś) в противоположность названию другого рода — rog. По преданиям манси род rog является не чисто мансийским, а смешанным с ханты.

Самоназвание māńśi, в своей основе восходящее, как отмечалось выше, к родовому названию mōńśŧ, возможно, действительно сопоставимо (как предпологают А. Регули и Б. Мункачи) с венгерским maɣuar⁵. Говоря о себе, манси к самопозванию обычно прибавляют определение — название того места, на котором поселилась данная группа: lüssum tal'əx māńśit 'верхнеозьвинские манси', sakw māńśit 'сыгвинские манси', ās māńśit 'обские манси', polum māńśit 'нелымские манси' и т. д.

¹ В. Н. Чернецов. — Яз. письм. I, 164.

² Там же, стр. 164—165.

³ Г. Н. Прокофьев. Селькупская грамматика. Л., 1935, стр. 13.

⁴ А. Н. Баладин. О происхождении самопозвания *маньси*. «Уч. зап. ЛГУ им. А. И. Герцена», 1957, т. 132, стр. 66—67.

⁵ См. MTEsz. II у слова maɣuar.

Манси живут отдельными группами на огромной территории в северо-западной части Сибири по левобережью Оби и по ее притокам (в пределах Ханты-Мансийского, частично Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской обл.).

По сведениям писательницы М. К. Анисимовой (Бекиной) — автора мансийских сказов, еще в 60-х годах нашего века в Ивдельском р-не насчитывалось около 300 чел. лозьвинских манси, которые живут в основном в небольших лесных деревнях далеко от районного центра и сельских советов или кочуют по тайге. Кроме того, несколько мансийских семей до сих пор живет в Пермской обл. в верховьях Вишары.

По данным переписи 1926 г., манси насчитывалось 6311 чел. Из них мансийский язык считали родным 82,7%; в 1959 г. манси было 6450 чел., из которых на родном языке говорило 59,2%; в 1970 г. манси насчитывалось 7700 чел., из которых говорит по-мансийски 52,4%. Остальная же часть мансийского населения говорит на русском (38,6%) или других языках народов СССР (5,4%).

В Ханты-Мансийском национальном округе в Березовском р-не живет 3237 чел., в Кондинском — 2 тыс. чел., в Октябрьском — 400, в Советском — 200, в Ханты-Мансийском — 100 чел. В городах: Ханты-Мансийске — 300, Урале — 200 чел.

Население Ханты-Мансийского национального округа составляет приблизительно 270 тыс. чел. Из них манси 6300 чел., ханты — 13 300 чел. Из других финно-угорских народов в этом округе живут: коми — 2 тыс. чел., ненцы — 1 тыс. чел.

§ 2. И з и с т о р и я м а н с и й с к о г о н а р о д а. Прародина угров находилась в лесных районах по р. Каме и южнее от нее. Когда из угорской общности выделились племена, ставшие впоследствии предками венгров (первая половина I тыс. до н. э.), остальные угры еще долгое время оставались на этой территории⁶. В течение XII—XV вв. под натиском коми и русских основная масса угров переходит Урал (отдельные группы там жили и раньше) и обосновывается (получая название «обские угры») в северо-западных районах Сибири, занимая постепенно территорию, на которой живет и ныне. Разделение их на манси и ханты произошло еще до переселения в Сибирь⁷.

Постепенно двигаясь на северо-восток, манси на своем пути оставляли топонимы на родном языке, сохранившиеся в некоторых районах до сих пор (в Башкирской АССР⁸), в Пермской обл.,

⁶ HajdúFNNU, 153; А. Ш м и д т. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. «Сб. Музея этнографии АН», т. VI. Л., 1927, стр. 160—161.

⁷ Там же, стр. 157, 161.

⁸ А. Б е с с о н о в и Д. И г н а т ь е в. Названия вод, урочищ и проч. как памятники угров в Уфимской губ. «Зап. Оренбургского отд. Русского географического об-ва», вып. 4. Оренбург, 1881, стр. 118—168.

особенно в северо-восточных ее районах к Чертыну, Випаре⁹.

Сведения о манси мы находим в трудах С. В. Бахрушина¹⁰ и В. Г. Карцова¹¹, о пельмских и верхотурских вогулах начала XVII в. — в работе Г. Ф. Миллера¹².

До Великой Октябрьской социалистической революции манси жили в маленьких юртах, разбросанных по берегам рек или озер Крайнего Севера, ведя примитивное натуральное хозяйство, занимаясь рыболовством и охотой¹³.

Остяко-Вогульский округ был основан в 1930 г. В те годы его основное постоянное население состояло из ханты (остяков) и манси (вогулов). Округ и окружной центр до 1938 г. называли так, как было принято именовать эти народы в дореволюционное время, а с 1938 г. округ называется Ханты-Мансийским. Административно округ входил в Омскую обл. Теперь же округ вместе с центром — г. Ханты-Мансийском — административно входит в Тюменскую обл.¹⁴

§ 3. Д и а л е к т ы. Территориальная разобщенность населения явилась основной причиной диалектной раздробленности мансийского языка.

По классификации Б. Мункачи, в основе своей удачной, в мансийском языке выделяется четыре наречия, или диалектные группы¹⁵: 1) северная группа диалектов распространена по рекам

⁹ В. Ш и ш о и к о. Пермская летопись с 1263 г., вып. I—VII. Пермь, 1881—1889; И. Н. Г л у ш к о в. Чертышские вогулы. М., 1900; И. О с т р о у м о в. Вогулы-манси. Историко-этнографический очерк. «Материалы по изучению Пермского края», вып. I. Пермь, 1904, стр. 153—202; А. Т е п л о у х о в. Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народом. «Западно-Уральское об-во любителей естествознания», т. XXXIX. Свердловск, 1924, стр. 81—112.

¹⁰ С. В. Б а х р у ш и н. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1928, стр. 198; О н ж е. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. «Советский Север». М., 1929, стр. 66—97.

¹¹ В. Г. К а р ц о в. Очерк истории Северо-западной Сибири. М.—Л., 1937, стр. 132.

¹² Г. Ф. М и л л е р. Сибирская история. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб., 1764, январь—июль.

¹³ О жизни, быте, обычаях, хозяйстве манси см., например: Д. Ю р ь е в. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов. «Зап. Русского географического об-ва», кн. VI. СПб., 1852, стр. 265—384; «Краткое описание о народе остяком, сочиненное Гр. Новицким в 1715 г. — В кн.: «Памятники древней письменности и искусства». СПб., 1884, стр. 116; А. Д у и н - Г о р к о в и ч. Тобольский север, т. III. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911.

¹⁴ Г. Т а р а с е н к о в. Обский Север и его экономика (итоги и перспективы). «Советская Арктика», 1937, № 5, стр. 74—94; В. Н. Ч е р н е ц о в. Отчет об этнографической экспедиции Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР в Остяко-Вогульский национальный округ. «Советская этнография», 1937, № 4, стр. 209—211.

¹⁵ В. М у н к а с и — Н у к XXI, XXIV; см. также: N. S t e i n i t z. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955, стр. 1—7.

Сосьва (Täγt)¹⁶, Ляпин (Sakw) и Верхняя Лозьва (ali Lüssum); 2) западная группа — по средней и нижней Лозьве, а также по Пельму (Polum) и Вагильску; 3) восточная группа — по Конде (Xōntaŋjā); 4) южная группа — по р. Тавда (ali Tāγt).

Западные и южные манси уже не пользуются родным языком как средством общения. У восточных манси также идет активный процесс обрусения, и родным языком в быту пользуется лишь старшее поколение.

§ 4. Различия между диалектными группами. Исследователи мансийского языка отмечали в первую очередь фонетические расхождения в диалектах. Они настолько значительны, что представители указанных выше четырех наречий не понимают друг друга.

В южных диалектах мансийского языка наличествует гармония гласных. В некоторых наречиях она отсутствует полностью, в других же наблюдается частично, например, в среднесосьвинском говоре северного наречия wājime — лит. wājima 'оказывается видели его'; saγime — лит. saγima 'оказывается сплетено'¹⁷.

В фонетическом отношении восточное наречие отличается от северного литературного наличием дифтонгов *oa*, *öä*, *ÿä*, *yo*, *oa*, *ÿa*, и др., противопоставлением передне- и заднерядных гласных: *a* — *ä*, *o* — *ö*, *y* — *ÿ*, имеется огубленный гласный *ä*¹⁸.

Морфологические расхождения по отдельным группам наречий менее значительны, чем фонетические (фонологические). Следует отметить наличие вин. падежа с формантом *-m* во всех диалектах, кроме пельмского и сосьвинского (положенного в основу литературного языка)¹⁹.

По мнению Е. А. Кузаковой, в кондинском диалекте существует четыре наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное и условное²⁰. В северо-мансийском же наречии, кроме названных, имеется еще наклонение неочевидного действия²¹ с суфф. *-n* (δ) (для наст. времени) и *-(δ)m* (для прош. времени).

В диалектах наблюдаются и лексические расхождения. Так, в языке северных манси имеется большое количество специальных терминов, заимствованных из ненецкого языка, связанных с оле-

¹⁶ В скобках даны мансийские топонимы в соответствии с литературным произношением.

¹⁷ А. Капписто — FUF XIV, 41—84; см. также: В. П. Чернецов — Яз. письм. I 165.

¹⁸ Более подробно см.: Е. А. Кузакова. Южно-мансийский (кондинский) диалект. Авт. д. к. Л., 1963, стр. 4—18; см. также: В. П. Чернецов. — Яз. письм. I 165—166.

¹⁹ В. Мункácsi. A vogul nyelvjárások. Ugor füzetek, II. Budapest, 1894; А. Аһлqvist. Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik. Helsingfors, 1894.

²⁰ Е. А. Кузакова. Указ. соч., стр. 13.

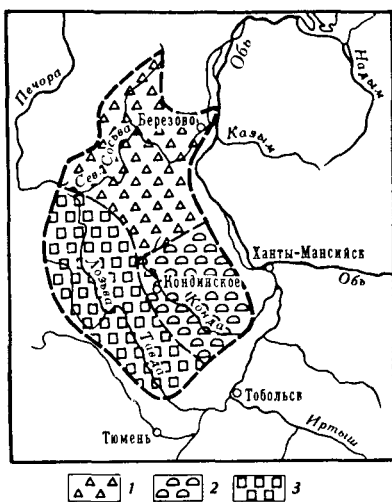
²¹ Е. И. Ромбандеева — Яз. нар. III 353—354; Она же. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973, § 141—149.

неводством, которому манси научились у ненцев (см. т. I — «Лексика»).

Отличительной особенностью лексики восточных манси является наличие татарских заимствований, связанных с земледелием, которому манси научились у татар (см. т. I — «Лексика»).

§ 5. Из истории письменности. Отдельные мансийские слова (или небольшие словники, состоящие в основном из слов — названий предметов) появлялись в русских хрониках, а также в рукописных текстах еще в XVI—XVII вв.

С XVIII в. известны в рукописном и печатном виде отдельные словники и словари, например «Словарь вогульского языка» (несколько десятков слов), составленный П. Куроедовым по поручению В. Н. Татищева в 1736 г. (хранится в Архиве АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 149, л. 427—429); «Латинско-вогульско-остяцкий словарь» (286 слов, записанных латинскими буквами из разных диалектов) (Архив АН СССР, ф. 94, оп. 1, № 184), «Краткий вогульский словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный, города Соликамска и Свято-Троицкого собора Симеоном Черкаловым 1785 года» (Архив АН СССР, ф. 94, оп. 1, № 178, 7 лл), «Словарь латинско-вогульский». Составлен в 1775 г. (Рукописный отдел ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. Аделунга, К-АЗ-П, 32 лл)²², «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы», составленный П. С. Палласом (СПб., 1787). Эти словари содержали мансийские диалектные слова, служащие ценным материалом для изучения мансийского языка в историческом плане, несмотря на то, что эти материалы были в основном собраны не лингвистами, а путешественниками-краеведами, побывавшими в разное время среди манси и не ставившими перед собой прямой задачи специального исследования мансийского языка²³.



Схематическая карта диалектов мансийского языка:

- 1 — сосьвинские и ляпинские манси;
- 2 — кондинские манси;
- 3 — тавдинский, пельимский и лозьвинский диалекты (ныне исчезнувшие)

²² Более подробно см.: И. С. В до в и п. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1962, стр. 155—157.

²³ См. также библиографию к кн.: Яз. письм. I, 1937, стр. 192.

Небольшая часть материала зафиксирована на основе латинской графики, большинство же — на основе русской, в которой долгие гласные фонемы иногда передаются удвоенными буквами, в некоторых случаях обозначаются и дифтонгизированные гласные. Данные материалы охватывают разные (в том числе и исчезнувшие) диалекты мансийского языка.

Еще в конце XIX в. делались попытки создания письменности для народа манси. Миссионеры и местные священники с помощью отдельных манси, немного владеющих русским языком, переводили на мансийский язык некоторые религиозные произведения. На кондинском наречии для восточных манси было издано евангелие в переводе Г. Попова («Das Evangelium Matthäi in dem Dialekt der kondischen Wogulen», London, 1868). Был составлен и букварь для вогулов Приуралья (Никонор, еп. Албука для вогулов приуральских. М., 1903). В подготовке этого издания принимал участие манси Н. Я. Бахтияров.

Делались попытки обучать некоторых манси грамоте. Так, в основном для кондинских манси во второй половине XIX в. были открыты первые школы. Однако работа по распространению грамотности среди местного населения велась слабо, и поэтому несколько книг, переведенных на мансийский язык, никто не мог читать.

Усилия миссионеров не привели к созданию письменности и распространению грамотности среди манси.

Письменность на мансийском языке была создана в 30-х годах XX в. В 1932 г. вышел в свет первый букварь. В эти же годы в крупных населенных пунктах открылись школы-интернаты для манси, куда начали собирать детей школьного возраста. Для взрослого населения было организовано обучение грамоте почти в каждой деревне, каждом чуме. Письменность, созданная усилиями советских ученых, наконец, стала достоянием всего мансийского населения.

§ 6. Становление литературного языка. В годы Советской власти изучение мансийского языка было начато с исследования живых диалектов для того, чтобы установить фонемный состав наиболее подходящего диалекта для будущего литературного языка. В результате работы, проведенной в 1930—1931 гг. в Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (Ленинград), был определен опорный диалект для создания письменности и литературного языка и установлен состав гласных и согласных фонем. Сначала был разработан алфавит на латинской основе: он отражал различия между краткими и долгими гласными, а также наличие среднеязычных палатальных согласных.

С 1937 г. алфавит переводится на русскую графическую основу; по новому варианту письменности долгие и краткие гласные не различаются, и среднеязычные палатальные не получают специального графического изображения. Практический алфавит

состоит из следующих букв: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, к, л, м, н, ц, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я.

Буквы б, г, д, ж, з, ф, ц, ч, ш используются только для написания русских заимствований, поскольку соответствующие фонемы в мансийском не встречаются.

Советскими учеными были составлены первые очерки грамматики мансийского языка (В. Н. Чернецов и И. Я. Чернецова. Краткий мансийско-русский словарь. Грамматический очерк. М.—Л., 1936; В. Н. Чернецов. Мансийский (вогульский) язык — см. Яз. письм. I,) а также первые учебники на мансийском языке.

В послевоенные годы работу по составлению и изданию учебников и книг для чтения, начатую еще в 30-е годы XX в. В. П. Чернецовым, создавшим первый букварь (V. Š e r n e t s o w П'рї Гоґґһ) ²⁴, продолжил А. Н. Баландин, составивший несколько учебников («Букварь маньси начальный школа приготовительный класс магыс». Л., 1947; «Ловиньтам магыс книга. Маньси начальный школа овый класс магыс». Л., 1947, и др.).

Отсутствие графического изображения для некоторых звуков мансийского языка отрицательно сказалось особенно на процессе обучения.

С 1957 г. до 1971 г. издание учебников и учебных пособий на мансийском языке временно было прекращено. Однако с 1972 г. Учпедгизом возобновлено издание учебных пособий для национальных школ. Так, по манси языку вышли в свет: «Букварь» (Л., 1972) и «Маньси латың» («Учебник для подготовительного класса». Л., 1972), составленные А. Н. Баландиным и М. П. Вахрушевой, «Маньси латың» («Книга для чтения и учебник для I класса»), составленные А. Н. Баландиным, М. П. Вахрушевой и П. Содомыным (Л., 1973).

После окончания неполной средней школы учащиеся продолжают свое образование в средней школе и в училищах, прежде всего в медицинском и педагогическом, в которых готовят кадры для Ханты-Мансийского национального округа. В Ханты-Мансийском педучилище преподается мансийский и хантыйский языки.

Продолжается взаимовлияние говоров северного наречия, что объясняется отчасти совместным обучением в укрупненных школах-интернатах манси, прибывших из отдаленных друг от друга населенных пунктов: с Оби, Сосьвы, Сыгвы и др. Кроме того, в советское время жители отдаленных друг от друга мест в связи с появлением новых видов транспорта общаются значительно интенсивнее, чем раньше.

§ 7. Из истории развития художественной литературы. У манси в советское время появились свои писатели и поэты. Среди них следует отметить известного

²⁴ См. рецензию на эту работу — Y. W i c h m a n n — FUF. XVI.

и за пределами округа и даже Советского Союза писателя Ю. Шесталова. Его произведения выходят на родном и русском языках. Среди них — сборники стихов на мансийском языке: «Макем ат» («Запах Родины»). Ханты-Мансийск, 1958; «Маньси павья няврамыт» («Дети мансийской деревни»). Л., 1960; «Сайкалан эрыг» («Песня пробуждения»). Свердловск, 1965; «Этпос» («Месяц»). Свердловск, 1968; сборники стихов и прозы на русском языке: «Пойте, мои звезды» (Л., 1959), «Огонь на льду» (М., 1961), «Огонь на огонь» (Свердловск, 1966), «Глаза белой ночи» (М., 1967), «Синий ветер каслания» (Л., 1965), «Когда качало меня солнце» (М., 1972) и др. Были напечатаны книги: М. К. А н и с и м о в а. Танья-богатырь (мансийские сказы). Свердловск, 1973; А. К а р т и и а. Муркины валенки. Йошкар-Ола, 1973. Печатаются произведения А. Тарханова.

Манси П. Е. Шешкин известен далеко за пределами округа не только как талантливый резчик по дереву, произведения которого демонстрируются в музеях, но и как создатель народных песен самой разнообразной тематики (см.: «Петр Шешкин». Ханты-Мансийск, 1970).

§ 8. И з и с т о р и и и с с л е д о в а н и я м а н с и й с к о г о я з ы к а. Систематическое исследование мансийского языка было начато в середине XIX в. Первым языковедом, побывавшим среди манси в 1843—1844 гг., был венгерский ученый А. Регули, который собрал уникальный фольклорный материал. Им записаны тексты в основном по лозьвинскому, пельмскому и северному диалектам. Часть этих материалов, отражающих северные диалекты, была опубликована венгерским ученым П. Хунфальви (P. Hunfalvy. A vogul föld és nép. Pest, 1864). П. Хунфальви составил и очерк грамматики кондинского диалекта, черпая лингвистический материал из библии, переведенной на кондинский диалект Г. Поповым (P. H u n f a l v y A. kondai nyelv. NyK IX, 1872; NyK X, 1873).

Несколько позднее (1858—1859 и 1877 гг.) среди манси побывал финский ученый А. Альквист, собравший ценный языковой материал (A. A h l q v i s t. Über die Kulturwörter der obischugrischen Sprachen. JSFOu. VIII, 1890; «Wogulische Wörterverzeichnis». MSFOu. II, 1891; «Wogulische Sprachtexte nebst Entwurf einer wogulischen Grammatik». MSFOu. VII, 1894). Большая часть текстов записана А. Альквистом на кондинском диалекте.

Желание разобраться в мансийских текстах, записанных в свое время А. Регули, побудило венгерского ученого Б. Мункачи предпринимать в 1888—1889 гг. поездку к манси. Он расшифровал тексты А. Регули и сам собрал исключительно богатые фольклорные материалы по всем диалектам. Тексты позднее были обработаны, переведены на венгерский язык и изданы в четырех томах. Первые два тома сопровождаются развернутыми комментариями самого Мункачи (B. M u n k á c s i. Vogul nép-költési gyűjtemény, I—II, 1892—1896). К последним двум томам

комментарии были подготовлены и опубликованы Б. Кальманом (B. Munkácsi — B. Kálmán. *Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény*, III k., II z. Budapest, 1952; IV k., II z. Budapest, 1962). Краткие очерки, содержавшие в основном морфологические парадигмы, были составлены Б. Мункачи по шести записанным им мансийским диалектам: северному, среднелозьвинскому, нижнелозьвинскому, пельмскому, кондинскому и тавдинскому.

В начале столетия длительное время (1901—1906 гг.) среди манси жил финский ученый А. Каннисто, собравший богатейший материал по диалектам мансийского языка. По материалам экспедиции, а также по спискам слов, собранных М. Кастреном, он опубликовал ряд работ по фонетике, грамматике, лексике, топонимике и подготовил к печати часть текстов, записанных весьма точной, но сложной фонетической транскрипцией с отражением различных комбинаторных вариантов фонем (A. K a n n i s t o. *Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialektes in den Papieren M. A. Castréns.* — JSFOu. XXX₈; «Zur wogulischen Lautgeschichte». — FUF VII; «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt». — MSFOu. XLVI; «Die Vokalharmonie im Wogulischen». — FUF XIV; «Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung». — FUF XVIII, и другие работы, посвященные разным проблемам изучения языка манси).

Неопубликованные работы Каннисто подготовил к печати финский ученый М. Лиимола (A. K a n n i s t o, M. L i i m o l a. *Wogulische Volksdichtug.* — MSFOu. № 101, I (1951); № 109, II (1955); № 111, III (1956); № 114, IV (1958); № 116, V (1959); № 134, VI (1963). Кроме этого М. Лиимола опубликовал ряд статей по этимологии отдельных слов, а также по вопросам грамматики мансийского языка (M. L i i m o l a. *Zu den wogulischen Personalpronomina.* — FUF XXVIII 20—56; «Wogulische Ableitungssuffixe». — FUF XXX 248—272; «Zur wogulischen Etymologie und Formenlehre». — JSFOu. LVII₁ 1—47; «Etymologische Bemerkungen». — FUF XXII, XXVI, XXIX). Особенно большой интерес представляет его работа, посвященная исторической морфологии мансийского языка (M. L i i m o l a. *Zur historischen Formenlehre des Wogulischen.* Helsinki, 1963).

Исследованием обско-угорских языков плодотворно занимался и немецкий ученый В. Штейниц. Большую ценность представляет его обобщающая работа по истории гласных мансийского языка (W. S t e i n i t z. *Geschichte des wogulischen Vokalismus.* Berlin, 1955).

Этот труд создан автором на основе своих исследований и записей фольклорных текстов, собранных венгерскими и финскими учеными в прошлом веке и в начале XX столетия (см. упомянутые работы Б. Мункачи и А. Каннисто), а также на материале отдельных научных статей по гласным мансийского языка (O. H a z a y. *A vogul nyelvjárások első szótagbeli magánhangzói*

qualitativ szempontból. Budapest, 1907; A. K a n n i s t o. Die Vokalharmonie im Wogulischen. — FUF XIV и др.).

В 50-х годах нашего века венгерский ученый Д. Яако опубликовал очерк грамматики северомансийского диалекта, содержащий подробное описание фонемного состава и фонетических особенностей этого диалекта (Gy. L a k ó. Északi-manysi nyelvtanulmányok. — NyK LVIII; перевод на немецкий «Nordmansische Sprachstudien» — ALH VI; «Az északi-manysi névmások fejlődés-történetéhez». — NyK LXI).

Исследованием старых архивных рукописных материалов мансийского языка (в основном XVIII в.) много занимался венгерский языковед Я. Гуя (J. Gulya), опубликовавший ряд ценных статей («A manysi nyelv szövégi magánhangzóinak történetéhez». — NyK LXII; «Egy 1776-ból származó manysi nyelvemlék» — NyK LX; XVIII századi kéziratos vogul szójegyzékek. Budapest, 1960; «A fonémarendszer változásának mennyiségi összetevői». — NyK LXVI; «Az orosz Ural-a „Uralgebirge“ etimológiájához». — «Studia Slavica Hungaricae», VII. Budapest, 1961; «Egy és más a-ni főnévi igenév körül. — МТАК XXII и др.).

Профессор Дебреценского университета Б. Кальман (B. Kálmán) выпустил в свет несколько монографий по мансийскому языку («Manysi nyelvkönyv». Budapest, 1955; «Die russischen Lehnwörter im Wogulischen». Budapest, 1961; «Chrestomathia Vogulica». Budapest, 1963). Под его руководством готовится к изданию большой словарь по материалам Б. Мункачи с охватом всех основных диалектов мансийского языка.

Кроме упомянутых выше трудов зарубежными учеными издано несколько монографий по отдельным вопросам грамматики и лексики с охватом материалов по разным диалектам мансийского языка. (M. K i s p á l. A vogul igenév mondattana. Budapest, 1966; K. R é d e i. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970), а также отдельные статьи (D. S z a b ó. A vogul szóképzés. — NyK XXXIV; D. F o k o s. A vogul-tól rag eredetéhez. — NyK XXXIX; О н ж е. A vogul-osztják tárgyas igeragozásról. — NyK XL; О н ж е. A vogul-osztják dualis képző. NyK XLIX; О н ж е. Egy vogul-osztják névutó. — NyK L; Ö. B e k e. A vogul határozók. — NyK XXXV; О н ж е. Ragtalan határozók a vogulban. — NyK XXXVII; О н ж е. Finnugor mondattani adalékok. — NyK XLIV; О н ж е. Még egyszer a vog.-tól ragról. — NyK XXXIX; É. S a l. Az obi-ugor nyelvek tagadó névmásainak kérdéséhez. — NyK LIII; Ö. L a v o t h a. Das Passiv in der wogulischen Sprache. — JSFOu. № 62, Helsinki, 1960; О н ж е. A manysi intranszitiv igék passzivumáról. — NyK LX; О н ж е. A tárgy jelölése a manysiban. — NyK LIV; О н ж е. A tárgyas igeragozás mondattana a vogulban. — FgrÉrt. № 5); M. S z i l a s i. Vogul szójegyzék. Budapest, 1962.

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с созданием письменности на языке манси советскими

учеными была развернута большая работа по изучению мансийского языка и его диалектов.

Защитены диссертации, посвященные различным аспектам изучения мансийского языка (А. И. Картина. Именное словообразование в современном мансийском языке. Л., 1955; Е. А. Кузакова. Южно-мансийский (кондинский) диалект. Л., 1963; Е. П. Ромбандеева. Каузативные глаголы в современном мансийском языке. Л., 1964; М. П. Баландина. Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики. Л., 1965; А. И. Сайпахова. Служебные слова в мансийском языке. М., 1966; К. И. Вавра. Терминология родства венгерского и мансийского языков. Тарту, 1970.

У южных манси побывала Т. Д. Франк-Каменецкая, которая опубликовала ряд интересных статей с материалами тавдинского диалекта (Т. Д. Франк-Каменецкая. Экспедиция к тавдинским манси в 1963 г. «Изв. Сибирского отд. АН СССР», № 5, Новосибирск, 1964; Она же. К вопросу о лексике тавдинского диалекта мансийского языка. «Изв. Сиб. отд. АН СССР», вып. 1. Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965).

В настоящее время наиболее активному и всестороннему исследованию подвергается северомансийское наречие, положенное в основу литературного языка, которое преподается в Ханты-Мансийском педучилище и в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена. В секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР Е. П. Ромбандеевой составлен мансийско-русский словарь по данному диалекту на 22 тыс. слов. Вышла в свет монография Е. П. Ромбандеевой «Мансийский (вогульский) язык» (М., 1973). Морфологические разделы очерков по мансийскому и хантыйскому языкам в этом томе разработаны на основе диалектов, на базе которых были созданы литературные языки. С 30-х годов XX в. эти диалекты исследовались многими специалистами, их первое полное описание сделано в нашей стране.

ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК

§ 9. Этнонимы, численность и места расселения. Ханты — самопазвание угорской народности, которая вместе с манси составляет обско-угорскую группу языков. Слово *ханты* зафиксировано почти во всех диалектах и говорах хантыйского языка как обозначение принадлежности к данной народности, а в ряде говоров — и с самым широким значением 'человек'. Одно из этимологических объяснений связывает *ханты* с общефинно-угорской основой *kunta (ме. khōnt, kānt, kōnt, z. nt, khānt 'войско', в. had 'войско', ф. kuinta 'община' и т. д.)²⁵.

Согласно другой точке зрения имя народности происходит от названия р. Конда. Подобное объяснение представляется доста-

²⁵ См. MSzFE II 238; K. Radanovics — Congr. I.

точно обоснованным по следующим соображениям. Структура самоназваний и названий современных ханты обязательно включает название места, где они проживают (как правило, реки): *Вать-ях*, *Вать-ёган-ях* 'народ, живущий на Васюгане', *Ваха-ях* 'ваховские ханты', *Колон-ях* 'народ с еловой речки', *Тым-ях* 'народ с Тыма' и т. и.²⁶ В этом ряду в качестве одного из самоназваний фигурировало (оно существует и в наше время) и *Конда-ях* («Хонди-Шуп»), которое через посредство народов, контактировавших с ханты (манси, русских, татар), могло распространиться как название всей нации.

В этой связи нельзя считать лишенным оснований возведение старого названия ханты — «остяки» — к *As-jaž* 'обские люди', поскольку его семантическая структура типична для хантыйского этнонима, а фонетическое объяснение довольно правдоподобно. Не исключено также, что образование формы *остяк* шло под двойным влиянием — как русского произношения хантыйского словосочетания, так и близкого по звучанию татарского слова: «уштякп сиречь необходимые, дикие люди»²⁷.

Таким образом, есть основания считать старое название «остяки» и современный этноним «ханты» связанными по происхождению с регионами расселения и самоназваниями отдельных, может быть наиболее многочисленных, групп этой народности. В пользу такого предположения как будто говорит и современное употребление обоих этнонимов в разных районах²⁸.

Численность ханты по данным переписи 1970 г. — 21 тыс. чел. Основная масса хантыйского населения проживает в Ханты-Мансийском (около 13 тыс. чел.) и Ямало-Ненецком (около 6 тыс. чел.) национальных округах Тюменской обл. и в двух районах (Александровском и Каргасокском) Томской обл.

Численность ханты по переписям разных лет:

Год	Численность	Из них говорят на хантыйском языке	Год	Численность	Из них говорят на хантыйском языке
1897	17 221	16 845 (98%)	1959	19 246	— (77%)
1926	22 200	18 600 (84%)	1970	21 007	—

²⁶ Н. В. Лукина — Мат. этн. Сиб. 68—69. — Ср. с этим также многочисленные топонимы на *-ях*, рассеянные по всему пространству Западной Сибири.

²⁷ И. Г. Георги. Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. I. СПб., 1795, стр. 66. Ср. также: А. Н. Копцов. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хапа хивинского. М.—Л., стр. 87; А. И. Попов. Названия народов СССР. Л., 1973, стр. 148.

²⁸ У северных ханты, где наряду с официальным названием употребляется термин «остяк», последнему, по нашим наблюдениям, иногда придается уничижительный оттенок, связанный в какой-то степени, вероятно, и с тат. *уштяк*, *иштяк*. По свидетельству Н. В. Лукиной (Мат. этн. Сиб. 69), на Васюгане термин «ханты» в настоящее время почти не употребляется, а бытует старое название «остяки». У Александровских ханты в равной мере распространены оба термина, на Вахе — только «ханты».

По отношению ко всему населению Ханты-Мансийского национального округа ханты составляют 4,5%. Наиболее многочисленно хантыйское население в Березовском (3306 чел.), Ханты-Мансийском (1265 чел.), Нижневартовском (1545 чел.) и Сургутском р-нах Ханты-Мансийского национального округа, а также в Шурышкарском р-не Ямало-Ненецкого национального округа (3853 чел.). В этих районах ханты живут обособленными, довольно значительными по числу группами, особенно в деревнях Кислор, Помут, Хуллор, Тутленм Казымского сельсовета (Березовский р-н), Кышик, Согом (Ханты-Мансийский р-н), Пуг-Юг Ларьякского и Вершина Кулун-игол Корликовского сельсоветов (Нижневартовский р-н), Лопхари, Овгорт и др. (Шурышкарский р-н) и т. д. Самые маленькие группы живут в Советском р-не Ханты-Мансийского и Ямальском р-не Ямало-Ненецкого национальных округов. Процент людей, считающих хантыйский язык родным, неравномерен по районам: в Шурышкарском, Березовском, Нижневартовском он составляет 98—100%, тогда как в промышленных районах и городах — 20—30%.

Поселки, как правило, тяготеют к местам исконных поселений ханты. Так, на территории современного Шурышкарского р-на, где основная масса хантыйского населения сосредоточена в Сынском (906 чел.), Куноватском (626 чел.) и Шурышкарском (552 чел.) сельсоветах, поселки по рекам Сыня и Куноват сохраняются в течение нескольких веков. По данным Государственного архива Тюменской обл., в 1794 г. на р. Сыне было 5 поселков («юрты»), в которых проживало 417 чел., а в 3 «юртах» на р. Куноват — 321 чел.²⁹ Это же касается поселений на Васюгане и Среднем Приобье, заселение которых Н. И. Терешкин и Ю. В. Симченко относят к XIV в.³⁰

Наряду с крупными поселениями сохраняется значительное число мелких поселков, особенно на севере и востоке Тюменской обл., у северных и ваховских ханты. Это связано с комплексностью их хозяйства, которое основано на оленеводстве, охоте и рыболовстве. У ханты, живущих на средней Оби, по Конде и Демьянке, оленеводство не получило такого распространения, как у северных и ваховских.

В последнее время постоянно увеличивается число хантыйского населения в городах. Особенно много ханты живет в городах Березово, Ханты-Мансийск, Нефтеюганск.

§ 10. И з и с т о р и и х а н т ы й с к о г о н а р о д а. М а с с о в о е переселение «югры» (из к.-з. jögra, русск. *егра*, *югра*, *югра*) с территории вероятной прародины угров — западного и северо-западного Приуралья — на восток и северо-восток датируют обычно XII в. К XIII—XIV вв. относится заселение хантами Васюганья с юго-запада, со стороны Прииртышья. Заселение

²⁹ З. П. Соколова — Мат. этн. Сиб. 16.

³⁰ П. В. Луккина — Мат. этн. Сиб. 81.

Ваха проходило в более позднее время и зафиксировано еще в XVII в. Однако в среднем и северном Приобье обнаруживаются следы пребывания угров, относящиеся и к более раннему времени. Археологический материал В. П. Чернецова позволил ему датировать так называемую усть-полуйскую культуру IV в. до н. э., а нижнеобскую, которую он считает древнехантыйской культурой, — началом I тыс. н. э. Анализ некоторых фольклорных мотивов также указывает на то, что отдельные хантыйские племена селились по Оби уже в очень отдаленные времена³¹.

Ко времени встречи хантыйских племен с тюрками и русскими родовой строй у ханты распался. Они жили небольшими княжествами, возникшими на родовой основе. Центрами княжеств были укрепленные городки, расположенные по Иртышу, Оби и ее притокам. Так, над низовьями Иртыша и смежной части Оби в XVI в. властвовал князек Самар, ниже по Оби были владения Алача, в районе нынешнего Сургута была территория князьков Бардака и Халанока. Такие княжества были самостоятельными единицами и вели войны между собой и с соседними самодийскими племенами.

В русской летописи о югре упоминается как о самом крайнем северо-восточном населении в Заволочье (т. е. северном Приуралье). Предание о падающих с неба белках записано в Ипатьевской летописи (1114 г.) со слов «старых мужей», ходивших «за Югру и Самоядь». В Лаврентьевской летописи под 1096 г. приводится рассказ новгородца Гюряты Роговича (Юрия Торговича) о Югре. К XI—XIII вв. относятся летописные рассказы о своеобразной «немой» меновой торговле новгородцев с уральскими племенами, хотя торговля эта, безусловно, осуществлялась еще раньше. Затем русские известия о походах на Югорскую землю встречаются в летописях XIV в. (1323, 1329, 1364 гг. и т. д.)³². От XV в. в разрядных книгах сохранилось о юграх довольно много известий, из которых ясно, что к концу века югорская земля полностью перешла под власть московских царей³³.

Население Приуралья и Западной Сибири было данником московского царя, основным поставщиком ценного пушного товара. Крепости и города в Сибири возникают и как опорные пункты для сбора «ясака» с остяцкого и вогульского населения, и как средства защиты этого населения от набегов татар³⁴. В 1593 г. близ существовавшего в тех местах хантыйского селения был основан г. Березов (х. *Сумгут-ваиш*)³⁵. В это же время были заложены города Пелым (1590—1592 гг.) и Сургут (1593 г.). По-

³¹ Н. В. Лукина — Мат. этн. Сиб. 81.

³² См. А. В. Оксенов — «Сибирский сборник», IV, СПб., 1887, стр. 108—116; Он же — ЖМНП, 1891, № 2, стр. 246—272.

³³ А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

³⁴ См., например, разрядные приказы и грамоты в «Приложении» к работе: Г. Ф. Миллер. История Сибири, I—II. М.—Л., 1937—1941.

³⁵ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 164.

следний, по свидетельству Г. Ф. Миллера, получил свое имя от хантыйского названия небольшой протоки Оби — Сургунтль-Мугот. Обдорск основан в 1595 г. (сам. *Селе-харат*, *Саленгар* 'город на мысу', совр. *Салехард*).

Христианизация хантыйского и мансийского населения, начавшаяся, очевидно, еще со времен Стефана Пермского (XIV в.) и продолженная Трифоном Вятским (XVI в.), успеха не имела, хотя официально временем полного обращения местных жителей в православие считался 1715 г. Приванная нести просвещение малым народам России христианизация этой задачи не решала и решить не могла.

Политика царизма и православной церкви не способствовала складыванию и росту национального самосознания, а тяжелые условия жизни и кабала обрекали народ на вымирание.

Октябрьская революция открыла перед хантыйским народом, как и перед всеми народами России, широкие возможности. В первые годы Советской власти был создан Комитет Севера при ВЦИК, а в 1925 г. по решению Президиума ВЦИК — Тобольский комитет Севера, в задачи которого входило приобщение ненцев, ханты и манси к экономическому и социально-культурному прогрессу страны. Образование в 1930 г. Остяко-Вогульского национального округа способствовало быстрому подъему хозяйства, повышению жизненного уровня местного населения, развитию национальной культуры. Большую роль в организации просвещения народа, профессиональной подготовки национальных кадров для промышленности и хозяйства, в обеспечении культурного и хозяйственного обслуживания местного населения сыграли культбазы — Казымская, Сосьвинская, Ямальская и Тазовская. Практических работников для культбаз, будущих деятелей культуры и науки готовил Институт народов Севера, существовавший в Ленинграде в 1930—1941 гг.

В настоящее время Ханты-Мансийский национальный округ — развитый в промышленном и культурном отношении район СССР. Из числа ханты вышли многие учителя, партийные, советские и хозяйственные руководители, работники культуры и науки, писатели и поэты³⁶.

В округе выходит газета «Ленин пант хуват» («По ленинскому пути»), ведутся радиопередачи в Ханты-Мансийске — на казымском, в Салехарде — на шурышкарском диалектах. Художественная литература выходит, помимо двух названных, также на средне-обском диалекте, а учебная — и на ваховском.

§ 11. Д и а л е к т ы. Хантыйский язык отличается большой диалектной раздробленностью. Начало систематического изучения хантыйских диалектов связано с именем М. А. Кастрена, в то время адъюнкта Российской Академии наук, описавшего

³⁶ См., например: «Обновленная Югра» (к 40-летию Ханты-Мансийского национального округа). Свердловск, 1970, стр. 11—79.

в 40-х годах прошлого века иртышский и сургутский диалекты³⁷. Однако формированию общего представления о составе диалектов хантыйского языка и их границах в небольшой степени способствовали материалы, относящиеся к более раннему времени, — многочисленные словари, которые с 30-х годов XVIII в. составлялись на местах по программе Российской Академии³⁸.

К. Карьялайнен на основе собранного им в конце XIX в. лексического материала выделял семь основных диалектов: и р т ы ш с к и й (по рекам Иртыш, Демьянка, Салым и на Оби между Самаровом и Салымом); к о н д и н с к и й (по Оби между Самаровом и Березовом); б е р е з о в с к и й (по рекам Казым, Вогулка и на Оби от Березова до дер. Мужин); о б д о р с к и й (на Оби и соседних речках севернее дер. Мужин); с у р г у т с к и й (от устья Салыма на юг, на восток — до 250 верст восточнее Сургута, и на близлежащих речках Пым, Аган, Тромъеган и Балык); в а х о в с к и й (на Вахе и на Оби между Вахом и дер. Верхне-Лумпокольское); в е р х н е о б с к и й (на Оби, от Верхне-Лумпокольского до границы с Томской губернией, и на Васюгане).

Позднее, в своей диссертации о хантыйском вокализме и в изданных посмертно грамматических заметках, К. Карьялайнен отклоняется от этого деления и дает большее число диалектов — 14, относя к ним некоторые говоры. Вообще в литературе о хантыйских диалектах термины «говор», «наречие», «диалект» часто употребляются недифференцированно. По материалам Карьялайнена—Тойвонена, Паасонена—Доннера, Патканова—Фукса и Штейница³⁹ отдельных говоров или наречий насчитывается свыше трех десятков. Отчасти по этой причине число диалектов вплоть до недавнего времени оставалось неясным.

Сформировавшаяся к концу XIX в. традиция делить хантыйские диалекты на три массива или группы — северную, южную и восточную — получает широкое распространение и сохраняется в литературе (особенно в зарубежной) до 60-х годов нашего века.

³⁷ M. A. Castrén. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St.-Petersburg, 1849.

³⁸ Ср., например, хранящийся в Архиве АН СССР (ф. 94 оп. I, № 277, 7 л.) словарь 11 диалектов, составленный Федором Кушкиным в середине XVIII в.: «Позвание остяцкое написано российским слогом, с переводами на остяцкий язык Тобольской округи, Сургутской округи, лумпокольских, около города живущих, тазовских, в Нарымской округе (живущих) по рекам: 1) Оби, Парабели, Чежанке и Тыму, 2) Васюгану, Парымке, Коеньлке и Пурымке». Этот словарь является первым, «в котором дается характеристика языка по диалектам с довольно подробным указанием на их территориальное распространение» (см. Вдовин. Ист. пал. 155).

³⁹ K. F. Karjalainen. Ostjakisches Wörterbuch. Bearb. u. hg. von Y. H. Toivonen. I—II. Helsinki, 1948. (LSFOu. X); H. Paasonen. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Zusammengestellt, neu transkribiert und hg. von Kai Donner. Helsingfors, 1926 (LSFOu. XXIII); S. K. Patkanow, D. R. Fuchs. Laut- und Formenlehre der Süd-Ostjakischen Dialekte. — KSz. VII, X, XI; W. Steinitz. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. Berlin, 1950.

Так, в упомянутой работе С. К. Патканова и Д. Фукса к северной группе относятся обдорский, березовский и кондинский диалекты, к восточной — сургутский, верхнесургутский и нижнесургутский, а к южной — иртышский, нижнекондинский, среднекондинский и демьянский. Эта классификация с небольшими изменениями ⁴⁰ повторяется во многих работах. Однако она устарела и не отличается точностью, поскольку за полвека со времени ее установления произошли значительные изменения в самих диалектах, изменилась и территория их распространения в связи с миграциями, смешением и ассимиляцией населения.

В 50—60-е годы много сделали для выяснения современной диалектной картины хантыйского языка В. Штейниц и Н. И. Терёшкин ⁴¹. Результаты их исследований позволяют дать более строгую классификацию. Несколько упрощая картину, диалекты хантыйского языка по материалам Штейница—Терёшкина можно представить следующей схемой:



Более дробное деление предполагает различие говоров отдельных мест: говор Мулигорта, Низямский говор, Шеркальский и т. д.

§ 12. Различия между диалектными группами существуют в фонетике, морфологии и лексике.

⁴⁰ Ср., например, работу П. К. Животикова, где автор на основании экспедиционных материалов А. А. Алелекова и А. П. Баландина выделяет четвертую диалектную группу — среднеобскую, занимающую промежуточное положение между северной, с одной стороны, и южной и восточной — с другой. См.: П. К. Ж и в о т и к о в. Очерк грамматики хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 1942, стр. 7—18.

⁴¹ W. S t e i n i t z. Geschichte des ostjakischen Vokalismus; Н. И. Т е р ё ш к и н. Ваховский диалект хантыйского языка (дисс.). Л., 1967; Тер. Оч. I; Яз. нар. III.

Характерные фонетические расхождения: в западных диалектах (в отличие от восточных) а) существует спонантизация ряда нефрикативных согласных: χut 'рыба', $\chi\text{oŋsa}$ 'трубка', $\text{p}\ddot{\text{u}}\text{s}$ 'раз', šor 'правда' — вост. kul , kaŋsa , $\text{p}\ddot{\text{e}}\text{č}$, čar ; б) отсутствует чередование гласных в корне: as — asem 'моя Обь', amr — amrem 'моя собака' — вост. as — isem , amr — imrem ; в) отсутствует ряд звуков: $\ddot{\text{a}}$ переднего ряда, $\ddot{\text{a}}$ лабиализованный и др.⁴²

В области морфологии различия наиболее показательны в падежной системе. В западнохантыйских диалектах, характеризующихся синкретизмом падежных форм, представлены лишь три падежа: основной (χor 'лодка'), дательно-направительный (χora 'к лодке') и местно-творительный (χorn , $\chi\text{orp}\ddot{\text{a}}$ 'в лодке')⁴³, тогда как в восточных — восемь падежей.

Расхождения в области лексики довольно значительны: зап. χor 'лодка', $\text{un}\ddot{\text{a}}$ 'большой', $\text{uw}\ddot{\text{e}}\text{tta}$ 'кричать', ket 'веревка' — вост. $\text{r}\ddot{\text{e}}\text{t}$, ollo , telta , $\text{č}\text{o}\ddot{\text{c}}\ddot{\text{e}}\text{y}$ и др.

Различия между отдельными диалектами внутри диалектных групп⁴⁴ основываются на фонетике и морфологии. Так, звонком l обдорского диалекта соответствует в приобском глухой λ (каз.) или t (шур. и ср.-об.): $\text{pa}\ddot{\text{a}}\text{l}\ddot{\text{e}}\text{n}$ — $\text{pa}\ddot{\text{a}}\text{l}\ddot{\text{e}}\text{n}$ — $\text{pa}\ddot{\text{a}}\text{l}\ddot{\text{e}}\text{n}$ 'облако', χul — χul — χul 'рыба'. Прощ. времени, образованному в приобском с суфф. $-\text{s}$, в припртышском соответствует бессуффикальное прошедшее: приобс. $\text{mans}\ddot{\text{e}}\text{m}$, $\text{mans}\ddot{\text{e}}\text{n}$, $\text{man}\ddot{\text{e}}\text{s}$, ср. припрт. $\text{m}\ddot{\text{e}}\text{n}\ddot{\text{e}}\text{m}$, $\text{m}\ddot{\text{e}}\text{n}\ddot{\text{e}}\text{n}$, $\text{m}\ddot{\text{e}}\text{n}\ddot{\text{e}}\text{t}$ 'я, ты, он ушел'.

§ 13. И з и с т о р и я п и с ь м е н н о с т и. Развитие письменности на хантыйском языке начинается после Октябрьской революции, хотя отдельные попытки ее создания осуществлялись в конце XIX в.⁴⁵ Современная письменность не имеет преемственной связи с этими попытками.

При разработке вопросов письма советскими ученым надлежало решить две принципиальные задачи: об алфавите и о выборе диалектной базы письменности и литературного языка. Первый, «рекогносцировочный» этап выбора алфавита и опорного диалекта, который условно можно назвать «казымским», охватывает примерно десятилетие 1930—1940 гг. Большая роль в решении теоретических и практических вопросов создания письменности принадлежала В. Штейницу. В этот период написаны первые буквари на обдорском (Р. Же. Натанзежев. *Panti knjiga aluy untltija rata*. М., 1930) и казымском диалектах (Pantь bukvar N. K. Karher

⁴² См., например: Н. И. Терёшкин — Яз. нар. III 338.

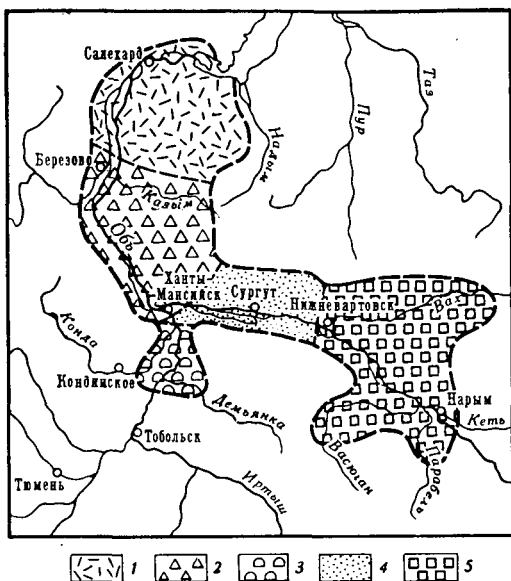
⁴³ В припртышском диалекте различают четыре (местный и творительный отдельно) или пять (исходный) падежей.

⁴⁴ Более подробно эти различия показаны в упоминавшихся выше работах В. Штейница, Н. И. Терёшкина, С. К. Патканова—Д. Фукса. См., кроме того: В. Штейниц — Яз. письм. I 194—196; Н. И. Терёшкин — «Просвещение на крайнем Севере», вып. 8.

⁴⁵ Подробнее об опытах православных миссионеров см., например: В. Штейниц — Яз. письм. I 198; Н. И. Терёшкин — Яз. нар. III 320.

Схематическая карта диалектов хантыйского языка:

- 1 — обдорский диалект;
- 2 — приобский диалект;
- 3 — прииртышский диалект;
- 4 — сургутский диалект;
- 5 — вах-васюганский диалект



hanses. M.—L., 1933). Казымский диалект был положен в основу литературного языка, и на нем была создана первая учебная литература (Р. N. Z ulov. *Ѓunty kniħa*. M.—Л., 1934; N. P o p o v a. *Arifmetika v a n t e t ě kniħa*. *H a n t ě j a z ě ě N. P r ě t k o v a t u ě m e ě s t e s*. M.—Л., 1934, и др.). Однако принятый вначале латинизированный алфавит, который включал ряд особых знаков для передачи специфических звуков хантыйского языка (ə, e, ě, ħ, s, si) и звуков, свойственных казымскому диалекту (t, t'), был неудобен и создавал определенные трудности. С 1937 г. хантыйская письменность развивается на основе русской графики. Применение русского алфавита для хантыйского языка имеет длительную традицию, которая идет от первых словарей XVIII в. и сохраняется вплоть до советского периода в работах ряда отечественных исследователей (С. К. Патканов, А. Ф. Плотников, А. А. Дунин—Горкавич). Кроме того, русский алфавит позволяет упростить письмо, за счет использования некоторых закономерностей русской орфографии (например, отсутствие специальных значков для палатализованных согласных и редуцированных гласных). Однако, надо заметить, что действующая ныне орфография, особенно для казымского диалекта, требует дальнейшего совершенствования.

§ 14. Становление литературного языка. Второй этап развития письменности и становления литературного языка, начавшийся приблизительно с 1940 г. и продолжающийся до наших дней, характеризуется созданием письменности на всех основных диалектах, за исключением прииртышского (см. клас-

сификацию), число говорящих на котором в настоящее время незначительно.

В 40-х годах широко развивается письменность на среднеобском диалекте (в районах его распространения он преподается в 4-х классах начальной школы). Выходит большое число школьных учебников и хрестоматий, создаются программы для начальной школы и педучилища, самоучители⁴⁶, осуществляются переводы на хантыйский язык произведений классиков русской литературы и советских писателей. В хрестоматиях, наряду с переводами, печатаются оригинальные произведения хантыйских авторов (В. Алачев, П. Хатанзеев и др.).

В 50-х годах, после Всесоюзного совещания, посвященного языкам народов Севера⁴⁷, начинает создаваться письменность и выходят учебные пособия еще на трех диалектах: шурышкарском (П. Е. Хатанзеев. Букварь для подготовительного класса на языке шурышкарских ханты. Л., 1955), ваховском (П. И. Терёшкин. Bukvar' kəntəx načal'nyi škola podgotovitel'nyi klass. Vax kəntəx köl. Leningrad, 1958; Он же. Методические указания к букварю на языке ваховских ханты. Л., 1960) и сургутском (П. И. Терёшкин. Перевод букваря на языке сургутских ханты для подготовительного класса хантыйской (сургутской) начальной школы. Л., 1959). В алфавите букваря используется минимальное количество знаков дополнительных к русской графике.

Что касается казымского диалекта, то, хотя выбор его в качестве опорного на первом этапе и был признан ошибочным, литература на нем продолжала развиваться. Создаются новые учебные пособия (К. Ф. Хватай-Муха, А. М. Обатин, Ж. М. Аксарина. Букварь ханты начальной школа подготовительный класс пата (казым ёх ясын). Л., 1958), большая часть материалов в газете «Ленин пант хуват» публикуется на казымском диалекте, на нем ведутся передачи ханты-мансийского радио. Сейчас казымский и шурышкарский являются диалектами с наиболее развитыми общественными функциями (преподавание в начальной школе и педучилище, печать, радио, художественная литература). В литературном же развитии среднеобского диалекта после периода довольно быстрого подъема 1940—1960 гг. наступил некоторый спад, связанный с постепенным переходом части местного хантыйского населения в промышленно развитых районах на русский язык.

§ 15. Художественная литература в настоящее время выпускается тремя издательствами (Средне-Уральским, Тюменским и Ханты-Мансийским) в основном на трех диалектах — казымском, шурышкарском и среднеобском. В последние годы опубликованы произведения хантыйских писателей Р. Ругина, П. Салтыкова, В. Володина, М. Шульгина, Г. Лазарева и мн. др.

⁴⁶ См. также «Указатель учебно-методической литературы для школ народов Севера за 1945—1950 гг.» (Л., 1951).

⁴⁷ «Совещание по языкам народов Севера (тезисы докладов)». М.—Л., 1952.

Некоторые трудности в развитии хантыйской письменности и становлении литературного языка обусловлены прежде всего исключительной диалектной пестротой, которая и привела к появлению письменности на пяти диалектах. Однако опыт развития других младописьменных языков народов СССР показывает, что литературный язык должен быть один даже при наличии существенных расхождений между диалектами (как, например, между западными и восточными хантыйскими диалектами).

Становление литературного языка, как правило, связывается с созданием полной научной грамматики и полного словаря языка. Предпосылки для проведения этой работы созрели.

§ 16. И з и с т о р и я и с с л е д о в а н и я х а н т ы й с к о г о я з ы к а. Начало изучения хантыйского языка относится к XVII в. Первые хантыйские слова и фрагменты текстов (молитв) приводятся в труде П. Витзена («Noord en Oost Tartarye». Amsterdam, 1692), который в 1664—1665 гг. записал в Москве эти сведения от русских, побывавших в Югорской земле и знакомых с языком «остяков». Более значительные по объему словари были в материалах экспедиций Д. Г. Мессершмидта⁴⁸. В книге И. Страленберга («Das nord-und östliche Theil von Europa und Asia». Stockholm, 1730) на основании обобщения лингвистических данных того времени делается первая попытка классификации известных языков Сибири, Европы и Кавказа, в которой хантыйский рассматривается как язык угро-финской семьи. Однако общее представление о генетической принадлежности хантыйского и мансийского языков сформировалось в России, по-видимому, гораздо раньше. Так, в компиляции, составленной Алессандро Гваньини на основе работ прежних авторов и рассказов «москвитов» («Sarmatiae Europae descriptio», 1578) при описании области Югры говорится, что из нее вышли некогда венгры, и «жители этой области . . . говорят на том же языке, что и венгерцы»⁴⁹.

В XVIII в. шло накопление записей лексических материалов, которые в то время играли в основном вспомогательную роль для историко-этнических выводов. К середине века относятся первые попытки чисто лингвистического сравнительного изучения хантыйского языка: в ЦГА древних актов «в портфелях Миллера» есть сравнительный словарь — «Сходство венгерского языка а) с остяцким и вогульским, б) с пермским и зырянским, в) с татарским»⁵⁰. Количество словарей, в том числе и хантыйского языка, составленных в XVIII в. либо по специальным инструкциям (В. П. Татищева, Г. Бакмейстера), либо как иллюстративный материал к дневникам путешественников, довольно значительно, и часть из них еще не обследована.

Конец XVIII—начало XIX в. был периодом подступов

⁴⁸ См., например, Вдовин Ист. пал. 14.

⁴⁹ Цит. по кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. 1. Иркутск, 1932, стр. 151.

⁵⁰ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. Приложение, стр. 562.

к сравнительно-историческому языкознанию, периодом увлечения сравнительными словарями. Диалекты хантыйского языка представлены у П. С. Палласа (под № 70—75) наречиями «березовских, нарымских, по реке Югану лумпольского поколения, Васьюганского рода» остяков. Есть хантыйские слова и в других словарях и атласах этого времени («Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», ч. I—IV. СПб., 1790—1791; J. Klaproth. Asia Polyglotta. Paris, 1823; J. Klaproth. Sprachatlas. Paris, 1823).

В первой половине XIX в. по хантыйскому языку появились две значительные работы: большой словарь (около 8000 слов) обдорского и березовского диалектов с переводами из евангелия свящ. Вологодского (изданы и исследованы П. Хунфальви — P. Hunfalvy. *Osztják Evangelium s az éjszaki osztják nyelv.* — NyK VII, 1869; Он же. *Az éjszaki osztják nyelv.* — NyK XI, 1875) и упоминавшаяся грамматика М. Кастрена со словарем иртышского диалекта (около 1000 слов). В 1843—1845 гг. большое число северохантыйских фольклорных записей сделал А. Перули. Расшифрованные и дополненные Й. Папай в экспедиции 1898—1899 гг. эти материалы в настоящее время изданы в Венгрии. На северо-хантыйском материале построена также работа А. Альвиста (A. Ahlqvist. *Über die Sprache der Nord-Ostjaken*, I, 1880).

Изучением южных диалектов занимались С. К. Патканов и финский ученый С. Паасонен. С. К. Патканов опубликовал интересные фольклорные записи («Die Irtyschostjaken und ihre Volksproesie», II. Budapest, 1900) и подготовил словарь, изданный Д. Фуксом (*Irtisi — osztják szójegyzék*. Budapest, 1902). Кроме того, по материалам С. К. Патканова венгерский лингвист Д. Фукс (Фокош) провел исследование фонетики, морфологии и синтаксиса южных диалектов (см. сноску 39), по материалам С. Паасонена — по кондинскому и сургутскому диалектам, за исключением опубликованных им самим небольших лексических заметок и отдельных этюдов (например, об остатках гармонии гласных в южных диалектах см. в его отчете «*Matka kertomuksia vuosisilta 1900—1902*», JSFOu. XXI 5, изданном К. Доннером).

Востокохантыйская лексика и фольклор впервые стали предметом систематического изучения в конце XIX в. в записях К. Карьялайнена. В первое тридцатилетие XX в. появляется некоторое число исследований по отдельным вопросам хантыйской фонетики и морфологии (см. ниже).

Со времени организации Института народов Севера (1930 г.) появляется новая задача в изучении хантыйского языка, вызванная к жизни культурной революцией и языковым строительством в стране: необходимость создания письменности стимулировала более глубокое изучение языковой структуры, а научные исследования способствовали успешному решению задач языковой политики. Именно к этому времени относятся первые опыты сопоста-

вительного изучения хантыйского языка. Все большую роль в изучении языка, фольклора, этнографии и истории народа, в языковом строительстве начинают играть национальные кадры. В настоящее время научные исследования по хантыйскому языку проводятся в Москве, Ленинграде, Таллине, Томске, Свердловске. За рубежом значительная работа осуществляется в Венгрии, ГДР и Финляндии, ведутся также исследования в ФРГ и некоторых других странах.

Фольклорные записи прошлого века, сделанные А. Регули, С. К. Паткановым, А. Альквистом, Й. Папай и др., продолжают оставаться важным материалом для современных исследований по языку. В XX в. корпус опубликованных текстов увеличился незначительно, главным образом за счет нескольких хрестоматий: известной хрестоматии В. Штейница, вышедшей в свет вместе с очерком грамматики казымского диалекта, записей Н. И. Терёшкина в упоминавшемся очерке ваховского диалекта, опубликованных в Урало-алтайской серии Индианского университета (т. 47 и 51) хрестоматий К. Редей и Я. Гуйи и др. Большое число записей хантыйского устно-поэтического творчества хранится в Институте языкознания в Ленинграде (записи А. А. Алекова, А. Н. Баландина, Н. И. Терёшкина и др.) и Томском университете. Язык хантыйской художественной литературы не стал пока предметом широкого изучения, хотя некоторые шаги в этом направлении делаются в Венгрии (Э. Шмидт).

По фонетике и фонологии есть ряд обобщающих исследований, начало которым положено диссертацией К. Карьялайнена («Zur ostjakischen Lautgeschichte, I. Über den Vokalismus der ersten Silbe». Helsingfors, 1905, MSFOu. XXIII). Итоги почти полувекового изучения финноугроведами хантыйской фонетики подведены в монографии В. Штейница («Geschichte des ostjakischen Vokalismus»), а кроме того большой хантыйский материал привлекается автором в книге «Geschichte des finnischugrischen Vokalismus» (Berlin, 1964). Вопросам фонетики и фонологии восточных диалектов значительное число работ посвятил Н. И. Терёшкин. В последнее время опубликован также ряд статей Э. Вертеш о гармонии гласных в южных диалектах (по материалам К. Карьялайнена), Я. Гуйи (по исторической фонологии), Е. Шаль и др.

Морфология представляется наиболее изученной. После ставших классическими работ начала века — К. Карьялайнена (переработанное издание его заметок по грамматике 11 диалектов издано недавно Э. Вертеш — MSFOu. XVII), К. Буды, Д. Фокоша-Фукса (о двойственном числе) и др. — внимание языковедов было обращено на вопросы словообразования. В 1948 г. В. В. Гудкова-Сенкевич защитила в Ленинграде диссертацию на тему «Именное словообразование в хантыйском языке». Большой материал по этой теме обобщен в книге Г. Зауера (G. Sauer. Die Nominalbildung im Ostjakischen. Berlin, 1965). Морфология глагола ис-

следовалась Е. Шамшоном (S á m s o n E. A. jelentő mód múlt idejének jelölése az osztjákban. *NyK LXVI*), Е. и Л. Шиферами, Г. Ганшовом (G. Ganschow. Die Verbalbildung im Ostjakischen. Wiesbaden, 1965) и др. В Ленинградском университете В. Д. Толмачева защитила диссертацию «Некоторые хантыйские соответствия русским префиксально осложненным глаголам движения» (1951).

По вопросам синтаксиса нет обобщающих работ, хотя синтаксический аспект хантыйского языка (и вообще угорских языков) привлекается для широких сравнительно-исторических и типологических сопоставлений, особенно при рассмотрении урало-алтайской гипотезы (В. Таули. О внешних контактах уральских языков. «Новое в лингвистике», вып. 6. М., 1972; L. Bese, L. Dezső, J. Gulya. On the syntactic typology of the Uralic and Altaic languages. «Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages». Budapest, 1970, и др.). Из работ начала века помимо статей Шаркади и Фазекаша, упомянутых в очерке В. Штейница (Яз. письм. I), следует отметить большую работу А. Клемма о сложных предложениях (A. Klemm. A mellérendelő és alárendelő viszony kifejezése az északi osztják és votják nyelvben. «A Pannonthalmi Főorátsági Főiskola Évkönyve, 1911—1912»). Вопросы конструкции хантыйского предложения, специфики отдельных видов сложноподчиненных предложений, функций падежей и т. и. разрабатываются в статьях А. Н. Баландина, диссертациях К. Ф. Хватай-Мухи и Ю. Ф. Тетюцкой⁵¹.

В лексикологическом отношении хантыйский язык изучен значительно лучше других языков народов Севера.

Кроме упомянутых выше трех классических словарей — Карьялайнена, Паасонена и Патканова, начал публиковаться словарь В. Штейница («Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1972»). Значительный по объему словарь ваховского диалекта (около 4000 слов) дан в приложении к книге П. И. Терёшкина. Опубликованы списки слов по отдельным диалектам (например, J. Gulya. Vahi osztják szójegyzék. — *NyK LXXI*). В настоящее время большой словарь восточных диалектов хантыйского языка завершён П. И. Терёшкиным в Институте языкознания АН СССР. Им же составляется словарь западных диалектов. В Венгрии также ведется работа над словарем на основе текстов Регули. В связи с потребностями начальной хантыйской школы в СССР было издано несколько учебных словарей, главным образом среднеобского диалекта.

⁵¹ Подробнее библиографию см. в очерке А. Н. Баландина «Изучение обско-угорских языков в советский период» («Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1960, т. 167), а также в ряде работ венгерских лингвистов Я. Гуйи, Е. Шаль, А. Фалуди и др.

Состав хантыйской лексики исследован довольно подробно. Общеугорские и общешинно-угорские элементы анализируются в известных трудах П. Буденца и Б. Коллиндера, в словаре, издаваемом в Венгрии под ред. Д. Лако. Изучению слоев заимствованной русской, тюркской, зырянской и иранской лексики посвящены работы А. Альквиста, Х. Паасонена, Г. Зауера, К. Редей, Б. Кальмана, Э. Коренчи, А. Н. Баладина, А. И. Попова, А. К. Матвеева и др. Две диссертации (Л. И. Калининой в Томске и Р. Радомски в ФРГ) посвящены хантыйским топонимам.

Грамматически полные описания языка осуществлялись главным образом в СССР и Венгрии. Венгерская традиция в описании грамматического строя хантыйского языка идет от первой в этой области работы П. Хунфальви. В недавнее время опубликованы грамматические этюды Я. Гуйи по восточным и несколько работ К. Редей по северным диалектам (J. G u l y a. Vahi osztják nyelvтанulmányok. — NyK LXVII—LXVIII; K. R a d a n o v i c s (-R é d e i). Északosztják nyelvтан. — NyÉrt. XXXI, и др.).

ФОНЕТИКА ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 17. Гласные обско-угорского языка-основы полностью еще не реконструированы, однако наверняка уже существовали *a, ä, o, ɛ, ɔ, i, u, i*. Дальнейшие исследования точнее определяют количество гласных фонем, а также более точные соответствия гласных финно-угорского и обско-угорского языков-основ; сейчас нам только известно, что о.-у. **ä* часто соответствует ф.-у. **ä*, о.-у. **i* развился из ф.-у. **e*, на месте ф.-у. **a* в обско-угорском часто появляется **u*⁵².

О долготе звуков обско-угорского языка-основы мы не знаем ничего определенного. Возможно, что у некоторых звуков уже существовало противопоставление долгого/краткого.

В праобско-угорском в противоположность прафинно-угорскому было чередование гласных. Кажется вполне вероятным, что чередования современных мансийских и соответственно хантыйских гласных *o ~ ä, i ~ ä*, (а может быть и другие) можно отнести к обско-угорскому периоду.

Гармонию гласных периода финно-угорского языка сохранил и обско-угорский язык-основа. На это указывает тот факт, что гармония гласных и в наше время наблюдается в архаичных, а ныне совсем исчезнувших некоторых диалектах мансийского

⁵² По традиции у мансийских данных долгота гласных отмечается знаком $\bar{\quad}$ над буквой, а краткость гласных не обозначается, у хантыйских данных, наоборот, долгота гласных особо не отмечается, а над буквами для кратких гласных ставится

(в тавдинском, и даже в нижнелозьвинском) и хантыйского (в ваховском, васюганском и обдорском, в первом и втором слогах) языков.

§ 18. В системе согласных в период от прафинно-угорского (через праугорский) вплоть до праобско-угорского языка фрикативные претерпели ряд изменений. Исчез δ ; межзубной звонкий совпал с альвеолярным звонким плавным l . Изменения других фрикативных в основном происходило путем перемещения вперед места их образования. Из глухого зубного s и глухого альвеолярного \check{s} — хотя и не без исключений — образовалась новая межзубная глухая фонема типа v . Палатальный \acute{s} превратился в фрикативный зубной s . Следовательно, о.-у. * s не развился из ф.-у. * s . Необходимо отметить, что не исключено и то, что фонемы δ' в обско-угорском языке-основе уже не было. На основе вероятных диалектных различий праугорского языка в довенгерской и дохантыйской ветвях из δ' образовался j , а в домансийской ветви — l' . Однако можно также предположить, что эти одинаковые изменения в венгерском и хантыйском произошли не в период их общности, а уже в самостоятельной жизни каждого из этих языков. В последнем случае δ' можно считать общим обско-угорским звуком.

В обско-угорском языке-основе насчитывается 18 согласных фонем:

p	m	w			
		δ			
t	n	s	l	r	
		\check{c}			
		δ'			
	\acute{n}	\acute{c}	j	l'	
k	η	γ			

Согласные δ' , l' в начале слова встречались редко, а η и γ — никогда. Фонемы \check{c} и \acute{c} встречались редко.

Прафинно-угорские сочетания гомофонных (одинаково звучащих) согласных в середине слова частично исчезли, * $-pp-$, * $-tt-$ перешли в * $-p-$, * $-t-$ (примеров немного). Разница между * $-k-$ и * $-kk-$ осталась и еще сегодня дает о себе знать в обоих обско-угорских языках.

Из большого количества прафинно-угорских сочетаний согласных, употреблявшихся в середине слова в праобско-угорском чаще всего могли встречаться следующие: 1) носовой+гоморганный смычный: * $-mp-$, * $-nt-$, * $-nk-$; 2) смычный+сбилянт или аффриката и наоборот: * $-ps-$, * $-ks-$, * $-k\acute{s}-$, * $-čk-$; 3) носовой+аффриката: * $-nč-$ ~ * $-č-$, * $-ńč-$ ~ * $-ć-$; 4) смычный+смычный: * $-pt-$, * $-kt-$, * $-lk-$; 5) плавный+смычный, носовой или щелевой: * $-lk-$, * $-lm-$, * $-lw-$, * $-lj-$, * $-rt-$, * $-rk-$, * $-rw-$; 6) спирант+спирант: * $-w\delta-$ и т. д.

Праобско-угорские сочетания согласных по сравнению с прафинно-угорскими можно охарактеризовать следующим образом

(мы считаем только одинаковые для хантыйского и мансийского явления праобско-угорскими): 1) они тождественны с прафинно-угорскими, например, *-mp-, *-nt-, *-ŋk- (следует отметить, что прафинно-угорский *-ŋ- во многих случаях превратился в прауг. *-ŋk-) и т. п.; 2) вероятно, уже в праугорском произошла метатеза: *-lk-, *-rk- и т. п.; 3) мог исчезнуть первый член сочетания: *-kt-, *-lm-, *-wδ- и т. д.; исчез второй член сочетания: *-čk-, *-lw-, *-lj-, *-rw- и т. д. Развитие отдельных сочетаний согласных в праобско-угорском могло идти различными путями. Звуки — компоненты сочетания согласных, если они не исчезали, развивались обычным путем.

§ 19. Распределение гласных и согласных в слове, вероятно, было таким же, как в прафинно-угорском языке, т. е. VCV, CVCV, VCCV, CVCCV, реже V, CV⁵³.

Ударение. Фразовое и словесное ударение (как и в финно-угорском языке-основе) было динамичным и падало на первый слог. Место ударения фонологической роли не играло. В потоке речи смысловые, экспрессивные и другие факторы могли внести изменение в словесное ударение.

СОСТАВ ФОНЕМ В ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 20. Для обоих обско-угорских языков характерны следующие фонетические особенности: 1) η, γ в начальной позиции не встречаются; 2) смычные звуки не имеют звонких фонемных соответствий; 3) долгота согласных не фонематична; 4) скопление согласных в начале слова в исконных словах не встречается; 5) в новейших заимствованиях из русского языка во всех диалектах обско-угорских языков встречаются и такие звуки, которые обычно не свойственны обоим языкам, но свойственны русскому; 6) в двусложных корневых словах, оканчивающихся на гласный, нет парадигматического чередования гласных.

§ 21. Состав фонем мансийского языка. В сосвинском диалекте мансийского языка, имеющем письменность, есть 9 гласных и 17 согласных фонем. Из гласных в первом слоге могут употребляться лишь восемь: a, ā, o, ɔ, e, u, ū, i, в первом — также ə (см. табл. 1).

Вместо i перед γ в первом и непервом слоге одинаково встречается его аллофон i: jɪγ-piγ (вм. jɪγ-piγ) 'брат', wāsiγ (вм. wāsiγ) 'оленинок'.

Редуцированная фонема ə не может стоять ни в первом слоге, ни в абсолютном конце слова. Различные варианты этой фонемы, возникающие под влиянием соседних согласных, значительно отличаются друг от друга как по качеству, так и по протяженности звучания. В закрытых слогах перед билабиальными соглас-

⁵³ C — согласный, V — гласный.

Таблица 1

Гласные фонемы первого слога (сосвинский диалект)

По способу образования		По месту образования		
		передний ряд	задний ряд	
			неогубленные	неогубленные
Верхний подъем	краткие	i		u
	долгие			ū
Средний подъем	краткие			o
	долгие	ē		ō
Нижний подъем	краткие		a	
	долгие		ā	

ными *p*, *m*, *w* она появляется в виде *u*: *jüntur* (= *jüntər*) 'игла', *ūlum* (= *ūləm*) 'сон', *koluw* (= *koləw*) 'наш дом'. Рядом с палатальными согласными и после *j* выступает аллофон *ɨ*: *āmɨs* (= *āməš*) 'загадка' *ūāl'it* (= *ūāl'ət*) 'ловушки' (мн. ч.). Рядом с *χ* фонема *ə* имеет веларный аллофон: *toχət* (= *toχət*) 'поперечная опора в лодке'.

Долгие гласные более открытые, чем соответствующие краткие: *ā*—*a(a)*, *ō*—*o*, *ē*—*i*, *ū(ū)*—*u*. Звук *ē* появляется перед *j*, *γ*, *η* и *t'*, *ñ*, *ś*, *l'* в основном в закрытом слоге или в абсолютном конце слова. В других позициях выступает его очень открытый аллофон *ē̄*.

В закрытых слогах долгие гласные обычно полудолгие. Они часто укорачиваются во втором компоненте сложного слова, например: *tūjt* 'снег' + *ūāl* 'стрела' — *tūjt-ūāl* 'снежок', *nē* 'женщина' — *mis-ne* 'фея'. Краткие гласные в открытых слогах звучат более долго, чем в закрытых. Время звучания краткого гласного в открытом слоге часто равно продолжительности звучания долгого гласного в закрытом слоге.

В бесписьменном нижнекондинском диалекте в первом слоге мы различаем 15 гласных фонем (7 кратких и 8 долгих): *ā*, *ā̄*, *ä*, *ā̄*, *ɛ*, *ē̄*, *o*, *ō*, *e*, *ē*, *ö*, *ū*, *i*, *ī*, *ū̄*. Помимо этих фонем — так же как в северном диалекте — в первом слоге употребляется и фонема *ə*.

Согласные *γ* и *η* не стоят в начале слова. Согласный (альвеолярный) *l* — более передний, чем русский (веларный) *л*. Звук *ś* артикулируется следующим образом: передняя часть языка образует щель с альвеолами, средняя часть языка немного приподнимается, боковые края языка прижимаются к зубам.

Т а б л и ц а 2
Согласные фонемы

По способу образования			По месту образования				
			губно- губные	переднеязычные		средне- язычные	задне- язычные
				зубные	альвео- лярные		
Шумные	фрикативные	глухие звонкие	w	s		ś j	χ γ
	варывные	глухие	p	t		ṭ	k
Сопорные	носовые	звонкие	m	n		ñ	ŋ
	боковые	глухие			l'	l'	
	дрожжащие	звонкие			r		

Звуки *k* и *χ* имеют лабиальные аллофоны *k₀* и *χ₀*, например, *k₀āliγ* 'веревка', *pāχ₀i* 'клюет'.

Звук *w* встречается и с губно-зубной артикуляцией (*v*).

В сыгвинском бесписьменном диалекте звук *k* рядом с палатальным гласным превратился в *t'*. В нижнекондинском диалекте помимо сосьвинских согласных есть еще фонема *š*.

Согласные *b, d, g, f, z, š, c, č* встречаются только в новейших заимствованиях из русского языка, в исконных словах они не употребляются.

§ 22. Состав фонем главных диалектов хантыйского языка, имеющих письменность. В шурышкарском диалекте имеется 25 фонем (9 гласных, 16 согласных); в казымском диалекте 26 фонем (9 гласных, 17 согласных); в сургутском диалекте 30 или 31 фонема (12 или 13 гласных, 18 согласных); в трюганском диалекте 30 фонем (13 гласных, 17 согласных); в юганском 31 фонема (14 гласных и 17 согласных). Число фонем в ваховском диалекте достигает 32 (14 гласных, 18 согласных).

В шурышкарском диалекте в первом слове встречается 8 гласных фонем: 4 кратких, 4 долгих — *ä, a, ö, o, e, y, u, i* (см. табл. 3).

Гласный *e* имеет более открытый аллофон *ε*, например, *wεlā* 'делаи'.

Фонема *ə* не встречается в первом слове, например, *wεlət* 'делают' и имеет несколько вариантов. Ее веларный вариант *ɛ̠* появляется рядом с *χ* во многих случаях и тогда, когда в первом слове стоит веларный гласный, например, *jāpχəl* 'ходит', *wəʃəna*

Таблица 3

Гласные фонемы первого слога (шурышкарский диалект)

По способу образования		По месту образования		
		передний ряд	задний ряд	
			неогубленные	неогубленные
Верхний подъем	краткий	ı		й
	долгий			и
Средний подъем	краткий	e		ё
	долгий			о
Нижний подъем	краткий			я
	долгий			а

‘в ваш (вас двоих) город’. После звука *j* употребляется вариант *ʔ*: *ʃujmajɨt* ‘веревки’ (мн. ч.).

Из звуков, встречающихся в первом слоге, в других слогах могут находиться (в большинстве случаев в более кратком звучании) *a*, *e*, в порядке исключения *и* и *ı*, например: *rela* ‘в направлении к’, *aı̯xem* ‘моя старшая сестра’, *ãntum* ‘не имеется’, *χõti* ‘как’.

Среди гласных казымского диалекта отсутствует *и*, но есть *ɔ*, представляющий собою несколько продвинутый вперед долгий закрытый веларный гласный среднего подъема. С фонетической точки зрения этот гласный является центральным. В шурышкарском диалекте ему соответствует *и*, например, *каз. rɔɨ* — шурышкар. *rip* ‘верша’.

У звука *e*, как в шурышкарском диалекте, есть более открытый аллофон *ɛ*, например, *sem* (=sem) ‘глаз’.

В непервом слоге могут встречаться те же самые гласные, что и в шурышкарском диалекте. В казымском диалекте в этом случае может встречаться и *ɔ*, например, *ãntɔm* ‘не имеется’.

Как и в мансийском языке, лишь в первом открытом слоге многосложных слов звучат долгие гласные, в закрытых слогах и в открытых слогах односложных слов они выступают как полудолгие.

§ 23. Сургутская письменность основывается на оган-юганском говоре⁵⁴. В тромюганском говоре в первом слоге употребляется 12 гласных фонем: 5 кратких, 7 долгих; в юганском говоре 13 гласных фонем: 5 кратких, 7 долгих — т.ю., юг. *ä*, *ã*, *ä*, *á*, *õ*, *o*, *õ*, *ẽ*, *e*, *ı*, *i*, юг. *ı̄* (см. табл. 4).

⁵⁴ Таблица составлена на основании данных тромюганского и юганского говоров из-за отсутствия достаточных данных оган-юганского говора.

Таблица 4

Гласные первого слога (сургутский диалект)

По способу образования		По месту образования			
		передний ряд		задний ряд	
		неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Верхний подъем	краткий долгий	i	юг. ü	ɨ	u
Средний подъем	краткий долгий	ě e	ǔ ö		ǔ o
Нижний подъем	краткий долгий	ǎ ä		ǎ	ä

Гласный *ě* — узкий. Редуцированный *ə* встречается в непервом слоге, например: тю. siɣəs. юг. siwəs 'орел-рыболов'.

§ 24. В ваховском (литературном) диалекте в первом слоге слова встречается 13 гласных фонем: 4 кратких и 9 долгих: *ǎ, a, ä, ǔ, o, ǔ, ǔ, ǔ, ǔ, ǔ, i* (см. табл. 5).

Таблица 5

Гласные первого слога (ваховский диалект)

По способу образования		По месту образования			
		передний ряд		задний ряд	
		неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
Верхний подъем	краткий долгий	i	ü	ɨ	u
Средний подъем	краткий долгий	ě e	ǔ ö		ǔ o
Нижний подъем	краткий долгий	ǎ		ǎ a	

Звуки *o* и *ö* в основном после *k*, а также перед *ɣ, ɣk, m, w* (<*p) имеют аллофоны *ə* или *ǔ*: *kəlǔm* (ср. *kolǔm*) 'три', *ɔɣ* (ср. *oɣ* 'голова'), *ǔǔɣǔg* (ср. *ǔǔǔg*) 'заяц' *kǔmǔn* (ср. *kǔmǔn*) 'снаружи'.

В непервых слогах оппозиция проявляется не в форме кратких/долгих гласных, а в форме полный звук/редуцированный звук. Оппозиция *ə/â* встречается лишь в непервом слоге, например, *ɪʃrəʃ* 'моя собака', *koləm* 'три'. Поскольку для ваховского диалекта характерна гармония гласных, звук *ə* встречается в словах с палатальными, а *â* — в словах с велярными гласными. В непервом слоге могут стоять также фонемы *a*, *ä*, *i*, *ɪ*, а в отдельных суффиксах даже *ɔ*, *o*, *õ*, *ö*, *u*, *ü*.

Протяженность произнесения долгих гласных меняется в зависимости от того, находятся они в открытом или закрытом слоге и т. д. Протяженность произнесения кратких гласных относительно постоянна.

Гласные бесписьменного обдорского диалекта: *ä*, *a*, *ǎ*, *á*, *ɔ*, *o*, *e*, *u*, *i* и встречающийся только в непервом слоге — *ə*, например, *χalər* 'сеть'. Гласный *u* произносится несколько палатально.

Наряду с долгими и краткими фонемами особое место занимают *u*, *i*, которые в нескольких позициях сильно редуцируются.

Количество согласных в хантыйском языке колеблется от 16 до 18 в зависимости от диалекта (см. табл. 6).

Следует отметить фонемы, встречающиеся только в русских заимствованиях: *b*, *d*, *g*, *f*, *z*, *ʒ*, *c*, (шур., каз.) *č*, (каз.) *l'*, (сург., вах.) *š*.

Различие между диалектами проявляется главным образом в щелевых и боковых согласных.

Согласные *ŋ*, *ɣ* не стоят в начале слова. Вах. *ɣ* в определенных фонетических позициях переходит в *k*: *köt* 'рука', *kötkən* (< *ɣən*) (дв. ч.) 'руки', *waɣ-* 'звать', *wakkal* (< *-ɣal*) 'он звал', *wöŋ* 'сила', *wökəŋ* 'сильный'.

Какуминальными звуками являются шур. и каз. *l*, каз. *š*. Аллофон каз. *ɺ* встречается рядом с *š* и *l*: *kāŋšɪ* 'искать', *χāŋ* 'лэш 'я пишу'.

Конец звучания *l* в шурышкарском диалекте, как правило, глухой перед *t*, *s* (*wel'ti* 'убивать', *al'səli* 'он нес'), в положении между гласными (*ul'l'ət* 'живут'), а также в начале односложных слов (*l'ut* 'гусь') и т. д.

В казымском и сургутском диалектах есть глухой спирантный звук *ɬ*. При его образовании щель, по которой проходит воздух, делается очень узкой, в звучание вмешиваются шумы, возникающие в щели; *ɬ'* является палатальным соответствием *ɬ*: каз. *ɟilər* 'новый', сург. *li-* 'кушать', 'есть', каз. *χül'əm* 'надбровные дуги', тю. *l'äl'*-, юг. *l'ol'*- 'стоять' и т. д.

Шурышкарские и казымские смычные (*p*, *t*, *k*) и особенно сибиланты (*s*, *š*, *š*) в интervoкальном положении, а также после гоморганных носовых часто превращаются в полувзвонки (*B*, *D*, *G*, *Z*, *Ž*, *Ž*), например: шур. *juβina* 'позади', *ažem* 'мой отец', каз. *iza* 'всегда', *ježa* 'немножко'.

Тромюганский и юганский *k₀*, *ŋ₀* и тромюганский *ɣ₀* являются огубленными аллофонами *k*, *ŋ*, *ɣ*. В начале слова они не встречаются: сург. *jāŋ₀ət* 'веретено', тю. *kāk₀ŋ₀ɔ₀* 'крепкая веревка'.

Таблица 6
Согласные фонемы

Способ образования		Место образования						
		губно- губные.	переднеязычные			среднеязычные	заднеязычные	
			зубные	альвеолярные	твердонебные			
Шумные	фрикативные	глухие		s	š (шур., каз.)		ś (шур., каз., обд.)	χ (шур., каз.)
		звонкие	w				j	γ (сург., вах.)
	взрывные	глухие	p	t			t' (сург., вах.)	k
	аффрикаты	глухие				č (сург., вах.)		
Сонорные	носовые	звонкие	m	n		(вах.) ŋ	ŋ	ŋ
	боковые	звонкие			l (шур., вах.)	l' (вах., каз., сург.)	l' (шур., вах., обд.)	
		незвонкие		л (каз., сург.)			л' (каз., сург.)	
	дрожание	звонкие			r			

Ваховский *k* во всех позициях произносится с придыханием, например *k'at* 'дом', *j'ɛk'* 'вода'.

Фонема *ç* в ваховском диалекте звучит по-разному⁵⁵. Щелевой элемент аффрикаты может быть слабее или сильнее; реже встречается случай, когда остается только ее заключительный элемент *t* (*t*), например, *waça* ~ *waɫʂa* 'в город', *içəpwəs* ~ *iɫəpwəs* 'окно'.

Долгота согласных не носит фонематического характера.

Согласные бесписьменного обдорского диалекта по своему составу стоят ближе всего к согласным литературного диалекта мансийского языка и к согласному шурышкарского диалекта хантыйского языка. В обдорском диалекте различаются 15 согласных фонем: *p, t, k, m, n, ɲ, ŋ, w, j, ç, s, ś, l, l', r*. Звуки *p, t, k, ç, s, ś* между гласными озвончаются в *b, d, g, ɣ, z, ź*. Звук *l* произносится и как какуминальный (*l*).

ОСНОВНЫЕ ЗВУКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБСКО-УГОРСКИХ ДИАЛЕКТОВ, ИМЕЮЩИХ ПИСЬМЕННОСТЬ

§ 26. Чередование гласных и [согласных]. Как для мансийского, так и для хантыйского языков характерно чередование звуков, под которым мы понимаем такое явление, когда в основе слова, в разных формах (с окончаниями и суффиксами) по определенным правилам появляются разные гласные или согласные. Поэтому чередования гласных и согласных, которые будут рассматриваться ниже, относятся собственно не к фонетике, а к морфонологии, так как альтернативные типы основ появляются вследствие морфологических изменений.

Чередования гласных в первом слоге, чередование согласных в конце или середине слова (слога) как в мансийском, так и в хантыйском языке встречается: при спряжении глагола, при склонении имен и при суффиксальном словообразовании.

В северных диалектах мансийского языка чередование гласных имеет место только в отдельных случаях: при спряжении односложных глаголов, оканчивающихся на гласный, в нескольких наречиях; при словообразовании и т. д. Звуки различного качества чередуются друг с другом, при этом долгота часто меняется.

В нижнекондинском диалекте рассматриваемое явление довольно часто встречается не только при спряжении глагола, склонении имен, но и при словообразовании. К типичным, наиболее часто встречающимся чередованиям относятся следующие: *ā~ä, ɛ~ä, ɛ̄~ä, e~e, o~o, ā~ä*. Чередуются долгие с краткими и (как правило) гласные, системно соотносительные друг с другом. Данное

⁵⁵ Поэтому спорно, имеется ли фонема *ç* или *t*. До окончательного разрешения вопроса мы употребляем обозначение *ç*.

явление объясняется (за исключением чередования в словообразовании) фонетическими причинами, например, долгий гласный употребляется в открытом слоге, краткий — в закрытом. Следовательно, парадигматическое чередование гласных имеет место в таких глаголах или именах, основа которых в спряжении может быть как открытой, так и закрытой, т. е. в односложных основах, оканчивающихся на один согласный и в основах нескольких двусложных имен, у которых первый слог является открытым, но при склонении может становиться закрытым.

Мы показываем типы чередований на основе северных диалектов, используя параллельно и примеры из нижнекондинского диалекта (если таковые имеются). Чередования в нижнекондинском диалекте не всегда соответствуют чередованиям в северных диалектах.

Долгий гласный чередуется с долгим: сев.-мс. $\bar{a} \sim \bar{e}$: $t\bar{a}l \sim t\bar{e}li$ 'зима' — 'зимой', нкон. $\bar{z} \sim \bar{e}$: $t\bar{z}l \sim t\bar{e}li$ 'тж'; сев.-мс. $\bar{a} \sim \bar{u}$: $p\bar{a}\bar{y} \sim p\bar{u}j\bar{e}n$ 'на берег' — 'на берегу', нкон. $\bar{a} \sim \bar{u}$: $p\bar{a} \sim p\bar{u}in$; сев.-мс. $\bar{u} \sim \bar{z}$: $l\bar{u}n\bar{e}n \sim l\bar{z}\eta\bar{x}\bar{a}$ 'у нижнего течения реки' — 'вниз по реке', нкон. $\bar{u} \sim o$: $l\bar{u}n \sim lo\eta\bar{x}\bar{e}$; сев.-мс. $\bar{z} \sim \bar{u}$: $\chi\bar{z}ntl- \sim \chi\bar{u}ntl-$ 'прислушивается', нкон. $\bar{o} \sim o$: $\chi\bar{o}ntl- \sim \chi\bar{o}nt\bar{e}ml-$ 'прислушивается' — 'начинает слышать'.

Краткий гласный чередуется с кратким: сев.-мс. $i \sim a$: $mi\bar{y} \sim ma\bar{j}e\bar{n}$ 'дает' — 'дай'; $li\bar{y} \sim la\bar{j}e\bar{n}$ 'бросает' — 'брось'; нкон. $i \sim \bar{a}$: $mi\bar{y} \sim m\bar{a}j\bar{e}n$, $li\bar{y} \sim l\bar{a}j\bar{e}n$; сев.-мс. $i \sim o$: $wi\bar{y} \sim wo\bar{j}e\bar{n}$ 'берет' — 'возьми'; нкон. $i \sim \bar{a}$: $wi\bar{y} \sim w\bar{a}j\bar{e}n$; сев.-мс. $i \sim a \sim u$: $ji\eta\bar{k}e \sim ja\bar{j}e\bar{n} \sim ji\bar{w}$ 'идти' — 'иди' — 'идет'; нкон. $i \sim \bar{a} \sim \bar{i}$: $jis \sim j\bar{a}j\bar{e}n \sim ji\bar{w}$ 'он приходил' — 'иди' — 'идет'; сев.-мс. $a \sim o$: $kos \sim ka\bar{s}\bar{e}m$ 'горит без пламени' — 'желтый'; нкон. $\bar{d} \sim \bar{a}$: $k\bar{a}s \sim k\bar{a}s\bar{e}m$ сев.-мс. $u \sim o$: $pu\bar{w}g \sim po\bar{w}a\bar{r}t-$ 'круглый' — 'прокатывать'; нкон. $\bar{d} \sim \bar{a}$: $p\bar{r}\bar{a}w\bar{e}g \sim p\bar{r}\bar{a}r\bar{t}$; сев.-мс. $i \sim a$: $n\bar{i}la \sim na\bar{l}i\bar{m}\bar{a}n$ 'четыре' — 'сорок'; нкон. $i \sim \bar{a}$: $n\bar{i}l\bar{e} \sim n\bar{a}l\bar{m}\bar{e}n$. (Встречается и в односложных гласных основах — см. выше).

Долгий гласный чередуется с кратким: сев.-мс. $\bar{z} \sim u$: $pu\bar{n}\bar{e}n \sim p\bar{z}\eta\bar{x}al'$ 'наверху' — 'вверх'; сев.-мс. $\bar{u} \sim u$: $\chi\bar{u}l'- \sim \chi\bar{u}l't-$ 'оставляет' — 'остается'; сев.-мс. $\bar{a} \sim a$: $l'\bar{a}\eta\bar{x} \sim l'a\eta\bar{x}al$ 'слово' — 'разговор' (в нижнекондинском в данном случае нет чередования: $l'\bar{a}\bar{x} \sim l'\bar{a}\bar{x}al$); нкон. $\bar{d} \sim \bar{a}$, см. выше; сев.-мс. $\bar{e} \sim \bar{a} \sim i$: $t\bar{e}\bar{y}m \sim t\bar{a}j\bar{e}n \sim titt-$ 'я ем' — 'ешь' — 'кормить', нкон. $\bar{e} \sim \bar{z} \sim \bar{a} \sim i$ (единственный случай): $t\bar{e}m \sim t\bar{z}j\bar{e}n \sim t\bar{a}j\bar{w}\bar{e}s \sim titt-$ 'ем' — 'ешь' — 'съедается' (пассив.) 'кормить'.

На чередования, часто употребляющиеся в нижнекондинском диалекте, выше уже были приведены примеры на $\bar{d} \sim \bar{a}$ и на $\bar{o} \sim o$. Ниже приведем примеры на чередования $\bar{z} \sim \bar{z}$, $\bar{e} \sim e$, $\bar{a} \sim \bar{a}$, $\bar{z} \sim \bar{a}$: $l\bar{z}wi \sim l\bar{z}w\bar{e}m$ 'говорит' — 'я сказал'; $pe\bar{y}\bar{a}m \sim pe\bar{y}s\bar{e}m$ 'завязываю' — 'я завязал'; $p\bar{a}wl \sim p\bar{a}j\bar{l}ow$ 'деревня' — 'наша деревня', $j\bar{o}lt \sim j\bar{a}l\bar{x}$ 'внизу' — 'нижний'.

Выпадение гласных в перепервом слогое.

Звуки i , e в перепервом закрытом корневом слогое между двумя согласными выпадают, если слово получает формант, начинаю-

щийся с гласного и, таким образом, *i, ə* попали бы в открытый слог (тенденция двух открытых слогов), например, сев.-мс. *ēriɣ ~ ērɣəp* 'песня' — 'твоя песня'; *potər ~ potrəp* 'речь' — 'твоя речь', нкон. *wātəm ~ wātəm* 'лицо' — 'мое лицо'.

§ 27. Чередования согласных встречаются равным образом как в северных, так и в нижнекондинском диалектах мансийского языка. Их общим свойством является только исчезновение носового звука, а в остальном они расходятся.

В северном диалекте носовой + гоморганный фрикативный звук чередуется с фрикативным, если к слову присоединяется формант, начинающийся с согласного: *-ns- ~ ø + s-: sunsi ~ susne* 'смотрит' — 'смотрящий', *-ñs- ~ -ø + s-: l'ūñsi ~ l'uñsəm* 'плачет' — 'я плакал', *-nχ- ~ ø + χ-: ɔŋχ ~ ɔχnəl* 'смолой' — 'из смолы'.

В нижнекондинском диалекте чередование не имеет фонетического характера: не всегда проявляется в одних и тех же позициях. Смычный звук чередуется с носовым + смычный: *kət ~ kəntəm* 'шапка' — 'моя шапка'. Щелевой звук чередуется с носовым + щелевой: *lāχ ~ lānχəm* 'слово' — 'мое слово'⁵⁶.

§ 28. В северных диалектах хантыйского языка, имеющих письменность, так же как в северных диалектах мансийского языка (изредка непродуктивно и ныне несистемно или почти несистемно) чередование гласных встречается в нескольких односложных глаголах, основы которых оканчиваются на гласный, в наречиях и при словообразовании.

В северных диалектах чередование гласных наблюдается в трех глаголах: шур., каз. *ä ~ i: mā- ~ mija* 'дает' — 'дай', обд. *ä ~ i: mā- ~ mija*, шур., каз. *i ~ ŷ: jī- ~ jīwa* 'приходит' — 'приходи'; шур. *u ~ ŷ: tu- ~ tüwa* 'приносит' — 'принеси'; каз. *o ~ ŷ: tq ~ tüwa* 'тж'. В восточных диалектах при спряжении этих глаголов мы не встречаем чередования гласных (за исключением производных слов: юг. *tu- 'приносит' ~ tötöŷlə- 'тж'*). В мансийских глаголах со значениями 'дает' и 'приходит' тоже наблюдается чередование гласных.

Четыре типа чередований выявляются в каждой группе хантыйских диалектов: они выявляются частично в некоторых наречиях, частично в словообразовании, например, в оппозициях, в которых участвуют отдельные наречия, часть в оппозициях, в которых участвуют производные слова, ср. шур., каз. *a ~ i: pāmən ~ pīm* 'на берегу' — 'место на берегу', обд., сург. *ä ~ i: pāmən ~ pīm*, вах. *ä ~ i: pāmən ~ pīm* 'тж'; шур. *u ~ ŷ: pīmən ~ pīm* 'наверху' — 'верхний', каз. *o ~ ŷ: pəmən ~ pīm*, обд. *o ~ u: pəmən ~ pīm*, сург., вах. *o ~ u: pəmən ~ pīm* 'тж'; каз. *ə ~ i: jənt ~ jəntər* 'шить' — 'игла', обд. *a ~ i: jant- ~ jəntər*; сург. *ä ~ i: jānt- ~ jəntər*, вах. *a ~ i: jant- ~ jəntəw* 'тж'; шур. *u ~ ø:*

⁵⁶ В нижнекондинском диалекте есть и другие, до сих пор научно не систематизированные чередования согласных.

пѳм- ~ пѳмѳс 'помнить' — 'смысл', каз. ѳ ~ ѳ: пѳм- ~ пѳмѳс, обд. ѳ ~ ѳ: пѳм- ~ пѳмѳс, сург. ѳ ~ ѳ: пѳм- ~ пѳмѳс, вах. о ~ ѳ: пом- ~ пѳмѳс 'тж'.

Системное чередование гласных, распространенное в восточных диалектах, встречается при спряжении глаголов, склонении существительных, а также при словообразовании. Фонетические условия чередования гласных в сущности те же самые, что и в нижнекондинском диалекте мансийского языка (см. § 26).

В сургутском и ваховском диалектах палатальные и веларные гласные не чередуются друг с другом.

Для сургутского диалекта характерно участие в чередовании всех гласных. Долгие гласные могут чередоваться с долгими и краткие — с краткими. Долгие и краткие гласные не образуют чередующихся пар за исключением чередования (вторичного характера) *á* ~ *ě*. Долгие гласные нижнего и среднего подъема чередуются с гласными верхнего подъема: *á* ~ *i*: *á*пѳр ~ *i*пѳрѳт 'собака' — 'моя собака', *á* ~ *u* (~ *i*): *wá*у- ~ *wu*у ~ *wi*уа 'попросить' — 'он попросил' — 'попроси', *e* ~ *i*: *je*k- ~ *ji*k 'плясать' — 'он плясал', *o* ~ *u* (~ *i*): *op* ~ *up*ѳт 'тесть' — 'мой тесть' и др. При чередовании кратких гласных оппозиция либо идет по линии «огубленный ~ неогубленный» (*ǫ* ~ *ě*: *jǫ*- ~ *jě*у 'приходить' — 'он пришел', *ǫ* ~ *á*: *pǫ*м- ~ *pá*ма 'помнить' — 'помни', *ǫ* ~ *ǫ*: *ká*л- ~ *kǫ*лѳп 'умирать' — 'ты умер'), либо разница заключается лишь в положении языка, например, *ǫ* ~ *ě*: *ǫ*т- ~ *ě*тá 'выходить' — 'выходи'.

Чередования звуков в ваховском диалекте до некоторой степени отличаются от чередований в сургутском диалекте, что объясняется различным развитием гласных, например: сург. *e* ~ вах. *ǫ*, сург. *ǫ* ~ вах. *o*.

Для ваховского диалекта характерно, что в чередовании участвуют все долгие гласные, но не все краткие (*ǫ*, *ě* — чередуются, *ǫ*, *ǫ* — нет). Чередуются долгие гласные с долгими, долгие с краткими, но краткие гласные с краткими не чередуются.

Некоторые долгие гласные нижнего и среднего подъема могут чередоваться с гласными верхнего подъема, например: *á* ~ *i*: *ká*t ~ *ki*tátel 'два' — 'его двумя', *a* ~ *u* (~ *i*): *am*ѳс- ~ *um*sѳм ~ *i*msa 'сидит' — 'я сидел' — 'сиди', *ǫ* ~ *ü*: *kǫ*уѳл ~ *kü*уѳлѳм 'чашка' — 'моя чашка', *o* ~ *u*: *kol*ѳм ~ *kul*mѳт 'три' — 'третий'.

При чередовании долгих и кратких гласных долгие всегда среднего подъема, например, *e* ~ *ě*: *wer*- ~ *wě*гi 'делать' — 'делай', *ǫ* ~ *ě*: *pǫ*у- ~ *pě*уi 'преследует' — 'преследуй', *o* ~ *á*: *wos*kѳл- ~ *wá*kѳла 'прыгать' — 'прыгай', *ǫ* ~ *o*: *ká*л- ~ *kol*jуѳп 'умирать' — 'он умер'.

В сургутском и ваховском диалектах чередование гласных выявляется при спряжении глаголов, склонении существительных и словообразовании. Это явление встречается в односложных глагольных основах, а также в односложных именах, в двусложных глагольных основах, оканчивающихся на согласный, а также в двусложных именах. Если к последним (глаголам и име-

нам) присоединяется формант, начинающийся с гласного звука, то гласный второго слога (редуцированный *ə*) выпадает (чередуются с *ø*), а в первом слоге появляется второй компонент чередования (в многосложных производных от таких слов также может встречаться чередование).

У глаголов долгий гласный может чередоваться с долгим (сург., вах.), краткий — с кратким (сург.) и долгий гласный с кратким (вах.).

У имен долгие гласные чередуются с долгими.

В сургутском диалекте чередование в глаголах наблюдается в прош. времени изъявительного наклонения в действительном (общем и определенном), а также в страдательном спряжении, например, тю. *jǝγ- ~ jǝγ* 'приходить' — 'он пришел', *koγəl- ~ kuγləm* 'двигаться' — 'я двигался'.

В сургутском и ваховском диалектах чередование выявляется в императиве общего и определенного спряжений, например, тю. *wāγ- ~ wīγa* 'попросить' — 'попроси', *lārət- ~ līrte* 'кормить' — 'корми', вах. *waγ- ~ wīγa* 'попросить' — 'попроси', *jǝγət- ~ jǝγti* 'прясть' — 'пряди'.

В ваховском диалекте чередование встречается в IV прош. времени действительного (общего и определенного), также страдательного спряжения, например, *maǝl- ~ miǝməm* 'дарить' — 'я подарил'.

Гласные чередуются в одно- и двусложных именах, оканчивающихся на согласный, оформленных лично-притяжательными суффиксами, обозначающими одно обладаемое: тю., вах. *oγ ~ uγəm* 'голова' — 'моя голова', сург. *kālər ~ kilrəm* 'сеть' — 'моя сеть', вах. *lājəm ~ lijəm* 'топор' — 'мой топор'.

Парадигматическое чередование гласных носит в сургутском диалекте обязательный, в ваховском — факультативный характер.

Чередования при словообразовании в сущности те же, что и при спряжении. Обычно основной звук чередования находится в производящем слове, измененный — в производном, например: тю. *leŋk- ~ liŋkər* 'закрывает' — 'одеяло', вах. *aləŋ ~ uləŋt-* 'начало' — 'начинает'. Кроме типов чередований, имеющих место при спряжении, при словообразовании употребляется еще много несистемных единичных чередований.

Подобно мансийскому языку (см. § 26) в закрытых корневых слогах хантыйского языка звук *ə* между двумя согласными выпадает, например: шур. *uγəl ~ uγləm* 'сани' — 'мои сани', каз. *oγəl ~ oγləm*, обд. *sǝgəm ~ sǝgməm* 'смерть' — 'моя смерть', сург. *kālər ~ kilrəm* 'сеть' — 'моя сеть', вах. *joγəl ~ joγləm* 'лук' — 'мой лук'.

§ 29. В северохантыйских литературных диалектах чередование согласных встречается гораздо чаще, чем в восточных, т. е. наблюдается явление, противоположное особенностям чередования гласных. (Обдорский и сургутский диалекты с этой точки зрения еще не исследованы).

1. В конце слога или перед формантом, начинающимся с согласного звука, из сочетания «носовой + гоморганный фрикативный или сибиллянт» выпадает носовой звук, например, шур. $\check{s} \sim n\check{s}$: $k\check{u}\check{s} \sim k\check{u}n\check{s}\text{əm}$ 'ноготь' — 'мой ноготь', каз. $\check{x}\check{ä}\check{s}\text{s}\text{əm} \sim \check{x}\check{ä}n\check{s}\text{əs}$ 'я писал' — 'он писал' (см. ниже), шур. $\check{s} \sim n\check{s}$: $l\text{os} \sim l\text{on}\check{s}\text{a}$ 'снег' — 'в снег', каз. $l\text{ös} \sim l\text{ö}\check{n}\check{s}\text{a}$, шур. $\check{x} \sim n\check{x}$: $j\check{ä}\check{x}- \sim j\check{ä}n\check{x}\text{əl}$ 'ходить' — 'он ходит', но: каз. $n\check{x} \sim n$: $j\check{ä}n\check{x}\text{əl} \sim j\check{ä}n\check{l}\text{əm}$ 'идет' — 'иду' (см. ниже).

2. Сочетание «носовой или плавный + гоморганный смычный или щелевой» и т. д. в конце слова и слога или перед формантом, начинающимся с согласного, в разных диалектах ведет себя по-разному. Иногда первый, иногда второй звук сочетания чередуются с \emptyset . В шурышкарском диалекте при сочетании с носовым исчезает первый, т. е. носовой звук (находящийся в полной основе), в казымском и ваховском диалектах носовой остается, но выпадает второй член сочетания (вероятно, для облегчения произношения). Примеры на этот случай есть только из шурышкарского, казымского и ваховского литературных диалектов: шур. $p \sim mp$: $ap \sim a\check{m}p\text{əm}$ 'собака' — 'моя собака', каз. $mp \sim m$: $a\check{m}p \sim a\check{m}p\text{əm}$ 'собака' — 'две собаки' (дв. ч.), вах. $mp \sim m$: $\check{ä}mp \sim \check{ä}m\check{l}\check{ä}m$ 'собака' — 'мои собаки', шур. $t \sim nt$: $ut \sim un\check{t}\text{a}$ 'лес' — 'в лес', каз. $nt \sim n$: $l\text{ont} \sim l\text{on}n\check{e}$ 'гусь' — 'два гуся' (дв. ч.), вах. $nt \sim n$: $w\text{ont} \sim w\text{onn}\check{e}$ 'лес' — 'в лесу', шур. $nt \sim t$: $a\check{n}t\text{ər} \sim a\check{n}t\text{ər}\text{əm}$ 'пояс' — 'мой пояс', каз. $n\check{s} \sim n$: $\check{x}\check{ä}n\check{s}- \sim \check{x}\check{ä}n\check{l}\text{əm}$ 'писать' — 'я пишу', вах. $n\check{s} \sim n$: $k\check{e}n\check{s}- \sim k\check{e}n\check{s}w\check{e}l$ 'схватить рыбу' — 'он хватает рыбу', каз. $n\check{s} \sim n$: $j\check{ä}n\check{s}- \sim j\check{ä}n\check{l}\text{əm}$ 'пить' — 'я пью', вах. $n\check{l}' \sim n\check{l}$: $k\check{a}n\check{l}'- \sim k\check{a}n\check{l}\check{ä}l\text{əm}$ 'болеть' — 'я болел', шур. $k \sim n\check{k}$: $j\check{i}k \sim j\check{i}n\check{k}\text{a}$ 'вода' — 'в воду', каз. $n\check{k} \sim n$: $j\check{i}n\check{k} \sim j\check{i}n\check{k}\text{e}$ 'вода' — 'в воде', шур. $r \sim nr$: $k\text{ur} \sim k\text{ur}n\check{e}$ 'деревня' — 'деревни' (мн. ч.), каз. $nr \sim r$: $k\text{or}n\check{e} \sim k\text{or}n\check{e}$ 'деревня' — 'в деревне'.

В шурышкарском диалекте носовой корня, оказываясь перед s , чередуется с гоморганным смычным $m \sim p$: $om\check{ä}\text{s}\text{s}\text{əm} \sim op\check{s}\text{a}$ 'я сидел' — 'сиди' (но каз. $\text{ə}n\check{s}\text{a}$ 'сиди'); $n \sim t$: $m\check{ä}n\check{l}\text{əm} \sim m\check{ä}n\check{s}\text{əm}$ 'я иду' — 'я шел'; $n \sim k$: $l\text{o}n\check{l}\text{əm} \sim l\text{o}k\check{s}\text{əm}$ 'я вхожу' — 'я вошел'.

В казымском диалекте \check{s} , \check{s} , находясь при спряжении перед l , чередуются с t или t' , $\check{s} \sim t$: $w\text{q}\check{s}- \sim w\text{q}t\text{l}\text{əm}$ 'теряться' — 'я потеряюсь'; $\check{s} \sim t'$: $\check{x}\check{ä}\check{s}- \sim \check{x}\check{ä}t'\text{l}\text{əm}$ 'остаться' — 'я остаюсь'.

Кроме указанных в каждом диалекте, изредка встречаются и другие чередования.

§ 30. Гармония гласных. Гармония гласных в современном мансийском языке уже не встречается, а в хантыйском языке — только в ваховском и васюганском диалектах (в обдорском диалекте она распространяется только на первый и второй слоги). Вследствие этого в одном слове могут быть либо палатальные (переднеязычные), либо веларные (заднеязычные) гласные. К словам с гласными переднего ряда присоединяются окончания и суффиксы с гласными переднего ряда, к словам с гласными заднего ряда — лишь окончания и суффиксы с гласными заднего

ряда (исключение составляет суфф. -uj- в страдательном спряжении глагола). Например: вах. kōtōγ 'из руки' ~ katoγ 'из дома', lil 'дыхание' ~ lilim 'мое дыхание', put 'горшок' ~ putim 'мой горшок', öγäl'i 'девочка' (< öγi 'девушка'), kulal'j 'рыбешка' (< kul 'рыба'). Пример на исключение: käsγälujēm '(меня) нашли' (пассив.). Палатальная или велярная звуковая окраска в конце многосложного слова стирается. Гармония (гласных на сложные слова не распространяется, например, sōjul 'черника' (< sōj+ul).

§ 31. Ударение. И в мансийском, и в хантыйском языках ударение динамично и, как правило, падает на первый слог слова. Ни в одном из обско-угорских языков ударение не имеет фонематического значения. В русских заимствованиях ударение ставится в обоих языках либо на первый слог, либо на тот слог, на котором оно стоит в русском языке.

В северомансийских диалектах ударение всегда на первом слоге. На третьем и пятом слоге сильно и побочное ударение, но только в том случае, если дальше следует еще один слог. В кондинском диалекте ударение иногда с первого слога переходит на другой.

Если в трехсложном слове северохантыйского диалекта в первом слоге выступает краткий гласный, а во втором — долгий, то, в отличие от северомансийского, второй слог тоже может быть ударным. В ваховском диалекте ударным является первый слог, но ударение может падать и на второй, если в первом слоге выступает краткий (редуцированный), а во втором — долгий гласный. Такое формирование системы ударения, по-видимому, является следствием фонетических факторов, т. е. зависит от системы гласных в слогах и в известной степени — от открытости и закрытости слогов.

ИСТОРИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ ГЛАСНЫХ

§ 32. Из обско-угорских гласных до сих пор лучше всего исследованы *a, *ä, *ö, *i, *u, *i, к которым по предварительным сведениям в прамансийском и прахантыйском восходят соответствующие гласные 1) тот же самый звук (например, о.-у. *a > прамс. *ā ~ прах. *a), 2) чередующийся гласный вариант одного и того же звука; в этом случае обско-угорским считается тот, который является общим для мансийского и хантыйского языков, например: прамс. *ū ~ прах. *a ~ *u < о.-у. *u. Первоначальный обско-угорский звук или прамансийский и прахантыйский в большинстве случаев сохранился в архаическом тавдинском диалекте мансийского и ваховском, васюганском диалектах хантыйского языка. В других диалектах со времени прамансийского и прахантыйского периода звуки изменились.

Приведем примеры соответствия обско-угорских гласных: о.-у. *a > прамс. *ā ~ прах. *a, на этот случай мало примеров: со-

wōt 'ветер', нкон. wōt, тав. wāt(iǎ) ~ шур. wot, каз. wot, сург. wāt, обд., вах., вю. wat;

о.-у. *ā > прамс. *ā, *ā ~ *i ~ прах. *ä, *ä ~ i; например: со. āni 'чашка', нкон. ānə, тав. āni ~ шур., каз. ап, обд. ān, тю. ānəḡ, вах., вю. ānəḡ 'тж', 'посуда'; мс. (*ī >) со., нкон. tē- 'есть', 'кушать', тав. tī- (основа императива *ā >), со. tāj-, нкон. tōj-, тав. tāj ~ х. (*e >), шур. le- 'есть', 'кушать', каз. ле- (*i >), сург. li-, вах., обд. li-, вю. i- (*ā >), каз. ларət- 'кормить', обд. lārət-, сург. ларət-, вах. lāwət-, вю. jāwət-;

о.-у. ǝ > прамс. *ē, *i, *ǝ ~ прах. ǝ; о.-у. *ǝ уже в домансийском перестал быть лабиализованным и совпал с о.-у. *ē, принимая участие в дальнейшем его развитии > праме. i, ē. Рядом с согласными k, ŋ и в изобразительных словах остался звук *ǝ (ǝ и ǝ различаются только в традиционном обозначении). Примеры: мс. *ē: со. tal 'сажень', нкон., тав. tāl ~ каз. лāl, обд. lāl, сург. lāl, вах. lōl, вю. jōl; мс. *i: со. sis 'спина', нкон., тав. šis ~ каз. šāš, šāns-, обд. sāš, šāns-, тю. čōñč- (только в сложных словах), вах., вю. čōñč; мс. *ǝ: со. taks 'осень', нкон. tāxs, тав. tüks ~ шур., каз. sūs, обд. sus, тю. səḡəs, юг. səwəs, вах., вю. sǝḡəs; со. rukni 'пупок', нкон. rǝḡəni, тав. rūḡni ~ каз. rǝkən, обд. rǝkən, сург. rǝkləḡ, вах., вю. rǝḡləḡ;

о.-у. *i ~ прах. *i; мансийское соответствие носит спорный характер, в прамансийском продолжении обско-угорского звука мог быть *ā или *ē, (последний звук считается велярным, неогубленным долгим гласным, узким, или, по крайней мере, нешироким). Поскольку в специальной литературе эта проблема подробно разработана на основе предположительного *ē, то ниже мы этим знаком обозначим звук, развившийся в прамансийском из обско-угорского *i. Встречаются также соответствия:

мс. *ē ~ *ā, х. *i ~ *ā (редко), *a ~ *i ~ *u, примеры: со., нкон. jā, 'река', тав. jē (рядом с j: ē > e) ~ каз. (фольк.) jixi 'речушка', сург. jǝḡel, вах. jǝḡel, вю. jǝḡi;

о.-у. *u > прамс. *ū ~ прах. *u, *u ~ *a, *u ~ *ə, вост.-х. *a ~ *u; сев.-х. *a ~ *o. Примеры: со., нкон. rūt 'горшок', тав. rōt ~ шур., каз. rūt, обд., сург., вах., вю. rut; со., нкон. ḡil- 'почевать', тав. kōl- ~ х. (*a >) каз. ḡəl-, обд. ḡal-, сург. kāl-, вах., вю. kal-, (основа перфекта *u >) сург. kul-, вах. kul-;

о.-у. *i > прамс. *i, *i ~ *i, *i ~ прах. *i (сев.-х. также *e), *ā ~ *i. Примеры: со., нкон. kēt- 'посылать' ~ каз. kīt-, обд., сург., вах., вю. kit-; мс. (*i >), со. ēḡi 'подбородок', тав. īn, (*i >) нкон. iḡen ~ х. (*ā >), каз. aḡen, обд. aḡen, сург. aḡen, вах. aḡen, (*i >) сург. iḡen, вах. iḡen 'мой подбородок'.

§ 33. История гласных от прамансийского языка до наших дней. В первом слоге прамансийского языка употреблялись, вероятно, 6 долгих гласных *ā, *ā, *ē, *ū, *i, *ī, и 8 кратких *a, *ā, *o, *e, *i, *u, *i, *ū. Естественно, что дальнейшие исследования могут изменить принятую до сих пор точку зрения.

В современном северном мансийском насчитывается лишь 8 гласных фонем, в то время как в прамансийском их было 14 (в нижнекондинском диалекте и ныне имеется 15 гласных фонем). Прамс. **ä* и **ā* совпали, из них образовался прасеверный **ä*. Огубленные палатальные **ü*, **ū* и неогубленные велярные гласные **a*, **ē*, **i* тоже совпали с другими звуками. Звук **ā* лабиализовался и перешел в ряд огубленных. Остались только неогубленные (первоначально палатальные) и огубленные (первоначально велярные).

§ 34. Прамансийские звуки, из которых образовались современные (наиболее часто встречающиеся):

прамс. **ā*; — лабиализовался на всей территории распространения мансийского языка (за исключением архаического янычковского говора тавдинского диалекта), поэтому возникло мнение о том, что этот звук и первоначально был лабиальным: **ā̄* (тем более, что в соседнем янычковском говору — чандырском говоре также есть *ā̄*). Это предположение как будто подтверждается данными южного, тавдинского, типа из языковых памятников XVIII в., в которых по пяти говорам выявляется **ā̄*, и только по двум — **ā*. Однако для подтверждения этого мнения требуются дальнейшие разыскания. Насколько нам известно, заимствованные слова из коми-зырянского, татарского, самодийских и даже из древнерусского языка доказывают, что примерно до 1600 г. употреблялся *ā*, однако примерно к 1750 г. его лабиализация завершилась даже в северомансийском. Центром начала этого процесса могли быть окрестности Конды. Звуки *a* в словах, заимствованных после 1750 г., уже не лабиализировались. Примеры на развитие прамс. **ā*: со. *ōtəŋ* 'князь', нкон. *ōtəŋ*, ян. *ātəŋ*, чан. *ā̄təŋ*;

прамс. **a*; — перешел в большинстве случаев в лабиальные звуки: со. *o*, нкон., тав. чан. *ā̄*, ян. *a*, например: со. *hōl* 'нос', нкон. *hāl*, тав. ян. *hāl*;

прамс. **ä*; — в северном диалекте превратился в велярный *ä*, в нижнекондинском лабиализовался (как и прамс. **ā*) и превратился в *ǟ*, в тавдинском диалекте остался без изменения. Данная лабиализация в кондинском диалекте произошла несколько позже, чем лабиализация звука **ā*, поэтому русские заимствования участвовали в ней уже в большем числе. Изменение датировем серединой или второй половиной XVIII в. Примеры на звуки, восходящие к прамс. **ä*: со. *lām* 'суп', нкон. *lām*, тав. *lām*;

прамс. **ǟ*; — в северном диалекте совпал с прамс. **ä*, в нижнекондинском частично совпал с прамс. **a*, следовательно, из этого звука в северном диалекте получился *ä*, в нижнекондинском *ǟ*. Подобно прамс. **ǟ* > нкон. *ǟ*, выявляется и **ǟ* > нкон. *ǟ*, но, как правило, только рядом с *γ*. В тавдинском диалекте он остался в виде *ǟ*. На месте **ǟ* других диалектов в тавдинском очень часто встречается также **ǟ* > *ǟ*, например, со. *sāŋk* 'жара', нкон. *sāŋ*, тав. *sāŋ*, прамс. **ē̄* является одним из наиболее проблематичных звуков прамансийской системы гласных. Согласно одному предположению

первоначальный звук *ē сохранили: на юге говор с. Городок тавдинского диалекта, на востоке среднекондинский, верхнекондинский, а также западные диалекты (пелымский, северовагильский, южновагильский, нижнелозьвинский, среднелозьвинский), в то время как в изолированных тав.-янычковском, тав.-чадырском, нижнекондинском и северных (верхнелозьвинском, сосьвинском, сыгвинском) диалектах независимо друг от друга появился ā. В соответствии с другим предположением, учитывающим материалы рукописных списков XVIII в., первоначальным звуком был ā. Эта гипотеза кажется более вероятной с точки зрения внутреннего развития мансийского языка. Включение ā в прамансийскую систему гласных повлекло бы за собой дальнейшие изменения и сдвиги. Выяснение этих проблем еще не произошло. Примеры на соответствия спорных звуков:

со., влоз., нкон. χāl' 'береза', тав. гор., сркон., вкон., пел., сев.-ваг., юж.-ваг., нлоз., срлоз. kēl', тав. ян., чан. kāl';

прамс. *o; на севере и в нижнекондинском диалекте большей частью совпал с прамс. *a, в тавдинском же — с прамс. *u, например: со. ponal 'конопля', нкон. pānlə, ян. polna;

прамс. *e; в северном диалекте перешел в a, o, u, в тавдинском в ä, ü, в нижнекондинском в ä, например: со. rant- 'покрывать', нкон., тав. pānt-;

прамс. *i; в северном диалекте совпал с прамс. *i, но на его велярное происхождение указывает χ (<*k + ſ). В нижнекондинском диалекте вместо этого звука, так же как и вместо прамс. *a, развился ä. В тавдинском диалекте он частично совпал с прамс. *a, т. е. стал a. На прамс. i мало примеров, и те большей частью являются изобразительными словами, показывающими нередко непоследовательные соответствия в отдельных диалектах, например: со. χil- 'копать', нкон. χāl'-, тав. kal-;

прамс. *ū; остался во всех диалектах, за исключением тавдинского, где он превратился в более открытый звук ō, например: со., нкон. χūgəſ 'три', тав. kōgəſm;

прамс. *u; на севере он остался кратким u, в нижнекондинском и тавдинском диалектах стал более открытым звуком.

В тавдинском диалекте то же самое произошло с прамансийским *ū, например: со. tul 'облако', нкон., тав. tol;

прамс. *i; его наиболее частые соответствия: со. ē, нкон. ē, тав. i, например: со., нкон. kēt- 'посылать', тав. kit-;

прамс. *i; из него во всех диалектах развился краткий i; однако, в зависимости от окружающих согласных, могут выступать и некоторые другие, также краткие гласные, например: со., нкон. mīſ- 'идти', тав. mīſ-;

прамс. *ū; употребляется нечасто. Встречается только в звукоподражательно-изобразительных и заимствованных словах. В северном диалекте веляризовался в ū, но стоящий рядом с ним k (<k + ſ) подтверждает его исконно палатальную сущность. В нижнекондинском остался как ū, но частично совпал с прамс.

**ü*, и таким образом перешел в *ö*; в тавдинском диалекте *ü* восходит одновременно как к **ǖ*, так и к **ü̆*, но в этом диалекте очень мало примеров с прамс. *ü*, ср. со. *sülil-* 'нагреваться', нкон. *sül'əńś-*, тав. ян. *sül'χt-*, со. *l'ükamt-* 'ругать', нкон. *l'ökəmt-*;

прамс. **ü* делабиализовался в **e*. Соседние согласные *k*, *χ*, *ŋ* тоже переняли лабиальность: *k_o*, *χ_o*, *ŋ_o*, но это осталось фонетическим явлением и не повлекло за собой фонематических изменений. Следовательно, **ü* на севере в зависимости от окружения согласных превратился в *a*, *o* или *u*, а в нижнекондинском диалекте — в *ä*. В изобразительно-звукоподражательных словах и немногочисленных словах так называемого типа **rük-* звук *ü* остался лабиальным (нкон. *ö*), например: со. *kol* 'дом', нкон. *käl*, тав. *kül*; со. *rukii* 'пупок', нкон. *röχəń*, тав. *rüχii*.

§ 35. История гласных от прахантыйского языка до наших дней. Предполагается, что в прахантыйском языке в первом слого встречалось 11 долгих и 4 кратких гласных: *a*, *ə*, *ä*, *ǎ*, *o*, *e*, *ö*, *i*, *ǐ*, *u*, *ü*, *ǎ*, *ǒ*, *Ǔ*, *ǔ*.

К системе гласных прахантыйского языка ближе всего система гласных в ваховском и васюганском диалектах. В сургутском прахантыйские палатальные лабиальные, а также долгие гласные среднего подъема претерпели изменения. Во всех западных диалектах исчезли палатальные лабиальные и велярные иллабиальные гласные, в том числе **ə*, **ǐ*.

§ 36. Прахантыйские звуки, из которых развились современные (наиболее часто встречающиеся):

прах. **a*: сохранился на краях хантыйской языковой территории: обд. *a*, вах., вю. *a*; в других местах лабиализовался: шур., ирт. *o*, каз. *ə*, сург. *ä*. Развитие проходило примерно так же, как у прамс. **a*. Лабиализация в основном завершилась в середине XVIII в. в бассейне Иртыша, т. е. там, где она впервые возникла. Времени ее возникновения мы не знаем. Примеры: каз. *mańś-* 'рассказывать', обд. *mańś-*, ирт. *mońť-*, сург. *mańť-*, вах., вю. *mańť-*;

прах. **ä*: этот звук остался в архаических ваховском и васюганском диалектах. На севере, юге и востоке хантыйской языковой территории есть такие диалекты, в которых *ä* превратился в палатальный *ä*, как, например, в обдорском, иртышском и сургутском. На севере в соседних шурьшкарском и казымском диалектах произошла веляризация и получился *a*, например: каз. *paŋ* 'большой палец', обд., ирт., сург. *paŋ*, вах., вю. *päŋ*;

прах. **ǐ*: этот звук во всех диалектах остался лабиальным: шур. *u*, каз. *o*, обд. *o*, ирт. *u* (но перед *χ*, *ŋ* употребляется *o*), сург., вах., вю. *o*, в последних диалектах есть также аллофон *ə*. В северных и южных диалектах *ə* совпал с прамс. **o*. Время, когда происходил этот процесс, нам неизвестно, но происходил он раньше, чем лабиализация прамс. **a*. Следовательно, прамс. *ə* выводится только на основании восточных диалектов, например, каз. *χos* 'звезда', обд. *χos*, ирт. *χus*, вах., вю. *kos*;

прах. **ǰ*; делабиализуется во всех диалектах за исключением ваховского и васюганского. В южных и северных диалектах рядом с *k* и *ŋ* удерживает лабиальность, но превращается в велярный: 1) шур., каз. *a* (*kawər*- 'варить'), обд., прт. *á* (*káwər*-), сург. *e* (тю. *keŋər*-, юг. *kewər*-), вах., вю. *ö* (*köŋər*-), его аллофон—*ǰ*; 2) шур. *u*, каз. *o* (*soq* 'необходимость'), обд. *o* (*soq*), прт. *o* (*šok*), сург. *e* (*šek*), вах., вю. *ö* (*šök*);

прах. **o*; этот звук повсюду остался лабиальным за исключением положения в сургутском рядом с *k*, *ŋ*, *ɣ*, шур. *u*, каз. *o*, обд. *o*, прт. *u*, *o* (рядом с *χ*), сург. *ö*, *ä* (рядом с *k*, *ŋ*, *ɣ*), вах., вю. *o*. Развитие *o* > *u* в пртышском диалекте, на основании анализа заимствованных слов и географических названий, могло произойти примерно в XVII в. Примеры: каз. *qos*- 'доить', обд. *qos*-, прт. *pus*-, сург. *pös*-, вах., вю. *pos*-; каз. *toŋər*- 'запирать', обд. *toŋər*-, прт. *toŋər*, тю. *täŋər*-, юг. *täwər*-, вах., вю. *toŋər*-;

прах. **e*; сохранился во всех диалектах за исключением сургутского, где он утратил долготу и превратился в *ä* (однако в односложных словах, оканчивающихся на гласный, остался *e*), например: шур., каз., обд., прт., вах., вю. *пеш* 'имя', сург. *пäш*;

прах. **ö*; встречается только рядом с палатально-велярными согласными **k*, **ŋ*, **ɣ*. Гласный *ö* появился в результате внутреннего развития хантыйского языка, он не восходит к обско-угорскому времени. На севере и юге этот звук делабиализовался; в обдорском диалекте *ö* рядом с *p*, *m*, *w* и **ɣ* тоже делабиализовался, но в остальных случаях *ö* совпал с прах. **o*. В сургутском диалекте после *k*, *w* развился тот же звук, что и на месте краткого прах. **ö*, т. е. **ö* > *ǰ*.

Перед палатально-велярными согласными *k*, *ŋ*, *ɣ* делабиализовался и превратился в *ä*. В ваховском и васюганском остался без изменения. Примеры: каз. *keŋi*- 'надать', обд. *koŋi*-, прт. *keŋə*-, сург. *köŋər*-, вах., вю. *köŋər*ɣ; каз., прт. *jeŋət* 'веретено', обд. *joŋət*, сург. *jäŋət*, вах., вю. *jöŋət*;

прах. **u*; на севере стал кратким *ü*, но в обдорском диалекте остался *u*. На юге палатализировался в *ü*, но сохранился в первоначальном звучании рядом с *χ*, *ŋχ*. На востоке мы повсюду находим фонему *u*: шур., каз. *püt* 'горшок', обд., сург., вах., вю. *put*, прт. *püt*; обд., прт. *juχ* 'дерево', шур., каз. *jüχ*, тю., вах., вю. *juɣ*, юг. *juw*;

прах. **i*; на севере стал кратким, за исключением обдорского диалекта; после *w* превратился в *u*, а в обдорском диалекте даже после *p*, *m*. На юге и на востоке сохранился *i*: каз. *tün* 'цена', обд., прт., сург., вах., вю. *tin*;

прах. **ǰ*; почти повсюду превратился в палатальный *i*, т. е. совпал с прах. **i*. В обдорском диалекте перед *χ*, *ŋχ*, а в пртышском рядом с *χ* и *ŋχ* выступает *e*. Только на востоке остался *ǰ*: каз. *jǰŋ* 'жертва', обд., прт. *jǰŋ*, сург., вах., вю. *jǰŋ*; каз. *sǰχ* 'сверток', 'пакет', обд., прт. *seχ*, сург. вах., вю. *sǰŋ*;

прах. **ü*; этот звук выделяется на основании ваховского, васюганского и юганского диалектов, потому что в других диалектах он идентичен прах. **i*: шур., каз. *ĩ*, обд., ирт., тю. *i*, юг. *ü*, но перед палатально-велярными согласными и после лабиальных согласных *i*, вах., вю. *ü*: каз. *piŋ* 'шест', обд., ирт., тю. *piŋ*, юг., вах., вю. *piŋ*; каз. *sıwəs* 'орел-рыболов', обд., ирт., юг. *sıwəs*, тю. *siŋəs*, вах., вю. *süŋəs*;

прах. **ä*; остался без изменений в обдорском диалекте, а также на юге и востоке. На севере, за исключением обдорского диалекта, в основном совпал с прах. **ö*, и, таким образом, перешел в *ö*. Прах. **ä* рядом с *ç*, *ŋç* совпал с прах. **ě*, в результате чего получился звук *ä*: каз. *ösəm* 'подушка', обд., ирт., сург. *äsəm*, вах., вю. *äsmä*; каз., обд., ирт. *ñäçəs*- 'чистить рыбу', сург., вах., вю. *ñäçəs*;

прах. **ö*, подобно прамс. **ö*, во многих диалектах совпал с **ä*: шур., каз. **ö* > **ä* > *ö*. Данное явление относится к XVIII в. Гласный *ö* в этих диалектах рядом с *ŋ* превратился в *ü*. В обдорском и иртышском диалектах произошло изменение **ö* > **ä* > *ä*, но звук **ö* сохранился в виде *ö* рядом с *ç*, *ŋç* в обдорском диалекте и рядом с *ç*, *ŋ* в иртышском диалекте. В обдорском диалекте **ö* рядом с *ŋ* превратился в *u*. Каз., сург., вах., вю. *rög* 'сверло', обд., ирт. *räg*, каз.; обд., ирт. *ñöçəs* 'куница', тю., вах., вю. *ñöçəs*, юг. *ñöwəs*; каз. *sŋŋ* 'угол', обд. *suŋ*, ирт., сург., вах. (фольк.) *söŋ*;

прах. **ě*; на севере в зависимости от окружения согласных мы находим разные гласные. В шурышкарском и казымском диалектах этот звук развился в *ä*, в обдорском дал *ä* (< **ě*), но рядом с *j* и *ç* встречается *ĩ*, а в обдорском диалекте *i* (< **i*), рядом же с *w* в шурышкарском и казымском появляется *ü*, а в обдорском диалекте — *u* (< **u*). Лишь на юге и на востоке остался *ě*: каз. *säm* 'сердце', обд. *säm*, ирт., сург. вах., вю. *sēm*; каз. *jiw*, обд. *jiŋ*, ирт., сург., вах., вю. *jěç*; шур., каз. *wi-* 'брат', обд. *wi-*, ирт., сург., вах., вю. *wě*;

прах. **ö*; в западных диалектах совпал с **ě*, в сургутском то же самое произошло перед *ç*, а вообще в восточных диалектах остался *ö*: каз. *äl-*, обд. *äl-*, ирт. *ët-*, сург. *öł-*, вах., вю. *öł-*; каз. *jiŋ-* 'связать', обд. *jiŋ-*, ирт. *jěŋ-*, сург., вах., вю. *jöŋ-*; каз. *gıwət-* 'мешать', обд. *gıwət-*, ирт., юг. *gěwət-*, тю. *gěçət-*, вах., вю. *göçət-*.

ИСТОРИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 37. В системе согласных от обско-угорского языка до прамансийского могли произойти следующие изменения: **θ* > **t*, **δ*' > **l*', т. е. совпали с другими фонемами, употреблявшимися и раньше. Система согласных в прамансийском языке могла быть следующей:

p	m	w			
t	n	s	l	r	
		ǰ			
	ń	ć	j	l'	
k	ŋ	ɣ			

§ 38. В современном мансийском языке и прамс. **t* рядом с *i*, а также с *l'* иногда образовывался *t'*. Фонему *t'*, которая не может стоять в начале слова (сыгвинский *t'* — вторичный звук, см. § 24), мы не можем считать относящейся к прамансийскому периоду, потому что в большинстве случаев она появляется в отдельных диалектах, чередуясь с *t*: сев.-мс. *pit'i* 'гнездо', нкон. *pit'*, сев.-мс. *wit* 'вода', но нкон. *wit'*.

Прамс. **k* рядом с прамансийскими палатальными гласными остался *k*, а рядом с прамансийскими веларными гласными превратился в *χ*. Судя по заимствованиям из татарского, которые участвовали в изменении, расщепление фонем не могло произойти раньше XV в. Примеры: сев.-мс. *kāt* 'рука', нкон. *kāt*, тав. *kāt*; сев.-мс., нкон. *χül* 'рыба', но тав. *köl*;

прамс. **č* утратил свой смычный элемент (точно так же, как **ć*) и превратился в *š*. В литературном диалекте перешел в *s*, т. е. совпал с прамс. **s*. На основе рукописных списков слов мы знаем, что это изменение не могло произойти до конца XVIII в. В нижнекондинском диалекте остался *š*: сев.-мс. *pišt-* 'скручивать нитку', нкон. *pišt-*;

прамс. **ć* потерял свой смычный элемент (точно так же, как **č*) и превратился в *ś*: сев.-мс. *śulśi*, 'totanus', нкон. *śil'ś*, но тав. *ćül'ś* (*ć* — вариант в начале слова);

прамс. **s* на севере всегда оставался *s*; в нижнекондинском на его месте может стоять и *s*, и *š*. Причина такой двойственности неизвестна. Примеры: сев.-мс. *χus* 'двадцать', нкон. *χos*, он сев.-мс. *tōs-* 'сохнуть', нкон. *tōš-*;

прамс. **w* в начале слова в ряде случаев остался: сев.-мс. *wōt* 'ветер', нкон. *wōt*, а в ряде случаев исчез: сев.-мс. *at* 'пять', нкон. *āt*, ср. вах. *wet*. История *w* в середине слова еще не вполне выяснена. Частично этот звук остался (сев.-мс. *kaw* 'камень', нкон. *kāw*, ср. ф. *kivi*), частично совпал с **ɣ* (сев.-мс. *tāɣl* 'полный', нкон. *tōɣlə*, ср. кл.-с. *diwdas*).

Соответствия о.-у. *-*ɣ*- различны. Наиболее часто употребляются *-ɣ-*, *-w-*, *-š-*: сев.-мс. *māɣl* 'грудь', нкон. *mōɣl*, ср. вах. *mōɣəl*; сев.-мс., нкон. *rāwl* 'деревня', ср. вах. *ruɣəl*; сев.-мс., нкон. *mā* 'земля', 'страна', ср. вах. *mēɣ*.

§ 39. История согласных мансийского, как и хантыйского языка, систематически еще не исследована. В системе согласных звуков в период от обско-угорского языка до прахантыйского могли произойти следующие изменения: **θ* превратился в **l* (но, возможно, что такого изменения и не было, или в результате его образовался не один звук); **ð* перешел в **j*. Система согласных

в прахантыйском языке могла бы быть представлена следующей схемой:

p	m		w		
			ʃ		
t	n		s	l	r
		č			
	ń	ć	j	l'	
k	ŋ		ɣ		

В хантыйском языке, по сравнению с прахантыйским, наблюдаются такие изменения, которые происходят одинаково во многих диалектах:

прах. *k на севере в позиции около исконных палатальных гласных сохранился, а в позиции около исконно веллярных гласных превратился в χ так же, как в северном и нижнекондинском диалектах мансийского языка. Расщепление фонемы могло произойти примерно в XV—XVIII вв., поскольку в нем участвовали татарские заимствования, тогда как русские заимствования уже не участвовали. На востоке *k не изменился, так же как в архаическом тавдинском диалекте мансийского языка: каз. кар 'кора', обд., тю. кáг, вах. káŋ; каз. χэлэр 'сеть', обд. χaləw, но тю. kálər, вах. kaləw;

прах. *č и *ć в северном диалекте утратили свой смычный элемент, и из них соответственно образовались š, ś. В обдорском диалекте фонема *š превратилась в s так же, как и в соседнем с ним северном диалекте мансийского языка. На востоке праж. *ć в противоположность тому, что произошло на севере, утратил целевой элемент, поэтому из него образовался l'. О вах. č см. § 25. Примеры на праж. *č: каз. šáš- 'выпрямлять', 'вытягивать', обд. šäs-, тю., вах. čöč-. Примеры на праж. *ć: каз. šäŋi 'шарнир', 'дверная петля', обд. šäŋi, тю., вах. t'ëri;

прах. *-ɣ- изменился в зависимости от окружения гласных. На севере, как правило: 1) рядом с первоначальными иллабиальными палатальными гласными в шурышкарском и казымском диалектах превратился в w, а в обдорском — в j: каз. jŋw 'отец', обд. jij; 2) рядом с первоначальными лабиальными палатальными гласными превратился в w: каз., обд. kew 'камень', тю. kəŋ, вах. köŋ; 3) рядом с прежними веллярными превратился в χ. На востоке в ваховском диалекте остался γ, в сургутском (тю. > γ, юг. > w); шур., каз. pəχ 'мальчик', обд. pəχ, сург., вах. pəŋ;

у праж. *l, который, возможно, развился из о.-у. *l и о.-у. *ð, много различных соответствий. В шурышкарском, обдорском, ваховском диалектах остался l, в казымском и сургутском он перешел в л, в васюганском в начале слова — в j, ø, в других позициях — в l, в среднеобском, низамском, демьянском, пртышском диалектах (которые здесь не привлечены для описания) превратился в t. Из *l' в казымском и сургутском диалектах получился л'. Примеры: шур. lut 'гусь', каз. lənt, обд. lənt,

дем. lunt, тю. lont, вах. lont; каз. l'awät- 'ругать', обд. l'awät-, низ. t'awät-, тю. l'eγet-, вах. l'öγät-;

прах. *w в середине слова изменяется так же, как прахантыйский *γ.

Кроме указанных выше, встречаются изменения, относящиеся только к отдельным диалектам. Конечно, есть и такие фонемы, которые не восходят к прахантыйскому языку.

§ 40. Звуковая форма мансийских и хантыйских слов со времени обско-угорской эпохи изменилась. Гласные конца слова в обоих языках независимо друг от друга полностью исчезли (VCV > VC, CVCV > CVC, CVCCV > CVC(V)C) и т. д.

Исчезновение конечных гласных в мансийском языке началось в XV—XVI вв. сначала в восточных и западных, затем в северных, и, наконец, в южных диалектах. В последних, благодаря ударению, переместившемуся под влиянием татарского языка на второй слог, гласные конца слова существовали дольше всего — до начала XIX в. Подавляющее большинство конечных гласных в XVIII в. было гласными низкого подъема: кун. *нельма* 'язык', ср. со. *ñeləm*, нкон., тав. *ñiləm*; кун. *нюрма* 'луг', ср. сев.-мс. *ñüγəm*; кун. *олма* 'сон', ср. со., кон. *öləm*, тав. *öläm*. Все это мы знаем по рукописным спискам слов XVIII—XIX вв., а также по татарским и русским заимствованиям. Исчезновение не было абсолютным, гласный звук остался в нескольких словах типа (C)VCV, например, со. *ñila* 'четыре', нкон. *ñilä*. Встречается также в конце слова со скоплением согласных: со. *lürta* 'лист', нкон. *lürtä*, со. *ñäñsi* 'манси', со. *pässa* 'рукавицы', нкон. *päsγä*.

В хантыйском языке до сих пор еще не установлено время исчезновения конечных гласных, но, вероятно, в нем этот процесс проходил раньше, чем в мансийском, так как в самых древних языковых памятниках нет гласных в конце корня. Слова, заимствованные из татарского и русского языков, вообще удержали гласные в конце корня, т. е. попали в хантыйский язык уже после того, как завершился процесс исчезновения гласных.

МОРФОЛОГИЯ ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ *

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 41. Корневые слова (в первую очередь имена существительные и глаголы) обско-угорских языков в большинстве своем односложны и оканчиваются на согласный. Слов, оканчивающихся на гласный, сравнительно мало, и, не считая нескольких редких

* Морфология мансийского языка изложена на основе сосвинского (северного) диалекта, а морфология хантыйского языка — на основе шурышкарского (северного) диалекта. Данные из этих диалектов приводятся без помет.

исключений (х. *pē* 'женщина', *χī* 'мужчина', 'человек', мс. *pē* 'женщина' *jā* 'река', *āvi* 'дверь' и т. д.), конечный гласный второго слога происходит от какого-нибудь (древнего) суффиксального элемента.

Номинатив ед. числа склоняемых имен вообще тождествен основе слова (основной форме, абсолютной форме), например, х. *χot* 'дом', *pōχi* 'мясо', мс. *kol* 'дом', *āra* 'люлька'. Однако в некоторых словах вследствие морфонологических изменений форма номинатива отличается от основной формы слова, и измененная форма имеет как бы характер номинатива, например, х. *ut* 'лес' (основа *unt-*), *jik* 'вода' (основа *jirk-*), мс. *salm* 'полоса' (основа *salēm-*), *toləχ* 'невод' (основа *tolχ-*). В хантыйском, в литературном мансийском (и еще в нескольких говорах этого языка) из-за отсутствия особого окончания для вин. падежа номинативная форма выступает и в функции прямого дополнения.

В словоизменении имен существительных количество самостоятельных падежей сравнительно незначительно. В шурышкарском диалекте хантыйского языка только три падежа располагают самостоятельными формами. В восточных диалектах падежная система довольно богата. В ваховском диалекте 11 падежей имеют самостоятельную форму. В мансийском языке число падежей во всех диалектах примерно одинаково. В литературном — 7, в говорах, имеющих отдельное окончание для выражения прямого дополнения, — 8, и в наиболее богатом в этом отношении тавдинском диалекте имеется 9 самостоятельных падежных окончаний. В системе падежей имен существительных суффиксальные формы дополняются послелогом. Нагрузка послелогов значительна особенно в тех диалектах, в которых число самостоятельных падежей невелико (например, в шурышкарском диалекте). Если слово, употребляемое в функции прямого дополнения, является именем существительным, то прямое дополнение стоит в нулевой форме (формально совпадает с номинативом). В противоположность этому у личных местоимений имеется маркированный аккузатив. Склонение местоименных наречий и самостоятельных наречий отличается от склонения других имен. При наличии лично-притяжательных суффиксов падежные форманты стоят после лично-притяжательных. Послелогом также могут получить лично-притяжательные суффиксы.

У слов, выражающих родственные отношения, имеется и вокативная форма.

В мансийском (?) и некоторых западных хантыйских диалектах (например, в шурышкарском) лично-притяжательный суффикс 3-го лица ед. числа часто выражает определенность предмета. Такое употребление лично-притяжательных суффиксов неизвестно в восточных диалектах (например, в ваховском).

В отличие от других финно-угорских языков личные местоимения 2-го лица начинаются с п-.

Указательные местоимения в хантыйском языке, кроме указания на близость или отдаленность, указывают и на определенность (присутствие) или неопределенность (неприсутствие) предмета.

Живыми именными словообразовательными суффиксами обско-угорские языки довольно бедны, система же глагольных словообразовательных суффиксов у них богата.

Как в склонении имен, так и в спряжении глагола, кроме ед. и мн., имеется и дв. число.

В спряжении различаются три парадигмы: 1) общая (безобъектная), 2) определенная (объектная) и 3) пассивная. Формы определенного спряжения кроме определенности объекта указывают также на его грамматическое число. Особенность страдательного спряжения состоит в том, что в этом спряжении могут употребляться и интранзитивные глаголы.

В хантыйском известно спряжение глагола в формах нескольких прош. времен. Их употребление специфично, их функции сходны с функциями указательных местоимений. Эта система наиболее полно представлена в некоторых восточных диалектах; так, в ваховском имеется четыре прош. времени. Характерная особенность мансийского спряжения (которая вообще редко встречается в языках) заключается в том, что в действительном залоге глагол имеет эфатический способ спряжения.

В обско-угорских языках есть *habere*- глагол (глагол со значением 'иметь'): х. *täj-*, мс. *oiś-*. В хантыйском и мансийском (?) у глагола бытия в наст. времени существует две парадигмы: х. 1) *ul-* 'есть', 'жить', 'существовать' и 2) *us-* 'есть' (связка).

Из особенностей глаголов можно упомянуть еще категорию префиксов, которые в отличие от приставок венгерского (и еще больше русского языка) используются в основном для изменения значения, и в меньшей степени — в грамматической функции. По употреблению, собственно говоря, они являются наречиями, отвечающими на вопрос «куда»: х. *jöxət-* 'прибыть', *jöxi jöxət-* 'прибыть обратно' и т. д.

МОРФОЛОГИЯ МАНСИЙСКОГО ЯЗЫКА ⁵⁷

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 42. В мансийском языке существительные имеют два склонения: 1) абсолютное, в котором прилепы присоединяются к основе слова, и 2) лично-притяжательное, в котором к основе слова присоединяются лично-притяжательные суффиксы.

⁵⁷ Морфология мансийского языка изложена на основе сосьвинского (северного) диалекта, данные из которого приводятся без помет.

В абсолютном склонении существительное участвует лишь своей основной формой и значением, например, *rūtṅəl* 'из горшка' (*rūt* 'горшок'), *ārat* 'в люльке' (*āra* 'люлька').

В лично-притяжательном склонении к основе слова присоединяются лично-притяжательные суффиксы, которые выражают принадлежность или связь с личной сферой соответствующего лица или предмета с каким-либо другим лицом или предметом: *χārəṃṃ* 'в мою лодку' (*χār* 'лодка') и т. п.

§ 43. Имена существительные, а также другие имена, употребляемые в значении существительного, имеют три грамматических ч и с л а: единственное, двойственное и множественное. В тавдинском диалекте различаются только ед. и мн. число, на существование дв. числа прежде указывают лишь его отдельные лексикализованные формы: *nī-komow* 'мужчина и женщина', *kit'ūw* 'два' и др.

Ед. число не имеет показателя, оно выражается нулевой морфемой. Однако в склонении встречаются такие фонетические отклонения (например, выпадение гласного во втором слоге и др., ср. *ēgəγ* 'песня', *ēgγ-*), которые характерны лишь для формы ед. числа. Таким образом, «немаркированное» ед. число можно признать лишь с данной оговоркой.

Показателем дв. числа выступает *-γ* (*-iγ*) (юк. *-əj*, *-i*), а показателем мн. числа во всех диалектах — *-(ə)t*.

Показатели числа всегда следуют непосредственно за основой, а за ними — окончания, выражающие отношение внутри предложения: *rūtətṅ* 'в горшки' (*rūt* 'горшок'), *ēgətṅ* 'в песнях' (*ēgəγ* 'песня') и т. д.

Немаркированность формы ед. числа унаследована из уральского праязыка. Суффикс дв. числа восходит к уральскому показателю дв. числа **-ka > -kV* прамс. **-γ* (*V* — символ гласного). Показатель же мн. ч. *-t* восходит к уральскому показателю мн. числа **-t*⁵⁸.

§ 44. В мансийском языке имеются следующие маркированные п а д е ж и: номинатив (основной или им. падеж), локатив (падеж обстоятельства места), латив (падеж обстоятельства направления), аблатив (падеж, означающий удаление, отдаление), транслатив (падеж, обозначающий превращение во что-либо), инструментально-комитатив (орудийно-сопроводительный падеж).

Падежные окончания абсолютного склонения: ном. (осн. п.) *-ø*, лок. *-t*, лат. *-п*, абл. *-nəl*, транс. *-γ*, INSTR. (—ком.) *-l*.

В дв. и мн. числе (а также в лично-притяжательном склонении) инструменталь имеет суфф. *-təl*.

По основным типам склонения основы существительных разделяются на 1) неизменяемые, оканчивающиеся на согласный, 2) неизменяемые, оканчивающиеся на гласный, 3) изменяемые.

⁵⁸ Liim. Wog. 12, 23—24.

§ 45. Склонение существительных.

		I тип (pūt 'горшок')	II тип (āpa 'люлька')	III тип (ērəγ 'песня')
Ед. ч.	ном.	pūt	āpa	ērəγ
	лок.	pūt̄t	āpat	ērəγt
	лат.	pūtn	āpan	ērəγn
	абл.	pūtnəl	āpanəl	ērəγnəl
	транс.	pūtiγ	āpaiγ	ērəγ
Дв. ч.	ном.	pūt̄təl	āpal	ērəγəl
	лок.	pūtiγt	āpaγt	ēr̄γiγt
	лат.	pūtiγn	āpaγn	ēr̄γiγn
	абл.	pūtiγnəl	āpaγnəl	ēr̄γiγnəl
	транс.	—	—	—
Мн. ч.	ном.	pūtiγtəl	āpaγəl	ēr̄γiγtəl
	лок.	pūt̄ət	āpat	ēr̄γət
	лат.	pūt̄ətt	āpatt	ēr̄γətt
	абл.	pūt̄ətn	āpatn	ēr̄γətn
	транс.	pūt̄ətnəl	āpatnəl	ēr̄γətnəl
	инстр.	pūt̄ətəl	āpatəl	ēr̄γətəl

Термины родства имеют также звательную форму (вокатив): āša! 'отец!' (ās 'отец') и т. д.

Форма основного падежа (номинатив) служит также и для выражения прямого объекта (аккузатив). В других диалектах есть аккузатив, имеющий особый формант: юк. -m(ə), тав. -m(i), пел., ваг. -п(ä).

Помимо аккузатива в мансийских диалектах всего одно падежное окончание, которое не является общим для всего языка: особое комитативное -nāt в тавдинском диалекте.

§ 46. Номинатив (основной падеж) (как и совпадающий с ним по форме «аккузатив») не имеет специального форманта. У слов с изменяемой основой последняя в транслативе и инструментале ед. числа отличается от основы номинатива, выступая как некая основа косвенных падежей. В вышеуказанных диалектах (см. § 45) акк. -mV восходит к уральскому акк. *-m⁵⁹, а -nV развилось от суффикса аблатива уже в период самостоятельной эволюции данного диалекта мансийского языка⁶⁰.

Локативное окончание, вероятно, тождественно финно-угорскому лок. -t, которое ныне как продуктивный падежный формант встречается лишь в мансийском⁶¹. Окончание латива, возможно, восходит к послелогу, образованному от -к-овой лативной формы существительного *nā (? < *nāγä) 'близость'. Возможно, что данному окончанию этимологически соответствует венгерское лат.-дат.

⁵⁹ Liim. Wog. 24—41.

⁶⁰ Liim. Wog. 41—44.

⁶¹ HajdúBev. 62 и сл.; 121—122; Liim. Wog. 45—60.

-пек и др. ⁶² (однако см. в хантыйском комп. -ni ʔət, § 96). Не исключено, что от послелого, восходящего к указанному *nä с окончанием абл. *-l, происходит абл. -nəl, относящееся к угорскому периоду ⁶³, а также ком. -nät, известное только по тавдинскому диалекту и по хантыйскому языку ⁶⁴.

Трудность этого объяснения состоит в том, что существование существительного *nä (? < *näʔä), взятого за основу, гипотетично. Учитывая, что в подобной функции предположительно могло употребляться и некое слово *ni ~ *po 'близость', 'направление' ⁶⁵, нам кажется более вероятным происхождение интересующих нас окончаний (послелогов) от древнего корня указательного местоимения *nV (> *nš или *nš) ⁶⁶. Подобным же образом развились также хантыйские послелого ewält, elti, а также окончание аблатива -oʔ, происходящее от их корня (см. § 137).

Транс. *-γ восходит к уральскому лат. *-k ⁶⁷, в то время как инстр. *-l развился из угорского абл. *-l ⁶⁸. Элемент *-t варианта -təl идентичен хантыйскому окончанию инстр.-мед. -tə, -at и т. д. ⁶⁹

Окончание вокатива по происхождению (и по древней функции) идентично суффиксу повелительного наклонения ⁷⁰. Его звуковой облик (прамс. *-ä или -ã и тав. -i) своеобразно совпадает со звуковым обликом соответствующих формантов хантыйского языка (прах. *-ä, см. § 95).

§ 47. К существительным могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы. Они, с одной стороны, служат для выражения принадлежности обладаемого, с другой стороны — для выражения грамматического числа обладателя и обладаемого. Эти суффиксы состоят из элемента, указывающего на число обладаемого и из собственно личного суффикса.

Обладаемое в ед. числе выражается только основой существительного (нулевой морфемой). Показатель дв. числа обладаемого — -γ; в юкондинском диалекте показатель дв. числа *-γ сохранился в лабиальности гласного в составе лично-притяжательных суффиксов дв. числа. Показателем мн. числа обладаемого является -п. Эта система лично-притяжательных суффиксов только в северном и юкондинском диалектах выступает последовательно. В отдельных западных диалектах (например, в пельмском) формы дв. числа совпадают частично с формами ед. числа, частично — с формами мн. числа. В тавдинском же диалекте формы дв. числа полностью отсутствуют.

⁶² HajdúBev. 121—124, 126; Liim. Wog. 78—98.

⁶³ HajdúBev. 122—123; Liim Wog. 60—78.

⁶⁴ Liim. Wog. 118—123.

⁶⁵ См. HajdúBev. 127 и указанную там литературу.

⁶⁶ По поводу данного объяснения см. N. S e b e s t y é n — ALH VII 333—336; Liim. Wog. 65 и сл.

⁶⁷ Liim. Wog. 123—130.

⁶⁸ HajdúBev. 122—123; Liim Wog. 99—101.

⁶⁹ Liim. Wog. 102—118.

⁷⁰ Liim. Wog. 130—131.

К основе слова сначала присоединяются числовые показатели обладаемого, а затем собственно лично-притяжательные суффиксы.

Если не считать фонетических различий, можно сказать, что в морфологическом плане лично-притяжательное склонение в общем одинаково во всех мансийских (в том числе и в исчезнувших) диалектах.

§ 48. Лично-притяжательные суффиксы

		Число и лицо обладателя		Число обладаемого		
		Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.		
Ед. ч.	1 л.	-əm	-aγəm	-anəm		
	2 л.	-n	-aγən	-an		
	3 л.	-e, -te	-aγe	-ane		
Дв. ч.	1 л.	-ɲen	-aγamən	-anamən		
	2 л.	-n(ən)	-aγən(ən)	-anən		
	3 л.	-en, -ten	-aγen	-anen		
Мн. ч.	1 л.	-(u)w	-aγuw	-anuw		
	2 л.	-n(ən)	-aγən(ən)	-an(ən)		
	3 л.	-(a)nəl	-aγanəl	-anəl		

Форманты на -e и -en присоединяются к словам, оканчивающимся на согласный, а форманты на -te и -ten — к словам, оканчивающимся на гласный.

§ 49. По лично-притяжательному склонению существительные делятся на три типа в зависимости от того, оканчиваются ли они: 1) на согласный, 2) на гласный а и е или 3) на гласный и.

ЛИЧНО-ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

I тип (xār 'лодка')		II тип (āra 'люлька')		III тип (sāli 'северный олень')	
а) одно обладаемое					
Ед. ч.	1 л.	xārəm	āram	sālim	
	2 л.	xārən	āran	sālin	
	3 л.	xāre	āpate	sālite	
Дв. ч.	1 л.	xārmen	āramen	sālimen	
	2 л.	xārən	āran	sālin	
	3 л.	xāren	āpaten	sāliten	
Мн. ч.	1 л.	xāruw	āraw	sālijuw	
	2 л.	xārən	āran	sālin	
	3 л.	xāranəl	āpanəl	sālijanəl	
б) два обладаемых					
Ед. ч.	1 л.	xāraγəm	āraγaγəm	sālijaγəm	
	2 л.	xāraγən	āraγən	salijaγən	
	3 л.	xāraγe	āraγe	sālijaγe	

Дв. ч.	1 л.	χāraγamen	āraγamen	sālijaγamen
	2 л.	χāraγən	āraγən	sālijaγən
	3 л.	χāraγen	āraγen	sālijaγen
Мн. ч.	1 л.	χāraγuw	āraγuw	sālijaγuw
	2 л.	χāraγən	āraγən	sālijaγən
	3 л.	χāraγanəl	āraγənəl	sālijaγanəl

с) много обладаемых

Ед. ч.	1 л.	χāranəm	āranəm	sālijanəm
	2 л.	χāran	āranan	sālijan
	3 л.	χārane	ārane	sālijane
Дв. ч.	1 л.	χāranamen	āranamen	sālijanmen
	2 л.	χāran	āranən	sālijanən
	3 л.	χāranen	āranen	sālijanen
Мн. ч.	1 л.	χāranuw	āranuw	sālijanuw
	2 л.	χāran	āranən	sālijanən
	3 л.	χāranəl	āranəl	sālijanəl

К лично-притяжательным формам могут присоединяться и падежные окончания: χārəmp 'в мою лодку'. Лично-притяжательные суффиксы занимают место перед падежными окончаниями. Лично-притяжательные формы в транслитиве не употребляются.

§ 50. Показатель дв. числа обладаемого *-γ⁷¹ восходит к уральскому показателю дв. числа *-ka⁷². Происхождение показателя множественности обладаемого *-l, который имеется также и в хантыйском языке, еще не выяснено⁷³. Может быть, он идентичен с уральским суфф. *-l собирательного значения⁷⁴.

Среди собственно лично-притяжательных суффиксов элементы *-əm, *-ən/*-nV, а также *-t (в составе *-te) развились из древних лично-притяжательных суффиксов, которые по своему происхождению родственны личным местоимениям (но не идентичны с ними!). Суфф. -e вторичен, в первоначальном виде он представлен суфф. -te. (Возможно, что компонент -e данного суффикса восходит к отдельному элементу). Суфф. 3 л. мн. ч. *-nəl составлен из показателей мн. ч. *-n + *-l. (Возможно, что показатель мн. ч. *-n в составе *-nV входит также в состав суфф. 2 л. дв. и мн. ч. -n(ən) < *-n + гласный + n. Предположительно аналогичным же путем развился вторичный формант -ten⁷⁵. Происхождение суфф. -uw еще не выяснено⁷⁶.

§ 51. Мансийский язык довольно богат именными с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы м и с у ф ф и к с а м и, большинство из которых продуктивно и в современных диалектах.

⁷¹ Liim. Wog. 232 и сл.

⁷² HajdúBev. 68, 130—131.

⁷³ Liim. Wog. 231, 237—241.

⁷⁴ О суфф. *-l см. Leht. Abl. 145, особенно 150—152.

⁷⁵ Из литературы по лично-притяжательным суффиксам см. главным образом HajdúBev. 68 и сл. 131 и сл.; Liim. Wog. 211—241.

⁷⁶ Liim. Wog. 225.

Чаще всего употребляются следующие словообразовательные суффиксы имен существительных:

-aši; используется в отыменном словообразовании в собирательном значении: ср. χāl'aši 'березняк' (χāl' 'береза') и т. д. (о происхождении суффикса см. § М. 194);

-ke; используется в отыменном словообразовании в уменьшительном значении: sālike 'маленький северный олень' (sāli 'северный олень') и т. д.; восходит к ф.-у. *-kk (см. М. § 205);

-l; используется в отглагольном словообразовании для выражения результата действия: χolal 'конец', 'завершение' (χol- 'кончаться', 'завершаться') и т. д.; восходит к ф.-у. *-l (см. М. § 209);

-m; используется в отглагольном словообразовании для выражения процесса действия: poləm- 'журчание' (polγ- 'журчать') и т. д. (о происхождении см. М. § 213);

-ñś; используется в отыменном словообразовании; присоединяется главным образом к терминам родства: āśiñś 'вместе с дедом' (āši 'дед') и т. д.⁷⁷;

-p; используется в отглагольном словообразовании для выражения средства действия: saγp 'топор' (saγ- 'резать') и т. д.; восходит к ф.-у. *-p (см. М. § 227);

-rīś; используется в отыменном словообразовании; восходит к самостоятельному слову (ср. в. rész 'часть'); выражает ласку, сострадание, уничтожение: háwgamrīś 'ребеночек' (háwgam 'ребенок'), āmprīś 'собачонка' (āmp 'собака') и т. д.;

-sup; восходит к самостоятельному слову (sup 'половина чего-л.'): āni-sup 'тарелочка' (āni 'посуда', 'тарелка') и т. д.;

-ut; происходит от самостоятельного слова (ut 'что-л.', 'вещь'), ср. māñ-ut 'младенец' (māñ 'маленький', 'крошечный') и т. д.

§ 52. Словосложение существительных в мансийском языке не маркировано. Большинство сложных слов относится к какому-либо из следующих типов, выделенных в соответствии с принадлежностью первого компонента к частям речи: 1) первый компонент является существительным: śāj-put 'чайник для заварки' (śāj 'чай', put 'горшок') и т. д.; 2) первый компонент является прилагательным: māñ-uj 'мошка' досл. 'маленькое животное' и т. д.; 3) первый компонент является причастием или причастной конструкцией: wort-oln-ut 'медведь' досл. 'некто живущее или находящееся в лесу' и т. д.

Особый тип: ŋol-tus 'лицо' (ŋol 'нос', tus 'рот'), nē-χum 'супруги' (nē 'женщина', χum 'мужчина') и т. д.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 53. Для выражения значений степеней сравнения существуют разные способы: 1) синтаксический: akitenəl māñ 'он меньше (досл. 'маленький') своего дедушки' (абл.); 2) аналитический (опи-

⁷⁷ О происхождении и функции суффикса см. Liim. Wog. 199—201; P. Hajdú — NyK LXXI 61—78.

сательный): saka matum 'самый старей' (досл. 'очень старей'); 3) с помощью особого суффа. -nuw: kaḡəsnuw 'повыше' (kaḡəs 'высокий'), kantəḡnuw 'злее' (kantəḡ 'злой') и т. д. О происхождении суффа. -nuw см. х.-niḡət (§ 104).

§ 54. Прилагательное чаще всего выступает в функции определения. В этой роли прилагательное никаких окончаний не принимает и не согласуется с определяемым словом: выступая же в роли сказуемого, прилагательное согласуется с подлежащим в числе: ti āḡit māḡət 'эти девушки маленькие' (ti āḡi māḡ 'эта девушка маленькая') и т. д. Выступая в роли существительного, они принимают его окончания: jomasəmn 'к моему доброму' и т. д.

§ 55. Производных прилагательных в мансийском языке довольно много. К числу наиболее употребительных словообразовательных суффиксов прилагательных относятся следующие:

-ḡaḡəḡ; используется в отыменном словообразовании для выражения значения 'снабженный чем-л. в небольшой степени': witḡaḡəḡ 'мокротатый' (wit 'вода') и т. д.; восходит к самостоятельному слову *ḡaḡ 'облик', 'форма'.

-ḡ; используется в отглагольном и отыменном словообразовании для выражения обладания, принадлежности кому-либо, чему-либо, значения 'снабженный чем-л.': saməḡ 'имеющий хорошие глаза' (досл. 'имеющий глаз' от sam 'глаз'), ḡapatəḡ 'тяжелый', 'трудный' (ср. ḡapit- 'работать') и т. д.; происходит от ф.-у. *-ḡ (см. М. § 217—218);

-p, -pa; используется в отглагольном и отыменном словообразовании для выражения значения 'обладающий чем-л.': puḡkra 'имеющий голову', 'с головой' (puḡk 'голова') и т. д. (о происхождении суффикса см. М. § 226—227);

-tāl; используется в отыменном и отглагольном словообразовании в изъятельном (каритивном, лишительном) значении: ḡumtāl 'незамужняя' (ḡum 'мужчина', 'муж') и т. д., piltāl 'храбрый', 'смелый' (pil- 'бояться') и т. д.; восходит к угорскому периоду, состоит из двух суффиксов (о происхождении см. § 246—247).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 56. Числительные делятся на количественные, порядковые, делительные, множительные, собирательные, дробные, неопределенные.

По своей функции числительные во многом близки к прилагательным, но выражают количество или число.

§ 57. Количественные числительные со значением 'один' и 'два' имеют различную форму в зависимости от того, выступают ли они сказуемыми или определениями. Эта особенность, возможно, относится к угорскому периоду, ср. в. kettő и két 'два' (см. § 108), и в конечном счете связано с категорией дв-числа.

Единицы выражаются следующим образом: *aka*, *ak* 'один', *kitiγ*, *kit* 'два', *χūgəm* 'три', *ñila* 'четыре', *at* 'пять', *χōt* 'шесть', *sāt* 'семь', *ñololow* 'восемь', *ontolow* 'девять'.

Числительные, обозначающие числа от 1 до 7, — простые слова, но числительное 'шесть' включительно они восходят к финно-угорской эпохе; слово *sāt* 'семь', вероятно, — иранское заимствование угорского периода (ср. санскр. *saptá* 'семь'). Слово *sāt* 'семь' (в северном диалекте) совпало со словом, означающим 'сто'. Поэтому для различения значений 'семь' и 'сто' при обозначении числа 100 к слову *sāt* присоединяется определение *jāniγ* 'большой': *jāniγ sāt* 'сто' (досл. 'большая семерка'). Слова, обозначающие числа 8 и 9, соответственно состоят из *ñolo-* или *onto-* + *low* 'десять'. Слово *ñolo-* относится к угорскому периоду⁷⁸. Числительное *ñolo-low*, составленное из слов, обозначающих 'восемь' и 'десять', образовалось в процессе индивидуального развития мансийского языка. Слово *low* в состав числительного *ñololow* могло попасть по аналогии с *onto-low* 'девять'. Первый компонент этого слова (*onto*) происходит, вероятно, от послелoga (*ontsəl* 'рядом с ним'). Первоначально сложное слово *onto-low* 'девять' обозначало, по-видимому, 'рядом с (одним) десять' (ср. аналогичный состав слов со значением 'девять' в других угорских языках). Основой этой системы счета является десятичная система. Однако у северных манси в детских играх и ритуальных текстах выявляется семеричная система: *sāt* 'семь', *sāt os akwa* 'семь и один', *sāt os kitiγ* 'семь и два' и т. д., *sāt-sāt* 'семь семь' и т. д.⁷⁹

Десятки обозначаются следующими словами: *low* 'десять', *χūs* 'двадцать', *wāt* 'тридцать', *naliman* 'сорок', *atran* 'пятьдесят', *χōttran* 'шестьдесят', *sat-low* 'семьдесят', *ñol-sāt* 'восемьдесят', *ontəl-sāt* 'девятидесять'.

Числительное *low* 'десять' в этом значении встречается в марийском и саамском языках, а в значениях 'число' или 'считать', 'читать' — почти во всех финно-угорских языках (ср. кон. *lowənt-* 'считать', 'читать'), и возможно, что данное слово в последнем значении восходит к уральской эпохе. Слово *χūs* относится к финно-угорскому периоду. Слово *wāt* 'тридцать' неизвестного происхождения и употребляется лишь в мансийском языке. Числительные *naliman*, *atran* и *χōttran* — сложные слова. Их компоненты *-man*, *-ran* восходят к прамс. **man*, ф.-у. **mone*, значение которого могло быть 'десять' < 'много', 'несколько'⁸⁰. Интересно отметить, что слово **mone* в качестве числительного встречается только в угорских и пермских языках, т. е. в ветвях, в которых выявляется и слово *χūs* как числительное *χūs* 'двадцать'. Числительные *sāt-low* 'семьдесят', *ñol-sāt* 'восемьдесят', *ontəl-sāt* 'девятидесять' формировались в период самостоятельного развития ман-

⁷⁸ Об этимологии см. MSzFE, см. ниже *ñol-sat* 'восемьдесят'.

⁷⁹ В. Н. Чернецов — Яз. письм. I 177.

⁸⁰ См. MSzFE у слова *hatvan*.

сийского языка; образование этих числительных в разных диалектах происходит не совсем одинаково.

§ 58. Слова *sāt* (*jāniḡ sāt*) 'сто', *soṭər(a)* 'тысяча' — индоиранские заимствования (см. в хантыйском § 109). Словосочетание *jāniḡ sāt* 'большое сто' образовалось вследствие того, что в северном диалекте мансийского языка слова, обозначавшие числа 100 и 7, фонетически совпали и получилось смешение двух понятий: прам. **sēte* 'сто' > сев.-мс. *sāt* 'сто' и прам. **sāte* 'семь' > сев.-мс. *sāt* 'семь'.

§ 59. Количественные числительные, обозначающие числа от 10 до 20, в северном диалекте образуются по единому принципу — от слова, называющего соответствующую единицу + связующая морфема (послелог?): *-χujrə(-χujPu-)* + *low* 'десять', ср. *atχujrəlow* 'пятнадцать' (*at* 'пять') и т. д.

В диалектах при образовании этих числительных наблюдаются некоторые различия. (Единая система составления соответствующих слов в северном диалекте является, вероятно, результатом вторичного выравнивания). В юкондинском диалекте правила образования числительных, обозначающих числа от 11 до 17, те же, что и в северном: *ākχojrəlow* 'одиннадцать' (*āk-* 'один') и т. д. Однако числительные, обозначающие числа 18 и 19, образуются иначе: *mōt-lowp-ḡolow* 'восемнадцать' (*ḡolow* 'восемь'), *mōt-lowp-ōntəlow* 'девятнадцать' (*ōntəlow* 'девять'). Компонент *mōt-lowp* обозначает 'во вторую десятку' (*mōt* 'второй', *low* 'десять'). Этот способ образования числительных, обозначающих числа свыше 100, известен и в северном диалекте: *χūrmit sātḡ χūs* 'двести двадцать' (досл. 'в третью сотню двадцать') и т. д.

В разных диалектах образование числительных, обозначающих числа свыше 20, происходит неодинаково, например: *wāt-nūrək-itḡ* 'двадцать два' (досл. 'тридцать в направлении (послелог) два'), кон. *χūs-kitäḡ* 'двадцать — два'. Однако при их образовании, в частности, употребляется и слово *är* 'несколько', 'много', используемое и в хантыйских числительных (см. § 107), ср. зан. (пел.) *χūs är kitəḡ* 'двадцать два' (досл. 'двадцать больше два') и т. д.

Специфику образования числительных в северо-мансийском диалекте показывает следующий пример: *kitit sātḡ atpən nūrəl at* 'сто сорок пять' (досл. 'во вторую сотню в направлении к пятидесяти пяти'). В отличие от хантыйского языка при количественных числительных определяемое существительное всегда стоит в ед. числе: *kit sālḡ* 'два оленя' и т. д.

§ 60. Порядковые числительные, обозначающие 'первый' и 'второй', происходят не от корней числительных: *ōwəl* 'первый' (досл. 'начало', 'конец'), *mōtit* 'второй' (от *mōt* 'другой', производное от финно-угорского местоименного корня **mu*)⁸¹. Порядковые числительные, выражающие 'второй' и далее, образуются

⁸¹ См. MSzFE у слова *más*.

с помощью -it (в другом диалекте -ət, в середине слова — -int-), восходящего к ф.-у. *-mt⁸², например, atit 'пятый' (at 'пять'). В значении числительного 'второй', наряду с mötit употребляется также kitit (kit 'два').

§ 61. Делительные числительные представляют собой формы количественных числительных, снабженных окончанием инстр. -l: atəl 'пятью', 'по пять' и т. д.; делительные числительные часто употребляются удвоенно: kitçəl-kitçəl 'двумя', 'по два' и т. д.

В определенном смысле к делительным числительным можно отнести формы типа kittiç 'на два', 'пополам', çigmiç 'на три части' и т. д., в состав которых входят количественные числительные + окончание транслатива.

§ 62. Множительные числительные образуются с помощью слова ris 'слой', 'раз' так же, как и в хантыйском языке (см. § 111), например: çigm-ris 'трижды', 'в три ряда'.

Собирательные числительные образуются с помощью элемента -an: kitan 'двое', çigman 'трое' и т. д. Возможно, они являются формами количественных числительных с древним окончанием лат. -n. Подобным же образом в слово akat 'вместе' входит окончание лок.-t.

Дробные числительные образуются с помощью слова sup 'половина', 'штука' (х. čor, čow 'тж') и форм порядкового числительного с различными суффиксами: ñilit sup 'четверть', çig-gəm ñilit sup 'три четверти'; kitəntəç sup 'полтора' (kit 'два'), low os ak sup 'десять с половиной'. Слово sup 'половина', 'штука' в подобной роли употребляется также в отдельных хантыйских диалектах.

Неопределенные числительные по сути дела являются прилагательными, обозначающими количество: saw 'много', käsəç 'каждый' и т. д. При неопределенных числительных, обозначающих множество, определяемое существительное находится в форме ед. числа.

Некоторые суффиксальные частицы также могут выражать неопределенность количества, обозначенного числительным ақујрə-low 'примерно одиннадцать', kitaç-kem 'примерно два', 'приблизительно два' (kit 'два'), lowman-kem 'приблизительно десять' (low 'десять'); элемент -man вероятно идентичен элементу -man (<*mone), участвующему в образовании числительных, обозначающих десятки и т. д.

В языках мира относительно редко встречается присоединение эмфатических суффиксов к числительным, что имеет место в мансийском языке (у количественных и порядковых числительных): low-ke 'милая десятка' ('десять нечто хорошее'), low-riç 'плохая десятка' ('десять нечто плохое') и т. д.⁸³

⁸² NajdúBev. 145—146, см. еще Coll. Comp. 261.

⁸³ Мы не затронули вопросов о способах образования числительных, обозначающих числа свыше 100.

МЕСТОИМЕННЯ

§ 63. Местоимения в мансийском языке делятся на личные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные и обобщающие.

Л и ч н ы е местоимения образуют две группы: а) собственно-личные и б) усилительно-личные и возвратные местоимения.

Собственно-личные местоимения

Ед. ч. 1 л. am	Дв. ч. 1 л. mēn	Мн. ч. 1 л. mān
2 л. naŋ	2 л. nēn	2 л. nān
3 л. taw	3 л. tēn	3 л. tān

Корни личных местоимений (элемент -m местоимения am, далее mē-, mā-; na-, pē-, pā-; ta-, tē- и tā-) древнего происхождения (см. Л. § 2, 12). Местоимение 1-го лица ед. числа am восходит к прамс. *āme, элемент которого *ā- (>сев.-мс. а-) происходит от эмфатического элемента или древнего указательного местоимения⁸⁴. Из подобных же элементов образовалось, по-видимому, и венгерское личное местоимение én 'я'⁸⁵. (Об элементах личных местоимений -ŋ, -w или -p, см. § 113).

Не считая фонетических различий и отсутствия форм дв. числа в тавдинском диалекте, личные местоимения одинаковы на всей (исторической) территории мансийского языка. Единственное отклонение проявляется в тавдинской форме māŋ (сев. mān) 'мы'. Следует отметить, что подобная форма обнаруживается и в хантыйском языке (см. х. mŋŋ)⁸⁶.

§ 64. Особенность склонения личных местоимений заключается в том, что у личных местоимений есть самостоятельная форма аккузатива, а форма транслатива не употребляется. В отдельных диалектах датив также имеет отдельную форму.

В 1-м лице ед. числа местоимения имеют основу ān- (в отдельных диалектах *ātnə-, *āmnə-).

В аккузативе личные местоимения имеют следующие формы:

Ед. ч. 1 л. ānəm	Дв. ч. 1 л. mēnmēn	Мн. ч. 1 л. mānaw
2 л. naŋən	2 л. nēnan	2 л. nānan
3 л. tawe	3 л. tētēn	3 л. tānanəl

Форманты личных местоимений в аккузативе совпадают с лично-притяжательными суффиксами. Формы личных местоимений с лично-притяжательными суффиксами служат также основами для образования косвенных падежей: ср. ānəmnəl 'от меня', mēnmēnnəl 'от нас' (дв. ч.) и т. д.

⁸⁴ Liim. Wog. 213—214.

⁸⁵ MSzFE, см. у слова én.

⁸⁶ О мансийских личных местоимениях см. литературу, приведенную в работах Лиимолы: Liim. Wog. 211—241, FUF XXVIII 20—56.

Личные местоимения часто встречаются в послеложных конструкциях. В этом случае (ныше) к послелогу обычно присоединяется и лично-притяжательный суффикс: *am jotəm* 'со мной' (послелог *jot*), *paŋ jotəp* 'с тобой' и т. д. К послелогу непосредственно присоединяется падежный суффикс, потом — лично-притяжательный: *mān pāltuw* 'у нас' (*pāl* 'половина', 'сторона', -t — суффикс локатива, -uw — лично-притяжательный суффикс) и т. д. (Подобный порядок имеет место и в венгерском языке: в. *mellettem* 'рядом со мной' и т. п.).

В тех диалектах, где при склонении существительных имеется самостоятельное окончание аккузатива (например, в тавдинском), личное местоимение в аккузативе имеет двоякую форму: тав. *ānəm* (ср. сев. *ānəm*) 'меня' и *ānāmmi* (-mi — окончание аккузатива) и т. д.

§ 65. У с и л и т е л ь н о - л и ч н ы е местоимения образуются от собственно-личных местоимений присоединением усиленного элемента -ki (в других диалектах частично -ŋ, -ŋk): *amki* 'я сам', *paŋki* 'ты сам' и т. д.

К усилительно-личным местоимениям могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы, и в этом случае местоимения обозначают: 'я сам', 'я один', 'ты сам', 'ты один' и т. д.: *amkkm* 'я сам', 'я один' и т. д. (Подобные конструкции см. и в хантыйском языке, § 113.)

В о з в р а т н ы е личные местоимения образуются от усиленных личных местоимений + -па (-па может и отсутствовать) + соответствующий лично-притяжательный суффикс: *amkinal* или *amkim* 'самого меня', *paŋkīnan* 'самого тебя' и т. д.⁸⁷

§ 66. У к а з а т е л ь н ы е местоимения выступают в роли существительных, прилагательных и наречий.

Указательные местоимения в мансийском противопоставляются по указанию на близость — дальность.

Местоимение-существительное *tī* 'этот' указывает на близкое расположение предмета, *ta* 'тот' — на его дальнейшее расположение. Оба местоимения имеют и усиленные формы: *tiji*, *taji*.

В функции определения указательные местоимения-существительные не склоняются, в функциях же неопределительных они изменяются как существительные. Указательные местоимения-существительные имеют и форму аккузатива:

Ед. ч. <i>tiji</i>	Дв. ч. <i>tijijiy</i>	Мн. ч. <i>tijitət</i>	'этот'
<i>taji</i>	<i>tajijiy</i>	<i>tajitət</i>	'тот'

При склонении используются следующие основы указательных местоимений:

Ед. ч. <i>tiji-</i>	Дв. ч. <i>tijijiy-</i>	Мн. ч. <i>tijit-</i>	'этот'
<i>taji-</i>	<i>tajijiy-</i>	<i>tajit-</i>	'тот'

⁸⁷ М. L i i m o l a — FUF XXVIII 55.

В ед. числе совпадают основа склонения и форма аккузатива, в дв. числе — основа склонения и формы номинатива, а также аккузатива, во мн. числе — основа склонения и форма номинатива.

Корни указательных местоимений-существительных восходят к древним корням указательных местоимений (см. Л. § 2).

§ 67. У к а з а т е л ь н ы е местоимения-прилагательные являются большей частью аналитическими конструкциями или словосочетаниями: *tī-χurip* 'такой (как это)', *tī-kem* 'тж', *ta-χurip* 'такой (как то)', *ta-kem* 'тж', *taml'e* 'такой', 'подобный'. Элемент *-l'e* местоимения *taml'e*, по-видимому, — суффикс (или сложный суффикс, ср. суффикс прилагательного **-l'*⁸⁸, *-m* древний местоименный суффикс, см. М. § 302).

Указательные местоименные наречия происходят от корней указательных местоимений в формах трех застывших падежей в соответствии с вопросами «где», «куда», «откуда»:

tit 'здесь' *ti:l* 'отсюда' *tiχ* 'сюда'
tot 'там' *tuwl* 'оттуда' *tuw* 'туда'

Элемент *-t* — окончание локатива (см. М. § 62), *-l* — развился из угорского абл. **-l* (см. М. § 72, 80), а *-χ* — из древнего лат. **-k* (см. М. § 71, 73)⁸⁹.

§ 68. Вопросительные местоимения делятся на 1) местоимения-существительные: *χōtχa* 'кто?', 'кого?', *χotχut* 'кто?', 'кого?' (из числа нескольких, многих); *matəg* 'что?', 'что?' (вн. п.); 2) местоимения-прилагательные и местоимения-числительные: *mana* 'что за?', *man-χurip* 'какой?' (какого цвета, качества и т. д.), *manaχ* 'сколько?'; 3) местоимения-наречия: *χōt* 'где?', *χotəl* 'откуда?', *χotal'* 'куда?'; 4) местоименные наречия времени: *χit* 'когда?'; 5) местоименные наречия образа действия и причины: *χuml'e* 'как?', *matəgəχ* 'почему?', *manigəl* 'в качестве чего?' и т. д.

Вопросительные местоимения происходят от древних (уральских, финно-угорских) местоименных корней⁹⁰ (см. Л. § 2).

Относительные местоимения тождественны вопросительным, от которых они отличаются по функции в предложении.

§ 69. Н е о п р е д е л е н н ы е местоимения по структуре большей частью представляют собою производные или затемненные сложные слова: *χотра* 'кто-то', *matəg* 'что-то', *matχurip* 'какой-н.', *manaχ-kem* 'сколько-н.' и т. д.

В отдельных диалектах существуют разные варианты неопределенных местоимений: юк. *χon-nārtə* 'кто-то', 'кто-н.', *āl-χon-nārtə* 'тж' и т. д.

§ 70. Только в северомансийском диалекте (и в хантыйском языке) имеется отрицательное местоимение следующего

⁸⁸ Leht. Abl. 179.

⁸⁹ См. литературу по данному вопросу: Liim. Wog. 162—194 и сл.

⁹⁰ См. об их формах: Liim. Wog. 45 и сл., а также 162—194.

типа: *nem-χot*pa 'никто', *nem-χot* 'нигде', *nem-χuit* 'никогда' и т. д.⁹¹ Примеры из других диалектов: юг. *ât/i-χon-nâr* 'никто' (*ât/i* 'не'), *ât/i-χot* 'нигде', *ât/i-χun* 'никогда' и т. д.

§ 71. Число обобщающих местоимений невелико: *pus(sən)* 'все', 'весь', *kāsət* 'каждый (отдельный)', *mōt(an)* 'другой', 'другой из' и т. д.⁹²

ГЛАГОЛ

§ 72. Все спрягаемые формы глагола (*verbum finitum*) выражают лицо, число, время, наклонение, а также залог.

В пределах активного спряжения у непереходных глаголов форма общего спряжения указывает только на подлежащее предложения. Форма же общего спряжения переходного глагола на нулевой ступени указывает на прямое дополнение — неопределенный объект.

Если прямое дополнение выражает определенный (детерминированный) объект, то в предложении употребляется определенное спряжение глагола. Глагольная форма объектного спряжения указывает на определенный характер и на грамматическое число объекта, выраженного прямым дополнением, например, *tī pē am wā'λəm* 'эту женщину я знаю' и т. д.

Для мансийского языка характерно, что в активном спряжении имеются особые эмфатические формы наклонения, выражающие ласкательное значение (при помощи элемента *-ke-*) и сожаление (при помощи элемента *-riš:* *totikem* 'несу (охотно, с любовью)' (*tot-* 'приносить'), *totirišəm* 'несу (с сожалением, это мне в тягость)'; *totekeln* 'принеси (милый) (это)' (подразумевается определенный прямой объект) и т. д.

Страдательное спряжение в мансийском (так же как и в хантыйском) употребляется очень часто не только при наличии переходного, но и непереходного глагола: *matərn tī juwemēn* 'сюда кто-то идет' (к нам, дв. ч.).

Выражение будущего действия возможно при помощи аналитической конструкции, состоящей из инфинитива смыслового глагола и спрягаемых форм глагола *pat-* 'начинать', 'стать чем-л.'. В исчезнувшем тавдинском диалекте буд. время обозначалось специальным формальным элементом (см. ниже § 74).

Наряду с обычным прош. временем имеется также историческое прошедшее (*perfectum historicum*), образуемое с помощью причастия прош. времени (законченного действия) подобно форме исторического прош. в северном (шурышкарском) диалекте хантыйского языка (см. § 119). Кроме того, в мансийском, как и в восточных (например, в ваховском) диалектах хантыйского языка,

⁹¹ О происхождении мс. *nem-*, см. MSzFE слово *nem*.

⁹² Соответствия встречаются в хантыйском и некоторых других родственных языках (например: в. *mās*, ф. *muu* 'другой' и т. д.).

историческое прошедшее имеет формы и объектного спряжения. Историческое прошедшее употребляется, если действие или событие происходило не на глазах говорящего или если говорящий желает подчеркнуть, что одно действие (уже) закончилось до начала другого. Историческое прошедшее законченное (*praeteritum perfectum*) в первой функции употребляется главным образом в фольклоре, во второй — и в общеразговорном языке ⁹³.

Для выражения недостоверности, видимости действия или процесса в качестве финитной формы может употребляться и причастие наст. времени (незаконченного действия), снабженное лично-притяжательными суффиксами: *totnem* '(оказывается) я несу' (*tot* 'нести') и т. д.

§ 73. В мансийском языке к корню глагола может присоединяться несколько суффиксов, число которых в принципе может достигать до пяти. Непосредственно за основой глагола следует показатель залога, за ним (в перечисленном выше порядке) — показатели наклонения, времени, а затем (при определенном спряжении) формант, указывающий на прямое дополнение. При образовании финитных форм причастия к основе глагола присоединяется суффикс причастия, а затем личное окончание (по общему правилу собственно-личные форманты стоят всегда последними в ряду других).

§ 74. Показателем настоящего времени глагола в изъявительном наклонении является *-γ, который различным образом реализуется в отдельных диалектах и формах, а также в различных (частично зависимых и от корня глагола) фонетических позициях: -(е)γ- (1 и 2 л. ед. ч.; 2 и 3 л. дв. ч.; 2 и 3 л. мн. ч.), -i- (3 л. ед. ч.; 1 л. дв. ч., а также в определенном спряжении), -e- (1 л. мн. ч. в страдательном спряжении); юк. -â- (огубленный гласный) (1 и 2 л. ед. ч.; 2 и 3 л. дв. ч.; 2 и 3 л. мн. ч.), -aj- (3 л. ед. ч.; 3 л. дв. ч. определенного спряжения), -i- (3 л. ед. ч.; 1 и 2 л. дв. ч.; 2 л. мн. ч., в определенном спряжении за исключением 3 л. дв. ч.), -o- (1 л. мн. ч.) и т. д.

В тавдинском диалекте в качестве показателя наст. времени выступал -änt- или -l-. В общем спряжении за этим показателем следовал еще элемент -e-, по-видимому, идентичный показателю наст. времени -γ других диалектов.

В общем спряжении тавдинского диалекта показателями буд. времени выступают: -e- и -i (3 л. ед. ч.), а в определенном и страдательном спряжениях i (<ij) он восходит к уральскому показателю *-j ⁹⁴.

Показателем прош. времени во всех диалектах является *-s.

§ 75. Показатель наст. времени *γ, возможно, восходит к предполагаемому финно-угорскому показателю наст. времени *-k ⁹⁵,

⁹³ В. И. Чернецов — Яз. письм. I 185—186.

⁹⁴ См. Coll. Comp. 303.

⁹⁵ См. HajdúBev. 72.

но не менее вероятно его происхождение от финно-угорского словообразовательного суффикса, выражавшего многократное действие⁹⁶.

Тавдинские показатели наст. времени преобразовались также из словообразовательных суффиксов многократного действия (см. выше); тавдинский показатель *-l идентичен -l-овому показателю в хантыйском (см. § 121).

Показатель прош. времени -s (< *-ś) развился из уральского показателя прош. времени *-ś (см. М. § 142—143).

§ 76. Изъявительное наклонение не имеет специального показателя, но таковыми могут считаться показатели времени, употребляющиеся только в изъявительном наклонении.

Повелительное наклонение немаркировано. В общем спряжении форма 2-го лица состоит из основы глагола + личное окончание 2-го лица, а в определенном спряжении — из основы глагола + элемент, указывающий на определенный объект + личное окончание 2-го лица.

Форма повелительного наклонения имеется и в страдательном спряжении, где личное окончание присоединяется к суффиксальной страдательной основе глагола.

В общем спряжении повелевание 2-му лицу может выражаться только глагольной основой, например: min! 'иди!', tuw suns! 'смотри туда!' и т. д.⁹⁷

В личных формах повелительного наклонения почти нет расхождений (результат выравнивания?).

Для выражения значения повелительного наклонения могут употребляться также формы 1-го и 3-го лиц изъявительного наклонения + частица wos (юк. tāk) 'пусть': wos jini 'пусть он кроит, режет' и т. д.

Показателем условного наклонения является суфф. -nuw, унаследованный от прауральского периода⁹⁸, например totnuwləm 'я привел бы (его)' и т. д.

Наряду с формой условного наклонения пожелание может выражаться и особым способом — формами изъявительного наклонения + частица -ke (-ki): totsən ki 'если бы ты мог принести' и т. д. Подобное положение наблюдается и в хантыйском языке (см. § 123).

§ 77. Активное спряжение не имеет залогового показателя (подобное положение характерно и для других финно-угорских языков, в которых существует и пассивное спряжение). Прамансийский суффикс страдательного значения *-w происхо-

⁹⁶ Не исключено, что двоякое объяснение в конечном счете может быть сведено к одному: суффикс многократного действия > показатель наст. времени, см. еще х. *-γ, а также -a, -i (см. Gansch. Die Verbalbildung... 33 и сл., а также 27 и сл., 45 и сл.).

⁹⁷ В. Н. Чернецов — Яз. письм. I 185.

⁹⁸ HajdúBev. 71, 136—138.

дит от уральского словообразовательного суф. *-w возвратного значения ⁹⁹.

§ 78. Личные окончания общего (безобъектного) спряжения:

Ед. ч. 1 л. -эм	Дв. ч. 1 л. -мен	Мн. ч. 1 л. -(ə)w
2 л. -эп	2 л. -эп	2 л. -эп
3 л. -	3 л. -γ	3 л. -ət

В основном личные окончания общего спряжения глагола употребляются во всех глагольных парадигмах (в том числе и страдательного спряжения), кроме некоторых форм определенного спряжения. Вариантность некоторых форм объясняется в большинстве случаев фонетическими причинами. Однако следует отметить, что варианты основ и варианты форм наклонений (например, повелительного наклонения) еще не полностью выяснены.

§ 79. В общем спряжении личные окончания 1-го и 2-го лица как по форме, так и по происхождению тождественны лично-притяжательным суффиксам. Формы трех лиц совпадают с показателями числа у существительных ¹⁰⁰.

Личные окончания определенного спряжения глагола помимо лица подлежащего указывают на определенность и грамматическое число прямого дополнения.

Полная система форм в определенном спряжении выявляется лишь в северном и (не считая дв. числа) тавдинском диалектах. В северном диалекте 27 окончаний. Из них одинаковы формы 2-го лица, указывающие лицо подлежащего, а также формы, указывающие в 3-м лице мн. числа на прямое дополнение ед. и мн. числа. Кроме этих совпадений есть 20 самостоятельных окончаний определенного спряжения глагола ¹⁰¹.

На определенный объект указывает специальный формальный элемент — показатель прямого дополнения 1 и 2 л. ед. ч. -l-. В противоположность общему спряжению в 3-м лице ед., дв. и мн. числа в роли показателя определенного прямого дополнения выступают личные окончания, совпадающие по форме с соответствующими лично-притяжательными суффиксами. Показатель прямого дополнения дв. числа — -aγ-, мн. числа — -ап-.

§ 80. Личные окончания глаголов в определенном (объектном) спряжении ¹⁰²:

⁹⁹ HajdúBev. 148.

¹⁰⁰ HajdúBev. 73 и сл.

¹⁰¹ Поскольку варианты форм в юкондинском диалекте пока неясны, целесообразно не учитывать материалы этого диалекта. То же самое относится и к нескольким другим исчезнувшим диалектам.

¹⁰² Наряду с формантами северного диалекта мы показываем форманты исчезнувшего тавдинского диалекта, причем личные окончания определенного спряжения приводятся вместе с показателями, указывающими на грамматическое число прямого дополнения.

Число и лицо подлежащего	Сев.	Тав.	Число прямого дополнения
Ед. ч. 1 л.	-ləm	-ləm/-təm	ед. ч.
	-aγəm	{ -länəm/-tänəm	дв. ч.
	-anəm		мн. ч.
	2 л. -lən		-lən/-ten
	-aγən	{ -länən/-tänən	дв. ч.
	-an(ən)		мн. ч.
	3 л. -te		-l/-t, -ti(l)
	-aγe	{ -läni/-täni	дв. ч.
	-ane		мн. ч.
Дв. ч. 1 л.	-lamen		
	-aγmen		дв. ч.
	-anmen		мн. ч.
	2 л. -lən		ед. ч.
	-aγən		дв. ч.
	-an(ən)		мн. ч.
	3 л. -ten		ед. ч.
	-aγen		дв. ч.
	-anen		мн. ч.
Мн. ч. 1 л.	-ləw	-lūw/-tūw	ед. ч.
	-aγəw	{ -länūw/-tänūw	дв. ч.
	-anəw		мн. ч.
	2 л. -lən		-lənä/-tənä
	-aγen	{ -lännə/-tännə	дв. ч.
	-an(ən)		мн. ч.
	3 л. -anəl		
	-aγanəl	{ -län/-tän	дв. ч.
	-anəl		мн. ч.

В юкондском диалекте окончание 3-го лица мн. числа по подлежащему указывает на мн. число прямого дополнения: -änänəl (< -än + -änəl); в тавдинском диалекте окончания, начинающиеся с -t, употребляются в прош. времени.

§ 81. Показатели прямого определенного дополнения в дв. или во мн. числе (*-γ или *-n) восходят к древним показателям дв. или мн. числа (см. М. § 32, 34).

Происхождение показателя прямого определенного дополнения -l- и тав. -t- спорно¹⁰³. По нашему мнению, *-l- и тав. *-t- может происходить от древнего финно-угорского показателя прош. времени. Подобное явление обнаруживается и в хантыйском языке (х. -i- < *j); мс. *-l можно сопоставить с мд. *-l (показателем исторического прошедшего). Относительно *-t- см. пока-

¹⁰³ Об указании на определенный прямой объект см. особенно в работах: HajdúBev, 73—78, 140—144; K. R é d e i — ALH XVI 128—133; Liim. Wog. 230—232; Congr. II 313—318; в данных работах приведены и другие литературные источники.

затели прош. времени в венгерском языке -t-, -tt- и т. д. О происхождении собственных окончаний определенного спряжения см. § 79.

§ 82. Основы глагола делятся на многосложные неизменяющиеся, оканчивающиеся на согласный или на гласный и односложные изменяющиеся, оканчивающиеся на гласный (ср. mi-~maj- 'дать', ji(j)-~juw 'приходить' и т. д.). О фонетических вариантах основ см. § 28.

§ 83. О б щ е е (безобъектное) с п р я ж е н и е (глагол с неизменяющейся основой на согласный tot- 'нести').

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л.	toteγəm	Дв. ч.	totimen	Мн. ч.	totew
2 л.	toteγən		toteγən		toteγən
3 л.	toti		toteγ		toteγət

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л.	totsəm	Дв. ч.	totsəmen	Мн. ч.	totsuw
2 л.	totsən		totsən		totsən
3 л.	totəs		totsiγ		tosət

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Ед. ч. 2 л.	totən(-en)	Дв. ч.	toten	Мн. ч.	toten(-an)
-------------	------------	--------	-------	--------	------------

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Ед. ч. 1 л.	totnuwəm	Дв. ч.	totnuwamen	Мн. ч.	totnuwuw
2 л.	totnuwən		totnuwən		totnuwən
3 л.	totnuw		totnuwiγ		totnuwət

Страдательное спряжение

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л.	totawem	Дв. ч.	totawemen	Мн. ч.	totawew
2 л.	totawen		totawen		totawen
3 л.	totawe		totaweγ		totawet

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л.	totwesəm	Дв. ч.	totwesəmen	Мн. ч.	totwesuw
2 л.	totwesən		totwesən		totwesən
3 л.	totwes		totwesiγ		totwesət

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ*

Ед. ч. 2 л. *wos totawen* Дв. ч. *wos totawen* Мн. ч. *wos totawen*

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ*

Ед. ч. 1 л.	<i>totnuwem</i>	Дв. ч.	<i>totnuwamen</i>	Мн. ч.	<i>totnuwew</i>
2 л.	<i>totnuwen</i>		<i>totnuwen</i>		<i>totnuwen</i>
3 л.	<i>totnuwe</i>		<i>totnuwen</i>		<i>totnuwet</i>

§ 84. Определенное (объектное) спряжение

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч. 1 л.	<i>totiləm</i>	Дв. ч.	<i>totiləmen</i>	Мн. ч.	<i>totiluw</i>
2 л.	<i>totilən</i>		<i>totilən</i>		<i>totilən</i>
3 л.	<i>totite</i>		<i>totiten</i>		<i>totijanəl</i>

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч. 1 л.	<i>totijaəm</i>	Дв. ч.	<i>totijaəmen</i>	Мн. ч.	<i>totijaəuw</i>
2 л.	<i>totijaən</i>		<i>totijaən</i>		<i>totijaən</i>
3 л.	<i>totijaə</i>		<i>totijaən</i>		<i>totijaəanəl</i>

в) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч. 1 л.	<i>totijanəm</i>	Дв. ч.	<i>totijanamen</i>	Мн. ч.	<i>totijanuw</i>
2 л.	<i>totijan(ən)</i>		<i>totijan(ən)</i>		<i>totijan(-ən)</i>
3 л.	<i>totijane</i>		<i>totijanen</i>		<i>totijanəl</i>

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч. 1 л.	<i>totəsləm</i>	Дв. ч.	<i>totəsləmen</i>	Мн. ч.	<i>totəsluw</i>
2 л.	<i>totəslən</i>		<i>totəslən</i>		<i>totəslən</i>
3 л.	<i>totəste</i>		<i>totəsten</i>		<i>totsanəl</i>

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч. 1 л.	<i>totsaəm</i>	Дв. ч.	<i>totsaəmen</i>	Мн. ч.	<i>totsaəuw</i>
2 л.	<i>totsaən</i>		<i>totsaən</i>		<i>totsaən</i>
3 л.	<i>totsaə</i>		<i>totsaən</i>		<i>totsaəanəl</i>

в) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч. 1 л.	totsanəm	Дв. ч.	totsanamən	Мн. ч.	totsanuw
2 л.	totsan(ən)		totsan(ən)		totsan(ən)
3 л.	totsanə		totsanen		totsanəl

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч. 2 л.	toteln	Дв. ч.	toteln	Мн. ч.	toteln
-------------	--------	--------	--------	--------	--------

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч. 2 л.	toteɣən	Дв. ч.	toteɣən	Мн. ч.	toteɣən
-------------	---------	--------	---------	--------	---------

в) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч. 2 л.	toten	Дв. ч.	toten	Мн. ч.	toten
-------------	-------	--------	-------	--------	-------

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа:

Ед. ч. 1 л.	totnuwləm	Дв. ч.	totnuwlamən	Мн. ч.	totnuwluw
2 л.	totnuwlən		totnuwlən		totnuwlən
3 л.	totnuwte		totnuwten		totnuwanəl

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. числа:

Ед. ч. 1 л.	totnuwaɣəm	Дв. ч.	totnuwaɣmen	Мн. ч.	totnuwaɣuw
2 л.	totnuwaɣən		totnuwaɣən		totnuwaɣən
3 л.	totnuwaɣe		totnuwaɣen		totnuwaɣanəl

б) определенное прямое дополнение находится в форме мн. числа:

Ед. ч. 1 л.	totnuwanəm	Дв. ч.	totnuwanmən	Мн. ч.	totnuwanuw
2 л.	totnuwan(ən)		totnuwan(ən)		totnuwan(ən)
3 л.	totnuwane		totnuwanen		totnuwanəl

§ 85. Неспрягаемые формы глагола грамматически делятся на инфинитив, причастие и деепричастие. Некоторые имена, образованные от глаголов, также сходны с именными формами глагола (см. раздел об именных суффиксах отглагольного образования § 51)¹⁰⁴. Суффиксы неспрягаемых форм присоединяются непосредственно к основе глагола.

¹⁰⁴ Об инфинитивных формах мансийского глагола см.: KispálVIM 252.

И н ф и н и т и в образуется посредством суфф. -ткe (юк. -χ): totu_ткe 'нести' (от tot-) и т. д.; -ткe происходит от ур. *-тк¹⁰⁵.

Имеется два причастия: 1) причастие, обозначающее незаконченное действие, протекающее одновременно с действием, выраженным сказуемым; образуется при помощи -пе: totne 'несущий' (от tot-); является продолжением уральского отглагольного суфф. *-п¹⁰⁶; 2) причастие прош. времени, обозначающее законченное, прошлое действие, образуется при помощи -м: totəm 'унесший', 'унесенный' (от tot-). О его происхождении см. М. § 213.

Деепричастие образуется посредством суфф. -im(a): totim(a) 'нося' (от tot-) и т. д. (О соответствии суфф. -im(a) в хантыйском см. § 131¹⁰⁷).

§ 86. Обладая глагольными свойствами, инфинитные формы могут управлять дополнениями и обстоятельствами: ипн χāхпе χōnt 'войско, идущее в гору' (иг 'гора', -п — лативный суффикс). Инфинитные формы во всех других отношениях ведут себя как имена.

Формы причастия с лично-притяжательными суффиксами могут выступать и как финитные формы (см. еще § 132).

Лично-притяжательные формы причастий

Причастие незаконченного действия

(totne 'несущий')

Ед. ч. 1 л.	totnem	Дв. ч.	totnemen	Мн. ч.	totnew
2 л.	totnen		totnen		totnen
3 л.	totnete		totnen		totnenəl

Причастие законченного действия

(totəm 'унесший', 'унесенный')

Ед. ч. 1 л.	totməm	Дв. ч.	totməmen	Мн. ч.	totmuw
2 л.	totmən		totmən		totmən
3 л.	totəm		totmiγ		totmət

§ 87. Для глагола характерно довольно богатое суффиксальное словообразование. Наиболее часто употребляемые суффиксы:

-χat/-aχt-; используется в отглагольном словообразовании для выражения возвратного действия: masχat- 'одеваться' (mas- 'одевать') и т. д.; восходит к уральскому глагольному *-kt, (см. М. § 262—263);

-l-; используется: а) в отыменном словообразовании, б) в отглагольном словообразовании для выражения повторного дейст-

¹⁰⁵ HajdúBev. 147.

¹⁰⁶ HajdúBev. 146, KispálVIM 67—192.

¹⁰⁷ См.: KispálVIM 193—239, особенно стр. 270 и сл.

вия: *šaχənl-* 'бить кулаками' (*šaχəp* 'кулак'), *ujəl-* плавать (часто, в разные стороны)' (*uj-* 'плавать') и т. д.; восходит к ур. **-l* (см. М. § 268—269);

-m-; используется: а) в отыменном словообразовании, б) в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного действия: *tēlm-* 'наступать (о зиме)' (*tēli* 'зима'), *mūgm-* 'погрузиться (в воду)', 'утонуть' (*mūg-* 'погружаться', 'тонуть') и т. д. (о происхождении см. М. § 271—272);

-nt-; используется в отглагольном словообразовании для выражения повторного действия: *minant* 'хаживать' (*min-* 'идти') и т. д.; восходит к ф.-у. **-nt*, см. М. § 279;

-p-; используется в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного действия: *masap-* 'быстро одеть' (*mas-* 'одевать') и т. д.; восходит к ур. **-p* (**-pp*), см. М. § 284;

-s-; используется в отглагольном словообразовании для выражения повторного действия: *jalas-* 'хаживать' (*jal-* 'ходить') и т. д.; восходит к ур. **-s*.

-t-; используется: а) в отыменном словообразовании, б) в отглагольном словообразовании для выражения побудительного действия: *potərt* 'говорить' (*potəg* 'речь'), *χańšt-* 'учить' (*χańš-* 'знать') и т. д.; восходит к ур. **-t* (**-tl*), см. М. § 293—294.

НАРЕЧИЯ

§ 88. Наречия представляют собою застывшие падежные формы местоимений плп имен, сохранившие много архаических падежных окончаний. Не исключено, что некоторые из наречий относятся к угорскому или еще более древнему периоду.

Наречия делятся на три основные группы: обозначающие место, время и другие обстоятельства.

Наречия места отвечают на вопросы «где?», «откуда?», «куда?»:

<i>kon</i>	'снаружи', 'вне'	<i>konəl</i>	'извне'	<i>kona, konal'</i>	'наружу'
<i>numən</i>	'наверху'	<i>numəl</i>	'сверху'	<i>pōnχ, pōnχal'</i>	'вверх'
<i>jolən</i>	'внизу' и т. п.				

К наречиям времени относятся: *ań* 'теперь', *ət'i* 'ночью', *χolit(an)* 'завтра' и т. д.

Наречия, обозначающие различные обстоятельства: *saka* 'очень', *pəlriś* 'быстро' (*pəlp* 'быстрый') и т. д. (их меньше, чем наречий предыдущей группы).

§ 89. Часть наречий образовалась с помощью древних, уже непродуктивных, падежных окончаний, часть — с помощью словообразовательных суффиксов. Первый способ характерен главным образом для наречий места, второй — для наречий последней группы: *pəlriś* 'быстро' и т. д.¹⁰⁸

¹⁰⁸ Об окончаниях и образовании мансийских наречий см. Liim Wog. 131—199.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 90. К служебным словам относятся послелогои, союзы и частицы¹⁰⁹.

Послелогои в предложении самостоятельно не употребляются: они связаны с именем или местоимением, имеющим форму им. падежа и расположенным перед послелогом. Послелогои представляют собою застывшие падежные формы местоимений или существительных: ult(t)а 'через', 'сквозь' (происходит от местоименного корня, см. § 137), kiwərt 'в' (на вопрос «где?»), kiwərn 'в' (на вопрос «куда?»), kiwərnəl 'из' (kiwəg 'внутренняя часть', 'внутренность') и т. д.

К послелогам могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы: am paḡsəḡ 'за меня', paḡ jotəḡ 'с тобой' и т. д.

Союзы выступают в сочинительной функции: os 'и', maḡ 'или', le...le 'то...то' и т. д. Подчинительные союзы являются в действительности относительными местоимениями (см. § 68): maḡəg 'что', χiḡ 'когда' и т. д. Некоторые частицы также могут выступать и в функции союзов: wos 'пусть', 'что', ke 'если' и т. д.

Функцию союза может иметь и суффикс дв. числа; pēḡiḡ-χiḡiḡ 'женщина и мужчина' и т. д.

Частицы делятся на 1) усилительные: os 'еще', tōp 'лишь' и т. д., 2) вопросительные: -a: sōl'-a 'правда ли' и т. д., 3) отрицательные: at 'нет', ul 'не' и т. д., 4) выражающие собственно модальность: ke 'если' и т. д.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 91. Междометия выражают отношение говорящего к содержанию сообщения и в действительности представляют собой самостоятельные слова-предложения, например, ku (выражает сожаление), anama 'тж', χata (употребляется для привлечения внимания, порицания), kāj (употребляется для выражения удивления и привлечения внимания), a-a (выражает согласие, утверждение) и т. д.

МОРФОЛОГИЯ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹¹⁰

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 92. В хантыйском языке существительные имеют два типа склонения: 1) абсолютное, в котором в качестве основы склонения выступает основная форма слова, и 2) лично-притя-

¹⁰⁹ В обзоре этих категорий слов мы исходим скорее из практических, чем из теоретических соображений.

¹¹⁰ Морфология хантыйского языка изложена на основе шурышкарского (северного) диалекта, данные из которого приводятся без помет.

жательное, в котором основой склонения является лично-притяжательная форма существительного.

В абсолютном склонении имя существительное участвует лишь своим общим значением: $\dot{\chi}ot\acute{e}n$ 'в доме' ($\dot{\chi}ot$ 'дом'), $r\acute{o}\dot{\chi}a$ 'мальчику' ($r\acute{o}\dot{\chi}$ 'мальчик') и т. д.

В лично-притяжательном склонении основа оформлена лично-притяжательным суффиксом, который выражает принадлежность соответствующего лица или предмета какому-либо другому лицу или предмету (либо сфере лица или предмета), например: $\dot{\chi}ot\acute{e}nna$ 'в моем доме' ($\dot{\chi}ot$ 'дом'), $r\acute{o}\dot{\chi}ala$ 'его сыну' и т. д.

§ 93. Имена существительные и другие слова, употребляемые в качестве существительных, имеют три грамматических ч и с л а: единственное, двойственное и множественное.

Ед. число выражается нулевой морфемой: $\dot{\chi}ot$ 'дом', $\acute{p}\acute{o}\dot{\chi}i$ 'мясо' и т. д. У отдельных слов, имеющих определенные типы основ, могут возникать такие фонетические изменения, которые характерны лишь для ед. числа (абсолютной или основной формы локатива), а также для форм дв. числа. Таким образом, эта форма, в отличие от формы мн. числа, служит вторичной характеристикой ед. числа, например: ut 'лес' ($unt\acute{e}t$ 'лесá'), $j\acute{i}k$ 'вода' ($j\acute{i}k\acute{e}t$ 'вóды'). В восточных диалектах ед. число обозначается лишь нулевой морфемой: $wont$ 'лес' — $wont\acute{e}t$ 'лесá', $j\acute{e}rk$ 'вода' — $j\acute{e}rk\acute{e}t$ 'вóды' и т. д.

Показателем дв. числа является $-t\acute{e}n$ (в других диалектах $-\acute{\gamma}t\acute{e}n$), показателем мн. числа — $-(\acute{e})t$.

Числовые показатели присоединяются непосредственно к основе слова. Форманты, выражающие некоторые синтаксические отношения, следуют за показателями числа: $\dot{\chi}ot\acute{e}tna$ 'в домах', $ar\acute{t}\acute{e}na$ '(двум) собакам' ($ar\acute{t}\acute{e}n$ — форма дв. числа; $amr-$ 'собака') и т. д.

Немаркированная форма ед. числа унаследована из финно-угорского праязыка. Показатель дв. числа $-t\acute{e}n$ (или $-\acute{\gamma}t\acute{e}n$) восходит к прахантыйскому показателю $*-kV + nV$ (V — символ гласного). Элемент $*-kV$ развился из уральского показателя дв. числа $*-ka$, а элемент $*-nV$ предположительно происходит от уральского показателя мн. числа $*-nV$. Признак мн. ч. $*-t$ восходит к уральскому показателю мн. ч. $*-t$ ¹¹¹.

§ 94. В системе имен имеются следующие падежи: номинатив (основной или им. падеж), локатив (падеж обстоятельства места), латив (падеж обстоятельства направления).

Падежные окончания абсолютного склонения: ном. (основной падеж) $-o$, лок. $-(\acute{e})n$, $-na$, лат. $-a$.

В соответствии с фонетическим (фонетико-структурным) характером конца слова существительные могут иметь четыре типа склонения (из них I и II типы характерны для слов, оканчивающихся на согласный, а III и IV — для слов, оканчиваю-

¹¹¹ HajdúBev. 129, 130—131; Liim. Wog. 12, 23—24.

щихся на гласный): I — склонение с неизменяемой основой (если основа оканчивается на один согласный), II — склонение с изменяемой основой (если основа оканчивается на два согласных), III — склонение с основой на -i (если существительное оканчивается на i), IV — склонение с основой на -a (если существительное оканчивается на a).

Использование одного из двух вариантов (алломорфов) локативного окончания (-(ə)п или -па) зависит от звуковой структуры (от числа слогов) слов, от темпа речи и т. д., на выбор варианта влияет и семантика слов (например, слов, выражающих временные отношения), а также жанровые и другие особенности текстов.

§ 95. Склонение существительных.

I тип (χot 'дом')		II тип (amp- 'собака')	
Ед. ч.	ном. χot	ар	
	лок. χotəp	apən	
	лат. χota	ampa	
Дв. ч.	ном. χotηp	apηp	
	лок. χotηpəp	apηpəp	
	лат. χotηna	apηna	
Мн. ч.	ном. χotət	ampət	
	лок. χotətəp	ampətəp	
	лат. χotəta	ampəta	
III тип (ewi 'девушка')		IV тип (täxa 'место')	
Ед. ч.	ном. ewi	täxa	
	лок. ewip	täxap	
	лат. ewija	täxaja	
Дв. ч.	ном. eweηp	täxajηp	
	лок. eweηpəp	täxajηpəp	
	лат. eweηna	täxajηna	
Мн. ч.	ном. ewet	täxajət	
	лок. ewetəp	täxajətəp	
	лат. eweta	täxajəta	

При склонении основой слова χи 'мужчина', 'человек' является χиj-, а основой слова пе 'баба', 'женщина' — пеη-.

Вообще слово χи 'мужчина', 'человек' употребляется только в ед. и дв. числе. Во мн. числе выступает сушплетивная форма jox 'люди', 'народ'.

У слов, выражающих родственные отношения, есть также звательная форма (вокатив): aηka! 'мать!' (aηki 'мать') и т. д.

В некоторых словах (в застывших формах) выявляется также транслативный формант, например: šöppi 'через', 'раз-', 'рас-' (šur 'часть', 'половина чего-л.') и т. д.

Всего в хантыйских диалектах имеется 12 падежей (в том числе и немаркированный аккузатив). В некоторых диалектах выявляются 13—14 основных вариантов падежей. Помимо уже названных падежей (номинатив, аккузатив, локатив, латив, транслатив, вокатив) в различных хантыйских диалектах выявляются еще 1) медиатив-инструменталис (выражающий опосредствованное средство): сург. -at, вах. -tə, -ə, юж.-х. -at; 2) аппроксиматив (выражающий приблизительность): сург. -nam, вах. -ра; 3) аблатив: сург. -i, вах. -oγ, юж.-х. -ewə; 4) инструменталис-комитатив: сург., вах. -nat; 5) предикатив: сург. -γə, вах. -ki; 6) компаратив: вах. -niγət; 7) дистрибутив (выражающий распределительность): сург. -pti(-ta), вах. -lta. Некоторые авторы (К. Карьялайнен, Я. Гуя) к падежным окончаниям относят шур. -li, сург. -лəγ, вах. -лəγ, юж.-х. -tä 'без чего или без кого-л.' По-видимому, данные форманты правильнее было бы отнести к именным словообразовательным суффиксам¹¹². В шурышкарском диалекте ряд отношений, для обозначения которых в других диалектах служат падежные окончания, выражается с помощью послелогов; таковы послелог *pela* 'к', 'в направлении' (выражает аппроксимативное значение), *elti* 'из', 'от', 'с' (выражает аблативное значение), *pilna* 'с кем-л., чем-л.' (выражает инструментально-комитативное значение). Другие падежные отношения в шурышкарском диалекте обозначаются с помощью какого-либо из упомянутых падежей. Например, значение медиатива выражается локативом: *ma nāγen sāχna mojlalem* 'я тебе дарю шубу' (досл. 'я тебя дарю шубой') и т. д.

§ 96. Номинатив (не считая показателей числа) не маркируется в ед., дв. и мн. числе (он выражается нулевой морфемой). Подобным же образом не маркируется и аккузатив.

Окончание лок. *-n (*n + гласный) развилось из ур. *-па, лат. *-а — из ур. *-к. Возможно, что к тому же самому уральскому лат. *-к восходит транс. -(согласный+) i (или -γ) (но возможно, что в некоторых гласных вариантах он частично происходит от финно-угорского лат. *-j, ср. шур. -(согласный+) i). Древний элемент латива сохранился, по-видимому, также в сходном элементе окончания дистрибутива.

Абл. -i, -oγ, -ewə происходят от послелогов (ср. сев.-х. ewəl(t) 'из', 'от' и т. д.). В элементе е- послелога ewəlt предположительно скрыто уральское указательное местоимение *е. Элемент *-l послелога может быть возведен к угорскому абл. *-l, а элемент *-t к уральскому абл. *-ta¹¹³. Окончание инструменталиса-комитатива -nat употребляется только в восточно-хантыйских диалектах (его соответствие выявляется в тавдинском наречии мансийского языка и, вероятно, в венгерских диалектах, см. о вен-

¹¹² SauerNom. 16—19.

¹¹³ К. R a d a n o v i c s — Eml. Pais. 635—636 (относительно элемента *-t иначе).

герском суффиксе -nett M. § 61); окончание -nat может происходить от послелога (ср. *nä 'близость', 'сторона'), но не исключено, что этот формант состоит из двух падежных окончаний. Происхождение окончания -niŋət неизвестно. Возможно, что оно идентично в. -nél/-nál 'у'.

Окончание вок. -а (соответствие ему есть и в мансийском языке) исторически, по-видимому, идентично показателю повелительного наклонения ¹¹⁴.

История окончаний апроксиматива -nam, -ра, дистрибутива -pti(-ta), -lta, предикатива -ŋə, -ki (усилительная частица?) еще недостаточно исследована.

§ 97. Лично-притяжательные суффиксы служат, с одной стороны, для выражения принадлежности обладаемого грамматическому лицу (или его сфере), с другой стороны — для выражения грамматического числа обладателя и обладаемого.

Лично-притяжательные суффиксы состоят из элемента, указывающего на число обладаемого, и из собственно-личного суффикса.

Обладаемое в ед. числе выражается основой существительного (нулевой морфемой) + собственно-личный суффикс. Суффикс дв. числа обладаемого — -ŋəl- (в других диалектах, например, в ватовском -ŋəl(-) и т. д.), суффикс, указывающий на обладаемое во мн. числе, — -l- (распространен во всех диалектах хантыйского языка).

Непосредственно к основе слова присоединяется суффикс, выражающий число обладаемого, а вслед за ним — собственно-личный суффикс, показывающий принадлежность (отношение и т. д.) обладаемого к грамматическому лицу.

Во всех хантыйских диалектах существительные с лично-притяжательными суффиксами склоняются одинаково (не считая некоторых фонетических расхождений).

§ 98. Лично-притяжательные суффиксы.

	Число и лицо обладателя	Число обладаемого		
		Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	1 л.	-em	-ŋəlam	-lam
	2 л.	-en	-ŋəlan	-lan
	3 л.	-(ə)l	-ŋəlal	-ləl
Дв. ч.	1 л.	-eməp	-ŋəlaməp	-ləməp
	2 л.	-əp	-ŋələp	-ləp
	3 л.	-əp	-ŋələp	-ləp
Мн. ч.	1 л.	-ew	-ŋəluw	-luw
	2 л.	-əp	-ŋələp	-ləp
	3 л.	-el	-ŋəlal	-lal

¹¹⁴ См. HajdúBev. 120—127; Liim. Wog. 123, 129—130, 192, 200—201 и сл.

§ 99. Лично-притяжательное склонение
существительных

I тип (xot 'дом') II тип (amp- 'собака')

а) одно обладаемое

Ед. ч.	1 л.	xotem	ampem
	2 л.	xoten	ampen
	3 л.	xotəl	ampəl
Дв. ч.	1 л.	xotəmən	ampəmən
	2 л.	xotən	ampən
	3 л.	xotən	ampən
Мн. ч.	1 л.	xotew	ampew
	2 л.	xotən	ampən
	3 л.	xotel	ampel

б) два обладаемых

Ед. ч.	1 л.	xotηəlam	apηəlam
	2 л.	xotηəlan	apηəlan
	3 л.	xotηəlal	apηəlal
Дв. ч.	1 л.	xotηəlamən	apηəlamən
	2 л.	xotηələn	apηələn
	3 л.	xotηələn	apηələn
Мн. ч.	1 л.	xotηəluw	apηəluw
	2 л.	xotηələn	apηələn
	3 л.	xotηəlal	apηəlal

в) много обладаемых

Ед. ч.	1 л.	xotlam	aplam
	2 л.	xotlan	aplan
	3 л.	xotlal	aplal
Дв. ч.	1 л.	xotləmən	apləmən
	2 л.	xotlən	aplən
	3 л.	xotlən	aplən
Мн. ч.	1 л.	xotluw	apluw
	2 л.	xotlən	aplən
	3 л.	xotlal	aplal

III тип (ewi 'девушка') IV тип (kuśa 'хозяин')

м) одно обладаемое

Ед. ч.	1 л.	ewem	kuśajem
	2 л.	ewen	kuśajen
	3 л.	ewel	kuśajəl
Дв. ч.	1 л.	ewemən	kuśajemən
	2 л.	ewan	kuśajən
	3 л.	ewan	kuśajən

Мн. ч. 1 л.	ewew	kušajew
2 л.	ewan	kušajən
3 л.	ewel	kušajel

б) два обладаемых

Ед. ч.	1 л.	eweηəlam	kušajηəlam
	2 л.	eweηəlan	kušajηəlan
	3 л.	eweηəlal	kušajηəlal
Дв. ч.	1 л.	eweηəlamən	kušajηəlamən
	2 л.	eweηələn	kušajηələn
	3 л.	eweηələn	kušajηələn
Мн. ч.	1 л.	eweηəluw	kušajηəluw
	2 л.	eweηələn	kušajηələn
	3 л.	eweηəlal	kušajηəlal

в) много обладаемых

Ед. ч.	1 л.	ewilam	kušajlam
	2 л.	ewilan	kušajlan
	3 л.	ewilal	kušajlal
Дв. ч.	1 л.	ewiləmən	kušajləmən
	2 л.	ewilən	kušajlən
	3 л.	ewilən	kušajlən
Мн. ч.	1 л.	ewiluw	kušajluw
	2 л.	ewilən	kušajlən
	3 л.	ewilal	kušajlal

§ 100. В терминах родства, оканчивающихся на согласный (I тип), в лично-притяжательных суффиксах вместо е выступает ə, например: ŷrəm 'мой свекор' (ŷr 'свекор'), weηəp 'мой зять' (weη 'зять'). Лично-притяжательные суффиксы к словам пе 'женщина', χи 'человек', 'мужчина' присоединяются к полным основам на -η или -j (см. § 95).

В западных диалектах хантыйского языка (например, в шурышкарском) лично-притяжательные суффиксы, особенно в форме 3-го лица ед. числа, кроме выражения принадлежности лицу, имеют также общую детерминирующую (указывающую на определенность) функцию, например: laηkel jūχa pōχ χиηχəs 'белка взбиралась на дерево'. Это явление неизвестно в восточных диалектах хантыйского языка (например, в ваховском диалекте).

К лично-притяжательным формам могут присоединяться и падежные окончания. Сначала к абсолютной форме присоединяются лично-притяжательные суффиксы, за ними следуют падежные, например: mūwəwpa 'на нашей земле' (mūw 'земля', 'область', 'страна'), ikəma 'моему дедушке' (iki 'дедушка', 'старик'). В этом отношении порядок в хантыйском языке (лично-притяжательный суффикс + падежный суффикс) совпадает с по-

рядком присоединения, существующем в угорских (и в некоторых других финно-угорских) языках ¹¹⁵.

В восточных диалектах в лично-притяжательных формах, выражающих одно обладаемое, в корне слова может иметь место чередование гласных (см. § 28).

В восточных (сургутском, ваховском) и частично в южных диалектах при указании на одно обладаемое суффиксы 1-го и 2-го лица имеют три варианта: 1) -em (~ -im); -e (~ -in), 2) -am (~ -äm); -e (~ -än), 3) -эм, -эп. Употребление того или иного суффикса зависит от следующих условий: 1) если в корне находится гласный верхнего подъема (или он восходит к гласному верхнего подъема) или если корень оканчивается на гласный верхнего подъема; 2) если в корне находится гласный, восходящий к гласному среднего подъема (или чередующийся с гласным среднего подъема), или если корень оканчивается на гласный -e; 3) если в корне выступает гласный нижнего подъема (или он восходит к гласному нижнего подъема) или если слово является термином родства (относится только к части этих терминов) ¹¹⁶.

В западном (шурышкарском) диалекте лично-притяжательные суффиксы выступают лишь в виде -em, -ep или же (частично в терминах родства) в виде -эм, -эп.

§ 101. Компонент $*-\gamma$ в суфф. $-\gamma\text{ә}1$ (~ $-\gamma\text{ә}1$) < $*-\gamma\text{ә}1$, $*-\gamma$, выражающем дв. число обладаемого, идентичен показателю дв. числа (см. М. § 32), элемент же $*-1$ (в том же форманте), вероятно, тождествен суффиксу мн. числа, имеющемуся в виде -1 и в суффиксе, выражающем мн. число обладаемого. Относительно происхождения $*-1$ нет удовлетворительного разъяснения ¹¹⁷.

Из собственно лично-притяжательных суффиксов форманты $*-m$, $*-n$ и $*-1$ являются рефлексом древних лично-притяжательных суффиксов. Происхождение суфф. 1 л. мн. ч. $-w$ (~ $-\gamma$) < $*-\gamma$ (возможно $*-w$) нуждается в дальнейшем исследовании ¹¹⁸ (но ср. в. $-u/-\ddot{u}$ в словах *házungk* 'наш дом', *kertünk* 'наш сад' и т. д.). Окончание 1 л. дв. ч. $*-m\text{ә}p$ образовалось от суфф. 1 л. $*-m$ + суфф. 2 л. или дв. ч. $*-p$.

Помимо упомянутых формантов в некоторых хантыйских диалектах встречаются и другие лично-притяжательные суффиксы. В сургутском диалекте кроме форманта $-n$, характерного для 2-го лица или дв. числа, встречаются также $-e$, $-a$, которые, возможно, происходят от $*-\gamma$. В ваховском диалекте элемент $-t$ (в форме 2-го и 3-го лица дв. числа при указании на одно обладаемое, а также в форме 3-го лица мн. числа), по-видимому, также является показателем числа и восходит к показателю мн. ч. $*-t$

¹¹⁵ Stein OChr.² 58.

¹¹⁶ J. G u l y a. Eastern Ostyak Chrestomathy. IndUnPub. Uralic and Altaic Series № 51. Bloomington, 1966, стр. 58—60; J. G u l y a — NyK LXVIII 10—12.

¹¹⁷ Liim. Wog. 231.

¹¹⁸ Liim. Wog. 225—227.

(ср. еще *tV 2-го лица личного местоимения). Происхождение элемента -s (в составе южнохантыйских форм 2-го и 3-го лица дв. числа, а также 2-го лица мн. числа) неясно. Может быть, этот элемент является результатом звукового изменения или звуковой замены, вызванной многочисленностью форм на t, возникших вследствие изменения *l > t. Возможно также, что он развился из какого-нибудь показателя мн. числа¹¹⁹.

§ 102. Известно примерно 100—120 именных словообразовательных суффиксов (существительных и прилагательных).

Чаще всего употребляются следующие словообразовательные суффиксы существительных:

-ät; используется в отыменном словообразовании; присоединяется к прилагательным, выражающим количество и меру: хйwät 'длина' (хйw 'длинный'), löwat 'величина' (*löw- 'большой') и т. д.; известен во всех диалектах; происходит от ф.-у. *-it (см. М. § 241);

-ät; образовался из самостоятельного слова ät 'дело'; let-ät 'еда' (досл. 'едящее дело') и т. д.;

-äs; используется в отглагольном, реже в отыменном словообразовании, например: пöтäs 'смысл', 'память' (пim- 'помнить'); известен во всех диалектах, но употребляется нечасто; происходит от ф.-у. *-ś (см. М. § 235);

-ije; суффикс уменьшительного значения: рöхije 'мальчишка' (рöх 'мальчик') и т. д.; известен только в северных диалектах (например, в шурышкарском), где очень употребителен;

-leŋki; суффикс уменьшительно-ласкательного значения: рöх-leŋki 'мальчишка' (рöх 'мальчик'), woj-leŋki 'зверюшка' (woj 'животное') и т. д.; возник из самостоятельного слова (юж.-х. leŋkə 'бедный' (с оттенком жалости);

-sak- (+ показатель числа): luхässakŋəп 'друзья (мы двое)' и т. д.; употребляется при терминах родства; происходит либо от суффикса, выражающего обладателя, либо от суффикса собирательного значения; его варианты (например, в ваховском диалекте -sai и др.) известны во всех хантыйских диалектах¹²⁰.

При словообразовании имен может иметь место чередование гласных: пöтäs 'смысл', 'память' (пim- 'помнить') и т. д.¹²¹

§ 103. Словосложение существительных в хантыйском языке морфологически не обозначается. Различаются три основных типа словосложения: 1) первый член словосложения — существительное (существительное + существительное), например: loś-рй! 'снежок' (loś 'снег', рй! 'штука', 'кусочек'), jüх-täj 'вершина дерева' (jüх 'дерево', täj 'конец', 'вершина'), karti-joś 'железная дорога' (karti 'железо', joś 'дорога'); 2) первый член словосочетания — прилагательное (прилагательное + существительное): aj-woj 'мышь' (aj

¹¹⁹ О лично-притяжательных суффиксах см. HajdúBev. 68 и сл., 131 и сл.; Liim. Wog. 211—241 с дальнейшей литературой.

¹²⁰ О происхождении и связях см. P. Hajdú — NyK LXXI 61—78.

¹²¹ О суффиксах см. SauerNom.

‘малый’, ‘маленький’, woj ‘животное’), tðχləŋ woj ‘птица’ (tðχləŋ ‘крылатое’, woj ‘животное’); 3) один из компонентов — причастие наст. времени (причастие наст. времени + существительное или существительное + причастие наст. времени + существительное): let-ät ‘еда’ (досл. ‘купающее дело’), woj-welti-χi ‘охотник’ (досл. ‘зверя убивающий мужчина’) и т. д.

К особому типу словосложения относятся: ‘neŋ-χi ‘человек’ (досл. ‘женщина-мужчина’), ðbl-sem ‘лицо’ (досл. ‘нос-глаза’), woj-χul ‘питание’ (досл. ‘зверь-рыба’).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 104. Для выражения значений степеней сравнения существуют разные способы.

Значение положительной степени специально не обозначается, например: as šek un pa wüteŋ ‘Обь очень большая и широкая’. Для выражения значений сравнительной и превосходной степеней также нет особых формальных (морфологических) средств. Они выражаются синтаксически, например: iwan met aj ‘Иван самый маленький’ (met — усилительная частица, которая по функции соответствует венгерскому префиксу превосходной степени leg-; aj ‘маленький’).

Известны следующие способы выражения степеней сравнения (на основе материала ваховского диалекта):

а) с помощью определенного порядка слов (логического акцента), например: tim kat jəməki, tom kat jəməki ‘этот дом хороший, тот дом лучше’ (досл. ‘хороший’);

б) с помощью аналитической конструкции, например: tim kat jəməki, tom kat čəkə jəməki ‘этот дом хороший, тот дом очень хороший’ (т. е. ‘лучше’);

в) с помощью аблатива, например: tom kat jəməki tim katoŋ ‘тот дом лучше этого дома’ (абл. katoŋ);

г) с участием самостоятельного форманта компаратива, например: tim kat tom katnĭŋət ə!ləki ‘этот дом больше того дома’ (комп.-nĭŋət)¹²².

§ 105. Прилагательные чаще всего употребляются в функции определения, которое в этом случае не принимает никакого специального окончания и не согласуется с определяемым существительным, например: püti mŋw ‘черная земля’, tinəŋ χŭlət ‘дорогие рыбы’.

Выступающая в конструкции со связкой, прилагательное может быть и сказуемым: lŋw aj ‘он молод’ и т. д. В функции сказуемого прилагательное согласуется с подлежащим в числе, например, kuropatkajt tälən nawet ‘глухари зимой белые’ и т. д.

¹²² J. G u l y a — NyK LXVIII 16—17; J. G u l y a. Eastern Ostyak Chrestomathy. IndUnPub. Uralic and Altaic, Series № 51. Bloomington, 1966, стр. 67—68.

§ 106. Хантыйский язык относительно богат словообразовательными суффиксами прилагательных. Особенно употребительны следующие суффиксы:

-əŋ; используется в основном при отыменном, реже при отглагольном словообразовании: tɪnəŋ 'дорогой' (tɪn 'цена', 'плата'), lɪləŋ 'живой' (lɪl 'дыхание', 'жизнь', 'душа') и т. д.; суффикс очень продуктивен, распространен во всех хантыйских диалектах; восходит к финно-угорскому *-ŋ (см. М. § 217);

-χǝgrɪ; используется в отыменном словообразовании: tɪw-χǝgrɪ 'коричневый' (досл. 'цвета земли') и т. д.; восходит к производному слову (см. ниже суфф. -rɪ);

-li; используется в отыменном, реже в отглагольном, словообразовании, в изъятельном (каритивном, лишительном) значении: semli 'слепой' (sem 'глаз'), nelɪ 'холостой', 'неженатый' (ne 'женщина'), le(l)li 'голодный' (le- 'есть', 'кушать') и т. д.; продуктивен во всех хантыйских диалектах (см. Sauer Nom. 16—19).

-rɪ; используется в основном в отыменном словообразовании (используется и в словообразовании существительных): χǝgrɪ 'какого-л. цвета', 'какой-л. формы' (χǝg 'форма') и т. д.; развился из ф.-у. *-r (см. М. § 226—227);

-šək; используется в отыменном словообразовании в значении 'примерно'; указывает на размер чего-либо (компаративное значение?): un-šək 'довольно большой', 'больше' и т. д.;

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 107. Числительные делятся на пять групп: количественные: порядковые, делительные, множительные, дробные.

В основном числительные выполняют ту же роль, что и прилагательные, отличаясь от последних тем, что выражают главным образом количественные (или связанные с количеством) свойства. В предложении числительные и формально ведут себя так же, как и прилагательные.

Неопределенные числительные аг 'много', вах. əjnəm 'все', 'каждый' и т. д. являются по сути дела прилагательными, поэтому в неопределенных числительных, выражающих количество больше одного, употребляется ед. число, например: аг пе 'много женщин'. В определенных случаях числительные могут выступать в качестве существительных и принимать как лично-притяжательные, так и падежные суффиксы.

§ 108. Количественные числительные со значением 'один', 'два' имеют две формы в зависимости от того, выступают ли они в самостоятельной функции или в функции определения; возможно, что данная особенность относится к угорскому периоду (ср. в. kettő, két 'два' и т. д.).

Единицы обозначаются следующими словами: it, i(j) 'один', kätən, kät 'два', χuləm 'три', näl 'четыре', wet 'пять', χut 'шесть', lapət 'семь', nijəl 'восемь', jərtaŋ 'девять'.

Количественные числительные, обозначающие числа от 1 до 8, представляют собой простые слова, и от 1 до 6 — финно-угорского происхождения. Числительные, обозначающие числа 7 и 8, являются словами угорского периода. Слово, обозначающее число 7, вероятно, иранское заимствование угорского периода (ср. санскр. *saptá* 'семь'). Слово, обозначающее число 8, восходит к прах. **ñjəṛ*. Корень этого слова **ñj-* относится к угорскому периоду, элемент -əṛ является, вероятно, отыменным именным словообразовательным суффиксом.

Элемент **ñj-* обнаруживается в слове *ñil-jaŋ* 'восемьдесят', а также в отдельных восточных и южных диалектных словах, обозначающих 'восемьдесят'. Поэтому вполне возможно, что элемент -əṛ восходит к показателю дв. ч. **-ka*¹²³.

Слово, обозначающее число 9, — сложное; его диалектные варианты восходят к прахантыйской конструкции *əj-ərt-jəŋ* 'один — =слишком (лишний) =десять'. Этот тип выражения, вероятно, угорского происхождения: в. *kilenc* 'девять' < 'десять за исключением одного' (досл. 'за исключением (одного) десять').

Десятки обозначаются следующими словами: *ijəŋ* 'десять', *χus* 'двадцать', *χoiməŋ* 'тридцать', *ñäl-jaŋ* 'сорок', *wet-jaŋ* 'пятьдесят', *χut-jaŋ* 'шестьдесят', *lapət-jaŋ* 'семьдесят', *ñil-jaŋ* 'восемьдесят', *jär-sot* 'девяносто'.

Происхождение слова *jaŋ*, 'десять' неизвестно, *χus* 'двадцать' восходит к финно-угорскому периоду. Числительные, обозначающие десятки от 30 до 80, представляют собой сложные слова типа 'три-десять'. Способ образования числительного со значением 'девяносто' аналогичен образованию слова со значением 'девять'.

§ 109. Числительное *sot* 'сто' — индоиранское заимствование финно-угорского периода (см. индоиран. **śata* 'тж')¹²⁴. Числительное *śogəs* 'тысяча', вероятно, тоже индоиранское заимствование (см. индоиран. **žhasra-* 'тж')¹²⁵.

В западных и восточных диалектах способы образования количественных числительных, обозначающих число от 10 до 20, несколько отличаются друг от друга. Образование числительных, обозначающих число от 11 до 17, происходит с помощью соединительной морфемы — послелога *χös* (< **käc* 'к', 'у'), например: *i-χoś-jaŋ* 'одиннадцать' (< 'один-к-десять'). Числительное *ñijəl-jaŋ* 'восемнадцать' имеет конструкцию «восемь + десять». Образование числительного *jär-χus* 'девятнадцать' аналогично образованию числительного со значением 'девять'.

В восточных диалектах (например, в ваховском) числительные, выражающие числа от 11 до 18, образуются с помощью конструкции «десять + соединительное слово **ər(ə)ki* 'больше', 'излишний',

¹²³ Об угорском слове, обозначающем 'восемь' см. MSzFE. при слове *nyols*. Другой точки зрения придерживается К. Реден, см. NyK LXV 157.

¹²⁴ Структурные особенности числительных, обозначающих числа свыше 100, мы не рассматриваем.

¹²⁵ Y. T o i v o n e n — FUF XXXII 102.

‘слишком’, ‘сверх меры’ + слово, выражающее соответствующую единицу». Порядок расположения элементов противоположен принятому в западных диалектах, например, вах. *jöŕ-ərki-əj* ‘одинадцать’ (< ‘десять-лишний-один’). Образование числительного со значением ‘девятнадцать’ в восточных диалектах, как и в западных, происходит по способу образования числительного со значением ‘девять’.

Из двух способов образования числительных (в восточных и западных диалектах) западный тип представляется нам более древним (см. также в мансийском языке). Образование числительных в восточных диалектах близко по способу, свойственному венгерскому языку.

Способ образования числительных, обозначающих числа свыше 20, может различаться даже внутри одного и того же диалекта: шур. *χol'maŕ-pela-it* ‘двадцать один’ (досл. ‘один по направлению к тридцати’), *χus-it* ‘двадцать один’ (досл. ‘двадцать-один’), *χus-ra-it* ‘двадцать один’ (досл. ‘двадцать и один’) и т. д. Эти числительные в восточных диалектах (например, в ваховском) образуются так же, как числительные, обозначающие числа от 11 до 19.

Если числительное со значением ‘два’ (или числительное, оканчивающееся на слово со значением ‘два’) выступает в функции определения, определяемое имеет формант дв. числа: *kät arŕəp* ‘две собаки’ и т. д.

§ 110. Порядковое числительное *oləŕ* ‘первый’ означает досл. ‘начало’, ‘конец’, ‘первый’. Все следующие за ним порядковые числительные образуются от количественных с помощью суфф. *-met* (из ур. **-mt*¹²⁶): *ňälmet* ‘четвертый’ (*ňäl* ‘четыре’).

Суфф. *-met* присоединяется также и к слову *oləŕ*: *oləŕmet* ‘первый’.

В основах количественных числительных, обозначающих числа от 1 до 10, входящих в состав порядковых, может происходить чередование гласных: *kimet* ‘второй’ (< **kit-met*, *kät* ‘два’) и т. д.

В ваховском диалекте при образовании порядковых числительных со значением ‘сто’ и ‘тысяча’ к соответствующим количественным числительным присоединяется суфф. *-i*, например: *sat*i** ‘сотый’ (*sat* ‘сто’), *šorəš*i** ‘тысячный’ (*šorəš* ‘тысяча’).

§ 111. Делительные числительные образуются удвоением локативной (локативно-инструментальной) падежной формы соответствующего количественного числительного: *χutna-χutna* ‘по шесть’ и т. д.

В восточных диалектах делительные числительные образуются с помощью суффикса дистрибутивного значения: сург. *-(ə) lta*, вах. *-(ə)təl*: сург. *kutlta*, вах. *kutətəl* ‘по шесть’ и т. д.

Множительные числительные образуются от количественных или порядковых путем присоединения к ним слова

¹²⁶ HajdúBev. 145—146, см. также SauerNom. 39.

riś (< * rič 'слои', 'раз'), например: kät-riś 'два раза', kimet-riś 'во второй раз', сург. kit-rič 'два раза', 'двойной'.

В этой же функции в сургутском диалекте используется слово riγar (в южном — kes), например, сург. kit riγar 'два раза'.

В отдельных восточных диалектах (сургутском, ваховском) множительные числительные образуются и с помощью элемента -ра, например: сург. kitra, вах. ki(t) rä (kirrä) 'два раза'¹²⁷.

§ 112. Дробные числительные образуются при помощи слов reļak 'половина', täγta 'часть' и др., следующих за порядковыми числительными и составляющих с последними единую конструкцию: wetmät reļak 'одна пятая' (wetmät 'пятая'), вах. kulmä(t) täγta 'треть' (kulmä(t) 'третья') и т. д.

Дробные числительные часто выражаются описательно, например, вах. iāi räni reļak 'полтора хлеба' (досл. '(один) хлеб и (одна) половина')¹²⁸.

МЕСТОИМЕННЯ

§ 113. Местоимения разделяются на личные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные и обобщающие.

Л и ч н ы е местоимения делятся на две группы: а) собственно-личные и б) усиленные (возвратные) местоимения.

Собственно-личные местоимения

Ед. ч. 1 л. ma	Дв. ч. 1 л. min	Мн. ч. 1 л. müγ
2 л. näγ	2 л. nin	2 л. nin(ət)
3 л. lüw	3 л. lin	3 л. lüw(et)

Шурышкарские формы местоимений в 3-м лице ед. и мн. числа совпали (ср. каз. lüw 'он', lin 'они', вах. lōγ, ləγ и т. д.). Форма 2-го лица мн. числа в отличие от шурышкарского и других диалектов большей частью совпадает с формой 2-го лица ед. числа (например, вах. näγ).

Корневые формы личных местоимений (ma-, mi-, mü-, nä-, ni-, lü-, li-) имеют финно-угорское происхождение (см. Л. § 2, 12); -γ происходит от угорского местоименного суф. * -γ (или * -γk)¹²⁹; -w является также местоименным суффиксом, восходящим к уг. * -k. Формант -n в дв. числе, возможно, развился из уральского местоименного суф. * -n, возможно также, что он происходит из * -n-ового элемента, характерного для дв. числа; -ət во 2-м и 3-м лице мн. числа идентичен показателю мн. числа существи-

¹²⁷ О происхождении элемента -ра см. SauerNom. 84.

¹²⁸ Числительные, употребляемые в отдельных диалектах, например, сург. at-, вах. äti- 'один (предмет)', собирательные числительные и т. д. еще недостаточно изучены.

¹²⁹ HajdúBev. 148; Э. Вертеш ошибочно объясняет происхождение элемента γ из сочетания п + γ; см. Vér. Ostj. 212 и сл.

тельных -t, по аналогии вошедшему в парадигму склонения личных местоимений¹³⁰.

Склонение личных местоимений отличается от склонения существительных (имен). Наиболее характерное отклонение состоит в том, что у личных местоимений имеется маркированный аккузатив. (Основа личного местоимения 1-го лица ед. числа в аккузативе — *man-*):

Ед. ч. 1 л. <i>manem</i>	Дв. ч. 1 л. <i>minemən</i>	Мн. ч. 1 л. <i>mǝjew</i>
2 л. <i>pǝren</i>	2 л. <i>ninan</i>	2 л. <i>ninan</i>
3 л. <i>lǝwel</i>	3 л. <i>linan</i>	3 л. <i>lǝwilal</i>

Элементы, выступающие в качестве падежного окончания аккузатива, идентичны лично-притяжательным окончаниям.

В большинстве диалектов для выражения аккузатива личных местоимений служит элемент -t (-at, -et), например: *вах. pǝrət* 'тебя'. Происхождение этого окончания спорно. Возможно, что оно восходит к указательному местоимению *t-, выступавшему как детерминатор (указывающий на определенность) действительного употребления¹³¹. Однако не исключено, что оно является усилительной частицей или восходит к финно-угорскому абл. *-ta/-tä, переосмысленному через употребление в инструментальном (медиазивном) значении и родственному венгерскому акк. -t¹³².

Склонение личных местоимений в других падежах аналогично склонению существительных, однако несколько окончаний (например, транслатива) в склонении личных местоимений не употребляется.

Падежные окончания часто присоединяются не непосредственно к личным местоимениям, а к их форме, снабженной лично-притяжательными суффиксами, например: *lǝwela* 'ему', 'для него'. В некоторых диалектах лично-притяжательный суффикс присоединяется к склоняемой форме личного местоимения, например: *сург. lǝwǝnǝtǝl* 'от него', *юж.-х. mǝnǝtem* 'от меня'.

Лично-притяжательные суффиксы часто употребляются в послеложных конструкциях. Послелог обычно имеет лично-притяжательный суффикс, за которым могут следовать падежные окончания, например: *mǝj ʒǝsǝjew* 'у нас' (*ʒǝsa* 'у', -ew — лично-притяжательный суффикс), *ma jǝwrempna* 'позади меня' (*jǝwri* 'сзади', 'задняя часть', -em — лично-притяжательный суффикс, -na — окончание локатива) и т. д.

У с и л и т е л ь н ы е (в о з в р а т н ы е) местоимения в диалектах образованы разными способами, но во всех диалектах уси-

¹³⁰ О личных местоимениях см.: Vért. Ostj. 191—214 и сл., с указанием дополнительной литературы.

¹³¹ HajdúBev. 120.

¹³² То же самое явление имеет место и в других финно-угорских языках, в том числе и в мансийском, см. Liim.Wog. 41—44.

лительные личные местоимения шапеш 'я сам', пӑҕеш 'ты сам' и т. д. состоят из корней личных местоимений, оформленных лично-притяжательными суффиксами.

В сургутском (а также и в южном) диалекте к основе местоимения присоединяется лично-притяжательный суффикс с элементом -ə, а в ваховском — с элементом -ti, например: сург. шапə 'я сам', пӑҕə 'ты сам' и т. д., вах. шӑntim, пӑҕtin 'тж' и т. д.

В усилительном местоимении может содержаться также усилительная частица -pi: вах. мӑmpi (< *mӑn-pi) 'я сам' и т. д.

§ 114. Указательные местоимения выступают в роли существительных, прилагательных и наречий. Указательные местоимения показывают не только на близость (1) или дальность (2) предмета, но также и на то, присутствует ли соответствующее лицо или предмет в конкретной ситуации (3) или только мыслится присутствующим в сознании (речи) говорящих (4). Дейктические, а также анафорические группы этих местоимений образуют в хантыйском языке самостоятельные категории.

Указательные местоимения-существительные имеют две формы: самостоятельную (абсолютную) и определительную (атрибутивную), например: tumi 'тот' и tum juχ 'то дерево'¹³³.

(3) Дейктические

(4) Анафорические

(1) Указывающие на близость	tami	šit
(2) Указывающие на дальность	tumi	—

Анафорическое местоимение, указывающее на дальность, встречается в восточных и южных диалектах, например: вах. t'ut 'тот' (анаф.). Убедительных примеров на это из северных диалектов нет.

Указательные местоимения хантыйского языка восходят к древним местоименным корням (см. Л. § 2).

В отдельных диалектах основы указательных местоимений-прилагательных частично отличаются от основ местоимений-существительных. Двойкость в разных диалектах проявляется также и по словообразовательной суффиксации. Различия в диалектах и по диалектам, и по способу их образования хорошо показывает сравнение местоимений шурышкарского и ваховского диалектов:

шур. t̄amiš 'такой' (ср. tami)	вах. lamjnt
tumiš 'такой' (ср. tumi)	—
šimiš 'такой' (ср. šit)	t'imjnt
	t'umjnt

Основа местоимений-прилагательных служит также основой для образования абстрактных местоимений, выражающих обстоятельство образа действия, состоящих из корней местоимений-

¹³³ Мы даем только абсолютные формы, которые склоняются как существительные.

прилагательных и послелогов *jiti (*iti) 'как', '-образный', например: tam-iti 'так', вах. tatj 'тж' ¹³⁴.

Указательные наречия также восходят к корням указательных местоимений и по своим формам делятся на три группы, соответственно ответам на вопросы 'где?', 'откуда?', 'куда?':

- | | | |
|---|-------------------------|----------------------|
| а) шур. tāta 'здесь' (ср. tami) | tāta 'отсюда' | ti 'сюда' |
| вах. tət | təltəḡ | təḡ |
| б) шур. tuta 'там' (ср. tumi) | tulta 'оттуда' | tōḡi ('вот
туда') |
| вах. tat | təltəḡ | təḡ |
| в) шур. śita ('вот там') (ср. śit) | śilta ('вот
оттуда') | śi ('вот
туда') |
| вах. tōt | tōlteḡ | tōḡ |
| г) шур. śāta 'вот там' (ср. вах. t'ut) | śāta 'вот оттуда' | |
| вах. t'u tāḡinə (досл. 'вот на том
месте') | | и т. д. |

Формы указательных наречий (частично) совпадают с окончаниями вопросительных наречий и наречий места. Происхождение этих окончаний еще не установлено ¹³⁵.

§ 115. Вопросительные местоимения разделяются на пять групп: 1) местоимения-существительные: ḡḡj 'кто', 'кто такой', mḡj 'что', 'что такое'; 2) местоимения-прилагательные (местоимения-числительные): mōla 'что', 'какой', māti 'которые из', kāmən 'сколько'; 3) местоименные наречия места: ḡḡta 'где', ḡḡlsa 'откуда', ḡḡlta 'куда'; 4) местоименные наречия времени: ḡun 'когда'; 5) местоименные наречия образа действия: mḡja 'почему', ḡḡti 'как' и т. д.

Вопросительные местоимения развились из уральских (финно-угорских) местоименных корней *k + гласный-, *m + гласный- ¹³⁶.

Относительные местоимения тождественны вопросительным местоимениям. Однако их место в предложении постоянно, они всегда стоят на первом месте.

§ 116. Неопределенные местоимения по структуре делятся на два типа: 1) собственно-неопределенные местоимения, например, ḡḡjat 'кто-то', mōlti 'что-то' и т. д., 2) образованные с помощью частицы (большой частью с помощью частицы -ki), присоединяемой к относительным (вопросительным) местоимениям, например: ḡḡj-ki 'кто-то', ḡḡta-ki 'где-то', ḡun-ki 'когда-то' и т. д. В восточном диалекте (ваховском) вместо частицы -ki употребляется усилительный элемент -kām, например: koj-ki-kām 'кто-то', kun-tə-kām 'когда-то'.

¹³⁴ W. Steinitz. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966, стр. 208.

¹³⁵ По данному вопросу см.: Vért. Ostj. 101—133; 218—226; Liim. Wog. 45, 162—194 и сл.

¹³⁶ См. Vért. Ostj. 134—155, 255—257 и сл.

§ 117. Только в северных диалектах выявляются отрицательные местоимения типа *neməl-χəjət* 'никто', *neməlli* 'ничто' и т. д.

В отрицательных предложениях восточных диалектов в форму отрицательного местоимения входит усилительная частица *-рə*, присоединяемая к вопросительному местоимению, например: *вах. kojj-рə* 'никто', *kuntə-рə* 'никогда'. В отрицательных предложениях южных диалектов используется слово *əj* 'один', присоединяемое к вопросительному местоимению, например: *əj-χəjə* 'никто', *əj-χип* 'никогда' и т. д.

§ 118. Обобщающих местоимений относительно немного, например: *kašəŋ* 'каждый', 'всякий', *isa* 'все', 'каждый', *tuχəl* 'некоторый'¹³⁷.

ГЛАГОЛ

§ 119. Спрягаемые формы глагола (*verbum finitum*) выражают лицо, число, время и наклонение. Помимо этого у глаголов есть активное и пассивное спряжение, а в пределах активного — общее (безобъектное) и определенное (объектное) спряжение.

По общему спряжению могут спрягаться глаголы 1) непереходные (интранзитивные) и 2) переходные (транзитивные). Если глагол непереходный, то окончание глагола указывает только число и лицо подлежащего, например, *мйŋ jəχətsuw* 'мы прибыли'. При переходном глаголе в предложении может стоять неопределенное прямое дополнение, например, *joχ ar woj wellət* 'люди ловят много зверя'.

Определенное спряжение употребляется тогда, когда в предложении имеется определенное (детерминированное) прямое дополнение. В этом спряжении глагольное окончание помимо подлежащего указывает на определенность прямого объекта, а также на грамматическое число этого объекта, например: *ma χotʔəp wersəlam* 'я строил (два) дома' (дв. ч.), ср. *ma aj χot wersem* 'я сделал (тот) маленький дом'.

В известных случаях прямое дополнение может употребляться и при непереходных глаголах, например, *мйŋ kew kət-lem šos mətsew* 'мы ходили (опред. спр.!) по Уралу (досл. 'Урал' — вин. п. места) примерно два часа' (вин. п. времени).¹³⁸

По страдательному спряжению обычно спрягаются переходные глаголы, например, *lǝjem pella* 'мой палец прокалывается'. Но и у непереходного глагола может быть страдательная форма, например, *вах. kuləŋ-jjʔəl səjǝ mənlǝ* 'они едут (досл. 'идут') по (ре-чущке) Куленг'.

Выражение времени действия имеет в диалектах разные типы. В каждом диалекте имеется одна форма наст. времени, которая

¹³⁷ Об относительных, неопределенных, отрицательных и обобщающих местоимениях в хантыйском языке см. Vért. Ostj. 156—188, 255—257 и сл.

¹³⁸ См. J. Gulja — NyK LXIX 389—394.

может обозначать по смыслу и будущее действие (состояние), например, *ma aləŋ səχat mǎnləm* 'я ухожу утром'. Для выражения будущего действия часто служит форма наст. времени с суффиксом начинательного значения. Если необходимо подчеркнуть будущность действия (состояния), употребляется аналитическая конструкция с глаголом *pit-* 'начинать', 'брать'. Для выражения прош. времени в шурышкарском диалекте употребляются две глагольные парадигмы в зависимости от того, подчеркивается ли действительность (очевидность) действия (процесса) или же рассказывается о событии, очевидцем которого говорящий не был (*perfectum historicum* 'историческое, неочевидное прошедшее'). Для выражения данного значения в шурышкарском диалекте служат формы причастия законченного действия с лично-притяжательными суффиксами. В восточном диалекте (например, в ваховском) имеется четыре самостоятельных прош. времени, образованные четырьмя самостоятельными элементами: эти формы времен помимо упомянутых различий указывают на то, недавно или давно происходило действие.

Среди наклонений общеизвестны изъявительное и повелительное (последнее в сургутском и южном диалектах выявляется и в страдательном спряжении). Формой условно-желательного наклонения частично может служить аналитическая конструкция¹³⁹.

§ 120. Непосредственно к основе глагола присоединяются показатели времен и наклонений. Суффикс страдательного глагола всегда ставится после показателей времени. Личные окончания, указывающие на лицо и число субъекта, а также и на определенный прямой объект, присоединяются к глаголу в последнюю очередь.

§ 121. Показателем настоящего времени глагола в изъявительном наклонении является *-l-*, распространенный во всех хантыйских диалектах. Во 2-м и 3-м лице ед. числа, а также в 3-м лице мн. числа в ваховском диалекте употребляется *-w*, а после глагольных корней, оканчивающихся на *-m-*, — показатель *-p-*. Из показателей прош. времени наиболее распространен *-s-*, встречающийся во всех диалектах за исключением сургутского (юганского говора) и южного. В нескольких диалектах для обозначения прош. времени употребляется также нулевая морфема, поэтому в них личные окончания следуют непосредственно за корнем глагола. Показатель прош. времени в северном диалекте *-s-*; в сургутском (юганском говоре) и в южном диалекте *-ø-* является единственным показателем прош. времени, а в сургутском (тромюганском говоре) и ваховском диалекте — показателем одного из прош. времен (в ваховском — показатель давнопрошедшего очевидного).

¹³⁹ W. Steinitz. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen, I. Tartu, 1933, стр. 50; E. Samson — NyK LXVI 263—278; A. Jászó — NyK LXXI 123—127 и сл.

Если прош. время не маркировано показателем, в корне может происходить чередование гласных (см. § 28).

В восточном (ваховском) диалекте есть еще два форманта, выражающих прош. время: $-\gamma as$ и $-\gamma al$. Они обозначают исторический (неочевидный) перфект.

§ 122. Показатель $-l-$ наст. времени ($<$ прах. $*-l-$) восходит к древнему $*-l-$, выразившему повторное действие (см. М. § 268). Показатель $-w-$ ($-p-$) в ваховском диалекте восходит к древнему суффиксу отглагольных имен (имен действия) (см. М. § 227).

Показатель прош. времени $-s-$ (прах. $*-s-$) происходит от уральского показателя прош. времени $*-s-$ (см. М. § 143). Немаркированная форма прош. времени, возможно, унаследована от праязыка¹⁴⁰. Неясно, является ли элемент γ в формах $-\gamma as$ и $-\gamma al$ частью переразложненной основы или показателем прош. времени¹⁴¹. Окончание $-i\gamma\acute{a}p$ (а также $-ot$ в южном диалекте) 3-го лица ед. числа немаркированного прош. времени до сих пор не объяснено.

§ 123. Изъявительное наклонение показателя не имеет. Показателем повелительного наклонения общего спряжения является $-a$ (см. форму 2 л. ед. ч.), а в определенном спряжении — i (см. форму 2 л. ед. ч., указывающую на одно обладаемое).

Повеление, обращенное к 3-му лицу (иногда и к 1-му лицу) выражается аналитической конструкцией «частица at 'пусть' + форма наст. времени изъявительного наклонения смыслового глагола».

В восточных диалектах (наиболее полно — в сургутском) и частично в южных наряду с парадигмой повелительного наклонения есть также парадигма желательного наклонения, например, вах. $m\acute{a}n\acute{a}ti$ 'чтобы он пошел'¹⁴².

Условно-желательное значение выражается с помощью какой-либо частицы ($-ki$, $lul\acute{a}p$, вах. $t\acute{a}m$, $t\ddot{o}\eta$, $-p\acute{a}$ и т. д.) и соответствующей спрягаемой формы глагола, например, $po\acute{s}kan-ki$ $t\acute{a}j\lambda\acute{e}m$ $lul\acute{a}p$ woj $wel\acute{e}m$ 'если бы я имел ружье', я бы убил зверя'.

В восточных (сургутском, ваховском) и южных диалектах условное наклонение может выражаться также формой, состоящей из глагольного корня + суффикс имени действия ($-\eta-$ или $-\gamma-$) + лично-притяжательный суффикс, например, вах. $m\acute{a}$ $t'i$ ku $li\eta\acute{a}m$ $m\acute{e}n\lambda\acute{e}m$ 'если я эту рыбу съем, то уйду'.

§ 124. Отсутствие показателя изъявительного наклонения является древней особенностью.

Показатель повелительного наклонения происходит от уральского показателя наклонения $*-k$ ¹⁴³. Показатель условного накло-

¹⁴⁰ E. S á m s o n — NyK LXVI 206—207.

¹⁴¹ E. S á m s o n — NyK LXVI 273—274.

¹⁴² K. K a r j a l a i n e n — MSFOu. № 128 в разных местах.

¹⁴³ HajdúBev. 136.

нения -γ- (-γ-) является, вероятно, суффиксом древнего имени действия (см. М. § 218).

При общем и определенном спряжениях специального залогового показателя нет. Суффиксом страдательного глагола является гласный +j (в абсолютном конце слова только гласный): шур. -aj-, -a, вах. -uj-, -i; в 3-м лице дв. числа -aγəp, в 3-м лице мн. числа — -atət и т. д. В ваховском диалекте суффикс страдательного спряжения *-uj- не подчиняется правилам гармонии гласных.

Подобно другим уральским языкам, имеющим парадигму страдательного спряжения, действительное спряжение в хантыйском не имеет специального показателя. История хантыйского суффикса *-гласный+j еще не выяснена.

§ 125. Личные окончания общего (безобъектного) спряжения:

Ед. ч. 1 л. -əm	Дв. ч. 1 л. -mən	Мн. ч. 1 л. -uw
2 л. -əp	2 л. -təp	2 л. -əti
3 л. -ə	3 л. -γəp	3 л. -ət

Личные окончания общего спряжения выявляются в общей парадигме, а также в страдательной, следуя за суффиксом страдательного спряжения. Состав этих суффиксов, не считая закономерных фонетических расхождений, и употребление — едины во всех диалектах хантыйского языка. В 3-м лице мн. числа определенных эргативных конструкций в ваховском диалекте имеется формант -təl.

§ 126. Личные окончания в 1-м и 2-м лицах общего спряжения по составу и происхождению аналогичны лично-притяжательным суффиксам. Форманты 3-го лица совпадают с показателями числа существительных. Личные окончания общего спряжения в глагольной парадигме, по-видимому, вторичны¹⁴⁴.

Личные окончания определенного спряжения помимо лица субъекта указывают также и на грамматическое число определенного прямого объекта. Эта система наиболее полно проявляется в восточных диалектах (в наименьшей степени в отдельных южных диалектах). Поэтому личные окончания определенного спряжения рассматриваются нами не только в шурышкарском (западном), но и в ваховском (восточном) диалекте.

У глагола в определенном спряжении возможны 27 форм[†] (по числу подлежащего — 3, по лицу — 3, по грамматическому числу объекта — 3). Эта система почти в полном объеме выявляется в ваховском диалекте.

В шурышкарском диалекте личные окончания выражают лишь противопоставление ед. числа не-единственному (т. е. дв. или мн.) числу объекта. Но эти отношения выражаются лишь в 1-м и 2-м лицах ед. числа, в 1-м лице дв. числа, а также в 1-м и 3-м лицах мн. числа. В 3-м лице ед. числа, а также во 2-м лице дв. числа

¹⁴⁴ HajdúBev. 73 и сл.

различия в числе объектов не обозначаются. Поэтому количество личных окончаний глагола в шурышкарском диалекте составляет 14. Однако личные окончания определенного спряжения во 2-м и 3-м лицах дв. числа и во 2-м лице мн. числа одинаковы (шур. -lən, вах. -tən). Учитывая и эти совпадения, число личных показателей глагола определенного спряжения в шурышкарском диалекте составляет 12, а в ваховском — 21.

§ 127. Личные окончания глаголов в определенном (объектном) спряжении.

Число, лицо подлежащего	Число прямого дополнения			
	Шур.	Вах.		
Ед. ч. 1 л.	-em	-im	ед. ч.	
	-lam	-əɣlām	дв. ч.	
		-lām	мн. ч.	
	2 л.	-en	-in	ед. ч.
		-lan	-əɣlān	дв. ч.
			-lān	мн. ч.
3 л.	-li	-tə	ед. ч.	
		-ɣəl	дв. ч.	
		-əl	мн. ч.	
Дв. ч. 1 л.	-emən	-imən	ед. ч.	
	-ləmən	-əɣlāmən	дв. ч.	
		-lāmən	мн. ч.	
	2 л.	-tən	ед. ч.	
		-lən	-əɣlin	дв. ч.
			-lin	мн. ч.
	3 л.	-lən	-tən	ед. ч.
			-əɣlin	дв. ч.
			-lin	мн. ч.
Мн. ч. 1 л.	-ew	-üɣ	ед. ч.	
	-luw	-əɣlɔ̃ɣ	дв. ч.	
		-lɔ̃ɣ	мн. ч.	
	2 л.	-tən	ед. ч.	
		-lən	-əɣlin	дв. ч.
			-lin	мн. ч.
	3 л.	-el	-il	ед. ч.
		-lal	-əɣlāl	дв. ч.
			-lāl	мн. ч.

С точки зрения описательной грамматики окончания шурышкарского диалекта -lam, -lan, -li, -lən, -luw, -lal в положении между гласными имеют факультативные варианты -əllam, -əllan, -əlli, -əllən, -əlluw, -əllal. Это явление распространено по всей территории северного диалекта. В ваховском диалекте -əl встре-

чается и в виде -əllə. Ваховский суффикс. -йү состоит из *-i+йү. В некоторых южных диалектах во 2-м и 3-м лицах дв. числа, а также во 2-м лице мн. числа выступает форма на -s (так же, как в формах с лично-притяжательными суффиксами).

Личные окончания глагола в определенном спряжении в основных чертах (но не полностью!) совпадают с лично-притяжательными суффиксами.

В шурышкарском диалекте как лично-притяжательные суффиксы, так и личные глагольные окончания определенного спряжения значительно выравнялись (ср. их, например, с подобными формантами ваховского диалекта). Вместе с тем шурышкарская система глагольных отношений определенного спряжения значительно проще ваховской системы (см. выше). Относительно простая система в шурышкарском диалекте, возможно, является результатом упрощения (обратного процесса), но можно предположить также, что в этом диалекте (как и в северных, и еще больше — в отдельных южных) система парадигм полностью так и не развилась.

В ваховском диалекте личные суффиксы, указывающие на определенный объект в дв. и мн. числе, полностью идентичны соответствующим лично-притяжательным суффиксам. Одинаковы также формы 2-го и 3-го лица дв. числа, указывающие на определенный прямой объект в ед. числе, а также формы, точнее форма (см. -təp) 2-го лица мн. числа. В формах 1-го и 2-го лица ед. числа, 1-го лица дв. числа, 1-го и 3-го лица мн. числа, выражающих определенный объект, в отличие от форм с лично-притяжательными суффиксами, появляется элемент -i-. Суффикс. -tə 3-го лица ед. числа полностью, а -il 3-го лица мн. числа частично отличаются от лично-притяжательных суффиксов¹⁴⁵.

В шурышкарском диалекте личные окончания, указывающие на определенный прямой объект в не-единственном числе, за исключением форманта 3-го лица ед. числа, идентичны соответствующим лично-притяжательным суффиксам, указывающим на обладаемое во мн. числе. Форма 3-го лица ед. числа одинакова с формой, указывающей на определенный прямой объект в ед. числе. Причина появления варианта с двойным согласным -ll- объясняется, вероятно, фонетически (из-за положения между гласными), но, может быть, этот геминат развился из другого звука (см. показатель дв. числа *-γəl). Форма 3-го лица ед. числа, указывающая на определенный прямой объект в ед. числе, с одной стороны, содержит элемент i, с другой стороны, совпадает с формой, обозначающей определенный прямой объект в не-единственном числе. По-видимому, элементы l, которые кажутся общими, восходят к разным

¹⁴⁵ Это различие двух парадигм выявляется и в сургутском диалекте: см. в 3-м лице ед. числа — -təγ (-γ-l), в 1-м лице дв. числа — -təməp, мн. ч. — -təw (соответствующие лично-притяжательные суффиксы: -əl, -təp и -əw).

источникам. Элемент *l* в ед. числе объектной формы предположительно идентичен элементу *-l* в лично-притяжательном суффиксе, а элемент *l* не-единственного числа объектной формы идентичен компоненту *-l* в составе *-lam*, *-lap* и т. д.; суфф. *-l*, имевшие первоначально разные функции, совпали в одном *l*, причем в результате фонологического совпадения произошло также выравнивание функций. По всей вероятности *l* мн. числа формантов *-lam*, *-lap* выявляется в форманте *-læp*, указывающем также на не-единственное число (на 2-е и 3-е лица дв. числа, 2-е лицо мн. числа).

Существующая в современном хантыйском языке система личных окончаний, указывающих на определенный прямой объект, образовалась посредством аналогического взаимовлияния числовых и (собственно)лично-притяжательных суффиксов.

По нашему мнению, в формах 1-го лица ед., дв. и мн. числа, 2-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа, указывающих на определенный прямой объект (см. ваховский и частично сургутский диалекты) кроется древняя морфема **j*, указывающая на определенность прямого объекта, которая может быть идентичной финно-угорскому показателю прош. времени **-j*¹⁴⁶.

Вообще считается, что форма *-tə* (вах.) является личным суффиксом, указывающим на определенность и развившимся из указательного местоимения. Не исключено, что данное объяснение соответствует действительности, но оно еще нуждается в подтверждении (см. особенно сург. *-təγ*, шур. *-i*: *-li* и т. д.).

§ 128. Основы глагола делятся на следующие группы:

1) основы на согласный, оканчивающиеся: а) на один согласный (*mān-* 'идти', *-oməs-* 'сидеть' и т. д.), б) на (постоянное) сочетание согласных (*joint-* 'играть', *seŋk-* 'бить' и т. д.);

2) основы на гласный: а) (древние) односложные (*wj-* 'брать', его полная основа: *wj-*, *le-* 'кушать', 'есть', его полный корень — *lew-* и т. д.), б) многосложные, оканчивающиеся на *-ə* (*jastə-* 'говорить' и т. д.), в) многосложные, оканчивающиеся на *-i* (*ari-* 'петь' и т. д.), д) многосложные, оканчивающиеся на *-a* (*χöla-* 'заканчиваться' и т. д.). Основы, относящиеся к типам б) и д) являются производными.

О фонетических изменениях в основах глагола см. § 28.

§ 129. Общее (безобъектное) спряжение (глагол с основой на согласный *weg-* 'делать', 'работать'):

¹⁴⁶ Развитие показателя прош. времени **-j* в элемент, обозначающий определенность, могло идти следующим путем: прошедший > упомянутый > определенный. О взаимосвязи определенного спряжения глагола и прош. времени см.: P. R a v i l a. Om konjugationens uppkomst i de uraliska språken (Kungl. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. Årsbok, 1948, стр. 58—64; M. K o r h o n e n — MSFOu. № 143, стр. 348 и сл. По данному вопросу см. HajdúBev. 73—78, 140—144; K. R é d e i — ALH XVI 111—133; MNy LVIII 421—435; M. L i i m o l a — Congr. II 312—318 и т. д.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. werləm	Дв. ч. 1 л. werləmən	Мн. ч. 1 л. werluw
2 л. werlən	2 л. werlətən	2 л. werləti
3 л. werl	3 л. werləŋən	3 л. werlət

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. wersəm	Дв. ч. 1 л. wersəmən	Мн. ч. 1 л. wersuw
2 л. wersən	2 л. wersətən	2 л. wersəti
3 л. werəs	3 л. wersəŋən	3 л. wersət

О формах упомянутого исторического прош. времени см. § 132.

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Ед. ч. 2 л. wera	Дв. ч. 2 л. weratən	Мн. ч. 2 л. werati
------------------	---------------------	--------------------

Страдательное спряжение

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. werləjəm	Дв. ч. 1 л. werləjmən	Мн. ч. 1 л. werləjuw
2 л. werləjən	2 л. werləjtən	2 л. werləjti
3 л. werla	3 л. werləjŋən	3 л. werləjət

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ед. ч. 1 л. wersajəm	Дв. ч. 1 л. wersajmən	Мн. ч. 1 л. wersajuw
2 л. wersajən	2 л. wersajtən	2 л. wersajti
3 л. wersa	3 л. wersajət	3 л. wersajət

Других форм страдательного спряжения глагола в шурышкарском диалекте нет.

§ 130. Определенное (объектное) спряжение:

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа

Ед. ч. 1 л. werləm	Дв. ч. 1 л. werləmən	Мн. ч. 1 л. werləw
2 л. werlən	2 л. werlələn	2 л. werlələn
3 л. werləti	3 л. werlələn	3 л. werləl

б) определенное прямое дополнение находится в форме дв. или мн. числа

Ед. ч. 1 л. werlələm	Дв. ч. 1 л. werlələmən	Мн. ч. 1 л. werlələw
2 л. werlələn	2 л. werlələlən	2 л. werlələlən
3 л. werlələti	3 л. werlələlən	3 л. werlələl

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

в) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа

Ед. ч. 1 л. wersem	Дв. ч. 1 л. wersemən	Мн. ч. 1 л. wersew
2 л. wersen	2 л. wersələn	2 л. wersələn
3 л. wersəli	3 л. wersələn	3 л. wersələf

б) определенное прямое дополнение находится в форме ед. или мн. числа

Ед. ч. 1 л. wersəlam	Дв. ч. 1 л. wersəlmən	Мн. ч. 1 л. wersəluw
2 л. wersəlan	2 л. wersələn	2 л. wersələn
3 л. wersəli	3 л. wersələn	3 л. wersəlal

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

а) определенное прямое дополнение находится в форме ед. числа

Ед. ч. 2 л. weri	Дв. ч. 2 л. weralən	Мн. ч. 2 л. weralən
------------------	---------------------	---------------------

б) определенное прямое дополнение находится в форме ед. или мн. числа

Ед. ч. 2 л. weralən	Дв. ч. 2 л. weralən	Мн. ч. 2 л. weralən
---------------------	---------------------	---------------------

§ 131. Помимо спрягаемых (финитных) форм у глагола имеются и неспрягаемые формы. К последним относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

Суффиксы неспрягаемых форм присоединяются непосредственно к корню глагола.

Инфинитив образуется посредством суфф. -ti (сург. -táṭə, вах. -ta, юж.-х. -tá), например, wertí 'делать', 'работать' (от wer-). Суффикс инфинитива восходит к уральскому, deverбальному именному суфф. *t- + суффикс латива¹⁴⁷.

Причастия делятся на два типа: 1) причастия, обозначающие незаконченное действие, протекающее одновременно с действием, выраженным сказуемым; образуются посредством суфф. -ti (сург., вах., юж.-х. -tə), например, wertí 'работающий', 'делающий', который восходит к тому же deverбальному именному суффиксу, что и суффикс инфинитива; 2) причастия прош. времени, обозначающие законченное действие; образуются во всех диалектах с помощью -m, восходящего к уральскому суффиксу, выражавшему процесс действия *-ш¹⁴⁸, например werəm 'сделанный', 'приготовленный'.

Суффикс деепричастия, не считая фонетических изменений, является единым для всех диалектов хантыйского языка: -man (сург., вах. -mín, юж.-х. -men), например, werman 'работая',

¹⁴⁷ HajdúBev. 146—147.

¹⁴⁸ Coll. Comp. 266 и далее. KispálVIM 192 и сл.

‘работав’; он состоит из древних девербальных именных суффиксов *-m и *-n (или же второй компонент восходит к падежному суффиксу *-n, выразившему образ действия). Возможно, что суффикс деепричастия относится к угорскому периоду (ср. в. -ván/-vén).

§ 132. Обладая глагольными свойствами, инфинитивные формы могут управлять дополнениями и обстоятельствами. В ваховском диалекте к инфинитиву может присоединяться усилительный суффикс. -ti (см. § 137). Поскольку причастия близки к именам, они, употребляясь в неопределительных функциях, могут принимать форманты существительных: а) лично-притяжательные суффиксы, б) падежные окончания (они могут связываться и с послелогоми), например, m̄iŋ m̄äntew j̄rijn ‘после нашего ухода’.

Лично-притяжательные суффиксы, присоединяемые к основе причастий, отличаются от лично-притяжательных суффиксов существительных (в зависимости от диалектов).

В сургутском диалекте причастия могут иметь изъятные формы с суффиксом -ləŋ, к которым могут присоединяться лично-притяжательные суффиксы или падежные окончания, например, m̄əpləŋm̄ə j̄wəl ‘(он) приходит (тогда), (когда) я (еще) не ушел’ (досл. ‘в моем неушедшем он приходит’).

В северных диалектах причастия законченного действия (в фольклорных текстах, вероятно, и причастия незаконченного действия), снабженные лично-притяжательными суффиксами, выражают историческое прош. время (perfectum historicum) и выступают в функции финитных форм, например, l̄iw m̄änmel ‘они ушли’ и т. д.

Считается, что деепричастия выступают в качестве сказуемого, употребляясь в предложениях типа t̄äm x̄or j̄äma wergman ‘эта лодка сделана хорошо’, однако, по нашему мнению, wergman не является финитной формой, а выступает как деепричастная часть сказуемого со связкой.

Лично-притяжательные формы причастий

1. Причастие незаконченного действия (wert̄i ‘делающий’)

Ед. ч. 1 л. wertem	Дв. ч. 1 л. wertemən	Мн. ч. 1 л. wertew
2 л. werten	2 л. wertan	2 л. wertan
3 л. wertal	3 л. wertan	3 л. wertel

II. Причастие законченного действия (werḡəm ‘сделанный’)

Ед. ч. 1 л. wergem	Дв. ч. 1 л. wergemən	Мн. ч. 1 л. wergew
2 л. wergem	2 л. wergan	2 л. wergan
3 л. wergal	3 л. wergan	3 л. wergel

§ 133. Для глагола характерно довольно богатое суффиксальное словообразование. Известно около 120 наиболее часто употребляемых суффиксов.

Из глагольных суффиксов можно назвать следующие:

-a-; используется в основном в отглагольном словообразовании (? образует интранзитивные глаголы), например, *χōla-* 'заканчиваться' (сург. кбл- 'тж'); происхождение суффикса неясно;

-ij(ə)l-; сложный суффикс; используется в отглагольном словообразовании для выражения многократного и уменьшительного значения, например, *jāχijl-* 'похаживать' (*jāχ-* 'ходить');

-kət-; в ваховском и южном диалектах придает глаголу начинательное значение, ср. вах. *wəgəkətə-* 'начинать работать' (а также значение будущего времени; *weg-* 'работать'); в северных диалектах выражает уменьшительное значение

-l-; используется в отглагольном словообразовании для выражения повторного и мгновенного значения, например, *pāχgrl-* 'течь' (*pāχərt-* 'лить', и в отыменном словообразовании: *pōtərl-* 'говорить' (*pōtəg* 'разговор') и т. д.; о происхождении см. § 87;

-m-; используется в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного значения: *pawəmtə-* 'прыгнуть' (*pawəg* 'прыгать') и т. д. и в отыменном словообразовании: *mosəm-* 'заболеть' (*mos* 'болезнь') восходит к ф.-у. *-m, см. М. § 211;

-p-; непродуктивный; используется в отглагольном словообразовании для выражения непереходного и мгновенно-начинательного значений: *poχəp-* 'лопнуть', 'разорваться' (ср. *poχ-* 'лопаться') и т. д.;

-s-; суффикс прахантыйского происхождения; используется в отглагольном словообразовании (образует интранзитивные глаголы?); *aməs-* 'сидеть' (*amət-* 'садиться', 'сажать') и т. д.;

-tə-; используется главным образом в отглагольном словообразовании для выражения каузативного значения, в отглагольном словообразовании для выражения мгновенного значения и в отыменном словообразовании: *kawərt-* 'готовить' (*kawəg-* 'вариться') *aјəmt* 'клеить' (*aјəm* 'клей') и т. д.; суффиксы древнего происхождения ¹⁴⁹.

НАРЕЧИЯ

§ 134. Наречия обычно представляют собой древние застывшие падежные формы местоимений или существительных, которые самостоятельно без падежных окончаний уже не употребляются. Возможно, что некоторые из соответствующих слов уже в угорский период были самостоятельными наречиями, например: *kaпəп* 'вне', 'снаружи' (в. *kint*, мс. *kon* 'тж').

Наречия — так же как и некоторые местоимения — имеют специфическую архаическую систему застывших падежных окончаний. В этой системе по аналогии получило место и несколько окончаний из склонения существительных, вследствие чего часто возникали параллельные формы.

¹⁴⁹ Об образовании хантыйских глаголов см.: Gansch. Verb.

§ 135. Наречия могут обозначать место, время и другие отношения.

Наречия места отвечают на вопрос: «где?», «откуда?», «куда?»: *kaṃaṃ* 'снаружи', *kaṃaṃta* 'снаружи', 'извне', *kiṃ* 'наружу', *puṃaṃ* 'вверх', *puṃaṃta* 'сверху', *poḥ* 'наверх', *ilṃ* 'внизу' и др.

К наречиям времени относятся: *iṃ* 'теперь', *šiməl* 'в течение короткого времени', *jeṭaṃ* 'вечером', *ḡəlewət* 'сегодня' и т. д.

К наречиям, выражающим другие значения, относится немного слов, например: *sek* 'очень', *wollī* 'вплоть', 'полностью', *jāma* 'хорошо'.

§ 136. У небольшой группы наречий суффиксы совпадают с падежными окончаниями имен существительных, например: *jeṭaṃ* 'вечером' (at 'ночь'). Часть из них ныне употребляется только в наречиях. Падежные окончания существительных часто присоединяются к наречиям, уже имеющим древние (застывшие) окончания, например, вах. *poṃəṃpə* 'наверху' (*poṃəṃ* 'тж'). Иногда бывает, что падежное окончание существительного вторгается в состав наречия и вытесняет оттуда древнее наречное (застывшее падежное) окончание, например: вах. *poṃoḡ* 'сверху' (наречная форма: *poṃəṃt* 'тж').

Наречия образуются и от прилагательных, например, *jāma* 'хорошо' (*jāṃ* 'хороший', собственно говоря, это — форма латива-траислатива-эссива); вах. *jəṃəṭ* 'хорошо' (*jəṃ* 'хороший'; элемент -t с точки зрения описательной грамматики является словообразовательным суффиксом) и т. д.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 137. К служебным словам относятся послелогии, союзы, частицы.

П о с л е л о г и. По происхождению послелогии представляют собою застывшие падежные формы существительных или древние основы указательных местоимений: *elti*, *ewelt* (см. § 90). Послелогии в предложении никогда не употребляют самостоятельно (они следуют за именем или местоимением). Имя или местоимение, связанное с послелогом, имеет форму им. падежа: *ulti* 'через', *puṃta* 'до', *piḡəṃna* 'около', *uḡəḡəṃ* 'за', 'из-за' и т. д.; например, *juš ulti* 'через тропу' и т. д. О формах послелогов с лично-притяжательными суффиксами, а также об их употреблении с личными местоимениями см. § 113.

С о ю з ы. Общим способом соединения предложений в хантыйском языке является бессоюзное сочинение, поэтому число союзов относительно невелико; союзом в собственном значении слова является только ра 'и' (вах. *pāni* 'тж')¹⁵⁰.

В функции союза (обычно в сложноподчиненных предложениях) часто употребляются и относительные местоимения, например, вах. *kojī əntə roḡiltəwəl*, *əntə liwəl* 'кто не работает, тот не ест'.

¹⁵⁰ О происхождении см. SauerNom. 84.

Имеется также несколько парных союзов, например: müj-kem... šī-kem 'чем... тем'.

Функцию союза выполняет также дв. число, например, вах. iṭṭəp-ikkəp 'старуха и старик'.

Частицы играют важную роль при передаче отношения говорящего к содержанию предложения, например, при утверждении и отрицании: ät (вах. əntə) 'не', 'нет', al 'не', lüwət ät jöχətsət 'они не пришли (домой)', al jüwa! 'не приходи!'. Часто употребляются частицы tur 'только', 'лишь', at 'пусть' и т. д.

О служебных словах и суффиксальных частицах, участвующих в образовании условного наклонения, см. § 123.

В ваховском диалекте к отдельным падежным окончаниям может присоединяться усилительный элемент -t(i): juṭat '(сходить) за дровами' (juṭa — форма ед. ч. латива), onəltəṭəltati 'мы (пошли) учиться' (onəltəṭəltə — форма инфинитива) и т. д.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 138. Междометия выступают в роли слов-предложений: eḷ (употребляется для привлечения внимания), ja 'тж', kaj (при сочувствии, сожалении), апана (при боли, испуге), вах. oḷəḷ (при боли), jəkəja (при сочувствии, сожалении), kəš (употребляется при призыве к тишине, для привлечения внимания), o (выражает досаду, испуг) и т. д.

ЛЕКСИКА

§ 139. После распада угорской общности (примерно в начале первого тысячелетия до н. э.) предки обских угров еще некоторое время оставались на своей угорской прародине между рекой Камой и лесистой местностью Урала. Вскоре после окончательного разделения угров сюда переселился из Западной Сибири неизвестный палеоазиатский охотничий народ. Мы не знаем, какими изменениями в языке (особенно в лексике) сопровождалось смешение этих двух народов; нам известен только конечный результат: язык формировавшейся этнической группы был финно-угорский. Именно тогда в язык предков манси и ханты могло попасть слово rog, которое и сейчас является названием одной из двух фратрий (слово rog относится к слившемуся с ними охотничьему народу, от которого и взят данный этноним). Вероятно, к этому времени относится и имя бога у обско-угорских народов — tögəm.

Слова, являющиеся общими для мансийского и хантыйского языков, но не относящиеся к прафинно-угорскому периоду и не заимствованные из других известных языков, мы считаем словами обско-угорского периода. Они могли возникнуть либо в результате самостоятельного развития обско-угорского праязыка, либо

попали в обско-угорский праязык из языка неизвестного народа, соприкасавшегося с обскими уграми.

Обилие слов, обозначающих охотничье и рыболовное снаряжение, указывает на то, что рыбная ловля и охота были основным занятием обских укров.

По сравнению с угорской обско-угорская лексика обогатилась глаголами, обозначающими различные действия, звукоподражательными и изобразительными глаголами, названиями ряда орудий труда, одежды, предметов жилищного быта, ранее не встречавшимися названиями животных. Бросается в глаза обогащение языка словами, называющими отвлеченные понятия, относящиеся к духовной жизни, религии и т. п.

Вероятно к этому периоду относятся слова, обозначающие следующие понятия:

а) части тела — 'ребро': со. $\bar{\epsilon}\eta\tilde{t}il$, нкон. $\epsilon\eta\tilde{t}el$, каз. $\delta\eta\tilde{t}i$, юг. $\check{\alpha}\eta\tilde{t}i$, тю., вах. $\delta\eta\tilde{t}i$; 'зад': мс. puj , юг. puj ; 'лопатка': мс. $po\eta k\check{e}l$, юг. $pa\eta k\check{e}l$; 'плечо': сев.-мс. $w\check{a}\eta\check{e}n$, юг. $w\check{a}n$;

б) предметы природы — 'гниль', 'трухлявый' (о дереве): со. $s\check{a}r$, нкон. $s\check{a}r$, каз. (фольк.) $\check{\zeta}er\check{e}\eta$ 'труха', сург. $\check{\zeta}\check{a}r$ 'гниль', вю. $\check{\zeta}ew$; 'камедь', 'смола': со. $\bar{\epsilon}\eta\chi$, каз. $o\eta\chi$, обд. $o\eta\chi$, сург. $o\eta k$, вах. $o\eta k$; 'коса', 'отмель на реке': сев.-мс. $\bar{a}\eta\check{a}r\check{i}$ 'выступающий', каз. $\check{\alpha}\eta\check{a}r\check{i}$ 'коса', тю., вю. $\delta\eta\check{a}r$; 'луг', 'покос': нкон. $\bar{o}\eta\tilde{t}$, каз. $w\check{o}\eta\check{e}t$, обд. $o\eta\check{e}t$; 'огонь': со. $n\check{a}j$, нкон. $n\check{a}j$ 'солнце', 'огонь', вах. $n\check{a}j$ 'огонь'; 'солнце', 'день': со. $\chi\bar{o}\tilde{t}al$, нкон. $\chi\bar{o}\tilde{t}al \sim \chi\bar{o}\tilde{t}al$, юг. $katl$; 'столб', 'пень': со. $\bar{a}\eta k\check{a}l$, нкон. $\bar{a}\eta k\check{a}l$, каз. $a\eta k\check{e}l$, обд. $\check{a}\eta k\check{e}l$, сург. $\check{a}\eta k\check{e}l$, вах. $\check{a}\eta k\check{e}l$;

в) животный мир — 'животное': со. $\bar{u}j$, нкон. $w\check{o}j$, шур. $w\check{o}j$, каз. $w\check{o}j$, обд. $w\check{a}j$, сург. $w\check{a}j\check{e}\eta$, вах. $w\check{a}j\check{e}\eta$; 'лиса': мс. $o\chi\check{s}ar$, юг. $waksar$;

г) виды птиц — 'тиньярка': сев.-мс. $l\check{u}l\check{i}\eta$, юг. $l\check{u}l\check{i}$; вид гагары (утиные): со. $s\check{a}\eta k\check{i}$, нкон. $s\check{i}\eta k$, юг. $s\check{i}\eta k$; 'таймень': со. $\bar{a}ln$, каз. $aln\check{e}$, обд. $\check{a}l\check{e}n$;

д) глаголы, обозначающие явления природы, действия, восприятия — 'надевать', 'опоясывать': со. $\bar{e}nt$ 'опоясывать', вах. $\check{a}nt$ 'надевать'; 'посылать': со., нкон. $k\check{e}t$ -, шур., каз. $k\check{i}t$ -, обд., сург., вах. $k\check{i}t$ -; 'проснуться': сев.-мс. $w\check{g}am\check{l}$ -, юг. $w\check{a}r\check{e}\eta\check{l}$ -; 'прыгать с дерева на дерево' (о белке): со. $i\eta\check{a}l$ -, $i\eta\check{a}l$ -, нкон. $i\eta\check{a}l$ -, каз. $\check{i}t$ -, обд., тю. $i\eta$ -, вю. $\check{u}t\check{a}\eta\check{t}\check{e}$ -; 'ранить': сев.-мс. $pis\check{e}l$ -, юг. $pa\check{s}em$; 'шить': со., нкон. $j\check{u}nt$ -, юг. $j\check{u}nt\check{e}m$;

з) жилище, занятие, одежда — 'воротник': сев.-мс. gak , юг. gok ; 'доска': со. $s\check{i}\eta\check{s}-j\check{i}w$ 'крайняя доска спальной лавки', кон. $s\check{i}\eta\check{n}\check{a}s$ 'передняя доска нар', каз. $\check{s}\check{i}\eta\check{n}\check{a}s$, обд. $s\check{i}\eta\check{n}\check{e}s$; 'игла': со. $j\check{u}nt\check{a}r$, каз. $j\check{u}nt\check{e}r$, обд. $j\check{u}nt\check{e}w$, сург. $j\check{u}nt\check{e}r$, вах. $j\check{u}nt\check{e}r$; 'кожа', 'шкура': кон. $s\check{a}w$, юг. $s\check{o}w$; 'кусок', 'часть': со. sup , шур. $\check{s}ur$, каз. $\check{s}or$, обд. $s\check{o}r$, сург. $\check{\zeta}or$, вах. $\check{\zeta}ow$: 'морда', 'верша', 'сеть': мс. ron 'сеть', шур., юг. $r\check{o}n$ 'морда', 'верша'; 'посуда': со. $\bar{a}ni$ 'чаша', нкон. $\bar{\epsilon}n\check{e}$, шур., каз. an , обд. $\check{a}n$, сург. $\check{a}n\check{e}\eta$, вах. $\check{a}n\check{e}\eta$ 'чашка'; 'пояс': со. $\bar{e}nt\check{a}r$, нкон. $e\eta\check{t}\check{e}r$ -, шур., каз. $\check{a}nt\check{e}r$, обд.

ǎntər, сург. ěntər, вах. ěntew; 'приданое': влоз. sŭsəm, каз. (фольк.) šŭšəpsi; 'свая', 'кол в запоре': со., икон. ūn, каз. ən, обд., вах. an, сург. ǎn; 'стрела': сркон. sŭmš 'стрела с вилкообразным наконечником', вах. čimäs; 'холст': со. sowəl, икон. šowəl, каз. šöʒəl;

ж) духовная жизнь, верования — 'бог', 'небо': со. tŕəm, икон. tŕəm, каз. tŕəm, обд. tŕəm, сург. tŕəm, вах. toŕəm; 'век', 'возраст': со. not, икон. nāt, каз. nŕət, обд. nŕət, сург. nŕət, вах. porət; 'злой дух': со. ŭtri, каз. wŭlər, обд. wulər, тю. иләр.

§ 140. Конец обско-угорского периода можно отнести приблизительно к первым столетиям до нашей эры. Иноязычные влияния за последние две тысячи лет затрагивали уже два отдельно развивающихся языка, однако часто одно и то же влияние действовало и на мансийский, и на хантыйский языки, правда, в разной степени. Часто нельзя решить, попали ли иноязычные слова в каждый из обско-угорских языков отдельно или только в один из них, и из него были заимствованы другим.

Лексика мансийского и хантыйского языков самостоятельно развивалась за счет слов, возникавших путем суффиксального словообразования и словосложения. Новые понятия и предметы обозначаются не только заимствованными словами, но самобытными мансийскими или хантыйскими терминами, например: понятие *пароход* передается словосочетанием своего языка, обозначающим *огненная лодка*, понятие *паровоз* — словосочетанием, обозначающим *огненные сани*, понятие *самолет* — словосочетанием, обозначающим *крылатая лодка*, понятие *провода* — словосочетанием, обозначающим *железная жила*, понятие *бензин* — словосочетанием, обозначающим *огонь вода* и т. д.

Среди необходимых заимствований, правильно отражающих развитие обско-угорской материальной и духовной культуры, встречаются (хотя и в небольшом количестве) «лишние» заимствования, не совсем точно дублирующие исконно существующие в языке слова для обозначения некоторых понятий, предметов (например, слова, обозначающие такие предметы, как лопата, седло, уздечка, оглобля были в самом хантыйском языке, однако вместо них употреблялись заимствования из коми языка).

Мансийский и хантыйский языки взаимно обогащают друг друга. Значительный слой мансийской лексики составляют слова, перешедшие в нее из языка хантыйского фольклора, например: *wojle ɔnle* 'почтенный зверь' (имеется в виду медведь); *čŭs* 'звезда' (имеется в виду медвежий глаз) и т. д.

Обско-угорские языки обогатили лексику языков и других народов (например, русского и ненецкого) словами, относящимися к охоте, рыбной ловле, названиям животных, северных растений и т. д.

§ 141. Самая ранняя связь обских угров с иранскими племенами может относиться примерно к середине I тыс. до н. э., самые

поздние контакты — к VII—VIII вв. н. э. Однако в это время мансийский и хантыйский языки уже отделились друг от друга.

Можно насчитать примерно 15—20 иранских заимствований в обско-угорских языках, например: со. āgrī 'рыбный садок', икон. wēgī, каз. wāg, обд. wāg, тю. wāg, вю. wāg (др.-иран. или ср.-иран. *wagr- 'водная преграда': нов.-перс. wagr); со. wōt 'ветер', икон. wōt, каз. wāt, обд., вах. wāt, тю. wāt (др.-иран. или ср.-иран. *wāta- 'ветер'; авест. wāta-).

Только в мансийском имеются слова: со., икон. kēr 'железо' (ср.-иран. *kīr- 'нож': нов.-перс. kārd); со. wāsiγ, сркон. wēsi 'лосенок' (ср.-иран. *vatsa-ka или *vasa-ka 'теленок': ср.-перс. vačšak 'детеныш').

Только в хантыйском имеются слова: каз. pānt 'дорога', 'тропа', тю. pēnt 'полоса' (ср.-иран. pand 'дорога', 'тропа': авест. pand); каз. kartī 'железо', обд. kārt (ср.-иран. *kart 'нож': нов.-перс. kārd).

§ 142. Влияние коми языка на мансийский и хантыйский языки началось в X—XI вв. в период, когда носители этих языков жили еще в северо-восточной европейской части нынешней России. Позже на современной территории расселения обских угров их контакты с коми продолжались, более того — они становились еще более интенсивными, поскольку обские угры и коми географически продолжали соприкасаться, кроме того, торговцы коми поддерживали постоянную связь с обскими уграми. В каждом из обско-угорских языков насчитывается около 350 слов, заимствованных из коми языка. В мансийском языке насчитывается примерно 40, а в хантыйском — примерно 70 общих коми-зырянских заимствований. Остальные заимствования выявляются не во всех диалектах. Больше всего коми слов перенято северными диалектами (мансийскими — примерно 130, хантыйскими — примерно 140). Значительно меньше коми слов перешло в восточно-мансийские диалекты (примерно 16) и в восточно-хантыйские диалекты (примерно 22).

Среди заимствований из коми языка особое место занимают названия гужевых транспортных средств и связанных с ними понятий, названий жилища и его оборудования, кушаний, напитков, предметов одежды и т. д. Можно привести следующие примеры: а) жилище — 'окно': со. isnas (as 'отверстие'), каз. iśnī, обд. isñi, тю. iṭnəpwəs (wəs 'отверстие'), вах. iṭnəpwəs (к. ešīn, ešīn 'окно'); 'печь': со. kūg, икон. kūg, каз. kəg, обд. kəg, тю. keg, вах. kōg (к. gor 'печь'); 'стол': со. pasan, икон. pāsən, каз. pāsən, обд. pāsən, сург. pēsən, вах. pēsən (к. pīzan 'стол'); 'замок': со. tuman, каз. tōman, обд., тю., вах. tāman (к. toman 'замок');

б) животноводство — 'корова': со. mis, каз. mīs, обд. mus, тю. māś, вах. mes (к. mēs 'корова'); 'свинья': со. pūrēś, икон. pūrs, каз. pūrēś, обд. pūrēś, тю., вах. pūrəs (к. porēś 'свинья'); 'курица': со. śiškoraq, śiškurak, śiškurək 'курица', вкон. kārγ,

каз. *šískörek*, обд. *šísköreḡ*, тю. *kujt'ut/körek*, 'петух' вах. *kujt'öt/-korek* (к. *kureḡ* 'курица');

в) одежда — 'шелк': со. *järmak*, каз. *jermak*, тю. *järmak*, вах. *jernäk* (к. *jernög* 'шелк'); 'рубашка': каз. *jernas*, обд. *jernäs*, тю. *járnas*, вах. *jernäs* (к.-п. *j'gne's* 'рубашка'); 'ткань': со. *puj*, каз. *poj*, обд. *poḡ*, тю. *pöj*, вю. *pöj* (к. *poj* 'ткань');

г) средства транспорта — 'седло': со. *inar*, каз. *īnar*, тю. *inar* (к. *enir* 'седло'); 'сани': со. *tujt*, каз. *tūjtət*, обд. *tujət* (к. *dod'*, *dojd* 'сани');

д) торговля — 'плата': со. *нкон. mēt*, каз. *mīt*, обд., вю. *mit* (к. *med* 'плата'); 'мера': со. *mōrt-*, *нкон. mōrt-*, каз. *mōrtalə-*, обд. *mārtalə-* (к. *murtalnī* 'мерить'); 'знак': со. *pōs*, *нкон. pōs*, каз. *pōs*, обд. *pas*, тю. *pās* (к. *pas* 'знак', 'отметина'); 'налог': со. *pōt*, каз. *wōt*, обд. *ōt*, тю. *wut* (к. *voł* 'налог'); 'рубль': со. *sājət*, *sājət*, юж.-кон. *cāūm*, каз. *šōjtət*, *šōjt*, обд. *sājət*, тю. *šāḡjt* (к. *šajt* 'рубль').

§ 143. Обские угры в прошлом поддерживали тесную связь с самодийцами. В настоящее время северные манси и северные ханты (носители шурышкарского и обдорского диалектов) соприкасаются с тундровыми ненцами, а носители казымского и сургутского диалектов — с лесными ненцами, поэтому их языки взаимно влияют друг на друга. Значительная часть ненецких заимствований относится к терминологии, связанной с оленеводством или обозначает особенности северного края, его природы, мира животных и растений. Приведем следующие примеры:

а) природа — 'тундра': обд. *ḡḡj* (н. *hoj* 'гора', 'хребет', 'тундра');

б) животноводство — 'кастрированный олень': со. *ḡḡrt*, каз. *ḡḡrti*, обд. *ḡḡrti* (н. *hārt* 'кастрированный олень'); 'украшение на сбруе': сев.-мс. *jāmt'ew* 'повод', х. *яндю* 'подуздык' (н. *jāmt'u* 'украшение на оленьей сбруе'); 'олень, вскормленный у чума': сев.-мс. *ovka*, сы. *okka*, *ōkka*, каз. *abka*, обд. *awkkā* (н. *āwka* 'олень, вскормленный около чума'); 'оленок': шур. *sūjəw*, обд. *sujeḡw* (н. *sūjū* 'олений теленок'); 'уздечка и части к ней': со. *šāpəw* 'оленья уздечка и костяные части', каз. *šāpəw*, обд. *šāp* (н. *šāp* 'плоская костяшка на узде оленьей упряжки');

в) одежда — 'малица': со. *məl'šaq*, каз. *məlši*, обд. *mal'šaq* (н. *māl't'e* 'малица').

Селькупские заимствования мы можем зафиксировать с уверенностью лишь в ваховском, васюганском и верхнекалымском диалектах хантыйского языка. Хантыйская и селькупская языковые территории граничат друг с другом, а частые смешанные браки создают благоприятные условия для заимствования слов. Уже в начале века в значительной степени наблюдалось хантыйско-селькупское двуязычие. Число селькупских заимствований в хантыйском языке доходит до 20, большинство из которых является названиями растений, животных и терминами родства, например: вах., вю. *āḡsə!* 'гриб' (ск. *aqsił*), вах. *ḡāy* 'линь' (ск. *gey* 'линь');

‘*Surginus tinca*’); вах., вю. äñi ‘старшая сестра и т. д.’ (ск. äñash ‘моя старшая сестра’; -ñ — лично-притяжательный суффикс).

§ 144. Основанная в XIV в. татарская держава простирала свое господство на ханты и манси, живших в то время у нижнего течения Туры, Тобола, Иртыша. Влияние татар распространялось на всю область Тавды и даже на бассейны Нижней Лозьвы, Пельма и Конды. Манси длительное время жили на общей территории с татарами, от которых зависели и политически; все это способствовало притоку татарских слов (их около 500) в лексику мансийского языка. В тавдинском диалекте, попавшем в окружение татарского языка, и с тех пор фактически исчезнувшем, насчитывалось наибольшее число татарских слов (примерно 400), однако общими для всей старой территории распространения мансийского языка было лишь около 20 татарских заимствований. В северных диалектах число татарских слов составляет примерно 50, в кондинском же диалекте примерно 280. В северные диалекты заимствования из татарского языка попали через другие диалекты, так как северные манси никогда не жили в непосредственном соседстве с татарами. В хантыйском имеется более 100 татарских заимствований. Они распространены главным образом в районе р. Конда. Характер заимствованных слов показывает то экономическое и общественное влияние, которое оказали татары на кондинских манси (о тавдинских манси сведения мы не приводим). Татары познакомили манси с элементами животноводства и земледелия, большое число татарских заимствований относится к названиям жилища, пищи, домашней работы, одежды, торговли. Значительное место занимают слова, обозначающие понятия, связанные с государственным и общественным устройством, верованиями.

В северные диалекты мансийского языка из татарского попали названия лишь нескольких важных культурных растений, широко употребляемых предметов, одежды и т. п. В хантыйском языке выявляется еще меньше таких заимствований. Можно привести следующие примеры:

а) жилище — ‘ковер’: со. jakan, каз. jãkan, тю. jãki, юг. jãki (ср. дж. jãkãn ‘рогожный ковер’); ‘ключ’: нкон. oşxəs, вдем. ät’xəs (ср. казан.-тат. aşquş ‘ключ’);

б) животноводство и земледелие — ‘собака’: со. akar, нкон. äkär, каз. akar, обд. akär, вах. ekär (чув. aGar ‘собака’); ‘хмель’: влоз. xomlaç, нкон. xomlax, кон. xõmtax (казан.-тат. kolmak ‘хмель’); ‘стог’: влоз. kãrøn, нкон. kãrøn, вдем. kerãn (тоб.-тат., казан.-тат. kibãn ‘большой стог’); ‘бык’: кон. õks, вдем. ükös (казан.-тат. ügöz ‘бык’); ‘горох’: влоз. purşax, нкон. porşəx, юж.-х. part’ax (казан.-тат. borçak, burçak ‘горох’); ‘молоко’: нкон. sis-, вдем. sēs- (тоб.-тат. süs ‘цедить (молоко)’); ‘корова’: нкон. sãyr, sãyr, вдем. sãyr (тоб.-тат. sējēr ‘корова’); ‘овес’: влоз. sul, нкон. sol, кош. söto, вю. söla (тоб.-тат. sulu ‘овес’); ‘коса’: влоз. sölwa, нкон. sölwə, вдем. t’atxə (казан.-тат. ç’al’ã ‘коса’);

в) государство, общество — ‘царь’, ‘король’: со. х̣о̣п ‘властитель’, ‘князь’, каз. х̣о̣п, обд. х̣а̣п, тю. k̄ān, юг., вах. kān (тоб.-тат., казан.-тат. х̣а̣п ‘король’); ‘казак’: со. х̣ō̄sāx, нкон. х̣ō̄sə̄x, каз. х̣ō̄sāx, обд. х̣asāx (казан.-тат. қазак ‘казак’); ‘сокровище’: влоз. х̣ō̄sna ‘господство’, нкон. х̣ō̄sнə, каз. х̣ō̄sna, обд. х̣asn̄a (казан.-тат. қазна ‘сокровище’, ‘венец’); ‘богатство’: нкон. р̄ō̄j, вю. ра̄j (тоб.-тат. ба̄j ‘богатый’).

§ 145. Интенсивные контакты обских угров с русскими начались не раньше XVII в. Наиболее сильное русское влияние коснулось южных и юго-западных манси (т. е. ныне уже исчезнувших тавдинских, чусовайских, чердынских и турецких манси), а также южных ханты (южная ветвь также уже обрусевших ханты проживала тогда в непосредственном соседстве с русскими).

Торговые связи обских угров с русскими, существовавшие издавна, естественно, также оказали влияние на хантыйский и мансийский языки: именно в торговой терминологии насчитывается значительное число заимствованных слов; немало русских заимствований относится и к понятиям, связанным с государственной жизнью.

Русские заимствования XVII и XVIII вв. большей частью нетрудно отличить от русских заимствований советского периода. Число старых русских заимствований в мансийском языке примерно 550, причем в северные говоры попало 240 слов, а в кондинский диалект — примерно 350. Общие заимствования (частично, возможно, самостоятельно друг от друга в северном и кондинском диалектах) составляют около 120 слов. Число русских заимствований в хантыйском языке пока нам неизвестно.

К русским заимствованиям XVII—XVIII вв. мы относим слова, обозначающие:

а) жилище — ‘стена’: обд. ašt'ene, нкон. kälst'ēnə (käl ‘дом’); ‘свеча’: сы. iśwēssa, каз. āswēca, обд. āswēcā; ‘керосин’: влоз. ka-raššīn, нкон. karašīr (< диал. карасин); ‘лавка’: со. l̄ō̄waś ‘лавка’, ‘скамья’, каз. л̄ə̄waś (< диал. лавица); ‘самовар’: сев.-мс. samwar, нкон. samowar, каз. samawar;

б) занятие — ‘служить’: со. lusitaŋke, каз. l̄ūšittī ‘мастер’; со., сы. māšter, нкон. m̄šter ‘мастер’, ‘ловкий’, каз. mašter ‘дух’, тю. mašter; ‘работа’: сы. rūpata, нкон. ropotə, каз. ropata (< диал. работа); ‘работать’: сев.-мс. rūpitaŋke, каз. ropittī, обд. ropittā, тю. ropiḷ tətəṭə, вах. ropiḷta (диал. < робит); ‘долото’: со. tolota, нкон. tolōte; ‘винт’: сев.-мс. wint-: winterŋ ‘винтовой’, каз. wint;

в) питание — ‘пирог’: со. pirak, нкон. pəŋx, тю., вах. pirik; ‘жарить’: со. s̄aritaŋke, каз. šarittī (< жарит); ‘сахар’: со. s̄akkar ~ s̄akkəŋ, каз. sakar, обд. saxəŋ, тю. s̄āxəŋ, вю. s̄āxəŋ; ‘сухарь’: со. sukari, нкон. s̄ükəŋ; тю. s̄əxari;

г) одежда — ‘юбка’: со. jurka, нкон. jürkə; ‘пальто’: со. pal'ta, нкон. pāl'te; ‘шарф’: со. s̄ārəp, нкон. šarp, каз. šarəp, вю. šār; ‘жемчуг’: со. šimsak ‘серьга’, нкон. šimsək (диал. < жемчуг);

д) торговля — 'аренда': со. ārn̄ta 'долг', нкон. ̄r̄ant, каз. ar-n̄n̄, обд. ārn̄n̄, тю. ār̄ent, вах. ār̄en; 'лавка': со. l̄arka, нкон. lawk̄e; 'заклад': со. s̄aklat, нкон. s̄əxl̄ət, каз. sakLat, обд. s̄əxl̄āt, тю. s̄akl̄āt; 'целковый': со. solk̄ōwi, нкон. silkowoj, каз. s̄ōlk̄ōwa, обд. s̄alkw̄aj (< диал. *целковой*);

е) государство, общество — 'колхоз': сев.-мс. kol̄xos, пур. *колхоз*; 'кулак': сев.-мс. kulak; 'народ': сев.-мс. m̄ir 'народ', 'люди'; 'собрание': нкон. m̄irkāl 'собрание': (kāl 'дом'): каз. m̄ir, обд. m̄ur, тю., вах. m̄ir 'мир'; 'наклад' со. n̄aklat, нкон. n̄əxl̄ət, каз. nak-Lāt, обд. n̄əxl̄āt; 'план': со. palan, plan; 'почта': сев.-мс. pōcta; 'закон': со., нкон. sakon; 'солдат': со. s̄ōltat, нкон. s̄āltat, каз. s̄ōltāt; 'дело': со. t̄ēla, нкон. *телә, делә*;

ж) разные значения — 'якорь': со. jākar, нкон. jākor. каз. jakar, обд. jākār, вах. jāk̄e; 'лодка': со. k̄ajk, нкон. k̄əjəx, каз. kajok, обд. k̄ajəx, тю. k̄ajuk (диал. *каюк, каик*); 'мост': влоз. m̄ūsta, нкон. mostə (< *мосту* — лок.); 'улица': сев.-мс. ul'is, uliś, нкон. ul'is.

ЛИТЕРАТУРА

(составлена Я. Гул и Э. Шаль)

Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийский язык. Л., 1957.

Вахрушева М. П. Тюркские элементы в лексике южных манси. — «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», Кафедра языков народов Крайнего Севера, 1960, т. 167.

Гуя Я. [Gulya J.] Древнемансийские диалекты. — СIFU

Кальман Б. [Kálmán B.] Русские заимствования из обско-угорских языков. — ALH I.

Ромбандеева Е. И. Мансийский язык. — Яз. нар. III.

Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973.

Ромбандеева Е. И. Фонетические особенности в диалектах манси. — ВФЯ II.

Штейниц В. Хантыйский (остяцкий) язык. — Яз. письм. I.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантынского языка, ч. I. Ваховский диалект. М.—Л., 1961.

Терешкин Н. И. Хантыйский язык. — Яз. нар. III.

Чернецов В. Н. Мансийский язык. — Яз. письм. I.

Futaky I. Zum Problem der ostjakischen Quantitätsstruktur. — UAJb. 41.

Futaky I. Zum Vokalismus des Wach-Ostjakischen. — UAJb. 39.

Gulya J. A manyisi nyelv szóvégi magánhangzóinak történetéhez. — NyK 62.

Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. — IndUnPub. 51.

Gulya J. *Hodu vagy hadu?* — MNy. 63; ALH 19.

Gulya J. Vahi osztják nyelvtanulmányok. — NyK 67, 68.

Hajdú P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest, 1966.

Honti L. Észrevételek a finnugor alapnyelvi szibilánsok és affrikáták képviselőitől. — NyK 74.

Itkonen E. A finnugor nyelvek hangsúlyviszonyairól. — NyK 56.

Kálmán B. Chrestomathia Vogulica. Budapest, 1963.

Kálmán B. Die Auslautvokale der russischen Lehnwörter im Wogulischen. — UAJb. 28.

Kálmán B. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961.

Kálmán B. Vogul Chrestomathy. Bloomington — The Hague, 1965.

Kannisto A. Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen. FUF 17.

Kannisto A. Die Vokalharmonie im Wogulischen. — FUF 14.

Kannisto A. Über einige wogulisch-ostjakische Vokalentsprechungsverhältnisse. — FUF 14.

Kannisto A. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im

Wogulischen vom qualitativen Standpunkt. — MSFOu. 46.

Karjalainen K. F. Zur ostjakischen Lautgeschichte. I. Über den Vokalismus der ersten Silbe. — MSFOu. 23.

Katz H. Kleinigkeiten zur Phologie des Ostjakischen. — NyK 73.

Korenchy É. Iranische Lehnwörter in den ob-ugrischen Sprachen. Budapest, 1972.

Lakó Gy. Északi-manyisi nyelvtanulmányok. — NyÉrt., 8.

Lakó Gy. Újabbkori változások az északi manyisi nyelvb. — MTAK 15.

Munkácsi B. A vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve. Ugor Füzetek II. Budapest, 1894.

Paasonen H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Zusammenge stellt, neu transkribiert und herausgegeben von Kai Donner. — LSFOu. II.

Paasonen H. Über die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF 2.

Patkanov S. Laut- und Formenlehre der süd-ostjakischen Dialekte. Auf Grund der Sammlungen und grammatischen Aufzeichnungen von S. Patkanov, bearbeitet von D. R. Fuchs. Budapest, 1911.

Radanovics K. Északi-osztják nyelvtan. NyÉrt, 31.

Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

Rédei K. Nord-ostjakische Texte (Kazym-Dialekt) mit Skizze der Grammatik. — «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge», Nr. 71. Göttingen, 1968.

Sal É. Az ugor alapnyelv első szótagi palatális magánhangzóí. Mskr.

Sal É. Az ugor első szótagi nyílt *ä hangról. — NyK 62.

Sal É. Über die palatalen Vokale der ersten Silbe im Ugrischen. — Congr. I.

Sal É. Zur Frage der vorderen Labialvokale im Ugrischen. — Congr. II.

Steinitz W. Der Vokalismus des Sosva-Wogulischen. — «Sitzungs-

berichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft», I.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.

Steinitz W. Einige Kapitel aus der ob-ugrischen Vokalgeschichte. — «Forschen und Wirken», 3.

Steinitz W. Etymologische Beiträge. II. Zu den syrjänischen Lehnwörtern des Obugrischen. — ALH 12.

Steinitz W. Etymologische Beiträge. III. Selkupische Lehnwörter im Ostjakischen. — ALH 13.

Steinitz W. Etymologische Beiträge. IV. Tatarische Lehnwörter im Ostjakischen. — ALH 15.

Steinitz W. Einige Kapitel aus der ob-ugrischen Vokalgeschichte. «Forschen und Wirken», 3.

Steinitz W. Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus. Uppsala, 1952.

Steinitz W. Geschichte des ostjakischen Vokalismus. — «Finnisch-ugrische Studien». I [Berlin, 1950].

Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. — «Finnisch-ugrische Studien». II [Berlin, 1955].

Steinitz W. Magánhangzóilleszkedés az osztjákban. — Nyr. 65.

Steinitz W. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis. 2. verbess. Aufl. Leipzig, 1950.

Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten, I. Grammatische Einleitungen und Texte mit Übersetzungen. — ÖEST 31 [Tartu, 1939]; 2. Teil. [Tartu—]Stockholm, 1941.

Steinitz W. Skizze des Vokalismus des Kazym-Dialekts. — Mskr.

Steinitz W. Vokalskizze der Irtyschmundarten. — Mskr.

Steinitz W. Vokalgeschichte der Surguter Mundarten. — Mskr.

Steinitz W. Zur Geschichte des ob-ugrischen Vokalismus. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 17.

Steinitz W. Zur ob-ugrischen Vokalgeschichte. — UAJb. 28.

Toivonen Y. H. Beiträge zur Geschichte der finnisch-ugrischen l-Laute. — FUF 20.

Toivonen Y. H. Kleiner Beitrag zur Geschichte der finnisch-ugrischen Sibilanten. — MSFOu. 67.

Toivonen Y. H. Über die syrjänischen Lehnwörter im Ostjasischen. — FUF 32.

Toivonen Y. H. Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten. — FUF 19.

Toivonen Y. H. Zur Geschichte einiger finnisch-ugrischer Vokale. — FUF 29.

ДОПОЛНЕНИЕ К ЛИТЕРАТУРЕ

(составлено Е. П. Ромбандеевой)

Баладин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958.

Баладин А. Н. Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкции глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1948, № 158. Серия востоковедческих наук, вып. 2. СФУгр.

Баладин А. Н. Русские элементы в обско-угорских языках. «В помощь учителю школ Севера», вып. 1. Л., 1949.

Баладин А. Н. Мансийско-хантыйские соответствия сложно-подчиненных предложений русского языка. «В помощь учителю школ Севера», вып. VI. Л., 1956.

Баладин А. Н. Изучение обско-угорских языков в советский период. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1960, № 167.

Баладин А. Н. Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым субъектом». — В кн. «Эргативные конструкции предложения в языках различных типов». Л., 1967.

Вавра К. И. Семантический анализ терминов родства угорских языков. — СФУ III.

Емельянов А. И. К вопросу мансийской грамматики. — «Советский Север», вып. 4. Л., 1939.

Картина А. И. Словообразование имен в мансийском языке. «Про-

свещение на Крайнем Севере», вып. 8. Л., 1958.

Кузачкова Е. А. Служебные части речи в южно-мансийском диалекте. — Там же.

Ромбандеева Е. И. К вопросу о противопоставлении определенности и неопределенности в мансийском языке. — СФУ II.

Ромбандеева Е. И. О так называемых пассивных конструкциях в мансийском языке. «Эргативные конструкции предложения в языках различных типов».

Ромбандеева Е. И. О роли логического ударения в мансийском языке. — ВФ.

Ромбандеева Е. И. К истории образования суффиксов субъективной оценки (на материале мансийского языка) — ВФЯ IV.

Русская Я. Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961.

Сайнахова А. И. Местоименные частицы в мансийском языке. — СФУ I.

Терешкин Н. И. Некоторые особенности ваховского, сургутского и кодинского диалектов хантыйского языка. — «Просвещение на Крайнем Севере», вып. 8.

Хватай-Муха К. Ф. Функции местно-творительного падежа в среднеобском диалекте языка северных ханты. Авт. к. д. Л., 1949.

Чернецов В. Н., Чернецова П. Я. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936.

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Численность и расселение венгров. На венгерском языке говорят венгры (иначе мадьяры), составляющие основное население Венгрии. Венгры живут также в отдельных районах стран, соседних с Венгрией, и в некоторых отдаленных странах, куда они эмигрировали в XIX и XX вв.

Общая численность венгров составляет около 14 млн. Из них в самой Венгрии живет около 10 млн. (данные 1960 г.), в Румынии — 1600 тыс. (данные 1956 г.), в Югославии 504 368 (в Воеводине — 442 560, в Хорватии — 42 347, в Словении — 10 498; данные 1961 г.), в Чехословакии — 533 934 (в Словакии — 518 782, в Чехии — 15 152; данные 1963 г.), в Советском Союзе 166 тыс. (данные 1970 г.; по данным 1959 г. — 154 738; в основном в Закарпатской области), в Австрии — 11 тыс., (из них в пограничных районах — 5 462; данные 1969 г.), в Соединенных Штатах Америки — 701 637 (данные 1960 г.), в Канаде — 60 тыс. (данные 1954 г.), много венгров живет в Австралии, в Южной Америке и в ряде стран Европы, не перечисленных выше¹.

§ 2. Из истории венгерского народа. Венгры себя называют *magyar*. Этноним *magyar* образовался из двух слов-компонентов, первое из которых восходит к слову *mbó* (название фратрии, объединившей часть угров, сопоставляемое с самоназванием обско-угорского народа манси). Происхождение второго компонента неясно; скорее всего в нем скрыто финно-угорское слово,

¹ Данные по общей численности венгров, а также по Румынии и Канаде приведены по энциклопедии: «*Új Magyar Lexikon*», т. IV. Budapest, 1962, стр. 447; данные по Советскому Союзу взяты из газеты «Правда» от 17 апреля 1971 г. и из книги «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, СССР (сводный том)». М., 1962, стр. 186; данные по Чехословакии см.: «*Statistická ročenka Československé*Socialistické Republiky 1963*». Praha, 1963, стр. 67; данные по США см.: J. A. Fishman. Hungarian language maintenance in the United States. Indiana University publications. Uralic and altaic series, v. 62. Bloomington, 1966, стр. 4; данные по Югославии и Австрии любезно предоставлены Институтом языкознания Венгерской Академии наук с ссылкой на следующие источники: L. R e h á k. A kisebbségek Jugoszláviában (Manjine u Jugoslaviji). — «Forum». Novi Sad, 1967, стр. 266—267, 440—441; «Oberwarter Zeitung», 21 Dec. 1969 (Österreich).

этимологически тождественное финскому *ugkõ* 'мужчина'². Вне Венгрии этноним *magyar* почти не употребляется (например, в русском языке слово *мадьяр* малоизвестно); нем. *Ungar*, фр. *Hongrois*, англ. *Hungarian* и т. п. заимствованы из русского языка (непосредственно или при посредничестве других языков); древнерусское *угринъ* восходит к этнониму *оногур*, обозначавшему тюркские племена, но присвоенному русскими и венграм, поскольку последние с оногурами тесно соприкасались. Современный вариант этнонима *венгр* в русский язык перешел из польского путем обратного заимствования, ср. польское *węgieł*, перешедшее также и в литовский язык в виде *veigras*. Словами *венгр*, *венгерец* русские называли бродячих торговцев, главным образом словаков из Венгрии³. У других народов приняты были также и другие названия венгров, например, их ошибочно называли также и гуннами, хотя последние говорили на одном из тюркских языков.

§ 3. Из угорской общности предки венгров выделились в первой половине I тыс. до н. э. Однако не исключено, что у угров и раньше существовало известное членение на северную и южную группы, между которыми связь постоянно поддерживалась, хотя и не очень интенсивно, о чем свидетельствует немногочисленность общеугорских особенностей, отличных от особенностей финско-пермских языков. На базе северной группы формировалась позднее обско-угорская этническая общность, на базе южной — венгерская.

Прародину угров (находившуюся, по-видимому, между нижним и средним течениями реки Камы и лесами Уральских гор) первыми покинули южные угры (т. е. предки венгров); двигаясь по направлению к югу, их основная масса поселилась на лесостепной части южного Приуралья (приблизительно на территории нынешней Башкирии), которую она занимала около тысячи лет⁴. Данная территория считается прародиной венгров, поскольку именно здесь формировалась отдельная от других угров этническая группа правенгров с характерным для нее языком, развившимся от угорской основы, но в отрыве от языка других угров. Поэтому не без основания землям, занятым в то время правенграми, в некоторых источниках присвоено название «*Magna Hungaria*» 'Правенгрия' (досл. 'Большая Венгрия').

Праугры занимались в основном рыболовством и охотой, из домашних животных использовали, в известной степени, только лошадей и собак. Правенгры же, в результате контактов с иноязычными скотоводческими племенами, постепенно научились скотоводству, в связи с чем они перешли и к конно-кочевому образу жизни.

² BărcziMSzSz. 194—195; HajdúFNy. 89; MTESz. II 817.

³ ZsiraiFgrRok. 145; MagyŌst, 53, 72; М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, I. М., 1964, стр. 290.

⁴ ALH II 301; HajdúFNy. 87, 79; MagyŌst. 6.

С тюркоязычными племенами предки венгров общались еще в составе угорской общности; следы встреч сохранились в общих угорских словах тюркского происхождения. По-видимому, и правенгры продолжали соприкасаться с тюркоязычными племенами, хотя явных языковых следов от этих соприкосновений не осталось. Из иноязычных племен, оказавших влияние на экономическое и культурное развитие правенгров, основная роль принадлежит иранским племенам, о чем свидетельствуют относящиеся к той поре иранские заимствования, например, в. *tehén* 'корова' и *tej* 'молоко'.

§ 4. Во второй половине V в. н. э. правенгерская этническая общность распалась: основная масса венгров оставила свою прародину и двинулась на юго-запад, потом на запад. Меньшая же часть продолжала жить на востоке и впоследствии смешалась с тюркоязычными племенами. Тем не менее восточные венгры еще долгое время сохраняли свой родной язык. По имеющимся сведениям венгерский католический монах Юлиан, путешествуя в 30-х годах XIII столетия по болгарской территории, встретил группу людей, говоривших на венгерском языке. О продолжительном сохранении венгерского языка на прародине свидетельствуют венгерские племенные названия *Gyarmat* (<*Gyurmot*), *Jenő* (*Jeneű*), и, по-видимому, также *Nyék*, *Gyula*, *Magyar*, сохранившиеся и у башкир⁵ (некоторые из племенных названий имеют тюркское происхождение).

Передвигаясь с востока на запад, основная часть венгров все больше сходилась с тюркоязычными племенами, с которыми она (добровольно или по принуждению) вступала в продолжительные союзы. Поэтому быт, материальная культура, а также общественное устройство венгров все больше тюркизировались. Венгры «эпохи странствования» сохраняли полукочевой образ жизни, занимаясь прежде всего скотоводством. Однако на местах длительных стоянок они уже знакомились с основами хлебопашества и плодоводства, о чем свидетельствует характер тюркских заимствований того времени (см. § 154).

Менее интенсивна была связь странствующих венгров с аланами (предками осетин); тем не менее из их языка также перенято несколько слов (см. § 153).

Путь странствующих венгров проходил по южным частям нынешней России и Украины. Известны места продолжительных стоянок: территория между нижним течением Дона и реки Кубани; в IX в. район западнее Дона, называемый венграми «Лебедия», а также район между Днепром и нижним Дунаем, получивший венгерское название «*Etelköz*».

§ 5. Отдельные сведения о праистории венгров (длившейся до их прихода на нынешнюю родину) известны из трудов арабского, персидского, византийского и венгерского происхождения.

⁵ Gy. N é m e t h — NyK LXVIII 40, 42—43, 48.

Два арабских (X в.) и один персидский источник (XI в.) содержат описание расположения восточно-европейских (в том числе и венгерских) племен IX в., при этом авторы ссылаются на труд своего предшественника, написанный в самом начале X в. Наиболее ценным и надежным источником праистории венгров следует считать известный труд византийского императора X в. Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (*De administrando imperio*), в котором приводятся достоверные сведения об истории венгров IX в., об их отношении к хазарам и печенегам⁶. В отличие от этого научного источника в венгерских летописях XI—XIII вв. (первые из них до нас дошли только по более поздним изложениям) достоверное описание переплетается с пересказом былин⁷.

§ 6. В 896 г. семь племен венгров под предводительством Арпада окончательно перешло Карпаты и обосновалось в бассейне рек Дуная и Тисы⁸.

Занимаясь в основном скотоводством, в первое время венгры продолжали вести полукочевой образ жизни, что не мешало им устраивать набеги на западные и балканские страны. Только в XI в. они окончательно перешли к оседлому образу жизни и занялись земледелием.

Смешавшись с местными славянами, венгры научились у них ведению сельского хозяйства, переняли у них образ жизни, элементы материальной и духовной культуры (см. § 60). В отличие от взаимоотношений со славянами (с которыми соприкасались все слою венгерского народа) венгерско-немецкие (точнее венгерско-австрийские) связи с самого начала осуществлялись через высшее дворянство и городское бюргерство (см. § 60).

На своей новой родине венгры постепенно втягивались в сферу влияния Запада, которое особенно усилилось в связи с обращением в христианство в конце X и начале XI в., т. е. в период властвования владетельного князя Геза и его сына — первого венгерского короля Иштвана I (Стефана I, называемого также Иштваном Святым) из династии Арпадов. С именем последнего связано ускорение разложения племенного строя и переход к феодализму.

Венгрия постепенно превращается в сильное централизованное государство средневропейского типа. Однако нашествие татар (монголов) на венгерские земли в 1241—1242 гг. привело к разорению Венгрии и к массовому истреблению ее населения. Поэтому после ухода татар в опустошенные безлюдные места венгры охотно пускали и даже приглашали иностранных колонистов: крестьян и ремесленников.

⁶ MagyÖst, 240—241, 245.

⁷ MagyÖst, 251—253.

⁸ Данное событие венгерскими историками названо «Завоевание Родины» (Honfoglalás).

§ 7. В XIV—XV вв. Венгрия значительно окрепла. В экономике страны все больший вес занимали городские ремесла и горная промышленность. Хотя почти непрерывно продолжалась борьба королей Венгрии против крупных феодалов (а также междоусобная борьба между самими феодальными помещиками), централизация государственной власти неуклонно возрастала. В окрепшем государстве венгерские войска под предводительством вождя Хуняди (Hunyadi János) и его сына короля Матьяша (Mátyás «Матвей Корвин») успешно отражали атаки турок, угрожавших в XV в. народам Европы. Возрастание значимости королевской власти в период правления Матьяша (вторая половина XV в.) одновременно означало и ограничение власти крупных феодалов, оно же подготовило переход к сословной организации населения внутри страны. Кроме военных, политических и экономических успехов для Венгрии XV в. характерно было также стремление идти в ногу с достижениями культуры эпохи Возрождения и Гуманизма.

После смерти короля Матьяша централизованное королевское управление снова начало слабеть. Крупные феодалы, не признававшие над собой никакой власти, жестоко эксплуатировали крепостное крестьянство; доведенные до отчаяния, угнетенные массы в 1514 г. под предводительством Д. Дожи (Dózsa György) восстали: разразилась крестьянская война, охватившая почти всю территорию Венгрии. Однако хорошо вооруженным дворянским войскам слабо оснащенные отряды мелких ремесленников и крестьян не могли противостоять, и восстание было топлено в крови. Потерявшие всякий контроль над собой победители жестоко расправились со своими побежденными противниками, в массовом порядке истребляли участников восстания и провели ряд законов, в результате которых крестьяне лишились даже своих элементарных прав, в том числе права свободного переселения. Раздираемая внутренними противоречиями Венгрия не могла устоять против нового натиска турок, и в 1526 г. у городка Мохач венгерские войска потерпели катастрофическое поражение («Мохачская катастрофа»).

§ 8. В середине XVI в. страна фактически распалась на три части: в западных и северных частях власть перешла в руки австрийского императора из династии Габсбургов, явившегося одновременно и королем Венгрии; в середине страны установилось турецкое владычество, в восточных районах на положении турецкого протектората образовалось трансильванское княжество.

Именно последнее стало носителем национального самосознания венгров, а также и очагом освободительных войн, направленных против Габсбургов, стремившихся низвести Венгрию до положения колонии Австрии. Наиболее крупное из выступлений венгров против Габсбургов относится к началу XVIII в. и связано с именем князя Ф. Ракоци II. Оно потерпело поражение из-за неблаго-

приятной внешнеполитической обстановки и из-за предательства наиболее богатых венгерских феодалов.

Изгнание турок с территории Венгрии в конце XVII в. при помощи иноземных войск послужило Габсбургам поводом считать Венгрию завоеванной территорией. Хотя Венгрия и сохранила некоторые внешние признаки самостоятельности, на самом деле в течение почти двух столетий Австрия эксплуатировала ее как колонию. Для ослабления национального единства венгров страна была разделена на несколько провинций; был проведен также ряд других мероприятий для девенгеризации страны: расселение в чисто венгерских районах представителей других национальностей, прежде всего немцев, ограничение использования венгерского языка в учреждениях и учебных заведениях. Австрийский император Йозеф (Иосиф) II отказался короноваться в Венгрии, не желая признать особую венгерскую конституцию. (После его смерти формальные права «суверенной» Венгрии были снова восстановлены.)

§ 9. Политика Австрии в конце XVIII и начале XIX в. (особенно направленная на ограничение использования венгерского языка) вызывала сильное сопротивление и возмущение. Повсюду крепло чувство национального самосознания, для патриотов стало делом чести пользоваться родным языком, носить венгерскую одежду, танцевать венгерские танцы, заботиться о культурном наследии и о развитии национальной науки. Венгерскими патриотами были основаны Национальный музей и Венгерская Академия наук; в связи с усиливающимся разложением феодального строя в 30-х годах XIX в. был проведен ряд буржуазных реформ.

Революционные стремления народных масс в 40-х годах XIX в. переплелись с стремлением обеспечить для Венгрии полную самостоятельность. Во главе этого движения стояли: публицист Л. Кошшут (Kossuth Lajos), поэт Ш. Петефи (Petőfi Sándor) и писатель-публицист М. Танчич (Táncsics Mihály). Высшей точкой проявления национального самосознания явились проведение закона об отмене крепостного права и освободительная война 1848—1849 гг.

Героически сражающаяся революционная армия потерпела поражение вследствие вооруженной помощи, оказанной Австрией русским царем Николаем I. Для Венгрии началась эпоха жестоких репрессий, проводимых Австрией против участников революционного движения и освободительной войны. Однако революционный дух венгерских народных масс Габсбургам сломить не удалось, и в 1867 г. под давлением внутривенгерской и неблагоприятной внешнеполитической обстановки Австрия вынуждена была пойти на соглашение с Венгрией. Отныне Австрия и Венгрия объединились в двуединую Австро-Венгерскую монархию, во главе которой стоял император Австрии, являющийся одновременно и королем Венгрии. Венгрия сохранила свою отдельную конституцию и получила возможность к самостоятельному национальному развитию; но

в то же время по внешнеполитическим и наиболее важным экономическим вопросам она не могла принимать самостоятельные решения, так как министерства финансов, иностранных и военных дел были общими.

§ 10. В 1914 г. Австро-Венгрия, вступившая на путь империалистического развития, объявила войну Сербии, что и послужило формальным началом первой мировой войны. В конце 1918 г., когда поражение Австро-Венгрии и ее союзника Германии стало очевидным, революционные массы взяли инициативу в свои руки и заставили правительство Венгрии объявить страну республикой; еще более решительных успехов они добились весной 1919 г.: Венгрия стала Советской республикой. Несмотря на героическую борьбу венгерской Красной армии, она просуществовала только 133 дня: ее задушили интервенционные войска иностранных государств, успехам которых содействовали также силы внутренней реакции.

Согласно мирному договору 1920 г. для Венгрии были установлены новые границы. Реваншистски настроенные контрреволюционные круги проводили против прогрессивных сил страны акции белого террора, а с 30-х годов все больше связывали судьбу страны с германским фашизмом. Во вторую мировую войну Венгрия вступила как союзник гитлеровской Германии, и гитлеровскими же войсками она была оккупирована в конце 1944 г. (в ответ на нерешительные попытки венгерского правительства выйти из войны). В Венгрии начался кровавый разгул фашизма, приведший к массовому уничтожению людей и гибели национального богатства и культурных ценностей.

Советские войска в 1945 г. освободили Венгрию от фашистских оккупантов и положили конец фашистскому террору. Независимый венгерский народ приступил к восстановлению страны и построению социализма.

§ 11. Заняв земли в бассейне Дуная и Тисы, венгры переняли у славян систему деления страны на территориальные административные единицы: по-венгерски *megye* 'область', 'комитат' (<сербско-хорватское *medja* 'граница'). Данное административное деление сохранилось до наших дней, только численность комитатов менялась в течение веков, поскольку, в зависимости от исторических условий, территория Венгрии то увеличивалась, то уменьшалась. В настоящее время Венгрия включает в себя 19 комитатов, управляемых администрациями комитатских центров (*megyeközpont*).

Венгры свою страну называют *Magyarország*. Данный топоним состоит из двух компонентов: из слова *magyar* 'венгр', 'венгерский' (этимологию *magyar* см. в § 2) и *ország* 'страна' (<'княжество' от слова *úr* 'господин', раньше 'князь' + суфф. *-ság/-szág*). Другие народы Венгрию обозначают словами, соответствующими этнонимам, принятым у данного народа для обозначения венгров; так, например, русские эту страну называют Венгрия, немцы

Ungarn, французы Hongrie, англичане Hungary и т. д. (см. происхождение соответствующих этнонимов в § 2).

Столица Венгрии Будапешт — самый большой город в стране (численность жителей более двух миллионов). Будапешт состоит из трех основных частей (Буда и Старая Буда на правом берегу Дуная, Пешт — на его левом берегу), объединенных в 1872 г. Для истории Венгрии особый интерес представляет Буда, древняя столица с 1361 г. в течение ряда веков. Топоним *Буда*, по-видимому, восходит к личному имени *Bod*, *Voda* (значение 'ветвь', 'побочная ветвь'), употребляющемуся ныне как фамилия, *Pest* происходит от южнославянского заимствования *pest* 'печь для углежжения'⁹.

§ 12. В истории правенгерского периода существует несколько спорных вопросов; таковы: 1) отношение венгерских и тюркских племен; 2) отношение венгерских и пермских племен.

М. Ряснен считает, что башкиры не смешались с венграми¹⁰. Приблизительно такого же мнения придерживается Б. А. Серебренников, который отметил, что венгры с территории нынешней Башкирии ушли еще до появления башкир, хотя не исключено, что маленькая группа венгров там осталась¹¹. Совершенно противоположной точки зрения придерживается Д. Дечи: он предполагает, что часть венгров осталась на территории нынешней Башкирии и стала родоначальником башкирского народа; прото-башкиры-венгры, по мнению Д. Дечи, на башкирский язык перешли не раньше XIV—XV вв. н. э., так как племена, встретившиеся с монахом Юлианом в XIII в. и говорившие на венгерском языке (см. § 4) и были предками башкир¹².

Большинство исследователей признают продолжительное контактирование венгров с булгарами¹³. Другого мнения придерживается Э. Моор: он отрицает возможность древних близких сношений между правенгерскими племенами и булгарами (оногурами), считая, что старые тюркские заимствования не показывают болгарских особенностей¹⁴.

§ 13. Некоторые ученые более или менее определенно заявляют, что после распада финно-угорской общности венгерские племена еще долгое время интенсивно общались с некоторыми другими финно-угорскими племенами¹⁵. Так, Д. Пайж считал, что одно из основных племен венгров (по названию *Nyék*) имело пермский характер, так как жило в непосредственной близости

⁹ В. Кálmán. A nevek világa. Budapest, 1967, стр. 173, 160.

¹⁰ «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae» XII, 75.

¹¹ Б. А. Серебренников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 22—23.

¹² DécsyEinf. 8, 150.

¹³ MNyГ 498; DécsyEinf. 172 и др.

¹⁴ UAJb. XXXI, 229.

¹⁵ См. высказывания Л. Лигети (MagyÓst. 40—41), Г. Барци (Bár. MNyÉl. 26), Б. А. Серебренникова (NyК LVIII 200).

пермских племен, в то время как другое венгерское племя (по названию Mogyëri, Mëgyëri) близко соприкасалось с другими уграми и имело угорский характер¹⁶. Наиболее крайнюю точку зрения представляет Э. Моор: он считает, что предки венгров были двуязычными, т. е. они говорили как на пермском, так и угорском языках, а сам венгерский народ формировался смешением пермского и угорского этнических элементов¹⁷. Однако другие исследователи, например, Э. Итконен¹⁸, П. Хайду и К. Редей¹⁹ считают, что связи пермских и угорских племен были поверхностными, и большинство языковых особенностей, встречающихся только в венгерском и пермских языках, появилось в результате более позднего параллельного развития.

Особого мнения придерживается Э. Моор и по вопросу о втором компоненте этнонима *magyar*. В отличие от наиболее принятого объяснения (см. § 2) Э. Моор этот компонент возводит к слову **ser*, которым, по его мнению, угры называли пермские племена²⁰.

§ 14. Народный венгерский язык реализуется в восьми диалектах (различающихся прежде всего фонетическими особенностями). Между ними нет больших расхождений, мешающих взаимопониманию носителей даже самых отдаленных говоров. Каждый из диалектов характеризуется и переходными особенностями, свойственными для двух и более диалектов.

§ 15. Западн^{ый} диалект распространен в комита-тах Ваш, Зала, в части комитатов Дьёр-Шопрон и Веспрем. Его особенности²¹:

1) [e]*-канье, в отдельных словах и [õ]-канье, на севере диалектной группы также [i]-канье: [ɛmber] 'человек', [lehet] 'может быть', [köll] (ср. kell) 'надо', [kik] (ср. kék) 'синий', 'голубой', [niz] (ср. néz) 'смотрит';

¹⁶ MNy XLIX 287, 293.

¹⁷ ALH II 428—429; ALH IX 134—135, 183; UAJb. XXXI 205.

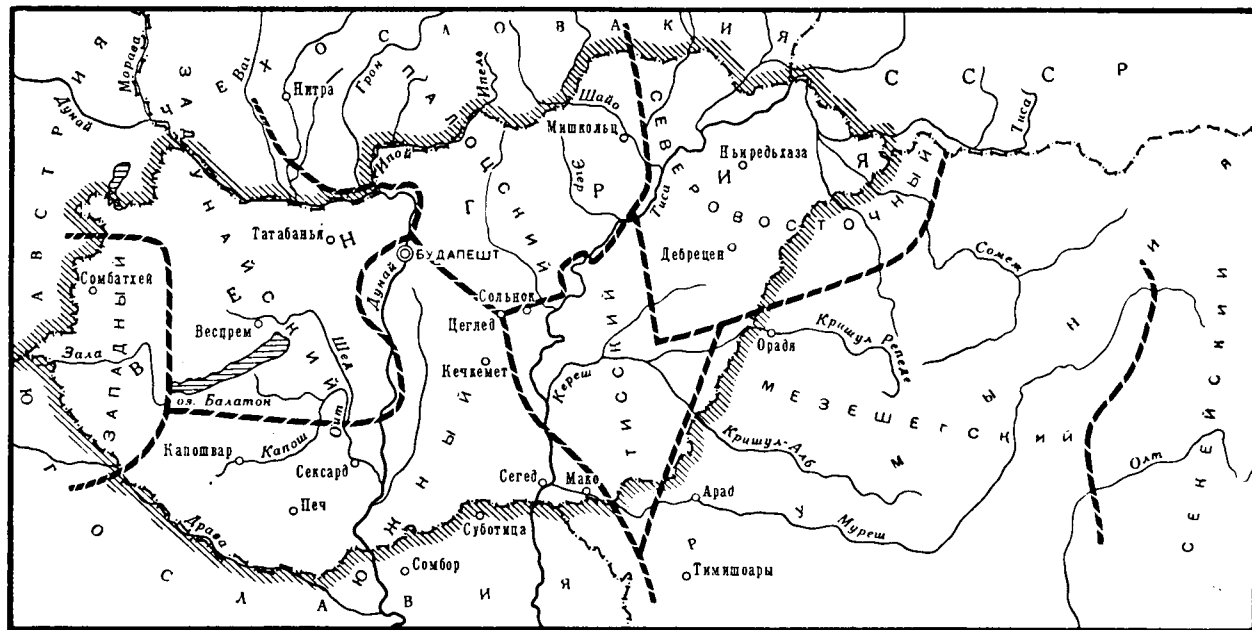
¹⁸ FUFa XXXII 70—73.

¹⁹ HajdùFNNy. 80; NyK LXVI 260; ALH XIX 332.

²⁰ ALH IX 137.

²¹ Здесь и далее используются в основном данные по книге: В. Кálmán. A mai nyelvjárások. Budapest, 1951, стр. 23—29; Он же. Nyelvjárásaink². Budapest, 1971, стр. 68—91; некоторые данные (прежде всего географические данные о диалектах) уточнены по книге: А. Ноггер. A magyar nyelvjárások. Budapest, 1934; при названиях диалектов в скобках даны названия, которыми пользуется А. Хоргер в указанной книге; при географических названиях в круглых скобках помещены венгерские названия соответствующих рек и населенных пунктов; диалектные примеры во всех необходимых случаях сопровождаются соответствиями из литературного языка (в круглых скобках).

* Здесь и далее примеры из венгерского литературного языка, как правило, приведены в орфографической записи (кроме обычных орфографических букв иногда употребляется еще буква ё, принятая для изображения специального звука ё-кающего варианта разговорного языка). Транскрибированные примеры венгерского языка (изображающие слова и звуки)



Схематическая карта диалектов венгерского языка

(карта выполнена на основе схематической карты диалектов венгерского языка в кн.: Kálmán Béla. Nyelvjárásaink. Budapest, 1971, стр. 119.

2) вместо литературных *ó, ő, é* употребляются дифтонги [uo, üö, ie] : [juo] (ср. jó) 'хороший', (kiez] (ср. kéz) 'рука';

3) вместо литературных долгих *í, íi, ü* обычно произносятся соответствующие краткие: [tiz] (ср. tíz) 'десять', [hus] (ср. húsz) 'двадцать', [tüz] (ср. tűz) 'огонь';

4) вместо литературных открытых и полузакрытых часто употребляются более закрытые [kű] (ср. kő) 'камень', [furu] (ср. fűrő) 'сверло', [sārod] (ср. szárad) 'сохнет';

5) вместо литературного *ly* [j] употребляется *l*: [folik] (ср. folyik) 'течет';

6) в ряде говоров под влиянием [v] предыдущий согласный озвончается или сам [v] оглушается: [ödven] или [ötfen] (ср. ötven) 'пятьдесят';

7) некоторые надежные суффиксы не уподобляются по гармонии гласных: [kertnā] (ср. kertnél) 'у сада', [riékho] (ср. rékhez) 'к булочнику';

8) в ряде говоров определенный артикль развился из указательного местоимения *ez*: [ez ember] (ср. az ember) 'человек'.

§ 16. Задунайский диалект распространен на западе от реки Ваг (в южных пограничных районах Словакии), далее на юге от Дуная в части комитата Дьёр-Шонрон, в комитате Комаром, частично в комитатах Фейер, Веспрем, Тольна и Шомодь. Его особенности:

1) [e]-канье на всей территории диалекта, на ее северной части также [i]-канье, на южной [ē]-канье: [ember] 'человек', [d'erek] 'ребенок', [nid'] (ср. négy) 'четыре', [kīp] (ср. kép) 'картина', [tānēt] (ср. tanít) 'обучает', [kēšēr] (ср. kísér) 'сопровождает';

2) по другим особенностям выявляется много совпадений с западным диалектом, однако, например [v], не ассимилирует и сам не ассимилируется, отсутствуют дифтонги и т. д.

§ 17. Южный (альфельдский) диалект распространен на юге комитата Шомодь, в комитате Баранья, между Дунаем и Тиссой, перемежаясь с тисским диалектом, далее в районах городов Сегед, Мако, Ходмезевашархей, между Дравой и Савой, а также в ряде деревень на северо-востоке Задунайского края. Его особенности:

1) [ö]-канье (вместо *ë* [e] соседних диалектов, за исключением слов односложных и слов со смешанным вокализмом): [löhēt] (ср. lehet) 'может быть', [möntek] (ср. mentek) 'они шли', но [te] 'ты', [d'ert'ā] 'свеча' и т. д.;

2) литературный *ly* [j] на западе от Дуная произносится как [l], на востоке же от Дуная — как [j];

3) в отдельных говорах употребляются дифтонги [ou, ei, öü]: [jou] (ср. jó) 'хороший', [föüd] (ср. föld) 'земля';

заклучены в квадратные скобки. Восстановленные фонемы прафинно-угорского и правенгерского языков приведены со знаком * курсивом.

4) в большей части диалекта вместо суф. 3-го л. об. сир. -ja употребляется -i: [vāri] (ср. várja) 'он его ждет', [tudi] (ср. tudja) 'он это знает'.

§ 18. Тисский (дунай-тисский) диалект распространен между Дунаем и Тисой (переменяясь с южным диалектом), далее в комитатах Сольнок, Хайду-Бихар и Бекеш, охватывая небольшую (прилегающую к венгерской границе) район северной Югославии и восточной Трансильвании (Румыния). Его особенности:

1) [e]-канье и [i]-канье: [ɛmber] 'человек', [mehet] 'он может идти', [kik] (ср. kék) 'спинный', 'голубой', [šip] (ср. szép) 'красивый';
2) в закрытом слогe перед [l, r, j] краткие гласные, как правило, удлиняются: [ájtoɟ] (ср. ajtó) 'дверь', [ɛlment] (ср. elment) 'он ушел'.

§ 19. Паллоцкий (северо-западный) диалект распространен на юге Словакии приблизительно в районе от реки Ваг до реки Горнад (Хернад), а также в северозападной части Венгрии (севернее линии городов Будапешт, Цеглед, Сольнок). Его особенности:

1) [e]-канье и [i]-канье, на востоке и [ɛ]-канье;

2) вместо краткого огубленного [á] произносится неогубленный [a], вместо же долгого [ā] — огубленный долгий [ǎ]: [karǎl] (ср. karál) 'он мотыжит', [bǎňás] (ср. bányász) 'шахтер';

3) сильная делабиализация: [kilšō] (ср. külső) 'внешний', [rišpek] (ср. püspök) 'епископ';

4) сильная палатализация: [d'iínɛ] (ср. dinnye) 'арбуз', [t'ükör] (ср. tükör) 'зеркало';

5) на большой территории диалекта вместо литературного [y] [j] употребляется [l':] [ol'an] (ср. olyan) 'такой', [hel'l'] (ср. hely) 'место';

6) у имен переднерядного вокализма в качестве лично-притяжательного суффикса 3-го лица употребляется -i: [kezi] (ср. keze) 'его рука';

7) к личным именам, а также к именам, обозначающим людей по их занятиям, присоединяются собирательные падежные суффиксы [-nott/-nett/-nött, -ni, -nöl/-nöl]: [birōnott] (ср. bírónál) 'у семьи сельского старосты', [kovǎšnöl] 'от семьи Ковач'.

§ 20. Северовосточный диалект распространен на территории Венгрии на востоке от реки Горнад (Хернад) в комитате Боршод-Абауй-Земплен, далее в комитатах Сабольч-Сатмар и (частично) Хайду-Бихар; за пределами Венгрии в прилегающих к комитатам Сабольч-Сатмар и Хайду-Бихар частях Закарпатской области советской Украины, северо-востока Трансильвании (Румыния) и юго-востока Словакии (на востоке от реки Горнад). Его особенности:

1) [ɛ]-канье, т. е. замена фонемы [e] фонемой [ɛ]: [ɛhɛt] 'может быть', [ɛmbɛr] 'человек';

2) почти по всей территории диалекта имеются дифтонги: [keǐz] (ср. kéz) 'рука', [vōɟt] (ср. volt) 'он был'.

§ 21. Мезёшегский (закирайхагский) диалект распространен в центральной части Трансильвании в районах городов Клуж (Коложвар), Турда (Торда), Деж (Деш), в районе реки Муреш (Марош) приблизительно от ее поворота с севера на юго-запад до города Аюд. Его особенности:

1) [â]-канье: [âkâš] (ср. okos) 'умный', [bârâtâm] (ср. barátom) 'мой друг';

2) [e]-канье в односложных словах и в словах со смешанным вокализмом: [ed'] 'один', [deskâ] 'доска';

3) употребление устарелых форм времен на -é/-á и с частицами volt и vala: [evék, ettem volt, esik válâ] 'он ел', 'я ел', 'он ел';

4) употребление конструкций типа [el kell mennék] (ср. el kell mennem) 'я должен уйти'.

§ 22. С е к е й с к и й д и а л е к т распространен в Румынии: в восточной Трансильвании в районе верховья реки Муреш (Марош) и в районе реки Олт, отдельными островками также за пределами Трансильвании в северо-восточной части Румынии (говор чанго). Его особенности:

1) [e, ē]-канье (за исключением некоторых говоров);

2) тенденция к удлинению гласных в закрытых слогах перед l, r, j: [këndör] (ср' kender) 'конопля';

3) употребление надежных окончаний: -nit, -ni, -núl/-nül (вместо -nál/-nél, -hoz/-höz/-hez, -tól/-től, см. также § 20);

4) употребление устарелых форм времен на -á/-é и со вспомогательным глаголом-частицей vala: [igá, ír válâ, irt válâ] 'он писал';

5) последовательное употребление форм спряжения ik-овых глаголов (см. § 120).

§ 23. В отличие от традиционной классификации Ш. Имре (опираясь на богатые материалы нового большого атласа венгерских диалектов) выделяет свыше тридцати диалектных типов и изолированных говоров венгерского языка²².

§ 24. И з и с т о р и я в е н г е р с к о г о л и т е р а т у р н о г о я з ы к а²³.

Из существующих вариантов периодизации венгерского языка наиболее распространены два.

По одному из них история венгерского языка, начиная с первых памятников, разделяется на три больших периода: 1) старовенгерский: с XI в. до середины XIV в.; 2) средневенгерский: с 1350 г. до конца XVI в.; 3) нововенгерский: с 1600 г. до наших дней²⁴. По второму варианту история венгерского языка разделяется также на три периода: 1) старовенгерский: с конца IX в. (со времени прихода венгров на территорию нынешней родины)

²² S. I m g e. A mai magyar nyelvjárások rendszere. Budapest, 1971, стр. 333—373.

²³ В данном разделе в основном использованы материалы книг Bâg. MNyÉl. и MNyT.

²⁴ Майт. Венг. I 14, 25, 36; DécsyEinf. 16.

до 1526 г. (т. е. до трагической для венгров Мохачской битвы, см. § 6); 2) средневенгерский: с 1526 г. до 1772 г. (до начала эпохи просвещения); 3) нововенгерский: с 1772 до наших дней²⁵. Период, не зафиксированный в памятниках и предшествовавший старовенгерскому, называется правенгерским периодом.

В данном очерке мы придерживаемся второго варианта периодизации.

§ 25. Старовенгерский язык (с X в. до 1526 г.); истоки письменности. Отдельные венгерские личные имена, топонимы и этнонимы встречаются уже в арабских, персидских и греческих источниках конца I тыс. н. э., но в более значительном количестве венгерские слова и даже сочетания слов начали появляться только с XI в. Такие выражения, вкрапленные в основном в латинские тексты, называются «отрывочными памятниками» (*szórványemlékek*). Наиболее значительные отрывочные памятники содержатся в документе об основании Тиханьского монастыря (*Tihanyi Alapítólevél — 1055*), а также в дарственном документе Дёмёшского монастыря (*Dömösi prépostság adománylevele — 1138*, сохранился в списке 1329 г.).

Помимо отрывочных памятников, как источники венгерской письменности весьма ценны так называемые «глоссы» (*glosszák*) и списки слов (*szójegyzékek*). Глоссами называются толкования на венгерском языке латинских слов, сочетаний слов, а иногда и целых предложений, вписанные в латинские тексты. Глоссы входили в моду уже с XIII в., но по ценности и объему особенно значительные венгерские материалы содержатся в глоссах XIV и XV вв. Списки слов предназначались прежде всего для учебных целей; в них латинский словарный материал с венгерскими переводами расположен не по алфавитному порядку, а по кругам понятий. Самый ранний из памятников этого рода: Кёнигсбергский список слов (*Königsbergi Szójegyzék*, вторая половина XIV в., сохранился только в фрагментах) содержит только около 100 слов; из более поздних же памятников Бестерцский список слов (*Besztercei Szójegyzék*; между 1380—1410 и список слов Шлегли (*Schlägli Szójegyzék*; начало XV в.) включает в себя уже значительное количество слов (Бестерцский список более 1000, Список Шлегли — более 2000).

§ 26. Самый старый из дошедших до нас связных памятников венгерского языка «Надгробная речь и молитва» (*Halotti Beszéd és Könyörgés*) относится к концу XII столетия. Он содержит около 270 слов (с вычетом повторений около 190) и представляет собою свободный перевод латинского оригинала. Приблизительно на 100 лет позднее (около 1300 г.) был написан второй связный памятник: «Старовенгерский Плач Марии» (*Ómagyar Mária-síralom*), являющийся свободной стихотворной обработкой средневековой

²⁵ МНУТ 18.

темы латинских стихов: оплакивания Марией Иисуса. Этот первый стихотворный памятник венгерского языка состоит из 132 слов. К началу XIV в. относятся тезисы к проповеди, называемые Дьюлафехерварские строки (Gyulafehérvári Sorok) и содержащие всего 15 строк. С более раннего оригинала был списан памятник середины XIV в., прославляющий материнство Девы Марии, «Кёнигсбергский фрагмент» с полосками (Königsbergi Töredék); фрагмент состоит из 9 строк, а полоски из 17 полных и 34 неполных строк.

§ 27. Первые связные тексты большого объема зафиксированы в «кодексах», т. е. в рукописных книгах религиозного характера, предназначенных главным образом для монахинь, большинство из которых плохо владело латинским языком; кроме того, в борьбе против разного рода сектанства служители католической церкви вынуждены были обращаться к своей пастве на понятном ей языке.

Первый дошедший до нас памятник этого рода — «Кодекс Йокаи» (Jókai-kódex; относится к концу XIV в., но сохранился только в списке середины XV в.); как и большинство других кодексов, он содержит перевод латинского текста, в данном случае перевод повествования о жизни и деяниях Святого Франциска. Большинство сохранившихся кодексов написано во второй половине XV и в начале XVI в. Из памятников XV в. особое значение имеют кодексы, представляющие собою переводы библии с латинского языка: кодексы Венский, Мюнхенский и Апор (Bécsi-kódex, Müncheni-kódex, Apor-kódex), далее «Кодекс Гори» (Guargy-kódex), содержащий размышления на религиозные темы и выделяющийся своим оформлением.

Язык кодексов, обусловленный однообразным религиозным содержанием и неизбежно скованный латинским языком оригинала, недостаточно отражает действительное состояние венгерского языка XIV—XVI вв. Поэтому наряду с кодексами большое значение имеют также и памятники светского содержания. Из более ранних текстов этого рода следует отметить эпическое стихотворное описание боя за крепость Сабач («Szabács Viadala», 1486 г.), содержащее 150 строк, далее стихотворный календарь 1462 г., несколько частных писем, документы юридического характера и т. п.

С конца 20-х годов XVI в. количество и разнообразие памятников венгерского языка значительно возрастает. Одновременно появляются некоторые признаки стремления к унификации языка и орфографии (см. § 41).

§ 28. Венгры умели писать еще до прихода на нынешнюю родину. Их древнее «врезанное письмо» (rovásírás), перенятое от тюркских племен, было неудобное, так как письма врезывались в деревянные палочки, которые, естественно, не подходили для размещения на них больших текстов. Первые сохранившиеся памятники венгерского врезанного письма относятся к XV в.,

но секеи (венгры в Трансильвании) им пользовались даже в XVII в.²⁶

Поскольку документы административно-делового, религиозного и летописного характера в Венгрии XI—XII вв. и позднее составлялись на латинском языке, латинские же буквы использовались для передачи разрозненных венгерских слов и словосочетаний («отрывочных памятников» см. § 25), включенных в эти документы. Таким образом, истоки современной венгерской письменности наметились на основе латинской графики, что соотвествовало общей ориентации Венгрии на запад в связи с принятием христианства.

§ 29. В использовании латинских букв первые старовенгерские памятники отражают влияние итальянских (частично и французских) орфографических норм (например, звук [ú] передавался буквосочетанием gn); в ряде же памятников чувствуется влияние немецкой орфографии.

Для звуков венгерского языка, не имеющих соответствий в латинском языке, в начале старовенгерского периода использовались буквы, предназначенные для других «близких по звучанию» латинских звуков; например, вместо ü употреблялся u или v, но ими же изображался и звук [u]. Таким образом, некоторые буквы имели два или даже три значения. К тому же использование букв в разных памятниках было далеко не одинаковое. Некоторое стремление к последовательному применению орфографии наблюдается только в старых деловых бумагах.

На венгерскую орфографию XV в. большое влияние оказал принцип, введенный Я. Гусом при переводе библии на чешский язык: каждый звук символизируется только одной латинской буквой, если же в соответствующем языке имеется звук, не свойственный латинскому, для него подбирается буква, изображающая близкий латинский звук, но в данном случае эта буква снабжается еще каким-либо добавочным знаком; так, в старовенгерских памятниках [ü] передавался буквой ù, [ő] — буквой q и т. д. Однако указанный рациональный принцип использовался далеко не последовательно.

§ 30. В начале данного периода истории венгерского языка в редуцированном виде еще употреблялись конечные гласные основы [i, ü, u], может быть также и [i] (см. § 72). Употреблялись и дифтонги с неслоговыми [i, u, ü]. В отдельных диалектах еще доживал свой век [i]. Отсутствовали еще [á] и [ö], зато современный долгий [ā] имел и краткое соответствие [a].

До середины XIV в. реализовался переход узких кратких гласных в более широкие, например: dumb > domb 'холм', bob > bab [báb] 'бобы', szim > szem [sem] 'глаз', 'глаза',

²⁶ Gy. N é m e t h. A magyar rovásírás. «A Magyar Nyelvtudomány Kézíkönyve», II 2. Budapest, 1934, стр. 3, 6, 11.

ürdü(n)g > ördög 'дьявол' (впрочем, переход [ü > ö] завершился позднее середины XIV в., см. § 73).

Реализована была также тенденция превращения нелабиализованных кратких гласных в лабиализованные: [i > ü]: bik > bükk 'бук', szilni > szülni 'рожать'; [e] > [ö]: [veder] > vödör 'ведро'; [a] > [á]: [balta] > [báltá] 'топор' и т. д.; в связи с последним изменением краткий [a] исчез из венгерского языка (см. § 74).

§ 31. Наряду с приведенными основными изменениями (которые, впрочем, тоже не охватывали все слова соответствующего звукового состава) в развитии старовенгерского вокализма наблюдаются и другие, менее последовательные тенденции, например, удлинение кратких гласных (кроме [o, ö]) в последнем закрытом слоге и вследствие этого создание пар форм типа: víz 'вода' и vizet 'воду', fazék 'горшок' и fazekas 'гончар', tűz 'огонь' и tűzes 'огненный', út 'дорога' и utak 'дороги', ház 'дом' и haza 'домой' (см. § 78). В конце же слов, наоборот, сначала гласный [-i], потом в XIII в. также [-ē, -ā] становится кратким; kéri > kéri 'просит (его, это)', [fā > fa > fā] 'дереву', но fának 'дереву', kezé > [keze > keze] 'его рука', но [keze] 'его руку' (см. § 78).

Иногда в трехсложных словах, состоящих из открытых слогов, выпадает гласный второго слога: malina > málna 'малина', kormos > kormos 'измазанный сажей'. В других же словах, наоборот, для устранения зияния между гласными появляется вставной согласный ([j, v] или [h]): mezeé > mezeje 'его поле' (см. § 77).

Количество дифтонгов с неслоговым [-j (-j)] стало значительно меньше, так как они во многих словах перешли в долгие гласные, ср. tanajt > tanít (или tanét) 'обучает'. Дифтонги же с неслоговыми [-ç, -ŷ] к концу XIV в. исчезли в результате изменений: [aç, oç] большей частью превращались в [ō], а [eŷ, oŷ] — большей частью в [ō̄] (таким образом появились долгие ō и ō̄), ср. [pos-toç] > posztó 'сукно', [nēzeŷ] > néző 'смотрящий'.

§ 32. В начале старовенгерского периода унаследованное из финно-угорского языка-основы уподобление по гармонии гласных оказывает довольно последовательное действие на выравнивание вокализма простого слова, например, по усвоению заимствованных слов, по уподоблению суффиксов и по уподоблению вторых компонентов в составе затемненных словосложений; ср. herceg > herceg 'герцог', miloszt > malaszt 'милость', [halálnek] > halálnak 'смерти' (дат. п.), id-nap (досл. 'святой день') > ünnp 'праздник' и т. д. (см. § 75). Но, с другой стороны, в связи с переходом [j > i] последний гласный стал встречаться не только в переднерядных словах (где он был исконным), но и в заднерядных, ср. írok > írok 'я пишу'. В связи с переходом дифтонгов с неслоговым [i] в [ē] или [i] (см. § 31) также появлялись случаи нарушения гармонии гласных. В результате указанных (и других) процессов переднерядные гласные [i, ī, e, ē] стали употребляться и в словах с заднерядным вокализмом.

В старовенгерский период появляется новый тип гармонии гласных: по огублению, ср. *vízhez* 'к воде', но *tűzhöz* 'к огню' и т. д.

§ 33. По консонантизму старовенгерский язык также значительно отличается от современного. В начале периода еще не было согласных [с] и [ž], поэтому в заимствованных словах они субституировались другими звуками, например [с] главным образом заменялся согласным [č], а [ž] — большей частью согласным [š], ср. слав. *cer* > в. *cser* 'дуб', слав. *Книęза* (собственное имя) > в. *Kenese* (см. § 87); согласный [t] появился, по-видимому, в XII—XIII вв., например, путем соединения [t] + [j] в формах типа *tartja* 'он держит' или вследствие других процессов. Вместо [v] употреблялся губно-губной [w], который в XIII—XIV вв. в конце слова и перед согласными превратился в неслоговой [u/ü] (в других же позициях переходил в [v]); ср. слав. *čëvi* > в. [čew] > [čeü], совр. *cső* 'труба'.

С другой стороны, в начале старовенгерского периода употреблялись еще звуки [χ, χ̣] и [γ] (по старой орфографии *ch, chj, gh*). Согласный [χ] превратился в [h], ср. *chod* > *had* 'войско'; *méch* > *méh* > [mē] 'пчела'; согласный [χ̣] к середине XIV в. большей частью перешел в [j], ср. *tanochjt* > *tanojt* > *tanít* 'обучает'; согласный [γ] сохранился не дольше XIV в.; в конце слова в большинстве случаев он превратился в [u/ü]; ср. [kumlaγ] > [kumlaŋ] > *komló* 'хмель', [menεγ] > [menεü] > *menő* 'идущий' (см. § 87).

§ 34. Еще в самом начале старовенгерского периода согласный [č] во многих словах перешел в [š], ср. личное имя *Almucsí* > *Álmos* > *Álmos*. В течение всего периода (и даже дольше) происходит процесс смягчения согласных [l] и [n], охватывающий много слов; ср. *mél* > *mély* [mēl'] 'глубокий', *taval* > *tavaly* [tāvál'] 'в прошлом году', *csákán* > *csákány* 'кирка', *enész* > *enyém* 'мой' (см. § 88); впоследствии [l'] превратился в [j], ([i]).

Наблюдается последовательный процесс освобождения от сочетаний согласных, прежде всего в начале заимствованных слов; ср. нем. *sturm* > в. *ostrom* 'осада', слав. *kralj* > в. *király* 'король', *svobod* > в. *szabad* 'свободный' (см. § 83); отдельные случаи подобного рода наблюдаются и в конце венгерских слов; ср. *szerelm* > *szerelem* 'любовь', *hotolm* > *hatalom* 'власть'.

§ 35. В связи с отпадением конечных гласных основы и вследствие ряда других фонетических изменений (см. § 31, 72) к концу старовенгерского периода у имен и глаголов, в общем, установились основные типы чередования основ; ср. [nod'] 'большой', но [nod'u-n] 'очень', *víz* 'вода', но *vize-t* 'воду', *fa* 'дерево', но *fák* 'деревья', *lő* 'он стреляет', но *lövök* 'я стреляю' и т. д.

§ 36. В сфере старовенгерских имен наблюдается ряд важнейших изменений. В результате массового превращения послелогов в падежные окончания (т. е. прежде всего в результате уподобления по гармонии гласных) преобразуется система склонения; например, в «Старовенгерском Плаче Марии» (см. § 26) *beleül*

употребляется еще как послелог и поэтому не подчиняется гармонии гласных: *buabeleul* 'из горести'; в «Кодексе Йокаи» (см. § 27) он уже уподобляется, т. е. выступает как падежный суффикс: *farkasbalol* 'из волка'; впоследствии этот падежный суффикс сократился до звукоочетаний *-ból/-ből*. В старовенгерскую эпоху подобным же образом развились из послелогов падежные форманты *-ba/-be*, *-ban/-ben*, *-nál/-nél*, *-tól/-től*, *-hoz/-hez* и нек. др. (см. § 98). С другой стороны, от некоторых полнзначных имен образовались новые послелогии, например, *után* 'за', 'после' от *út* 'дорога', *együtt* 'вместе с', от *egy* 'один', *körül* 'вокруг' от *kör* 'круг' и т. д. (см. § 141).

В области лично-притяжательного склонения при указании на 1-е лицо и множественность обладателей наблюдается переход *-m > -n*; ср. в «Надгробной Речи» *uromk*, ныне *urunk* 'наш господин'. В 3-м лице формы типа *házi, kezi* или *háza, keze* выражали как единичность, так и множественность обладаемых, однако позднее формы с *i* типа *házi, kezi* (> *házai, kezei*) стали выражать только множественность обладаемых ('его домá', 'его рúки'), а формы типа *háza, keze* — только единичность обладаемых ('его дом', 'его рука'); впоследствии разделение по числу обладаемых перешло и на другие формы, выражающие 1-е и 2-е лицо обладателей (см. § 100).

К XIV в. относится возникновение определенного артикля *az* из указательного местоимения *az* 'тот' (в старовенгерском иногда употреблялся и артикль *ez*) и к XV в. неопределенного артикля *egy* из числительного *egy* 'один' (см. § 144).

§ 37. Система спряжения старовенгерского глагола, унаследованная в основном из правенгерского языка, отличалась рядом особенностей от современного состояния.

В начале старовенгерского периода личное окончание 1-го лица мн. числа употреблялось еще в вариантах *-muk/-mük* (ср. в «Надгробной речи» *vogmus* ныне *vagyunk* 'мы являемся'), перешедших позднее в *-onk/-unk/-önk/-enk/-ünk*. Словообразующие суфф. *-achjt/-ochjt/-echjt* (> *-ít*) в соединении с суфф. императива *-j* получили форму *-schj*: *szoboducschja* 'он пусть его освободит'. Начался (или продолжался) процесс стирания грани между глаголами на *-ik* (выражавшими первоначально страдательное действие) и глаголами без *-ik* (см. § 120), в связи с чем в XV в. *-ik*-овые окончания употреблялись и в случаях, когда действие глагола-сказуемого было направлено на неопределенный объект; наблюдается колебание в употреблении окончания *-ik*: *szök* или *szökik* 'спасается', *szűn* или *szűnik* 'прекращается'.

§ 38. Формами времени старовенгерский язык был более богат, чем современный. Для выражения прошедшего действия (кроме редких форм) употреблялись: 1) форма на *-a/-e/-á/-é* (< ф.-у. *-i) «повествовательного» (или «исторического») прошедшего, использовавшаяся при повествовании о прошедших событиях без отношения к наст. времени: *látá* 'он видел', *látá* 'он видел это';

2) форма на -t/-tt, использовавшаяся прежде всего для выражения событий, соотносенных с наст. временем: látott 'он видел', látta 'он видел это'; 3) сложная форма, состоящая из формы наст. времени смыслового глагола и неизменяемой частицы *vala*, использовавшаяся для выражения продолжительного или повторяющегося действия: lát *vala* 'он видел', látja *vala* 'он видел это'; 4) сложная форма, состоящая из формы прош. времени на -t/-tt смыслового глагола и неизменяющейся частицы *vala*, употреблявшаяся для выражения прошедшего события, предшествовавшего другому, более позднему прош. действию: látott *vala* 'он видел', látta *vala* 'он видел это'.

В конце старовенгерского периода для выражения будущего действия (кроме формы наст. времени) употреблялись и сложные формы, в которых участвовали вспомогательные глаголы *fog-ni* или *kezd-eni*: kérne *fog* или kérne *kezd* 'он будет просить', kérne *fogja* или kérne *kezdi* 'он будет это просить'. Для выражения законченного в будущем действия уже в «Надгробной Речи» употреблялась простая форма на -nd; látand 'он увидит', látandja 'он увидит это'.

В старовенгерском языке значительно расширяется употребление глагольных приставок, формировавшихся еще в правенгерском языке (*meg-*, *el-*); кроме того, возникают новые приставки, такие, как *ki-*, *be-*, *le-*, *föl-* (не исключено, что они в качестве приставок выступали уже и в правенгерское время), далее *alá-*, *össze-*, *vissza-* и т. д. (см. § 136).

§ 39. По-видимому, влиянием латинского языка объясняется то, что в старовенгерском часто употреблялись формы условного наклонения у глагола, выступавшего в придаточных предложениях в функции сказуемого. Вместо формы изъявительного наклонения форма условного наклонения использовалась, например, в придаточных временных, а вместо повелительного — в придаточных дополнительных и цели; ср. *mikor innen is elmúlt volna, juta... tengër mellé* 'когда он и отсюда ушел, он очутился у моря', *nem tudják vala, mit felelnének* 'не знали они, что ответить' (Bár. MNyÉl. 168—169).

Конструкции с инфинитивом, имеющим лично-притяжательное окончание, употреблялись чаще, чем ныне; ср. *ném illik valakit megölnök* 'мы не должны кого-то убивать' (Bár. MNyÉl. 170—171). Конструкциями с причастием на -t (-atta/-ette) часто заменялись придаточные предложения, ср. *ö angyala megörizött engemet innét elmenttem* 'его ангел меня охранял, когда я ушел отсюда' (досл. 'в моем ушедшем'; Bár. MNyÉl. 173).

Основные типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений формировались еще в правенгерский период, о чем свидетельствуют союзы, унаследованные от того же периода; таковы: *'s* 'и', *de* 'но', *vagy*, *avagy* 'или', *kedig* > *pedig* 'а', 'же', *hogy* 'что', *míg* 'пока', *holott* 'хотя', *mert* 'потому что', *mint* 'как' и др. В старовенгерском языке возникали и новые союзы (в основном сложные).

§ 40. Лексика старовенгерского расширяется за счет переосмысления старых слов, а также при помощи суффиксации и словосложения. В частности, появляются новые суффиксы, большинство из которых сложилось из двух и более простых словообразовательных формантов; таковы в сфере глагола: -*doz/-dez/-döz* (-*d + -z*), -*gat/-get* (-*g + -t*), -*tat/-tet* (-*t + -t*) и др. (см. § 138); в сфере имени: -*cska/-cske* (-*cs + -k + -a*) и др. (см. § 103); в старовенгерский период появился суффикс. -*ság/-ség*, образовавшийся от слова со значением 'холм', 'куча', 'множество' (см. § 103). С другой стороны, некоторые суффиксы становились непродуктивными (например, именные -*d*, -*k*, -*gy*).

В обогащении лексики старовенгерского языка значительная роль заимствований. Слова славянского, немецкого и тюркского происхождения заимствовались путем непосредственного контактирования венгерского народа с соответствующими народами (см. § 4, 6—8). По другим каналам проникали в старовенгерский язык слова романского происхождения. Из них наиболее значительный пласт составляют латинские заимствования, поскольку латынь использовалась как язык церкви, государственного управления, деловых бумаг, школы и науки. К этому периоду относится появление в венгерском языке таких слов, как *óra* 'час', 'часы', *templom* 'церковь', *lecke* 'урок', 'задание', *fáklya* 'факел', *uzsoga* 'ростовщичество'²⁷. По сравнению с латинскими заимствования итальянские (перенятые в основном от итальянских купцов, например: *mandula* 'миндаль', *piac* 'площадь' > 'рынок'), а также и французские (перенятые начиная с XII в. при посредничестве католического духовенства и высшего дворянства, например, *lakat* 'замок', *szekrény* 'шкаф' и т. д.) немногочисленны²⁸. (О романских словах в венгерской лексике см. § 160—164).

§ 41. Старовенгерский язык реализовался в различных диалектах, которые, как и современные, существенно не различались. Границы старовенгерских диалектов установить трудно: вследствие войн и прежде всего опустошительного нашествия татар народные массы перемещались. Только о конечном этапе старовенгерского периода можно высказать некоторые догадки. Так, *ö*-канье было распространено на южной части языковой территории, *i*-канье занимало полосу на ее западной части, а также на северо-востоке в комитате Сатмар.

В памятниках конца старовенгерского периода уже намечались некоторые более или менее обязательные требования к письменному варианту языка, отделяющие последний от разговорного варианта; например, кодексы написаны в основном на *ö*-кающем диалекте. В языке деловых бумаг, имеющих отношение к королевской канцелярии и королевскому двору, также выявляются

²⁷ Bár, MNyÉl. 120.

²⁸ Bár, MNyÉl. 125.

некоторые признаки стремления к унификации (например, избегание *i*-канья).

§ 42. Б. Средневенгерский язык (1526—1772) и начало формирования литературного венгерского языка. В связи с распространением книгопечатания с XVI в. число и разнообразие памятников венгерского языка значительно возрастает. (Первые венгерские книги печатаются в Кракове и Вене; только с 1536 г. они издаются и в Венгрии).

Используемые в научно-просветительных и пропагандистских целях, а также для удовлетворения потребностей различных слоев общества в области художественной литературы, печатные издания XVI—XVII вв. отражают растущее самосознание венгерского народа и его интерес к родному языку. Об этом свидетельствуют, например, первые грамматики, составленные Я. Сильвестером (1539), А. Сенци-Мольнаром (1606), И. Гелеи-Катоны (1645), П. Переслени (1682), в которых более или менее подробно описаны особенности строя венгерского языка.

Начиная с конца XVI в. страстная полемика между сторонниками реформации и ее противниками способствовала появлению многочисленных трактатов, написанных живым, эмоционально окрашенным языком, доступным широким массам. Особенно выделялись в этом отношении труды П. Пазманя, обладавшего незаурядным литературным талантом. Немалое значение имел новый перевод библии, подготовленный под руководством Г. Кароли. К средневенгерскому периоду относится творчество выдающихся прозаиков и поэтов: М. Зрини, М. Бетлена, К. Микеша, Ф. Фалуди, Б. Балашши, И. Дьёндёши и др. Кроме того, от указанного периода до нас дошло много деловых бумаг и частных писем.

§ 43. В начале средневенгерского периода продолжались письменные традиции старовенгерского языка (например, соблюдались правила употребления наклонений, установившиеся под влиянием латинского языка, см. § 39).

Начиная с конца XVI в. уже наметилась тенденция, направленная на создание некоторых норм письменности, стоящих вне диалектных вариантов венгерского языка. Формированию этих норм значительно содействовали канцелярские писари и учителя школ. Стремясь говорить изысканно, дворяне также старались избегать особенностей (например, *i*-канье), считавшихся «провинциальными», «некрасивыми», «вульгарными». Средневенгерские памятники показывают, что венгерский литературный язык начал формироваться на основе нескольких диалектов, однако один из них при этом получил преимущественную роль: это был диалект, распространенный на территории, находящейся в северо-восточной части современной Венгрии, далее на востоке Чехословакии, в советском Закарпатье и в Трансильвании²⁹ (Румыния); этот диалект внес наиболее значительный вклад также в форми-

²⁹ Bgr. MNyÉl. 218.

рование современного венгерского литературного языка. Однако в XVI в. с северо-восточными нормами соперничали и другие (из них наиболее значительными следует считать западные нормы письменности). Зарождающиеся письменные разновидности венгерского языка друг от друга отличались незначительно, и постепенно все они уступили свое место северо-восточному варианту.

§ 44. Явные стремления к нормализации орфографии наблюдаются уже в XVI в., например, в деятельности М. Деваи-Биро и Г. Хельтаи. Стремясь преодолеть трудности, связанные с различиями в фонемных составах диалектов, М. Деваи-Биро предлагал такие правила орфографии, которые допускали бы различение букв. Так буква *ü* читалась: [ü, ű] или [ö, ő], в зависимости от того, являлся ли читающий носителем [ü]-кающего или [ö]-кающего диалекта (т. е., например, буквенное сочетание *kü* читалось [kü] или [kő]), буква *í* читалась [i, i] (по [i]-кающему диалекту) или [ü, ű] (по [ü]-кающему диалекту). Издатель и наборщик Г. Хельтаи придерживался других принципов орфографии, но и он стремился создать норму, выравнивающую различия между диалектами³⁰.

К концу XVI в. сформировались некоторые нормы орфографии, характерные почти для всех венгерских изданий. Например, звуки [ö, ü] изображались часто буквенными сочетаниями ([ö]:*ö* или *eo*; [ü]:*ű, ű, ew* или *eu*); [s] чаще всего передавался знаком *sz* или *ß*, долгота гласных — при помощи черточки над буквой (*á, é, ó, ú*); для указания на мягкость согласных использовалась добавочная буква *y* (*gy, ty, ly, ny*), она же выступала при изображении дифтонгов (*újság* вм. совр. *újság* 'газета'); вместо *k* в конце слов обычно писался *s* (*házas* вм. совр. *háznak* 'дому')³¹.

§ 45. К концу старовенгерского периода фонетический строй был уже близок к современному состоянию, поэтому в средневенгерском языке происходили лишь незначительные изменения. Например, долгий открытый [ē] перешел в долгий [e]: [kēz] > *kéz* 'рука', [kēt] > *két* 'два'; [z] или [zz] (реже и [cc]) в ряде слов превратились в [ʒ]: *mazzag* > *madzag* 'веревка', *lopózik* > *lopózik* 'крадется', *pedzi* > *pedzi* 'затрагивает'; более интенсивным стало превращение [l'] > [j] (см. § 88).

§ 46. В сфере имен значительно перестроилась система словообразования. Появились новые суффиксы: *-i* ласкательного значения (ср. *Peti* ласкательное мужское имя от *Péter*; из предыдущего периода имеются лишь отдельные данные) и *-aj/-ej*, выражающий звуковые эффекты (ср. *kasaj* 'хохот' от *kas-ag-ni* 'хохотать'), *-lé*, образующий имена жен от имен мужей; усилилось применение именных словообразующих формантов: *-ós/-ös, -ékeny/-ékeny, -atag/-eteg*: *ijedős* 'пугливый' от *ijed-ni* 'пугаться', *termékeny* 'плодородный' от *terem-ni* 'родить' (о земле), *lengeteg* 'легкий', 'воздушный' от *leng-eni* 'колебаться'; с другой стороны, посте-

³⁰ Bgr. MNyÉl. 210—211.

³¹ Bgr. MNyÉl. 232.

ленно утратили продуктивность суфф. -g, -mány/-mény и отчасти -at/-et; последний по выражению абстрактного действия был постепенно вытеснен суфф. -ás/-és (см. § 102—103).

Под влиянием западных языков появились местоименные слова вежливого обращения: *Magá* 'Вы' (преобразовавшееся из возвратного местоимения, см. § 114); а также обращения типа *Kegyelmed* (досл. 'твоя милость'), *Nagyságod* (досл. 'твое величие') и т. д.

§ 47. В сфере глагола продолжался процесс разрушения границ между типами спряжений с -ik и без -ik: *gohan* и *gohanik* 'бежит'; громоздкие личные формы типа *várnája* сокращались (> *várna*) 'он ждал бы его'. По сравнению с предыдущим периодом (а также и с современным состоянием языка) появилась некоторая нечеткость в различении объектных и безобъектных личных окончаний. Стирались грани по употреблению прошедших времен, в связи с чем особенно активизировалась роль прошедшего на -t/-tt; подобный же процесс совершался в сфере форм буд. времени, в результате чего стала исчезать форма на -nd. В придаточных предложениях формы условного наклонения, использованные под влиянием латинского языка (см. § 39) постепенно заменялись формами повелительного наклонения, более естественными для венгерского языка.

Появились новые послелогои (например, *múlva*, *folytán*, *száma-ra*) и союзы (*azonban*, *ellenben*, *tehát* и т. д.).

§ 48. В результате непосредственного контактирования народных масс продолжался приток славянских, тюркских и немецких заимствований (см. § 8). По другим каналам проникали в венгерский язык латинские и итальянские слова; первые распространялись в связи с деятельностью священников, работников школьного образования, медицины и т. п. (таковы: *eklézsia* 'церковный приход', *ceguza* 'карандаш', *kolera* 'холера' и т. д.), вторые (итальянские слова) — через высшее дворянство, а также через торговые связи с итальянскими купцами и т. п. (ср. *saláta* 'салат', *kandalló* 'камин' и т. д.)³². (О романских заимствованиях см. также § 160.)

В течение средневенгерского периода выпали из лексики некоторые старые слова, например, *alít-ani* 'предполагать', 'думать', *holval* 'утро', *vanál-ni* 'лечить' и т. д.

§ 49. В Нововенгерский язык (с 1772 г. до наших дней); расцвет литературного языка. Нововенгерский язык принято разделять на два периода: а) с 1772 г. до 1849 г. (эпоха просвещения и последующая за ней эпоха реформ в политической жизни Венгрии до конца освободительной войны против Австрии); б) с 1849 г. (конец освободительной войны) до наших дней.

§ 50. По развитию венгерского языка эпохи просвещения исключительная роль принадлежит движению, называемому «обновлением языка» (*nyelvújítás*). Желая сделать родной язык разно-

³² *Bár. MNyÉl.* 264, 267—268, 270.

образным, приспособленным для научной и художественной литературы, выдающиеся литературные и общественные деятели (А. Дугоич, М. Чоконай-Витез, Ф. Казинци, П. Семере, Ф. Кельчей, И. Сечени и др.), а также писатели-ученые, представляющие разные области отечественной науки, активно включались в это движение, внося свою лепту в обогащение лексики венгерского языка.

В отличие от прежних эпох, когда литературные деятели и особенно переводчики иностранных текстов создавали только отдельные нужные им выражения, в данный период в результате целеустремленного и бурного творчества «обновленцев» в венгерский литературный язык вошло много тысяч новых слов, причем их значительная часть стала достоянием и общеразговорного варианта.

§ 51. Большинство слов было создано путем суффиксации. Среди именных формантов особенно охотно использовались: -ász/-ész: cipész 'сапожник', építész 'строитель', 'архитектор' (cipő 'обувь', épít-eni 'строить'); -mány/-mény, -vány/-vény: állítmány 'сказуемое', sütemény 'пирожное', látvány 'зрелище', növény 'растение' (állít-ani 'утверждать', süt-ni 'печь', lát-ni 'видеть', nő-ni 'расти'). Среди глагольных формантов популярными были: -sz, -lag/-leg, -ng, -ít и др.: fagyaszt-ani 'замораживать', érzeleg-ni 'сентиментальничать', dülöng-eni 'шататься', 'стоять нетвердо на ногах', alakít-ani 'формировать' (fagy-ni 'замерзать', érez-ni 'чувствовать', dől-ni 'падать', alakul-ni 'формироваться'). Были применены новые сложные суффиксы: -zat/-zet, -sít и др.: homlokzat 'фронтон', mozgósít-ani 'мобилизовать' (homlok 'лоб', mozgó 'движущийся').

Много удачных слов было создано при правильном использовании продуктивных способов словосложения или появилось другими путями. Вновь были возвращены к жизни давно забытые, устаревшие слова типа: év 'год', aggastyán 'старец' и т. д.; иногда старые слова применялись и в новых значениях (например, слово baj, раньше означавшее только 'бой', 'неприятность', стало выражать и 'болезнь')³³; популяризировались диалектные слова типа: barangol-ni 'бродить', 'шататься', hullám 'волна', gópa 'степь' и т. д.

Пользуясь тем или иным способом обогащения лексики, обновленцы руководствовались и эстетическими соображениями: выбирали (часто субъективно) «благозвучные» суффиксы, предпочитали краткие слова или краткие суффиксы громоздким и т. д.

§ 52. Однако далеко не все приемы, использованные обновленцами, были безупречными. Пренебрегая сложившимися законами словообразования и словосложения венгерского языка, некоторые литературные деятели наводняли газеты, журналы и книги уродливыми лексическими творениями.

³³ Bár. MNyÉl. 296—298.

Нельзя считать оправданным создание новых суффиксов путем насильственной адаптации (т. е. путем произвольного отделения конечных частей слов и использования этих частей в качестве словообразовательных суффиксов), например, суфф. -nc, -da/-de и некоторых других, ср. *kegyenc* 'фаворит', *iroda* 'контора' (*kegy* 'благосклонность', *ír-ni* 'писать'). Из слова, воспринимаемого как производное, неправильно выделялось воображаемое коренное слово; так было выведено из славянского заимствования *ábráz-ol-ni* (ср. русск. *образовать*) 'представлять', 'обрисовать' слово *ábra* 'схема', 'рисунок'. Было создано много сложных слов типа *vérszegény* 'малокровный' (от *vér* 'кровь' + *szegény* 'бедный'), в которых первый компонент выступает как бессуффиксное косвенное дополнение (данный способ словосложения в венгерском языке стал давно непродуктивным); в качестве первого компонента сложного слова использовался чистый корень глагола, например, *jármí* 'средство передвижения' (вм. правильного *járó mí* 'движущийся предмет'); составлялись слова из усеченных компонентов, например, *csőg* 'клюв' (от *cső* 'труба' + *orr* 'нос').

Появилось много неудачных переводов-калек немецких слов и словосочетаний, например: *befolyás* (< нем. *Einfluss*) 'влияние', *kebelbarát* (< нем. *Busenfreund* 'закадычный друг').

§ 53. Безудержная, бурная и часто неквалифицированная деятельность обновленцев (или иначе «неологов») вызвала реакцию в кругу их противников, называемых «ортологами». Последние в 1813 г. выступили с памфлетом «*Mondolat*» (*mondolat* — слово-урод, образованное от слова *mondani* 'сказать') — пародией на творения неологов. Неологи же в памфлете «*Felelet*» («Ответ», 1815 г.) высмеивали старомодный бедный язык ортологов.

Однако победа осталась, безусловно, за обновленцами. Им благоприятствовала обстановка в венгерской общественной жизни: растущий интерес к родному языку, успех газет и журналов на венгерском языке, пропаганда родного языка в сфере народного образования. В 40-х годах в Пештском университете преподавание шло в основном уже на венгерском языке. В 30-х годах начала свою активную деятельность Венгерская Академия наук, основанная в 1825 г.: она направляла литературную критику, изучение вопросов орфографии и грамматики, собирание диалектной лексики. В театрах ряда городов с большим успехом шли спектакли на венгерском языке. Дело, начатое выдающимися писателями и поэтами эпохи просвещения (М. Чоконан-Витез, Д. Бержени, Й. Катона), продолжили великие поэты эпохи реформ (М. Вёршмарти, Ш. Петёфи, Я. Арань).

К этому периоду относится появление ряда грамматик венгерского языка и около ста словарей разного типа. В изучении грамматического строя венгерского языка особая заслуга принадлежит М. Реван, требовавшему исторического подхода к толкованию языковых фактов.

§ 54. Новая волна по обновлению языка относится уже ко второй половине XIX в. Однако кустарная, антинаучная деятельность некоторых неологов (например, П. Бугата), сознательное и стихийное наводнение венгерского языка выражениями, калькированными с немецкого языка, — все это вызвало естественный протест. Представители «новой ортологии» во главе с Г. Сарвашем в 1872 г. выпустили первый номер журнала «Magyar Nyelvőr» («Страж венгерского языка») и начали чистку лексики. Несмотря на некоторые перегибы (допущенные особенно в первое время), деятельность журнала принесла большую пользу. Лучшие традиции новой ортологии живы и в наше время — это чуткое, внимательное отношение к вопросам культуры речи.

§ 55. Венгерский литературный язык (а также близкий к нему общеразговорный вариант) продолжал развиваться в традиционном направлении, т. е. согласно нормам, образовавшимся на основе северо-восточного диалекта. Способствовало этому влияние высших учебных заведений в Шарошпатаке и Дебрецене, а также авторитетная поддержка Ф. Казинци.

§ 56. В эпоху просвещения существовало два варианта орфографической практики. По первому («католическому») варианту, например, фонема [č] изображалась через *cs*, фонема [c] — через *cz*; форма 3-го лица ед. числа наст. времени объектного спряжения писалась через игрек (*láttya* 'он видит это', *szánnya* 'он жалеет это' и т. д.). По второму («протестантскому») варианту фонема [č] изображалась через *ts*, фонема [c] — через *tz*, а вышеприведенная глагольная форма писалась через этимологический *j* (*látja*, *szánja*). По последнему вопросу победа осталась за вторым вариантом, который популяризировался М. Реваи, Ф. Казинци и большинством писателей. Горячим спорам по многим вопросам орфографии на некоторое время положил конец справочник по орфографии, изданный в 1832 г. Академией наук. По его указаниям [c] передается через *cz*, [č] — через *cs*, в вышеупомянутых глагольных формах применяется *j* (*látja*, *szánja* и т. д.), удвоенные варианты сложных букв типа *sz*, *cs* в корнях слов пишутся через *ssz*, *css* и т. д. В дальнейших изданиях академических справочников орфографические нормы уточнялись; в 20-х годах XX в. Академией наук была санкционирована передача фонемы [c] через *c* (вм. сложного *cz*), что уже давно практиковалось в печати и школьном обучении.

§ 57. В эпохи просвещения и реформ продолжалась борьба за установление нормативного произношения между типами *házbann* и *házban*, *magassan* и *magasan*. Наряду с падежными суффиксными вариантами *-ból/-ből*, *-ról/-ről*, *-tól/-től* (предлагаемыми Академией наук) еще употреблялись и *-búl/-bűl*, *-túl/-tűl*, *-rúl/-rűl*; в начале же XX в. остались только варианты типа *-ból/-ből*.

В XIX в. было еще много слов, при произношении которых допускалось как [ö]-канье, так и [ε]-канье (*mögött* — *megett* 'позади', *sötét* — *setét* 'темный' и т. д.), в XX же в. их осталось

лишь несколько. В XIX в. притяжательные окончания в вариантах -ok/-ök, -jok/-jök считались более литературными, чем в вариантах -uk/ük, -juk/-jük, по норме же XX в. установились вторые разновидности. В нововенгерском литературном языке совершенно исчезла фонема [ʃ], ее следы сохранило лишь написание ly (вместо j). В последнее время [e]-канье под влиянием столичного произношения заметно уступает [ɛ]-канью.

§ 58. Наряду с притяжательными формами типа *gyermekeim* 'мои дети', *barátaid* 'твои друзья' в начале XIX в. употреблялись и краткие притяжательные формы типа *gyermekim*, *barátid*; впоследствии остались только формы первого типа с -e, -a. Ряд имен наполовину превращался в послелоги; таковы *fejében* 'за' (от *fej* 'голова'), *kedvéért* 'ради' (от *kedv* 'настроение'). Имена, оканчивающиеся на гласные [-a], [-e], перед некоторыми суффиксами сохраняли эти гласные, ср. *példaul* (ныне *például*) 'например', *elmeje* 'ныне', *elméje* 'его ум' и т. д. В эпоху реформ суфф. -i, образующий прилагательные, присоединялся не только к послелогам (например, типа *mellesti* 'находящийся рядом с чем-л.'), но и к падежным окончаниям, ср. *vígságrai okok* 'причины для радости'³⁴.

В XIX в. началось превращение образований -*féle*, -*fajta*, -*szerű* в суффиксы. В XX в. чрезвычайно распространилось присоединение уменьшительно-ласкательного суфф. -i к личным именам и даже к нарицательным, ср. *Évi*, *Zoli* (от личных имен *Éva*, *Zoltán*), *mozi* 'кино' (от *mozgóképszínház* 'тж').

Ради разнообразия стиля до середины XIX в. охотно применялись (в одинаковых функциях) разные формы прош. времени и обе формы будущего. К концу же XIX в. из них фактически сохранились: прош. на -t/-tt и будущее, образованное при помощи вспомогательного глагола *fog-ni*. Совершенно устарело употребление страдательных глаголов на -*atik*/-*etik*.

Продолжалось разрушение границ между глаголами с -ik и без -ik; в эпоху реформ, например, параллельно использовались формы *foly* и *folyik* 'течет', *hazud* и *hazudik* 'лжет' и др.; кроме того, в XX в. значительно возросло число глаголов, которые сохраняют -ik-овые формы только в 3-м лице; у глаголов с -ik и без -ik особенно часто смешивались формы условного и повелительного наклонений.

§ 59. В литературных произведениях эпохи просвещения распространилась мода на употребление причастий и деепричастий в качестве сказуемого, например, *felette szomorító* 'весьма печально', *az ajtó zárva* 'дверь заперта' и даже *az ajtók zárvák* 'двери заперты'. Во избежание слишком частого употребления союза *hogy* 'что', последний нередко заменялся союзами *miként*, *miképp* (en), *miszerint*. Появилось использование союза временных придаточных предложений *míg* в противительном значении; под немецким

³⁴ Bár. MNyÉl. 337.

влиянием парные союзы *így... mint* стали заменителями союзов *mind... mind* 'как... так и'.

§ 60. В результате деятельности «обновленцев» в словарный фонд литературного и общеразговорного вариантов венгерского языка вошли тысячи новых слов (среди них было и немало неправильно образованных); венгерский стал гибким языком, богатым синонимическими выражениями и научными терминами, приспособленным для использования в любой сфере литературы, науки, общественной жизни и быта.

Обогатилась лексика также за счет иностранных заимствований. Путем непосредственного контактирования продолжается приток немецких и славянских слов (притом некоторые из них уже в немецком были заимствованиями), ср. *batiszt* (< нем. *Batist*) 'батист', *szaft* (< нем. *Saft*) 'соус', *front* (< нем. *Front*) 'фронт' и т. д. Приток славянских слов значительно уменьшается вплоть до освобождения Венгрии от фашизма; о славянских же заимствованиях, зафиксированных впервые в XIX в., трудно установить, не имели ли они хождение и раньше, например, *paszuly* (< сербохорв. *pasul'*) 'фасоль', *varkocs* (< слов. диал. *varkoč*) 'коса (женская)'. Такие же сомнения возникают в связи с многочисленными латинскими заимствованиями типа *akceptál-ni* (< *acceptare*) 'принимать', *legális* (< *legalis* 'правовой') 'легальный' и т. д.

Вошли в нововенгерский язык также и отдельные французские, итальянские и английские слова; ср. *milió* (фр. *milieu*) 'среда', 'окружение', *bóra* (< ит. *bora*) 'северный ветер на Адриатическом море', *football* (< англ. *football*) 'футбол'.

Начиная с конца XIX в. в венгерском языке появляются сложносокращенные слова, составленные из первых (или непервых, но характерных) звуков или слогов сложных наименований. Большинство из таких слов относится к собственным названиям учреждений (например *MÁV* от *Magyar Államvasutak* 'венгерские государственные железные дороги'), некоторые же к нарицательным именам (например, *tsz.* от *termelőszövetkezet* 'производственная кооперация').

§ 61. Из истории исследования венгерского языка. Первые дошедшие до нас значительные очерки венгерского языка написал Я. Сильвестер; в его основной работе («*Grāmatica Hungarolatina in usum puerorū recēs scripta Joanne Sylvestro Pannonio autore*». Neanesi, 1539) строй венгерского языка рассматривается в сопоставлении с латинским. В отличие от Я. Сильвестера выдающийся для своего времени хунгарист А. Сенци-Мольнар свою работу («*Novae grammaticae ungaricae. Autore Alberto Molnar Szenciensi*». Hanoviae, 1606) посвятил описанию грамматического строя венгерского языка, причем он был первым, кто рассматривал и вопросы синтаксиса.

Среди исследователей строя средневенгерского языка заслуживает внимания И. Гелеи-Катона, автор работы «Тайна Тайн» (I. Gelei Katona. Titkok Titka. Gyulafehérvár.

1645), к которой был приложен и грамматический очерк, особенно ценный тем, что он был написан на венгерском языке и содержал много метких указаний по орфографии и культуре речи.

Несколько позднее издал свою работу П. Переслени (P. P e r e s z l é n y i. Grammatica linguae ungaricae. Nagyszombat, 1682); в данном труде автор пытался охватить все разделы грамматики, в том числе и вопросы синтаксиса. Католические издательства и школы вплоть до XVIII в. руководствовались орфографическими правилами, составленными П. Переслени.

Для изучения лексики средневенгерского языка особое значение имели словари большого объема. Таковы: словарь А. Калепина («Ambrosii Calepini Dictionarium decem Linguarum. . .»), изданный во Франции в городе Лионе в 1585 г.; венгерский был одним из десяти языков, отраженных в этом труде), словари А. Сенци Мольнара (A. S z e n c i M o l n á r. Dictionarium latino-ungaricum. Norimberga (Nürnberg), 1604; О н ж е. Dictionarium ungarico-latinum. Norimberga (Nürnberg), 1694 и словарь Ф. Папай-Париза (F. P á r a i P á r i z. Dictionarium latino-hungaricum. Lőcse, 1708; О н ж е. Dictionarium hungarico-latinum. Lőcse, 1708).

§ 62. К эпохе просвещения относятся первые научные попытки сравнительно-исторического изучения венгерского языка, связанные с именами Я. Шайновича (J. S a j n o v i c s. Demonstratio idioma ungarorum et lapponum idem esse. Nagyszombat, 1770) и Ш. Дьярмати (S. G y a r m a t h i. Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis grammaticae demonstrata. Göttingen, 1799), которые обосновали генетическую связь венгерского языка с другими финно-угорскими языками. О растущем интересе к вопросам истории венгерского языка свидетельствует также деятельность выдающегося грамматиста своего времени М. Реваи, впервые применившего исторический подход для объяснения фактов современного языка (см.: J. N. R é v a i. Elaboratio grammatica hungarica, I, II, III. Pest, 1803, 1805, 1806). В отличие от М. Реваи его современник Ф. Вершеги (F. Verseghy) в своих грамматических воззрениях решающее значение придавал живому языку.

§ 63. После освободительной войны 1848—1849 гг. (см. § 9) в венгерском языкознании начался новый подъем. С. Ридль написал историческую фонетику венгерского языка (Sz. R i e d l. Magyar hangtan. Prága és Lipcse, 1859). Чрезвычайно плодотворно работал Ж. Шимони. В своей фундаментальной работе «Подробная венгерская грамматика» (Zs. S i m o n y i. Tűzetes Magyar Nyelvtan. Budapest, 1895; соавтор по разделу фонетики Й. Балашша) для объяснения особенностей современного языка он привлекал данные из истории и диалектов. По изучению фонетики большие заслуги имел. Й. Балашша (J. B a l a s s a. Magyar fonétika. Budapest, 1904).

Данный период ознаменовался также созданием таких трудоемких работ, как трехтомный исторический словарь венгерского

языка (G. Szarvas, Zs. Simonyi. Magyar Nyelvtörténeti szótár. Budapest, 1890, 1891, 1893), словарь венгерских грамот (I. Szamota, Gy. Zolnai. Magyar Oklevél Szótár. Budapest, 1902—1906), словарь обновления венгерского языка (K. Szily. Magyar Nyelvújítás Szótára, t. I, t. II. Budapest, 1902, 1908). Об интересе к истории родного языка свидетельствует также издание серии памятников венгерского языка, об интересе к народным говорам — появление диалектологических исследований, прежде всего сводного двухтомного словаря венгерских диалектов (J. Szinnyeı. Magyar Tájszótár. Budapest, 1893—1901).

§ 64. Несмотря на то, что в первой половине XX в. изучению родного языка посвящая себя ряд трудолюбивых и талантливых лингвистов, не уступавших по уровню знаний ученым Запада, венгерское языкознание было ограничено в своих возможностях. Особенно тяжел был для него период после первой мировой войны до 1945 г. Не хватало материальной и духовной поддержки со стороны правящих кругов; ориентация венгерского правительства на германский фашизм, большие расходы на подготовку к войне тяжело отразились и на развитии лингвистической науки. Журналы выходили реже или вовсе прекратили свое существование, научные планы оставались не выполненными. Например, из большого этимологического словаря Э. Гомбоца и Я. Мелиха свет увидело лишь несколько выпусков. Внешние условия не благоприятствовали и созданию фундаментальной описательной грамматики венгерского языка. Из обобщающих работ в этот промежуток времени появились лишь: трехтомный сравнительно-исторический синтаксис венгерского языка А. Клемма (A. Klemm. Magyar történeti mondattan, I, II, III. Budapest, 1928, 1940, 1942), сравнительно-историческая грамматика венгерского языка Й. Синнеи (J. Szinnyeı. Magyar nyelvhasznítás. Budapest, 1927) и скромный по своим задачам и объему, но ценный этимологический словарь Г. Барци (G. Bárczi. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941).

§ 65. Благоприятные условия для развития венгерского языкознания появились только после преобразования буржуазной Венгрии в социалистическое государство. В целях усиления языковедческой работы в системе Венгерской Академии наук был создан Институт языкознания, в котором трудятся десятки высококвалифицированных ученых.

За последние два десятилетия одна за другой выходили в свет фундаментальные обобщающие работы: семитомный толковый словарь венгерского языка, двухтомная научная грамматика современного венгерского языка, выпуски историко-этимологического словаря венгерского языка, словаря финно-угорских элементов в венгерском языке, атласа венгерских диалектов. По вопросам фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики венгерского языка были изданы десятки монографий, учебников и учебных пособий высокой научной ценности.

В увеличенном объеме выходят старые лингвистические журналы: «Nyelvtudományi Közlemények» (с 1862 г.), «Magyar Nyelvőr» (с 1872 г.), «Magyar Nyelv» (с 1905 г.); появились новые периодические издания, полностью или частично посвященные вопросам венгерского языка, в том числе «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae» (с 1951 г.), записки университетов и педагогических институтов.

§ 66. Венгерский язык исследуется и за пределами Венгрии, прежде всего в соседних с ней странах: в Советском Союзе, Румынии, Югославии, Чехословакии, на территории которых живут и венгры. Естественно, что в этих государствах внимание языковедов сосредоточено в основном на исследовании местных диалектов и их взаимосвязей с другими языками соответствующих территорий.

В некоторых странах, например в США и ФРГ, вопросы фонетики и морфологии венгерского языка изучаются главным образом в структурном плане.

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 67. По сравнению с фонетическим строем финно-угорского языка-основы фонетическая система венгерского литературного языка характеризуется рядом особенностей. Из них отметим некоторые.

1. В венгерском не противопоставляются гласные по их позиции в первом или непервом слогах (имеются только некоторые ограничения, например, в конце слова не могут выступать краткие [o, ö]); в финно-угорском языке-основе в непервом слоге из разнообразных гласных употреблялись только *a, *ä, *e.

2. В венгерском расширился состав гласных фонем: появились гласные [ö, õ, â], которых не было в финно-угорском языке-основе.

3. Гласные уподобляются не только по ряду образования (сингармоническое уподобление по переднему или заднему ряду образования было известно и праязыку), но также по огубленности/неогубленности гласных переднего ряда.

4. В венгерском языке нет некоторых согласных фонем, которые наличествовали в финно-угорском языке-основе (например, ф.-у. *ð, *ð', *w, *s', *ʂ, *č), тем не менее состав венгерских согласных фонем богаче финно-угорского состава; он расширился по нескольким линиям, из которых мы отметим наиболее значительные: а) появление звонких взрывных (и некоторых других звонких) согласных: [b, d, g], встречающихся в начале, середине и конце слова и образующих фонематическое противопоставление с соответствующими глухими согласными; б) появление ко всем

согласным геминатов (в финно-угорском языке-основе они имелись только к взрывным *p, *t, *k и, возможно, к *c'); в) появление новых по типу согласных [f] и [h].

ГЛАСНЫЕ

§ 68. Система гласных современного венгерского языка может быть представлена в следующей таблице:

Т а б л и ц а 1

По положению языка	Переднерядные		Заднерядные	
	неогублен-ные	огубленные	неогублен-ные	огубленные
Верхнего подъема	i, í	ü, ú		u, ú
Среднего подъема	(ë), é	ö, ó		o, ó
Низкого подъема	e			a
Нижнего подъема			á	

Примечание. Особые орфографические знаки, приведенные в таблице, соответствуют следующим транскрипционным: i [i], ü [y], ú [u], ë [e], é [e], ö [ø], ó [o], e [e], a [ã], á [ã]; в круглые скобки заключен ë, весьма распространенный в диалектах и характерный также для одного из вариантов общеразговорного языка (в другом варианте вместо ë произносится [ε]).

§ 69. По современным орфографическим нормам точкой (или двумя точками) над буквами или отсутствием всяких диакритических знаков изображается краткость гласных, черточкой (или двумя черточками) над буквами — долгота гласных.

В отличие от вокализма русского языка, в венгерском имеются гласные: [ε] и [ã] низкого подъема и огубленные [ö, ő, ü, ú], кроме того, противопоставление кратких и долгих гласных в венгерском языке имеет смысловозначительное значение; ср. öt 'пять' и öt 'его', rog 'пыль' и róg 'крестьянин'.

§ 70. По статистическим данным на 100 произнесенных звуков венгерского языка приходится 42 гласных, из которых наиболее часто встречается [ε], за ним следует по частоте встречаемости [ã]. Почти все гласные употребляются в начале, середине и в конце слов, только для некоторых (например, для [ö, ő, í]) существуют отдельные позиционные ограничения.

§ 71. По закону гармонии гласных, характерному для венгерского языка, в большинстве неодносложных слов содержатся либо только заднерядные, либо только переднерядные гласные: kettő 'два', három 'три'. С заднерядными гласными в пределах простого слова «уживаются» лишь гласные [i, í, e, ë] (в [ε]-кающих диалектах [ε] вм. [e]): fiú 'мальчик', leány [leãñ] 'девушка'.

Закону гармонии гласных подчиняются также и суффиксы: большинство из них реализуется в двух вариантах, один из ко-

торых содержит заднерядный гласный и присоединяется к словам с заднерядным вокализмом, другой содержит переднерядный гласный и присоединяется к словам с переднерядным вокализмом. Кроме того, некоторые суффиксы реализуются в трех вариантах, из которых один присоединяется к словам с заднерядным вокализмом, другой — к словам, имеющим в последнем слоге губные [ö, ő, ü, ű], третий — ко всем остальным словам с переднерядным негубным вокализмом: *fal-hoz* 'к стене', *szék-hez* 'к стулу', *üst-höz* 'к котлу'.

К односложным словам с [i, ī, e, ē] или к словам со смешанным по ряду образования вокализмом присоединяются суффиксы либо переднерядного, либо заднерядного вокализма: *sír-ök* 'могилы', *sír-ról* 'о могиле', но *hír-ek* 'вести' *hír-ről* 'о вести', *marék-ban* 'в горсти'.

§ 72. В дописьменный (правенгерский) период гласные претерпели ряд изменений: 1) конечные гласные основы переходили в верхнерядные [i, ī, ü, u], потом редуцировались и, наконец, начали отпадать; ср. ф. *kala*, в. *hal* 'рыба', ф. *veri*, в. *vér* 'кровь' (см. § 30); рефлекс же исчезнувших гласных при словоизменении и словообразовании обнаруживаются и в наше время; ср. *hal* 'рыба', но *hala-m* 'моя рыба', *hala-t* 'рыбу', *hala-s* 'рыбий' и т. д.; 2) началась монофтонгизация дифтонгов: [ai, oi, ei] и т. п. переходили в [i] или [ē]; позднее по гармонии гласных к [ē] появился и вариант [ā]. Таким образом (а также по другим причинам, например, вследствие слияния двух соседних кратких гласных) в венгерском языке появились долгие гласные; 3) нарушались законы гармонии гласных, например, в результате перехода дифтонгов [ai, oi, ui] в [i], а также в связи с постепенным переходом заднерядного [i] в [i].

Краткие гласные начала старовенгерского периода могут быть представлены следующим образом: верхнего подъема: [i, ü, u, ?i]; среднего подъема: [e, o]; нижнего подъема: [ε, a]; по-видимому, в это время существовали уже долгие гласные: верхнего подъема [ī, ?ū, ű, ?i], среднего подъема [ē], нижнего подъема [ā]; кроме того, употреблялись и дифтонги (см. § 30)³⁵.

§ 73. Из процессов письменного периода, касавшихся качества гласных, следует отметить: расширение артикуляции, лабиализацию, палатализацию и уподобление по гармонии гласных.

Старовенгерское расширение артикуляции охватило большинство гласных (см. § 30): 1) [i] > [el]; ср. *szim* > *szēm* 'глаз', *kendir* > *kendēr* 'конопля'; данный процесс происходил приблизительно до XV в. и во всех фонетических условиях; 2) [e] > [ε]; ср. *kérnē* (< *kérné*) > *kérne* 'он бы просил'; данный процесс происходил также до XV в., однако позднее в восточных и северовосточных диалектах начался новый этап перехода [e] > [ε], ставшего характерным и для будапештского произношения, по-

³⁵ MNyT 143.

этому [e] постепенно исчезает из литературного языка; 3) [u] > [o]; ср. *dumb* > *domb* 'холм', *uguzág* > *ország* 'страна'; процесс происходил во всех фонетических условиях до XV в.; 4) [o] > [á]; ср. *golomb* > *galamb* 'голубь', *nogy* > *nagy* 'большой'; процесс происходил приблизительно до XV в.; 5) [ü] > [ö]; ср. *ükür* > *ökör* 'вол', *lük* > *lök* 'толкает'; в результате этого процесса в венгерском языке появился новый гласный [ö] (см. § 30).

Наряду с расширением гласных происходил и обратный процесс: сужение гласных: 1) старовенгерское [e] > [i]; ср. латинское личное имя *Valentinus* > в. *Bálint*; 2) [ö] > [ü], [o] > [u]; данные переходы особое влияние оказали на средне- и нововенгерское развитие формантов словоизменения типа: *önk* > *ünk*, *-onk* > *-unk*, *-ök* > *-ük*, *-ok* > *-uk*; ср. *kezönk* > *kezünk* 'наша рука', *házonk* > *házunk* 'наш дом', *kezök* > *kezük* 'их рука', *házok* > *házuk* 'их дом'; 3) для [i]-кающих диалектов большое значение имеет переход [ē] (> [e]) > [i]; ср. *fél* > *fil* 'боятся', *vér* > *vir* 'кровь'; 5) в связи с превращением [ɛ] > [ē], начавшимся в XVI в., венгерский литературный язык утратил [ɛ]; ср. [jɛg] > *jég* 'лед', [kɛz] > *kéz* 'рука' (см. § 45).

§ 74. По признаку лабиализации произошли следующие изменения: 1) ст.-в. [i] > [ü]; ср. *bik* > *bükk* 'бук', личное имя *Filip* > *Fülöp*; 2) ст.-в. [e] > [ö] (особенно в [ö]-кающих диалектах); ср. [feld] > *föld* 'земля', [egy] > диал. *ögy* 'один'; 3) ст.-в. [a] > [á]; ср. [bako] > *bakó* 'палач', [barim] > *barum* > *barom* 'скот' (в отдельных диалектах [a] сохранился); 4) [a] > [o] (встречается перед [lt], [ld]); ср. *hal* 'умирает' > *holt* 'умерший'; 5) [ā] > [ã] (в диалектах, сохранивших [a]); ср. палочкий диалект [hãz]. лит. *ház* 'дом' [karãl], лит. *karál* 'мотыжит'.

В разных диалектах произошли также и изменения по делябилизации. Палатализации подвергались все [i], которые не лабилизировались; ср. [jini] > *ín* 'жила'.

§ 75. Новые случаи уподобления по гармонии гласных наблюдаются с начала старовенгерского периода вплоть до XIX в., особенно большое значение имеет прогрессивный тип уподобления (предшествующий гласный влияет на гласный следующего слога), благодаря которому ряд послелогов превращался в падежное окончание; прогрессивный и регрессивный типы уподобления охватывают также слова с основами смешанного вокализма; ср. нем. *Herzog* > в. *herceg* 'герцог', слав. *milostь* > в. *malaszt* 'милость' (см. § 32).

В противоположность указанным явлениям ассимиляционного порядка встречались случаи диссимиляции гласных.

§ 76. Из процессов, касавшихся количественной характеристики гласных, следует отметить отпадение, выпадение и вставку гласных, изменения по долготе звучания, монофтонгизацию и дифтонгизацию.

§ 77. Конечные гласные основы (уже раньше ставшие редуцированными) полностью отпали до начала XIII в. (см. § 30, 72).

Выпадали гласные в словах, состоящих из трех и более открытых слогов; ср. слав. *palica* > в. *pálca* 'палка', ст.-в. *uguzag* > в. *ország* 'страна'. Для устранения зияния (возникавшего обычно при выпадении согласных) также исчезал один из соседних гласных (ср. латинское личное имя *Michael* > в. *Mihály*) или же два соседних гласных могли слиться в один (ср. прав. **úçuli* > **úçuli* > в. *nyúl* 'заяц' и т. д.)

§ 78. Удлинение гласных происходило по разным причинам: 1) в связи с отпадением конечных гласных основы предыдущий гласный удлинился, но в ряде форм соответствующих слов сохранились и краткие гласные; ср. в. *víz* 'вода', *vize-t* 'воду' (ср. ф. *vete-*), в. *így* 'так', но *itt* 'здесь'; 2) в связи с выпадением [i] (в некоторых диалектах); ср. *föld* > *főd* 'земля', *volt* > *vót* 'он был'; 3) в старовенгерском под влиянием последующего [r, l, j, n]; удлинялись в основном гласные [â], [ɛ]; ср. тюрк. *arīslan* > в. *oroszlán* 'лев', *rágcsal* > *rágcsál* 'грызет'; 4) под влиянием ударения; ср. тюрк. *sinäk* > в. *szúnyog* 'комар'; 5) в составе некоторых суффиксов [o, ö], реже [â] удлинялись, и поэтому появились разные варианты суффиксов; ср. *változik* 'меняется', *nyújtózik* 'расправляет члены' (см. § 31).

Старовенгерское сокращение протяженности гласных охватило конечные гласные [ā, ē, i]. Для первых двух гласных характерны были изменения [ā] > [a] > [á]; [ē] > [e] > [ɛ]; ср. [fā] > [fa] > fa 'дерево'.

§ 79. Старовенгерский язык был очень богат дифтонгами; они разделялись на два разряда: 1) дифтонги, у которых во втором неслоговом компоненте выступал [i]; 2) дифтонги, у которых во втором неслоговом компоненте выступал огубленный гласный.

Неслоговой [i] мог объединяться с любым из гласных; ср. [ai, ei, oi, ei, öi, ui, üi, ii]. Как было указано выше (см. § 72), эти дифтонги до XVII в. переходили в [i] или [ē] (в зависимости от диалектов).

У дифтонгов второго разряда неслоговые огубленные компоненты возникли путем вокализации согласных [β] или [ɣ] (см. § 87); ср. [au, eü, ou, eü, iu, ü, ii]. Все эти дифтонги также монофтонгизировались, превращаясь в различные долгие гласные; именно в результате этого процесса венгерский язык обогатился долгими гласными [ō, ö] (см. § 31).

В некоторых нововенгерских диалектах снова появились дифтонги разного типа, но в литературное произношение они не проникли.

СОГЛАСНЫЕ

§ 80. Система согласных венгерского языка может быть представлена в таблице (см. табл. 2).

§ 81. По орфографическим нормам современного венгерского языка простые согласные могут изображаться одним знаком или сочетанием знаков. Сочетанием двух знаков передаются: [s] — z,

Таблица 2

По способу образования	По месту образования												Гортанные
	губные				языковые								
	губно-губные		верхнезубно-нижнегубные		зубные				небные				
					переднезубные		заднезубные		передненёбные		задненёбные		
Взрывные смычные	р	в			т	д			ты [t']	гы [d']	к	г	
Носовые смычные		м				н				ны [n']			
Дрожание						р							
Среднеязычные или межгубные щелевые			ф	в	sz [s]	z	с [š]	zs [ž]		й [j]			х
Боковые щелевые						л				(l')			
Аффрикаты					с	dz [ž]	сs [č]	dzs [šž]					
Участие голоса	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие	звонкие	глухие

Примечание. В квадратных скобках приводится фонетическая транскрипция согласных, орфографическое изображение которых расходится с фонетической транскрипцией; в круглых скобках приводится фонема, употребляемая только в диалектах.

[ʒ] — zs, палатальные [tʰ] — ty, [dʰ] — gy, [nʰ] — ny, [j] — ly (в других случаях через j); аффрикаты [č] — cs, [ʒ] — dz, тремя знаками [ʒ̃] — dzs. По орфографическому письму для обозначения долготы большинства звуков, изображаемых двумя знаками, удваивается только первый компонент: *hosszú* [hossū], *könny* [köññ].

§ 82. В отличие от русских палатализованных согласных [tʰ, dʰ, nʰ], соответствующие венгерские [tʰ, dʰ, nʰ] являются палатальными. Венгерский [l] относится к типу так называемого средневропейского [l], значительно отличающегося от русских *л* и *л'*. Противо-поставление согласных по протяженности звучания имеет смысло-различительный характер; ср. *tol* 'он продвигает' и *toll* 'перо', *ere* 'его жила' и *erre* 'в этом направлении'.

§ 83. По статистическим данным, полученным при анализе разных текстов, на 100 звуков венгерского языка приходится 58 согласных, из которых чаще всего употребляется *t*, потом (в убывающем порядке) идут [l, n, k].

В середине слова все (а в конце слова почти все) согласные могут быть краткими или долгими (геминированными), в начале слова только краткими.

В начальной позиции сочетания согласных встречаются только в звукоподражательных и иностранных словах (*brekeg-ni* 'кваскать', *klub* 'клуб'). В то же время в старых заимствованиях скопления согласных, как правило, устранены: путем добавления гласного к началу слова, например, нем. *Sturm* > в. *ostrom* 'осада', или путем введения гласного между согласными, например слав. *братъ* > в. *barát* 'друг', слав. *srěda* > в. *szerda* 'среда' (см. § 34).

§ 84. Согласные, оказавшиеся рядом (на стыке слов или внутри слова) могут оказывать друг на друга влияние; особенно часто уподобляется по участию голоса предыдущий согласный последующему; ср. *dob-tam* (произносится [dop-tām]) 'я кинул', *vas-golyó* (произносится [vāž-gojō]) 'железный шарик'.

§ 85. Уже в правенгерский период произошли некоторые изменения, отдалившие систему венгерских согласных от прафинно-угорского и праугорского состояния³⁶: 1) геминированные смычные между гласными становились краткими (упрощение): ф.-у. **pp* > в. [p], ср. ф. *sarre-*, в. *ere* 'желчь'; ф.-у. **kk* > в. [k], ср. ф. *lykkää-*, в. *lök* 'толкает'; также ф.-у. **tt* > в. [t]; 2) между гласными простые взрывные смычные и носовые смычные **m*, **n* переходили в соответствующие по месту образования щелевые (спирантизация): ф.-у. **p* > прав. **w* (*β), ср. ф. *gero*, прав. **goβosu* > *ravasz* 'лиса'; ф.-у. **t* > в. [z], ср. ф. *sata*, в. *száz* 'сто'; ф.-у. **k* > прав. *γ, ср. ф. *joki*, прав. **joγu* > *jó* 'река'; ф.-у. **m* > прав. **w* (*β); ср. ф. *nime-*, прав. **neβü* > *név* 'имя'; ф.-у. **n* > прав. *γ; ср. мд. *koη*, прав. **χογu* > *hó* 'месяц'; спирантизировались в начале слова также **p* и **k*: ф.-у. **p* > в. [f]; ср. ф. *rää*, в. *fő* 'голова', ф.-у. **k* (перед задне-

³⁶ История согласных излагается в основном по MNyT 101—105, 111—127.

рядным согласным) > прав. *χ, ср. ф. kolme-, прав. *χαгm->hágom 'три' (в ряде случаев ф.-у. *p и *k сохранились и в венгерском или же *p перешел в [b]); 3) назальный, находящийся в середине слова перед смычным или аффрикатой, исчез (деназализация), а смычный и аффриката озвончились, например, ф.-у. *-mp > в. [b], ср. ф. kumria- 'пениться', в. hab 'пена', ф.-у. *-ñč' > прав. *ž ~ *d', ср. к. водзир, в. aguag 'клык'; 4) в ряде условий происходила палатализация: прав. *γ > [j]; прав. *vārðγðn > vārjon; ф.-у. *-l > в. [l'] > [d']; ср. ф.-у. *vol-, > *прав. *vol'- > vagy 'ты есть'; 5) деналатализовались ф.-у. *š > в. [s] и ф.-у. *č' > в. [č], ср. мд. sjadо, в. száz 'сто', у. чилляны 'блестеть', в. csill-og 'блестит'; 6) довольно часто были случаи аффрикатизации: ф.-у. *j, *l, *l', *ð > прав. *ž' ~ *d'; ср. ф. jalka 'нога', в. gyalog 'пешком', х. mel' 'ягода', в. meggy 'вишня', мд. кадо-мс 'оставлять', в. hagu 'оставляет'; 7) деаффрикатизация ф.-у. *č (> в. [s]) в правенгерский период только началась.

Когда в словоизменении [n, l, d, t] оказывались рядом с [j] < *γ, то между гласными обычно возникал геминированный палатальный согласный, а после согласного — краткий палатальный согласный (ассимиляция): в. mēn + jēn > menjen [mejnjen] 'пусть идет', lát + ja > látja [lát't'á] 'видит', tart-ja > tartja [tárt'á] 'держит'; в порядке ассимиляции ф.-у. каузативный суфф. *kt > прав. *-γt > -χt > *t, ср. мр. тунькт-, прав. *tanoχt- > tanít 'обучает'; в начале слова ф.-у. *s, *š в венгерском исчезли; ср. ф. sarpe-, в. ере 'желчь', у. шыр, в. egér 'мышь'.

§ 86. В результате изменений, происшедших в правенгерское время, к началу старовенгерского периода установился следующий набор согласных: губно-губные [p, b, β, m], зубно-губной [f], переднезубные [t, d, s, z, n, l, r], заднезубные [š, č], передне-нёбные [č, j, (?)'t', ž' ~ d', ú, l'], задненёбные [k, g], [χ, γ], гортанный [h]³⁷.

§ 87. В исторический период венгерского языка также произошли некоторые изменения.

В ранне-старовенгерском языке еще не было согласных [с, ž, ž̃, ž̄, v], вначале первые три из них в заимствованиях субституировались; ср. слав. пемьсь > в. pémet 'немец', славянское имя собственное Кнежа > в. Kenese (см. § 33); впоследствии именно благодаря заимствованиям эти согласные все же укоренились в венгерском языке. В отличие от них согласные [v] и [ž̄] появились в результате внутреннего развития: [v] преобразовался из начального [β], а [ž̄] возник путем аффрикатизации (см. § 88).

До XIII в. согласные [β, γ, χ] (изредка [l]) в определенных фонетических условиях вокализовались: [β] и [γ] в конце слова или слога переходили в [u] или [ü], которые с предшествующим гласным образовали дифтонги; ср. прав. kiβi > ст.-в. kiü > в. kő 'камень', тюрк. ž̄isnaγ > ст.-в. Guznou- > в. disznó 'свинья';

³⁷ MNyT 111.

до XVI в. завершился переход [χ] в [i] перед [t], ср. нем. sleht 'плохой' > в. selejt [šelejt] 'брак' (см. § 33).

§ 88. Кроме появления и вокализации согласных для исторического периода венгерского языка характерны и другие изменения согласных: 1) перемена места образования; еще в старовенгерском языке переходили [β] > [v] или [b], [ǰ] > [d'] и [χ] > [h]; ср. нем. wachter > в. bakter 'сторож', в. диал. dzsenge, лит. в. gyenge 'слабый', ст.-в. charmul > hármul 'три раза' (иногда [h] мог восходить и к [χ]); 2) палатализация: [γ] после согласного обычно переходил в [j]; ср. тюрк. *baltırçan > в. bojtorján 'лопух'; вплоть до последнего столетия продолжается переход [l] > [j] и [n] > [ń]; ср. нем. Kristall > в. kristály [krištáj]; ст.-в. mení > mennyi [meńńi] 'сколько' (см. § 34); 3) деналатализация: [l'] > l; ср. lyány > lány 'девушка'; 4) аффрикатизация; ее наиболее значительное проявление — переход [z] или [zz] > [ǯ] продолжается вплоть до нашего времени; ср. lopózik > lopódzik 'крадеся', mazzag > madzag 'веревка' (см. § 45); 5) спондантизация: палатальный [l'] почти во всех диалектах, кроме палочного, превратился в [j]; ср. gólya [göl'á] > [gójá] 'ант' (см. § 45); 6) озвончение; ср. kazdag > gazdag 'богатый', нем. reissen > в. rajzol-ni 'рисовать' и т. д.

§ 89. Из случаев ассимиляции наиболее важны: 1) переход [mt] > [nt], [mk] > [nk], [mg] > [ng]: romt > ront 'разрушает', semki > senki 'никто', remeg > reng 'колеблется', 'дрожит'; 2) переход [šj] > [šš], [sj] > [ss], [zj] > [zz]: lesjem > lessem 'пусть я подсматриваю', veszjen > vesszen [vessen] 'пусть гибнет', hozjon > hozzon 'пусть приносит'; 3) в падежном суффиксе -val/-vel [v] уподобляется предыдущему согласному: bot-val > bottal 'палкой' и т. д.; изредка происходила и диссимиляция, ср. tasol > tarsoly 'сумка'.

§ 90. В старовенгерском языке некоторые согласные имели тенденцию выпадать; так после [u, ü] нередко выпадал [β] (для устранения создавшегося таким образом зияния позднее иногда вводился [v]); ср. ст.-в. cues > в. köves 'каменистый'; до XIII в. между гласными выпадал [γ] (позднее для устранения зияния в данном случае вводился какой-либо согласный): feγé > feé > feje 'его голова'. Следы выпадения [β] и [γ] и их более поздняя замена в некоторых именах и глаголах сохранились в виде чередования основы. В диалектах до сих пор наблюдается выпадение [l] перед согласным, но после гласного; предшествующий гласный в связи с выпадением [l] удлиняется: volt > vót 'он был', zöld > zöd 'зеленый'.

§ 91. В ряде случаев происходило удвоение или удлинение согласных; начиналась геминация обычно в интервокальном положении, но позднее распространилась и на исходную позицию.

Удваивался суфф. сравнительной степени [b] > [bb], однако колебания встречались вплоть до XVII в.; ср. hamarab ~ hamarabb 'быстрее', [nád'ob] 'больше' ~ [nád'obbát] (вин. надеж).

В интервокальной позиции (позднее и в других позициях) рано геминировался показатель прош. времени -t; ср. в Надгробной речи: *odut, odutta* > в. *adott, adta* 'он дал'; рано начал удваиваться [t] также в локативных формах типа *itt* 'здесь', *mellett* 'около', *Győrött* 'в (городе) Дьёре'. В XV в. начали удваиваться согласные для символизации мгновенного действия; ср. *dörög-ni* 'гремять', *dörren-ni* 'загремять', 'грязнуть'. Удвоение [š] между гласными зафиксировано еще в старовенгерских текстах, ныне это явление весьма распространено в западных диалектах: *erős-sen* (вм. лит. *erősen*) 'сильно'; в ряде слов произошло удвоение [l] : *kell* 'нужно', *holló* 'ворон'.

РАЗЛИЧИЯ ЗВУКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ

§ 92. Звуковые явления в венгерских диалектах различаются по многим признакам, из которых мы отмечаем только особенно важные, имеющие отношение к количественной характеристике фонемного состава.

В большинстве диалектов имеется восемь кратких гласных фонем [u, ü, i, o, ö, e, á, ε]. Данная система кратких гласных характерна для диалектов, распространенных на западе и севере от Дуная, между Тисой и Дунаем до реки Хернад, на востоке от Тисы южнее города Дебрецена, в части Трансильвании. В остальных частях венгерской языковой территории, в том числе и в Будапеште, употребляется лишь семь кратких гласных фонем, так как отсутствует [ε], т. е. вместо нее произносится также [ε] ([ε]-кающие диалекты). Таким образом, в диалектах, в которых употребляется восемь фонем, различаются, например, [mentεm] 'я шел' и [mentëm] 'я спасаю', в других (в [ε]-кающих диалектах) подобные пары слов произносятся одинаково.

В большинстве диалектов (как и литературном языке) различается семь долгих гласных фонем: [ū, ü, ī, ō, ö, ē, ā], но в части палочных говоров кроме них имеется еще долгая [ē], например, различаются [ēg] 'небо' и [ēg] 'горит', ср. лит. *ég* 'небо' и 'горит'; в говорах же на территории комитатов Зала и Шомодь имеется лишь четыре долгих гласных фонемы [ō, ö, ē, ā], так как вместо долгих гласных верхнего подъема произносятся также краткие, например, [huz] 'тянет', [fü] 'трава', [vız] 'вода', ср. лит. *húz, fü, víz*.

В отличие от центральных говоров, в окраинных распространено употребление различных дифтонгов, соответствующих долгим гласным среднего подъема других диалектов и литературного языка, например, [jou] 'хороший', [mezöü] 'степь', [kējz] 'рука', ср. лит. *jó, mező, kéz*.

Количество согласных фонем колеблется в зависимости от наличия в соответствующих диалектах:

а) согласных [j] и [l'] или же только [j], которой заменяется (как и в литературном языке) и [l']; обе фонемы употребляются,

например, в центральных палочках (см. § 19) и в некоторых восточных говорах, ср. диал. [gõl'â] и лит. [gõjâ] 'апст';

б) согласных [t', d', ċ, ž] или только [ċ, ž] которыми заменяются и [t', d'], например, у южных чанго (см. § 22) имеется только [ċ, ž], ср. диал. [mãžâr] 'венгр', [bãċâm] 'мой старший брат' и лит. *magyar, bátyám*;

в) согласных [š] и [s] или вместо них только промежуточный ś и соответственно [z] и [ž] или вместо них только промежуточный [z]; [š] и [z] характерны, например, для северных говоров чанго и для говоров в Славонии, ср. диал. [šõ] 'слово', 'соль' и лит. *szó* 'слово', *só* 'соль' и т. д.

Вследствие подобных звуковых закономерностей количество согласных фонем в венгерских диалектах колеблется между 26 и 21, наибольшее количество (26) выявляется в некоторых палочках говорах, наименьшее (21) — в говорах на территории Славонии.

Весьма различаются диалекты и по частоте употребления фонем. Например, в [õ]-кающих диалектах нагрузка фонемы [õ] больше, чем в других, так как на месте фонемы [e] других диалектов в [õ]-кающих говорах большей частью произносится также [õ], ср. [ɛmbör] вм. [ɛmber] 'человек', в [i]-кающих диалектах усилена нагрузка фонемы [i], так как на месте многих [ē] других диалектов в [i]-кающих произносится [i], например, [kik] 'синий', [sɪr] 'красивый', ср. лит. *kėk, szėr*; в диалектах, в которых нет [t', d'], увеличена нагрузка [ċ, ž] и т. д.

УДАРЕНИЕ

§ 93. Как и в современном языке, главное ударение во все периоды венгерского языка падало на первый слог слова, независимо от того, относился ли этот слог к корневому или префиксальному элементу (к глагольной приставке). Второстепенное ударение может находиться на непарных (кроме первого) слогах слова. Безударны служебные слова: артикли, союзы, некоторые частицы, послелог.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 94. По морфологическому типу венгерский относится к агглютинативным языкам, но обнаруживает также некоторые признаки флективности (например, простые типы чередования звуков в основах слов). Наряду с другими особенностями, характерными для венгерского языка в отличие от русского, являются: отсутствие грамматического рода у имен и местоимений, наличие свыше 20 падежей и категории лично-притяжательности у имен, наличие хорошо развитых категорий определенного и неопределенного артиклей, противопоставление у глаголов объектного и безъобъектного рядов спряжения, но отсутствие

в сфере глагола грамматикализованного противопоставления совершенного и несовершенного аспектов действия и залоговых выражений.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 95. Имя существительное характеризуется грамматическими категориями числа, падежа и лично-притяжательности.

Суффикс простого (непритяжательного) множественного числа *-k* к словам, оканчивающимся на гласный, присоединяется непосредственно, к словам же, оканчивающимся на согласный, — через «соединительный гласный», являющийся большей частью остатком утраченного конечного гласного основы (см. § 72). В связи с присоединением *-k* в основах слов могут происходить несложные изменения; ср. *lépcső* 'лестница' — *lépcső-k*, но *alma* 'яблоко' — *almá-k*, *fal* 'стена' — *fala-k*, но *madár* 'птица' — *madara-k*, *álm* 'сон' — *álmo-k*.

Показатель мн. числа *-k* восходит к ф.-у.**-kk*, имевшему первоначально собирательное значение³⁸.

§ 96. Многочисленные падежи неравноценны: одни из них могут считаться основными, другие — второстепенными.

Таблица 3
Основные падежи

Название падежей	Оформители	Основные соответствия в русском языке
Именительный (номинатив)	без окончания	им., род.
Винительный (аккузатив)	<i>-t</i> (<i>-ot/-at/-et/-öt</i>)	вин.
Дательный (датель)	<i>-nak/-nek</i>	дат., род.
Совместно-орудийный (социатив)	<i>-val/-vel</i>	твор. с предлогом <i>s</i> и без него
Превратительный (транслатив)	<i>-vá/-vé</i>	<i>v</i> (во что-либо превратить-ся)
Причинно-целевой (каузалис-финалис)	<i>-ért</i>	<i>radi, dla, iz-za</i>
Верхнеместный (супересив)	<i>-n</i> (<i>-on/-en/-ön</i>)	<i>na</i> (на вопрос где?)
Верхнеприблизительный (сублатив)	<i>-ra/-re</i>	<i>na</i> (на вопрос куда?)
Верхнеотдалительный (делатив)	<i>-ról/-ről</i>	<i>s</i> (на вопрос откуда?), <i>ob</i> (с предл. падежом)
Внутриместный (инессив)	<i>-ban/-ben</i>	<i>v</i> (на вопрос где?)
Вносительный (иллатив)	<i>-ba/-be</i>	<i>v</i> (на вопрос куда?)
Исходный (элатив)	<i>-ból/-ből</i>	<i>iz</i>
Околместный (адессив)	<i>-nál/-nél</i>	<i>y</i>
Приблизительный (аллатив)	<i>-hoz/-hez/-höz</i>	<i>k</i> (<i>o</i>)
Отдалительный (аблатив)	<i>-tól/-től</i>	<i>ot</i>
Предельный (терминатив)	<i>-ig/-</i>	<i>do</i>

³⁸ МНУТ 400; см. также М. § 26.

Второстепенную значимость имеют падежи, употребляющиеся ограниченно; например, суффикс общественного падежа (локатива) *-t/-tt* присоединяется всего к нескольким словам — названиям городов, суффикс временного падежа (темпоралиса) *-kor* — только к именам, выражающим понятие времени, суффикс сопроводительного падежа (комитатива) *-stul/-stül* и распределительного падежа (дистрибутива) *-nként* не объединяются с суффиксами числа и лично-притяжательности (так же локативный *-t/-tt*); к второстепенным падежам следует отнести далее падеж состояния (эссив) с суфф. *-ul/-ül* и образа действия (модалис) с суфф. *-képpen, -ként*.

§ 97. В суфф. *-va/-ve* и *-val/-vel*, присоединяемых к основам на согласный, *-v* не сохраняется, а вместо него удваивается конечный согласный основы; ср. *kés* 'нож' — *késsel* 'ножом', но *ló* 'лошадь' — *lóval* 'с лошадью'; конечные гласные *-a/-e* перед падежными суффиксами переходят в *-á/-é*: *alma* 'яблоко' — *almáért* 'за яблоко', *almá-hoz* 'к яблоку' (не удлиняются *-a/-e* только перед падежными суфф. *-képpen, -ként, -kor*); возможны и другие несложные изменения основы; ср. *tükör* 'зеркало' — *tükrő-n* 'на зеркале', *madár* 'птица' — *madara-t* 'птицу'; в некоторых падежах используются «соединительные» гласные, ср. *ház* 'дом', — *házo-n* 'на доме'.

Падежные суффиксы следуют за *к*-овым суффиксом мн. числа; ср. *ház* 'дом' — *háza-ko-n* 'на домах'.

§ 98. Некоторые падежные форманты восходят к прафинноугорским падежным суффиксам или к их сочетаниям; таковы: транслативный *-vá/-vé* (< *-é* < ф.-у. лативный **-i*; см. М. § 85), суперэссивный *-n* (< ф.-у. локативный **-na/*-nä*; см. М. § 59), локативный *-t/-tt* (< ф.-у. локативный **-t/*-tt*, см. М. § 62), эссивный *-ul/-ül* (< уг. падежный или ф.-у. словообразовательный **-l*; см. М. § 80). Комитативный *-stul/-stül*, по-видимому, состоит из наречного суффикса *-st* (в нем. *-t* восходит к уже упомянутому ф.-у. локативному **-t/*-tt*) + упомянутый **-l*. Возможно, что терминативный *-ig* состоит из двух древних лативных суффиксов (ф.-у. **-i* + ф.-у. **-k*)³⁹.

Аккузативный *-t* преобразовался из детерминативного (указывающего на определенность) *-t* местоименного происхождения. Как суффикс аккузатива (т. е. для указания на любой прямой объект) *-t* обобщался в результате длительного процесса⁴⁰.

Характерным для развития венгерского языка является пополнение падежной системы многочисленными формами, образованными путем агглютинации послелогов, которые возникли из имен, оформленных каким-либо древним падежным суффиксом. Так образовались: инессив на *-ban/-ben*, элатив на *-ból/-ből*, иллатив на *-ba/-be* (от имени *bél* 'кишка', 'внутренность'), аблатив на *-tól/-től* (от имени *tő* 'корень'), темпоралис на *-kor* (от имени

³⁹ MNyT 407.

⁴⁰ К. Rédei — ALH XVI 118.

кор 'время'), модалис на -kérpen (от имени kér 'образ', наружность) и -ként (от имени kény 'наслаждение'), сублатив на -га/-ге и делатив на -ról/-ről (от имени со значением 'поверхность'); по всей вероятности, от послелогов образованы также дативный -nak/-nek аллативный -hoz/-hez/-höz, социативный -val/-vel, адессивный -nál/-nél, финальный -ért⁴¹ (см. § 36).

Формирование вышеприведенной системы падежей в основном завершилось уже в течение старовенгерского периода.

§ 99. Для выражения обладания или принадлежности используются лично-притяжательные суффиксы, присоединяемые к имени, обозначающему предмет обладания (обладаемое) и выражающие лицо и число обладателей, а также число обладаемых. Показателем мн. числа обладателей является -k, обладаемых -i.

Т а б л и ц а 4
Лично-притяжательные суффиксы

Один обладатель				
Одно обладаемое			Много обладаемых	
	для гласных основ	для согласных основ	для гласных основ	для согласных основ
1 л.	-m	-om/-am/-em/-öm	-im	-aim/-eim (-jaim/-jeim)
2 л.	-d	-od/-ad/-ed/-öd	-id	-aid/-eid (-jaid/-jeid)
3 л.	-ja/-je	-a/-e(-ja/-je)	-i	-ai/-ei (-jai/-jei)
Много обладателей				
1 л.	-nk	-unk/-ünk	-ink	-aink/-eink (-jaink/-jeink)
2 л.	-tok/-tek/ -tök	-otok/-atok/-etek/ -ötök	-itok/-itek	-aitok/-eitek (-jaitok/-jeitek)
3 л.	-juk/-jük	-uk/-ük (-juk/-jük)	-ik	-aik/-eik (-jaik/-jeik)

При согласных основах варианты с -j, приведенные в скобках, используются у немногих слов; ср. ház-a 'его дом', но kar-ja 'его рука'. Конечные гласные -a, -e перед лично-притяжательными суффиксами переходят в -á, -é, ср. alma 'яблоко' — almá-im 'мои яблоки'. Возможны и другие несложные изменения основы, подобные происходящим при образовании формы простого мн. числа на -k; ср. madár 'птица' — madar-unk 'наша птица', álom 'сон' — álm-aitok 'ваши сны'. Когда лицо обладателя не подчеркнуто, личные местоимения, выступающие в роли притяжательных, én, te, ő, mi, ti, ő (последнее употребляется вместо ők) опускаются; ср. (az én) lány-om 'моя дочь', (az ő) ház-uk 'их дом'.

⁴¹ G. B á g c z i — Congr. I 35—37.

Лично-притяжательные суффиксы используются также в значении русского местоимения *свой* (ср. *folytatom a munká-mat* 'я продолжаю свою работу', *folytatod a munká-dat* 'ты продолжаешь свою работу'), далее (в сочетании с глаголом *van*) в выражениях типа *nekem van könyv-em* 'у меня есть книга', *nektek vannak könyv-eitek* 'у вас есть книги'. Падежные окончания следуют за лично-притяжательными суффиксами; ср. *könyv-ed-et* 'твою книгу', *könyv-ünk-ből* 'из нашей книги'.

§ 100. Лично-притяжательные суффиксы восходят к прафинно-угорским личным местоимениям **mš* 'я', **tš* 'ты', **sš* 'он' и определялись уже в прафинно-угорское время. (По предположению некоторых ученых лично-притяжательные суффиксы появились сравнительно поздно: в результате параллельного развития лишь в отдельных ветвях финно-угорских языков; поскольку звуковой облик венгерских лично-притяжательных суффиксов соответствует позиции согласных в начале, а не в середине слова, по мнению этих ученых, указанные суффиксы формировались только в правенгерском языке, см. М. § 95).

Признак мн. числа обладателя -*k* по происхождению тождествен суфф. -*k* простого склонения (см. М. § 95); происхождение признака мн. числа обладаемого -*i* считается спорным; одни предполагают, что в нем сохранился прафинно-угорский признак мн. числа -*i* (см. М. § 18), другие считают, что он появился в результате переосмысления лично-притяжательного суфф. 3-го лица -*i*/*e*⁴² (см. § 36).

§ 101. П р и з н а к о б л а д а т е л я -*é* (ср. *a ház a tanító-é* 'дом принадлежит учителю') образовался в старовенгерском языке (первые данные относятся к XV в.) путем переосмысления латинского падежного суффика -*é* (< ф.-у. **i*; см. М. § 84): *fiú-é* 'к мальчику' > 'мальчику' > 'принадлежит мальчику'⁴³.

§ 102. Наиболее часто встречаются следующие с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е с у ф ф и к с ы имен существительных (ниже приводятся только основные функции и значения):

-*at*/*-et*, -*mány*/*-mény*, -*vány*/*-vény*; используются в отглагольном словообразовании и выражают результат или объект действия; ср. *ír-ni* 'писать' — *irat* 'документ', *teremt-eni* 'создать' — *teremt-mény* 'создание', *kér-ni* 'просить' — *kérvény* 'прошение';

-*ás*/*-és*; используется в отглагольном словообразовании и выражает абстрактное действие или состояние; ср. *jár-ni* 'ходить' — *járás* 'хождение';

-*alom*/*-elem*, -*dalom*/*-delem*; используются в отглагольном словообразовании и выражают результат действия; ср. *fél-ni* 'бояться' — *félelem* 'страх', *fáj-ni* 'болеть' — *fájdalom* 'боль';

-*ka*/*-ke*, -*cska*/*-cske*, -*i*; используются в отыменном словообразовании и выражают уменьшительно-ласкательное значение; ср.

⁴² МNyГ 402.

⁴³ МNyГ 401.

leány 'девушка' — leányka 'девочка', fiú 'мальчик' — flúcska 'мальчишка', Klára (женское имя) — Klári ('тж' ласкательно);

-ék; образует от имен существительных собирательные имена со значением 'кто-либо вместе с членами семьи, с близкими'; ср. Ivanóék 'Ивановы', tanító 'учитель' — tanítóék 'учитель с семьей';

-ság/-ség; используется в отыменном и отглагольном словообразовании и выражает отвлеченное качество, свойство, собирательность; ср. bátor 'смелый' — bátorság 'смелость', tanulni 'учиться' — tanulság 'поучительность', 'мораль', paraszt 'крестьянин' — parasztság 'крестьянство';

-né образует имя жены от имени мужа; ср. tanító 'учитель' — tanítóné 'жена учителя'; Kertészné (фамилия жены человека по фамилии Кертеc).

§ 103. Почти все перечисленные форманты восходят к прафинно-угорским суффиксам или составлены из последних.

Суфф. -(a)t/-(e)t восходит, по-видимому, к отглагольному ф.-у. *-tt (см. М. § 242); суфф. -ás/-és — к ф.-у. -j+ф.-у. *-é или -ě (см. М. § 199, 194); суфф. -mány/-mény к ф.-у. *-m+ф.-у. *-j+ф.-у. *-n (см. М. § 271, 199, 214). В суфф. -vány/-vény входит тот же *n-овый последний компонент, происхождение же первого -v-ового компонента не выяснено ⁴⁴.

Суфф. -alom/-elem восходит к ф.-у. *-l+ф.-у. *-m (см. М. § 268, 209); суфф. -dalom/-delem — к тем же *-l и *-m + ф.-у. *-nt (в. >-d; см. М. § 279) в качестве первого компонента; суфф. -ka/-ke образовался из ф.-у. *-kk+ф.-у. *-j/-i, в суфф. -cska/-cske, кроме этих компонентов, вошел еще ф.-у. *-é > в. [ě] (см. М. § 205, 107, 194); в старых образованиях на -i данный суффикс восходит также к ф.-у. *-j/*-i ⁴⁵; в более поздних образованиях происхождение суфф. -i еще не до конца выяснено (см. § 46); в состав суффикса -ék входят лативный падежный формант -é (< ф.-у. *-i) и суфф. мн. числа -k ⁴⁶ (см. также § 95).

От слова ság или ség 'холм' происходит суфф. -ság/-ség, от слова nő 'женщина' — суфф. -né (см. § 46).

Перечисленные суффиксы образовались в пра- и старовенгерский периоды.

§ 104. С л о ж н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е продуктивно создаются способом, унаследованным из прафинно-угорского языка: присоединением основной (беспадежной) формы определяющего существительного к определяемому существительному; ср. vasút 'железная дорога' от vas 'железо' + út 'дорога'.

⁴⁴ Вар. MSzT 85—86.

⁴⁵ Вар. MSzT 112.

⁴⁶ Майт. Слов. 143.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 105. Употребляясь в функции непритяжательного определения, имя прилагательное обычно предшествует определяемому существительному, но с последним не согласуется (т. е. выступает в основной форме); в других же функциях прилагательное принимает суффиксы падежей и числа, совпадающие (не считая небольших расхождений в употреблении соединительных гласных) с соответствующими суффиксами существительных; ср. nagy ház 'большой дом', nagy házak 'большие дома', nagy házban 'в большом доме', но a házak nagyok 'дома большие' (см. § 146).

Имена прилагательные имеют три степени сравнения. Форма положительной степени не маркирована; форма сравнительной степени выражается суфф. -bb (после гласных) и -abb(-obb)/-ebb (после согласных); форма превосходной степени образуется присоединением приставки leg- к форме сравнительной степени; ср. fehér 'белый' — fehérebb 'белее' — legfehérebb 'самый белый'.

При изменении по падежам, числам и степеням сравнения в некоторых основах происходит несложное чередование, ср. bátor 'смелый' — bátrak 'смелые' — bátrabb 'смелее', tiszta 'чистый' — tisztának 'чистому' — tisztább 'чище'.

Формант -bb (< -b) восходит к прафинно-угорскому сложному уменьшительно-усилительному суфф. *-mp, возможно, употреблявшемуся и как признак сравнительной степени (см. § 107); приставка leg- происходит от венгерской усилительной частицы leg.

§ 106. По словообразованию прилагательных наиболее часто используются следующие суффиксы (указываются только основные виды использования):

-s (после гласных), -os/-as/-es/-ös (после согласных); выражают ограниченное качество или свойство, а также значение «обладающий чем-либо»; ср. fehér 'белый' — fehérés 'белесый', erő 'сила' — erőös 'сильный';

-ú/-ű (после согласных), -jú/-jű (после гласных); образуя сложные слова или словосочетания, выражают значение «обладающий чем-либо»; ср. kék szem 'голубой глаз' — kékszemű 'голубоглазый';

-i, выражает значение, «относящийся к кому-л., чему-л.»; ср. tél 'зима' — téli 'зимний', Moszkva 'Москва' — moszkvai 'московский';

-tlan/-tlen (-talan/-telen); выражает значение, «не имеющий чего-л.», «не подвергавшийся какому-л. действию», «не производивший действия»; ср. fog 'зуб' — fogatlan 'беззубый', vár-ni 'ждать' — váratlan 'нежданный';

-ánk/-énk, -ékony/-ékeny; выражают «имеющий склонность к чему-л.»; ср. fal-ni 'жадно есть' — falánk 'прожорливый', hajol-ni 'сгибаться' — hajlékony 'гибкий'.

§ 107. Перечисленные форманты восходят к прафинно-угорским простым суффиксам или же составлены из этих суффиксов.

Формант *-s[-š]* является продолжением ф.-у. **-ć/-č'* (см. М. § 194); суфф. *-ú/-ű*, тождественный форманту причастия *-ó/-ő*, может восходить к четырем прафинно-угорским суфф. **-k, *-η, *-p, *-m* (см. М. § 203, 217, 229, 211); в *-i* переосмысливался венгерский лативный формант *-é/-vé* (< ф.-у. лативный **-i*, см. § 98); сложный формант *-tlan/-tlen* (*-talan/-telen*) составлен из ф.-у. лишительного **-tt* + ф.-у. именной **-l* + ф.-у. локативный **-na/*-nä* (см. М. § 246, 210, 59); сложный компонент *-tal/-tel* оформился уже в угорской общности; ср. мс. *vit* 'вода' — *vittal* 'без воды'⁴⁷; сложный суффикс *-ánk/-énk* образовался из ф.-у. **-i* (> в. *-é/-á*) + ф.-у. **-n* + ф.-у. **-kk* (см. М. § 199, 214, 205); последние элементы в суффиксе *-ékony/-ékeny* расположены в обратном порядке.

Некоторые суффиксы восходят к знаменательным словам венгерского языка, например, суфф. *-beli* (от слова *bél* 'внутренность' + суффикс прилагательного *-i*, см. выше), ср. *falu* 'деревня' — *falubeli* 'из деревни', 'земляк'; *-féle* (от слова *fél* 'половина' + лично-притяжательное окончание 3-го лица *-e*, см. § 99, ср. *két* 'два' — *kétféle* 'двойкий'; *-szerű* (от слова *szeg* 'ряд', 'слой' + суфф. прилагательного *-ú/-ű*, см. выше), ср. *nagy* 'большой' — *nagyszerű* 'великолепный'.

Все перечисленные суффиксы зафиксированы уже в старовенгерских памятниках.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 108. Количественные имена числительные, обозначающие числа до 10 и круглые числа, представлены следующими словами: *egy* 'один', *kettő* (*két*) 'два', *három* 'три', *négy* 'четыре', *öt* 'пять', *hat* 'шесть', *hét* 'семь', *nyolc* 'восемь', *kilenc* 'девять', *tíz* 'десять', *húsz* 'двадцать', *harminc* 'тридцать', *negyven* 'сорок', *ötven* 'пятьдесят', *hatvan* 'шестьдесят', *hetven* 'семьдесят', *nyolcvan* 'восемьдесят', *kilencven* 'девяносто', *száz* 'сто', *ezer* 'тысяча', *millió* 'миллион'. Числительные, обозначающие числа от 11 до 29, образуются с участием падежного суффикса *-n* по типу *tizenegy* 'одиннадцать', *tizenkettő* (*tizenkét*) 'двенадцать', *huszonegy* 'двадцать один' и т. д.; свыше 30 числительные образуются без участия суффикса *-n* по типу: *harmincegy* 'тридцать один', *száznegyvenöt* 'сто сорок пять', *kétezer ötszázhetvenöt* 'две тысячи пятьсот семьдесят пять'.

Варианты *kettő*, *tizenkettő*, *huszonkettő* и т. д. употребляются при счете и в неопределительных синтаксических функциях, варианты *két*, *tizenkét*, *huszonkét* и т. д. — в определительных функциях.

Имена и глаголы, связанные с количественными числительными (а также со словами типа *sok* 'много', *kevés* 'мало' и т. д.), употребляются в форме ед. числа; ср. *három ház* 'три дома' (досл. 'три дом'), *száz fát kivágtak, ötven megmaradt* 'сто деревьев они вырубил, пятьдесят остались'.

⁴⁷ Bar. MSzT 92.

пятьдесят осталось' (слова *fát* 'дерево', *megmaradt* 'осталось' имеют форму ед. числа).

§ 109. Имена числительные, обозначающие числа 2, 3, 4, 5, 6, восходят к финно-угорскому языку-основе (см. Л. § 26), числительное *egy* 'один' происходит, по-видимому, от ф.-у. * δ -ового местоименного корня, к которому присоединился наречный суффикс *-gy* (< ф.-у. **-ńć*), т. е. *egy* первоначально выражало 'это здесь'⁴⁸. Числительное *hét* — угорского происхождения (см. Л. § 50). Числительные *nyolc* 'восемь' и *kilenc* 'девять', по-видимому, представляя собою затемненные сложные слова, вторым компонентом которых (-с или -пс) выступает ф.-у. слово со значением 'десять' (ср. к. и у. *-mjs* 'десять'), происхождение первых компонентов еще не вполне выяснено; то же слово со значением 'десять' присоединилось к слову *három* 'три', образуя от него имя числительное *harminc* 'тридцать'⁴⁹. Слово *tíz* 'десять' — индоиранское, *száz* 'сто', ср. ф. *sata* — общее прафинно-угорское и праиндоевропейское слово, *húsz* 'двадцать' — прафинно-угорское наследие (см. Л. § 26), *ezer* 'тысяча' — иранское заимствование⁵⁰, *millió* 'миллион' перенято из латинского языка. Имена числительные, обозначающие круглые десятки, типа *negyven* 'сорок', *ötven* 'пятьдесят', образованы от слов, выражающих соответствующие единицы, и к этим словам присоединено прафинно-угорское слово со значением 'десять' (ср. к. *ko-mjn* 'тридцать', мс. *náli-mán* 'сорок')⁵¹.

§ 110. Порядковые числительные образуются от количественных присоединением к ним основного суффикса *-d* (*-od*, *-ad*, *-ed*, *-öd*) и добавочного *-ik* (при этом в основе числительных могут происходить несложные изменения); ср. *három* — *harmadik* 'третий', *hét* — *hetedik* 'седьмой', *százharminchatodik* 'сто тридцать шестой'.

Суффикс *-d* восходит к уральскому именному словообразовательному **-mt* (см. М. § 113—114); формант *-ik* возник в результате переосмысления лично-притяжательного суффикса 3-го лица *-ik*. Порядковое числительное *első* 'первый' образовано от слова *elő* 'передняя часть' + суффикс *-só/-ső* (ср. *hát* 'спина' — *hátsó* 'задний'); слово *második* 'второй' образовано от в. *más* 'другой' (от ф.-у. местоименного корня **mδ* + в. суффикс *-s* [*-š*], образующий прилагательные, см. § 106. МТЭСз. II 852).

§ 111. Собирательные числительные типа *ketten* 'двое', 'вдвоем', *hármán* 'трое', 'втроем' могут быть образованы почти от всех количественных имен числительных (при этом в основах слов могут происходить несложные изменения) присоединением суффикса *-n* (*-an/-en*), идентичного суперессивному *-n* (< ф.-у. **na*/**-nä*, см. § 98), употребленному в эссивном значении.

⁴⁸ MSzFE I 141.

⁴⁹ О происхождении слов *nyolc*, *kilenc*, *harminc* см. МТЭСз. II 61. 488, 1051.

⁵⁰ МТЭСз. I 819.

⁵¹ МТЭСз. II 74.

МЕСТОИМЕННИЯ

§ 112. Личные местоимения используются и в функции определительных притяжательных местоимений; ср. *én írok* 'я пишу', *az én nevem* 'мое имя' (см. § 99). Когда лицо подлежащего не подчеркнуто, личные местоимения, как правило, опускаются; ср. (*én*) *írok* 'я пишу'.

Местоимения *te* 'ты', *ő* 'он', *mi* 'мы', *ti* 'вы', *ők* 'они' восходят к прафинно-угорским местоимениям: *mi* — к ф.-у. **mš* 'я', *te* и *ti* — к ф.-у. **tš* 'ты', *ő* и *ők* — к ф.-у. **sš* 'он'; в форму *ők* входит также суфф. простого мн. числа -к. Местоимение *én* 'я' образовалось от ф.-у. указательного местоимения **š* + местоименный суфф. *-н (см. М. § 300). Противопоставление элементов *e* и *i* в местоимениях *te* 'ты' — *ti* 'вы' (ср. также *mi* 'мы') отражает древние варианты гласных *e* и *i* в основе личных местоимений (см. М. § 116); из указанных вариантов в венгерском языке е обобщился в формах ед., *i* — в формах мн. числа.

§ 113. По склонению личные местоимения весьма отличаются от имен. Только формы *őt* 'его' и *öket* 'их' образованы по типу аккузатива существительных; остальные же формы этого ряда: *engem(et)* 'меня', *téged(et)* 'тебя', *minket* 'нас', *titeket* 'вас' составлены из соответствующих личных местоимений + лично-притяжательные суффиксы тех же лиц + аккузативный суфф. -t; в формы *engem*, *téged* входит также местоименный суфф. -g. Остальные косвенные падежные формы образованы от послелогов (от которых произошли и падежные суффиксы) присоединением соответствующих лично-притяжательных суффиксов, например, *nál-am* 'у меня', *nál-ad* 'у тебя', *nál-a* 'у него', *nál-unk* 'у нас', *nál-atok* 'у вас', *nál-uk* 'у них', ср. суфф. адессива -*nál/-nél* 'у'. По этому же типу (иногда с небольшими отклонениями) образованы: формы датива (*nek-em* и т. д.), каузалиса-финалиса (*ért-em* и т. д.), сублатива (*rá-m* и т. д.), делатива (*ról-am* и т. д.), аллатива (*hozz-ám* и т. д.), аблатива (*től-em* и т. д.), инессива (*benn-em* и т. д.), элатива (*felől-em* и т. д.), иллатива (*belé-m* и т. д.), ср. соответствующие падежные форманты: -*nak/-nek*, -*ért*, -*ra/-re*, -*ról/-ről*, -*hoz/-hez/-höz*, -*tól/-től*, -*ban* /-*ben*, -*ból/-ből*, -*ba/-be*. Исключение: формы суинерессива (*rajt-am* и т. д.) образованы также от послелога, но этимологически не соответствуют форманту суперессива -n.

§ 114. Личные местоимения вежливого обращения *Magá*, *Ön* 'Вы' (одно лицо), *Maguk*, *Önök* 'Вы' (много лиц) склоняются как существительные: *magá* восходит к слову *mag* 'тело', *ön* было создано искусственно в период «обновления языка» (см. § 46, 50).

§ 115. Специальные притяжательные местоимения: *enyém* 'мой', *tied* 'твой', *övé* 'его', *mienk* 'наш', *tietek* 'ваш', *övék* 'их' употребляются в неопределительных синтаксических функциях; ср. *ez a ház enyém* 'этот дом мой'; они образованы от соответствующих личных местоимений, к которым присоединен признак обладателя -*é* (см. § 101) + соответствующий лично-при-

тяжательный суффикс (в образования *övé*, *övék* входит только признак обладателя, в случае *övék* еще присоединен суфф. мн. числа -k). Множественность обладаемых выражается (как у существительных, см. § 100) признаком -i: *enyéim* 'мои', *teiid* 'твои', *övéi* 'его' (многие), *mieink* 'наши', *tieitek* 'ваши', *övéik* 'их' (многие).

§ 116. Указательные местоимения: *ez* 'этот', *az* 'тот', *ilyen* 'такой' (как этот), *olyan* 'такой' (как тот), *ennyi* 'столько' (как этот), *annyi* 'столько' (как тот) склоняются как существительные; ср. аккузативные формы: *ezt*, *ilyent* и т. д.; суперессивные формы: *ezen*, *ilyenen* и т. д. У местоимений *ez*, *az* выпадает *z* перед падежными суффиксами, начинающимися с согласного; данный же согласный удваивается; ср. *ebből* (вм. *ez-ből*), *annak* (вм. *az-nak*) и т. д. Местоимения *ez*, *az* изменяются во всех синтаксических функциях, местоимения *ilyen*, *olyan*, *ennyi*, *annyi* — только в неопределительных синтаксических функциях; ср. *ebben a házban* 'в этом доме', но *ilyen házban* 'в таком доме'.

Корни всех перечисленных указательных местоимений восходят к ф.-у. местоимениям *ŷ и *8. В составе местоимений *ez*, *az* выявляется ф.-у. местоименный суфф. *-t (> в. -z), восходящий к местоимению *t (см. М. § 301); в состав *ilyen*, *olyan* входит падежный -l > -ly [-j] (ср. -ul/-ül) + суперессивный -п (см. § 98); *ennyi*, *annyi* образовались при помощи суффикса прилагательных -nyi, выражающего меру чего-либо ⁵².

От соответствующих указательных местоимений при помощи древних падежных суффиксов образованы наречия: *itt* 'здесь', *ott* 'там', *ide* 'сюда', *oda* 'туда', *innen* 'отсюда', *onnan* 'оттуда', *így* 'так (как этот)', *úgy* 'так (как тот)', *erre* 'в этом направлении', *arra* 'в том направлении', *ekkor*, *akkor* 'тогда' и т. д.

§ 117. В о п р о с и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я *ki?* 'кто?', *mi?* 'что?' (формы мн. числа: *kik*, *mik*) склоняются как существительные, ср. *kinek?* 'кому?', *miből?* 'из чего?', *kikről?* 'о ком?' (о многих лицах); местоимения *milyen?*, *mely?* 'какой?', *ennyi*, *hány* 'сколько' склоняются как существительные (только в неопределительных синтаксических функциях).

Местоимения *ki*, *mi* восходят к ф.-у. вопросительным местоимениям *kŷ, *mŷ, *hány* к ф.-у. вопросительному местоимению *k8 + словообразующий суфф. прилагательного -nyi (см. § 116). Местоимения *milyen*, *mely*, *ennyi* образовались от *mi* так же, как указательные местоимения *ilyen*, *ennyi* (см. § 116). По типу указательных наречий *ekkor*, *akkor*, *erre*, *arra* образованы от *mi* наречия *mikor* 'когда', *merre* 'в каком направлении?' и т. д., от основы *ho-* (< *k8) образовались при участии древних падежных суффиксов вопросительные наречия *hol?* 'где?', *hova?* 'куда?', *hogy?* 'как?', *honnan?* 'откуда?'.

Вопросительные местоимения издавна использовались и в функции относительных, однако начиная с XV—XVI в. последние

⁵² MNyT 209.

все чаще появлялись с приставкой а-, образовавшейся от указательного местоимения аз 'тот'; ср. относительные местоимения аки 'кто', ами 'что', амилиен, аmeli 'какой' и относительные наречия ахол 'где', ахова 'куда', амикор 'где' и т. д.

§ 118. Вопросительные местоимения и наречия издавна использовались и в неопределенном значении; однако позднее во втором значении стали употребляться образования, в состав которых кроме вопросительных местоимений и наречий входили частицы-префиксы: vala- (старая форма глагола бытия), akár- 'либо', bár- 'хотя' (см. § 142), pé- (неизвестного происхождения); ср. valami 'что-то', 'что-л.', akármí, bármí 'что бы ни', némi 'какой-то', 'какой-л.', valaki 'кто-то', 'кто-л.', valahol 'где-то', 'где-л.', néhány 'несколько' и т. д.

От вопросительных местоимений и наречий образовались также отрицательные местоимения и наречия; в их состав в качестве первого компонента входит отрицательная частица sem ~ se (см. § 142); ср. sen-ki (< sem-ki) 'никто', semmi 'ничто', soha (< son-ha < sem-ha) 'никогда', sehol 'нигде'.

§ 119. Возвратно-усилительные местоимения в значении 'сам' образовались (как и местоимения вежливого обращения Maga, см. § 114) от слова mag 'тело' + соответствующие лично-притяжательные суффиксы; ср. mag-am 'я сам', mag-ad 'ты сам', mag-a 'он сам', mag-unk 'мы сами', mag-atok 'вы сами', mag-uk 'они сами'. В возвратном значении указанные местоименные формы получают какое-либо падежное окончание или сочетаются с послелогом; ср. mag-ad-ról ne beszélj 'о себе не говори', magunk mellé ültettük a fiút 'мальчика мы посадили около себя.'

ГЛАГОЛ

§ 120. В современном венгерском языке глагол характеризуется категориями числа, лица, времени, наклонения, объектности/безобъектности (определенности/неопределенности).

По типу спряжения глаголы разделяются на две группы: «глаголы с -ik» (меньшинство глаголов) и «глаголы без -ik» (большинство глаголов), различающиеся в форме ед. числа наст. времени всех наклонений безобъектного ряда следующими характерными окончаниями:

Глаголы без -ik	Глаголы с -ik
1 л. -k	-m
2 л. -sz (-l)	-l
3 л. —	-ik (-ék)

В современном литературном языке формы 1-го и 2-го лица глаголов с -ik часто заменяются соответствующими формами глаголов без -ik; колебания наблюдаются и в 3-м лице.

Различается два ряда спряжения: безобъектный и объектный. Непереходные глаголы, как правило,

спрягаются только по безобъектному ряду, переходные же, в зависимости от наличия и характера прямого дополнения (выражающего «определенный» или «неопределенный» объект), спрягаются также и по объектному («определенному») ряду.

В объектной форме употребляется глагол, когда к нему относится прямое дополнение, выраженное: 1) именем собственным; ср. ismerem Moszkvát 'я знаю Москву'; 2) именем, оформленным лично-притяжательным суффиксом; ср. olvasd levelünket 'читай наше письмо'; 3) именем с определенным артиклем; ср. az ebédet főzi 'он готовит (данный) обед', но ebédet főz 'он (вообще) готовит обед'; 4) личными местоимениями 3-го лица и вежливого обращения (а также личными местоимениями 2-го лица при 1-ом лице ед. числа подлежащего); ср. kéri őt 'он просит его', kérjük Önt 'мы просим Вас', Téged kérlek 'я прошу тебя'; 5) указательными местоимениями ezt, azt, ezeket, azokat; ср. már visszaadták ezeket 'они уже вернули эти'; 6) местоимениями некоторых других разрядов; ср. védjétek magatokat 'защищайте себя'; 7) придаточным предложением, заменяющим прямое дополнение; ср. tudjuk, hogy nincs igaza 'мы знаем, что он неправ'.

Объектное спряжение употребляется и в случаях, когда указанные типы дополнения опущены, но подразумеваются; ср. Látod ezt? — Látom 'Ты его видишь? — Вижу'.

Объектное спряжение в венгерском языке развилось самостоятельным путем, хотя некоторые его предпосылки могли наличествовать уже в прафинно-угорское время (см. М. § 166).

§ 121. Изъявительное наклонение специальным показателем не маркировано; оно реализуется в трех временных формах современного языка: в формах настоящего, прошедшего и будущего времени. Из них позднее всего формировалось будущее время, но и о нем первые данные зафиксированы уже в старовенгерских памятниках.

§ 122. Настоящее время изъявительного наклонения специального показателя не имеет.

Суффиксы, приведенные в скобках (см. табл. 5), присоединяются к глаголам, оканчивающимся на -s [-š], -sz [-s], -z; из данных суффиксов -ol, -el, -öl применяются по гармонии гласных, остальные так же и зависят еще от конечного согласного основы, который удваивается и заменяет выпавший -j- начала суффикса; ср. ír-sz 'ты пишешь', но olvas-ol 'ты читаешь', hoz-ol 'ты приносишь', ír-juk 'мы пишем', но olvas-suk 'мы читаем', hoz-zuk 'мы приносим'.

§ 123. Исторически разные лица выражаются тремя способами: 1) без использования личной суффиксации; 2) с использованием древних личных местоимений; 3) путем адаптации (переосмысления) словообразовательных суффиксов.

Наиболее древний способ выражения лица (отсутствие собственной личной суффиксации) выявляется в 3-м лице ед. числа безобъектного спряжения, а также в 1-м лице мн. числа объектного спряжения, поскольку основной компонент форманта -juk/-jük (-suk/

Т а б л и ц а 5

Личные окончания в настоящем времени изъявительного наклонения

Лицо	Безобъектное спряжение		Объектное спряжение
	глаголы без -ik	глаголы с -ik	глаголы с -ik и без -ik
Единственное число			
1 л.	-ok, -ek, -ök	-om, -em, -öm	-om, -em, -öm, -lak, -lek; -alak, -elek
2 л.	-sz, -asz, -esz (-ol, -el, -öl)	-ol, -el, -öl -sz	-od, -ed, -öd
3 л.	—	-ik	-ja (-sa, -sza, -za), -i
Множественное число			
1 л.	-unk, -ünk		-juk (-suk, -szuk, -zuk), -jük (-sük, -szük, -zük)
2 л.	-tok, -tek, -tök; -otok, -etek, -ötök		-játok (-sátok, -szátok, -zátok), -itek
3 л.	-nak, -nek; -anak, -enek		-ják (-sák, -szák, -zák), -ik

-sük и т. д.) суфф. мн. числа -k, к которому присоединен неэтимологический (добавочный) -j.

Второй способ выражения лица представлен: а) суфф. 1-го лица ед. числа -om/-em/-öm (восходит к ф.-у. местоимению 1-го лица *mš 'я') и суфф. 1-го лица мн. числа -unk/-ünk (<-muk/-mük); в его состав входит тоже -m +суфф. мн. числа -k; б) суфф. 2-го лица -od/-ed/-öd и -tok/-tek-tök (они произошли аналогично приведенным аффиксам 1-го лица, но с участием ф.-у. личного местоимения *tš 'ты'); в) суфф. 3-го лица -i/-a, -ja(-sa, -sza, -za) восходит к ф.-у. местоимению 3-го лица *sš 'он'; суфф. 3-го лица мн. числа -ik/-ják (в его состав входит тот же -i/-a > -ja +суфф. мн. числа -k). Впоследствии переосмысленный -ik стал окончанием 3-го лица ед. числа глаголов с -ik.

Третий способ выражения лица представлен: а) суфф. 2-го лица -sz[-s] и -l (они восходят к ф.-у. глаголообразующим формантам *-s и *-l, выражавшим повторное действие; см. М. § 162); -l входит также в суфф. 1-го лица -lak/-lek; б) суфф. 1-го лица ед. числа -k (по распространенному мнению) восходит к ф.-у. форманту *-k, образовавшему имена от глаголов и использовавшемуся еще в древности и как признак настоящего времени и повелительного наклонения (см. М. § 137, 155); поскольку данному объяснению противоречит закон развития конечного ф.-у. *-k (на венгерской почве он в конечном счете должен был бы вокализироваться), существует и такое предположение, что данный -k возник путем переосмысления венгерского суфф. мн. числа -k⁵³; в) n-овый компонент суфф.

⁵³ HajdúBev. 144.

3-го лица -nak/-nek (восходит к ф.-у. форманту *-n, образовавшему имена от глаголов; см. М. § 215); второй компонент -nak/-nek — суфф. мн. числа -k.

§ 124. Признаком прошедшего времени служит -t/-tt (-t используется после согласных, -tt — после гласных), идентичный суффикс причастия окончательного действия -t/-tt и словообразовательному -at/-et (см. § 103).

В форме прошедшего времени глаголы с -ik и без -ik не различаются. Личные окончания, присоединенные к признаку прош. времени, в основном, состоят из тех же элементов, что и форманты наст. времени, однако в форме прош. времени суффиксы не йотизируются; кроме того, в образовании личных окончаний не участвуют -k (< ф.-у. *-k словообразовательный и наст. времени), -sz (< ф.-у. *-s словообразовательный) и -p (< ф.-у. *-p словообразовательный), ср. kér-t-em 'я просил', jár-t-ál 'ты ходил', készít-ettek 'они готовили'.

Т а б л и ц а 6

Личные окончания в прошедшем времени изъявительного наклонения
(вместе с признаком -t/-tt)

Лицо	Безобъектное спряжение	Объектное спряжение
Единственное число		
1 л.	-tam, -tem; -ottam, -ettem, -öttem	-tam, -tem; -ottam, -ettem, -öttem; -talak, -telek; -ottalak, -ettelek, -öttelek
2 л.	-tál, -tél; -ottál, -ettél, -öttél	-tad, -ted; -ottad, -etted, -ötted
3 л.	-ott, -ett, -ött, -t	-ta, -te; -otta, -ette, -ötte
Множественное число		
1 л.	-tunk, -tünk; -ottunk, -ettünk, -öttünk	-tuk, -tük; -ottuk, -ettük, -öttük
2 л.	-tatok, -tetek; -ottatok, -ettetek, -öttetek	-tátok, -tétek; -ottátok, -ettétek, -öttétek
3 л.	-tak, -tek; -ottak, -ettek, -öttek	-tál, -ték; -ották, -ették, -ötték

§ 125. К устаревшим формам прош. времени относятся: а) формы исторического прошедшего с признаком -á/-é (-a/-e), восходящим к ф.-у. суфф. отглагольного имени и признаку прош. времени *-j/*-i (см. М. § 141); ср. lát-é-k (безоб. спр.), lát-á-m (об. спр.) 'я видел'; б) сложные формы времени, составленные из личных форм наст. или прош. времен смыслового глагола + неизменяемые формы глагола бытия: volt или vala; ср. írok vala 'я писал' (незаконченное действие), írtam vala или írtam volt 'я писал (давно)' и т. д. (см. § 38).

§ 126. Для выражения будущего действия чаще всего используется форма наст. времени, однако довольно распространено и

употребление специальной формы буд. времени, составленной из инфинитива смыслового глагола + личные формы наст. времени вспомогательного глагола fog-ni, ср. írni fogok (безоб. спр.) или írni fogom (об. спр.) 'я буду писать', írni fogsz или írni fogod 'ты будешь писать' и т. д. (см. § 38).

§ 127. Признаком повелительного наклонения служит -j, восходящий к ф.-у. *-k отглагольных имен, использовавшемуся и как признак наст. времени и повелительного наклонения (ф.-у. *-k > в. -χ > -j). Личные окончания, присоединенные к признаку -j, в основном те же, что и в форме наст. времени изъявительного наклонения. Однако 2-е лицо ед. числа может не иметь личного окончания, а в 3-м лице ед. числа безобъектного спряжения используется тот же -п, что и во мн. числе наст. времени (см. § 123).

Т а б л и ц а 7

Основные личные окончания повелительного наклонения
(вместе с признаком -j)

Лицо	Безобъектное спряжение		Объектное спряжение
	глаголы без -ik	глаголы с -ik	глаголы с -ik и без -ik
Единственное число			
1 л.	-jak, -jek	-jam, -jem	-jam, -jem; -jalak, -jelek
2 л.	-j	(-jál, -jél) -j	-d (-jad, -jed)
3 л.	-jon, -jen, -jön	(-jék), -jon, -jen, -jön	-ja, -je
Множественное число			
1 л.	-junk, -jünk		-juk, -jük
2 л.	-jatok, -jetek		-játok, -jétek
3 л.	-janak, -jének		-ják, -jék

Примечание. В скобках приведены редко употребляемые варианты. Как показывает таблица, глаголы с -ik почти не отличаются от глаголов без -ik.

§ 128. Признак повелительного наклонения -j у многих глаголов не сохраняется. Сюда относятся:

1) глаголы, оканчивающиеся на -s [-š], -sz [-s] и -z; у таких глаголов вместо -j удваивается соответствующий конечный согласный основы; ср. ír-j 'пиши', но mos-s 'мой', ír-junk 'давайте напишем', но hoz-zunk 'давайте принесем'; по такому же образцу спрягаются глаголы на -st, -szt, поскольку у них конечный -t в форме повелительного наклонения утрачивается;

2) глаголы, оканчивающиеся на долгий гласный + t или на согласный + t (кроме -szt, -st); у таких глаголов -j превращается

в -s [-š]; ср. mond-jatok 'скажите', но tanít-satok (t + s произносится čč) 'обучите'; ért-setek (t + s произносится č) 'поймите';

3) глаголы, оканчивающиеся на краткий гласный + t (а также lát-ni 'видеть', bocsát-ani 'пускать'); у этих глаголов t + j заменяется -ss [šš]; ср. vet-ni 'сеять', ves-sen 'пусть он сеет'.

§ 129. Признаком условного наклонения служит -né/-ná (> -ne/-na), восходящий к ф.-у. глагольному словообразовательному суффиксу мгновенного значения *-ne, который использовался и как признак наклонения; к -ne присоединялся ф.-у. суфф. -k или -i, образующий имена от глаголов⁵⁴; сочетания -ne + -k или -ne + i способствовали образованию дифтонгов eü или eí, закономерно перешедших в ó/ő или é.

§ 130. Условное наклонение реализуется в двух формах времени: простого настоящего и сложного прошедшего.

Личные окончания наст. времени, присоединяющиеся к признаку наклонения -né/-ná, в общем состоят из элементов, знакомых нам по наст. времени изъявительного наклонения (см. § 122, 123). Однако не используется -sz [-s]-овый суффикс 2-го лица и нет йотизированных окончаний; ср. lát-nál 'ты бы видел', ad-nának 'они давали бы'.

В современном использовании условного наклонения глаголы с -ik почти утратили свое особое спряжение.

Таблица 8

Личные окончания в настоящем времени условного наклонения

Лицо	Безобъектное спряжение		Объектное спряжение
	глаголы без -ik	глаголы с -ik	глаголы с -ik и без -ik
Единственное число			
1 л.	-nék	-nék (-nám, -ném)	-nám, -ném; -nának, -nélek
2 л.	-nál, -nél	-nál, -nél	-nád, -néd
3 л.	-na, -ne	-na, -ne	-ná, -né
Множественное число			
1 л.	-nánk, -nénk		-nánk, -nénk (-nök, -nök)
2 л.	-nátok, -nétek		-nátok, -nétek
3 л.	-nának, -nének		-nák, -nék

§ 131. Форма прош. времени условного наклонения составлена из личных форм прош. времени изъявительного наклонения смыслового глагола + неизменяемая volna (форма глагола бытия); ср. kértem volna 'я бы просил (раньше)', írtál volna 'ты бы писал (раньше)' и т. д.

⁵⁴ МНУТ 414.

§ 132. К инфинитивным формам глагола относятся: инфинитив, причастия, деепричастия.

И н ф и н и т и в образуется от основы глагола с помощью суфф. *-ni* (*-ani/-eni*), ср. *olvas-ni* 'читать', *ért-eni* 'понимать'; в связи с некоторыми модальными словами и безлично употребляемыми глаголами к форме инфинитива могут присоединяться лично-притяжательные окончания; ср. *(nekem) kell ír-nom* 'мне нужно писать' ('я должен писать'), *(neki) nem szabad elfelejtenie* 'ему нельзя забыть' ('он не должен забыть').

Инфинитивный формант *-ni* восходит к ф.-у. **-n*, образующему имена от глаголов (см. М. § 215), + лативный суфф. *-i* (ф.-у. **-i*; см. М. § 84) ⁵⁵.

§ 133. П р и ч а с т и я на *-ó/-ő* выражают в основном незавершенное действие, причастия на *-t/-tt* — завершенное; ср. *könyvet olvasó fiú* 'мальчик, читающий книгу', а *tegnap olvasott könyv* 'книга, читанная вчера'.

Суфф. *-ó/-ő* может восходить к ф.-у. формантам, образующим имена от глаголов: к **-k*, **-ŋ*, **-p*, (?**-m*); эти суффиксы в правенгерском превращались в γ или β , которые впоследствии вокализировались и в качестве неслоговых гласных вместе с конечным гласным основы образовали дифтонг, который в свою очередь превратился в *-ó/-ő* ⁵⁶. Суфф. *-t/-tt* по происхождению идентичен признаку прош. времени *-t/-tt* словообразовательному *-at/-et* (см. § 103).

§ 134. Д е е п р и ч а с т и е на *-va/-ve* используется: 1) как деепричастие, выражающее (с оттенком образа действия) второстепенное действие, одновременное с главным действием предложения; ср. *unatkozva nézte a képeket* 'скучая (со скукой) смотрел на картины'; 2) как часть сказуемого: *az üzlet zárva volt* 'магазин был закрыт'. Устаревшая деепричастная форма на *-ván/-vén* выражает второстепенное действие, предшествующее главному действию.

Суфф. *-va/-ve* (<*-vá/-vé*) состоит из причастного суфф. *-ó/-ő* (превратившегося между гласными в *-v*) + лативный *-é* (< ф.-у. **-i*) (см. § 98); в состав суфф. *-ván/-vén* входит деепричастный суфф. *-va/-ve* + надежный суперессивный *-n* (см. § 98) ⁵⁷.

§ 135. Имеется ряд глаголов, спрягающихся не по вышеприведенным нормам («н е п р а в и л ь н ы е г л а г о л ы »).

У глагола бытия употребляются только следующие формы: 1) наст. времени изъявительного наклонения: *vagyok*, *vagy*, *van*, *vagyunk*, *vagytok*, *vannak*; 2) прош. времени изъявительного наклонения: *voltam* 'я был', *voltál* и т. д.; 3) наст. времени условного наклонения: *volnék* 'я бы был', *volnál* и т. д.; 4) причастий: *való*, *volt*. В форме наст. времени изъявительного наклонения *van* и *vannak* применяются только в значениях «иметься», «находиться», в значении же «являться» (т. е. в функции связки) *van* и *vannak*

⁵⁵ Bar. MSzT 93.

⁵⁶ Bar. MSzT 96.

⁵⁷ Bar. MSzT 101.

опускаются; ср. én tanító vagyok 'я учитель', но ő tanító 'он учитель', ők tanítók 'они учителя', a könyv az asztalon van 'книга на столе', van könyvem 'у меня имеется книга'.

Глаголы без -ik: venni 'брать', tenni 'делать', vinni 'нести' и глаголы с -ik: enni 'есть', inni 'пить' спрягаются по образцу (с учетом -ik-овых вариантов): vesz-ek 'я беру', vesz-el и т. д., ve-ttem 'я брал', ve-ttél и т. д., ve-gyek 'пусть я беру', végu или vegyél и т. д., ven-nék 'я бы брал', ve-nnél и т. д., vevő 'берущий'; по спряжению к ним весьма близки глаголы: lenni 'становиться', 'делаться', hinni 'верить'; особо спрягается глагол jönni 'приходить', ср. jövök 'я прихожу', jössz, jön, jövünk, jöttök, jönnek, jöttem 'я приходил', jöttél и т. д.; jöjtek 'пусть я иду', jöjj, jöjjön и т. д.; причастия: jövő, jött; только в наст. времени изъявительного наклонения «неправильны» формы глагола menni 'идти'; ср. megyek 'я иду', mész, megy, megyünk, mentek, mennek.

В наст. времени изъявительного наклонения у ряда глаголов происходит чередование $d \approx sz$; ср. alud-ni 'спать', alsz-om 'я сплю', alsz-ol, alsz-ik и т. д.; причастия alvó, aludt.

§ 136. С л о в о о б р а з о в а н и е глаголов осуществляется двумя основными способами: 1) присоединением приставок (префиксов); 2) присоединением суффиксов.

Приставочные глаголы близки к сложным словам, так как их компоненты не объединены гармонией гласных, их префиксы в известных условиях (см. § 148) отделяются от глагола. Наиболее часто употребляются древнейшие приставки meg-, ki-, be-, fel-, le-, el-, восходящие к наречиям, которые образовались от существительных, оформленных суффиксом латива -é (см. § 98); ср. meg- < mögé (от mög 'место позади'), el- < elé (от el 'место впереди', 'перед') и т. д. Переход наречий в приставки часто сопровождался грамматикализацией их значений; ср. írni 'писать' — megírni 'написать', menni 'идти' — elmenni 'уйти'.

Древнейшие приставки зафиксированы уже в старовенгерских памятниках, но процесс образования новых глагольных префиксов не прекращается и в современном языке (см. § 38).

§ 137. Суффиксальным способом глаголы образуются от глаголов и от имен (изредка и от других частей речи).

Наиболее часто встречаются следующие суффиксы, образующие глаголы от глаголов:

-hat/-het (весьма продуктивный); выражает возможность совершения действия; ср. keres-ek 'я ищу' — keres-het-ek 'я могу искать', lát-tam 'я видел' — lát-hat-tam 'я мог видеть';

-at/-et, -tat/-tet (весьма продуктивные) и -t выражают каузативное (понудительное) и переходное действие; ср. ír-ni 'писать'. — ír-at-ni 'велеть писать', búj-ni 'скрываться' — buj-tat-ni 'прятать', kel-ni 'вставать' — kel-t-eni 'будить';

-ít; выражает переходное действие; ср. ford-ul-ni 'поворачиваться' — ford-ít-ani 'поворачивать';

-ul/-ül, -ad/-ed/-öd; выражают возвратное или общезовратное действие; ср. mozd-ít-ani 'двинуть' — mozd-ul-ni 'двинуться', maraszt-ani 'оставлять' — mar-ad-ni 'оставаться'.

-kod/-ked/-köd, -koz/-kez/-köz; выражают возвратное или взаимное действие; ср. fésül-ni 'причесывать' — fésül-köd-ni 'причесываться'; ver-ni 'бить' — vere-ked-ni 'драться';

-gat/-get; выражает повторное, продолжительное и малоинтенсивное действие; ср. olvas-ni 'читать' — olvas-gat-ni 'почитывать', kérdez-ni 'спрашивать' — kérdez-get-ni 'часто спрашивать'.

В отыменном словообразовании используются суффиксы, употребляемые и по отглагольному словообразованию; из них наиболее часто встречаются:

-od/-ed/-öd, -ul/-ül; выражают «делаться, стать каким-л.»; ср. sötét 'темный' — sötét-ed-ni, sötét-ül-ni 'темнеть', 'стать темным';

-ít; выражает «делать каким-л.»; ср. szép 'красивый' — szép-ít-eni 'делать красивым'.

§ 138. Из перечисленных суффиксов -hat/-het по происхождению занимает особое положение, поскольку он образовался от глагола hat-ni 'продвигаться вперед', 'достигать'.

Остальные приведенные форманты восходят к прафинно-угорским суффиксам или к их сочетаниям.

К простым суффиксам относятся -od/-ad/-ed/-öd и -at/-et, -t; первый (-d-овый) из них происходит от ф.-у. *-nt (см. М. § 279), вторые (-t-овые) от ф.-у. *-tt (см. М. § 293); сюда же можно отнести -ít, восходящий к ф.-у. *-kt (> в. $\acute{y}t$ > -it; долгий \acute{i} образовался слиянием конечного гласного глагольной основы +i), поскольку простые *-k и *-t слились еще в доугорское время.

Сложный суффикс -tat/-tet образовался удвоением упомянутого выше -t; -ul/-ül составлен из ф.-у. *-w (*-β) + ф.-у. *-l (см. М. § 296, 268); -kod/-ked/-köd из ф.-у. *-kk (> в. -k) + ф.-у. *-nt (> в. -d) (см. М. § 265, 279); в суффикс -koz/kez/-köz — к упомянутому -k присоединен ф.-у. *-t (> в. -z); суффикс -gat/-get состоит из ф.-у. *-nk (> в. -g, см. М. § 277) + -t.

НАРЕЧИЯ

§ 139. Почти все наречия венгерского языка производны; многие из них содержат уже трудно различимые словообразовательные элементы.

Наречия образованы от имен существительных (ср. ház 'дом' — haza 'домой'), от имен прилагательных (ср. szép 'красивый' — szép-en 'красиво'), от имен числительных (ср. két 'два' — két-szer 'дважды'), от местоимений (ср. e-z 'этот' — itt 'здесь' — ide 'сюда', см. § 116).

Наиболее употребительны следующие суффиксы наречий: -n/-an/-on/-en; ср. tiszta 'чистый' — tisztá-n 'чисто', hideg 'холодный' — hideg-en 'холодно';

-ul/-ül/-l (присоединяется чаще всего к именам прилагательным, имеющим лишительный суфф. -tlan/-tlen, -talan/-telen); ср. véletlen 'случайный' — véletlen-ül 'случайно'; jó 'хороший' — jó-l 'хорошо';

-lag/-leg; ср. valószínű 'вероятный' — valószínű-leg 'вероятно';

-szor/-szer/-ször (присоединяется к именам числительным); ср. három 'три' — három-szor 'три раза', heted-ik 'седьмой' — heted-szer 'седьмой раз'.

Суфф. -n/-on/-an/-en и -ul/-ül/-l восходят к соответствующим падежным формантам; суфф. -lag/-leg, по-видимому, образовался от угорского падежного -l + ф.-у. лативный *-k (см. М. § 79, 71); суфф. -szor/-szer/-ször происходит от слова szer (см. § 107).

§ 140. Большинство наречий имеет степени сравнения: к производящим именам прилагательным в форме сравнительной или превосходной степени присоединяется соответствующий словообразовательный суффикс наречия; ср. erősen 'сильно' — erősebben 'сильнее' — legerősebben 'наиболее сильно' (ср. erős 'сильный' — erősebb 'более сильный' — legerősebb 'самый сильный'); rossz-ul 'плохо' — rossz-abb-ul 'хуже' — legerősebb-abb-ul 'хуже всего' (ср. rossz 'плохой' — rosszabb 'хуже' — legerősebb 'самый плохой').

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 141. По своим функциям послелого соответствуют предлогам русского языка, но в отличие от последних расположены непосредственно после имени, к которому они относятся и которое (при огромном большинстве послелогов) выступает в форме им. падежа; ср. a ház mögött 'позади дома', а gyermekek miatt 'из-за детей'.

Наиболее старые послелого пространственного значения распределяются по трем (реже по двум) разрядам, объединенным общностью корневого элемента соответствующих послелогов; ср. a levelet a könyv alá tette 'он положил письмо под книгу', а levél a könyv alatt van 'письмо находится под книгой', elővette a levelet a könyv alól 'он достал письмо из-под книги'.

Разряды послелогов

На вопрос куда?	На вопрос где?	На вопрос откуда?
alá 'под' (что-л.) mögé 'за' elő 'перед' mellé 'около', 'к' közé 'между' fölé 'над', 'на' felé 'к', 'в сторону'	alatt 'под' (чем-л.) mögött 'за', 'позади' előtt 'перед', 'впереди' mellett 'около' között 'между' fölött 'над' —	alól 'из-под' mögül 'из-за' elől 'от' mellől 'от' közül 'из' — felől 'со стороны', 'с'

Большинство послелогов принимает лично-притяжательные суффиксы. Образования, возникшие таким путем, приближаются к падежным формам личных местоимений; ср. *mellettem* 'около меня', *melletted* 'около тебя' и т. д.; *alól-am* 'из-под меня', *alól-ad* 'из-под тебя' и т. д.

Большинство послелогов происходит от имен существительных, оформленных падежными суффиксами *-á/-é*, *-t/-tt*, *-l/-ul/-ül* (см. § 98), реже другими падежными формантами. Основами послелогов стали, например, слова: *al* 'нижняя часть', 'низ', *mell* 'грудь', *köz* 'промежуток', *út* 'дорога' (ср. послелог *után* 'после') и др.

§ 142. Частицы разделяются на несколько семантических групп: они могут быть усилительными, отрицательными, указательными, вопросительными и т. д.

Происхождение наиболее распространенных усилительных частиц: *is* 'и', *de* 'как' еще не выяснено.

Отрицательное слово *ne* 'не' относится к общему финно-угорскому словарному фонду; частица *nem* 'не', 'нет' образовалась, по-видимому, от *ne* + вопросительное местоимение *mi* 'что?'; усилительно-отрицательная частица *sem* — от *is* + *nem*; частица *nincs* 'не находится', 'не имеется' — от *nem* + *is*, при дальнейшем усилении от *is* + *nincs* возникло *sincs*. Отрицательные слова *nincs*, *sincs* противопоставлены по значению форме глагола бытия *van*, когда последняя употребляется в значении 'имеется', 'находится' (см. § 135); приспособляясь к форме мн. числа *vannak*, частицы *nincs* и *sincs* получают глагольный формант мн. числа; ср. *a könyv itt van* 'книга здесь' — *a könyv nincs itt* 'книги здесь нет', *a könyvek nincsenek itt* 'книг здесь нет'.

Вопросительная частица-суфф. *-e* 'ли' восходит к угорской общности; модальные частицы *talán* 'может быть', *lám* 'вот', *akár* (например, *akár el is vihethém* 'я мог бы это даже отнести') образовались от глагольных форм *találom*, 'нахожу', 'предполагаю', *látom* 'вижу', *akar* 'хочет', *bár* (например, *bár eljönne* 'лишь бы он пришел') — от прилагательного *bátor* 'смелый'.

§ 143. По своим основным функциям различаются с о ю з ы сочинительные (*és*, *s* 'и', *is*, *szintén* 'также', *meg*, *pedig* 'а', 'же', *de*, *hanem* 'однако', *vagy* 'или', *akár... akár...* 'то ли... то ли' и т. д.) и подчинительные (*hogy* 'что', 'чтобы', *ha* 'если', *míg* 'пока', *bár*, *habár*, *ámbar* 'хотя', *mint* 'как', *mert* 'потому что' и т. д.).

По происхождению союзы неоднородны. Одни из них происходят от частиц, например *és*, *is* (от частицы *is*), *de*, *bár*, *akár* (см. § 142), другие — непосредственно от глаголов, например *vagy* (от формы 2-го лица глагола бытия, см. § 135), третьи — от местоименных основ, например *ha*, *hogy* (от вопросительного местоименного корня *ho-*, см. § 117), *míg* (<*meddig*), *mint* (<*miként*), *mert* (<*miért*) от вопросительного местоимения *mi* (см. § 117).

§ 144. Определенный артикль *az/a* (*az* употребляется перед словами, начинающимися с гласного, *a* — перед словами, начинающимися с согласного) происходит от указательного место-

имения аз 'тот'; неопределенный артикль egy от числительного egy 'один'. Первые данные об артикле az относятся к XIV в., первые данные об артикле egy — к XV в. (см. § 36).

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 145. К междометиям относятся: jaj (выражает болевое ощущение), no, posza, popo (выражают призыв к действию), ej, ejnye, ajaj (выражают неодобрение), ó, tuý, hm, né (выражают удивление), fuji, pfi, pfiha (выражают отвращение), csitt (призыв к молчанию) и т. д. Поскольку междометия появились как спонтанные средства выражения чувств, они, как правило, не возводимы к другим словам. Только некоторые составляют исключение (например, né, выражающее удивление, происходит от nézd 'смотри'). Наоборот, от ряда междометий образовались знаменательные слова, ср. pógatni 'понукать', csitítani 'успокаивать', 'просить замолчать' и т. д.

Все современные венгерские междометия появились после отделения венгерского языка от родственных финно-угорских языков.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА

§ 146. Простые предложения могут быть односоставными и двусоставными, глагольными и именными. Русским односоставным предложениям в венгерском языке обычно соответствуют сочетания имени с формой глагола бытия van, ср. sötét van 'темно'; hideg van 'холодно'; tél van 'зима' и т. д.

Наиболее типичными представителями именных предложений являются те, в которых отсутствуют формы наст. времени глагола-связки; ср. a ház nagy 'дом большой', a házak nagyok 'дома большие' (см. § 135).

В отличие от русского языка для выражения неопределенноличных действий в венгерском не принято употреблять предложения пассивного строя; ср. mint említettük. . . 'как отмечалось . . .' (досл. 'как мы отмечали'), neki már átadták a parancsot 'приказ ему уже передан' (досл. 'ему уже передали приказ').

В современном венгерском языке широко употребляются различные типы сложносочиненных и сложноподчиненных предложений; их основные типы обнаруживаются уже в старовенгерских памятниках.

§ 147. Сказуемое согласуется с подлежащим в числе (а также в лице); ср. A fiúk halkan beszélgettek 'Мальчики тихо разговаривали'. Однако, когда имеется несколько подлежащих в ед. числе, сказуемое обычно также имеет форму ед. числа; ср. A fiú és a kislány csendesen beszélgetett 'Мальчик и девочка тихо разговаривали'.

Препозитивные (стоящие перед определяемым словом) определения с определяемым словом не согласуются ни в числе, ни

в падеже, ни по лично-притяжательности; ср. *meleg szobában* 'в теплой комнате', *meleg szobákban* 'в теплых комнатах', *két szobánkban* 'в наших двух комнатах', *milyen szobákról* 'о каких комнатах' и т. д.; только указательные местоимения *ez*, *az* (и их производные), отделенные от определяемого артиклем, согласуются всегда с определяемым в числе, падеже и по употреблению послелога; ср. *ez a ház* 'этот дом', *ebből a kertből* 'из этого сада', *ezek előtt a kertek előtt* 'перед этими садами' (см. также § 116).

Отсутствие согласования препозитивного определения с определяемым относится к прафинно-угорскому наследию.

§ 148. Для порядка слов определительных сочетаний характерно препозитивное расположение зависимого члена по отношению к главному. Поэтому часто встречаются громоздкие определительные конструкции, начинающиеся с артикля и кончающиеся на определяемом главном слове, обычно соответствующие русским конструкциям с обособленными причастными оборотами; ср. *A tegnapi ülésen kapott utasításokat megjegyeztük* 'Мы запомнили указания, полученные на вчерашнем заседании'.

Препозитивное положение зависимых слов было характерно и для финно-угорского языка-основы.

Место сказуемого во многом зависит от интонации: часть предложения, особенно выделяемая интонацией, стоит перед сказуемым. Выделяется, например, вопросительное слово (или словосочетание) или слово (словосочетание), наиболее важное для вопроса и для ответа на вопрос, ср., например: *Mikor épült ez a színház?* 'Когда был построен этот театр?'; *Ez a színház a múlt században épült* 'Этот театр был построен в прошлом веке' (выделены: *mikor* 'когда' и *múlt században* 'в прошлом веке'); *Ön ebben az iskolában tanít?* 'Вы преподаете в этой школе?'; *Igen, én ebben az iskolában tanítok* 'Да, я преподаю в этой школе' (выделено: *ebben az iskolában* 'в этой школе').

Между частью, выделяемой интонацией, и сказуемым могут стоять только некоторые безударные слова (частицы, союзы).

§ 149. Отделение приставок регулируется также интонацией. От личных форм глагола приставка отделяется (и получает место где-то позади глагола), если в предложении имеется логически выделяемое слово (или сочетание слов), которое поэтому должно стоять непосредственно перед глаголом; ср. *Nem ép vittem el neki a levelet, személyesen jött el érte* 'Не я отнес ему письмо, лично он пришел за ним' (выделено: *nem ép* 'не я' и *személyesen* 'лично'; приставка *el* стоит за глаголом). Если же выделяется сам приставочный глагол, приставка не отделяется; ср. *Megérttetted a kérdésemet?* 'Ты понял мой вопрос?' (выделено: *megérttetted?* 'понял?').

Имеется ряд слов, которые, выделяясь интонацией и располагаясь перед сказуемым, тем не менее не требуют отделения приставок; таковы наречия типа: *gyorsan* 'быстро', *nagyon* 'очень', *gyakran* 'часто' и т. д.; ср. *gyakran meglátogattuk a beteget* 'мы часто навещали больного'.

Правила отделения приставок от инфинитивной и деепричастной форм противоположны правилам отделения приставок от личных форм; ср. *Nem én fogom elvinni neki a levelet, személyesen fog eljönni érte* 'Не я отнесу ему письмо, лично он придет за ним'.

ЛЕКСИКА

§ 150. В лексику современного венгерского языка входит всего 600—700 финно-угорских и угорских корнеслов. По количеству они уступают славянским и немецким заимствованиям, тем не менее им принадлежит основная роль в коммуникативном использовании языка, а также в развитии всего словарного состава.

Данная исключительная значимость венгерской лексики объясняется следующими причинами: 1) прафинно-угорские и угорские корневые элементы обозначают наиболее важные в быту понятия: основные действия и качества, предметы домашнего обихода, родственные отношения и т. д.; к указанным элементам восходят местоимения и основные числительные; 2) прафинно-угорские и угорские корни использовались наиболее интенсивно в суффиксальном словообразовании и фразеологии.

§ 151. К прафинно-угорскому (уральскому) наследию относятся следующие слова (в том числе и заимствованные еще прафинно-угорской общностью из других языков):

1) имена существительные, обозначающие а) части тела: *orr* 'нос', *száj* 'рот', *szem* 'глаз', *fej* 'голова', *kéz* 'рука', *váll* 'плечо', *ere* 'желчь', *máj* 'печень', *szőg* 'волосы', 'шерсть', *vér* 'кровь' и т. д. (см. Л. § 3, 13); б) родственные отношения: *fiú* 'сын', *nepe* 'сноха', *nő* 'женщина', 'жена', *öcs* 'младший брат', *ős* 'предок', *vő* 'зять' и т. д. (см. Л. § 4, 14); в) понятия, связанные с природой: *ár* 'поток', *éj* 'ночь', *év* 'год', *felhő* 'туча', *hab* 'волна', *hó* 'месяц' (время), *kő* 'камень', *menyu* 'небо', *ősz* 'осень', *tél* 'зима', *víz* 'вода' и т. д. (см. Л. § 5, 15); г) растения и их части: *ág* 'ветвь', *fa* 'дерево', *meggy* 'вишня', *tő* 'корень' и т. д. (см. Л. § 5, 15); д) дикие животные, рыбы и птицы, насекомые: *egér* 'мышь', *kígyó* 'змея', *nyúl* 'заяц', *góka* 'лиса', *sün* 'еж', *hal* 'рыба', *fecske* 'ласточка', *lúd* 'гусь', *méh* 'пчела' и т. д. (см. Л. § 5, 15); е) понятия, относящиеся к жилищу, питанию, одежде, орудиям труда: *ágy* 'постель', *fal* 'стена', *fazék* 'горшок', *ház* 'дом', *küszöb* 'порог', *lé* 'жидкость', 'похлебка' *nyíl* 'стрела', *öv* 'пояс' и т. д. (см. Л. § 9, 19); ж) металлы: *arany* 'золото', *órn* 'олово', *vas* 'железо' и т. д. (см. Л. § 5, 15);

2) имена прилагательные: *agg* 'старый', *hosszú* 'длинный', *keserű* 'горький', *sovány* 'худой', *új* 'новый' и т. д. (см. Л. § 8, 18);

3) имена числительные и местоимения (см. § 108, 112, а также Л. § 2, 12, 20);

4) глаголы, обозначающие простые физические и психические действия: *ad-ni* 'дать', *él-ni* 'жить', *en-ni* 'есть', *fél-ni* 'бояться',

hal-ni 'умереть', hall-ani 'слышать', in-ni 'пить', kég-ni 'просить', ló-ni 'стрелять', men-ni 'идти', mos-ni 'мыть', péz-ni 'смотреть', olvas-ni 'читать', 'считать', rak-ni 'класть', 'сооружать', tanul-ni 'учиться', ten-ni 'делать', tud-ni 'знать', varr-ni 'шить' и т. д. (см. Л. § 6, 16).

§ 152. К праугорскому наследию относятся (в том числе и заимствованные праугорской общностью из других языков):

1) имена существительные, обозначающие разные понятия: erég 'земляника', fű 'трава', hattyú 'лебедь', hód 'бобер' и т. д. (см. Л. § 33); в угорскую эпоху впервые появляются имена, связанные с одомашниванием животных: eb 'собака', ló 'лошадь', kengyel 'стремя', puereg 'седло' и т. д. (см. Л. § 33, 37);

2) имена прилагательные: jó 'хороший', meleg 'теплый' и т. д. (см. Л. § 36);

3) глаголы: fog-ni 'держат', 'ловить', süt-ni 'жарить', 'печь', ül-ni 'сидеть' и т. д. (см. Л. § 34).

§ 153. Как указывалось выше (§ 3), на культурное и экономическое развитие правенгров большое влияние оказали разные иранские племена; от последних переняты слова: tehén 'корова', tej 'молоко', далее слова: nemez 'фетр', tíz 'десять' и т. д. Эти заимствования относятся к периоду до V в. н. э., поэтому на них еще распространялся правенгерский звуковой переход $d > z$ ⁵⁸. Значительно позднее (но еще до прихода в нынешнюю Венгрию) перешли в венгерский язык немногочисленные аланские (древнеосетинские) заимствования: híd (ср. осет. хéd, хid 'мост') 'мост', vért (ср. осет. wart 'щит') 'кольчуга', 'щит', asszony (ср. осет. ахsin 'княгиня', 'знатная дама') 'женщина' и т. д. Осевшая в XIII в. в Венгрии небольшая группа православных аланов (ясов), по видимому, не оставила следов в лексике венгерского языка.

Последний пласт иранских заимствований состоит из слов, перенятых от персидских купцов, которые нередко посещали на юге Восточной Европы поселения странствующих правенгров (до их прихода в бассейн Дуная и Тисы); таковы: vám (ср. перс. vām 'долг') 'таможенный сбор', vár (ср. др.-перс. vāga 'стена', 'строение') 'крепость'.

§ 154. Первый приток тюркских слов относится к периоду от V в. н. э. до занятия нынешней Венгрии, т. е. ко времени, когда странствующие венгры в районе Кавказа постоянно соприкасались с различными тюркскими племенами (см. § 4), говорящими на языках чувашского или общетюркского типа; судя по звуковому облику, большинство из соответствующих слов перенято из диалектов чувашского типа.

Многочисленные (около трехсот слов) тюркские заимствования данного периода указывают на образ жизни, к которому правенгры приобщились под влиянием своих тюркских соседей. Эти слова относятся к терминологии:

⁵⁸ МNyT 278.

1) скотоводства (в меньшей мере охоты и рыболовства): *bika* (ср. тюрк. *буца*, **bīqa*)⁵⁹ 'бык', *borjú* (ср. чув. *pāru*) 'теленок', *disznó* (ср. чув. *sįsna*, **įįsnaγ*) 'свинья'; *béklyó* (ср. тюрк. *bāγau*) 'путы', *gyarjú* (ср. тюрк. *yarak*) 'шерсть'; *gőrény* (ср. чув. **kü-gān*) 'хорек' и т. д.

2) земледелия и природы: *alma* (ср. тюрк. *alma*) 'яблоко', *búza* (ср. тюрк. *buγday*) 'пшеница', *dió* (ср. тюрк. *yāγaq*) 'орех'; *bor* (ср. тюрк. *bor*) 'вино', *eke* (ср. чув. *aGa*) 'соха'; *dél* (ср. тюрк. *tüş*) 'юг' и т. д.

3) ремесел, жилища, одежды: *ács* (ср. тюрк. *agačči*) 'плотник', *gyárt-ani* (ср. тюрк. *yarat* 'делать подходящим', 'приспособить') 'производить'; *bársony* (ср. тюрк. *barčun* 'шелк', 'парча') 'бархат', *csat* (ср. тюрк. *čatu* 'веревка') 'пряжка', 'скрепление' и т. д.

4) общественной жизни и духовной культуры: *betű* (ср. тюрк. *bitig* 'письмо', 'документ') 'буква', *boszorkány* (ср. тюрк. **basīr-qan*) 'ведьма', *bölc* (ср. тюрк. *büyüci* 'волшебник') 'мудрец' и т. д.

О тесных контактах правенгров с тюркскими племенами свидетельствуют слова, обозначающие части тела, качества и т. п.; например, *gyomog* (ср. тюрк. *jumug*) 'желудок'; *aró* ср. тюрк. **orgaγ* 'мелкий', *bátor* (ср. тюрк. *baγatur* 'добрый', 'смелый') 'отважный' и т. д.

§ 155. Второй пласт тюркских заимствований состоит из слов, перенятых от печенегов и половцев (куманов), осевших в Венгрии в X—XIII вв.; таковы: *csődör* (ср. половецко-печенежское **čev-dür*) 'жеребец', *csősz* (ср. половецко-печенежское **čävüş* — название сановного лица) 'сторож', 'охранник' и т. д.

Третий пласт тюркских заимствований относится к XVI—XVII вв., когда значительная часть Венгрии находилась под властью турок. Слова, проникшие в венгерский из турецкого языка, относятся в основном к лексике, характеризующей одежду, питание и жилище; таковы *zseb* (ср. тур. *džeb*) 'карман'; *kávè* (ср. тур. *kahve*) 'кофе'; *dívány* (ср. тур. *dīvān* 'лежанка'), 'диван' и т. д.

Во второй и третий пласты входит всего несколько десятков слов.

§ 156. Венгры контактировали с восточными славянами еще в период перехода от приуральской прародины до Карпат. Поэтому несомненно, что некоторое количество славянских слов было перенято еще до конца IX в.

Однако более тесными и продолжительными эти связи стали только начиная с X в., когда осевшие в бассейнах Дуная и Тисы венгры смешались с местным славянским населением и продолжали соприкасаться с окружающими славянскими народами (см. § 6).

В литературном и общеразговорном вариантах языка употребляется свыше пятисот славянских заимствований, но вместе

⁵⁹ Здесь и далее данные приведены по MTESz. и Bgr. MSzSz.

с диалектными и устаревшими словами их численность составляет несколько тысяч ⁶⁰.

В венгерский язык перешли слова из разных славянских языков, однако ввиду близости последних друг к другу в большинстве случаев нелегко установить конкретный язык-передатчик (предполагается, что в обогащении венгерского языка наиболее значительная роль принадлежит южным славянам). У большинства заимствований также трудно определить время появления (по указанным причинам нижеприведенные слова не распределены ни по языкам-передатчикам, ни хронологически; приведенные в скобках данные не отражают языка-передатчика).

§ 157. Славянские заимствования пронизывают все семантические сферы словарного фонда: они относятся, например, к частям лексики, характеризующим:

1) земледелие, например: *asztag* (ср. русск. *стог*) 'стог', *bab* (ср. русск. *боб*) 'бобы', *sékla* (ср. болг. *цвекло*) 'свекла', *szesznye* (ср. русск. *черешня*) 'черешня', *mák* (ср. русск. *мак*) 'мак' и т. д.;

2) животноводство и вообще животный мир, например: *bárány* (ср. русск. *баран*) 'ягненок', *jágom* (ср. сербо-хорв. *jágam*) 'ярмо', *patkó* (ср. русск. *подкова*) 'подкова'; *bolha* (ср. болг. *бълха*) 'блоха', *csuka* (ср. русск. *щука*) 'щука', *medve* (ср. русск. *медведь*) 'медведь' и т. д.;

3) ремесла, например: *abroncs* (ср. русск. *обруч*) 'обруч', *borotva* (ср. русск. *бритва*) 'бритва' и т. д.;

4) жилище, одежда, питание, например: *asztal* (ср. русск. *стол*) 'стол', *kulcs* (ср. русск. *ключ*) 'ключ'; *csizma* (ср. болг. *чизма*) 'сапоги', *ruha* (ср. ц.-сл. *rucho* 'ткань') 'одежда' и т. д.;

5) семью, например: *család* (ср. русск. *челядь*) 'семья', *déd* (ср. русск. *дед*) 'прадед', *unoka* (ср. русск. *внук*) 'внук', 'внучка' и т. д.;

6) общественную жизнь и верования, например: *király* (ср. сербохорв. *krâlj*) 'король', *paraszt* (ср. русск. *прост*) 'крестьянин', *pecsét* (ср. русск. *печать*) 'печать'; *barát* (ср. болг. *брат*) 'брат', 'друг', 'монах' 'монах', 'друг', *pap* (ср. русск. *поп*) 'священник', *szerda* (ср. русск. *среда*) 'среда' (день) и т. д.;

7) разные понятия, например: *drága* (ср. ц.-сл. *draga*) 'дорогой', *gonosz* (ср. словен. *gnûs* 'отвратительный человек') 'лютый', 'злой', *német* (ср. русск. *немец*) 'немец', *sétál-ni* (ср. сербохорв. *šetati*) 'гулять' и т. д.

В последнее время усилился приток русских слов, таковы: *bolsevik*, *kolhóz*, *szovjet* и т. д.

§ 158. Как было указано (см. § 6—8), контакты венгров со своими западными соседями, говорящими на немецком языке, продолжались в течение многих веков (начиная с X в.).

⁶⁰ МНУТ 289.

Немецкие слова проникали в венгерский язык из речи австрийских ремесленников, которые оседали в венгерских городах и составляли немалую часть бюргерства, особенно в XVII—XIX вв., должностных лиц, военных и священников. Кроме того, по мере усиления влияния габсбургской династии в Венгрии, венгерское высшее (отчасти и среднее) дворянство все больше тяготело к венскому двору, через Австрию воспринимало западную культуру и говорило лучше на немецком, чем на венгерском языке.

Природа вышеуказанных контактов определила и характер немецких заимствований. В своем большинстве они относятся к определенным слоям лексики, необходимым для общения с бюргерами, высшим дворянством, военными. В силу этого в общеразговорном и литературном вариантах венгерского языка немецких заимствований значительно меньше (около четырехсот), чем в социальных и территориальных диалектах, а также в профессиональной и жаргонной лексике. Если учесть все перечисленные разряды лексики, в венгерском языке численность немецких заимствований достигает нескольких тысяч⁶¹.

Хронологию появления большинства немецких заимствований трудно установить, как и часто нелегко определить диалектный источник перенятых слов. Предполагается, что из более старых заимствований часть получена из средненемецких, часть из баварско-австрийских диалектов, главным же источником более поздних заимствований считается баварско-австрийская диалектная группа. Немало слов попало в венгерский язык из литературного немецкого языка.

§ 159. Нижеприведенные слова по хронологическому признаку не разделены, и только частично указан у них диалектный источник.

Как было отмечено выше (§ 158), немецкие заимствования характеризуют:

1) городскую жизнь бюргеров и ремесла; например: *bognár* (ср. бав. *wögnær*) 'каретник', *borbély* (ср. бав. *barbir*) 'цирюльник', *drót* (ср. нем. *Draht*) 'проволока', *font* (ср. бав. *pfunt*) 'фунт', *gáspoly* (ср. бав. *gaschp'l*) 'рашпиль', *sváb* (ср. нем. *Schwabe* 'немец, носитель швабского диалекта') 'немец, живущий в Венгрии', и т. д.;

2) жизнь дворян, например: *biliárd* (ср. нем. *Billard*) 'бильярд', *dáma* (ср. нем. *Dame*) 'дама', *erkély* (ср. бав. *erker*) 'балкон', 'эркер', *gallér* (ср. бав. *goler*) 'воротник', *gróf* (ср. бав. *grōf*) 'граф', *gyémánt* (ср. бав. *demant*) 'алмаз', *paróka* (ср. бав. *parocke*) 'парик' и т. д.

3) жизнь военных: *cél* (ср. ср.-в.-н. *zel*) 'цель', *ostrom* (ср. нем. *Sturm*) 'осада', *pisztoly* (ср. нов.-в.-н. *pistol*) 'пистолет', *sánc* (ср. ср.-в.-н. *schanze*) 'оборонительный вал' и т. д.

⁶¹ МНУТ 292.

Довольно много слов относится к терминологии, изысканной кулинарии, например: *sukor* (ср. раннее нов.-в.-н. *zucar*) 'сахар' *karfiol* (ср. нем. диал. *karfiol*) 'цветная капуста', *kóstol-ni* (ср. нем. *kosten*) 'пробовать на вкус', *ribizli* (ср. нем. диал. *riebisel*) 'смоладина', *spenót* (ср. нем. диал. *spenot*) 'шпинат' и т. д.

§ 160. Романские заимствования происходят из четырех языков: латинского, французского, итальянского и румынского.

Как указано выше (§ 40, 48), латинские, французские и итальянские слова в венгерский язык перешли не в результате общения широких народных масс, а по другим социальным каналам. В этом отношении только румынские заимствования являют собой исключение.

§ 161. Приток латинских слов начался со времен обращения венгров в христианскую веру (конец X в.). Латынь была языком церкви, а также и письменности, поскольку последняя была привилегией церкви. При реформации число латинских заимствований увеличилось: широкий размах получило школьное образование, привлечение внимание к латыни, как к языку наук. Начиная со второй половины XVII в. (вплоть до XIX в.) латынь постепенно превратилась в официальный язык государственных, административных и юридических органов.

В общеразговорном и литературном вариантах современного венгерского языка насчитывается свыше двухсот латинских заимствований; но кроме того, их очень много употребляется в научной, церковной и профессиональной терминологии⁶².

Латинские заимствования происходят от варианта средневековой латыни, употреблявшейся в Венгрии. Соответственно сферам использования они характеризуют:

1) деятельность церкви, например: *kántor* (ср. латин. *cantor*) 'церковный певчий', *kápolna* (ср. ц.-лат. *capella*) 'часовня', *mártir* (ср. ц.-лат. *martyr*) 'мученик', *mise* (ср. ц.-лат. *missa*) 'месса', *orgona* (ср. ц.-лат. *organum*) 'орган' (музыкальный инструмент), *paradicsom* (ср. ц.-лат. *paradisus*) 'рай', *prédikál-ni* (ср. ц.-лат. *praedicare*) 'проповедовать' и т. д.;

2) терминологию школы, например: *ceruza* (ср. латин. *cerussa* 'цинковые белила') 'карандаш', *diktál-ni* (ср. латин. *dictare*) 'диктовать', *tábla* (ср. латин. *tabula*) 'доска (школьная)', *tinta* (ср. латин. *tincta aqua* 'крашенная вода') 'чернила' и т. д.;

3) административную и юридическую терминологию, например: *adoptál-ni* (ср. латин. *adoptare* 'принимать') 'усыновить', 'удочерить', *apellál-ni* (ср. латин. *appellare* 'обращаться'), 'подать на пересмотр', *uzsoga* (ср. ср.-лат. *usura*) 'ростовщичество'; сюда можно отнести и названия месяцев: *április* (ср. ц.-лат. *argililis*) 'апрель', *december* (ср. латин. *december*) 'декабрь' и т. д.;

4) терминологию флоры и фауны, например: *citrom* (ср. латин. *citrum* 'лимонное дерево') 'лимон', *petrezselyem* (ср. ср.-лат.

⁶² МNyТ 296.

petrosilium) 'петрушка'; cet (ср. латин. cetus) 'кит', elefánt (ср. латин. elephantus) 'слон', fülemüle (ср. латин. philomela) 'соловей', tigris (ср. латин. tigris) 'тигр' и т. д.

§ 162. Французские заимствования относятся к XII—XIII вв. В то время в Венгрии поселилось немало французских монахов и ремесленников, а также многие венгерские духовные лица обучались в университетах Франции. В результате таких контактов венгерским языком перенято более десяти французских слов (главным образом из валлонского диалекта); таковы: kilincs (ср. ст.-фр. диал. clinche) 'ручка двери', lakat (ср. ст.-фр. диал. loquet) 'замок' (висячий), szekrény (ср. ст.-фр. диал. scrin 'сундук') 'шкаф', tárgy (ср. ст.-фр. targe 'крыша') 'предмет', 'крыша для обороны' и т. д.

§ 163. Приток итальянских слов начался сразу после обращения венгров в христианство (XI в.), поскольку именно в связи с этим событием в Венгрию переселилось много итальянских священников и монахов, а вслед за ними в венгерских городах появились значительные группы итальянских бюргеров-колонистов. В XV в. влияние на венгерскую лексику оказали многочисленные итальянские ученые, писатели, художники и должностные лица, приглашаемые на длительное время венгерскими королями из династии Анжу и Хуняди. Некоторые слова могли быть заимствованы даже в более поздние годы при посредничестве итальянских купцов, побывавших в Венгрии, а также венгерских солдат, воевавших в Италии в рядах австрийской армии.

В общеразговорной лексике употребляется около пятидесяти итальянских заимствований; кроме них, выявлено несколько десятков устаревших и диалектных слов итальянского происхождения⁶³.

В соответствии с разнообразием каналов, по которым итальянские слова проникали в венгерский язык, эти заимствования относятся ко многим семантическим сферам лексики.

Примеры итальянских заимствований: bárka (ср. ит. barca) 'баркас', datolya (ср. ит. диал. dátolo) 'финик', kandalló (ср. ит. caldano 'жаровня') 'камин', piac (ср. ит. piazza 'площадь') 'рынок', spanyol (ср. ит. spagnolo) 'испанский', 'испанец' и т. д.

§ 164. На территории Трансильвании венгерские и румынские народные массы начиная с XII в. контактировали весьма интенсивно и непрерывно. Тем не менее в общеразговорную лексику венгерского языка вошло лишь незначительное количество румынских слов: около десяти. Кроме них несколько сот слов румынского происхождения употребляется в трансильванских диалектах⁶⁴.

Примеры румынских заимствований в общеразговорной лексике венгерского языка: cimboга (ср. старорумынское símbra)

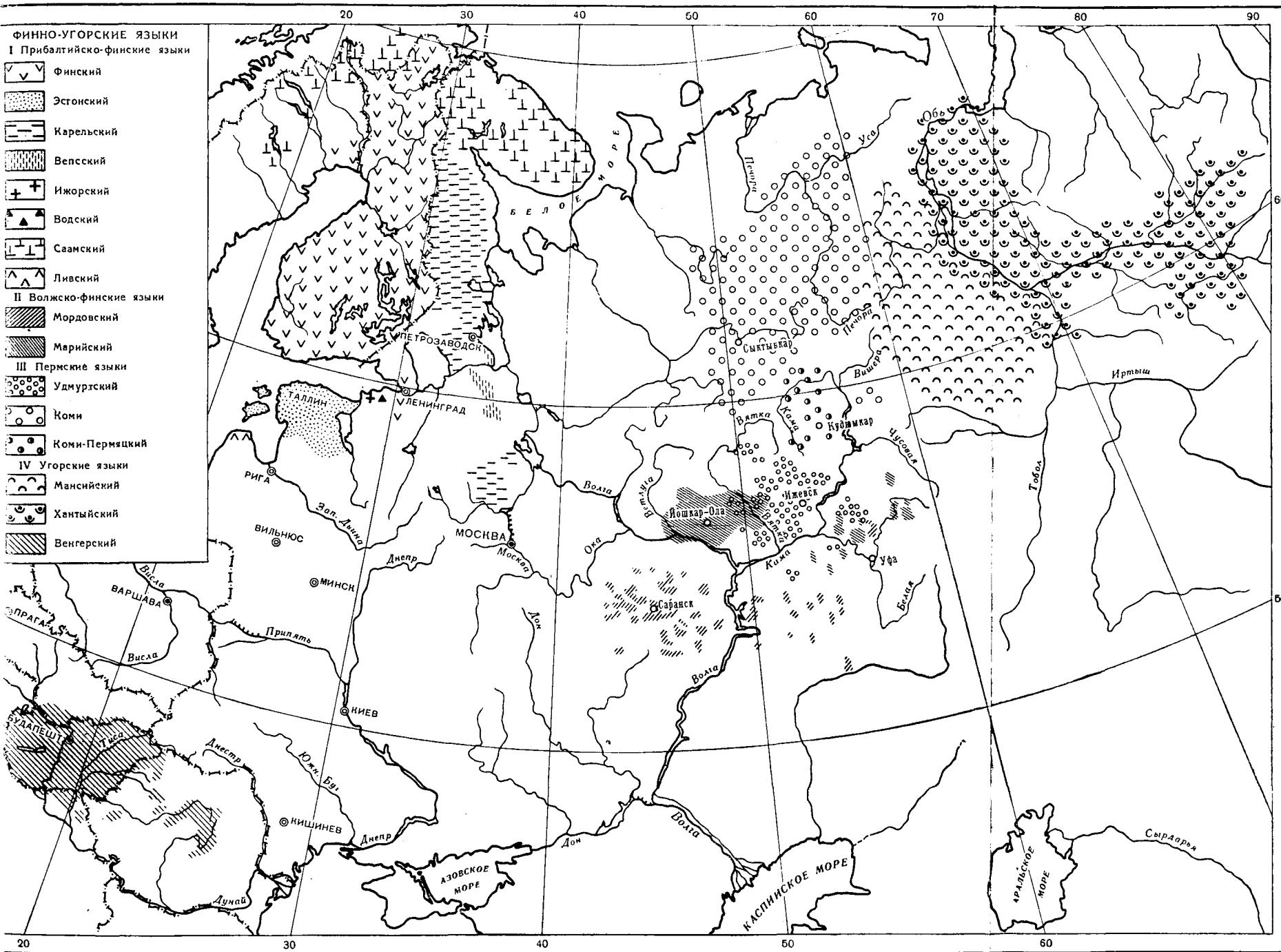
⁶³ MNyT 298.

⁶⁴ MNyT 299—300.

'союз', 'сотоварищество') 'приятель', ficsur (ср. рум. диал. fi-sior 'парень') 'пижон', málé (ср. рум. málái 'кукурузная мука') 'мамалыга' и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Б а л а ш ш а И. Венгерский язык. М., 1951.
- М а й т и н с к а я К. Е. Венгерский язык, I. М., 1955; II, 1959; III, 1960.
- М а й т и н е к а я К. Е. Словообразование имен в старо- и средневенгерском языке. М., 1965.
- Р о т А. М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973.
- Х а й д у П. К этногенезу венгерского народа. — ALH, t. II. Budapest, 1953.
- А magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I. Budapest, 1967, II. Budapest, 1970.
- А magyarság őstörténete. Budapest, 1943.
- А magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár, I. Budapest, 1967; II, 1971.
- А mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan, I. Budapest, 1961; II, 1962.
- В á р ц з и G. А magyar nyelv életrajza. Budapest, 1963.
- В á р ц з и G. А magyar szókincs eredete. Második bővített kiadás. Budapest, 1958.
- В á р ц з и G., B e n k ó L., B e r r á r J. А magyar nyelv története. Budapest, 1967.
- В á р ц з и G. Magyar hangtörténet. Második bővített kiadás. Budapest, 1958.
- В á р ц з и G. Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941.
- B e r r á r J. Magyar történeti mondatlan, Budapest, 1957.
- B a r t h a K. А magyar szóképzés története. Magyar történeti szóalaktan, II. Budapest, 1958.
- H a j d ú P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. А magyar nyelv finnugor alapjai. Budapest, 1966.
- H a j d ú P. Finnugor népek és nyelvek. Budapest, 1962.
- I m r e S. А mai nyelvjárások rendszere. Budapest, 1971.
- K á l m á n B. А nevek világa. Budapest, 1967.
- K á l m á n B. Nyelvjárásaink. Második kiadás. Budapest, 1971.
- K l e m m A. Magyar történeti mondatlan, I. Budapest, 1928; II, 1940; III, 1942.
- L a k ó Gy. А magyar hangállomány finnugor előzményei. Budapest, 1965.
- L i z a n e c P. M. Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok. Uzshorod, 1970.
- S i m o n y i Zs. Tüzetes magyar nyelvtan történeti alapon, t. I. Budapest, 1895.
- S z a b ó D. А magyar nyelvemlékek. Második bővített kiadás. Budapest, 1959.
- S z a m o t a I., Z o l n a i Gy. Magyar oklevél-szótár. Budapest, 1902—1906.
- S z a r v a s G., S i m o n y i Zs. Magyar nyelvtörténeti szótár, I. Budapest, 1890; II, 1891, III, 1893.
- S z i n n y e i J. Magyar nyelv-hasonlítás. Hetedik javított és bővített kiadás. Budapest, 1927.
- S z i n n y e i J. Magyar tájszótár, I. Budapest, 1893—1896; II, 1897—1901.
- T o m p a J. Ungarische Grammatik. Budapest, 1968.
- Z s i r a i M. Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.



Примечание.
 1. В составлении карты принял участие С. И. Брук. 2. Поскольку схематические карты диалектов по ветвям финно-угорских языков отражают сведения разных лет (см. карты в этой книге, а также в издании 1975 г.), некоторые несовпадения между указанными картами и данной картой оказались неизбежными.

ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

Финский язык	elää I 190, II 112	huuli II 112
ahingas II 116	emä I 402	huunhaukko, huunpu-
ahjo II 118	emäntä II 115	rema I 424
ahkio I 153, 409	esi I 421, II 114	hännä I 175, 428
ahrain II 119	että I 399	hän I 411
ahtaa II 112		härkä II 116
aisa II 117	halava I 414	härmä II 117
aitta II 117	halla II 117	häähnä I 428
akana II 118	hammas II 117	
akkuna II 120	hanko II 114	ien I 411
ala I 148, 205, 407	hauki II 112	ies II 120
alla I 407	hauras II 113	iho I 142
ampu- I 139, 432	heimo II 117	ikenen I 411
ankerias II 116	heinä II 116	ikkuna II 120
ansa II 116	heisi, heisipuu I 427,	ikä I 189, 413
anta- I 139, 419	hepo II 114	ilma I 150, 414
apen I 413	herne II 116	ilo II 113
appi I 140, 413	hevonen II 114	ime- I 407
askel I 154	hieho, hiehvo I 428	iso I 402
astia II 114	hihna I 170	isä I 402
astua II 113	hiire-, hiiri, hiirin I, 123,	isäntä II 115
aura, II 118	167, 416	itkeä II 113
ava- I 113	hirvi II 116	
avaa- I 418	horjua II 115	jaka- I 137, 406
avanto I 418	huhmar I 162	jaksa I 430
avo-, avoin II 113	huhta II 114	jalas II 114
	hui I 433	jalka I 129, 412, II 112
edellä, eden, edessä I 421	humala II 118	jirä I 427
ehko I 428	huoli II 113	joen I 136
ehti- I 430	huone II 114	jogen I 136
ehtiä I 129	hupa I 162, 421	joke- I 129, 136
elä- I 163, 167, 193, 405	huu I 424	joki I 208, 403, II 112

* В Указателе вошли слова из разделов лексики всех очерков, а также из раздела «Сравнительная фонетика финно-угорских языков». Указатель составлен Г. И. Ермушкиным при участии Е. И. Коведяевой. Пометы I, II, III указывают три выпуска «Основ финно-угорского языкознания»: I — выпуск 1974 г.; II — выпуск 1975 г.; III — данный выпуск; арабские цифры показывают страницы соответствующих выпусков.

jou- I 130
 joutsehen I 416
 joutsehen, joutsen I 416
 joutsi I 408
 juo- I 137, 186, 419
 juoda II 112
 juosi I 408
 juosta II 113
 juotsen I 151
 jyvää I 160
 jänis II 112
 jänkä I 138
 jänne, jänteen I 409
 jäsen I 169, 206
 jää I 129, 175, 413
 jäähtyä I 151

 kaalaa- I 419
 kadota I 167
 kahden I 423
 kahlaa- I 419
 kainalo I 400
 kaksi I 127, 168, 423
 kala I 404, II 112
 kalimen, kalin I 409
 kalvo I 149
 kana II 118
 kankea II 113
 kannus II 114
 kanta- I 138
 kante- I 139,
 karpalo II 113
 karva II 117
 kaste II 113
 kasukka II 120
 katku I 154
 katos II 114
 katso- I 430
 kattila II 118
 katto II 114
 kaukalo II 114
 kaula II 117
 kauppa II 119
 kaura II 118
 kausta II 114
 kehä I 144, 188, 195
 keittä- I 408
 ken I 398
 kenkä II 114
 kenttä I 427, II 116
 kerä I 149, 163, 168, 190,
 195, 415
 kerjätä I 169
 kerjää- I 419
 kero I 426
 keski I 170
 keso I 188, 405
 kesä I 193
 kesämä I 415
 ketto I 170

 kiehui- I 408
 kiele- I 181
 kieli I 117, 188, 190,
 193, 401
 kihlata II 119
 kiiwetä II 115
 kirves II 117
 kive- I 143
 kiven I 417
 kivi I 169, 417, II 112
 kivistöä II 113
 ko I 398
 koi I 402
 koira II 155, 195, 401
 koiras I 401
 koitta- I 402
 kolja, koljo I 424
 kolme I 120, 194, 209,
 423
 komka I 429
 korja II 114
 korva II 112
 kosia II 115
 koske- I 430
 kosken, koski I 427
 kosku, koskus, koskukse-
 I 403
 kota I 194, 423, II 112
 koti II 112
 kotka I 187
 koulu I 119
 kova II 113
 kova(i)sin II 114
 ku- I 398
 kuuru I 422
 kuka I 398
 kulke I 406
 kulke- I 154, 187
 kulle I 154
 kulma I 150
 kulmu I 414
 kulta II 118
 kult(h)ee I 154
 kumossa I 162
 kumpua I 139
 kumpua- I 402
 kuningas II 119
 kunta I 413
 kuokka I 432
 kuole- I 180, 187, 189,
 407
 kuolla I 210
 kuomina II 119
 kuontalo II 120, 121
 kuoppa I 127
 kuore, kuoree- I 404
 kuorma II 115
 kuosali, kuoseli II 120
 kurakse, kuras I 408
 kurki I 155

 kuse-, kusi I 400
 kusainen, kusilainen
 I 416
 kussa I 398
 kuto- I 433
 kutoa I 161
 kuu I 162, 403, 412
 kuuden I 424
 kuukkeli I 405
 kuukso I 405
 kuule- I 181, 186, 189,
 407
 kuulla II 112
 kuusanka I 405
 kuuse- I 142, 189
 kuusi I 180, 187, 193,
 403, 424, II 112
 kuute- I 119, 181, 196
 kylki II 112
 kylmä I 111, 431
 kylvää II 114
 kylä I 422
 kynsi I 195
 kynte- I 127, 145, 164
 kynttilä II 118
 kyntää II 114
 kypsä I 431
 kysä II 114
 kytke- I 153, 423
 kytkyen, kytkyt I 423
 kyy I 404
 kyyne I 401
 kyyny I 405
 kyynär, kyynär-pää I 412
 kyynärä I 147
 käden I 412
 käly I 401
 kämeä I 408
 kämä I 408
 käpsä I 153
 käräjä(t) ycrap. II 115
 käsi I 193, 412
 käske- I 430
 käskeä I 170
 käte- I 115, 119, 137, 167

 laina II 119
 laine II 113
 laki II 114
 lakka I 422
 lammas II 118
 lanka II 114
 lanko II 115
 lattea I 152
 lauta II 117
 lehmä II 114
 leski II 115
 leuka II 117
 levätä II 113
 lie- I 417

lieme- I 188
 liemen I 423
 liemi I 147, 190, 423
 lienee I 188
 liesi II 114
 liippo I 189
 lintu I 132, 139, 416
 lohi II 116
 loukko I 140
 lounaan, lounas I 430
 luke- I 181, 407
 lukea I 161, 162
 lume- I 146, 187, 189
 lumen I 414
 lumi I 147, 162, 195, 208, 414; II 112
 lunastaa II 119
 luokka, luokki II 120
 luona I 196
 lusikka II 120
 luu I 161, 162, 187, 400
 luuta II 117
 lyden I 409
 lyhyt II 113
 lykkää- I 140, 420
 lysi I 409
 lyö- I 421
 lähde- I 111
 lähteä I 175
 läävä II 119
 löyly I 424
 löytä- I 418

 maa I 402, II 112
 maata II 113
 mahtaa I 170
 majava I 428
 maksa I 115, 167, 168, 193, 205, 400
 mansikka II 113
 marras I 155
 martaa I 155
 matala II 113
 me I 399
 meden I 422
 mehiläinen I 190, 416
 mela I 431
 men- I 147
 mene- I 131, 188, 193, 406
 mennä II 112
 merta II 118
 mesi I 167, 422
 mete- I 115, 204,
 mielen I 430
 mieli I 188, 190, 193, 430
 mikä I 399
 miniä I 147, 402
 minä I 146, 399
 morsian II 117

 muna I 162, 189, 195, 401
 muura I 403
 muurain I 403
 myy- I 405
 myyrä II 113
 myö, myöhä I 420
 myös I 420
 myöten I 420
 mä I 399
 mäivi I 411
 mänty II 113

 nahka II 112
 napa II 117
 nato I 401
 naula II 118
 nauraa II 113
 nauris II 114
 neiden I 401
 neiti I 155, 401
 neljä I 154, 190, 196, 423
 niele- I 180, 181, 188, 190, 405
 niemi II 113
 niime- I 189
 niinen I 427
 niini I 187, 427
 niinipuu I 427
 niitti II 120
 niittää II 114
 nime I 131
 nimi I 146, 170, 187, 401
 nisu II 114
 nois, Noisniemi I 404, 416
 noita I 155, 424
 nokko I 404
 nousta II 113
 noutaa- I 408
 nummi II 113
 nuo I 433
 nuole- I 131, 148, 187, 193, 406
 nuoli I 187, 409, II 112
 nuotta II 118
 nyden I 409
 nysi I 409
 näke- I 417
 nämä I 433
 nääntyä II 115
 näärvä I 155

 ohja, ohjas II 115
 ohra II 114
 oikea I 155
 oinas II 116
 oksenta- I 187
 ole- I 209, 417
 olka I 130, 412

 olki I 194
 ommella II 114
 ora I 194, 423
 orava I 149, 428
 orpo I 155, 413
 otava I 144, 408
 otsa I 187
 ove- I 147

 paistaa II 113
 paja II 114
 paju I 403
 pakahu- I 420
 pakana II 120
 pakkanen II 113
 pakku- I 420
 pala I 170, 406
 pala- I 413
 palele- I 413
 palkka II 115
 paksu II 113
 pankki II 114
 pappi II 120
 paras I 168, 431
 paremman, parempi, parhaan I 431
 paska I 411
 pata, pato I 422
 pehmeä II 113
 pelko I 167
 pelkää- I 405
 pelto II 118
 peltopyy I 404
 pelätä I 190, 207
 peni I 175, 188, 416
 perhe II 115
 perä I 127, 196, 420
 pesä I 120, 142, 163, 175, 180, 190, 194, 196, 197, 404
 petäjä I 190, 428; II 113
 pieli I 407
 pieltä- I 407
 pieni II 113
 piennar II 114
 piha I 127, 189, 433
 pihti I 433
 pii I 147, 170, 187
 piimä II 114
 piirakka II 121
 pilvi I 154, 189, 210
 pimeä I 150, 408
 pireä I 431
 pirta II 120
 pitkä II 113
 poltje, pohkee- I 154
 polhta- I 432
 polhti I 187
 pohti- I 432
 poika I 154, 209, 413

pojan I 413
 poltta- I 413
 polvi I 400
 ponnen I 432
 ponsi I 432
 ponteva I 432
 porsaan, porsas I 429
 puna I 162
 punka I 138
 puno- I 409
 punoa I 162
 puola I 187, 404
 pura- I 409
 pure- I 162, 181, 187,
 207, 418
 purku I 162
 puserta- I 144, 417
 putki I 154, 162
 puu I 186, 189, 403
 pyy I 404
 pähkinä I 428
 päistär II 119
 päätset II 115
 pätkiä I 170
 pätkä II 115
 pää I 147, 164, 400;
 II 112
 pääsky I 416
 pääsky(nen) I 154, 416

 raamattu II 120
 rae II 113
 raha II 119
 rahvas II 115
 raitis II 115
 ratas II 117
 ratsastaa II 115
 rauta II 118
 reisi II 117
 reki II 117
 repo I 133, 416, II 112
 riihen I 432
 riihi I 432
 riittää II 115
 rikas II 119
 rinnus II 115
 risti II 120
 rita I 170, 431
 ruis II 118
 ruoka II 114
 ryhtyä II 115
 rätti II 114
 räystä II 114

 saa- I 430
 saani II 120
 saapas II 120, 121
 saari II 113
 saarna I 155, 430
 saavutta- I 430

 saima I 421
 salava I 414
 sana II 113
 sappe- I 123, 140, 196
 sappi I 196, 411
 sarve- I 123, 143, 196
 sarven I 412
 sarvi I 155, 196, 412
 sata I 113, 123, 127,
 137, 196, 424
 sauna II 114
 se I 188, 189, 399
 seimen, seimi I 421
 seinä II 117
 seitsemä-, seitsemän,
 seitzen- I 433
 [sēne-] I 188
 sepä I 137, 412
 setä I 190, 195, 401
 seula II 118
 seuta II 115
 si- I 399
 siemen II 116
 siene- I 188
 siikanen I 428
 siili I 415
 siivatta II 119
 sika II 114
 silaa II 112
 silmä I 110, 123, 400,
 II 112
 silta I 113, II 117
 sinu-, sinä I 399
 sirppi II 119
 sisar, sisaren I 426
 sitoa I 169, 204
 sitta I 140
 soima I 421
 solmu I 125, 150
 sompa I 139
 sonsar I 415
 sonta I 189
 sotka I 154, 415
 souta- I 408
 sudame I 141
 suka I 160, 183, 429
 sukki I 162, 408
 suku II 115
 sula I 414
 sulaa I 162
 suntia II 120
 suo- I 429, II 113
 suola I 187, 429
 suolen, suoli I 412
 suomu I 417
 suone- I 122, 147
 suoni I 187, 400
 survo- I 422
 suu I 400
 suuri II 113

 suvi I 402
 sydäme-, sydämen I 401
 sydän I 401
 syksy I 142, 151, 414
 syle- I 122
 syli I 167, 401
 syljen, sylke-, sylki I 419
 synty- I 419
 syse-, syte- I 405
 sytty- I 427
 syylä I 400
 syö- I 418
 syödä I 163
 säie I 426
 säynäs, säynävä, säynä-
 än I 417
 sää I 413, 432
 sääksi I 151

 taarna I 428
 tahko II 114
 talkoo II 117
 talve- I 120, 196
 talven I 413
 talvi I 110, 154, 170,
 180, 196, 413
 tarna I 428
 tarvoin II 116
 te I 188, 189, 398
 tei- I 398
 teke- I 181, 418
 terä I 127, 169, 207
 tie I 427
 tina I 113, II 119
 toe II 116
 tottu- I 406
 touko I 413
 tule- I 189
 tuli I 162, 187, 403
 tunke- I 138, 419
 tunkea I 116, 120
 tunte- I 139, 405
 tuntea I 127
 tuo I 399, 433
 tuo- I 406
 tuohi II 117
 tuome- I 189
 tuomi I 123, 210, 404
 tupa II 118
 turku II 120
 turpa I 161, 411
 tutkaime-, tutkain I 154
 tuulen, tuuli I 427
 tymä I 123, 408
 tyven, tyvi I 414
 tähkä I 426
 täi I 415
 täky I 400
 tämä I 167, 399, 433
 täty I 400

tävy I 170, 400
 täyden, täysi I 421

udar I 160, 183
 ui- I 406
 uida I 161
 uksen, uksi I 422
 ulku I 162
 une- I 189
 uni I 162
 usta II 113
 utare- I 183
 uuden I 421
 uuhi I 186, 416
 uusi I 162, 186, 421
 uute- I 133, 141
 uut I 416
 uve(h) I 429

vaaja II 117
 vako II 116
 valkama I 419
 vapaa II 120
 vareksen I 404
 vares, variksen, varis
 I 404
 vaski I 405
 vehnä I 428
 veistä- I 422
 veitsen, veitsi I 422
 vere- I 131, 181
 veren I 412
 veri I 170, 412
 veräjä II 120
 vesi I 167, 193, 402
 vete- I 115, 133, 137, 169,
 204, 402
 vetä I 405
 vie- I 418
 vihreä I 210
 vii, viiden I 424
 viime, viimein, viimei-
 nen I 420
 viisi I 187, 424
 viite- I 131, 167, 189, 196
 villa II 116
 voi I 130, 131, 143, 422
 vuoden I 413
 vuoli I 409
 vuona II 116
 vuosi I 187, 413
 vyö I 409
 värttinä II 120
 vävy I 401

ydin I 412
 yhden I 423
 yksi I 130, 423

yli, yllä I 407
 ylä I 164

ytime-, ytimen I 412
 yö I 130, 143, 414
 äes II 116
 äijä I 426
 äimä I 155, 408

Карельский язык

adra II 118
 agana II 118
 ahjo II 118
 ahtua II 112
 aida II 114
 aiza II 117
 anza II 116
 ast'ia, ast'ie II 114
 aštuo II 113
 avo II 113
 azrain II 119

čirppi II 119

elä- II 112
 emändä II 115

garbalo II 113

habraš II 113
 halla II 117
 hammaš II 117
 haγgo II 114
 haugi II 112
 hebone II 114
 heinä II 116
 herneh II 116
 hirvi II 116
 hūhta II 114
 hukka II 115
 hūl'i II 112
 humala II 118
 humar I 146
 huoneh II 114
 härgä II 116

ikkuna II 120
 ilo II 113
 itkie II 113
 izändä II 115

jalga II 112
 jallaš II 114
 jogi II 112
 juo- II 112
 juošša II 113
 jänis II 112

kagla II 117
 kagra II 118
 kala II 112
 kana II 118

kannus II 114
 kargie II 113
 kapt'se I 153
 karva II 117
 kašše II 113
 kattila II 118
 kauppa II 119
 kaušta II 114
 kerγä II 114
 keräjä II 115
 kihla II 119
 kirveš II 117
 kivi II 112
 kivistä- II 113
 koda II 112
 kod'i II 112
 korja II 114
 korva II 112
 kova II 113
 kovazin II 114
 kozičce- II 115
 kulda II 118
 küle- II 112
 kuñiγgaš II 119
 kuomino II 119
 kuošali, kuoželi II 120
 küzi II 112
 käps I 153
 käptsü I 153
 käpt's' I 153
 külgi II 112
 külü II 115
 külvä- II 114
 kündä- II 114
 kürzü II 114

lagi II 114
 laihina II 119
 laineh II 113
 lammaš II 118
 laγga II 114
 lauda II 117
 lebäüdüo II 113
 lehmä II 114
 leški II 115
 leävä II 119
 lohi II 116
 loukko I 140
 lüda II 117
 lumi II 112
 lunašta- II 119
 lužikka II 120
 lühüt II 113
 l'euga II 117

madala II 113
 mañžikka II 113
 merda II 118
 moata II 113
 moršien II 117

mua II 112
mušta II 113
määndü II 113
mäne- II 112
mügrä II 113

nagris II 114
nagrua II 113
nahka II 112
niegla II 118
niemi II 113
noušša II 113
nuol'i II 112
nuotta II 118
nába II 117
nútti II 120
núzu II 114

ohjaš II 115
oinaš II 116
ommella II 114
ozra II 114

pagana II 120
paistua II 113
paja II 114
pakkaue II 113
pakšu II 113
palkka II 115
pappi II 120
pehmic II 113
peldo II 118
perch II 115
peä II 112
pieni II 113
piennar II 114
pirda II 120
pitkä II 113
piä II 112
päičet II 115
päiššär II 119
pövü II 115

račastua II 115
raha II 119
rahvaš II 115
rataš II 117
rauda II 118
regi II 117
repo II 112
rikaš II 119
rinnuš II 115
rist'i II 120
ruah I 113
ruiš II 118
ruoga II 114
rūššäs II 114
feizi II 117

šana II 113
sauna II 114

šeinä II 117
šieglä II 118
šiemen II 116
šiga II 114
šilda II 117
šilmä II 112
šuari II 113
šugu II 115
šulua II 112
šuo II 113
šuurita II 115
šūri II 113

tahko II 114
talkohuš II 117
tarboin II 116
tuohi II 117

vago II 116
veräjä II 120
villa II 116
voagie II 117
vuonna II 116
värt't'inä II 120

živatta II 119

ärgerjäine II 116

Вепский язык

adr II 118
agan II 118
ahj II 118
aid II 114
aižaz II 117
astta II 113
ašči II 114
avgin II 113
azrag II 119

b'ird II 120

čapta II 116

d'ögi II 112

el'ädä II 112
eži II 114

garbol II 113
gomin II 119

haĭ II 117
hambaz II 117
haᅇg II 114
haug II 112
heboŋe II 114
hin II 116
hol' II 113

hul' II 112
humal II 118
härŋ II 116
h'ein II 116
h'erneh II 116

ik(k)un II 120
ilo II 113
ižand II 115

jaug II 112
jaugaz II 114
joda II 112
jogi II 112
josta II 113
jähiž II 113

kagl II 117
kagr II 118
kala II 112
kana II 118
kaᅇged II 113
karv II 117
kašte II 113
kattil II 118
katuz II 114
kaustaz II 114
kego I 174
kend II 115
keᅇg II 114
keradiž II 115
kibištada II 113
kivi II 112
kod'i II 112
kombištuda II 116
kombü II 116
kord' II 114
korj II 114
korm II 115
korv II 112
kova II 113
kožita II 115
kožal' II 120
kuld II 118
külđa II 112
kuᅇngaz II 119
kuž II 112
kül'g II 112
künttä II 114
kürz II 114
k'ihl II 119
k'irvéz II 117

laji II 114
laineh II 113
lambaz II 118
laᅇg II 114
laud II 117
lešk II 115
leug II 117

lohi II 116
lud II 117
lumi II 112
lužik II 120
läu II 119
lävä II 119
lühüd II 113
l'ebaitazg II 113
l'ehm II 114
l'ez II 114

ma II 112
madal II 113
magata II 113
mañzikaihe II 113
merd II 118
muřžain II 117
must II 113
mändä II 112

naba II 117
nagrda II 113
nagriž II 114
nahk II 112
nit't'a II 114
not II 118
nousta II 113
négl II 118
nem II 113
nit' II 120
nižu II 114

ohjaz II 115
oinas II 116
ombelda II 114
ozr II 114

pagan II 120
paja II 114
pakaihe II 113
paks II 113
paṅg II 114
pap II 120
pašta II 113
peñ II 113
peřeh II 115
pit'k II 113
pouk II 115
pästär II 119
pöund II 118
pehued II 113

raba I 174
ragiž II 113
raha II 119
rahvaz II 115
ratshil II 115
raud II 119
reboi^c II 112
regi II 117

rinduz II 115
rugiz II 118
räüstaz II 114
feize II 117
fist II 120

sana II 113
sapug II 120
sar II 113
seiñ II 117
seme II 116
siga II 114
silm II 112
so II 113
sulada II 112
suř II 113
šegl II 118
širp II 119
šüud II 117

tahk II 114
tarbō II 116
toñi II 117
täuguh II 117
t'in II 119

vago II 116
varastada II 116
vil II 116
vodn(az) II 116
väft'in II 120
vérei II 120

živat II 119

äges II 117

übuz II 116

Ижорекний язык

adra II 118
ahtaG II 112
aiDa II 114
akkäna II 118
astia II 114

elläG II 112
emänDä II 115
euks II 116

halla II 117
hammaZ II 117
haṅGo II 114
hauGi II 112
heinä II 116
heppoin II 114
herneh II 116
hervi II 116
hōneh II 114

hunnmäla II 118
härGä II 116

ikkuna II 120
itkeäG II 113
iZänDä II 115

jalaZ II 114
jalGa II 112
joaG II 112
joGi II 112
jössäG II 113
jäniZ II 113

kagla II 117
kagra II 118
kala II 112
kana II 118
kanZ II 116
karpalo II 113
karva II 117
kasseG II 113
kattila II 118
kausta II 114
keṅGä II 114
kerveZ II 117
kiyi II 112
kivistaG II 113
koDi II 112
kōmina II 119
kōnttala II 120
kōrma II 115
korva II 112
kova II 113
kovvaiZin II 114
koZi- II 115
kulDa II 118
kullaG II 112
kuniGaZ II 119
kūZi II 112
külvä- II 114
küntteli II 118
künttäG II 114

laGi II 114
laṅGa II 114
lauDa II 117
lehmä II 114
leski II 115
leuGa II 117
levädäG II 113
lohi II 116
lovissaG II 116
lūDa II 117
lumi II 112
luzikka II 120
lädäG II 116
lävä II 119
lühökkäin II 113

mā II 112
māDaG II 113
mattala II 113
morZian II 117
männäG II 112
mügrä II 113

nagräG II 113
nagriZ II 114
nahka II 112
näglä II 118
nikki II 116
nittäG II 114
nötta II 118
noussaG II 113

ommellaG II 114
ozra II 114

paistaG II 113
paja II 114
pakkain(e) II 113
paksu II 113
palkka II 115
pappi II 120
pehmeä II 113
pelDo II 118
pēn(i) II 113
perDa II 120
perh II 115
pitkä II 113
päissär II 119
pää II 112

raeh II 113
raha II 119
rahi II 116
rauDa II 119
reBoi II 112
reGi II 117
riGaZ II 119
rinnuZ II 115
risti II 120
rōGa II 114
ruiZ II 118
rätti II 114

sāBaZ II 120
sana II 113
säri II 113
sauna II 114
sēglä II 118
seinä II 117
sēmen II 116
serppi II 119
siGa II 114
silmä II 112
sivatta II 119
sō II 113
suGu II 115

sullāG II 112
sūr(i) II 113

tahko II 114
tiuGaDaG II 116
toeh II 116
tōhi II 117
tuBa II 118

uhlu II 116

vaGo II 116
vākkea II 117
verräjä II 120
villa II 116
vōna II 116

Водский язык

abraZ II 113
adra II 118
ahjo II 118
ahtä II 112
aisa II 117
akana II 118
akanuZ II 116
akkuna II 120
alla II 117
ammaZ II 117
aḡḡeria(s) II 116
aḡko II 114
āsa II 116
assia II 114
astraga II 119
auči II 112
avein II 113

čenčä II 114
čirveZ II 117
čivi II 112
čiiłči II 112
čülvä II 114
čünteliä II 118
čüntä II 114

einä II 116
elä II 112
erne II 116
ehja II 115
emmella II 114
epēn II 114
eraZ II 114
ezra II 114

ilo II 113
irvi II 116
itkeä II 113

jalgaZ II 114
jalka II 112

ječi II 112
johsa II 113
juvva II 112
jäneZ II 113

kagla II 117
kagra II 118
kala II 112
kana II 118
kannuZ II 114
karva II 117
kašē II 113
kattila II 118
kaukalo II 114
kaussa II 114
keḡva II 112
keḡta II 112
keḡva II 113
kōmina II 119
kōrma II 115
kōntala II 120
kulla II 112
kulta II 118
kunikaZ II 119
küsi II 112

lači II 114
lainē II 113
lammaZ II 118
laḡko II 115
lauta II 117
lēhči II 115
lehmä II 114
lēsi II 114
levätä II 113
lēhi II 116
leḡka II 114
leuka II 117
lōkka II 120
lumi II 112
lunassä II 119
lūta II 117
luzikka II 120
lühüD II 113

mā II 112
magata II 113
matala II 113
mäzikaZ II 113
mennä II 112
meḡta II 118
mussa II 113
mäntü II 113
mügrä II 113

nagräG II 113
nagriZ II 114
nahka II 112
napa II 117
nēmi II 113

ņeisa II 113
ņemmi II 113
nigla II 118
nisu II 114
nitti II 120
nittä II 114
nõtta II 118

õli II 113
õņe II 114
open II 114

paissä II 113
paja II 114
pakana II 120
pakkain(e) II 113
paksu II 113
palkka II 115
paṛki II 114
pappi II 120
pehmiä II 113
pēn(i) II 113
pēntära II 114
pelto II 118
piččä II 113
pimä II 114
pirta II 120
päicceD II 115
päsär II 119
pää II 112

rage II 113
raha II 119
rahvaZ II 115
rataZ II 117
rattsa II 115
rauta II 118
reči II 117
reisi II 117
repo II 112
rikaZ II 119
rinnuZ II 115
rissi II 120
rohipü II 116
rōka II 114
räsāZ II 114
rätti II 114
rüiZ II 118

sāni II 120
sāppaga II 120
sāri II 113
sauna II 114
seinā II 117
sēmē II 116
seņa II 113
sigla II 118
sika II 114
silmä II 112
sō II 113

suku II 115
sulā II 112
sūr(i) II 113

tahko II 114
talko II 117
tarpoa II 116
tege II 116
tina II 119
toho II 117
tupa II 118
turku II 120

ūli II 112
umala II 118

vad'ja II 117
vako II 116
valo II 116
vedna II 116
villa II 116
väittä II 116
värjä II 120
värttänä II 120

živatta II 119

äeZ II 117
ärčä II 116

Эстонский язык

aas II 116
ader II 118
aed II 114
agan II 118
ahi II 118
ahing II 116
ahke диал. I 409
ahta II 112
ais II 117
aken II 120
ala I 407
ale диал. II 118
allikas диал. II 116
amb, ammu I 432
anda- I 418
angerjas II 116
anum диал. II 116
astja II 114
astuda II 113
atta II 112
ava- I 418; II 113

ees I 421
ehti- I 430
ela- I 405
elada II 112
ema I 402
emand II 115

end, enda I 411
esi I 421; II 114
et I 399

habras II 113
hall II 117
hammas II 117
hang II 114
haug II 112
hein II 116
hernes II 116
hiir, hiire I 416
hirv II 116
hobune II 114
hoi I 433
hool II 113
hoone II 114
huba, hubane I 421
hui I 433
humal II 118
huul II 112
hähn I 428
härg II 116
härm(atis) II 117

iga I 413
ige, igeme I 411
ike II 120
ilm, ilma I 414
ilu II 113
ime- I 407
isa I 402
isand II 115
itkeda II 113

jaksa- I 430
jalas II 114
jalg I 412; II 112
joo- I 419
joosta II 113
juua II 112
jõgi I 403; II 112
jänes II 113
jää I 413

kael II 117
kaenal, kaenla I 400
kaer II 118
kahe I 423
kaks I 423
kala I 404; II 112
kale I 409
kana II 118
kange II 113
kannus II 114
karbalas II 113
karv II 117
kaste II 113
kasukas II 120
katel II 118

- katsu- I 430
 katus II 114
 kaup II 119
 kaust II 114
 kee- I 408
 keel, keele- I 181
 kelle I 398
 kere I 415
 kerja- I 419
 kes I 398
 kesv диал. II 116
 kihlata II 119
 king II 114
 kirves II 117
 kive, kivi I 417; II 112
 ko- I 398
 koda I 423; II 112
 kodakond I 413
 koer I 401
 koi, koit I 402
 koivalge I 402
 koll, kolli I 424
 kolm, kolme I 423
 kond I 413
 koole- I 407
 koonal; II 120
 koorem II 115
 kori II 114
 kose I 403; 427
 kosida II 115
 kosk I 403, 427
 kotka, kotkas I 429
 kōzel, kōžel диал. II 120
 ku- I 398
 kudu- I 433
 kuklane I 162, 429
 kuld II 118
 kulge- I 406
 kuningas II 119
 kus I 398
 kuse-, kusi I 400
 kusikas I 416
 kusiline I 416
 kustu- I 152, 408
 kuu I 403
 kuue I 424
 kuulda II 112
 kuule- I 407
 kuurask I 408
 kuus I 403, 424
 kuusk I 403; II 112
 kōba I 137, 403
 kōri I 426
 kōrv II 112
 kōva II 113
 kōvasi II 114
 kāe I 412
 kähr диал. II 116
 kāli I 401
 kāps диал. I 153
- kārād уcrap. II 115
 kāsi I 412
 kāski- I 430
 külg II 112
 külm, külma I 431
 külvata II 114
 kända II 114
 küps, kypse I 431
 kürss II 114
 kütke I 423
 küü I 404
 küünal II 118
 küünar, küünar-pea I 412
 küü-uss I 404
- laen II 119
 lagi II 114
 laine II 113
 laka, lakk I 422
 lammas II 118
 lang II 115
 laud II 117
 lebada II 113
 lee II 114
 lee- I 417
 leem, leeme I 423
 lehm II 114
 leida- I 418
 leil, leile, leili I 424
 lesk II 115
 lind I 416
 linnu I 416
 loht I 145
 look II 120
 luge- I 407
 lumi II 112
 lunastada II 119
 lusikas II 120
 luu I 400
 luud II 117
 lõhe II 116
 lõng II 114
 lõug II 117
 lõuna I 430
 lõö- I 421
 lühike II 113
 lükka- I 420
 lüsi I 409
- ma I 399
 maa I 402; II 112
 maasikas II 113
 madal II 113
 magada II 113
 maks I 400
 man диал. II 116
 me I 399
 mee I 422
 meel, meele I 430
 mehiläne, mehine I 416
- meie I 399
 mesi I 422
 mi I 399
 mina I 399
 mine- I 406
 minia I 402
 minna II 112
 mis I 399
 muna I 401
 murak(as) I 403
 must II 113
 mõla I 431
 mõrd II 118
 mõrsja II 117
 mõsk- I 406
 mõske- I 153
 mõskma диал. II 116
 mälvi I 411
 mänd II 113
 mõöda I 420
 müger, mügri диал. II 113
 müü- I 405
- naba II 117
 nadu I 401
 naerda II 113
 naeris II 114
 na'ggär II 114
 nahk II 112
 neela- I 181, 405
 neem II 113
 neid I 401
 neli, nelja I 423
 niin, niine I 427
 niit II 120
 niita II 114
 nimi I 401
 nisu II 114
 nool I 409; II 112
 nooli- I 406
 noot II 118
 nouan, nouda- I 408
 nugis I 404, 416
 nulg I 404
 nõel II 118
 nõia, nõid I 424
 nõmm II 113
 näge- I 417
- ohi II 115
 oinas II 116
 ole- I 417
 ora I 423
 orav, orava I 428
- pada I 422
 pagan II 120
 paista II 113
 paja II 114
 paju I 403

- pakane II 113
 pakata- I 420
 paks II 113
 pala I 406
 pala- I 413
 palk II 115
 pang II 114
 papp II 120
 parem, parema I 431
 parim, parima I 431
 pasa, pask I 411
 pea I 400; II 112
 pedaja, pedajas I 428
 peen II 113
 peenar II 114
 pehme II 113
 pelja- I 405
 peni I 416
 pesa I 404
 piha, pihe I 433
 pihi, pihid, piht I 433
 pihte I 433
 piim II 114
 piird II 120
 pikk II 113
 pime I 408
 pirakas I 431
 poeg I 413
 pohl I 404
 poja I 413
 poo- I 418
 poolakas, poolas I 404
 porsa, porsas I 429
 puhita- I 432
 pung, pung-silm I 127
 punu- I 409
 pura I 409
 pure- I 418
 puserda- I 417
 puu I 403
 põld II 118
 põle- I 413
 põlv диал. I 400, II 116
 pähkel, pähkli I 428
 päitsed II 115
 pära I 420
 pää диал. II 112
 pääsu, pääsuke(ne) I 416
 püü I 404

 raamat II 120
 raha II 119
 rahe II 113
 rahvas II 115
 ratas II 117
 ratsa II 115
 ratsutada II 115
 raud II 119
 rebane I 416
 regi II 117

 rehe, rehi I 432
 reis II 117
 riie диал. II 116
 rikas II 119
 rinnus II 115
 rist II 120
 roog II 114
 roots III 217
 rukis II 118
 rätt II 114
 räästas II 114

 saa- I 430
 saabas II 120
 saan II 120
 saar II 113
 sada I 424
 sahk II 119
 sapp I 411
 sarnane I 430
 sarv, sarve I 412
 saun II 114
 see I 399
 seeme II 116
 sein II 117
 seitse, seitsme I 433
 siga II 114
 siil, siili I 415
 sild II 117
 silm I 400, II 112
 sina I 399
 sirp II 119
 siug диал. II 116
 sitik, sitikas I 415
 soa I 429
 soo II 113
 sool, soola I 429
 soole I 412
 soomus I 417
 soon I 400
 suga I 429
 sugu II 115
 sula- I 414
 sulada II 112
 sundida II 120
 suru- I 422
 suu I 400
 suur II 113
 sõel II 118
 sõim, sõime I 421
 sõna II 113
 sõuda- I 408
 sõva, sõvi- I 429
 säina, säinam, säinama,
 säinas I 417
 sõõ- I 418
 süda I 401
 sügis I 414
 süld I 401
 sülg I 419

 sülga-, sülita- I 419
 sülje I 419
 sündi- I 419
 sütti- I 427

 tahk II 114
 talb I 432
 talgu(d) II 117
 talv I 413
 talva I 432
 talve I 413
 tarbu диал. II 116
 tarn, tarna I 428
 te I 398
 tee I 427
 tege- I 181, 418
 tema, temä I 399
 tina II 119
 toht II 117
 too I 399, 406
 tuba II 118
 tuli I 403
 tund- I 405
 tungi- I 419
 turg II 120
 tuul, tuule I 427
 tõke II 116
 tõkes, tõkk, tõtkes I 153,
 404
 tõug I 413
 tõusta II 113
 täha, tähk I 426
 täi I 415
 täie, täis I 421
 tävä, täü I 400
 tüma I 408
 tüve, tüvi I 414

 ubin диал. II 116
 uht диал. II 114
 ui I 433
 uju- I 406
 uks, ukse I 422
 und II 119
 uue, uus I 421

 vaba II 120
 vagel диал. II 116
 vagu II 116
 vai II 117
 vais I 415
 valgma I 419
 valgu- I 419
 vares I 404
 vart I 169
 vask I 405
 veda- I 405
 vedis I 169, 416, 425
 veis I 416
 veits, veitse I 422
 vend диал. II 116

vere, vere-, veri I 181, 412
vesi I 402
vesta- I 422
vii- I 418
viie I 424
viimaks, viimane I 420
viime I 420
viis I 424
viisa-, viisu- I 144, 417
vill II 116
voi I 422
voon II 116
värräi дилл. II 120
värten II 120
vöö I 409

wäi I 401

õde дилл. II 116
õhv, õhva I 428
õis, õispuu I 427
õla, õlg I 412
õmmelda II 114

ähn I 428
äi I 426
äke II 117

öö I 414

üdi I 412
ühe, üks I 423
üla-, ülal I 407

Ливский язык

a'bbârZ II 113
agân II 118
aiG II 112
aim II 117
aina II 116
âmbaz II 117
aŕG II 114
aŕgârZ II 116
aštâ II 113

e'bbi II 114

gārban II 113

ïernaZ II 116
i'GZ II 120
ira II 116
irva II 116
izânD II 115

jälga II 112
je'Iiê II 112
jemânD II 115
jo'G II 112
jõlêks II 114
jüodê II 112

jüokšê II 113
jänds II 113

ka'ggârZ II 118
ka'gl II 117

kala II 112
kâla II 116
kal'ê II 116

kana II 118
kândâks II 114

kaŕktê II 113
kaštùG II 113

kaŕ'l'â II 118
kaŕtùks II 114

kâ'sk II 120
kevä II 113

kevistêm II 114
ki'bžêB II 113

ki'l II 119
ki]G II 112

killâ II 114
kiñdê II 114

kiñdâl II 118
kîraZ II 117

ki'uv II 112
kõp II 119

kõra II 117
kõsta II 114

koùgâl II 114
kûlda II 118

kûlê II 112
k'uo'êêê II 115

k'ødâ II 112
kùsra II 112

küzê(Z) II 112
kânga II 114

la'ggêZ II 114
lainê II 119

lain(êZ) II 113
lâŕga II 114

lešt' II 115
lõda II 117

lûD II 117
lu'm II 112

madâl II 113
ma'ggê II 113

mêrda II 118
mi'grikki II 113

mõ II 112
mõškêZ II 113

muštâ II 113
mânD II 113

nabâ II 117
na'grê II 113

ni'emê II 114
niŕtteê II 114

ni'zzêZ II 114
nõ'gê II 112

nùol' II 112
num II 113
nüzê II 113

õ'i II 118
oin II 116

õla II 117
õz(êZ) II 116

pagânêZ II 120
paistê II 113

pälkka II 115
pi'emdê II 113

pien II 113
piendrêks II 114

piŕkâ II 113
pää II 112

pägin II 116
pâp II 120

ra'gdê II 113
rântêZ II 120

raŕtêD II 117
re'bbi II 112

re'ggêZ II 117
ri'ggêZ II 118

rikkâZ II 119
rišt II 120

rõ II 119
rõda II 119

ro'už II 115
ruja II 116

râstêZ II 114

sâina II 117
salandê II 116

sâpkêZ II 120
se'ggâl II 118

sêmd'a II 116
senâ II 113

siemgêZ II 116
sigâ II 114

silda II 117
silma II 112

sõna II 114
su'G II 115

su'liê II 112
sû II 113

sür II 113

ta'lk II 117
tinâ II 119

tõ'gêZ II 114
to'ugêD II 116

tubâ II 118
tu'oigêZ II 117

ül' II 112

umâl II 118
umar II 116

uṁblâ II 114
ũnda II 119
u'odl'âZ II 115
ũol' II 113
ũõni II 116

vabad II 120
va'G II 116
vaigà II 117
vęntsã I 145
vĩla II 116

voręks II 114
vã'rãD II 120
ã'ggãZ II 117
ãrgã II 116
ãrma II 117

СААМСКИЙ ЯЗЫК

ab'bo- I 432
accãgãs I 421
aemest I 402
ag'gja I 426
ai'bme I 155, 408
aime- I 155
aps I 408
ãðãam I 141
ãðã I 412
ãl'bme I 150, 414
ãllen I 407
ãsse I 142
ãs'tã- I 430
ãvve I 409
æle- I 193
ælle- I 405
æm- I 402
baggoi I 404
bagre I 400
batte I 422
bãdne- I 409
bãllã I 167
bãllã- I 405
bãl'va I 154
bãrrãd I 431
bãsse- I 142
bãs'tã I 433
bãvsã I 400
bãlle I 407
bãel'lje I 412
bãnã I 416
bãrãrhg I 413
bãesse I 197
boares I 431
boar'te I 432
boas'ke I 154
boaso I 404
borrã I 181
bos'kã I 154
bõdne- I 409
bõrrã- I 418
bõrre I 409
bõlle I 164
bõellje I 154
bõesse I 163, 404
bõesse I 120
bug'ge I 138
buoddo I 422
buola I 406
buolãs I 413

buolle- I 413
buolva I 400
buorre I 431
buv'vu- I 418
cazel I 124
cohpes II 245
cojv II 245
cu'h'k' II 245
cel'k'e II 245
caçke II 245
çai'hne I 428
çãðã I 401
çãððã I 405
çãk'çã I 414
çãl'bme I 400
çæcce I 401
çæppe I 412
çiek'çã I 151
çieçã I 433
çiw'hle I 400
çoad'ge I 154, 415
çoalle I 412
çoar've I 155, 196, 412
çõõõõ I 417
çol'gã- I 419
çõddã I 400
çõebët I 137
çõeve I 137
çuobmã I 417
çuol'bmã I 125, 150
çuomãs I 417
çuor'gãd I 127
çuotte I 424
ç'akç'a I 142, 151,
ç'alme I 123
ç'oarve I 143
ç'orvõ I 123
ç'uõhtõ I 123
da- I 399
dabme I 408
dadve I 401
dal've I 110, 154, 196, 413
dat I 399
daw'de I 401
dãhkã- I 181
dãkkã- I 418
dãme- I 123
di I 398
dik'ke I 415
dol'ge I 154

dollã I 403
dow'dã- I 405
dõl'ge I 400
dõn I 399
dũ I 399
duo- I 399
duobmã I 210, 404
duog'gã- I 432
duomã I 123
duot I 399
dupkum I 154
gadfe I 416
galle- I 419
galojædne I 401
gas'ke- I 429
gãi'gner I 412
gãi'grer I 147
gãl'bma I 431
gãl'gã- I 418
gãnjãl I 401
gãn'gã I 145
gãr'dnjel I 412
gãrrã I 149, 415
dæ- I 398
gæççã- I 430
gĩ I 398
gied'de I 427
giehtã I 137
giellã I 181, 401
Giõtã I 167
giessãt I 144
giettã I 412
gq- I 398
goa- I 398
goas'kem I 429
goatte I 423
gocco- I 431
godde- I 433
goddet I 161
goikes I 153
gol'bmã I 209, 423
goldã I 154
gol'gã- I 154
gop'se- I 152, 408
goš'ke I 153
gossã- I 429
gow'dãg I 421
-gõd'de I 413
gõl'gã- I 406
gõst I 398

gu- I 398
 guš'š'a, guš'š'a- I 400
 guhttä I 181
 gujiidi- I 403
 gul'bme I 150
 gullä- I 181, 407
 guoðe- I 141
 guod'de- I 138
 guoi'ká I 427
 guok'të I 423
 guolle I 404
 guora I 404
 guor'gâ I 155
 guos'ká- I 430
 Guòssâ I 142
 guossâ I 403
 guovsak I 405
 gut'tâ I 424
 gutti I 398

 id'ja I 143
 iggjâ I 414
 ija I 143
 juolk I 129

 jâkke I 413
 jârre I 427
 jemñ II 245
 jetti- I 409
 jiečče I 402
 jiegrâ I 413
 jieŋŋ I 129
 jòrâ I 136
 jòokâ I 129, 136
 jòkkâ I 208
 jòkkâ I 403
 juŋâm I 137
 jukkâ- I 419
 juokke- I 406
 juoksa I 408
 juol'ge I 412
 juokâ, juokâ- I 130, 137
 juokso- I 430

 kã,ññel I 400
 ka^opt^E I 416
 karras I 426
 kätjuk I 415
 keč'k II 245
 kiehta I 119, 137
 kieta I 137
 kihte- I 408
 kiemte I 139
 kijj I 402
 koamtalas I 139
 kolmo I 120
 kopša- I 431
 korr I 408
 kuh'k' II 245

k'ed'k II 245
 k'imñ II 245

 lačče- I 429
 lappad I 414
 lap'se I 152
 læ, læ- I 417
 liebmâ I 423
 liehppa I 418
 lieu'lâ I 424
 liññ I 421
 loaš'š'a I 421
 lobma, lobme I 414
 lod'de I 416
 lohka I 181
 lonte I 132, 139
 low'že I 153
 ločkkâ- I 407
 ľamma- I 414
 ľaŋñ II 245

 maggjeg I 428
 manna- I 131
 mánnje I 147
 mâ- I 399
 mânâ- I 193
 mánñâ- I 406
 mánñat I 147
 mánne I 401
 mánnje I 402
 mâŋŋe I 420
 mælle I 431
 mñ I 399
 miel'gâ I 411
 miellâ I 430
 miikka- I 405
 mqlfâ I 419
 mqn I 399
 mun I 399
 mñ I 399
 muokse I 151
 muok'se I 193
 muokse I 167
 müökö^χsië I 400

 namma I 131
 nâddâ I 409
 nâmmâ I 401
 niegâdi- I 417
 nieida I 401
 njal'bme I 412
 njar'me I 155
 njæl'lje I 423
 njiellâ I 181
 njiellâ- I 405
 njiŋŋalâs I 401
 njiwnjâ I 405
 njoallo- I 406
 njoammel I 404
 njæl'lje I 154

njuk'ča I 416
 njuk'câ I 151
 njuollâ I 193, 409
 noai'de I 155, 424
 nôte I 401
 nál'ges II 245
 nãrg II 245
 nïpt's'as I 152
 nõell I 148
 nõull I 131

 oa ð ðet I 141
 oacce I 408
 oadde- I 419
 oazes I 408
 oal'ge I 130, 412
 oalol I 412
 oarbes I 155, 413
 oarre I 149, 423
 oar're I 428
 oððâ I 141
 odâs I 421
 oddâ I 133, 421
 ok'tâ I 423
 œlle- I 163

 palw I 210
 piece I 428
 piessë I 142
 polva I 210
 puajâ I 403
 puottsö I 418
 piŋk II 245

 ratte I 431
 riebân, rievân I 416

 salla I 122
 säöpñ I 140
 säoppi I 123, 140
 sap'pe I 196, 411
 sägrâ I 402
 sällâ I 167, 401
 sieggjâ I 408
 sivn I 417
 sijt' II 245
 sjotsjo I 417
 soabbe I 139
 soaggja I 409
 sošo I 144
 sñ, sñ I 411
 suëvvel' II 245
 suhka- I 408
 suodnâ I 400
 suodnâ I, 122, 147
 suodnjâ- I 405
 suoj, suoja I 433
 suoska- I 406
 suos'ká I 153
 šejd II 245

šil'le II 245
šõŕŕä I 123

talbē I 120
tivd I 421
tomte- I 139
totko I 409
tuokke- I 406

uk'sä I 422

vaðok I 416
važ'zet I 169

važ-lointe I 415
vāžos I 415
vaižek I 404
val'te II 245
varra I 131
vârrâ I 181, 412
væi'ke I 405
vež II 245
vihta I 131
viota I 167
vit'tâ I 424
vivvâ I 401
vikkî- I 418

vouppa I 140
vuntas II 245
vuob'de I 139
vuoggjâ I 422
vuõgŕäsâ I 147
vuol'ge- I 419
vuolle I 148, 407
vuop'pâ I 413
vuow'de I 414
vuow'de- I 418
vuõd'd'a I 131
vuõd'ja I 143

МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ

Эрзянский язык

авакш II 339
авардемс II 339
авне II 340
авсима I 418
аель II 342
ажия II 340
азгун II 339
азё, азёдо II 339
азоро II 340
айгемс II 338
айгор II 342
аксуш II 339
ал II 339
ал- I 407
алаша II 342
ало I 407, II 339
алтамс II 339
алья II 339
ангордамс II 339
андо- I 418
анксема I 418
аня I 205
арась II 339
арсемс II 340
ашко II 339
аштемс II 339
бальзя II 340
баяга II 339
бойар II 343
буё I 413
вадря II 339
ваз II 340
валго- I 419
валдо II 338
валомс II 338
варака, варсей I 404
ваямс II 338
ве I 143, 414

ведерекш I 416
ведь I 133, 137, 168,
402, II 338
ведя- I 405
вейке I 130, 423, II 339
веле II 338
велькс I 407
венемема II 338
верь I 131, 412, II 338
верьгиз II 340
весе II 339
вете I 131, 140, 424,
II 339
ветя- I 405
вечкемс II 339
вне- I 418
виемс II 338
вирез II 340
вискья I 405
вити- I 405
виш I 428
вя I 414
вядь I 402
вьяйхья I 423
вярь I 412
вятя I 424

габала II 339
гайгемс II 338
гуй I 404

дуга II 342

Ёв I 403
ёнгкс, ёнгс I 408

не I 413
изамо II 339
илев, илей I 427
иньзей I 415

кавто I 168, 423,
II 339

кадо- I 141
кал I 404, II 338
калада II 339
кандо- I 138
кандомс II 338
кансть II 341
каподемс II 338
карго I 155, II 338
кардаз II 340
кардо II 340
карциган II 342
каршо II 342
кашомс II 338
кафто I 423
качамо I 154
кев I 143, 170, 417,
II 338
кевкстемс II 338
кедь I 119, 412, II 338
кеж II 339
келе- I 419
кель I 401, II 338
кельге- I 418
кельме I 431, II 338
кеме I 408
кендял II 341
кенера I 147, 412
кеньер I 412
кенже I 145, II 338
кенеде- I 430
керь I 415
керь- I 432
ки I 398
кие I 398, II 339
киял, кияло, I 401
ко- I 399
ков I 403, II 338
кода- I 433
козо- I 429
колмо I 120, 423
кольге- I 406
кольгемс I 154

- кона I 399
 конг I 403
 конёв II 339
 копя- I 147, 405
 корч II 339
 косо I 399
 коське I 153
 [косяк] II 343
 коткодав I 429
 кото I 424
 кочкомс II 338
 ку- I 399
 куво I 137, 403
 кудо I 423
 кужо II 339
 куз I 142, 403, II 338
 кузе- I 145
 куй I 404, II 338
 куле- I 407
 кулемс II 338
 куло- I 407
 кулов, кулонг I 414
 куломс II 338
 куманжа II 338
 кумболдо- I 402
 кундо I 139
 кунст, [кунтст] I 421
 курго I 420
 курка II 342
 куцкан I 429, куцъкан
 II 338
 куцьгямс II 338
 кучемс II 338
 куя I 412
 кшна II 340, 341
 кшни I 417, II 340
 кшта I 431
 кшумань II 341
 кырда II 341
 кяв I 417
 кярь I 415
- лайшемс II 339
 ламо II 339
 левкс I 417
 лекш I 152
 лем I 168, 401, 423
 лембе II 338
 леме I 426
 лёза II 340
 лём I 123, 404
 лисьма II 339
 лов I 146, 147, 208,
 414, II 338
 ловажа I 400, II 339
 лово- I 407
 локсей I 151, 416
 локсьтим I 416
 локшо II 339
 лонг I 414
- люкша I 427
 лям I 401
 ляфкс I 417
- мадемс II 338
 мако I 151, 168, 400,
 II 338
 маней II 338
 манчемс II 339
 маньить II 339
 марго II 339
 маштомс I 170, II 341
 ме- I 399
 медь I 168, 422, II 340
 мее I 399
 мезе I 399, II 339
 мекев, мекей, мекепг
 I 420
 мекш I 168, 416, II 340
 мель I 430
 мелькть I 411
 мене- I 146
 менель I 414
 менемс II 338
 мие- I 405
 милде- I 431
 мить I 399
 мпрде I 427, II 340
 мия, мняв, мнял I 428
 моле- I 419
 мон I 146, 399, II 339
 мона I 401
 мукоро II 341
 мурдамс II 339
 муське- I 153, 406
 мякш I 416
 мяниль I 414
- нал I 131, 409
 нар II 338
 нармонь II 339
 начко II 338
 не I 433
 недь I 409
 неемс II 338
 немель, немиль, I 414
 нерь I 400
 неть I 433
 ни I 401
 ниле I 154, 423
 ниле- I 405
 нилемс II 338
 нола- I 148, 406
 ноламс II 338
 нона I 433
 норов I 428, II 339
 нумоло I 404, II 338
 нурдо I 432
 нядь I 409
- ов I 401
 овто II 338
 од I 133, 141, 421,
 II 339
 одар II 340, 341
 ожо II 340
 озамс II 338
 ой I 131, 422
 олго II 340
 омбо I 399
 ош I 144, 408
- паз II 340
 пал I 406
 палдуз II 342
 пало- I 413
 паломс II 338
 панар II 339
 панжо- I 418
 паро I 168, 431
 пачалксе II 339
 пе I 147, 400
 пеель II 340, 341
 пезэмс II 338
 пезьгата, пезьгудав,
 пезьгун, пезьдяка
 I 416
 пей I 147, II 338
 пеле I 407
 пеле- I 405
 пелемс I 207, II 338
 пель I 154, 407, II 338,
 340
 пеляз II 339
 пенч II 339
 петькель II 340
 пetchемс II 339
 пешкс II 338
 пеште I 428
 пивсэма II 340
 шне- I 408
 пиё I 413
 пизэ I 120, 142, 404
 пиле I 154, 412
 пипе I 416
 ппнеме II 339
 пиче I 428
 пов I 404
 пова- I 418
 пово I 404, II 338
 поза II 342
 пой II 338
 покш II 339, 340
 пона- I 409
 пондо II 343
 понжавто- I 432
 пор- I 207
 поре- I 418
 поремс II 338
 пра- I 429

- пря I 420, II 338, 339
 псака II 340
 пси I 431
 пськизе- I 412
 пува- I 402
 пушко I 154
 пултамс II 338
 пуляжа, пумажа I 400
 пурьгино II 340, 341
 пурсуз, пурцос, пур-
 цус I 429, пурцоз
 II 341
 пучко I 154
 пшти II 340
 пя I 400
- рамамс II 339
 реве II 340
 ривезь I 133, 137
 ривесь I 416
 рипаня II 340
 рисьме II 340, 341
 [родіа] II 343
 розь I 428, II 343
 румая II 340
- са- I 430
 сае- I 430
 сазн- I 429
 сазор I 426, II 340, 341
 сал I 429
 сан I 122, 147, 400,
 II 338
 се I 399, II 339
 седей I 141, 401,
 II 338
 седь I 405
 сеель I 415, II 338
 селей, селенг I 414
 селя I 401
 сельге II 338
 сельге- I 419
 сельме I 110, 123, 400,
 II 338
 серне- I 412
 сеське II 338
 сеть I 399
 сея II 340
 сёвонь II 338
 сёкс, сёкс I 414
 сиве I 412
 сильге II 338
 сильгя I 400
 сирть II 341
 сисем I 433
 скал I 429
 сова- I 405
 сокс I 408
 соксь I 142, 151, 414
 сола- I 414
- соламс II 338
 сон I 411
 сува- I 405
 судо II 339, 340
 сур II 338
 суро I 427, II 340, 341
 суско- I 153, 406
 сы I 408
 сывель I 432
 сый I 408
 сымень диал. II 341
 сырне II 340
 саве- I 418
 сэвемс II 338
 садь II 340
 сэль I 122
 сэней I 417
 сэпе I 123, 140, II 338
 сюва I 428, II 340
 сюкоро II 341
 сюлго I 154, 415
 сюлмо I 125, 150
 сюло I 412, II 338
 сюма I 421
 сюрю I 143, 155, 412,
 II 340
 сяви-, сяви- I 418
 сядо I 137, 424, II 340
 сядь I 405
 сьяль I 401
 сярни- I 412
 сятко II 338
- тарваз II 430
 тарка II 340
 те I 399, 414, II 339
 теvelyавт, теvылявт I 400
 тее- I 418
 теемс II 338
 тейтерь II 340
 теле I 110, 120, 154,
 413
 теь I 414
 теса I 399
 тесэ I 399
 теште II 338
 тежом диал. II 341
 то- I 399
 тол I 403, II 338
 толга I 154, 400, II 338
 толкон II 342
 тон I 399, II 339
 тона I 399
 тонавто- I 406
 тонго- I 138, 419
 тонгомс I 120
 тонадо- I 406
 тонафто- I 406
 торва I 411
 тосо I 399
- ту- I 399
 турва I 411
 туга II 342
 туган II 342
 туге- I 406
 туемс II 338
 туло I 432
 тумо II 338
 тундо I 413
 тутка I 153, 404
 тынь I 398
- удем I 141, 412, II 338
 удеме, удиме I 412
 удо- I 419
 удома I 419
 уе- I 406
 уемс II 338
 ужо I 428
 узере II 340
 уксе- I 430
 укснома II 338
 укштор II 338
 улав II 342
 уле- I 417
 улемс II 338
 уло I 412
 улов II 342
 умарина II 338
 умарь II 338
 ур I 149, 428, II 388
 уро I 423, 428
 уроз I 155
 урус I 413
 уське I 405
 уця II 342
- цёра II 342
 цётмар II 342
 цильгя I 400
- чавдил I 427
 чавка II 342
 чалгамс II 339
 чапамо II 339
 чапомс I 124, 170
 чачомс I 124
 чевгель I 427
 чеверь I 416
 чеерь I 123, 416, II 338
 чи I 144
 чичав I 415
 чиче I 401
 човине I 421
 чопача I 424
 чочко I 144
 чукшторов I 415
 чуро II 339

шенже днал. I 417,
II 341
шта I 431
шуж I 428
шукшторов I 415

эв I 413
эже- I 421
эзне II 338
эй I 129, 413, II 338
эйдь II 339
экше I 151, II 338
эмеж II 342
эне I 399
энг I 413
эрьва II 339
эрьке II 338
эрямс II 338
эсь II 339
эте I 399

юв II 340
юксе- I 430
юр II 338
ютамс II 339

ява- I 406
яво- I 137, 406
явома II 338
ялго I 129, 412
ярмак II 342

al- I 205

bujo I 209

čaroms I 124
čejeř I 123
či I 144
čosko I 144
čufto II 114

ezne I 206

gov I 129, 136, 208

kačamo I 154
kadoms I 167
kando- I 138
ked' I 167, 193
kel' I 193
kenže I 145
keř I 163
kev I 169, 176
kize I 193
kodams I 161
kolmo I 194, 209
komaftoms I 162
koña- I 147
kotkodav I 162

kov I 162
kozoms I 162
kudo I 194
kuloms I 210
kuz I 193
kše, kši II 114

lišme II 114
l'om I 210
lov I 162, 163
lovaža I 161, 162
lovoms I 161, 162

mäd' I 204
makso I 167
méd' I 204
mel' I 193
meñe- I 146
mirde- I 155
mona I 162, 163, 195
muškems II 116

noška I 433

od I 162
olgo I 194
on I 162
on- I 163
onkšt' I 148
ožo I 210

pal I 170
pe I 147
pejel' I 210
pel' I 204, 210
pele- I 167
pijo I 209
pize I 142, 194, 197
pona I 162, 163
ponams I 162
porems I 162
potško I 162
pučko I 154

riveš I 137

šado I 113
san I 187
šed'ej I 141, 176
ševems I 163
sod I 204
sodams I 204
soks I 162
soks- I 162
sokš I 142
šulmo I 154
šuro I 196

t'eje- I 116
t'el'e I 110, 120, 154,
196

t'ε I 167
tol I 162, 176
tolga I 116
toŋgo- I 138
tongoms I 116
turva I 161
tuvo II 114
tšova I 162
tšovar I 162

ujems I 161
ul'ems I 209
ur I 115
uro I 194

ved' I 193, 204
vedrekš I 169
vet'e I 140, 167
vijede I 155

Мокшанский язык

аел II 342
аера II 341
азомс II 339
азор II 340
айгомс II 338
айдямс II 342
айра II 341
ака II 341
аксял II 339
ал I 148
ал- I 407
ала I 407, II 339
альямс II 339
андо- I 139, 418
анцема I 418
араламс II 342
арамс II 339
арзя II 342
ару II 342
асколя- I 154
асу II 342
атякш II 339
атям(а) II 339, 340
аш II 339
ашка II 339
ашкодомс II 339
ацамс II 339
ацемс II 339
ай I 413

байар II 343
безярдемс II 342
бока II 340

вазь II 339
вай I 131, 143
валда II 338
валго- I 419

- васта II 340
 васькафнемс II 339
 варси I 404
 ве I 414
 ведраж I 416
 ведъ I 133, 137, 402
 вельф I 407
 вер II 338
 вероз II 340
 вете II 339
 ветя I 424
 вне- I 418
 вмс II 338
 вите- I 405
 виш I 428
 връгаз II 340
 вядя- I 405
 вяр I 170
 вяръ I 412
- дѣба II 342
 долата II 343
 дуга II 342
- ётамс II 339
- жалгамланга II 339
- зарнимаръ II 340
- идемс II 339
 идъ II 339
 или I 427
 имож II 342
 инези I 415
 инзама II 339
 иса II 342
 ишколдамс II 338
 ифкя I 423
 ичкозе II 339
 йай I 413
- каба II 342
 кананямс II 339
 кагод II 339
 кайгемс II 338
 кал I 404
 калада II 339
 каньф II 341
 карга II 338
 карда(э) II 340
 кармамс II 339
 карша II 342
 карьхциган II 342
 карьхкя II 339
 [касақ] II 343
 ката II 340
 кафта I 423, II 339
 кевъ I 417
- кел I 401
 келда II 341
 кельге- I 418
 кельгомс II 339
 кельмя I 431
 кемя I 408
 кенерь I 412
 кеподе- I 430
 кереметь II 341
 керо- I 432
 керъ I 415
 ки I 398
 кие I 398, II 339
 кизефтемс II 338
 ко- I 399
 ков I 403
 кода- I 433
 козо- I 429
 колма I 423
 кольге- I 406
 комболдо- I 139
 кона I 399
 конак II 342
 коня- I 405
 кошша II 339
 корш II 339
 коса I 399
 кота I 424
 котьфтомс II 338
 крда II 341
 ку- I 399
 кува I 403
 куд I 423
 кужа II 339
 куз I 403
 куй I 404
 куле- I 407
 куло- I 407
 кулу I 414
 курга I 420
 кушма II 341
 куце- I 145
 куцю II 339
 куя I 412
 кшни I 417
 кядъ I 137, 412, II 338
 кяж II 339
 кяле- I 419
 кяль I 401, II 338
 кяр I 149, 415
- лаймя I 404
 лама II 339
 лем I 401
 лов I 414
 ловажа I 400
 локсьти, локсти I 416
 локша II 339
 луво- I 407
 люкшă I 427
- лям I 423
 лямбе I 338
- мадомс II 338
 макса I 400, II 338
 мана II 339
 мани II 338
 марлю II 338
 мархта II 339
 маръ II 338
 ме- I 399
 мезе I 399, II 339
 мекн I 420
 менель I 414
 меш I 416, II 340
 мше I 405
 миля I 431
 минъ I 399
 моле- I 419
 мон I 399, II 339
 мона I 401
 мрдамс II 339
 мукор II 341
 муське- I 406
 мянемс II 338
 мялхкя I 411
 мяль I 430
- нал I 409
 начка II 338
 недъ I 409
 ни I 401
 ниле- I 405
 ниля I 423
 нола II 339
 нола- I 406
 нонат I 433
 нормаль, нормаръ
 II 339
 нору I 428
 нумол I 404, II 338
 нурда I 432
 вя I 433
 вят I 433
 вяемс II 338
- офта II 338
 ома I 399
 омба I 399
 ов I 401
 од I 133, 141, 421
 оржа II 340
 орта II 343
 осал II 342
 отькоръ II 342
 ош I 144, 408
 оцю I 402, II 339, 340
 оця I 402
- паваз II 340
 пайге II 339

пакарь II 339
пал I 406
палдоз II 342
пало- I 413
панже- I 418
пара I 431
пача II 339
пе I 400
незомс II 338
пеле- I 405
песькнзе- I 412
петьколь II 340
пеш I 433
пешкс I 433
печкомс II 339
пше- I 408
пша I 120
пизьгата, пизьгутаї,
пизьгун I 416
пизя I 404
пшля I 412
пшнем II 339
пшня I 416
пшчя I 428
пшманжа I 400
пшхтамс II 338
пов II 338
повня I 404
покон II 339
полаксамс II 339
[попана] II 343
пона- I 409
понда I 432
понжафто- I 432
поре- I 418
поталак II 343
пою II 338
пра- I 429
прия I 420, II 339
пси I 119, 431
пува- I 418
пужф II 340
пулмажа II 338
пуня II 338
пурхц I 429
пурхцоз II 340
пурц I 429
пяль I 407
пяля I 407
пяляз II 339
пяштерькс II 338
пяштя I 428

[райдя] II 343
рисьма II 341
розь I 428, II 343

са- I 430
савор II 342
сазор I 426

сал I 429
сан I 122, 400
севе- I 418
седи I 401, II 338
сесь I 405, II 340
сеель I 415
сель I 401
сельго- I 419
сельмя I 400
сембе II 339
серя II 341
сёкс, сёксъ I 414
сиве I 137, 412
сиве- I 418
сирек II 341
скал I 429
сока II 343
сокс I 408
сола I 414
сола- I 414
сон I 411
сува- I 405
судокстомс II 339
сура I 427, II 340, 341
суско- I 406
сывель I 432
сюва I 428
сюла I 412, II 338
сюлга I 415
сюма I 421
сюра I 123, 412,
II 340
ся I 399, II 339
сява II 340
сяда I 123, 137, 424,
II 340
сялдаз II 339
сяли I 414
сянгяря II 340, 342
сяня I 411, II 338
сяське II 338

такор II 342
тей, тейс, тейса, тей-
ста I 414
тёба II 342
тёжянь II 341
тне- I 418
тнемс II 338
тинь I 398
то I 399
тол I 403
толга I 400
тон I 399, 339
топа I 399
тонадо- I 406
тонго- I 138, 419
тонгомс I 120
тоса I 399
тракс II 339

трва I 411
ту- I 399
тула I 432
тума II 338
тумс II 338
тунда I 413
туця II 340
тя I 399, II 339
тяла I 170, 413
тяляма II 340
тяса I 399
тяште II 338

удо I 419
удома I 141, 419
уе- I 406
ужа I 428
узерь I 340
уксондома II 338
уле- I 417
улмань II 340
ур I 428
ура I 423
урози II 340
урос I 413
усяья I 405
уцез II 342
уча I 416, II 340
уштор II 338

фкя I 423, II 339

цебярь II 342
цильге II 338
цюкор II 341, 342
цятка II 338

чевгя, чивгя I 427
чичав I 415
чуж I 428
чукштору I 415

шалхка II 339, 340
шанама II 339
шеер I 123, 416, II 338
ши I 144
шна I 340, 341
шовар I 146
шопача I 424
шта I 431
шувая I 421
шужарь II 340
шукштору I 415
шумбаз II 339
шякши II 338

эже- I 421
эзна II 342

эзня II 338
эй I 129
эрь II 339
эрьхкя II 338
эса I 399
эськя II 339
эше II 338

юксо- I 430

явамс II 339
яво- I 406
явсемс II 339
ялга I 412

ando- I 139

kando- I 138
kād' I 115, 137
kär I 149, 168
kəd' I 119
komböldä- I 139

kota I 196
kuće- I 145

lajmš I 210
l'em I 176
l'ем I 147
luvāms I 161

maksa I 167, 205
med' I 115
mokšānda I 162
mirde- I 155

ñil'ε I 196
noška I 433

olga I 162

pejōl I 210
pəl' I 164
pəl'ε I 206
piza I 163
porf I 162

šada I 195
sel' I 167
sel'goms I 176
šive I 137
sođoms I 204
sošoms I 204
šura I 196
šejōr I 123
ši I 144
šuva I 162

t'ala I 196
t'ε I 167
toŋgo- I 138

ula I 412
udoma I 141

ved' I 115
vet'ε I 196
vide I 155

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК

алаша III 94
ала-шое I 415
алма III 94
анга III 94
анжаш III 93
анча I 429
анга III 94

-бо I 404

важ I 405, 428
вал I 430
валаш III 93
валгынзыш III 93
вале- I 419
ванжаш I 169
ваче III 93
вāl I 430
вār III 93
вел I 407
вем I 412
вер III 93
вешла III 94
виде- I 405
вим I 141, 412
вима III 94
вингы I 401
внсте I 428
вич I 131, 424
вичкыж III 93
виште I 428
водар III 93
вож I 428
волаш III 93

волгенче III 93
воле- I 419
вольык III 94
вонч- I 145
вонча I 194
вончаш I 169
воштыр III 93
Водыр III 94
вуй I 400
вулно, вулны I 417
вургем I 423, III 93
вуд I 133, 137, 402, 417
вуде- I 405
вүлө I 416
вүма III 94
вүр I 131, 170, 412
вүт I 168
выргем I 423, III 93
вѣд I 402, 403
вѣт I 400
вѣл I 407
вѣлвал I 430
вѣлны I 407
вѣлы I 416
вѣр I 131, 412
вѣц I 424
вѣцкыж III 93

дъў- I 419

езā I 402
енг I 414
енга I 414
енгыж I 415

ёгы I 403
ёнгеж I 408

н I 413
нā I 406
пза I 402
пй I 429, 413
пк I 423
пкты I 423
пла- I 405
плаш III 93
им I 155, 400, 408
име I 408
им-шу I 400
прык III 94
ня I 406
йода- I 430
йог- I 129, 136
йол I 129, 412
йонгж III 93
йў- I 130, 137, 419
йўксьб, йўкш I 416
йўр I 413
йўштö III 93
йылме I 146, 412
йышш I 152
йыранг III 94
йыран III 94

йѣдан, йѣдāн I 409

кавашты I 403
качка- I 429

качкаш III 93
кашкы I 427
кәнгыж III 93
кела-, келә- I 419
келеш I 194
келе- I 418
кегеж III 93
кече I 144
кече- I 431
кид I 119, 137, 412, III 93
киже- I 431
кинде, кинды III 93
кире- I 432
кишке III 93
ко- I 433
коваште I 137, 403
код- I 141
кож I 142, 403
кок I 168, 423
коктыт I 423
кол I 404, III 93
колеш I 194
кол-пүм I 417
комдыш I 139
конде- I 138
костенеч III 94
кочка- I 429
кочкаш III 93
кошке I 153, 427
коя I 412
кө I 398
көргө I 420
краж I 119
крак-крак I 119
кралам I 119
ку- I 433
куво I 137, 403
куги III 93
куд I 424
кудо, куды I 423
кудыт I 424
кужу, кужы I 408
кола- I 407
коле- I 407
кум I 120, 423
кумда I 421, III 93
куме- I 147, 405
кумыт I 423
кур I 168
кутко I 429
куткыж I 429
кучкыж I 429
кушке- I 430
куэ III 93
кү I 143, 170, 398, 417
күә- I 408
күәе- I 145
күәб I 422
күй I 417
күле- I 418

күши I 152
күр I 414
күртиһ I 417
күсен III 94
күтү III 94
күч I 145
күнташ I 170
күл- I 408
кыжа- I 400
кыж-вйт I 400
кыда III 93
кыл I 401
кылма I 111
кылы I 431
кылы I 431
кылта, кыLTE III 94
кым I 423
кымда I 421
кыме- I 405
кымыт I 423
кыпервуй I 147
кыре- I 432
кырти I 405
кырти-важ I 405
кыткы I 429
кышал III 94
кызы I 422
кылы I 431
кынер I 412
кынер-вуй I 412
кыр I 414
кырти I 417
кыты III 94
кышкы III 93
кышкы I 404

ләнгыж III 93
ләнгыш I 432
леваш, леваш I 418
леведа-, леведә- I 418
лектеш I 111, 194
лем I 147, 423
леңгеш I 432
ленгеж I 123, III 93
лен I 140, 401
лпа-, лпә- I 417
лиште- I 429
ломбо I 123, 404, III 93
ломбы III 93
лу I 400
луге- I 432
луда- I 407
лудо I 132, 416, III 93
лук I 140
лум I 147, 208, 414, III 93
луш I 152
лүдө, лүды I 431
лүе-, лүйе I 421
лүм I 170, 401

лүмө I 123, 168, 408, 426,
III 93
лүеь, лүй I 428
лүйште- I 431
лыда- I 407
лыды I 416, III 93
лым I 401, 414, III 93
лыште- I 429
лым I 170

ма, мә I 399
мел I 411
мие- I 406
мий- I 131
мияш I 147
мо I 399
могыр I 412
модо I 415
моко III 94
мокш- I 151
мокш I 168, 400, III 93
мошташ I 170
мөкмыр III 94
мөңгеш I 420
муды I 415
мужо III 93
мукто I 415
муно I 401, III 93
мушка- I 153, 406
мышка- I 406
мү I 422, III 93
мүй I 168, 422, III 93
мүкш I 168, 416, III 93
мый III 93
мынь I 399, 146, III 93
мыңгеш I 420

налаш, нәлаш III 93
начар III 94
пела-, пелә- I 405
пер I 400, III 93
пи, пий I 427
пиш I 433
пиль I 423
пөлө III 93
пөлы I 409
пөлы-никш I 409
пөргө I 403
пудо, пуды I 401
пулго I 404
пуно, пуны I 433
пур III 93
пүйкө I 433
пыл I 154, 423
пйл I 423
пыла- I 406
пыне I 433
пыр III 93
пылме I 412

овы I 140, 413
ожа, ожо I 429
окса III 94
олма III 94
ом I 419
омда- I 139
омо I 419
омта I 194
онча I 194
онча- I 429
ончаш III 93
орва III 94
ошкыл I 154

пагыт III 94
пад I 422
панды I 432
паса, пасу III 94
патыр III 94
паша III 93
пашма III 94
пача- I 418
пел I 407
пелы, пелы I 407
пече I 433, III 93
печке III 94
пн I 416
пида-, пидä- I 419
пнж I 142, 423
пнжгом I 423
пни I 416
пнкш I 409
пиче I 433
пичы III 93
под I 422
покте- I 406
полто III 93
попдо I 432
поро I 168, 431
поча- I 418
пöсыр III 94
преня III 94
пу I 403
пуз- I 402
полвуй I 400
пулдош I 170
пултыш I 406
пулыш I 426
пундаш I 427
пуне- I 409
пур- I 207
пура- I 418
пуры I 431
пуче- I 420
пучо I 404
пуш I 432
пү- I 413
пүергй I 413
пүж I 431
пүжаш I 404

пүжалт- I 431
пүжвүд I 431
пүй I 147, 170
пүкш I 428
пүнчө I 428
пүчк- I 170
пүчө I 401, III 93
пүчы III 93
пүшкеда- I 412
пыжаш I 120, 142, 401
пыл I 154
пындаш I 427
пыне- I 409
пыра- I 418
пын I 415
пынчы I 428
пырня III 94
пыча- I 420
пыш I 432
пышкедä- I 412
пытыш I 412

регенче I 423, III 93
рехень III 93
ро-, ру- I 422
ружа I 428
руш III 94
рүдө I 170, 431
рүды I 431
рүм I 133
рүмбалге I 133
рывыж I 133
рывыж I 137, 416
рывыж I 416

салам III 94
сар III 94
седе I 399
силь I 432
сынза I 400

тага III 94
тарзе, тарзы III 94
таты I 404
тә, те I 398
тел I 120, 154, 170, 413
теле I 110, 413
ти I 399
тнак III 94
тиде I 399
тий I 415
тич I 421
товар III 93
тото I 153
ту- I 399
тувыр III 93
тул I 403, III 93
тумо, тумы III 93
туна III 94
тунема- I 406

тушман III 94
түг I 414
түр I 207
түрвө I 411
түшкә I 426
тыгыр III 93
тый I 399, III 93
тыл I 403, III 93
тылзе III 93
тылыжы I 427
ты I 399
тылзы I 427, III 93
тынь I 399, III 93
тыг I 414
тырвы I 411
тышкә I 426

у I 133, 141, 421; III 93
ужга I 416
ула- I 417
умбал I 399
уш I 152
ур I 149, 428
урге- I 423
уржа I 428
ушкәл I 429
ү- I 409, 422
үй I 131, 143, 422; III 93
үкшы III 93
үл- I 148, 407
үлнө I 407
үпш I 170, 408
үшкүж, үшкыж I 428
үшкыж III 93
үшты I 409

чаката I 421
чывык I 125
черке III 94
чеш III 94
чока I 421
чоката I 421
чүчө I 401

шалге- I 420
шаптыр I 428
шар I 411
шара- I 412
шаршы I 427
шарык III 94
шадангы I 415
шашкы I 153
шеме I 427, III 93
шенгел I 420
шенгелне I 420
шыжы I 414
шпль I 432
шим, шимы I 427
шпмы III 93
шинча I 123

шире- I 422
 шишим I 433
 шиштѣ I 128, I 431
 шкал I 429
 шоа- I 430
 шовын III 94
 шога III 94
 шогe- I 420
 шое I 415
 шож I 428
 шокш I 409
 шол I 412, 414
 шоло I 412, 414
 шонго, шонгы I 421
 шоптыр I 428
 шора- I 412
 шоршо I 427
 шорык III 94
 шочаш I 124
 шон I 122
 шөр III 93
 шу I 400, 428, 429
 шуа- I 430
 шуар I 146
 шуге I 415
 шужар I 426
 шур I 155
 шур I 123, 143, 412, 414; III 93
 шуре- I 422
 шуршо I 415
 шуэ- I 408
 шуя- I 430
 шү I 408, 412
 шүва- I 419
 шүвѣл I 419
 шүгö I 416
 шүдö I 123, 137, 424; III 93
 шүдүр I 204
 шүды III 93
 шүдыр III 93
 шүдѣш I 204
 шүжар I 426
 шүй I 137, 408, 412
 шүлö I 401, 415
 шүлѣ I 415
 шүм I 141, 401, 417; III 141
 шүн I 122, 147, 400
 шүртö I 432
 шүч I 405
 шүшты I 170
 шыдан I 415
 шыже I 151
 шыл I 401
 шыле- I 414
 шыпча I 400
 шыр I 412
 шыгы I 416

шыгыль I 400
 шыдѣр III 93
 шыже I 142
 шыжѣ I 414
 шым I 433
 шыштѣ I 431

ыжга I 416
 ыла- I 417
 ынга- I 414
 ырге- I 423
 ырка I 428
 ышкал I 429
 ы- I 409
 ылаш III 93
 ынггыж I 415
 ырвезы III 94
 ыште- I 430
 ышты I 409

эрык III 94

яда- I 430
 ял I 412
 янгеж I 408

ðiç' I 167
 ði·t's' I 189
 ðæc I 131
 ðæts, ðæts I 189
 ðül I 164

žočaš I 124

d'ü I 130

ì I 189
 i'äm I 161, 176
 ij I 175
 ile-, øle- I 163, 167
 im I 129

ørge- I 155

jer I 175
 jiprš I 152
 jælme I 146
 jəžəŋ I 206
 jšžəŋ I 169
 Joŋ I 129, 136
 jü I 137
 jükxšə I 151
 jükt'sö I 151

käd' I 167
 kärəndäš диал. III 94
 keče I 144
 kit I 115, 137, 175

kər I 163
 kəŋor I 147
 kodaš I 167
 kož- I 141
 kol- I 204
 kol- I 189
 kola'm I 189
 kolaš I 176, 210
 kole'm I 189
 komdšš I 139
 konde- I 138
 kož I 189
 kue'm I 161
 kum I 209
 kupšule-kaik I 405
 kuwo I 137
 kü I 143, 169
 küč I 145, 164
 küj I 143

lapto I 152
 lekaš I 175
 lem I 147, 188, 189
 lep I 140
 lepšem I 153
 li'am I 188
 li'am I 188
 lšøe-, ləpə I 189
 lšn'zərà I 145
 lo mbe I 189
 lu 'костъ' I 161
 lu- 'читатъ' I 161
 luk I 140
 lum I 189

mie'm I 188
 mi'em I 188
 mijaš I 147
 mən I 146
 mokš I 167, 205
 mu-nö I 189
 mü I 204
 müj I 204

nela'm I 188
 ne'läm I 188
 ner I 189
 ni, ní I 189
 nəl I 157
 nəlme I 146

omda- I 139
 o'mə I 189
 o'nd'zəl I 145
 owə I 140

pət's'šə I 189
 pi I 188
 pi j I 175
 pil I 189

pi'tsə I 189
piža's I 175
pəl I 189, 210
pələš I 154
pežāš I 163
pəl I 189, 204
pər- I 157
pəžāš I 142
pu I 189
puč I 154

rəwəž I 137

sè-də I 188, 189
sənzā I 123
šün I 122
šā dāngə I 170
šin I 188
šište I 175
šəl I 122, 167
šə'stə I 170
šəžə I 142
šəžə I 151
šoe I 154

šo'ndə I 189
šöm I 176
šue I 154
šužo I 176
šüē I 204
šü dər I 169
šü dō I 137
šüj I 137
šüm I 141, 164
šün I 147

te I 188, 189
tel I 120, 154
tele I 110
ti I 167
tij I 175
təktə I 157
tola'm I 189
tul I 176, 189
tür I 169
türβə I 161

ukš I 175
ulaš I 209

upš I 176
ur I 115
urge- I 155
urwežə I 155
užar I 210
užga I 176
üj I 130, 143
ü·k'šem I 151
ül- I 205

waž I 169
wie- I 155
wim I 141
wit- I 140
wər I 131, 157
wonž- I 145
wož I 169
wuj I 147
wül'ö I 169
wür I 131
würgəne I 176
wüt I 115, 133, 137, 169,
204

ПЕРМСКИЕ ЯЗЫКИ

Удмуртский язык

адзы- I 429
адямн III 220
азвесь I 405; III 217, 218
азь I 145
айы I 426
амезь III 216, 218
ана III 216
ана-бур III 216
анг I 411
андан III 217, 218
аньы I 205
аскы III 217

бадь I 403
бам III 217, 218
бадзым III 220
басьтыны III 217
бать III 224
бер I 420
бор III 224
бөрнэ III 219
бугортыны III 216
бун I 169, III 218
бур I 168, 431; III 216
бус III 218
быд- III 218
быдтор III 220
бычы III 216

вазь I 428
вай- I 418

вайы- I 418
вал I 169, 416;
валес I 422
валь- I 422
ванды- I 422
вань III 220
варып III 217
векчи I 421
весчи I 421
-весь I 405
веськыт III 217
ви- I 420
виджас I 194
визыл III 217
вий- I 420
вийом I 412
вийым I 412
вим I 141, 412
вир I 131, 170, 412
висьыны III 217
вит I 424
вить I 131, 140
вны- I 420
во III 224
возь- I 144, 417
возьы- I 417
вой I 131
вок III 220
воньдыны III 217
вöй I 143, 422
вöлды- I 430
вöлдэт I 430

вöт III 217
ву I 133, 137, 169, 402
вур- I 155, 169
вурьы- I 423
вуйыны III 217
выж- I 145
выжыны I 169, 402
выл I 407
выл- I 417
вылтыр III 217
выль I 133, 141, 421
вылы- I 417
вылын I 407
выр I 169
вырыны III 217

гач III 224
гид I 427
гизы I 126,
гозы I 172, III 217
гон III 212
гондыр III 220
горд III 217
губи III 216, 218
гужем I 421
гумы III 216
гур I 426, III 217
гурт III 212, 217
гурул I 426
гыжы I 145
гын III 212
гыр I 412, 422

гырк I 420
гырпум I 147

дйсь III 220
долак I 421
дол-дол I 421
додьы III 217
дукес III 216
дун III 217
дур I 169
дуры III 218
дурыны III 217
дъб I 413
дыж III 217
дыльды III 217
дыр III 217
дэра III 216
дэрем III 216

егит III 220

жажы I 144
жактонпуд III 216
жак III 212
жомыт I 133
жуй I 428
жыжол I 124
жыны III 217
жыт III 217

зарезь III 218
зен III 224
зор I 172
зу I 169, 204, 429
зыр I 425, III 217
зен III 216, 218
зиак, зизек I 428
зычы I 133, 137, 416
зор I 427
зуч III 217

и I 130
ин I 414
инм- I 150, 414
инмар I 414
иншыр I 432
ичи I 402
ичмень I 147, 402
инкыны III 212

йб I 129, 413
йды III 216

-ка I 423
кали I 401
калт- I 154
кар I 404
карыны III 217
квасьмы- I 153

кезыт I 431
кельыт III 217
кен III 218
кеч III 216, 219
кертым III 217, 218
ки I 119, 137, 412
кидзили I 402
кизер III 217
кизили I 145, 402
киль I 149
кин I 398
кись III 218
кисьмал- I 431
кокчал- I 432
кол- I 419
колы- I 419
кор III 217
корал- I 432
корка I 423, III 217
корт I 417, III 218
кос- I 170, 430
косы- I 430
кб I 143, 169, 170, 399,
417
кбй I 412
кбл I 405
кбл- I 418
кблы- I 418
кблыны III 214
кочыш III 220
крок-крок I 119
ку I 137, 403
ку- I 399
куа I 423
куала I 423
куанер III 217
куать I 119, 424
куд I 399
куды II 219
кудыз I 399
кужым III 220
кузб III 219
кузь I 408
кузьыли I 416
куннь I 120, 423
куньм- I 423
кукчал- I 432
кукчо I 432
кул- I 407
культо III 216, 219
кулэ I 418
кум I 402
кун I 169, 400; III 217,
219
кунь- I 405
кур I 168, 415
кур- I 419
курет III 216, 218
куры- I 419
курыны I 169

кус I 170
кут I 126, 170
кушман III 216
куч I 429
кы- I 399
кыед III 216
кыз I 142, 403, III 218
кызь I 400, 424
кызы- I 429
кый I 404
кык I 168, 423
кыл I 401
кыл- I 407
кыло I 194
кыль I 424
кым I 403
кымес III 217
кыи I 431
кыиш- I 431
кыиш- I 147
кыткы- I 153, 423
кытын I 399
кыч I 144
кышет I 431

лайы- I 432
лем I 123
лэч III 220
лечыт III 217
лом I 426
лу- I 417
лузь I 416
лул I 132, 424
лун I 430, 431
луп I 140, 401
льбм I 123, 404
лы I 400
лыдзэ- I 407
лым I 147, 190, 423
лымы I 147, 208, 414
лыс I 152, 153, 428
лэзь- I 172
люкыт I 132
лянэс I 123, 432

ма I 399
майыг III 216, 218
мар I 399, III 220
мень I 147, 402
мес III 216, 218
ми I 399
миськ- I 406
мон I 399, III 220
му I 402, 422
медыны III 217
мудэт III 217
мугор I 412
музык III 224
мулы I 149, 415

мурт I 155, 401, 427
мус I 151, 168, 400
мый I 428
мыл I 190, 411, 430
мылкыд I 430, III 217
мын- I 131, 147, 406
мынё III 220
мысыкы- I 153, 406

намер III 216
небыт III 217
нпзъ I 404
ний I 418
ним I 131, 170, 401
нинь I 427
ниы- I 418
нийзъ I 416
нёкы III 216
нуйт- I 420
пуп I 431
нунал I 431
нуны III 220
нурт I 432
нуял- I 420
ныж I 433
нын I 430, 431
нынал I 431
ныл I 401
ныл- I 155
ныр I 400
нъёл I 131, 409
нъёр I 403
нъыл- I 404, 405, 409,
423
нъыль I 154
нюл- I 148, 406
нюр- I 415

ог I 423
одйг I 423
одйк I 423
ок I 423
отй I 399
отын I 399
ош I 428
өвёл III 220
өс I 422

пал I 407
паллян I 120
палэс I 170
парнсь I 429
парсь I 429
паськыт III 217
пеймыт I 150
пель I 154, 172, 412
пелььянь III 216
пенон I 423
пересь I 431

пертчынъ III 216
пи I 154, 413
пилем I 154
пинь I 147, 170
под- I 138, 418
поды- I 418
пол- I 420
поськы I 154, 416
писей III 220
пот III 216
пёды- I 418
пёзъ I 142, 423
пёл- I 420
пёлын I 420
пёлысь I 420
пёртэм I 429
пёртмаскы- I 429
пёсь I 431
пу I 403, 404
пуд I 432
пудо III 216, 418
пуж I 432
пужей I 404, III 220
пужны- I 432
пужым I 428
пуз I 120, 142, 404
пукон III 219
пу-ку I 403
пулы- I 405
пум I 147, 400
пумель I 415
пун- I 409
пуны I 416
пур- I 207
пурт III 217
пурты I 432
пуртэс III 217
пуры- I 418
путыны III 217
пуч I 433
пуш I 428
пыдес I 427
пыж I 432
пыжк- I 142
пызь I 422
пызырт I 144
пызырт- I 417
пызыртыны III 220
пыкет III 217
пырыча I 409
пы-чей I 416
пычкы- I 417

саес I 409
сайкыт III 217
сазъ III 217
сара-кум I 402
сеп III 217
серы III 216
си I 426

сп- I 418
спес I 137, 412
сизъ I 426, 428
сизъыл I 151, 414
сизъым I 433
спн I 123, 400, 401
спнву III 217
спк III 217
сингыс I 432
синм I 400
снъ I 400
снъым- I 400
снъыс I 432
снсь I 408
снъ- I 418
сйзъыл I 142
сйзъыл III 220
скал III 220
со I 411
сон I 400, 417
сён I 122, 147
сугон III 216, 219
сузъы- I 429
сузэр I 426
суй I 409
сукман III 219
сул I 122, 401
сурым III 216
сусы-пу I 403
суты- I 427, 430
сутэр I 428
сьём I 417
сыкал I 429
сыл- I 420
сылал I 429
сылмы- I 414
сылы I 154, 420
сыномы- I 427
сыны- I 427
сыск- I 153, 406
сэп I 123, 140, 411
сэрег III 217
сю I 123, 137, 400, 424
сюл I 412
сюлэм I 141, 401, 415
сюмал- I 417
сюмык I 422
сюмыс III 217, 218
сюр I 123, 143, 155, 412;
III 219
сюр- III 217
сюрес III 220
сюрло III 216, 219
сюры III 219
сюсь I 431
сялал- I 419
сяртчы III 216, 219

та I 399
тй I 398

- тод- I 139, 405
 тол I 110, 120, 154, 170, 413
 толезь I 427
 тон I 399
 төл I 427
 трос I 119
 ту I 399
 туг III 216
 тул I 432
 тулмет III 219
 туннэ III 220
 тульым I 154
 тулыс I 413
 турп I 415
 турто III 216, 219
 турым I 428
 турып I 428
 тусьты III 218
 туш I 426
 ты I 400, 403
 тыл I 403
 тылы I 154, 400
 тысь III 216, 219
 тэй I 415

 уа- I 413
 уазер I 412
 уалес I 422
 уаль- I 422
 уа-пум I 413
 уд-^к I 139
 улы- I 418
 улыс III 216, 218
 уж I 429
 узвесь I 405
 узы I 413; III 214, 216
 узы I 403
 узыр III 218
 уй I 130, 143
 уй- I 406, 414
 ул I 407, 427
 ул- I 148, 405
 улмо III 219
 ум I 419
 ун I 419
 урод III 220
 урыс III 217
 усь- I 406
 усьтыны III 218

 чебер III 219
 челядь III 220
 чепылыт I 125
 ческыт III 216
 чиг- I 418
 чины III 216
 чөж I 417
 чумолё III 216
 чуж I 401

 чужмурт I 401
 чыжы-выжы I 124
 чужьем I 428
 чукна III 220
 чун- I 124
 чуныны I 170

 шабала III 216
 ши I 433
 шонер III 220
 шорт I 432
 шорыны III 212
 шу I 427
 шур I 403
 шы I 433
 шыбитны III 224
 шыныр I 432
 шыр I 123, 416
 шыр- I 406; III 212
 шырап III 220

 ыб- I 139
 ыбы- I 432
 ыж I 416, III 220
 ызы I 152
 ым I 130, 148
 ыскал I 429

 эгыр III 218
 экей III 217, 218
 эмезь I 415
 эгер III 217, 219
 эсты- I 413

 ю I 129, 403
 ю- I 137
 юал- I 430
 юг III 216
 юк- I 137, 406
 юскы- I 430
 юснсь I 152
 юсь I 151, 416
 юы- I 419

 а^ж I 145

 bigil'i I 138

 diŋ I 414

 gižj I 164

 jž I 176, 186

 ju I 208
 ju- I 186
 jušis I 152
 ju-šur I 136
 joz- I 206

 kal I 177
 ki I 115, 167
 kižil'i I 145
 kič I 188
 kik I 204
 kij I 117, 188
 kijl- I 186
 kijl'- I 167
 kijmes I 150
 kisi- I 408
 kos I 204
 kul- I 187
 kulinj I 210
 kur- I 167
 kus I 204
 kwiñ I 120, 209
 kwat' I 119

 I'em I 210
 lj I 187
 lijmi I 187
 lul- I 167

 mij I 188
 mija- I 188
 mu I 115, 167, 204
 mus I 167, 204, 205

 ŋel I 187
 ŋil- I 188
 ŋim I 187
 ŋin I 187
 ŋul- I 187

 pal I 206
 pal'ov I 120
 parš I 177
 pel'mit I 150
 peñmit I 150
 pi I 209
 pil'em I 210
 piñ I 187
 pod- I 138
 pu I 186
 pul- I 167
 pum I 164
 puŋ I 147, 164
 pur- I 187

 sad' III 217
 šala I 177
 šen I 187
 ši-jes I 137
 šin I 138, 204
 su I 204
 sul I 167
 šulem I 141, 164
 šir I 167
 šur I 136

ta I 167
tj| I 187

ud- I 139
uj- I 161
ul I 205
ulj- I 167
uly- I 167
už'i I 134

val I 177
vil- I 164, 209
vil' I 186
vit' I 167, 187
viž- I 145
vož I 210
vu I 115, 167, 204
vur- I 204

ž'ie'i I 133, 137

Коми(-зырянский) язык

абу III 220
агас III 221
адас III 216, 218
адзы- I 429
адзыны III 215
азьгум III 216
ай I 426; III 215, 224
айбарч III 222
акань III 220
амысь III 216, 218
ан I 411, III 214
анбарь III 223
ангель III 223
ань I 205
ар III 220
аршынь III 223
аски III 217
асы I 399
асыв III 212, 217, 220
асья III 212
ата I 399

бадь I 403; III 214
базарь III 223
байдог I 415; III 214
баля III 220
бан III 217, 218
баня III 224
бара I 196
басок III 220
басок III 224
бать III 223
башмак III 224
башня III 224
баярь III 224
бекар III 223
берегь III 224

блин III 224
богатой III 224
бок III 224
бон I 169; III 218
бор III 216
ббрөзда III 224
босьтны III 217
бочка III 224
бөр I 127, 420; III 215
бөчка III 223
бугыль I 127, 138
бур I 168, 431; III 219
бурня III 219
бурьсь III 218
бус III 218
быд III 218
быдос III 220
бэкерь III 224

ва I 133, 137, 169, 402;
III 213

вай- I 418
вайны III 214
вартлыны III 220
вартны I 169
вев I 430
вев- III 215
веддор I 430; III 215
ведра III 224
век III 224
векни I 424; III 215
вем I 141, 412; III 214

вера III 224
верба III 224
вердны I 139
вердны-удны I 139, 418,
III 214

веськыд III 217, 220
веськыт III 217
ветек III 223
веты-мын I 196
вешьян III 224
ви- I 420
видз- I 144, 417
видзын III 214
визув III 217
виий- I 420
вилки III 224
вила III 224
вина III 223
виньдыпы III 217
вины III 214
вир I 131, 170, 412,
III 214

вирець III 224
виски III 224
висьны III 217
висьт III 223
вит I 131, 140, 196,
424; III 215

во I 413, III 214
водж I 144, III 222
водз I 145
водзир I 412, III 214
вож I 428; III 215
вой I 130, 143, 414;
III 214
вой-колөн I 418
войт III 222
воль I 422; III 215
воль-пась I 422
воля III 224
вом I 130, 148
вон III 220
воны III 217
воронка III 224
ворон III 217
ворота III 224
вось- III 218
воськов I 154
восьтыны III 218
восьыны III 218
вөв I 169; III 213
вөвны III 213
вөзь I 415; III 214
вөзь- I 422
вөзьй- I 422
вөл I 416
вөл- I 417
вөлөсьт III 223
вөнь I 409; III 214,
221
вөр I 169
вөрны III 217
вөсни I 424; III 215
вторник III 224
вудж- I 145
вуж I 169
вужны I 169
вунды- I 422
вундыны III 215
вур- I 155, 423
вурны III 215, 218
вывтыр III 217
вый I 131, 143; III 215
вый- I 420, 422
выййон I 420
выл- I 417
вылө I 407
выль I 133, 141, 407,
421; III 215, 221
вын III 220
вэжжкн III 224

гач III 223
гез III 217
гедь III 224
гелесь III 224
гербь III 224
гесть III 224

- гид I 427; III 215
 гоб III 216, 218
 год III 224
 гожд I 421
 гождөм I 421
 головня III 224
 гор III 217
 горт III 212, 217
 gögöra III 224
 göлөс III 224
 гөи III 212
 гөп I 127
 гөр- I 119
 гөрб III 224
 гөрд III 217
 гөрнич III 223
 гөсть III 224
 гөтшкы- I 429
 гөтшкыны III 215
 гөч I 153
 грек III 223
 грекь III 224
 гундыр III 221
 гурина I 404
 гут I 126
 гыбав- I 139, 402
 гыж I 127
 гыжи- I 145
 гыр I 422; III 215
 гырдыза I 412; III 214
 гырк I 420; III 215
 гыринч III 223
 гыч I 415; III 214
- дар III 218
 дас III 217
 дась III 217
 деде III 224
 дөдө III 224
 деньга III 223
 деревня III 224
 дерт III 223
 джек III 212
 джодж I 124, 407
 джыш III 217
 дзор I 127
 дин I 414; III 214
 диво III 224
 додь III 217
 дон III 217
 дор I 127, 169
 дорны III 217
 дөва I 119
 дөм I 432
 дөмны III 215
 дөра III 212, 216
 дөрөм III 212, 216
 дубь III 224
 дукөс III 216
 дуль III 217
- думайта III 224
 дыр III 217
 дыш III 217
- егыр I 138
 ем I 155, 408; III 213
 емдон III 218
 ен I 414, III 214
 ендон III 217
 енм- I 150, 414
 ёг III 216
 ёма III 221
 ёсь I 152
- жов I 427, III 215
 жөннөк III 224
 жөч III 223
- за I 169, 204
 зарни III 217, 218
 звер III 223
 зеп III 216, 219
 зибь- I 139
 зон III 218
 вор III 217
 зу I 429, III 215
 зэр I 172
 зөр I 427, III 215
- ид III 216
 изки I 143, 417, III 214
 им III 220
 ис I 170, 408
 иск- I 408
 пчөт I 147
 йн I 129, 413; III 214
 йпр I 427, III 215
 йөв III 221
- ка I 423, III 215
 каб III 219
 кага III 220
 казь III 220
 казял- I 430
 калля III 221
 кальөг III 221
 кан III 217, 219
 кань III 220
 капуста III 221
 капустад I 432
 карей III 222
 карман III 224
 карта III 219, 221
 кась III 221
 кач I 403, III 214
 качка I 403
 квайт I 119, 196, 424, III 215
- кебөд III 221
 кев III 213
 кевны III 214
 кега I 174, III 221
 кел- I 419
 кельыд III 217
 кепак III 218
 кельсь I 142, 423, III 215
 кер III 217
 керав- I 432
 керавны III 216
 керал- I 432
 керка I 423, III 212, 215, 217
 керны III 217
 кесөбдны I 170
 ки I 119, 137, 143, 169, 412, 417; III 214
 -ки III 214
 ки- I 170
 кизь I 126
 кизьөр III 217
 киль I 149
 кин I 398
 кпсь III 216
 кпсьмөм III 215
 кпсьмө- I 431
 кляч III 223
 ко- I 399, III 213
 ков III 213
 ковны III 214
 кодзув I 145, 402, 416; III 214
 кодзувкот I 416, 429; III 214, 215
 код I 399, III 213
 коз I 142, 403, III 213, 218
 козяни III 223
 кок- I 432
 кока III 221
 кокны III 216
 кол I 405
 -кол I 418
 кол- III 214
 кола I 423
 коль- I 141
 кольта III 216, 219
 коми I 402
 коньөр III 217
 кор I 168, 419, III 214
 кор- I 415
 корй- I 149
 корны I 127, 169; III 214
 кос- I 430
 коск I 170
 кось I 427

коськ I 427, III 215
косьмы- I 153
косьт I 427
кот I 170, 429
-кот III 215
котшыс I 154
кө III 213
кө- I 399
көбыла III 223
көдзыд I 431, III 215
көнш III 215
көлт- I 154
көн III 213
көрт I 402, 417;
III 213, 214, 218
көртавы III 217
көртым III 217, 218
көсйы- I 430
көсйыны III 215
көсь I 400
көч III 216, 219, 220
крав I 119
краж I 119
крека I 174
ку I 137, 403; III 213,
220
ку- I 399, III 213
кубо III 218
кувны III 213
куд I 139, III 219
куд- I 399
кудз I 400, III 213
кудзал- I 400
кузь I 408, III 214,
219
кунм I 120, 423;
III 215
күйөд III 216
кукша I 405
кул- I 407
кулөм I 409, III 214
куль I 424, III 215
кумыльга III 221
кун I 400
кунь- I 147, 405
куньны III 214
курап III 220
курөг III 216, 218
кус- I 152, 408
кусны III 214
кутш I 429, III 215
кутшөм III 213
кушман III 219
кы- I 399, 433; III 213
кыа III 213
кыв III 213
кывны III 213
кыз- I 429
кызны III 215
кызь I 424; III 215

кый III 214
кый- I 423
кыйсы I 423
кык- I 127, 168, 423;
III 215
кыл I 401
кыл- I 190, 407
кылавы III 214
кылат- I 154, 406
кым I 150
кымөс III 217
кын I 431, III 215
кыпм- I 431
кыпөм I 411, III 214
кыны III 216
кынь III 222
кыпөд- I 430
кыпөдны III 215
кышд I 430
кыр I 155
кыр-пон I 401
кыс I 152
кысь I 399, III 213
кыш- I 431
кышавны III 215
лабич III 223
лата III 222
лем I 123, 147, 408,
423; III 215
лөк III 220
ло- I 417
лов III 215
лой- I 432
лоины III 216
лол- I 132, 424
лоны III 214
лоп I 140, 401
лөдз I 416; III 214
лөм I 426, III 215
лөп I 414, 214
лөсьөд- I 429
лөсьөдны III 215
лөсьөд I 429
лудик III 221
лук III 223
лун I 431, III 215
луныв I 431, III 215
луншөр-луна I 196
льбөм I 123, III 214
льбөм-ну I 404
лы I 400, III 213
лыдды- I 407
лыддыны III 213
лызь III 223
луй- I 421
луйны III 215
лым I 208, 414;
III 214
лымй- I 147

лыс I 428; III 215
лыс-ва I 152
лыск- I 428
лысты- I 431
лыстыны III 215
ләб I 418
ләдз I 172
ләчд III 217
лядьвей III 223
ляк I 132
лякөстны I 132
лямна III 222
ма I 422; III 215
майөг III 216, 218
малича III 222
малямүш I 416; III 214
ме I 399, III 213, 220
мегарии III 218
мегө III 218
меж III 218
межа III 224
мп I 399
мой I 428; III 215
моль I 149, 415;
III 214
монь I 402; III 213
морт I 155, 427;
III 215, 220
мөдны III 217
мөс III 216, 218, 220
му I 402, III 214
мудөд III 217
муи- I 131, 147, 406
мушны III 214
мус I 151, 168, 400;
III 213
муск- I 151, 400
муш I 416; III 214
мывкыд I 430, III 217
мыг I 412
мыгөр I 412, III 214
мый I 399, III 220
мык I 415, III 214
мын- I 146
мыр- I 403
мыськы- I 153, 406
мыськыны III 213
мысти I 420
мысьт I 420
на I 433
назем III 220
назём III 224
найө I 433
намыр III 216
небөг III 218
небыд III 217
недель III 223
нейкав- I 420

- пеля-мын I 196
 пёйд- I 420
 пёйкал- I 420
 пель I 154, 196, 423;
 III 215
 пизь I 404, III 214
 пим I 131, 170, 401,
 III 213
 нимол III 214
 пни I 427, III 215
 вин-пу I 427
 пийö I 433
 пожнич III 220
 порт I 432, III 216
 пök III 216
 нур I 428; III 215
 ньöв I 131, 409;
 III 212, 213
 ньöл I 409
 ньөр I 403, III 214
 ньыв III 214
 ньыл I 404
 ньылд- I 405
 ньылал- I 190
 ны I 433
 ныв III 213
 ныж I 433, III 216
 ньйö I 433
 ныл- I 155, 401
 ныл I 401
 ныр I 190, 400; III 213
 нювны III 213
 нюл- I 406
 нюр-моль I 415
 нямöд III 218
 нянь III 216, 221
 няртала III 222
- обөл III 220
 овны III 214
 одзöс III 215
 оз I 403, III 214
 озыр III 218
 он I 419
 онал- I 414
 ол- I 405
 ош III 220
 öгыр III 218
 öдзöс I 422
 öзйы- I 413
 öзты- I 413
 öзтыны III 214
 öксы III 217, 218
 öмидз III 214
 öнеть III 223
 -öс I 422; III 215
 öти I 423
 öтик I 423, III 215
 öш I 428, III 215
 öшлядь III 223
- палак I 170, 406
 паль III 221
 паметь III 223
 парка III 222
 пась III 216
 паськөм III 220
 паськыд III 217
 пач III 221
 пашкан I 428
 пеж I 404, III 213,
 220
 пежку I 404, III 220
 пель I 154, 172, 412,
 426; III 214
 пель- III 215
 пельпянь III 212
 пельном I 426; III 215
 пемыд I 151, 408;
 III 214
 пемыт I 408
 перыд I 431, III 215
 перыта III 220
 петук III 223
 пеш I 433
 пеша I 433, III 216
 пи I 154, 413; III 214
 пив I 154
 пими III 222
 пинь I 147, 170
 письти I 416
 пишаль III 223
 повны III 213
 под I 432
 пода III 220
 пож I 432, III 216
 пожнав- I 432
 пожнал- I 432
 пожөм I 428; III 215
 поз I 120, 142, 404,
 III 214
 пол I 407
 пол- I 405
 пом I 146, 147, 400;
 III 213
 пон I 146, 147, 400,
 401, 416, III 214
 пондöтны III 224
 понöль I 415, III 214
 порсь I 429, III 215
 потны III 217
 потш I 127. III 216
 потшöс I 433
 пошт I 433
 пöв III 213
 пöвс- I 420
 пöвсö I 420
 пöвстö I 420
 пöвстын I 420
 пöвстысь I 420
 пöвсын I 420
- пöд- I 138, 418
 пöдлавны III 214
 пöдлал- I 418
 пöж- I 142
 пöжал- I 142
 пöл I 407
 пöла I 120
 пөр- I 429
 пөра III 223
 пөрны III 215
 пөрт I 432, III 216
 пөрчышы III 216
 пөрысь III 215
 пөсь I 119, 431,
 III 215
 пөт III 216
 пөтка III 223
 преник III 223
 ну I 403, 404; III 214
 ну- I 408
 пуд III 223
 пув III 214
 нукавны III 219
 пул- I 404
 тум III 220
 нулі I 426
 нуны III 214
 нур- I 207, 418
 нурны III 214
 нурт III 212, 218
 нуртöс III 212
 нуртöс III 217
 нуцей III 214
 ну-чöй I 416
 пьдзырт- I 144, 417
 пьдзыртны III 214,
 220
 пьдö I 427
 пьдöс I 427
 пьдын III 215
 пьж I 432, III 216
 пьзь III 215
 пькөд III 212, 217
 пык- III 212
 пын- I 409
 пыр I 409
 пыр- III 213
 пырньöв III 213
 пыр-ньöв III 212
 пыр-ньöл- I 409
 пырпдз III 212, 217
 пысь I 423
 -пысь I 142, III 215
 пычкы- I 417
- раб I 174, III 221
 разья III 221
 ректан III 216
 ри I 170
 рога III 222

рой I 428, III 215
роч III 217
рöмыд I 133
рудзöг I 428, III 215
рунь III 221
руч I 133, 137, 416;
III 214
рыныш I 432, III 216
рыш III 222
рыт III 217

сабри III 221
садь III 217
сайкыд III 217
сапöг III 223
саридз III 218
свинеч III 223
сё I 123, 127, 137,
424; III 215
сёй- I 418
сёйны III 214
сёркни III 216, 219
сёрни I 155
си I 426, III 215
си- I 429
спизм I 433, III 216
сизь I 428, III 215
сийöс I 137
сикöтш I 137
сикт III 217
син I 138, 400; III 213
синва III 212, 217
синм- I 123, 400
синны III 215
спрысь III 219
еись I 431, III 215
сийö I 411, III 214
сим I 427, III 215
сись I 408, III 214
сит I 140
сов III 215
сод- I 419
содны III 214
сой I 409
созор I 426; III 215
сол- I 429
сорöм III 216
сос I 409, III 214
сот- I 427
сотны III 215
сöв- I 406
сöвны III 214
сöл- I 406
сөн I 122, 147, 400;
III 213
сöп I 123, 140, 411;
III 214
сöскы- I 151, 406
сöт- I 140
спина III 224

су- I 430
судзны III 215
сукман III 216
сулавны III 214
сулал- I 420,
сунис III 216
суны III 215
сур III 216
сусо III 219
сус-пу I 403
суспу III 214
сöблал- I 419
сöблöм I 141, 401,
III 213
сöбм I 417, III 214
сöбп III 217
сöыв III 219
сöыли I 412, III 214
сы I 411
сыв III 213, 214
сыв- I 414
сыл I 401
сыл- I 122, 414
сын I 417, III 214
сын- I 408
сынны III 214
сынöд I 123, 413
сэрöг III 217
сэтөр I 428, III 215
сю I 428, III 215
сюв I 412, III 214
сюв- I 415, III 214
сювчöж III 214
сюв-чöж I 415
сюй- I 430
сю-кöсь I 400
сюл I 412, 415
сюлка I 154
сюлавны III 214
сюмал- I 417
сюмыс III 217, 218
сюр I 123, 143, 155,
412; III 214
сюри III 216, 219

та I 399
таг III 216
тайö I 399
талун III 220
тасма III 218
тасьти III 218
тi I 398
той I 415, III 214
том III 220
тош I 426
тöв I 120, 170, 413,
427; III 214
тöд- I 139, 405
тöдны I 127, III 214
тöл I 413, 427; III 215

тöл- I 154
тув I 432, III 215
туй I 427, III 215,
220
тул I 432
тулым III 219
тулыс I 413
тури I 415, III 214
турун III 215
турын I 428
тусь III 216, 219
тшöка III 223
тшöкыд I 421
тшуп- I 124
тшупны I 170
ты I 403, III 213, 214
ты- I 399
тыв III 213
тыдавны III 214
тык I 409
тыл I 154, 400
тыл-кört I 403
тыр I 119
тыри I 411, III 214
тэ I 399, III 213

ув I 427, III 213, 215
угол III 224
ул- I 139, 418
удж III 214
удны III 214
уж I 429, III 215
узь I 152
уй- I 406
уйны III 213
ул I 427
ул- I 148, 407
улмö III 219
ун I 419
ур I 149, 428; III 215
урьс III 218
усь- I 406
усьны III 214
утка III 223

чапкыны III 224
чарла III 216, 219
часть III 223
чег- I 418
чегны III 214
челядь III 220, 223
чепöльт- I 125
чеснök III 223
чигкись III 224
чигчи I 151
чипыш I 125
чож I 401, 417; III 213
чочкöм III 220
чöж III 214
чöй I 416

чөскыд III 216
чуж I 428, 215
чужны- I 124
чумали III 216
чумпель III 222

сайт III 218
шергөд- I 419
шляпа III 223
шобдI I 170, 415;
III 214
шөр III 216
шөр- II 212
шөравны III 212
шөрөсьны III 212
шөрөм III 213
шөрт I 432, III 216
шөрөштны III 212
шы I 433, III 216
шыд III 216
шыла III 223
шыр I 123, 416;
III 214
шыр- I 406, III 212
шырны III 214
шыш III 223

ыбөс I 421, III 215
ыж I 416, III 214
ыждыд III 220
ынь I 414
ынь-би I 414
-ысь: озысь III 214
ытшкыны III 212
ыы I 409

эж I 142
эзысь I 405, III 214,
217, 218
эм III 220
этайо I 399
эшты- I 430

ю I 129, 130, 403;
III 214
ю- I 137, 419
юал- I 430
юк- I 137, 406;
юкны III 214
юны III 214
юськ- I 151
юсь I 416, III 214

яга III 221
яран III 222

bel' III 221
bje III 216
bord I 400
burkej III 221

čež I 417
č'oz I 195
č'ukč'i I 176
čuž I 428

dojd III 336
dod III 336
döl I 421

enir III 217, 219, 336
ešin III 335
ešin III 335
eštini I 129

gariž' III 221
gor III 335
gorań I 426
gibav- I 139
gič' I 188
giž I 164
gižj- I 195

hol- I 154

im I 129
jž I 176, 186

jegir I 138
jem I 129
jenm- I 150
jermög III 336
jezvi I 206
ju I 137, 208
ju- I 186

kal'a III 221
karandis III 221
kel'kan III 221
kela III 222
kev I 177
ki I 115, 167
kiv 117
kja I 402
kjč I 188, 195
kji I 117
kij III 214
kjk I 204
kjl I 117, 188
kjl- I 186
kjal- I 187
kjr- I 195
kojmed I 209
koka III 221
kol'- I 167
køl- I 407
kor- I 167
korj- I 195
kožal' III 221
kuč I 187
kul- I 187

kureg III 336
kuvni I 210

l'anes I 123, 432, III 216
l'em I 147
l'emj- I 210
li I 187
lijm I 187
lijmj- I 195
l'uška III 221
l'orej III 222

ma I 115, 167, 204
maj I 399
mal' I 431, III 215
marja III 222
med III 336
meš III 335
mjl I 188
milkid I 430
miškal- I 406
moj I 399
mun- I 188
mus I 115, 204
musk- I 205
murtalni III 336

nel I 187
nil- I 188
nim I 187
nin I 187
noj III 336
nul I 187
nut III 222
nuta III 222

ol- I 167
ors III 217
pas III 336

ped- I 138
pel- I 164, 206
perk I 417
pi I 209
pil- I 210
piń I 187
pird III 222
pišt'i III 214
piv I 204
pizan III 335
poda III 216, 218
pol- I 167
pom I 164
porš I 177, III 335
pozj- I 197
pu I 186
pul- I 187
pur- I 187

Rebo III 222
ri II 431, III 215

sa I 204
 šela I 177
 šelem I 141, 164, 176
 šem I 176
 sen I 187
 sept- I 196
 sez I 418
 sez- I 418
 ší-jes I 137
 ší-keč I 137
 šil I 167, II 219
 šin I 204
 šo I 113
 solandek III 222
 šur- I 196
 sus I 409
 syl I 167
 šajt III 336
 šen I 424
 šir I 167

ta I 167
 tel I 110
 tel- I 196
 tjl- I 187
 toman III 335
 tuš III 222

ud- I 139
 uj- I 161
 ul- I 205
 ur I 115, 221
 ušem III 221

va I 115, 116, 167, 204
 vanč III 221
 varngs III 218
 vel I 177
 vel-dor I 430
 vež I 210

vil- I 164, 209
 vil' I 186
 vir I 116
 virb III 221
 vit I 116, 167, 187
 viž I 210
 vot III 336
 vož I 144
 vuñ I 409
 vur- I 204
 vuž- I 145

zibj- I 139

Коми-пермяцкий язык

ббра I 196
 веськыт III 220
 ви I 420, 422
 виль I 421
 вун III 220

дын I 414

йы I 413

казявны III 215
 квать I 424
 кельыт III 217
 кенак III 219
 керку I 423
 кин III 213
 коми I 402
 -көв I 418
 көдзыт I 431
 көз I 403
 -ку I 423
 кышав- I 431
 лэчыт III 217

мош I 416
 мый III 213

нарман III 220
 небыт III 217

ой I 414
 оль-пась I 422
 ötik I 423
 бшка I 428

паськыт III 217
 пельнянь III 216
 понуль I 415
 пул- I 405

сайкыт III 217
 сёр III 217, 219
 сёрнитны III 215
 сугонь III 216, 219
 суса III 219

та III 213
 торта III 216, 219

шогди I 415

ыджыт III 220

э III 213

юскы I 430
 юскыны III 215

jerne's III 336
 ještini II 129

koba III 219

orgs III 218

č'eber III 219

ОБСКО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ

Хантыйский язык

abka III 336
 äysəl III 336
 ahət I 153
 akar, akär III 337
 al I 413
 äl I 407
 ela- I 419
 äləm I 141
 älən, älнә III 333
 an 'свая' III 334
 än, änəy III 333
 äyari III 333

änt- III 333
 äntəp III 333
 äñsar I 412
 -äñt' I 415
 äyət- I 419
 aḡkəl, aḡkəl, aḡkəl, III 333
 ärənt, arnən, ärnən III 339
 äsweda, äsweda III 338
 ašt'ene III 338
 ät'yaš III 337
 awkkä III 336
 än III 334

äpəy III 333
 äñi III 337
 ämp I 435
 äl- I 406
 äḡkəl III 333
 ärən III 339
 ät- I 435

čač I 417
 čäče I 124
 čär III 333
 čäpčə I 415
 čowčək I 415
 čuč I 124

čunč I 415
čâγit III 336
čeγ- I 436
čew III 333
čimäs III 334
čop III 333
čow III 333

ejəm I 436
ekär III 337
el I 142
elɛ I 407
elawtəγi I 407
em- I 407
ëntew, ëntəp III 334
epəL I 408
et I 142
ewəl I 408
əj 'odin' I 399
əj 'ночь' I 143, 414
əsəl- I 406

hät- I 180
hor I 155
hot I 180
hut'əm I 150

γα- I 399
çal- I 210
çäiti I 167
çäj- I 141
çan III 337
çänti I 413
çän I 405
çapti III 336
çasay III 338
çasnä III 338
çaw I 403
ço- I 399
çoçəm I 421
çoD-əγ I 148
çöl, çöä I 142
çöləm I 120, 209
çomp^c I 112, 139
çönsä I 421
çös III 334
ços- I 400
çoj III 336
çøjəm I 414
çöL- I 418
çön III 338
çəpti III 336
çosay, çösay III 338
çöсна III 338
çöšəm I 421
çot I 423
çöL I 403
çöLəm I 423
çömət I 421

ços I 424
çot I 424
çu- I 399
çümp' I 139
çuri I 422
çüt I 142

il-, iL- I 421
iləm I 150, 414
ilən I 421
in I 399
inar, ĩnar III 336
isni III 335
is I 413
išni III 335
it I 399
it- I 435
it-, ĩt- III 333
il I 148, 407
itnənwəs, ĩtnəpəs II
335
jàn I 122, 147
jâγDe I 151
jâγəp I 137
jêšəs I 152
joγän I 129
jöl I 122
joγän I 137
jäkan III 337

jakar, jākär III 339
jăki III 337
jam I 436
jan I 400
janš- I 419
jâγa- I 405
jaγeL- I 414
järmak III 336
järnas III 336
jäkär III 339
jäki III 337
jänt'- I 419
jäwət I 437
jel I 405
jel I 406
jelən, jeL I 421
jêrk I 129
jermak, jermäk III 336
jernas, jernäs, jernäs III
336
jert I 413
jeləw I 405
jəwäγlə- I 405
jəm I 436
jərk I 400
jərkuri I 413
jərkuri I 155
jintəp, jintew III 333
jiγəl I 403

jintəp, jintew III 333
jit I 409
jogol- I 153
joγəl I 408
joγəl- I 406
jōγəl- I 408
jōhan I 208
jom I 123, 210, 404
jōγ I 402
jorui I 435
jört- I 406
joγəl I 408
joγən I 403
jom I 404
jōj I 408
lōrk I 413
jōrkər I 123
jöntəγ I 409
juγtəjänt' I 415
juj I 400
jukint' I 403
juntəm III 333

kač- I 421
kajəγ, kajək III 339
kajəm I 414
kăjuk III 339
kal- I 418
käl- I 180
kälä- I 407
kaləw I 409
käl'i I 149
kan III 338
kəntəγ I 413
kantəm- I 138
kar 'camen' I 155, 401
kar 'ropa' I 415
kärft, karti III 335
kat 'мэба' I 423
kat 'дба' I 423
kätəm I 436
katu III 333
kän III 338
kât I 149
kän I 436
kär I 415
kät I 423
keL I 401
kepän III 337
kepat I 152
ker 'печь' III 335
ker 'наст' I 415
keš' I 422
ket I 434
kət I 119, 137, 167
ketsur I 434
kew I 143, 417
kəj I 416
kət I 204

- kīL- I 419
 kir I 415
 kit-, kīt- III 333
 kiñt' I 403
 ko- I 399
 kogəl I 154
 koγ I 417
 koji I 399
 kol I 403
 koləm I 423
 kōləm I 120
 komət I 421
 komp I 402
 kōŋ I 411
 kōnēaγ I 421
 kōñ- I 147, 405
 kōŋnai I 147
 kōŋnaj I 412
 kor I 112
 koγ III 335
 kos I 424
 kos- I 400
 kōsə I 415
 kōsjeγk I 400
 kot I 399
 kōteγ I 435
 kəl- I 407
 kələk I 404
 kəs I 402
 koγ III 335
 kōcəγ I 422
 kōj- I 423
 kōjəγ I 416
 kōl I 401
 kōnē I 145
 kōŋi I 412
 kōr III 335
 kōt I 412, 434
 kōtsor I 434
 kōwət I 152
 ku I 402
 kujt'ōt'korek, kujt'ut'-
 kōrek III 336
 kuł I 404
 kul'əm I 150
 kult I 401
 kunəŋ I 400
 kuñəl' I 402
 kuri I 422
 kut I 180, 424
 kül- I 419
 küli I 401

 lagəl- I 153
 lel- I 418
 lan I 187, 400
 läŋa- I 405
 länt I 415
 lar I 435
 läsi- I 436

 läw I 400
 lawtək I 152
 länt I 415
 läwət I 437
 lel- I 406
 lerəmt- I 419
 li- I 418
 li I 424
 lil I 132
 lis I 153
 liγəl I 403
 liγ I 409
 loγəl- I 406
 loγ I 435
 löγ I 400
 lökemə- I 420
 lökim- I 140
 lol I 122
 löla- I 414
 löle I 414
 lönt I 112, 132, 139
 löŋ I 402
 lorñe I 435
 lört- I 406
 löw I 411
 lönt I 416
 lönsi I 421
 löγ I 411
 löj I 408
 lök I 140
 löl I 401
 löŋkər I 123, 416
 luj I 400
 lükemə- I 420
 lułj III 333
 luñt'ə I 421
 luŋk I 424
 l'ōγət I 132
 l'ök I 132
 LaL I 401
 Le- I 418
 Lenkər I 416
 LiL I 424
 Lij I 418
 Loγ I 408
 LōL- I 418
 Lōŋ- I 405
 Lōŋət- I 407
 Lōrt- I 406
 Lon I 400
 ŋowəs III 338
 Lüŋ I 402
 ŋušitti III 338
 làn I 122
 läŋkər I 123
 lin I 147
 löΔ I 122
 lönt I 132

 mǎ- I 405
 mäl I 436
 mal'saŋ III 336
 mañt', mañt'- I 437
 mära I 435
 marət- I 435
 märtälə- III 336
 mās III 335
 mašter, mašter III 338
 mä I 399
 mel I 436
 melək I 436
 meñ I 402
 məŋ I 399
 mes III 335
 mewti I 415
 mə- I 405
 məγ I 402
 məL' I 415
 mən- I 131, 406
 məntá I 147
 mət' I 415
 min I 399
 miŋ III 339
 miš III 335
 mit, miŋ III 336
 miŋ III 339
 moŋ I 401
 morəγ, morək I 403
 mōrtəmə- III 336
 məlsi III 336
 möγəl I 411
 mōŋi I 399
 möγtəγ I 415
 mugel I 151, 400
 müγγəŋ I 167
 mur III 339
 mus III 335
 müw I 402

 näγlat, nakLät III 339
 nej III 336
 nem I 401
 nēm I 131
 näj III 333
 ni I 401
 ni- I 417
 niŋ I 401
 niŋk, niŋk I 405
 niw- I 417
 nōj, noj III 339
 nopət, nōpət, nopət, no-
 pət III 334
 num I 407
 nöγər I 436
 nöl I 409
 ñal I 409
 ñäl I 131
 ñel- I 148

- nála- I 406
 náiki I 404
 náL I 423
 náa- I 148
 náar I 403
 náarəm I 155
 nálem I 412
 náel- I 180, 405
 néet- I 180
 nálä I 154, 157
 nálo I 423
 náiləx I 437
 níwəL I 437
 níqəl- I 408
 níðəs I 151
 níoxəs I 404, 416
 níðl'í I 404
 níuxəl- I 408

 ogəl I 153
 ojet III 333
 olno I 417
 oL- I 419
 ónle III 334
 óɣar III 333
 oɣɣ, oɣk III 333
 óɣti III 333
 ot I 413
 ot III 336
 ót'- I 406
 oɣət I 402
 ol I 413
 on III 334
 qəl I 409
 qəL I 421
 qɣɣ III 333
 ój I 408
 ól- I 413

 päg I 154
 paɣən- I 420
 päx I 209
 pəx I 209, 413
 paj III 337
 päl I 436
 pəl I 422
 paləŋ I 210
 pam I 435
 pänt III 335
 part'arɣ III 337
 pas 'знак' III 336
 pas 'рукaвнцы' I 142, 423
 päsan, päsan III 335
 pat- I 403
 päť- I 412
 päɣkəl III 333
 päš III 336
 päk I 436
 päl- I 142
 peçəx I 404

 pelək I 407
 pent- I 418
 pənt III 335
 pentä I 138
 pəsän, pəsän III 335
 pezi I 404
 peɣtə I 436
 pəl 'uxo' I 154, 412
 pəl 'гнездо' I 120, 142, 163, 180, 404
 pəl- I 405
 pəlät I 436
 pələm I 400
 pələŋ I 154
 pəɣk I 404
 portäx I 420
 pəsəm III 333
 pət I 154
 pət: I 400
 pirik III 338
 pit I 142
 pikiŋ I 418
 pír I 407
 pəɣ- I 402
 poj I 413
 pəl I 422
 pən III 333
 pənəl- I 409
 pəɣəm I 146
 pör I 409
 pör- I 157, 418
 posər- I 144
 pös I 412
 pot I 403
 pot- I 406
 pəl't' I 436
 pəs III 336
 pət- I 403
 pəɣk I 147
 pəɣəs, pəɣəs III 335
 pəɣəŋ I 435
 pəet I 142
 puj III 333
 pul I 406
 puji I 406
 punč- I 418
 puɣkət I 138
 pusər- I 417
 puš I 112
 put I 422

 räñ III 336
 řimk^{cj} I 133
 rəɣkət- I 422
 rok III 333
 ropilta, ropiltətəyə III 338
 ropata III 338
 řopittä, řopittí III 338
 ruɣɣət- I 422

 sáɣər III 337
 saɣər, sáɣər, saɣər III 338
 sáɣlät III 339
 saj I 154, 415
 säjat III 336
 sakar III 338
 saklat, sáklat III 339
 salkwaj III 339
 sam I 417
 samawar III 338
 sat I 424
 sät I 123, 137
 säɣər III 338
 säwəl I 412
 säɣari III 338
 sem I 204, 400
 sēm I 123
 sēm I 141, 401
 seŋ- I 418
 sēs- III 337
 sil I 436
 siɣəs III 333
 siɣk III 333
 siwəs I 151
 söɣ I 416
 sol I 412
 söla III 337
 söLkəwa III 339
 soma I 422
 sor I 434
 sos-, sör I 436
 söto III 337
 söw III 333
 söp III 333
 söj I 415
 söLtat III 339
 söm I 417
 sət I 424
 söw I 416
 söɣ- I 436
 söɣəs I 142
 söɣəs I 414
 söj I 405
 söjeɣ- I 419
 söŋ- I 418
 söpat I 137
 sujew, süjəw III 336
 sur I 434
 sügəs I 151
 šan, šanəw 336
 šärpí I 412
 šär III 338
 ší I 399
 šísköɣeɣ, šískörek III 336
 šíw I 399
 šarəp III 338
 šarittí III 338
 šepəŋ III 333
 šiŋeš III 333

- šišopsi III 334
 šoγ I 421
 šōγəL III 334
 šəjət, šəjt III 336
 šəmsī I 415
 šəp III 333
 šəs I 417
 šup III 333
 šūs I 415
 šūw- I 436

 täl I 154, 180
 täl I 413
 tāman III 335
 tānt I 170
 tarəγ I 415
 te I 399
 teγət I 403
 tel I 421
 teləγ I 413
 teɾkər I 123
 tep I 418
 tew- I 436
 tēwəm I 163
 tewtəm I 415
 tə I 399
 tələ I 180
 tələγ I 120
 tət 'сажень', I 122, 167
 tet 'здесь' I 399
 tim I 399
 tis I 153
 tōgəl I 154, 400
 togət- I 153
 tōgəf I 154
 toγət I 157
 tōγī I 413
 tōγ I 403
 tōγət I 409
 toltna I 437
 tomi I 399
 tōman III 335
 tōn I 122, 147
 tōŋət- I 407
 torəm, tōrəm III 334
 tōrəp I 411
 tər I 415
 təwī I 413
 tərəm, tōrəm III 334
 tōγət I 435
 tōγtəm I 415
 t'atγə III 337
 t'äγət- I 132
 t'it I 399
 t'ərpə I 155
 t'ök I 132
 tu- I 406
 tujət, tūjət III 336
 tunt I 416
 tūnt I 132

 tur I 435
 tus I 112
 tüγət I 436

 ul I 403
 uləp III 334
 ūnʈs I 145
 up I 413
 urɾi I 404
 urwī I 413
 us I 404
 utən I 417
 uatš I 144
 ūət I 167
 ūkəs III 337
 ütəγtə- III 333

 wač I 408
 waγəl- I 419
 wäχ I 405
 waχ- I 422
 waj III 333
 wäjəγ, wajəγ III 333
 waksar III 333
 wel- I 417
 waɾɾχ- I 422
 war III 335
 wär III 334
 wäreγl- III 333
 wäsə, wesa I 415
 wasī I 415
 was I 422
 wat III 335
 wän III 333
 wär III 335
 wāt III 335
 wänt'- I 422
 wär III 335
 wäsəγ I 415
 wel- I 420
 weləm I 412
 wēləm I 141
 weli I 416, 425
 weL- I 420
 weŋ I 401
 wet I 424
 wēt I 131, 140
 wə- I 435
 wər I 131, 157, 412
 wəs III 335
 wint III 338
 viš I 404
 woγəl I 421
 wōγəl- I 419
 woj 'животное' III 333
 woj 'масло', I 131, 143, 422
 wojle III 334
 woL- I 417
 wont I 414

 woŋ I 401
 wəj III 333
 wəŋ- I 422
 wət III 335
 woγət III 333
 wə| I 409
 wət III 336
 wəzəm I 408
 wu- I 435
 wuləp, wüləp III 334
 wülü I 416
 wūr-məL' I 415
 wut III 336

Мансийский язык

 äχt I 402
 aj- I 419
 ākar III 337
 al- I 420
 ala I 407
 ālm- I 406
 āln III 333
 am I 399
 āmp I 435
 āni III 333
 ānsər I 411
 āɾari III 333
 āŋχ- I 419
 āɾkal III 333
 ārnta III 339
 ārpi III 335
 at 'запах' I 408
 at 'пяты' I 424
 atwəs I 405
 āšter I 436
 āk, ākə I 423
 āɾkl III 333
 āš I 402
 āt 'запах' I 408
 āt 'пяты' I 424

 əl- I 421
 əlem I 414
 ələn I 421
 əl'əm I 436
 ɛnt- III 333
 ɛntəp, ɛntəp- III 333
 ɛs I 413
 əšəm I 421
 ɛj- I 130, 137
 ɛt I 131, 140, 167

 hoñ I 147
 hool- I 180
 hoot I 180
 hult- I 154
 huunt- I 138

- xanal I 400
 xār I 401
 xart- I 436
 xas- I 435
 xat- I 435
 xāj I 435
 xānal I 400
 xārt- I 436
 xāt- I 435
 xoj I 402
 xōj I 435
 xol-, xāl- I 407
 xoly I 404
 xom I 402
 xomlax, xomlax III 337
 xōmtax III 337
 xoni I 421
 xōnt I 413
 xon- I 405
 xop I 402
 xosa, xosə I 408
 xōsey III 338
 xōsna, xōsnə III 338
 xot- I 435
 xotaŋ I 435
 xotal, xōtal III 333
 xotxasl- I 435
 xōwt I 403
 xō- I 399
 xōn III 338
 xōni I 421
 xōŋya I 399
 xōpt III 336
 xōt I 424
 xōtal III 333
 xu- I 399
 xul' I 424
 xul I 404
 xul- I 418
 xul- I 407
 xulax I 404
 xulep I 409
 xul' I 141
 xul'əm I 414
 xul'ətər I 424
 xum I 402
 xumB I 139
 xump I 402
 xun I 399
 xüntəl' I 435
 xun I 399
 xunš I 400
 xura I 422
 xurəm I 120
 xurəm I 423
 xus I 424
 xuswit I 400
 xūt- I 436
 xūti I 401
 i I 143, 414
 il- I 421
 iləm I 414
 il'əm I 436
 inar III 336
 is- I 406
 isəm I 421
 isnas III 335
 is I 413
 iswēssa III 338
 ityal- ityəl III 333
 ja I 129, 137
 jaas'γ I 148
 jə I 208
 jā I 403
 Jakan III 337
 jākar, jākor III 339
 jalt- I 405
 jāntew I 180
 jantəw I 409
 jāmt'ew III 336
 jārk I 129, 413
 jārmak III 336
 jālx I 407
 jālt- I 405
 jēkur, jekwər I 435
 ji I 143, 414
 jolən I 407
 jol-mārəxt I 435
 jomas I 436
 jošvoj I 416
 jowt I 408
 jūnt- III 333
 jupka III 338
 jūntəp III 333
 jūpkə III 338
 kaar I 155
 kayt I 142
 kāk III 339
 kāl- I 419
 kal' I 416
 kāpən III 337
 karašsin, karašir III 338
 kasaj I 422
 kāsew I 415
 kāa- I 210
 kat, kät I 400, 412
 kattul' I 400
 kaw I 417
 kāj- I 423
 käl III 339
 kälst'ənə III 338
 kārx III 335
 kāsi I 422
 kät I 435
 kät I 119, 137, 167
 kät-sār I 434
 kāw I 143
 keynə I 436
 kelä I 401
 kēr 'kopa' I 415
 kēr 'kēteao' I 417, 435,
 III 335
 kesirku I 436
 keš- I 436
 kēr I 401
 khuop I 409
 khuta, khuti I 401
 kyōns I 145
 kis, kiš I 144
 kit I 204, 423
 kiwər I 420
 ko- I 399
 koasəŋ I 415
 koj- I 423
 kol I 407, 422
 kōl I 404
 kolala I 407
 kolas I 435
 kolyos III 338
 konl, konl-ōwəl I 412
 kōnt I 413
 kōnš I 402
 košši I 416
 kot I 152
 koβt I 142
 kōt- I 153, 423
 kōjəx III 339
 kōpən III 337
 ku I 436
 kulak III 339
 kul'najər I 424
 kuL' I 424
 kump I 112, 139
 kušs- I 416
 kūr III 335
 kūrəm I 120
 kus I 180
 kuš I 144
 kūt- I 436
 kū I 211
 kū I 143
 kūnš I 145
 kūnš I 164
 kūr III 335
 kwāškertayt- I 436
 kwāät I 152
 kwäl I 422
 kβän I 147
 kβänγəl' I 147
 kwät I 152
 kwosertayt- I 436
 lail, lail-sār I 435
 lām I 423
 läpka III 339
 laš- I 436

lawkə III 339
 låw I 437
 låk- I 420
 l'aam I 123, 210
 l'am I 404
 l'äkwi I 132
 l'am I 210
 lees I 153
 læp- I 418
 læγ, liγ I 421
 lil, lili, I 424
 lili I 132
 lo I 435
 loñsəŋ I 421
 lowint- I 407
 lōwas III 338
 lökam I 140
 löm I 423
 löš- I 436
 lu I 400
 lūliγ III 333
 lunD I 112
 lunt I 132, 416
 lūnt I 139
 lūpi I 414
 lusitarŋke III 338
 luw I 435
 l'ūkamd I 132
 l'ukt- I 132

 mā I 402
 māyl I 411
 mait I 167
 majt I 151, 400
 mal- I 419
 mältip I 436
 mān I 399
 mana I 399
 mañ I 402
 maréxt I 435
 māstər III 338
 matər I 399
 mān I 401
 mārγ I 403
 män I 402
 mänt, mäntəl, mäntəs
 I 420
 mān I 147
 mēt III 336
 meutk I 415
 mæ- I 405
 mæl I 436
 mæn- I 131, 406
 mi- I 405
 mil I 436
 min- I 406
 miñ I 147
 miñ- I 147
 mir, mirkäl III 339
 mis III 335

mon I 401
 moray I 403
 mört- III 336
 mostə III 339
 mæl'saŋ III 336
 mört- III 336
 möltəp I 436
 möster III 338
 mul- I 419
 murs- I 435
 müsta III 339

 naylət III 339
 näj III 333
 näklat III 339
 nal I 409
 nam I 401
 näγər I 436
 nät III 334
 näjət I 424
 näl I 409
 näm I 401
 näwrä I 436
 nē I 401
 neyl- I 417
 -nēk I 404
 nəl I 409
 nejt I 155
 nem I 131
 not III 334
 nōj III 333
 nuj III 336
 nuj- I 418
 num, numi, numi tārəm
 I 407
 ŋaarəm I 155
 ŋajt I 424
 ŋäl I 131, 409
 ŋal- I 180
 ŋalt I 405
 ŋawl-, ŋawl- I 408
 ŋälənt- I 148, 406
 ŋällaw I 437
 ŋajt I 155
 ŋələm I 412
 ŋəl I 131
 ŋixwoj I 405
 ŋila I 180, 423
 ŋili, ŋiloe, ŋili I 154
 ŋirk I 405
 ŋir I 403
 ŋoγəs I 404
 ŋoγes I 151
 ŋoγəs I 416
 ŋoγs I 404
 ŋōj- I 418
 ŋolant- I 406
 ŋōlt- I 405
 ŋuyt's I 151
 ŋuli I 404

oγsar III 333
 ojt III 333
 okka III 336
 ol- I 417
 olə I 409
 om I 399
 oγxəs III 337
 oštər I 436
 oš I 416
 oša I 415
 ovka III 336
 oβ I 148
 ökka III 336
 öl- I 417
 ölan I 417
 öγx III 333
 öγtel, öγtil III 333
 öš I 416
 öj- I 180
 öks III 337
 ökar III 337
 ölm- I 406
 ömp I 435
 öne III 333
 öront III 339
 öt-, ötəmkər I 435

 pajt- I 408
 päl I 407
 palan III 339
 palit I 436
 pal' I 412
 pal'ta III 338
 pasan III 335
 pasən I 422
 pasi° I 404
 passa I 423
 passə I 142
 -pā I 403
 päl'te III 338
 pänl- I 423
 päl I 164
 pält I 436
 päl' I 154
 pänk I 400
 päŋk I 147, 164, 435
 päŋkxōj I 435
 päsen III 335
 päst I 409
 peγ I 436
 pent I 418
 pər̄k I 417
 peγ III 338
 pət'am I 400
 -pē I 403
 peŋ 'əyb' I 147
 peŋ 'golova' I 147
 pent- I 138
 pi I 209

- piy I 413
 pil I 404
 pil- I 405
 pil' I 154
 pirak III 338
 pisol- III 333
 pit'i I 142, 163, 180
 pit'mi I 400
 pyg I 154
 plan III 339
 poānmel I 423
 počta III 339
 pōj III 337
 pol I 404
 pōl'ta I 415
 pom I 435
 pon III 333
 pōn- I 409
 por̄kəl III 333
 por- I 418
 porä I 409
 poršəy III 337
 pōs III 336
 posim I 435
 poś I 412
 poś- I 412
 posəm I 435
 pow- 'братъ' I 435
 pow- 'лугъ' I 402
 powrmat- I 436
 pəl'- I 414
 pōs III 336
 pēt III 336
 pōj- I 408
 pōl I 407
 pōw I 154
 poesge I 142
 pu j III 333
 pūl I 180, 406
 pum I 435
 punč-, puns-, pūnš- I 418
 puḡ I 147
 pūḡlāp I 138
 puḡk I 400
 pur- I 418
 pūraš, pūrs III 335
 pursay III 337
 put I 403
 pūt I 422
 puw- I 435
 pū I 154
 qāt I 180

 rak III 333
 ropota, rūpata III 338
 rūpitaḡke III 338

 say- I 436
 sayir I 411

 saj I 408
 sājət, sājət III 336
 sākkar, sākkər III 338
 sāklat III 339
 sakon III 339
 sal' I 415
 sal'ḡ- I 419
 sam I 204, 400
 sām I 417
 samovar, samwar III 338
 saḡk I 418
 sāḡki III 333
 sāp III 333
 sārəp III 338
 sāritaḡke III 338
 sasiḡ I 401
 sās I 417
 sāt 'cro' I 123, 137, 424
 sāt 'cemь' I 437
 saw I 421
 saw- I 436
 sāyr III 337
 sāltət III 339
 sār I 434
 sāssä I 124
 sāu I 416
 sāw III 333
 sāḡ- I 436
 sāj I 408
 sāl'ḡ, I 419
 sām I 123
 səl I 436
 səl' I 415
 sēm I 417
 səp I 412
 sigəs I 151
 silkwoj III 339
 sim I 141, 401
 siḡk III 333
 siḡa-jiw siḡḡās, III 333
 sis- III 337
 siws I 151
 syyl' I 154
 soār I 411
 sojwoj I 422
 sol III 337
 solkōwin III 339
 sons I 415
 soorp I 155
 sosiḡ I 415
 sowəl III 334
 sōltat III 339
 sōyr III 337
 sōylət III 339
 sōms III 334
 sōnk- I 418
 sōp III 333

 sōt I 437
 sukari III 338
 sul III 337
 sunt I 400
 suole I 415
 sup III 333
 sūsəm III 334
 süker III 338
 sül'i I 405
 šanəw III 336
 šimsək, šimsək III 338
 šiškorak, šiškurək, šiškurək III 335
 šolwa, šolwə III 337
 šōrpi I 412
 šarp III 338
 šāt I 424
 šāu I 421
 šām I 123, 400
 šəš I 417
 šēt I 123
 šəm I 401
 šəp I 412
 šoš I 415
 šowəl III 334
 šōym- I 436

 ta I 399
 tagt- I 153
 tāyl I 421
 taḡtkōl I 404
 tajət I 409
 tākəm I 415
 taks I 414
 tal I 401
 tāl I 413
 tāl- I 406
 tal'k I 154
 tan I 147, 400
 tān I 122
 taḡkər I 416
 taramt-, tarāt- I 419
 tāriḡ I 415
 tāt I 403
 tat'- I 418
 taw I 411
 tawt I 436
 tawt- I 153
 tāht I 153
 tāl- I 414
 tāmp- I 435
 tārən I 435
 tāäl I 154, 180
 tāl I 122, 167, 401
 tāl I 120
 tāp I 123, 140, 411
 tāwət I 436
 te I 399
 tē- I 418

tēla III 339
tet I 399
tēn I 187
tə, tət I 399
teŋər I 123
ti I 399
tipyəl- I 436
tit I 399
tit- I 418
tō I 403
toγət I 409
toγər- I 419
toyt I 409
tōlo- I 406
tolota, tolōte III 338
tol'ə I 400
tōmp I 435
ton I 399
tool I 154
tōrəm III 334
tōš- I 436
tow I 424
tow- I 408
towəl I 400
towt I 408
towt- I 406
tōrəm III 334
tōs- I 436
tōwt- I 406
toj I 402
tōks I 142
tōl- I 406
tōwt I 435

tū I 402
tuj- I 405
tūja I 413
tujt III 336
tūlt I 437
tul'a I 400
tuman III 335
tump I 435
tur 'горло' I 435
tur 'озеро, половець',
I 435
tūw I 402

uj- I 161
uj- I 406
ūj III 333
ūlem I 141
ūləm I 419
ūlēs I 412
uliš, ul'is III 339
ūn III 334
unš- I 145
unš I 435
uosl I 154
up I 413
ūr- I 435
urinēk I 404
ūs I 435
ūš I 404
ūfēγ I 422
ūtpi III 334
uusil I 154

vouta- I 421
vūs I 408

wāyl- I 419
wāylap I 412
wāləm I 412
wās I 415
wāŋən III 333
wāsīγ III 335
wāi I 143
wāj I 422
wēri III 335
wēsi III 335
wə- I 435
-wəs I 405
wət' I 402
wər-məl I 149
weləm I 141
wi- I 435
wiγr I 412
wint-, winterγ III 338
wit I 133, 137, 204,
402
wōi I 131
woj I 405, III 333
wojl- I 419
woγk- I 422
wōt, wēt III 335
wula I 409
wūr I 131

βoša I 415

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

a I 399
abroncs III 410
ács III 409
ad- I 139, 418
ad-ni III 407
adoptál-ni III 412
ág III 407
agg I 421, III 407
ágy I 422, III 407
agyar I 412
ágyék I 435
al I 205, 407
al- I 148, 419
alj I 400
áll I 412
áll- I 420
alma III 409
álmom I 141
alud-, alsz-, alv- I 419
anya I 205
apellál-ni III 412
április III 412
apró III 409

ár 'шило' I 423
ár 'течение' I 435, III 407
arany I 435, III 407
árva I 155, III 413
asszony III 408
aszal- I 436
asztag III 410
asztal III 410
av- I 405
az I 399
[äpä] I 196

bab III 410
bal I 120
bárány III 410
barát III 410
bárka III 413
bársony III 409
bátor III 409
béklyó III 409
bél, belet I 420
belső I 420
betű III 409

bika III 409
biliárd III 411
bog I 138
bognár III 411
bogyó I 404
bolha III 410
bolsevik III 410
bolyó диал. I 404
bor III 409
borbély III 411
borjú III 409
borotva III 410
boszorkány III 409
bölcс III 409
búza III 409

cékla III 410
cél III 411
ceruza III 412
cet III 413
cimbora III 413
citrom III 412
cukor III 412

- család III 410
 csat III 409
 csereznye III 410
 csíp I 125
 csizma III 410
 csomó I 150, 125
 csödör III 409
 csósz III 409
 csuka III 410
 csupor I 125
- dáma III 411
 daru, darut, darvat I 415
 datolya III 413
 december III 412
 déd III 410
 dél III 409
 diktálni III 412
 dió III 409
 disznó III 409
 dívány III 409
 dob- I 435
 domb I 435
 drága III 410
 drót III 411
 dug- I 120, 138, 419
- e I 399
 eb III 408
 ëb I 435
 ed устар. I 415
 edz- I 435
 ég I 123, 413
 ég- I 414
 éger I 138
 egér I 123, 416, III 407
 egeret I 416
 eget I 413
 egy I 399
 ëh I 411
 éj I 130, 143, 204, 414, III 407
 eke III 409
 el- I 436
 él I 405
 él- I 163, 167
 elefánt III 413
 ell- устар. 'садиться' I 406
 ell- 'родиться' I 419
 él-ni III 407
 elő, elől, előtt I 421
 em- устар. I 407
 eme I 402
 ember I 402
 emel- I 406
 emlő I 407
 én, engem I 399
- enni, en-ni I 163, III 407
 enyv; enyü, enyű, диал. I 436
 epe I 123, 140, 196, 411, III 407
 eper III 408
 epër, epërj I 435
 ér I 204
 ered-, ereszt- I 419
 erkély III 411
 es диал. I 406
 es, eső I 406
 ész- I 418
 ev- I 163
 ëv- I 418
 év I 413, III 407
 ez I 399
- fa I 403, III 407
 facsar- I 144, 417
 faggyú I 436
 fagy I 413
 fagyal I 403
 fajd I 415
 fakad- I 420
 fal I 422, III 407
 fal- I 406
 falat I 180, 406
 far I 407
 fárad I 436
 farol- I 407
 fáz- I 403
 fazék I 422, III 407
 fecske I 154, III 407
 fëcske I 416
 fed- I 138
 fëd- I 418
 fej I 147, 164, 400, III 407
 fejsze I 409
 fëk I 436
 fekete I 436
 fel I 436
 fél I 164, 204, 206, 407
 fél- I 405
 feleség I 407
 felet I 164, 407
 felhő I 154, 210, III 407
 felleg I 154, 210
 félni, fél-ni I 207, III 407
 fen- I 423
 fene I 416
 fenyő I 415
 férëg, férget I 417
 fësze диал. I 409
- fëszek I 163, 180, 196, 404
 fëszëk I 120
 fëszket I 404
 fi I 209, 413
 ficsur III 414
 fiú I 154, 413, III 407
 fog-ni III 408
 font III 411
 fő I 147, 400
 fő- II 408
 főd- I 418
 fog I 147
 fog- I 435
 fogoly I 404
 fogy- I 420
 fon- I 409
 föl, fölött I 436
 föz- I 408
 fúj- I 402
 fül- I 418
 fullad- I 418
 fúr, fúró I 409
 fut- I 406
 fű I 435, III 408
 fül I 154, 412
 fülemüle III 413
 füst I 435
 fület I 435
 fúz- I 419
- gallér III 411
 gonosz III 410
 görény III 409
 gróf III 411
- gyalog I 129, 412
 gyapjú III 409
 gyárt-ani III 409
 gyémánt III 411
 gyomor III 409
 gyökér, gyökeret I 435
- hab I 112, 139, 402, III 407
 had I 413
 hagy диал. I 424
 hagy- I 141, 167
 hagymáz I 424
 haj I 435
 háj I 412
 haj-nal I 402
 hal I 180, 210, 404, III 407
 hal- I 407
 hál- I 418
 halad- I 154, 406
 hall- I 407
 hall-ani III 408
 hal-ni III 408

- háló I 409
 hályog I 149
 hamu I 414
 hangya, hangyál dial. I 416
 hanyatt I 421
 három I 120, 209, 423
 hárs I 403
 hasad- I 435
 hat I 180, 196, 424
 hát I 401
 hattyú I 435, III 408
 havat I 403
 ház I 204, 243, III 407
 here I 155, 401
 hét, hetet I 437
 híd III 408
 him I 402
 híz- I 436
 ho- I 399
 hó I 403, III 407
 hód I 435, III 408
 hogy I 399
 hol I 399
 holló I 404
 hón, hónap I 400
 hord- I 436
 hosszú I 408, III 407
 hová I 399
 hölgy I 416
 húgy уcrap. I 145, 402
 húgy I 400
 hugyoz I 400
 húnny I 147
 húnny- I 405
 hús I 180, 424
 hűz- I 435

 i- I 419
 ideg I 180, 409
 íh dial. I 411
 íj I 408
 ín I 122, 147, 187, 400
 ina- I 400
 in-ni III 408
 íny I 411
 ip- I 140
 ipa I 413
 ír-ni III 408
 irt-, irtok I 406
 isz- I 419
 itt I 399
 ív I 408
 iv- I 130, 137, 419
 íz I 408

 jalog уcrap. I 129
 járom III 410
 jég I 129, 413

 jeget I 413
 jó уcrap. 'река' I 129, 137, 208, 403
 jó 'хороший' I 436, III 408
 joh, john, juh, junh уcrap. I 411

 kandalló III 413
 kántor III 412
 kápolna III 412
 kar I 407
 karfiol III 412
 kávé III 409
 kel- I 419
 kell- I 418
 kemény I 408
 kender I 113
 kengyel III 408
 kér I 163, 168
 kér- I 167, 419
 kéreg I 149, 415
 kérni, kér-ni I 127, III 408
 kés I 422
 keserű I 436, III 407
 keszeg I 415
 két I 204, 423
 kettő I 168, 423
 kéz I 115, 119, 137, 167, 175, 412, III 407
 kezet I 412
 ki I 398
 kigyó I 404, III 407
 kijó dial. I 404
 kilincs III 413
 [kinnê] dial. I 436
 király III 410
 kolhóz III 410
 kóstol-ni III 412
 kő I 143, 417, 430, III 407
 köles I 435
 könny I 401
 könnyű I 436
 könnyök I 147, 412
 köszörűkő I 436
 köszörül- I 436
 köt- I 153, 423
 köved- dial. I 408
 követ- I 417, 423
 köveszt- I 408
 kulcs III 410
 kűsz- I 145
 kűszöb III 407

 lábszár I 435
 lágy I 145, 421
 lak I 422

 lakat III 413
 lam уcrap. I 414
 langyos I 421
 lép I 414
 lé I 147, 423, III 407
 lè- I 417
 légy, legyet I 416
 lel- I 418
 lélek I 132, 167, 424
 lép I 140
 lép I 401
 lep- I 418
 les, les- I 436
 lèv- I 417
 leves I 147, 423
 ló I 435, III 408
 lom уcrap. I 147, 414
 ló- I 421
 lők- I 140, 420
 ló-ni III 408
 lóv- I 421
 lúd I 112, 132, 139, 416, III 407
 ludat I 416
 lyuk I 140

 mag I 412
 máj I 115, 151, 167, 168, 205, 400, III 407
 mák III 410
 málé III 414
 márt- I 435
 mártir III 412
 medve III 410
 mæg I 420
 meggy I 415, III 407
 mæggy I 149
 méh I 416, III 407
 meleg I 436, III 408
 mell I 411
 mély I 436
 mén I 131
 men- I 147, 406
 men-ni III 408
 meny I 147, III 407
 mænny I 402
 menny I 414, III 407
 mer (it) I 435
 mese I 437
 mesél- I 437
 mész I 115, 204, 422
 mi 'что?' I 399
 mi 'мы' I 399
 mise III 412
 mony dial. I 401
 mos- I 153, 406
 mos-ni III 408
 mög, mögött I 420

- mül- I 419
 -né I 401
 négy I 154, 157, 180,
 196, 204, 423
 német III 410
 nemez III 408
 név I 131, 146, 401
 néz- I 417
 néz-ni III 408
 nó I 401, 407
 nyal- I 148, 406
 nyaláb I 437
 nyél I 409
 nyel- I 180, 405
 nyelet I 409
 nyelv I 146, 412
 nyereg I 436, III 408
 nyerget I 436
 nyíl I 131, 409, III
 407
 nyilat I 409
 nyír I 403
 nyolc I 437
 nyújt- I 420
 nyúl I 404, 407
 nyúl- I 420
 nyulat I 404
 nyuszt I 151, 404, 416
 nyúz- I 418
 nyú, nyüves. nyüvet I 405
 ó I 421
 old- I 419
 ólom I 417
 olvad- I 414
 olvas- I 407
 olvas-ni III 408
 ón I 417, III 407
 orgona III 412
 orot- дуал. I 406
 orr III 407
 ostor I 436
 ostrom III 411
 oūd- учар. I 419
 ő I 411
 őcs III 407
 öl I 122, 167, 401
 öl- I 420
 ón I 417
 ós I 402, III 407
 ósz I 142, 414, III
 407
 öt I 116, 131, 140,
 167, 196, 214, 424
 öv I 409, III 407
 öv- I 411
 pap III 410
 paradicsom III 412
 paraszt III 410
 paróka III 411
 patkó III 410
 pecsét III 410
 petrezselyem III 412
 piac III 413
 pisztoly III 411
 prédikál-ni III 412
 rak-ni III 408
 ráspoly III 411
 ravasz I 133, 137,
 416
 ribizli III 412
 ró- I 422
 róka I 133, 416, III
 407
 rov- I 422
 ruha III 410
 sánc III 411
 savanyú I 436
 sétál-ni III 410
 sok I 421
 sovány I 421, III 407
 spanyol III 413
 spenót III 412
 süll учар. I 400, 415
 süly учар. I 400
 sün I 415, III 407
 süt-л 436
 süt-ni III 408
 sváb III 411
 szád III 400
 száj I 400, III 407
 szár I 435
 szarv I 123, 143, 155,
 412
 száz I 113, 123, 137,
 195, 424
 szeg- I 418
 szekrény III 413
 szél, széle, széles I
 436
 szem I 123, 400, III
 407
 szerda III 410
 szil I 414
 szív I 141, 401
 szivet I 401
 szomj, szomjaz- I 417
 szovjet III 410
 szó- I 436
 szőr I 411, III 407
 szú I 416
 szur- I 422
 szut, szuvat I 416
 szül I 415
 tábla III 412
 táltos I 437
 tanít- I 406
 tanul- I 406
 tanul-ni III 408
 tárgy III 413
 tat I 409
 tavaly I 413
 tavasz I 413
 tavat I 403
 te I 399
 tē- I 418
 téged I 399
 tégüz I 436
 tehén III 408
 tej I 436, III 408
 tél I 110, 120, 154,
 170, 175, 180, 413,
 III 407
 telet I 413
 tenger I 113
 ten-ni III 408
 tész- I 418
 tetű, tetvet I 415
 tev- I 116
 tēv- I 418
 téved- I 436
 ti I 398
 tigris III 413
 tinta III 412
 tíz III 408
 tó I 403
 -tól I 414
 toll I 116, 154, 400
 tolla I 154
 torok I 435
 tova I 399
 tó I 414, III 407
 -tól I 414
 tölgy I 176
 tövet I 414
 tud- I 139, 405
 tudni, tud-ni I 127,
 III 408
 túl I 399
 tüdő I 400
 tűz I 435
 új I 133, 421, III 407
 ujj I 400, 409
 unoka III 410
 úsz- I 406
 uszik I 161
 út, utat I 402
 uzsora III 412
 ül-ni III 408
 üt- I 140
 vad, vadon I 414
 vág- I 422

vaj I 130, 131, 143,
422
val- I 417
vál- I 419
váll I 130, 412, III
407
-valy I 413
vám III 408
vár III 408
vár- I 435
varjat, varjú I 404
varr, varr- I 155, 423

varr-ni III 408
vas I 405, III 407
vég I 420
veje I 401
vékony I 421
velő I 141, 412
vér I 116, 131, 157,
412, III 407
vért III 408
vés- I 422
vë-sz I 435
vesszó I 415
vë-tt I 435

vezet- I 405
vi- I 418
vigyáz- I 144, 417
visz- I 418
viv- I 418
víz I 115, 116, 133,
137, 204, 402, III
407
vol- I 417
vó I 401, III 407
vöcsök I 415
zseb III 409

САМОДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Ненецкий язык

āwka III 336

čibe I 401
číd'e I 401

hā I 407
hā- I 407
hāpt III 336
har I 408
hoj III 336
hūlā- I 406

χādI 403
χājel I 401
χajem- I 405
χājer' I 402
χājūpa- I 402
χāl'e I 404
χali I 405
χāmpa I 402
χapta- I 408
χaw' I 403
χi I 399
χoba I 403
χora I 401
χu- I 399
χū' I 399
χūna I 399
χūli I 404

jāmt'u III 336
jaχā I 403
jen I 409
ješe I 405
jib'e I 408
jitj I 401
ji' I 402
jilā- I 406
jil'e- I 405
jime I 408
jine I 409

ku- I 408

Lapše I 401
lāχnā- I 407
li I 400

māl't'e III 336
mañ I 399
mañe' I 399
māni I 401
marar̄ka I 403
māsā- I 406
meje I 402
mi- I 405
mīn- I 406
mis- I 405
mūd I 400

nādū I 401
nāwa I 404
ne I 401
neb'e I 402
nedako I 401
nemē I 402
nerī I 400
nerū I 403
ni I 407
nīb'e I 408
nimne I 407
nir' I 409
niše I 402
nodā- I 408
noχo I 404
num' I 407
ñum' I 402
ñuw- I 402
ηapt I 408
ηawe I 399
ηilna I 407
ηin I 408
ηod'e I 403
ηū I 409
ηu- I 406

ηū' I 402
ηutu' I 409

řā I 403
řa- I 400
řāl'e- I 406
panor- I 409
pařkal- I 409
parā- I 403
parače- I 403
pare' I 409
pareηo- I 409
pāewd'e I 408
pel'e I 407
pew I 403
pibt'i I 400
piče I 404
pid'e I 404
pīl'ū I 405
pire- I 408
pu- I 402
pūli I 400
purčā- I 407

rafše I 401

ša I 398
še I 401
šej I 401
šel I 401
sew I 400
šo I 400
šan III 336
štjet I 404
sūjū III 336

tā- I 406
tā' I 402
tače' I 409
tāki I 399
t'am' I 399
t'ār- I 406

te' I 400
ten- I 400
t'ɪ- I 406
tide' I 403
t'im- I 408
t'ɪwāk I 400
to I 400, 403
tu I 405, 409
tū I 403
t'ū I 409
t'ū- I 405
tumtā- I 405
tūññi I 409
tuś I 405

wā' I 408
wādā- I 405
warɲe I 404
wése I 405
wij I 401
wit I 402

Энецкий язык

eke I 399
eko I 399

inō I 399

johē- I 406
johi- I 406

kuoðesê I 409
kuorese' I 409

mi I 399
mona I 401

sesa I 403
sie I 398
sio I 398

tadda- I 406
tod'i I 399
tod'i' I 398
to'a- I 406
tudo I 408
tu'a- I 406
turo I 408

Пганасавский язык

mou I 402

sete I 399
seteɲ I 399

tēɲ I 398

Селькупский язык

ame I 399
aqsil III 336
añam III 337
ās- I 406

čem I 404

gott I 401

kašera I 405
kīs'ka I 402
kōm I 408
kor I 404
kūž I 400
kūž- I 400

ñeñe I 405
ñoma I 404
ñota- I 408

ñu- I 406
ñulgo I 404

pakta- I 406
palqoq I 404
peke I 404
piči I 409

qetfi I 408
qottā I 401
qum I 402
qup I 402

reñ III 336

söl'qup I 402
šila I 400
šū I 404

tan I 399
tat I 399
ti I 401
tu- I 408
tutj I 404

u- I 406

wentj I 404
wettj I 402

Камасинский язык

kamo I 403
ki I 403
kunzu I 408
kuru- I 404

pōdu I 404

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<p>Марийский язык (Е. П. Коведяева, Москва) 3</p> <p>Введение (§ 1—25) 3</p> <p>Фонетика (§ 26—35) 32</p> <p style="padding-left: 20px;">Общие сведения (§ 26) 32</p> <p style="padding-left: 20px;">Гласные (§ 27—30) 32</p> <p style="padding-left: 20px;">Согласные (§ 31—34) 36</p> <p style="padding-left: 20px;">Ударение (§ 35) 41</p> <p>Морфология (§ 36—87) 42</p> <p style="padding-left: 20px;">Общие сведения (§ 36) 42</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя существительное (§ 37—44) 43</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя прилагательное (§ 45—48) 50</p> <p style="padding-left: 20px;">Числительные (§ 49—55) 53</p> <p style="padding-left: 20px;">Местоимения (§ 56—62) 56</p> <p style="padding-left: 20px;">Глагол (§ 63—81) 61</p> <p style="padding-left: 20px;">Наречия (§ 82—83) 82</p> <p style="padding-left: 20px;">Служебные слова (§ 84—86) 84</p> <p style="padding-left: 20px;">Междометия (§ 87) 90</p> <p>Вопросы синтаксиса (§ 88—89) 90</p> <p>Лексика (§ 90—92) 93</p> <p>Литература 95</p> <p>Нерские языки (Т. П. Тепляшина, В. П. Лыткин, Москва) 97</p> <p>Введение (§ 1—37) 97</p> <p>Фонетика (§ 38—48) 131</p> <p style="padding-left: 20px;">Общие сведения (§ 38) 131</p> <p style="padding-left: 20px;">Гласные (§ 39—45) 131</p> <p style="padding-left: 20px;">Согласные (§ 46—48) 136</p> <p>Морфология (§ 49—94) 141</p> <p style="padding-left: 20px;">Общие сведения (§ 49) 141</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя существительное (§ 50—58) 141</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя прилагательное (§ 59—60) 154</p> <p style="padding-left: 20px;">Числительные (§ 61—65) 158</p> <p style="padding-left: 20px;">Местоимения (§ 66—75) 162</p> <p style="padding-left: 20px;">Глагол (§ 76—88) 172</p> <p style="padding-left: 20px;">Наречия (§ 89—90) 193</p> <p style="padding-left: 20px;">Служебные слова (§ 91—94) 197</p> <p>Вопросы синтаксиса (§ 95—104) 204</p> <p>Лексика (§ 105—122) 211</p> <p>Литература 226</p>	<p>Обско-угорские языки 229</p> <p>Введение (§ 1—16) 229</p> <p style="padding-left: 20px;">Мансийский язык (Е. П. Ромбандеева, Москва) (§ 1—8) 229</p> <p style="padding-left: 20px;">Хантыйский язык (Ю. П. Караулов, Москва) (§ 9—16) 239</p> <p>Фонетика обско-угорских языков (Э. Шал, Будапешт) (§ 17—40) 253</p> <p style="padding-left: 20px;">Общие сведения (§ 17—19) 253</p> <p style="padding-left: 20px;">Состав фонем в обско-угорских языках (§ 20—25) 255</p> <p style="padding-left: 20px;">Основные звуковые особенности обско-угорских диалектов, имеющих письменность (§ 26—31) 262</p> <p style="padding-left: 20px;">История обско-угорских гласных (§ 32—36) 268</p> <p style="padding-left: 20px;">История обско-угорских согласных (§ 37—40) 274</p> <p>Морфология обско-угорских языков (Я. Гуя, Будапешт) (§ 41—91) 277</p> <p style="padding-left: 20px;">Общие сведения (§ 41) 277</p> <p>Морфология мансийского языка (§ 42—91) 279</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя существительное (§ 42—52) 279</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя прилагательное (§ 53—55) 285</p> <p style="padding-left: 20px;">Числительные (§ 56—62) 286</p> <p style="padding-left: 20px;">Местоимения (§ 63—71) 290</p> <p style="padding-left: 20px;">Глагол (§ 72—87) 292</p> <p style="padding-left: 20px;">Наречия (§ 88—89) 303</p> <p style="padding-left: 20px;">Служебные слова (§ 90) 303</p> <p style="padding-left: 20px;">Междометия (§ 91) 303</p> <p>Морфология хантыйского языка (§ 92—138) 303</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя существительное (§ 92—103) 303</p> <p style="padding-left: 20px;">Имя прилагательное (§ 104—106) 312</p> <p style="padding-left: 20px;">Числительные (§ 107—112) 313</p> <p style="padding-left: 20px;">Местоимения (§ 113—118) 316</p> <p style="padding-left: 20px;">Глагол (§ 119—133) 320</p> <p style="padding-left: 20px;">Наречия (§ 134—136) 330</p> <p style="padding-left: 20px;">Служебные слова (§ 137) 331</p>
---	--

Междометия (§ 138)	332	Указатель слов	415
Лексика (Э. Шал, Будапешт) (§ 139—145)	332	Финно-угорские языки	415
Литература	339	Прибалтийско-финские языки	417
Венгерский язык (К. Е. Майтинская, Москва)	342	Финский язык	415
Введение (§ 1—66)	342	Карельский язык	419
Фонетика (§ 67—93)	373	Вепсский язык	420
Общие сведения (§ 67)	373	Ижорский язык	421
Гласные (§ 68—79)	374	Водский язык	422
Согласные (§ 80—91)	377	Эстонский язык	423
Различия звуковых явлений в диалектах (§ 92)	382	Ливский язык	426
Ударение (§ 93)	383	Саамский язык	427
Морфология (§ 94—145)	383	Мордовские языки	429
Общие сведения (§ 94)	383	Эрзянский язык	429
Имя существительное (§ 95—104)	384	Мокшанский язык	432
Имя прилагательное (§ 105—107)	389	Марийский язык	435
Числительные (§ 108—111)	390	Пермские языки	439
Местоимения (§ 112—119)	392	Удмуртский язык	439
Глагол (§ 120—138)	394	Коми(-эрыянский) язык	443
Наречия (§ 139—140)	402	Коми-пермяцкий язык	449
Служебные слова (§ 141—144)	403	Обско-угорские языки	445
Междометия (§ 145)	405	Хантыйский язык	449
Вопросы синтаксиса (§ 146—149)	405	Мансийский язык	453
Лексика (§ 150—164)	407	Венгерский язык	457
Литература	414	Самодийские языки	461
		Ненецкий язык	461
		Энецкий язык	462
		Нганасанский язык	462
		Селькупский язык	462
		Камасинский язык	462

Основа финно-угорского языковедения (марийский, пермские и угорские языки)

Утверждено к печати Институтом языковедения АН СССР

Редактор издательства Л. М. Гаврилова

Художник О. В. Камаев. Художественный редактор Т. П. Поленова

Технический редактор Е. Н. Евтянова. Корректор Л. И. Кириллова

Сдано в набор 3/IX 1975 г. Подписано к печати 19/I 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага № 2. Усл. печ. л. 29. Уч.-изд. л. 32,8. Тираж 2000. Тип. зак. 600.
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12